

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова

МАРТЬЯНОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК VIII

Сборник докладов и сообщений

(2012-2013)

МИНУСИНСК 2014

ББК 63,3 (253)
УДК 930-9

Мартьяновские краеведческие чтения (2012-2013 гг.). Вып. 8. Минусинск.
Типография «Печать плюс».

Ответственный за выпуск – Н.А. Голованенко

Редакционный совет:

Л.Н. Ермолаева, директор музея им. Н.М. Мартянова

В.Г. Чернышёва, зав. издательского отдела

Н.А. Голованенко, зам. директора

О.В. Войда, редактор

Дизайн, вёрстка, техническое редактирование:

О.В. Войда, редактор издательского отдела

Данный сборник является 8 выпуском докладов и сообщений, которые были представлены учёными, исследователями, краеведами, преподавателями, сотрудниками музеев и работниками библиотек на XXIII и XXIV Мартяновских чтениях в 2012 и 2013 гг.

В сборник вошло 114 сообщений и докладов, посвященных различным темам: истории Сибири, краеведению, музейному делу и археологии. Ряд докладов были посвящены памятным датам-135-летию со дня основания Минусинского музея им. Н.М. Мартянова и 135-летию научной библиотеки музея.

662608, г. Минусинск, ул. Ленина,60, тел./факс: 8 (39132) 2-22-97,
e-mail: martianov-muzey@mail.ru

© Минусинский региональный краеведческий
музей им. Н.М. Мартянова
© Типография «Печать плюс»

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. МУЗЕЙНАЯ СИБИРЬ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Высказывания о Мартьянове и о Минусинском музее.	8
Н.А. Голованенко. Дни памяти Н.М. Мартьянова – основателя Минусинского музея и Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский».....	12
Л.Н. Ермолаева. Мартьяновскому музею 135: история, современность.....	14
Л.Н. Ермолаева. И.М. Сибиряков и Минусинский музей.....	19
Л.И. Карнова. Твоё величество – библиотека.....	22
Е.В. Комлева. Вклад купцов в становление и развитие музейного дела в Сибири.....	25
Е.И. Кочкина. Красноярский городской музей в первый период установления советской власти в Сибири	29
С.С. Макарова. К вопросу о взаимодействии Минусинского музея и Абаканского Государственного Учительского института.....	33
А.А. Малицкая, А.С. Вдовин. Тугаринов А.Я. и музейное дело в Сибири.....	35
С.Г. Плеханова. Экспозиционная деятельность музеев Сибири и Дальнего Востока в 1920-е годы.....	37
Т.И. Рябчевская. Ачинскому музею – 125 лет.....	41
Т.Ю. Сергиенко. Музеи Туруханского района: из XX в XXI век.....	46
Е.Ю. Сидорина. Минусинский Мартьяновский музей в начале XX века (по архивным источникам и печатным изданиям).....	50
Харченко Г.Т., Гусева Г.Д. История Центральной библиотеки города Минусинска: 85 лет со дня основания.....	54

2. МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И СОБРАНИЯ БИБЛИОТЕК

Л.К.-О. Базыр. Тувинские национальные женские и мужские украшения.....	57
Е.В. Байкалова. Советская эпоха, стиль, мода (коллекция одежды в собраниях Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова).....	59
С.И. Горбачёва. Реорганизация научного архива Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова.....	61
Н.С. Заиченко. Личная коллекция новокузнецкого поэта Н. Николаевского.....	63
Ч.А-С. Монгуш. О коллекции стелария Национального музея Республики Тыва.....	66
М.В. Москвитина. Художник исторического жанра Г.С. Хлебников в коллекциях Минусинского музея (к 90-летию со дня рождения).....	70
Л.П. Сапрыкина. Выставка одного предмета: к 100-летию приезда Ф. Нансена в Красноярск.....	71
Е.Ю. Сидорина. Частные коллекции книг в собрании научной библиотеки музея.....	74

Е.Ю. Сидорина. Фонд редкой книги научной библиотеки Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова.....	78
Е.Ю. Сидорина, Л.А. Кудельская. Научные труды Н.Ф. Катанова в собрании научной библиотеки Минусинского музея.....	79

3. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ И БИБЛИОТЕК. ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Е.В. Бурцева. Деятельность Регионального центра по работе с книжными памятниками по выявлению редких фондов в музеях Красноярского края.....	85
З.Н. Гудкина. Совместная деятельность Музея сибирских писателей и библиотеки гимназии №10	89
Гусева Г.Д. Профессиональные туры в библиотеки Европы и России.....	92
Дорохина А.А., Ануфриева Е.И., Пахомова Т.А., Кочкина Е.И. Проект музея-заповедника «Шалаболинская писаница».....	96
Е.М. Катина. «Дети Саян и культурное наследие» – проектная деятельность музея.....	97
Н. Х-О. Наныкпан. Роль Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Тыва в возрождении, сохранении и развитии традиционной народной культуры тувинцев.....	100
И.И. Негодина. Проект музея Декабристов «Петербургские сады в Минусинске».....	103
Л.Н. Новожилова. Экологическое направление в работе Минусинского музея. «День Енисея».....	106
А.С. Первойкин. Школьный музей им. В.Д. Черникова. Из опыта работы. Нужны ли сегодня музеи?.....	109
Ч.В. Сарыглар. Сохранение культурного наследия с помощью мультимедийных технологий.....	111
Е.Д. Трухан. Особенности проведения экскурсий в образно-сюжетной экспозиции: на примере Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского.....	113
Г.А. Тюренкова. Рекреационные возможности архитектурно-этнографического комплекса «Новая деревня» музея-заповедника «Шушенское».....	117
В.Г. Чернышёва. Участие Минусинского музея в проекте по инвентаризации и паспортизации объектов культурного наследия, расположенных на территории Красноярского края.....	120
Л.М. Чернявская. Музей археологии им. Е.С. Аннинского.....	122

РАЗДЕЛ II. МУЗЕЙНАЯ СИБИРЬ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Е.И. Кочкина. Современное состояние, проблемы охраны и музеефикации писаницы «Ленкова гора».....	125
Д. Потылицына. Факторы воздействия и некоторые подходы к сохранению петроглифов сопки Улазская.....	127
Д.К. Тулуш. Опыт использования спутниковых снимков в изучении фортификационных памятников Тувы (по материалам полевого сезона 2013 г.).....	129

2. СИБИРЬ XVIII – XIX ВЕКОВ

Н.И. Гаврилова. Традиции благотворительной деятельности иркутян XVIII – начала XX вв. как элемент формирования исторической памяти жителей города.....	132
В.В. Ермилова, И.Г. Гмелин. О своём путешествии по югу Сибири в 1739 году.....	137
Т.А. Кискидосова. Эволюция городского костюма России во втор. пол. XIX – нач. XX веков.	

(по материалам Енисейской губернии).....	140
Т.С. Комарова. Иной век, иная жизнь, иное бытие (сибирская повседневность на примере Красноярска XIX в.).....	144
Т. Кузьмина. Становление музыкально-театрального искусства на юге Енисейской губернии.....	146
Е.В. Леонтьев. Миграция и расселение крестьян Минусинского округа (уезда) в кон. XIX – нач. XX веков.....	149
Е.В. Леонтьев. К изучению усадеб енисейских крестьян в начале XIX в.....	152
Е.В. Леонтьев. Купцы города Минусинска по материалам ревизий и исповедных.....	156
О.В. Пилипенко. Из истории рекрутской службы шушенских крестьян (к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года).....	160
Н.А. Старухин. Источники по истории минусинских («австрийских») окружных и неокружных обществ (1880–1900-е гг.).....	163
А.В. Старцев. Организация русской торговли в Монголии во втор. пол. XIX – нач. XX веков.....	167
Л.П. Чащина. Отечественная война 1812 г. в документах архива г. Минусинска.....	177

3. СИБИРЬ XX – XXI ВЕКОВ

Н.Я. Артамонова. Вклад братьев П.А. и А.А. Кропоткиных в научное изучение Сибири.....	179
Т.Е. Верещагина. Вхождение Тувы в состав России на правах протектората.....	183
А.О. Дыртык-оол. Развитие клубных учреждений в Тувинской АССР (1961 – 1991 гг.).....	187
Ю.О. Комарова. Политика переселения крестьян в Сибирь во втор. пол. XIX – нач. XX вв. (по материалам Шушенской волости).....	190
И.Н. Трошкина. Здравоохранение в Хакасии в XX – нач. XXI веков.....	193
Г.М. Шапошников. Становление и развитие аграрного сектора Бейского района.....	199
А.П. Шекшеев. Первая революционная власть в Минусинском уезде (март – июнь 1917 г.).....	203
А.П. Шекшеев. «Дубинная война» минусинских крестьян: историографический аспект.....	216
А.П. Шекшеев. Минусинская Сибирь в 1920-е годы: поиск и отстаивание веры.....	223

4. ЯЗЫК. ТРАДИЦИИ. ОБРЯДЫ

В.С. Кан. Особенности развития национальной модели средств массовой информации (на примере Республики Тыва).....	234
Г.А. Килижекова. Коммуникативно-прагматический потенциал паремий в региональных СМИ.....	236
Н.А. Сухова. Песня в традиционном свадебном обряде Сибири (по материалам экспедиций сотрудников музея-заповедника «Шушенское» и литературным источникам).....	239
Л.Ч. Хойлаарак. Этноэкологический аспект в освещении древнейшей истории Республики Тыва.....	242

РАЗДЕЛ III. КРАЕВЕДЕНИЕ

1. ИСТОРИЯ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ

Т.М. Кикилова. Страницы истории села Ермаковского.....	245
В.Ф. Сёмочкина, И. Белов, А. Солодовников. История села Пойлово.....	248
Л.П. Чащина. Архивные документы о строительстве Минусинской Спасской церкви (1801-1805 гг.).....	252

2. СОБЫТИЯ И ОБЩЕСТВО

К.Д. Дитковская, А.С. Хромых. К истории Минусинской тюремной церкви.....	254
А.Е. Калюга. Дорожная отрасль Курагинского района.....	256
Н.П. Леонтьева. Минусинск деревянный (к вопросу сохранения памятников архитектуры и градостроительства).....	258
В.К. Лушников. Повседневная жизнь учащихся школ Хакасской автономной области и южных районов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны.....	261
В.К. Лушников. Культурная жизнь населения юга Красноярского края в годы Великой Отечественной войны.....	265
Н.А. Одинцова, Н.А. Вайс. Абаканский железодельный завод.....	269
О.Е. Орлова-Перминова. Поиск и исследование пещер Красноярского края.....	272
А.С. Перевойкин. Большевичкинское общество потребителей в 1930-е годы.....	273
Е.Е. Потехина. Помнить – значит жить. (По воспоминаниям детей репрессированных).....	274
В.Ф. Сёмочкина. Шалоболинская Свято-Троицкая церковь в истории Енисейской епархии.....	277
Е.В. Ткачева. Спортивная слава Минусинского сельскохозяйственного колледжа.....	281
Е.А. Симонова. Минусинские первооткрыватели.....	283
С.С. Тулуш. Первый детский сад в Тыве.....	285
И.Г. Фёдоров. Гагаринский кубометр бетона.....	287
О.В. Фенцель. Региональное краеведение Республики Тува в контексте современности.....	291
В.В. Филиппов. Первый самолёт в Минусинске (к 80-летию авиации Красноярского края).....	295
В.В. Филиппов. Роль Красноярского аэропорта ГВФ в организации перегона авиационной техники из Красноярска на фронт в 1942-1945 гг. (к 70-летию Красноярской воздушной трассы «Аляска-Сибирь»).....	299

3. ПЕДАГОГИКА И КРАЕВЕДЕНИЕ

Н.А. Родионова. Формирование ценностных ориентаций у обучающихся через изучение национального костюма (по материалам Минусинского музея).....	305
А.В. Селина, Т.В. Кондратюк. Использование компонентов музейной среды в образовательном процессе начальной школы.....	307
Н.Я. Чебоксарова. Применение материала по культуре и истории Красноярского края на уроках и во внеурочной деятельности в школе VIII вида.....	308

4. ВОСПОМИНАНИЯ

А.П. Борисова. Вятские сибиряки.....	310
Т.С. Комарова. О жизни мещан г. Красноярска в 1860-1880 годах. (по воспоминаниям Е.А. Красноженовой).....	312
Ю.К. Махно. Первая полная средняя школа города Абакана.....	322
М.Т. Мурзаева. Воспоминания о работе в музее им. Н.М. Мартыанова.....	326

РАЗДЕЛ IV. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

А.Я. Березовский. Александр Яковлевич Булынников и Кузнецкий Алатау.....	335
---	-----

А.Я. Березовский. Владимир Афанасьевич Обручев на руднике «Богом дарованный».....	337
А.А. Дорохина, Е.И. Кочкина, Т.А. Пахомова, А.С. Вдовин. Русский след барона де Бая.....	339
В.В. Ермилова. «Я ученик у жизни и у людей» (о судьбе ветерана журналистики Хакасии и Красноярского края А.А. Шадрина).....	341
Л.Я. Зверева. Музей природы в п. Танзыбей Ермаковского района.....	343
М.В. Злобин. Ратный путь декабриста Краснокутского.....	345
Т.С. Комарова. Композитор В.И. Ребиков.....	348
Л. Кривченко, А.Н. Тимофеев. Елизавета, третья дочь атамана Семёнова.....	350
О.А. Лукахина. Жизнь и судьба Льва Алексеевича Нюхалова.....	352
Н.И. Лыткин. Семья Костюшиных и Лыткиных.....	354
Ю.К. Махно. Духовно-нравственные искания православного инородца Николая Фёдоровича Катанова.....	358
Ю.А. Орешкова. Семён Константинович Добров: 100 лет со дня рождения.....	362
В.С. Пилипенко. Иван Прохорович Бедро – основоположник садоводства Сталинска.....	364
В.С. Пилипенко. Главный инженер Кузнецкстроя.....	365
А.В. Сайлер. Легенда Минусинского театра (о Н.К. Гудзенко).....	367
В.Ф. Сёмочкина. Жизнь как подвиг веры.....	369
Н.Н. Скоробогатова. Войцеховские и Минусинск (по воспоминаниям М. Войцеховской).....	373
Н.Н. Скоробогатова. Кистории одного поиска.....	377
А.Н. Тимофеев. Тялшинский Алексей Никанорович – атаман Енисейского казачьего войска и Енисейской зарубежной казачьей станицы в г. Харбине (реконструкция биографии).....	380
Е.Д. Трухан. Письмо М.Д. Исаевой от 4 июня 1855 г. в эпистолярном наследии Ф.М. Достоевского.....	383
А.П. Шекшеев. Александр Петрович Спундэ: штрихи к портрету революционера, государственного деятеля и человека.....	388
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	395
СПИСОК АВТОРОВ	396

РАЗДЕЛ I.

МУЗЕЙНАЯ СИБИРЬ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ.

Высказывания о Н.М. Мартьянове и о Минусинском музее

«Теперь Сибирь моя дорогая родина. Я стремился в неё ещё тогда, когда только сознательно начал применять свою страсть к собиранию естественно-исторических коллекций. В Сибири с самого моего приезда, даже по дороге в Минусинск, я нашёл искренних друзей, в Сибири мне дали возможность осуществить идею о местном музее и устроить идею мою в таком виде, о каком я мечтал чуть ли не с детства. Для Сибири я посвящу всё своё свободное время, остающееся от трудов для насущного хлеба и вполне буду вознаграждён, если собранные мною материалы послужат на пользу этой прекрасной стране хотя бы и в далёком будущем».

Н.М. Мартьянов. 1882 г. Научная библиотека Томского госуниверситета. Архив Г.Н. Потанина. № 499-2.

«Как действительный член Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете и член-сотрудник С.Петербургского Общества естествоиспытателей, я... поставил себе... задачей выполнение одного из важнейших пунктов Устава, именно: распространение естественно-исторических знаний. С этой целью я в прошедшем 1876 году положил основание общественного музея, представив на первое время, собранные мною коллекции и некоторые другие предметы, как учебные пособия в пользование Минусинского училища, ... Я нахожу вполне своевременным сделать настоящее заявление Минусинской Городской Думе и почтительнейше прошу принять некоторые условия, гарантирующие упрочение и официальное положение музея... 2) Музей должен именоваться «Минусинский Публичный местный музей».

Н.М. Мартьянов. 10 января 1877 г. МУ АГМ. Ф.73. О.1. Д.19. Л.1.

«Я сумел задеть живую струну большинства минусинских граждан, действуя на их самолюбие, и заинтересовывал их. Так что со временем, даже в близком будущем они извлекут материальную выгоду из этого учреждения».

Н.М. Мартьянов. 1880 г. АМКМ. О.1. Д.10.

«Основание Минусинского музея... – превосходный образчик того, что может сделать, чего может добиться от окружающего общества даже какой-нибудь один человек, причём лишенный материальных средств...».

Томские губернские ведомости. – Томск, 1882. – № 42. – ст.812.

«... Создать музей в Минусинске может многим показаться фантазией: но... если б внизу, по всей широкой Руси, в каждом городе нашёлся бы подобный фантазер – как бы было это хорошо и полезно...»

Модест Богданов. – Восточное обозрение. 1883. – № 13, с.3

«Музей не имеет почти никаких постоянных денежных средств, но дело ведётся с такой любовью и энергией, скажу даже самопожертвованием, со стороны членов Комитета музея, что ему удаётся сделать более чем какому-либо иному более богатому и самостоятельному учреждению; собирая коллекции, сведения и известия о местных древностях и их местонахождениях, озабочиваясь постройкой здания для музея и его постоянным научным обогащением, члены Ко-

митета находят время, возможность и средства на издание столь обстоятельного труда, как «Древности Минусинского музея»...».

Графиня Уварова. Губернские и областные музеи. Известия Императорского Московского Археологического Общества. Москва, 1887 г.

«Я почитаю себя вполне счастливым, что, по милости Бога и добрых людей, наш город будет иметь собственный дом для Музея и библиотеки, польза которых с достаточной ясностью уже успела сказаться на истёкшее десятилетие».

Городской Голова Г.П. Сафьянов, 17 мая 1887 г. (Кон, 88).

«От всей души поздравляю Вас с ежегодной субсидией Музею Вашему; Эта субсидия что-то сказочное и фантастическое, хотя она как нельзя кстати, и сказочной кажется потому, что разумные требования редко исполняются жизнью. Теперь Ваш музей... может назваться маленьким университетом, каким его считали ещё раньше!»

К. Горощенко. 3 февраля 1900 г. АМКМ. О.1, д.87, л.10-11.

«Единственная достопримечательность – Минусинский публичный музей, и в этом отношении Минусинск стоит впереди великого множества российских городов. Музей же составляет непомерную гордость его жителей и оружие, коим они парируют все нападки на их город...»
Всероссийский журнал «Вокруг света», 1900 г.

«...первое правило Мартьянова – «пользоваться всяким человеком, обнаруживающим склонность быть полезным музеем»; второе – «пользуясь всеми, быть полезным всем»; и третье – «не спать со своими коллекциями», а посылать их специалистам для определения, и, наконец, четвёртое – «брать и составлять всякие коллекции, какие можно».

Д.А. Клеменц. Русский антропологический журнал. – М., 1902, № 1. С.60.

«Собирая коллекции, устранивая и систематизируя их при помощи специалистов, сам Мартьянов не занимается научной разработкой собранного материала, не считая себя к этому достаточно подготовленным и вообще не чувствуя расположения к этого рода работе... Но объём сделанного Мартьяновым настолько велик, что вызывает невольное изумление и уважение к этому выдающемуся, бескорыстному труженику науки».

А.В. Адрианов. Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1903. Т. IV. Вып. 2. С.141.

«Мартьянов, заведующий музеем, поступал, как Мартьянов, основатель музея: неутомимо работая сам, он заражал других и достигаемыми результатами умел заинтересовать общество, которое всегда являлось на помощь музею для выполнения задач, требующих значительных средств. И история музея есть история непрерывного роста: умножаются коллекции, расширяются помещения, увеличиваются средства, растут, наконец, известность и слава музея»

А. Лурия. Журнал «Землеведение». Т.IX. Кн. II–III, 1902. С.137–138.

«... если бы Николай Михайлович не приехал в Минусинск 28 лет тому назад и не сделал его второй родиной, то Минусинский музей, вызвавший, ... подражание в виде открытия в Сибири нескольких других городских музеев, для которых создание Николая Михайловича пока служит недостижимым образцом...; если бы Н.М. не был человеком в высшей степени одарённым, отличающимся изумительной трудовой способностью и крупным организаторским талантом, если бы Н.М. не был личностью, при соприкосновении с которым в людях возникают горячие симпатии к самому Н.М. и полная готовность помочь хотя чем-нибудь тому делу, которое составляет «дело жизни» Н.М., если бы основатель музея не умел группировать возле себя подготовленных и образованных людей..., то Минусинский музей не был бы таким замечательным

и популярным учреждением, каким мы все его знаем. Вполне сознавая заслуги Н.М. Мартьянова, Распорядительный Комитет Подъотдела постановил назвать имевший быть образованным подпискою капитал музея капиталом Н.М.Мартьянова.»

В.Ю. Григорьев, Президент Красноярского подотдела ВСО ИРГО. Известия Красноярского подотдела ВСО ИРГО. Красноярск, 1902, Том 1, вып.1У, с.8-9

«В далёком от культурных центров краю он был первым лучом солнца – солнца правды и истины. Он был первым светильником, разливавшим повсюду яркий свет знаний. Всею свою жизнь он вёл борьбу с темнотой и невежеством, всю свою жизнь воздвигал для истины, науки, просвещения несокрушимую крепость, надёжный оплот. Длинные ряды поколений будут пользоваться этой крепостью, чтобы, как и он, бороться за свет и истину, разгонять духовную темноту и невежество...»

А.А. Ярилов. На память о создателе Минусинского музея Николае Михайловиче Мартьянове. Г. Юрьев, 1906, с.4.

«Вторым и самым дорогим детищем Николая Михайловича, делом всей его жизни, был прославивший его и Минусинск музей... Вот почему и на завещанную нам Николаем Михайловичем библиотеку и на музей мы должны приучиться смотреть как на лучшее свое богатство, как на самое важное наследство, которое достанется нашим детям и внукам. Всеми силами должны мы оберегать это наше наследство и способствовать тому, чтобы оно росло и крепло. Чем больше мы будем научиться пользоваться им, тем больше будет возрастать его культурная ценность. Верный заветам своего творца музей постарается сделать всё, что в его силах, чтобы облегчить путь к нему всем ищущим помощи и совета ...».

А.А. Ярилов. На память о создателе Минусинского музея Николае Михайловиче Мартьянове. Г. Юрьев, 1906, с. 24, 31.

«... в отношении к завещанному нам Николаем Михайловичем сокровищу не забудем своей обязанности сохранить и сделать её возможно более доступной и плодотворной для возможно большого числа людей. Это будет лучшим выражением нашей благодарности покойному и лучшим доказательством того, что мы достойны великого наследства и умеем это наследство ценить надлежащим образом».

А.А. Ярилов. 1905 г. На память о создателе Минусинского музея Николае Михайловиче Мартьянове. Юрьев, 1906. С.16.

«И невольно вспоминается имя незабвенного Ник.Мих. Мартьянова: он, как мифический пришелец, из другой страны, полубог Греции, вызвал к жизни целую сеть местных музеев в Сибири. Созданный Н.М. Мартьяновым Минусинский местный музей послужил образцом для других местных музеев, объединил образованных сибиряков на живом реальном деле, полном не одного только научного интереса. Составляя выдающееся явление сибирской жизни, Минусинский музей, как и другие местные музеи, он объединяет силы для выяснения этого самосознания, он способствует выяснению местных интересов».

Д.Е. Лаппо, этнограф. 12 февраля 1909 г. Известия КПО ВАСО ИРГО. Т.П, в.5. Красноярск, 1909 г.

«Несомненно, немалую роль сыграл и пример Минусинского музея. Его блестящее развитие под руководством Н.М. Мартьянова дало толчок к пониманию задач и роли музеев вообще и значения для местного края в частности».

А.Я. Тугаринов. 1914 г. Двадцатилетие Красноярского городского музея. 1889-1914 гг.

«Минусинский музей может сделать честь столице любого европейского государства».

Участники Международного геологического конгресса. 1937 г.

«В жизни политических ссыльных музеев Н.М. Мартьянова играл большую роль – это было место, куда непременно заглядывал каждый из них. Сам Мартьянов – человек разносторонних взглядов, был истинным другом ссыльных революционеров».

Ленин В.И. Биография. – М., 1960, с.57.

«Писатели, участники декады «Енисейские встречи», сердечно благодарны всем минусинцам, создавшим и бережно хранящим историю юга края, дела его людей в музее им. Н.М. Мартьянова. Чудесный музей! Это один из лучших краеведческих музеев!».

Сартаков, Пухначев, Марков, Петресон, Чмыхало. 6.08.1972 г.

«Невольно гордишься людьми – достойными наследниками Н.М. Мартьянова, столь умело и чутко умеющими рассказывать о духовном богатстве Сибири. Откровенно говоря, мы надеялись увидеть в Сибири многое, но столкновение с просветителями России во много раз переросло наши ожидания. Счастливого плавания Вам, люди – дочери и сыновья народа русского. То, что мы увидели, глубоко запало в наши души, в наши сердца...».

Работники Литовской киностудии. 19.06.1973 г.

«Желаем успехов в добром деле продолжения начинаний Н.М. Мартьянова – в строительстве богатого по фондам и экспозициям музея, который бы ещё выше поднял значение и славу юга Красноярского края».

Ю.С. Мелентьев, министр культуры РСФСР. 1 декабря 1976 г.

«...Это чудо! В таком, сравнительно небольшом городке и такой крупнейший музей, по своему оформлению и собранию, не уступающий крупным музеям страны».

В.И. Серов, полковник в отставке. г. Горячий Ключ, Краснодарский край. 14.08.1977 г.

«Замечательный музей, достойный замечательного края, о котором он рассказывает...».

Тимур Гайдар. 29.08.1977 г.

«...Музей пополнился ценными экспонатами и я очень довольна, что здесь чтут память Николая Михайловича».

И.А. Вавилова-Гарневич, г. Москва. 23.07.1982 г.

«Музей просто замечательный. Мы его помним по 1965-1970 годам и ожидали интересные экспозиции. Однако действительность превзошла все ожидания. Музей смело можно поставить в ряд лучших музеев страны».

Семья Кошелевых, г. Переславль-Залесский. 23.08.1983 г.

«Мне посчастливилось побывать во многих музеях Украины, РСФСР, НРБ. Но скажу откровенно, что поражён богатством Минусинского краеведческого музея. Ваш музей наяву открыл неисчерпаемые богатства Сибири, Минусинского края. Огромное спасибо основателю музея Н.М. Мартьянову, продолжателям его славного дела, сотрудникам музея, которые так бережно хранят бесценные реликвии истории края, умело пропагандируют их, воспитывают любовь к Сибири».

А. Рыбалко, г. Сумы Украина. 08.06.1985 г.

«Придать Мартьяновским чтениям общесибирский характер, закрепить их ежегодное проведение как составную часть работы Минусинского музея».

Рекомендации юбилейных Мартьяновских чтений 1994 г., подписали д.и.н., академик АЕН РФ, профессор **А.И. Мартынов** (Кемерово), д.и.н. **И.Л. Кызласов** (Москва), д.и.н. **Н.М. Пирумова** (Москва Институт Отечественной истории РАН).

«С большим удовольствием и интересом на протяжении 40 лет, почти ежегодно, посещаю этот замечательный музей... музей Мартьянова не уступает по своей значимости экспонатам всем другим музеям... Храните нашу историю и культуру. Кто не бывал у Вас – намного духовно беднее...».

Т. Белобородова, представитель американской компании Г. Интер. 05.07.1996 г.

«Владимир Алексеевич был таким деятелем культуры, музейного дела и истории Хакасско-Минусинской котловины и руководителем замечательного всемирно известного музея, который должен был прийти на эту миссию».

В.Е. Майнагашева, к.ф.н., фольклорист Хакасии, член Союза писателей России. 18.08.1999 г.

«Мы ... приехали из далёкого северного сибирского города специально в Ваш город: посмотреть все экспозиции Вашего музея.... Мы очарованы, восхищены, удивлены..., в общем, пережили и переживаем до сих пор бурю эмоций. Не зря Ваш музей славится не только в Сибири, но и по всей России. Спасибо Вам за радушный приём! Терпения Вам, всем сотрудникам музея, и благоденствия Вашему музею!»

Стасенко Л.В., Куркин А.А. г. Усть-Илимск Иркутской области. 13.08.2008 г.

«Милый Николай Михайлович! Спасибо Вам за создание великолепного музея. Если бы Вы знали, сколько людей собираете! Вы нам оставили столько знаний, столько светлых воспоминаний. Посещая музей, уверена, что люди улучшают себя, делаются добрее. Спасибо, спасибо, спасибо!!! Мы помним Вас и будем помнить!..»

Пенсионерка г. Красноярск. 7.09.2008 г.

«Вот ещё один музей покорила! Очень большой и интересный. Познакомилась с историей создания Вашего города. Давно хотела узнать о нём побольше и посетить его. Как хорошо, что был такой человек как Мартьянов, который сохранил для нас историю.»

Козлова. г. Иркутск. 28.07.2011 г.

«Наша маленькая экспедиция движется по Енисейскому меридиану, открывая для себя всё новые удивительные места и проникаясь ощущением древности истории. Минусинск важная остановка на нашем пути, музей подарил нам ощущения важности, если не бесценности трудов многих поколений, вложенных в Сибирскую землю...».

Ольга Вендина, Москва Институт Географии РАН. **Дмитрий Козлов**, Москва РГО.

Н.А. Голованенко,
г. Минусинск

Дни памяти Н.М. Мартьянова – основателя Минусинского музея и Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский»

Минусинский музей за всю свою славную историю не раз принимал участие в различных конкурсах. И не однажды побеждал, доказывая раз за разом, что уникальные коллекции музея, неординарность людей, собравших их, достойна высокой оценки. Одной из последних серьёзных побед для музея стало получение золотой медали и звания «Музей Евразии-2008» в номинации «Муниципальные музеи» в рамках Международного открытого конкурса, проводимого газ. «Уральский музей» (г. Екатеринбург) в 2008 году.

Сотрудники Минусинского музея в 2011 г. приняли решение участвовать в большом конкурсе – Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский».

Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский» является открытым творческим конкурсом. Она призвана поддержать интерес соотечественников к истории своей Родины, к лучшим музейным мемориальным проектам и литературным произведениям, посвящённым героям истории нашей страны и их деяниям во славу Отечества.

Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский» ставила перед собой следующие задачи:

- повышение интереса к отечественной истории, содействие сохранению исторического наследия России;
- сохранение памяти о героях истории нашего Отечества, чьи ратные дела и духовный подвиг стали образцом выполнения своего долга и примером бескорыстной преданности Отчизне, а талант и свершения оказали особое влияние на общественную жизнь, культуру, науку и историю России;
- содействие объективной оценке значения и роли исторических личностей в судьбе нашей Родины;
- общественная поддержка подвижнического труда и таланта авторов и авторских коллективов, посвятивших свою деятельность сохранению памяти о выдающихся соотечественниках;
- популяризация общественно значимых проектов музейных работников и книг писателей-историков.

В рамках Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» проводилось два открытых творческих конкурса: литературных исторических произведений и музейных мемориальных проектов. Правом предоставления проектов на конкурс обладают частные лица, музеи, профессиональные ассоциации и союзы и другие организации, связанные с музейной деятельностью.

На конкурс представлялись заявки, в которых на соискание Премии выдвигались музейные работники (творческая группа), чья деятельность направлена на сохранение памяти об исторических личностях, явивших своей жизнью пример истинного патриотизма и бескорыстной преданности Родине, чьи ратные дела и духовный подвиг стали образцом выполнения долга, а деяния оказали особое влияние на общественную жизнь, науку, культуру и историю России с древних времен до 1945 года включительно.

Минусинский музей представил свой проект, который живет вот уже более 20 лет. Начало ему было положено ещё в 1904 г. 5 декабря Комитетом музея в память об основателе Минусинского публичного местного музея Николае Михайловиче Мартьянове. Проект, представленный мартьяновцами, – это «Дни памяти Н.М. Мартьянова». История проекта: в 1989 г. музей впервые провел 13 декабря День памяти основателя музея Н.М. Мартьянова, была отслужена панихида в Спасском соборе, а с 1990 г. в рамках Дней памяти музей впервые провёл Мартьяновские краеведческие чтения. Дни памяти были начаты директором музея В.А. Ковалёвым, продолжены Л.Н. Ермолаевой. В 2011 г. чтениям уже 22 года. На протяжении всех этих лет ежегодно в декабре для минусинцев, гостей города, участников краеведческих чтений проводятся экскурсии о Н.М. Мартьянове, о его коллекциях и исследованиях, минусинцы приглашаются музейными на Возложение цветов к памятнику, на панихиду в Спасском соборе и посещение могилы Н.М. Мартьянова. К Дням памяти в музее открываются новые выставочные проекты как символ продолжения дела основателя.

К проекту были представлены архивные документы, отразившие темы краеведческих чтений, афиши, мероприятий Дней памяти, начиная с начала его проведения – с 1989 г. и до настоящего времени.

Всего участниками конкурса в 2011 г. стали 75 музеев, среди них Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник Республика Беларусь, Витебская обл., г. Полоцк, Мемориальный музей «Разночинный Петербург», г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет культуры, г. Санкт-Петербург, Музей истории МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Дом-музей В.В. Вересаева, г. Тула, Государственный литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, г. Санкт-Петербург и мн. другие. Из Красноярского края Минусинский музей стал единственным участником конкурса и память мартьяновцев о Николае Михайловиче Мартьянове не оставила организаторов конкурса равнодушными – проект «Дни памяти основателя Минусинского музея Н.М. Мартьянова» вошёл в число 20 дипломантов конкурса и был удостоен дипломом «За вклад в дело сохранения исторического наследия России и памяти о её героях, высокую духовную и гражданскую позицию».

В 2012 г. Минусинский музей вновь принял участие во Всероссийском конкурсе историко-

литературной премии «Александр Невский» представив проект «Дни памяти основателя музея Николая Михайловича Мартьянова».

В 2012 г., из числа 62 участников, представивших музейные мемориальные проекты, Минусинский музей наряду с такими учреждениями как Соловецкий Морской музей (остров Большой Соловецкий, пос. Соловецкий), Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург), Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (Республика Беларусь, г. Полоцк), Красноярский краевой краеведческий музей (г. Красноярск), Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (г. Владимир), Саратовский областной музей краеведения (г. Саратов) вошёл в число 9 лауреатов.

По заключению экспертной комиссии конкурса Минусинский музей стал обладателем специальной премии «Хранители». Премия была вручена за увековечивание наследия родного края, представляющего в деяниях исторических личностей, внесших значительный вклад в его развитие, а также за сохранение памяти о видных музейных деятелях и меценатах, посвятивших свою жизнь делу сохранения культурного и исторического наследия России.

Сегодня уже дана оценка тому бескорыстному подвигу образованного просвещённого человека, который добровольно оставил столичные города ради идеи создания музея. Он уехал в далекий, никому тогда неизвестный Минусинск, где благодаря своему умению увлечь людей благородной идеей, сумел создать нечто уникальное, а именно-Минусинский музей. Так Мартьянов стал не просто основателем одного музея, но и родоначальником сибирской музейной школы. Это ли не пример истинного патриотизма и бескорыстной преданности Родине, образец выполнения долга настоящего гражданина своей страны!

12 сентября 2012 г. директор Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, Заслуженный работник культуры РФ Л.Н. Ермолаева и начальник отдела культуры администрации г. Минусинска И.С. Вдонина приняли участие в Торжественной церемонии награждения лауреатов конкурса. Также Минусинским музеем на вручение премии была приглашена правнучка Н.М. Мартьянова – Л.И. Михайлова (Мартьянова), проживающая в настоящий момент в г. Санкт-Петербурге...

Сегодня на одной из старинных стен зданий Мартьяновского музея можно увидеть золотой диплом, подтверждающий то, что, как и прежде, музейне-мартьяновцы свято чтят и сохраняют память о замечательном человеке, волей судьбы оказавшимся в далёкой Сибири, и, основавшим необыкновенное чудо, чудо Сибири – Мартьяновский музей...

2012

Л.Н. Ермолаева,
г. Минусинск

Мартьяновскому музею 135: история, современность

В 2012 году Мартьяновскому музею исполнилось 135 лет.

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова – первый публичный музей в Енисейской губернии (ныне Красноярский край). Основан музей в 1877 г. Н.М. Мартьяновым. При нём в 1878 г. была открыта библиотека. Музей им. Н.М. Мартьянова первый музей в бывшей Енисейской губернии. По его примеру в XIX в. создавались музеи в Енисейске, Красноярске, Якутске, Нерчинске и других сибирских городах. В перв. пол. XX в. при участии Минусинского музея были открыты музеи в Кызыле, Шушенском, Абакане. В 2012 г. музей подготовил экспозицию «Музейная Сибирь», в котором приняли участие сибирские музеи.

В разные годы с музеем сотрудничали учёные: географы – П.П. Семёнов-Тян-Шанский, В.А. Обручев; путешественник Г.Н. Потанин; исследователи Сибири – Н.М. Ядринцев, А.А. Ярилов; тюркологи – В.В. Радлов, Н.Ф. Катанов, И.В. Кормушин; ботаник П.Н. Крылов; геолог И.Д. Черский; археологи – И.Т. Савенков, С.Н. Киселёв, В.П. Левашова, Л.Р. Кызласов, И.Л. Кызласов, М.А. Дэвлет, Э.Б. Вадецкая; этнограф – В.Я. Бутанаев; историки – В.Н. Тугужекова, Г.Ф. Быконя;

востоковеды – И.Г. Аспелин, Ташива Осава; первый дешифровщик древних рун В. Томсен и др.

Музей и сегодня, как и в прежние годы, сотрудничает с научными учреждениями России и тому подтверждение наши Мартьяновские чтения, в которых принимают участие учёные сибирского федерального округа – Новосибирска, Красноярска, Абакана, Кызыла, Кемерово. Музей проводит разноплановую научно-исследовательскую работу – экспедиции, научные исследования, научные публикации, научные конференции. Специалисты музея неизменно являются основными исполнителями различного рода археологических экспертиз на территории г. Минусинска, прилегающих территорий и южных районов края по поручению Росохранкультуры, Министерства культуры Красноярского края. Сотрудники музея принимают участие в археологических экспедициях на р. Ангара в районе строительства Богучанской ГЭС (2008-2011 гг.), в районе строительства трассы Курагино-Кызыл.

За 135 лет музей 7 раз изменил наименование. Первое его название – «Минусинский местный музей». После смерти Н.М. Мартьянова по предложению комитета музея и решению Минусинской городской Думы с 1905 г. музей стал называться – «Минусинский Городской Мартьяновский музей». В 1913 г. он был взят под покровительство Российской академии наук и на печатных отчётах стали указывать – «Минусинский Мартьяновский музей, состоящий под покровительством Императорской Академии Наук». В 1923 г. музей стал называться Государственный музей им. Н.М. Мартьянова. С 1939 по 1958 гг. – Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова. В 1958-1975 гг. – Минусинский межрайонный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, 1976-1980-е гг. – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова. С 1990-х гг. – это Муниципальное учреждение культуры, ныне муниципальное бюджетное учреждение культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова».

Музей в Минусинске был открыт по решению городской Думы и составлял собственность города. Дума выделяла на содержание музея незначительную сумму – 100 рублей в год, в 1913 г. она стала – 200 руб. Согласно нынешнего законодательства – Учредителем музея является администрация муниципального образования город Минусинск, куратором – отдел культуры администрации г. Минусинска. Финансирование осуществляется за счёт муниципального бюджета, а также по краевым программам, в которых музей активно принимает участие.

Первоначально музей занимал 2 комнаты в приходском училище, в 1889 г. по решению городской Думы было построено специально для музея здание (ныне 1-ый корпус), в 1900 г. – здание для библиотеки. В 1978-1985 гг. была проведена реконструкция (автор проекта – В.А. Ковалёв), построена переходная галерея, музею были переданы два здания. Сегодня музейный ансамбль (без филиалов) занимает площадь 1 га, площадь помещений 5037,6 кв. м (экспозиционная площадь – 2500 кв.м. и состоит из 10 зданий).

В 1970 г. появился первый филиал – мемориальный музей «Квартира Г.М. Кржижановского и В.В. Старкова», где воссоздана городская усадьба. В 1997 г. открыт второй филиал – «Музей декабристов», пока единственный в Красноярском крае. В разработке программа расширения музейной сети, через музеефикацию зданий-памятников города Минусинска и Минусинского района.

За 135-летнюю историю музея сменилось 19 заведующих и директоров музея. Первым заведующим был основатель музея Николай Михайлович Мартьянов, провизор, учёный-ботаник, член 16 научных обществ, он руководил музеем в течение 27 лет. Н.М. Мартьянов открыл 181 вид низших и высших растений, неизвестных ранее науке. Именем Н.М. Мартьянова ботаники и палеонтологи назвали более 20 видов растений и ископаемых форм. Музей им основанный, носит его имя, улица в Минусинске, речка в Кузнецком Алатау, пик в Западном Саяне.

После Николая Михайловича Мартьянова музеем руководили яркие личности, такие как:

– Тропин Николай Иванович работал в музее библиотекарем, хранителем музея. С 17 февраля по 17 августа 1905 г. и с 1 мая 1913 по 15 декабря 1915 гг. исполнял обязанности заведующего музеем. В 1937 г. репрессирован, расстрелян 30.11. 1937 г. в Минусинске, реабилитирован ККС 26.05.1956. (П-8768).

– Ярилов Арсений Арсениевич, учёный-почвовед. Заведовал музеем с 18 августа 1905 по весну 1907 гг. В эти годы музей приобрёл ещё одно здание у Ярославско-Костромского банка (ныне 3-й корпус музея). А.А. Ярилов много сделал по увековечиванию памяти основателя музея Н.М.

Мартьянова. В 2008 г. институтом аграрных проблем Хакасии на здании музея была установлена мемориальная доска в память А.А. Ярилова.

– Савенков Иван Тимофеевич, педагог, учёный-археолог, шахматист. С 1908 по декабрь 1911 г. – заведующий музеем. При Савенкове был образован фотографический отдел, положено начало формирования стеллария, где были собраны памятники древнего искусства и письменности – каменные изваяния долины Южного Енисея.

– Кожанчиков Василий Дмитриевич, учёный-энтомолог. Заведовал музеем 15 лет, с 15 декабря 1915 по 25 октября 1929 г. Годы его работы были самыми трудными в истории музея – первая мировая война, революции, гражданская война. И в это трудное время музей вёл научные исследования – организована энтомологическая станция на Буйбе, были описаны архивы при церквях Минусинского округа, документы сосредоточены в музее, затем в 1925 г. переданы в архивный отдел города. При нём началось издание «Ежегодника» музея, в котором опубликованы научные работы В.Д. Кожанчикова.

– Харчевников Александр Васильевич, историк, музейевед, занимался историей декабризма. С 22 сентября 1929 по 1937 г. заведующим (с 1934 г. директор) музея. При нём был поставлен вопрос о расширении музейной сети. Под музей передавали здание Спасского собора, экспозиция не открыта, т.к. в 1930 г. в Шушенском был открыт филиал музея – историко-революционный отдел. Арестован 07.08.1937 г., расстрелян 30 ноября 1937 г. в г. Красноярске, реабилитирован 06.07.1957 г. По делу проходили сотрудники музея Сафронов И.А., Махалов А.И., Исарцев Н.И., Олофинская Е.А., Тропин Н.И., Гирченко В.П., Корсак Я.О., Яковлев А.И.

– Павлючек Иван Иванович, историк, участник Великой Отечественной войны, инвалид. Работал в музее с 1949 г. учёным секретарём, с 17 апреля 1954 по 30 июня 1971 г. – директором музея. В эти годы музей был переведён из закрытого учреждения – ведомства «Енисейстрой» МВД в министерство культуры РСФСР. В 1970 г. открылся первый филиал музея – «Мемориальный музей «Квартира Г.М. Кржижановского и В.В. Старкова».

– Ковалёв Владимир Алексеевич, геолог. Руководил музеем с 1 июля 1971 по 15 августа 1999 г. – 28 лет, позднее его называли «второй Мартьянов», Почётный гражданин города Минусинска (1996 г.), заслуженный работник культуры РФ (1992 г.). Он вернул музей к мартьяновским традициям. В.А. Ковалёв спланировал и провёл реконструкцию музея в 1978-1985 гг., разработал план создания музейной сети в регионе – был открыт музей Декабристов. При музее вновь стали работать общественные советы – клуб «Краевед», Учёный Совет, Совет содействия музею и его секции. Именем В.А. Ковалёва названа улица в городе Минусинске.

Музейное собрание первоначально состояло из коллекции Н.М. Мартьянова, который предложил её Минусинскому обществу. С каждым годом увеличивалось собрание музея. Коллекции пополняются благодаря дарителям. Большую помощь в пополнении музейного собрания оказывает К.М. Цитлидзе (ЗАО «Золотая звезда»). Им передана коллекция геологического музея, книги и др. предметы.

В настоящее время музейный фонд, насчитывает около 200 тысяч предметов:

– уникальные коллекции по археологии (более 30 тыс. предметов) – собрание древних бронз, каменные изваяния, памятники древней тюрской письменности и другие предметы;

– коллекции по флоре и фауне Минусинской котловины (Хакасско-Минусинской) составляют более 50 тыс. единиц. Также в её составе гербарий Н.М. Мартьянова, коллекция бабочек П.П. Семёнова-Тян-Шанского, коллекция раковин Н.Г. Потанина и др. предметы;

– этнографическая коллекция (более 10 тыс. единиц), отражающая жизнь и быт народов Северной и Центральной Азии;

– фотонегативный фонд представляет историю и природу региона в XIX-XXI вв. В нём представлены работы фотографов прошлого и нынешнего времени – Н.В. Фёдорова, В.Л. Гончарова, Ф.В. Абабкова, В.А. Тёмина, А.А. Мухина, А.Д. Заболоцкого, Л.И. Порошиной и др.

Фонд научной библиотеки – около 130 тыс. различных печатных изданий. В ней хранятся редкие издания XVIII и XIX вв., среди них – альбом работ великого русского художника И.И. Шишкина, произведения А.В. Амфитеатрова, библиотека И.Т. Савенкова, В. Яна, В.А. Ковалёва и др.

Проекты, программы, гранты. Музей ведёт активно проектную деятельность, участвует в

краевых, городских и др. программа и грантах. За 2005-2012 гг. музей получил по программам более 10 млн. руб. Наиболее значимые проекты:

– «60 лет Победы» (2005 г.): создана экспозиция «Помнит мир спасённый», подготовлена, издана книга фронтовых писем 1941-1945 гг. «Здравствуйте!..»;

– «300 лет в составе России» (2007 г.): создана экспозиция «Народы южного Енисея», подготовлена, издана книга «Энциклопедия Красноярского края. ЮГ», проведена конференция;

– «Электронная библиотека» (2008 г.), грант фонда Михаила Прохорова. По программе в научной библиотеке музея установлен электронный каталог «ИРБИС-32».

Музей реализовал несколько социокультурных проектов (средства краевого Министерства культуры):

– «Музейный десант» (2007 г.). Проект был направлен на изучение и сохранение традиций и истории народов, населяющих территорию Минусинского края;

– «Музейный иллюзион» (2009 г.) создание демонстрационного зала. Партнёрами музея в данном проекте выступили ГУК «Енисейкино» (г. Красноярск) и Минусинское отделение кинопроката.

– «Древнейшие цивилизации и этносы Минусинской котловины и Тувы» (2010 г.), «Палеокласс – лаборатория древних технологий» (2011 г.) и «Галерея древностей» (2012 г.) – создание новых экспозиций;

По программе «Культура Красноярья», начиная с 2007 г., музею удалось реставрировать мебель, иконы, одежду из хакасской и тувинской коллекций.

Межтерриториальное партнерство – путь развития музея, через него музей решает задачи научного изучения, комплектование музейного фонда, новые выставочные проекты, привлечение посетителей музеем.

С 1989 г. музей проводит Дни памяти Н.М. Мартьянова и с 1990 г. – Мартьяновские краеведческие чтения. Этот проект музея был удостоен премии «Александра Невского»

В 2009 г. музей провёл первый региональный открытый конкурс «Музей года. Южная Сибирь», в котором приняли участие 24 музея юга Красноярского края. В 2012 г. прошёл 4-ый конкурс «Музей года. Южная Сибирь-2012», в котором участвовали 26 музеев Красноярского края, Хакасии и Тувы.

Музей является постоянной площадкой для проведения краевых мероприятий, например: «Енисейский экспресс», «Кочующая культурная столица». В 2012 г. на базе музея и его филиалов прошли мероприятия в рамках «Культурной столицы Красноярья».

Музей успешно сотрудничает с музеями Красноярского края и страны, реализуются совместные выставочные проекты: «Выставка картин Н.К. и С.Н. Рерихов» – музей, картинная галерея, международный центр Рерихов (Москва), «Мир А. Поздеева» – музей, картинная галерея, художественный музей (г. Красноярск), «Художник И.И. Шишкин» – художественный музей (Красноярск) и др.

Издательская деятельность музея. За 135 лет штатными и внештатными сотрудниками музея подготовлено и издано более 70 различных изданий.

В 1877-1904 гг., в «Мартьяновский период», было напечатано более 30 изданий – отчёты о работе музея и библиотеки, каталоги, научные труды сотрудников, которые до настоящего времени не утратили своего научного значения – «Древности Минусинского музея. Памятники железных эпох» Д.А. Клеменца, «Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог сельскохозяйственного отдела музея» П.А. Аргунова, «Каменный век в Минусинском крае» И.Т. Савенкова, «Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея» Е.К. Яковлева, «Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет» Ф.Я. Кона.

В 1913-1914 гг. музей издает работы В.А. Ватина-Быстрянского (политический ссыльный) «Минусинский край в 18 в.», «Село Минусинское». Будучи сотрудником музея, он занимался изучением истории Сибири и Минусинского края, работал с архивными документами, изучал материалы Саянского острога, земской избы, волостного правления. В 1922 году была издана первая часть книги «Город Минусинск» (к 100-летию города). Вторая часть в рукописном варианте хранится в научном архиве музея, ждёт своего издателя и спонсора.

В 1923 г. напечатан главный труд основателя музея Н.М. Мартьянова «Флора южного Енисея».

В течение последующих почти 60 лет музей собственных изданий не печатал. В 1990 г. были осуществлены подготовка и переиздание книги А.П. Беляева «Воспоминания о пережитом и пережитом» (Красноярск, 1990 г.).

В 1999 г. музей выпустил первый сборник «Мартьяновские краеведческие чтения», в котором представлены материалы сотрудников музеев, архивов, учёных Сибири – участников Мартьяновских краеведческих чтений 1990-1998 гг. В 2012 г. издан 7-ой выпуск.

В 2003 г. в Берлине опубликована монография Н.В. Леонтьева «Изваяния Окуневской культуры».

В последнее десятилетие Музей осуществил подготовку и выпуск изданий:

– «Иллюстрированная этнография хакасов» (2004 г.),

– «Здравствуйте!..», сборник фронтовых писем 1941-1945 гг. (2005 г.),

– «Есть невозможность жить иначе» (2005 г.)

– «Энциклопедия Красноярского края. ЮГ» (2008 г.),

– «Иллюстрированная этнография Тувы» (2009 г.).

– «Минусинцы и Великая Отечественная...», книги 1, 2, 3-ая (2010, 2011, 2012 гг.),

– справочник «Музеи юга Красноярского края», в который вошла информация по 70 музеям разного профиля, включая школьные музеи юга края.

– «Мартиролог жертв сталинских репрессий 1920-40-е гг.». Электронная версия размещена на сайте администрации г. Минусинска.

– каталог «Шаманизм и этнореальность» (подготовлен к печати)

Деятельность музея отмечена различными наградами:

– Дипломы Международных туристических выставок-ярмарок (г. Красноярск, «Енисей-2000», «Енисей-2001»), выставки-ярмарки «Регионы России» (г. Москва), конкурсов «Окно в Россию» (1999, 2000);

– Золотая медаль в конкурсе «Музей Евразия-2008» в номинации «Муниципальный музей» (2008 г.);

– Диплом Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» – проект «Дни памяти основателя Минусинского музея Н.М. Мартьянова» (2011 г.);

– Диплом в краевом конкурсе «Душа Сибири», посвящённом творчеству В.П. Астафьева, за Моноспектакль «Приглашение к размышлению» по книге В.П. Астафьева «Затеси» (2011 г.);

– Диплом участника Краевого конкурса «Вдохновение» среди учреждений культуры, учрежденный Министерством культуры Красноярского края (2010 г.);

– Премия Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» – проект «Дни памяти основателя Минусинского музея Н.М. Мартьянова» (2012 г.).

Связь с общественностью. Николай Михайлович Мартьянов считал, что в деятельности музея должны принимать участие все слои общества. Музей сегодня, как и в прежние годы, является центром притяжения и взаимодействия многих слоёв населения региона. Он интересен различным категориям населения. Совместно с предпринимателями мы реализуем проекты, которые помогают решить вопросы комплектования музейного фонда, создание выставок.

У музея много помощников и друзей. Уже 26 лет работает клуб «Краевед», у истоков создания которого стоят краеведы – М.В. Злобин, А.А. Шадрин, А.В. Зарубенко-Солдатова, Н.И. Лыткин и др. Клуб «Зелёная лампа» и её руководитель – энтузиаст и подвижник Г.Г. Канкеева, староста – В.П. Дружинкина и др., воспевающие свой город и музей. Клуб «Петербуржец» (руководитель В.Н. Петрушин) объединяет детей блокадного Ленинграда, ныне живущих в городе Минусинске. Членами клуба посажен сад в музее декабристов. Клуб радиолюбителей и А.П. Шахматов. В 2012 г. радиолюбители провели радио сеанс с территории музея.

В сентябре 2011 г. на базе музея было создано отделение Русского географического общества, председатель – Н.М. Шулгина.

Музей в год принимает более 200 тыс. посетителей. За 135 лет существования музея число посетителей составило 8 890 672 чел. (на 1 декабря 2012 г.), 9 млн. посетителя мы будем встречать летом 2013 г. За этим показателем стоит большая работа.

О кадрах музея. Музей выполняет главную свою миссию – сохранение исторической памяти,

и в этом большая заслуга тех, кто работает в музее. Как правило, это люди неравнодушные. «Последние святые на Руси» – так назвал работников музеев Д. Лихачёв.

В музее работает более 90 человек – это люди увлечённые делом, любящие Мартьяновский музей. Они сделали музей делом своей жизни – Николай Владимирович Леонтьев (член-корреспондент Германского археологического института), Ольга Ивановна Боярченко, Вера Геннадьевна Чернышёва, Наталья Александровна Голованенко, Елена Юрьевна Сидорина и многие другие, проработавшие в музее 10, 20 и более лет.

В 2007-2011 гг. сотрудники музея принимали участие в конкурсе лучших творческих работников, работников организаций культуры края и образовательных учреждений в области культуры, талантливой молодёжи в сфере культуры и искусства на получение денежного поощрения – Губернаторского гранта. В номинации: «За личный вклад в сохранение и развитие культуры Красноярского края» победителями стали – И.В. Ковалёва (2007 г.), Т.В. Волова (2008 г.), Н.А. Голованенко (2009 г.), И.В. Герман (2010 г.) – им была вручена премия 100 тыс. руб.

Сегодня в музее работает много молодёжи, это радует. Молодёжь творческая, инициативная, пытливая, ищущая. Многие музею удаётся, благодаря тому, что коллектив слаженный, трудолюбивый, любящий свой музей и город.

Перспективы. Музей является одним из ведущих музейных учреждений юга края, он осуществляет кураторство за деятельностью районных музеев, оказывая им методическую помощь. Музей им. Н.М. Мартьянова содействует расширению музейной сети и созданию новых музеев. При участии музея созданы – Музей пожарной охраны (ОГПС-6) г. Минусинска, музей милиции (МУВД «Минусинское»), Музей пенсионного фонда и т.д.

В перспективе – создание музейных кластеров: музей сибирского купечества, музей медицины и аптекарского дела, литературный музей. В ближайшей перспективе – организация «музея Открытый» совместно с РГО, «музея-заезжей».

Музей принимает участие в разработке и реализации городского проекта «Исторический квартал».

У музея много планов, проектов, которые возможно будет осуществить только при сложении усилий тех, кто работает в музее и общества.

Ещё в 1937 г. участники Международного геологического конгресса, посетив минусинский музей, записали в книге отзывов: «*Минусинский музей мог бы составить честь столице любого европейского государства*». Успешно работающий Музей – положительный, привлекательный имидж региона, его достояние и гордость.

2012

Л.Н. Ермолаева,
г. Минусинск

И.М. Сибиряков и Минусинский музей

Минусинский музей, первый публичный местный музей в Енисейской губернии основан в 1877 г. провизором Н.М. Мартьяновым, является старейшим и крупнейшим музеем Сибири с собранием более 190 тыс. ед. хранения и фондом научной библиотеки – более 125 тыс. различных изданий.

После реставрации главного здания музея (1 корпус) в 2010 г. на нём были установлены доски с именами виднейших учёных, исследователей Южной Сибири, людей, внесших свой вклад в изучение территории и развитие музея. Среди них – памятная доска с фамилией «Сибиряков».

В деятельности минусинского местного публичного музея Иннокентий Михайлович Сибиряков (30.10.1860, Иркутск – 6.11.1901, Афон, Греция) сыграл большую роль. Потомственный почётный гражданин, коммерсант, меценат – его моральная и материальная поддержка помогли укрепиться Минусинскому музею, новому учреждению в Сибири. «... *Всё сделанное им для Музея, указывает на глубокое знакомство с делом: во всех вопросах, требующих специальных познаний, И.М. (Сибиряков – Л.Е.) советовался со специалистами.*»,¹ отмечалось в отчёте музея за 1901 год.

И.М. Сибиряков был единственным почётным членом Комитета музея. 16 апреля 1885 г. городская Дума в своём Постановлении отметив большое и ценное участие в деятельности Минусинского музея И.М. Сибирякова, предложила ему «...звание почётного члена Комитета Минусинского Публичного Местного Музея и библиотеки».²

Для Минусинского музея было большой неожиданностью, получение в апреле 1884 г. письма от И.М. Сибирякова и 500 руб.: «...для улучшения Вашего музея новыми приобретениями по Вашему усмотрению с тем условием, чтобы об израсходовании был напечатан подробный отчёт в одном из сибирских изданий. Кроме того, я желал бы, чтобы при обсуждении вопроса об улучшении музея участвовал Николай Михайлович Мартьянов...».³

На эти средства в музей были приобретены учебные пособия – складная анатомическая модель человека, типы народов земного шара, учебные коллекции насекомых, чучела птиц, модели животных и прочее.⁴ Получив ответ от Мартьянова, Сибиряков высылает в музей ещё 900 руб., дополнительно инструменты и книги для общественной библиотеки.

Известен факт, что особенно приветствовал Сибиряков создание городских и сельских библиотек. Именно при его поддержке открывались и работали бесплатные библиотеки во многих сибирских городах – Ачинске, Томске, Барнауле, в т.ч. Минусинске. Историк музея Ф.Я. Кон отмечал, что Сибиряков поддерживал просветительную деятельность музея и его библиотеки. Жертвуя крупную сумму денег для библиотеки, он поставил условие: она должна быть бесплатной. Это условие было обязательным для всех библиотек и народных читален, созданных на средства Сибирякова.

В первом же письме (1884 г.) Сибиряков просит Н.М. Мартьянова и комитет музея прислать «... сведения о плате, которая берётся с читающих в городской библиотеке...», и прикладывает «... 250 руб. (двести пятьдесят руб. сер.) на покупку книг по Вашему усмотрению...».⁵ В январе 1885 г. он пишет Мартьянову: «... Я согласен послать все книги, которые Вы наметили, но с тем условием, чтобы библиотека была названа «Бесплатной»».⁶

В июне 1885 г. Сибиряков отправляет в Минусинскую общественную библиотеку, которая была открыта при местном музее в 1878 г., 5 книг в роскошных переплётках.

Он просит Мартьянова открыть книжный склад при музее и взять на себя заботы по его организации и распространению книг среди малоимущего населения, в первую очередь, среди сельских жителей через сельские училища. Мартьянов поддержал предложение, поскольку считал образованность и грамотность важными для населения. «Ваша готовность оказать помощь сельским училищам в форме пожертвования книги для чтения вне школы, отвечает потребностям большинства из них. Редкий учитель и попечитель школы может похвастаться своей заботливостью о поддержании и развитии в учениках грамотности, по выходе из училища и «библиотеки для чтения» являются крайне необходимыми, в виде сокращения числа рецидивистов – школьников, впадающих в прежний мрак невежества» – писал Мартьянов Сибирякову.⁷ Мартьянов предполагал создать при музее школьную комнату, в которой были бы представлены различные учебные пособия, столь необходимые в учебном процессе.

В июле 1885 г. Сибиряков отправляет из Петербурга через книжный склад «Посредник» в адрес Музея и Мартьянова книги 4-х наименований по 300 экз. каждая, в т.ч. «Упустишь огонь – не потушишь» и «Где любовь, там и Бог» Л.Н. Толстого. В этом же месяце были отправлены 86 наименований книг большой экзemplярности, учебные пособия 22 наименования: различные атласы, глобусы, грифельные доски, счёты, коллекция предметов мер длины и веса, грифельные доски, карандаши и пр., на сумму 1613 руб.60 коп.⁸ Пособия были закуплены в Санкт-Петербургской мастерской учебных пособий и игр и отправлены через контору «Надежда». Мартьянов распределяет полученное по 12 сельским училищам уезда – в Идринское, Новосёловское, Бейское, Курагинское, Каратузское, Тесинское, Абаканское, Минусинское.

В 1886 г. И.М. Сибиряков «...по высланному ему библиотекой (музея – Л.Е.) каталогу купил и пожертвовал для неё книг более, чем на 2500 р.».⁹ В 1889 г. он направил в библиотеку вновь вышедшие наиболее интересные произведения русской литературы, а также большие фотографические альбомы: «Мастерские Александровской Центральной тюрьмы» и «Коллекция русского узорного шитья» изд. К. Долматова...».¹⁰ Иннокентий Михайлович «...пред-

ложил сделать вход в Музей бесплатным (он не знал, что никакой платы и не бралось со дня основания Музея); по его инициативе объявлена была бесплатной и библиотека. Впрочем, отстаивая принцип бесплатного пользования просветительными учреждениями со стороны населения, ... не проявил себя педантом и, как только изменились условия существования бесплатных библиотек, он, дорожа программой, положенной в его основание М-(инусин)-ской библиотеки, первый поступает своим «принципом» и предлагает опять сделать её платной».¹¹

Сибиряков один из первых откликнулся на объявленный сбор средств на постройку специального здания для Минусинского музея, при этом попросил план предполагаемого здания на ознакомление.

Первоначальный взнос на строительство он сделал в размере 3000 руб., затем увеличил до 6000 руб., при условии, если будут увеличены размеры здания и в особенности помещения для библиотеки. В письме от 22 февраля 1886 г. Сибиряков писал: « ... я согласен дать на это дело три тысячи руб. сер. (3000 р.с.) с тем, чтобы вложить предварительно план здания, конечно в главнейших чертах, чтобы там был кабинет для чтения и чтобы город пообещался ни для каких других целей это здание не употреблять...».¹²

Для проектирования здания Сибиряков привлёк иркутского архитектора В.А. Рассушина. В архивных документах значится – проект был выполнен безвозмездно, но есть основания думать, что эту работу оплатил Сибиряков. 17 мая 1887 г. состоялась закладка здания под музей, 20 мая 1890 г. – музей принял посетителей в новом помещении.

На средства Сибирякова пополнилась коллекция по этнографии, были «...приобретены различные предметы для естественно-исторического отдела, а также пособия для экскурсии и научного определения материала».¹³ Сибиряков финансировал экспедиции Д.А. Клеменца, а потом приобретал его коллекции для Минусинского музея.

В 1891 г. «...инвентарь музея увеличился исключительно на пожертвования почётного члена музея Ин. М. Сибирякова. Из высланных им 1000 руб. на окончательное устройство здания музея и библиотеки израсходовано 266 р. Всей недостающей мебели...».¹⁴

Последнее пожертвование музею Сибиряков сделал в августе 1893 г. В отчёте музея отмечено: «В отчётном году инвентарь Музея увеличился ценным пожертвованием Ин. Мих. Сибирякова – масляной картиной Н.Ф. Добровольского «Байкал ночью» в богатой золоченной раме. Картина эта по своим размерам и содержанию могла быть помещена в педагогическом отделе, на стене против зала... Это пожертвование И.М. Сибирякова, быть может, послужит основанием столь желательного художественного отдела музея...».¹⁵ Кроме картины Сибиряков передал музею счётную машинку Ондера и 150 руб..

О даре сообщил Мартьянову доверенный Сибирякова Яков Макиеров. Он же отправил груз в Минусинск через транспортную контору Евграфа Кухтерина «летним путём», пересылка и страховка были оплачены Сибиряковым».

В научном архиве Минусинского музея хранится более 40 писем И.М. Сибирякова к Мартьянову за период 1884-1901 гг.: 1884 – 5, 1885 – 17, 1886 – 9, 1888 – 6, 1889 – 4, 1890 – 3, 1891 – 1, 1893 – 3, – «... из которых будущий биограф почившего общественного деятеля почерпнёт много интересных данных для характеристики И.М. (Сибиряков – Л.Е.), как просвещённого филантропа..., которому Минусинский Музей так много обязан».¹⁶

В последнем письме 29 апреля 1893 г. из Монте-Карло Сибиряков писал Мартьянову: «...Я с величайшим удовольствием принял предложенное мне в своё время звание почётного члена Минусинского музея и очень рад им оставаться, но только просил бы комитет не печатывать меня и вот почему: – в постройке музея участвовали многие лица и главным образом дело это обязано Вашему труду и энергии. Почему же я буду стоять на первом месте? Если я дал больше других деньгами, то из этого ещё не следует, чтобы дары и труды других лиц на то же дело заслуживали бы меньшего внимания».¹⁷ Мартьянов высоко ценил связь и дружбу с И.М. Сибиряковым. Он отмечал, что Иннокентий Михайлович Сибиряков «...был истинным меценатом: просвещённым, щедрым, скромным...».¹⁸

Оттого неслучайно имя этого скромного человека, но мецената с большой буквы, видящего

смысл своей жизни в беззаветном служении делу просвещения и благотворительности, вписано в историю Мартьяновского музея и связано с ним навсегда...

2013

Примечания:

¹ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1901 год. Красноярск, 1902. С.1

² Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 г.) Казань, 1902. С.77

³ МКМ ОФ 10617/8 – АМКМ Ф.1. О.1. Д.58. Л.18-19.

⁴ Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 г.) Казань, 1902. С.74.

⁵ МКМ ОФ 10617/8 – АМКМ Ф.1. О.1. Д.58. Лл.18-19.

⁶ МКМ ОФ 10648/1 – Ф.1. О.1. Д.73 . Лл.1-2.

⁷ МКМ ОФ 10589/13 – АМКМ Ф.1. ОР.1. Д.45. Л.22-23.

⁸ МКМ ОФ 10589/10 – АМКМ Ф.1. ОР.1. Д.45. Л.12.

⁹ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1900 г. Минусинск, 1901. С.31.

¹⁰ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1889 г. Минусинск, 1890. С.18.

¹¹ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1901 г. Красноярск, 1902. С.1-2.

¹² АМКМ. Ф.1. О.1. Д.31, Л.4об

¹³ Кон Ф.Я. Исторический очерк минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 г.) Казань, 1902. С.78.

¹⁴ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1891 г. Минусинск, 1892. С.8

¹⁵ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1893 г. Минусинск, 1894. С.8, 10.

¹⁶ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1901 г. Красноярск, 1902. С.1-2.

¹⁷ АМКМ Ф.1. О.1. Д.220. Л.2.

¹⁸ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеки за 1901 г. Красноярск, 1902. С.1-2.

Л.И. Карнова,
г. Минусинск

Твоё величество – библиотека

Библиотека Минусинского медицинского техникума насчитывает более 13 тыс. экземпляров книг, 109 электронных учебников. Выписывает 32 наименования периодических изданий.

Библиотека медицинского техникума уникальна. При её открытии Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова передал в дар 1556 ед. книг и периодических изданий по медицине из библиотеки Горздрава, которая находилась в кабинете санпросвета. Сколько книг насчитывала библиотека – неизвестно. На одной из книг стоит инвентарный № 4017. В записях врача В.А. Козлова говорится, что «библиотека насчитывала более 5000 томов». Эти издания составляют фонд редких книг по медицине медицинского техникума, которые особо берегутся. Они представляют огромную ценность.

Огромная заслуга в создании медицинской библиотеки принадлежит Евгению Николаевичу Мартьянову. Будучи ещё мальчиком, он помогал своему отцу Николаю Михайловичу собирать городскую библиотеку. Идеи отца перешли к сыну. Эту библиотеку Е.Н. Мартьянов начал собирать с 1923 г. Он был одним из первых организаторов здравоохранения в Минусинске, работал в Уздраве заведующим санитарно-эпидемического отделом.

В это время в распоряжении Губздрава находилась 1 медицинская библиотека, состоящая из 350 книг, 150 брошюр, 1000 листовок, 40 медицинских журналов, 600 картограмм, 50 диаграмм. Она снабжала все уезды, в т.ч и Минусинский. По всей вероятности, Евгению Николаевичу очень хотелось, чтобы и в нашем городе тоже была медицинская библиотека.

В Минусинске и в Минусинском уезде работало много приезжих врачей, некоторых загнала сюда Красная армия во время отступления Колчака. Это были, в основном, хорошо образованные, целеустремлённые, трудолюбивые люди. Врачи старались не отстать в лечении больных от центральных регионов страны. Они понимали, что мастерство врача приходит не только с практическим опытом, но и с изучением специальной литературы, монографий.

Это было очень трудное время для страны. Ассигнований на медицину выделялось очень мало. Евгений Николаевич часть книг покупал на свои деньги у букинистов, у частных лиц, выписывал через издательства. Он обращался к врачам, фельдшерам с просьбой помочь ему в создании библиотеки, поделиться книгами. Медицинские работники откликнулись на его просьбу – дарили книгам вторую жизнь. Книга за книгой поступали в фонд библиотеки. Самое старое издание в библиотеке

датируется 1871 г. «Сборникъ законовъ, правилъ, наставлений и распоряженій правительства для врачей, фармацевтовъ., ветеринаровъ и прочихъ медицинскихъ чинов». /Сост. Врачъ И.К. Войно – Кіев: Въ типографіи Е.Я. Фёдорова, 1871 г. (Подпись, кому принадлежало, не разборчиво – Л.К.).

Много книг подарил из своей личной библиотеки врач Н.М. Соловьёв. Такие как: «Руководство къ частной патологіи и терапіи для врачей доктора Г. Эйхгарта» – С.-Петербургъ, 1882 г. (Личная печать с оттиском «Студент Томского университета Н.М. Соловьёв» – Л.К.). Жакку О. «Руководство к внутренней патологіи» – С.-Петербургъ, 1878 г. (Личная печать с оттиском: «Врач Николай Михайлович Соловьёв»). Есть печать места, где продана книга: «Книжный магазинъ В.Г. Дейбнера. С.-Петербургъ. Невский просп., д. №13. – Л.К.).

Врач А. Калинин подарил работу проф. Neihz «Ученіе о лекарственныхъ средствахъ». – С.-Петербургъ, 1909 г. (Личная подпись – Л.К.). Медфельдшером Иваном Ивановичем Рыбаковым была подарена книга «Основы патологіи и терапіи сифилиса и связанныхъ с ним венерическихъ болъзней проф. Д-ра Цейссля. – Москва: Въ типографіи М.Н. Лаврова и Ко Леонтьевскій переулокъ, дом №14, 1894 г. (Личная печать с оттиском: «Медфельдшер Иван Иванович Рыбаков» – Л.К.). Врачом Иваном Николаевичем Успенским подарены: «Руководство къ клиническимъ методамъ изслѣдованія внутреннихъ болъзней. – С.-Петербургъ: Типография Якова Трея, 1884 г.; «Техника частной терапіи. Руководство для практики. Dr. F.Gumprecht. – С.-Петербургъ, 1902 г. (Личная подпись – Л.К.). Врач Колегов передал библиотеке несколько томов «Реальной энциклопедіи практической медицины» проф. А. Eulenburg. – С.-Петербургъ, 1912 г. (Личная печать с оттиском: «Врачъ Колеговъ» – Л.К.).

Самая большая коллекция книг, подаренная библиотеке, принадлежит Анне Михайловне Сафьяновой, «чудесному доктору», так её называли старейшие жительницы Минусинска. Анна Михайловна была женским доктором. Приехала в наш город из Тувы. В этом крае она была единственным врачом, лечила все болезни, боролась с шаманами. В годы гражданской войны помогала раненым партизанам. Судьбой этой женщины интересовалась в 1980-х годах преподаватель истории Омского медицинского института. К большому сожалению, я не помню её фамилию. В это время она собирала материал для кандидатской работы о врачах-революционерах. Она просматривала все книги, которые подарила Анна Михайловна библиотеке. В них немало записей сделано рукой Сафьяновой. Я познакомила преподавателя с Еленой Васильевной Абаимовой. Елена Васильевна много рассказывала об Анне Михайловне, о её муже. В библиотеке находится около 40 книг имеющих на титульном листе оттиск печати: «Врачъ Анна Михайловна Сафьянова».

Анну Михайловну интересовало по медицине всё. В её личной библиотеке были такие издания как: «Compendium дѣтскихъ болъзней для студетовъ и врачей» – Кіевъ: Въ Типографіи Е.Я. Фёдорова, Крещ. Площ., собст. Домъ, 1879 г.; П.Г. Мезерницкій «Радій и его примъненіе въ терапевтической клиникъ. – С.-Петербургъ: «Практическая медицина» Б. Сампсоньевскій пр., 61, 1912 г. Н.В. Вельяминовъ Клиника болъзней суставовъ. Сифились суставовъ. – С.-Петербургъ: «Практическая медицина» ул. Жуковского, 13, 1910 г. Dr. Gustav Bruhl. Отосклерозъ и современные способы изслѣдованія функціи уха. – С.-Петербургъ: «Практическая Медицина». Улица Жуковского, 13, 1911 г.

В библиотеке хранится книга «Основы общей патологической анатомии» 1937 г. издания. Она подарена Николаем Николаевичем Земсковым. Эта книга очень актуальна, имеет ценность и сейчас. Студенты используют её при написании рефератов, при сдаче зачётов. На многих изданиях стоят печати: «Минусинск. Окружн. Отдел Здравоохранения», «Минусинский Исполком Районного Совета», Районный отдел здравоохранения «Минусинская школа медсестёр», «Библиотека Минусинской женской гимназии».

В фонде широко представлены медицинские журналы и газеты XIX-XX вв., более 40 наименований. Все журналы и газеты переплетены. Многие имеют инвентарный номер, но не имеют печати или штампа. Есть только место, где были эти издания переплетены: «Переплѣтная И.Н. Гладышевского в Минусинске». В библиотеке не только хранятся, но имеют большое практическое значение такие журналы и газеты как: «Вестник микробиологии, эпидемиологии и паразитологии» 1929 г.; «Журнал микробиологии, патологии и инфекционных болезней», 1926 г.; «Сибирский архив теоретической и клинической медицины» 1929 г.; «Русский журнал тропической

медицины» 1928, 1929, 1930 гг.; «Журнал акушерства и женских болезней» 1929 г.; «Вестник современной медицины» 1929 г.; «Советский врачебный журнал» 1929 г.; «Летопись русской хирургии» 1900 г.; «Врачебная газета» 1910, 1912, 1913 гг. «Врачебное дело» 1913 г.; «На фронте здравоохранения» 1934, 1932 гг.; «Клиническая и бытовая врачебная газета» 1928 г.

В 1920-30-ые гг. главной задачей здравоохранения стала профилактика, предупреждение заболеваний. От борьбы с эпидемиями тифа, натуральной оспы, малярии, холеры перешли к оздоровлению труда и быта. В библиотеке появилось много изданий по гигиене труда, охране материнства и детства, санаторному и курортному лечению, массажу, водолечению, кумысолечению. Врач Алексей Альбертович Каренько подарил несколько книг по гигиене. Одна из них Т.В. Хлопина «Основы гигиены». – Петроград, 1923 г.

Очень скоро библиотека приобрела известность на юге края. В 1949 г. она насчитывала около 4 тыс. книг, стала местом, где врачи повышали свою квалификацию. Её высоко оценил министр здравоохранения СССР, побывавший в Минусинске. В газете «Правда» он писал, что «такого хорошо подобранного собрания медицинских книг нет даже в медицинских институтах». Уходя на пенсию в 1958 г., Евгений Николаевич передал библиотеку Горздравотделу. При организации ЦРБ, Горздрав был упразднён. Книги оказались бесхозными. Очень много книг стали достоянием частных библиотек. В 1984 г. я написала заметку в местную газету о библиотеке медицинского училища. Рассказала о подаренных музеем изданиях, о том, что часть фонда безвозвратно потеряна. Несколько человек откликнулись. Вернули в библиотеку книги, которые когда-то брали из фонда. Так известный краевед Елена Васильевна Абаимова, вернула «Атласы по анатомии» В.П. Воробьёва. Врачи Козловы принесли книги по онкологии и акушерству. Они подарили даже несколько книг из своей библиотеки.

Библиотека обслуживает не только студентов и преподавателей техникума, но и студентов других учебных заведений, врачей и средний медицинский персонал ЦРБ и юга края. В библиотеку может обратиться любой желающий, кому интересна медицина. Приезжают поработать с книгами из Краснотуранска, Идры, Курагино, Шушенского и других мест. В 2014 г. библиотеке исполнится 30 лет.

Ежегодно для студентов первого года обучения библиотека проводит библиотечный урок: «Летопись истории библиотеки». Студенты знакомятся с историей библиотеки Медицинского техникума, с биографией Е.Н. Мартьянова, книгами, старинными журналами по медицине. Их вниманию представлена небольшая выставка с фотографиями, статьями об Евгении Николаевиче. Книги вызывают огромный интерес у студентов. На выставке: «Подготовка кадров для здравоохранения г. Минусинска и юга края» представлены учебники, по которым учились во время Великой Отечественной войны на курсах медсестёр, в 1950-60-ых годах в школах медсестёр, в медицинском училище г. Минусинска. При проведении мероприятия «Милосердие и отвага», используются книги «Медицинские работники в Отечественной войне», издание Наркомздрава СССР, 1942 г.; книга М.К. Кузьмина «Медики – Герои Советского Союза», издание 1965 г. В этом юбилейном году библиотека организует для студентов и преподавателей выставку – просмотр: «Медицинская учебная литература ушедших веков». И все это книги из библиотеки Евгения Николаевича Мартьянова.

«Многие врачи города и юга края испытали на себе положительное значение данной библиотеки, в организацию которой положил много труда Евгений Николаевич Мартьянов». Так оценил её и деятельность врача в 1958 г. Василий Алексеевич Козлов в своём докладе, посвящённом семидесятилетию Е.Н. Мартьянова. Подлинник доклада хранится в библиотеке.

2013

Литература:

1. Мартьяновские краеведческие чтения (1989-1999 гг.): Сборник докладов и сообщений. – Минусинск, 1999.
2. Ханенко Б.И. Здравоохранение Красноярского края: Краткий обзор пути протяженностью в сто лет. – Красноярск: Кн. Изд-во, 1991.
3. Козлов В.А. Евгений Николаевич Мартьянов: Доклад к 70-летию со дня рождения – Минусинск, 1958.
4. Прокопчук А.М. Специалисты высшей пробы. // Власть труда – 2007 – 7 сентября.

Вклад купцов в становление и развитие музейного дела в Сибири

Можно без преувеличения утверждать, что сибирское купечество оставило огромный след в истории региона. Это относится не только к роли купцов в развитии местной экономики, но и к их по истине неоценимым заслугам в области культуры, здравоохранения, социальной сферы. Конечно, не стоит чересчур идеализировать облик сибирских предпринимателей – среди них были люди с разными ценностными ориентирами и манерой общения, однако бесспорно и то, что многие из них, движимые как корыстными соображениями, так и глубокими патриотическими чувствами, тратили огромные средства на самые различные нужды своих городов. По словам знатока истории сибирского города Д.Я. Резуна, «можно не ошибаясь утверждать, что большинство театров, музеев, библиотек, школ и богаделен было выстроено на деньги купцов и промышленников».¹ Особенный размах купеческая благотворительность приобрела во втор. пол. XIX в., когда в регионе появились владельцы крупных капиталов и повысился общий уровень культурного развития населения.² Вспомним имена Сибиряковых, Кытмановых, Баландиных, Кузнецовых, Востротинных, Гадаловых – не только первых богачей, но и людей, обладавших огромной эрудицией и прикладывавших большие усилия для того, чтобы улучшить жизнь своих сограждан.

Одно из самых развитых направлений купеческой благотворительности составляли пожертвования на нужды народного просвещения.³ Именно в просвещении народа, а не в обогащении, видел цель своей жизни такой известный предприниматель, как томский купец Петр Иванович Макушин, считавший, что «просвещение народа – прежде всего».⁴ В данной статье на материалах справочных изданий по истории сибирского купечества⁵ будет рассмотрен такой аспект участия купцов в деле развития народного просвещения, как их вклад в становление музейной сети региона.

Первые публичные музеи в Сибири появились в кон. XVIII в. – нач. XIX в. – в Иркутске (1782 г.), Нерчинске (1820-е гг.) и Барнауле (1827 г.). И хотя открывались эти музеи по инициативе администрации, некоторые купцы уже тогда активно поддерживали подобное начинание. Так, среди жертвователей на постройку здания для первого провинциального музея России – Иркутского – были известные иркутские купцы М.В. Сибиряков и Г.И. Шелихов.⁶

Во втор. пол. XIX в. в музейном деле Сибири начинается настоящий бум – в этот период в регионе открылось около двух десятков самых разных музеев: от крупных краеведческих до небольших гимназических и училищных. На этот раз в открытии этих просветительских центров купцы приняли самое активное участие, либо сами иницируя создание общедоступных просветительских центров, либо материально поддерживая энтузиастов из других слоёв населения. Всего удалось выявить 49 купцов и членов купеческих семейств, чьи имена связаны с развитием музейного дела в Сибири.

Частные коллекции. Надо сказать, что среди сибирских купцов было немало людей с разносторонними интересами – некоторые из них занимались коллекционированием книг, предметов старины, картин. Известно, например, что в роскошном доме богатейшего нерчинского купца М.Д. Бутина во втор. пол. XIX в. нашлось место и домашнему музею.⁷ Представительную коллекцию предметов старины и уникальных документов удалось сформировать иркутскому купцу И.П. Тропину: в его собрании находились автографы архиепископа Иркутского и Нерчинского Иннокентия, указы Елизаветы Петровны и Екатерины II, мундир Петра I, старинные планы Иркутска, родословные старинных купеческих фамилий и другие ценные материалы.⁸ Другой иркутский купец – В.П. Сукачев собрал в своём доме несколько десятков живописных полотен.⁹ Иркутский купец Н.Н. Пежемский в 1850-х гг. владел коллекцией старинных русских и иностранных монет, «различных минералов, окаменелостей, раковин, старинных и очень редких вещей».¹⁰ Верхотурский купец С.И. Попов собирал и записывал легенды и предания, а при одном из своих серебряно-свинцовых заводов «устроил настоящий музей древностей и полезных ископае-

ных».¹¹ Красноярский купец и известный исследователь севера М.К. Сидоров собирал минералы, а также этнографические предметы.¹² Иркутский купец В.Н. Баснин коллекционировал книги и гравюры.¹³ Тарский купец Е.И. Малахов в 1860-е гг. создал частный археологический музей.¹⁴ Красноярский купец И.П. Кузнецов-Красноярский собирал документальные и вещественные материалы по истории родного города, каменные и бронзовые орудия юга Сибири.¹⁵

Многие из таких частных купеческих собраний, если не погибали (как это случилось с коллекцией И.П. Тропина, сгоревшей во время пожара 1879 г.¹⁶) и не терялись (как собрание Н.Н. Пежемского, раздробленное и проданное по частям¹⁷), то нередко становились доступными широкой публике, ложились в основу открывавшихся музеев, причём, не только сибирских. Так, доступным для всех горожан сделал своё собрание картин В.П. Сукачев, открыв в своём доме единственную в Сибири нач. XX в. картинную галерею (ныне – Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева).¹⁸ Коллекция В.Н. Баснина вошла в фонды московского Румянцевского музея.¹⁹ Популяризацией сибирского севера активно занимался М.К. Сидоров, принявший участие в 25 различных выставках, в т.ч. 10 международных. Он же подарил музею Томского университета большую коллекцию сибирских древностей.²⁰ Енисейский купец А.С. Баландин жертвовал книги в первую общественную библиотеку при городском краеведческом музее.²¹ Собранная в Монголии дочерью чердынского купца В.Н. Юрганова Капитолины коллекция насекомых поступила в музей Академии наук, а принадлежавший ей же гербарий был передан в музей Сибирских высших женских курсов в Томске.²² При организации новых музеев купцы принимали самое активное участие в их устройстве, не скупившись на пожертвования и пополняли как могли их фонды экспонатами. Например, в комплектовании фондов музея Восточно-сибирского отдела Императорского русского географического общества приняли участие иркутские купцы: И.Ф. Исцеленов (в 1902 г. передал в музей рисунок Иркутска 1808 г.),²³ А.П. Ивельский (в 1884 г. передал древней камень),²⁴ С.В. Белоголовая (в 1908 г. пожертвовала свиток рукописей XVI в.).²⁵

Организаторы музеев. В рядах сибирского купечества были и такие люди, которые не только уделяли время для занятия своими частными собраниями, но и ставили музейное дело во главу всей своей деятельности. Среди ярких примеров таких купцов-энтузиастов можно привести многим хорошо известного енисейского купца Александра Игнатьевича Кытманова, который с юности мечтал об открытии в Енисейске краеведческого музея, в котором было бы собрано «всё, что производит и производили природа и человек Енисейского и Туруханского округов». Вместе с ссыльным метеорологом М.О. Марксом и енисейским купцом Н.В. Скорняковым он стал основателем и первым распорядителем открытого в 1883 г. музея, в фонд которого вошли и личные естественно-исторические коллекции А.И. Кытманова. Будучи с 1891 г. в течение двух десятков лет заведующим музеем, он инициировал поиски интересных природных и этнографических экспонатов для своего детища по всему региону.²⁶

Другая, не менее известная своей благотворительностью, енисейская купчиха Вера Арсеньевна Баландина организовала педагогический музей при частной школе имени А.С. Баландина – отца её мужа.²⁷ Иркутский купеческий сын С.Н. Родионов, увлечшись энтомологией, создал в 1910-х гг. уникальный энтомологический музей, «единственный по богатству коллекций во всей Сибири и вряд ли имеющий соперников в отношении редкостных экземпляров всей России». В музее проводились экскурсии, работали учёные из разных городов, а американцы даже хотели купить собранную коллекцию насекомых, предлагая за неё большие деньги, но С.Н. Родионов хотел передать её будущему Иркутскому университету, в открытие которого он горячо верил.²⁸ Одним из инициаторов открытия в 1890-х гг. в Томске Музея прикладных знаний, Научно-художественного музея, а также Педагогического музея стал томский купец П.И. Макушин.²⁹ Иркутский купец И.И. Попов выступил с инициативой создания первой общественной библиотеки и музея в Кяхте.³⁰ Выходец из семьи иркутских купцов, знаменитый художник-абстракционист В.В. Кандинский в 1910-х гг. стал одним из организаторов музея живописной культуры в Петрограде.³¹

Некоторые из купцов-организаторов музеев оставались при своих детищах и при советской власти. Например, С.Н. Родионов в 1920-х гг. служил хранителем в Иркутском областном музее, куда была передана его энтомологическая коллекция.³² Сын А.И. Кытманова в 1920-х гг.

работал научным сотрудником, а затем – директором Енисейского краеведческого музея, созданного его отцом.³³

Финансовая поддержка музеев. К нач. XX в. уже в каждом губернском и областном центре Сибири действовали музеи, а в Енисейской губернии – и в трёх уездных городах: Минусинске, Енисейске, Ачинске. Современники подчёркивали, что в Сибири «музей – не кунсткамера, не аудитория, не местный университет, а учреждение, обладающее чертами того, другого и третьего, но в то же время имеющее свой облик».³⁴

Без финансовой поддержки горожан этим музеям вряд ли удалось бы не только выжить, но и вообще открыться. Вот несколько примеров материальной помощи, которую купцы оказывали различным музеям. Учреждение в 1889 г. в доме наследников купца М.А. Крутовского на Старобазарной площади городского музея в Красноярске связано с именами Н.К. Переплётчикова, П.И. Гадалова, внесивших на эти цели значительные суммы. Г.В. Юдин послал на родину предков в Кострому 10 тыс. руб. на постройку Романовского музея.³⁵ Верхнеудинский купец М.Г. Шевелев внес 1 тыс. руб. на постройку здания музея во Владивостоке.³⁶ На средства иркутянина И.Н. Трапезникова содержалось Иркутское техническое училище, при котором действовал музей.³⁷ Членом комитета Тобольского губернского музея состоял тобольский купец А.А. Сыромятников, который ежегодно жертвовал 200 руб. на его развитие.³⁸ Курганский купец Д.И. Смолин участвовал в составлении капитала на постройку Тобольского краеведческого музея.³⁹ Иркутский купец И.М. Сибиряков выделил крупную сумму на открытие анатомического музея,⁴⁰ вместе с колыванским и томским купцов П.В. Михайловым в 1893 г. построил здание музея прикладных знаний в Томске.⁴¹ Кяхтинский купец М.О. Осокин материально поддерживал создание Троицкосавского краеведческого музея.⁴² Кяхтинские купцы Коковины вносили деньги на строительство музеев.

Купцы, занимавшие видные посты в городском самоуправлении не только жертвовали средства на создание музеев, но и использовали для оказания помощи просветительским центрам административные ресурсы. Так, во время службы томского купца 1-й гильдии И.М. Некрасова городским головой началась подготовка к созданию в Томске Сибирского научно-художественного музея.⁴³ В думской комиссии по обсуждению создания музея Сибири при Томском университете участвовал колыванский купец А.Ф. Жилль.⁴⁴

Минусинский краеведческий музей. Из всех сибирских музеев самым большим стал открывшийся в 1877 г. музей в Минусинске, который ежегодно посещали 8-9 тыс. чел. В 1882 г. заграничная печать изумлялась, «что на такой далёкой глухой окраине струится умственная жизнь и пробивает так настойчиво дорогу к свету».⁴⁵ С основанием и развитием этого выдающегося культурного центра связаны имена таких купцов, как И.Г. и М.А. Гусевы, Г.П. Сафьянов, А.И. Емельянов, И.П. Лыткин, И.П. Окулов, А.А. Ярилов, Н.Г. Пермикин, Н.Ф. Веселков, Барташевы, И.М. Сибиряков, Е.П. Кузнецова. Да и сам основатель музея – Николай Михайлович Мартьянов в кон. XIX – нач. XX в. записывался в минусинское купечество, объявляя капитал по 2-й гильдии и занимаясь торговлей медикаментами.⁴⁶

Среди тех, кто стоял у истоков Минусинского музея, в первую очередь необходимо вспомнить Ивана Гавриловича Гусева – купца 1-й гильдии, который, будучи в 1875–1879 гг. минусинским городским головой, первым среди купцов поддержал идею ещё неизвестного тогда Н.М. Мартьянова о создании в Минусинске публичного музея. Открывшийся музей, насчитывавший около 1300 ед. хранения, первоначально располагался в двух комнатах, которые предоставил И.Г. Гусев в своём доме. Минусинская городская дума избрала комитет, выработавший устав музея, и назначила из городских сумм ежегодную субсидию в размере 100 руб. на его нужды. Решено было построить для Музея отдельное здание – и здесь И.Г. Гусев принял самое активное участие, став председателем музейного комитета (в 1877–1881 гг.) и жертвуя деньги на строительство. За его счёт были сооружены шкафы для коллекции, вставлены стекла во все окна и мебель. Не остался он и стороне и от пополнения музейных фондов, подарив Музею коллекции минералов со своих приисков. Жена Ивана Гавриловича – Мария Александровна – также жертвовала Музею различные предметы старины, посуду, книги.⁴⁷

Постройка прекрасного здания музея связана с именем купца минусинского купца 2-й гиль-

дии, скототорговца и золотопромышленника Георгия Павловича Сафьянова – друга Н.М. Мартыанова. Именно Г.П. Сафьянов 17 мая 1887 г. заложил здание музея. Он же был членом музейного комитета, жертвовал деньги и различные предметы в пользу музея. Георгий Павлович подарил Музею 100 томов из собственной библиотеки.⁴⁸

Другие известные купцы – братья Даниловы пожертвовали более 5 тыс. руб. (с 1886 по 1890 г.) жертвовали деньги на постройку здания музея и библиотеки, предоставили средства на издание музейных каталогов: в частности, на их средства в 1892 г. в Казани был издан «Объяснительный каталог сельскохозяйственного отдела Минусинского Мартыановского городского музея», труды работника Минусинского музея К.И. Горощенко.

Известно также, что денежные пожертвования в пользу Минусинского музея делали минусинские купцы 2-й гильдии Арсений Иванович Емельянов, Иван Петрович Лыткин, Иван Петрович Окулов. Владелец Абаканского железодельного завода Н.Г. Пермикин передавал Минусинскому музею изделия этого завода, минералы. В 1878 г. при музее была создана общественная библиотека, для которой крупные пожертвования сделал известный иркутский купец-меценат И.М. Сибиряков. Минусинский купеческий сын Арсений Арсеньевич Ярилов, учившийся в Казанском, Дерптском и Лейпцигском университетах, возглавил музей после смерти Н.М. Мартыанова в 1905 г.

Таким образом, из приведённого материала видно, что сибирские купцы проявляли живой интерес к пропаганде истории и природы Сибири и внесли большой вклад в развитие музейного дела в регионе. Не ограничиваясь сбором частных коллекций, купцы стремились сделать их доступными для всеобщего обозрения, активно поддерживали открытие музеев, нередко при этом проявляя инициативу. Многие купцы выступали как в роли организаторов, так и щедрых жертвователей на нужды музеев, благодаря усилиям которых сибиряки получили возможность познакомиться с уникальными экспонатами и целыми коллекциями по истории, этнографии, геологии, биологии.

В заключение приводим слова областника А.В. Адрианова о томских купцах Поповых – одном из многих купеческих семейств Сибири, к которым подошла бы данная автором характеристика: «Это фамилия, которая, составляя лучшее украшение Томска, должна быть запечатлена в его летописях, как фамилия благодетелей города на вечные времена. Для старого и малого из купеческой среды она навсегда должна остаться символом той общественной роли, какую может и должен выполнять каждый местный представитель капитала, в заботах о благе и процветании его родного угла».⁴⁹

2012

Примечания:

¹ Резун Д.Я. Деньги // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1994. Т. 1, кн. 2. С. 120.

² Гаврилова Н.И. Благотворительность // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 83.

³ Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2001. С. 170; Бойко В.П. Купечество западной Сибири в конце XVIII – XIX в.: Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007. С. 402–410.

⁴ Дмитриенко Н.М., Зиновьев В.П., Зуева Е.А. Макушины // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 11.

⁵ Историческая энциклопедия Сибири: В 3-х т. Новосибирск, 2009; Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: В 2-х т. Новосибирск, 2012–2013; Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 2012.

⁶ Шелегина О.Н. Музеи Сибири. Очерки создания, развития, адаптации. Новосибирск, 2010. С. 49–50.

⁷ Зуев А.С. Бутин Михаил Дмитриевич // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 103.

⁸ Гаврилова Н.И., Резун Д.Я. Тропины // Там же. Т. 2. С. 332.

⁹ Шиловский М.В. Сукачев Владимир Платонович // Там же. С. 293.

¹⁰ Гаврилова Н.И., Зуева Е.А., Разгон В.Н. Пежемские // Там же. С. 144.

¹¹ Дмитриенко Н.М., Мамсик Т.С., Ноздрин Г.А., Резун Д.Я. Поповы // Там же. С. 179.

¹² Ноздрин Г.А. Сидоров Михаил Константинович // Там же. С. 261.

¹³ Зуева Е.А., Жиров А.А. Баснины // Там же. Т. 1. С. 61.

¹⁴ Жиров А.А. Малахов Ефим Иванович // Там же. Т. 2. С. 12.

¹⁵ Зуева Е.А., Комлева Е.В., Зуев А.С. Кузнецовы // Там же. Т. 1. С. 390; Быконя, Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах... С. 181.

¹⁶ Гаврилова Н.И., Резун Д.Я. Тропины // Там же. Т. 2. С. 332.

¹⁷ Гаврилова Н.И., Зуева Е.А., Разгон В.Н. Пежемские // Там же. С. 144.

- ¹⁸ Шиловский М.В. Сукачев Владимир Платонович // Там же. С. 293.
¹⁹ Зуева Е.А., Жиров А.А. Баснины // Там же. Т. 1. С. 61.
²⁰ Ноздрин Г.А. Сидоров Михаил Константинович // Там же. Т. 2. С. 261.
²¹ Погребняк А.И., Комлева Е.В. Баландины // Там же. Т. 1. С. 46.
²² Старцев А.В. Юрганов Василий Николаевич // Там же. Т. 2. С. 446.
²³ Гаврилова Н.И. Исцеленовы // Там же. Т. 1. С. 278.
²⁴ Гаврилова Н.И. Ивельские // Там же. С. 264.
²⁵ Гаврилова Н.И., Матханова Н.П., Зуева Е.А., Зимина В.Ю., Жиров А.А. Белоголовые // Там же. Т. 1. С. 71.
²⁶ Погребняк А.И. Кытмановы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 254.
²⁷ Погребняк А.И., Комлева Е.В. Баландины // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 1. С. 47.
²⁸ Гаврилова Н.И., Зуева Е.А., Кириллов В.В. Родионовы // Там же. Т. 2. С. 215.
²⁹ Дмитриенко Н.М., Зиновьев В.П., Зуева Е.А. Макушины // Там же. С. 11; Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. С. 74.
³⁰ Башкатова З.В., Гаврилова Н.И., Резун Д.Я., Шиловский М.В. Поповы // Там же. С. 177.
³¹ Бараев В.В., Зуев А.С., Зуева Е.А., Жеребцов Г.А., Гаврилова Н.И. Кандинские // Там же. Т. 1. С. 296.
³² Гаврилова Н.И., Зуева Е.А., Кириллов В.В. Родионовы // Там же. Т. 2. С. 215.
³³ Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах... С. 186.
³⁴ Шелегина О.Н. Музеи Сибири... С. 61–62.
³⁵ Гончаров Ю.М., Жиров А.А., Киселев А.Г. и др. Юдины // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 444.
³⁶ Мамсик Т.С., Резун Д.Я. Шевелевы // Там же. С. 412.
³⁷ Гаврилова Н.И., Зуева Е.А. Трапезниковы // Там же. С. 329.
³⁸ Башкатова З.В., Кириллов В.В., Киселев А.Г., Копцева Т.В. Сыромятниковы // Там же. С. 300.
³⁹ Барсукова М.А., Башкатова З.В., Киселев А.Г., Мамсик Т.С. Смолины // Там же. С. 273.
⁴⁰ Гаврилова Н.И., Резун Д.Я. Сибиряковы // Там же. С. 259.
⁴¹ Разумов О.Н., Киселев А.Г. Михайлов Петр Васильевич // Там же. С. 52.
⁴² Жиров А.А. Осокин Михаил Онупфриевич // Там же. С. 126.
⁴³ Дмитриенко Н.М., Зуева Е.А., Кириллов В.В., Разумов О.Н. Некрасовы // Там же. С. 85.
⁴⁴ Разумов О.Н., Зуева Е.А. Жилье Александр Францевич // Там же. Т. 1. С. 233.
⁴⁵ Шелегина О.Н. Музеи Сибири... С. 62.
⁴⁶ Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах... С. 200.
⁴⁷ Там же. С. 136.
⁴⁸ Старцев А.В. Сафьянов Григорий Павлович // Историческая энциклопедия Сибири... Т. III. С. 17.
⁴⁹ Адрианов А.В. Томская старина. Томск, 1912. С. 67.

Е.И. Кочкина
г. Красноярск

Красноярский городской музей в первый период установления советской власти в Сибири

В нач. XX в. Красноярский городской музей располагался в здании бывших гостиных рядов. В связи с ростом коллекций и активизацией работы появилась необходимость в специальном помещении, и в 1913-1914 гг. началось строительство существующего здания по проекту сибирского архитектора Леонида Александровича Чернышёва.¹ Но последующие события коренным образом изменили всю деятельность музея.

Предшествующий период, начавшейся Первой мировой войны, революций, а затем и гражданской войны, наложил свой отпечаток на работу музея и его руководителя.² В это время должность директора Красноярского городского музея занимал переселившийся в Сибирь Аркадий Яковлевич Тугаринов – профессор, доктор биологических наук, учёный-орнитолог.

Работа сотрудников музея не прекращалась как во времена монархии, так и в первый период власти Советов, который продлился в Красноярске с 29 октября (11 ноября) 1917 г. до 18 июня 1918 г., когда интервенты и белогвардейцы захватили город. Данный период слабо отражён в литературе, прослеживается тенденция, при которой большинство учебных пособий после имперской сразу дают характеристику советской музейной системы 20-30-х гг. XX в., пропуская важный период становления новой государственности, изменения системы культурных ценностей, с их связью в музейном деле.³

В октябре 1917 г. к власти в России пришла партия большевиков, провозгласившая курс на созидание основ нового коммунистического общества. Как и во все времена, когда происходит

ломка государственного и жизненного уклада, остроту в этот период также приобрела проблема сохранения культурного достояния страны.⁴ Тем не менее, Красноярский городской музей закрывают для посетителей на неопределенный период времени. Это мало содействовало продолжению культурной и научной деятельности, но музей не прекращал свои работы и использовал для своих целей любые возможности.⁵

В данный период деятельность музея направлена на создание и пополнение фонда войны и революций. И независимо от взглядов каждого, сотрудники собирали плакаты, листовки, прокламации, газеты, объявления и даже бланки. Хотя трудно было думать о какой-либо работе, когда в музей время от времени вторгались красногвардейцы, пытались устроить в нём наблюдательный пункт. Для музея всё обошлось благополучно и в конце марта 1918 г. гвардейцы покинули его. Часть сотрудников музея, в т.ч. и директор, оказалась вовлечённой в революционные события. Ещё в мае 1917 г. А.Я. Тугаринов в качестве особого комиссара Временного правительства по продовольствию уезжает в Туруханский край. Он, В.И. Тугаринова и З.В. Евсеева поселились в Новотуруханске,⁶ где в течение года собирали сведения о населении, знакомились с бытом северян, выезжая в Старый Туруханск. А.Я. Тугаринов записывал легенды и воспоминания старожилов, фотографировал остатки церкви и других древних зданий. Его интересовали практически все стороны жизни: шаманизм, религия и особенности речи местного населения, фенологические наблюдения.⁷ Всё увиденное исследователи старались максимально зафиксировать в путевые тетради.⁸ Это была хорошая возможность продолжить изучение отдаленного северного района. Вместе с тем в обязанность Тугаринова входило обеспечение Туруханского края продовольствием.⁹ Несмотря на загруженность служебными обязанностями, Аркадий Яковлевич, выполнял поручение Красноярского Подотдела Русского Географического общества. Он сумел собрать этнографическую коллекцию, всего 69 предметов, которые им были переданы Красноярскому музею.¹⁰

Музей находился в заведовании Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСО-ИРГО). Но после октябрьской революции РГО было передано в ведение Народного комиссариата просвещения. Музей включили в число учреждений, подведомственных отделу народного образования, со штатом в количестве двенадцати сотрудников. Развитие революционного движения с осени 1917 г. расплыло кадры. Но скоро штаты музея значительно увеличились. Это произошло в связи с приказом об обязательной регистрации работников искусств, достигших 18 летнего возраста.¹¹ Как отмечает А.Я. Тугаринов, «музей с большим трудом мог оказать возможность работы в нём каждому желающему».¹²

Одним из новых сотрудников музея в начале 1918 г. стал Николай Константинович Ауэрбах.¹³ Он оказался в этот период единственным исследователем древностей, имеющим специальное археологическое образование (Археологический институт).¹⁴ Н.К. Ауэрбах начал вести систематический подбор газетной литературы в музей.¹⁵ Комплектование фондов в эти годы шло по нарастающей. В 1917 г. этнографический фонд пополнился на 51 предмет, а в следующем, 1918 г., поступления составили 169 единиц. Единственная коллекция в 1917 г. поступила от Степана Дмитриевича Майнагашева, известного общественного деятеля, который занимался сбором полевого материала по этнографии и языку территориальных групп хакасов. Коллекция, переданная музею, включала в себя в основном предметы домашнего обихода, изготовленные из дерева и бересты.¹⁶ Ботаник А.Л. Яворский исследуя территорию Столбов под Красноярском, несколько пополнил коллекции музея по ботанике.¹⁷

Декрет Совета Народных Комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (2 февраля 1918 г.) объявил «народным достоянием» всё церковное имущество.¹⁸ В этот период в музее пополнился отдел церковной археологии, но не столько из-за декрета, как благодаря сочувственному отношению церковного руководства, безвозмездно передававшего на хранение музею содержимое своих кладовых, а также пожертвований. В период национализации ценностей, в музей поступило максимальное количество произведений древнерусского искусства – 339 предметов.¹⁹ Всего в 1917 г. цифра поступлений достигла 700 предметов, поднявшись в 1918 до 1884 единиц.²⁰ Самым обильным и надёжным источником пополнения коллекций музея

были ежегодные экспедиции.²¹ Но в 1917 г. музей не смог организовать экспедиции, так как в стране была нестабильная обстановка, шло формирование новых структур власти, были неясны дальнейшие перспективы, и отсутствовало финансирование.²²

С 1915 г. до развала армии в 1917 г. в недостроенном здании музея жили солдаты. Советская власть не обратила внимания на музей. Только тогда, когда в Красноярске готовилось выступление, здание было использовано красногвардейцами как наблюдательный пункт, а на его крыше поставили пулемёты.

Было понятно, что достройка здания отошла в далёкое будущее, музей продолжал находиться в комнатах старых гостиных рядов, где только в одной комнате была возможность работать, а в остальных зимой температура опускалась до -12° С. В отчёте по Красноярскому музею за 1914 – 1919 гг. А.Я. Тугаринов описывает состояние музея зимой 1917 – 1918 гг.: *«Печи совершенно негодны, оконные рамы сгнили, сквозь потолок проходит сырость чердака. Музей, т.е. его коллекции сложены в ящики и при указанных условиях помещения весь материал с одной стороны вызывает особую хлопотливость хранения, а с другой стороны всё же не гарантирует его ценности. Т.е. считаются с неопределённостью положения и полной вероятностью просуществовать в старом помещении ещё 1 – 2 зимы, встанет вопрос об его ремонте, хотя бы частичном».*²³

В это время накопилось много черновой работы по проведению в порядок сборов, главным образом по отделу войны и революции. Эти отделы начали быстро расти, а материалы получали немедленную группировку. На 1918 г. основными решаемыми задачами были составление инвентарей подсчёта материалов, пересмотр наиболее требовательных в смысле хранения коллекций, по итогам которых Красноярский городской музей привёл в порядок свои материалы.

Когда в Сибири пала Советская власть, новое здание музея уже находилось в состоянии разрушения.²⁴ По отчётам А.Я. Тугаринова можно восстановить картину жизни и деятельности Красноярского городского музея: жилищные условия, обзор работы, поступление материалов и их состав, коллекции музея, всё это живо представлено в отчётах за 1918 год. Музей переживал трудные времена, но несмотря ни на что, его сотрудники продолжали активную деятельность, всеми возможными силами пополняли коллекции, вели комплектование материалов, выполняли требуемые работы. Вот как описывает А.Я. Тугаринов состояние строящегося здания музея: *«Внутри это был хаос, выбитые стёкла, мусор, нечистоты, крыша местами была сорвана, а больше того пробита штыками, проржавела, помята, легко протекала, на потолке образовались застои воды, некоторые балки заплесневели, начали гнить. Но город был с пустой кассой, у Строительного Комитета не было ничего, кроме долгов».*²⁵

Таблица поступления материалов и их состав²⁶

Отделы	Состояло на 1 января 1914 г.	Поступило в 1914 г.	Поступило в 1915 г.	Поступило в 1916 г.	Поступило в 1917 г.	Поступило в 1918 г.	Состояние на 1 января 1919 г.
геология	6048	60	161	31	6	151	6457
палеонтология	1029	145	67	52	3	–	1296
почвоведение	144	–	–	3	–	–	147
ботаника	20797	306	1617	1772	78	87	24657
зоология	21689	102	1291	473	366	169	24090
антропология	235	13	18	8	1	2	277
археология	8609	44	41	67	68	168	8997
этнография	2511	42	177	465	51	169	3415
старый Красноярск	239	199	182	683	26	35	1364
церковные древности	413	11	19	40	42	3	528
нумизматика	2883	128	17	45	5	75	3153

сельхоз. и промышленность	1512	3	22	33	42	7	1619
общеобразовательный	2204	325	–	300	11	–	2840
изображений	686	254	135	299	–	1018	2392
итого	68999	1632	3747	4271	699	1884	81232

2012

Литература:

1. Архив Красноярского Краевого краеведческого музея (АКККМ) О/ф. О.01. Д.355.
2. АКККМ О/ф. О.01. Д.356.
3. АКККМ О/ф. О.01. Д.357.
4. Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается... // Сборник научных статей: Красноярский краевой краеведческий музей. – 2011. – 384 с.
5. Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Баташев М.С., Васильев А.Д., Выдрин Е.В. Русское географическое общество в Красноярске (1901-1937 гг.) – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 120 с.
6. Век подвижничества: [сборник статей] / Красноярский краевой краеведческий музей. – Красноярск: Книжное издательство, 1989. – 285 с.
7. Второй век подвижничества: [сборник научных статей] / М-во культуры Краснояр края, КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей»; [отв. за вып. В. Ярошевская; сост.: Л. Карнаухова, Н. Сичкарь]. – Красноярск: 2011. – 281 с.
8. Юренева Т. Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. – 4-е изд., испр. И доп. – М.: Академический Проект; Альма Матер. – 2007. – 560 с.

Примечания:

- ¹ Гринберг Ю.И. Л.А. Чернышёв – архитектор и стороитель здания Красноярского музея/ Век подвижничества: [сборник статей] / Краснояр. краев. краевед. музей. – Красноярск: Книжное издательство, 1989. – С. 5
- ² Макаров Н.П. Археологические исследования А.Я. Тугаринова // Сборник научных статей: Красноярский краевой краеведческий музей. – 2011. – С. 12.
- ³ АКККМ О/ф. О.01. Д.355. Л.4.
- ⁴ Юренева Т.Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. – 4-е изд. – М.: Академический Проект; Альма Матер. – 2007. – С. 273.
- ⁵ Баташев М. К истории комплектования фонда этнографии коренных народов Приенисейского края Красноярского краевого краеведческого музея/ Второй век подвижничества: [сборник научных статей] / М-во культуры Краснояр края, КГБУК «Краснояр. краев. краевед. музей»; [отв. за вып. В. Ярошевская; сост.: Л. Карнаухова, Н. Сичкарь]. – Красноярск: 2011. – С. 19.
- ⁶ Вдовин А.С., Гуляева Н.П. и др. Русское географическое общество в Красноярске (1901-1937 гг.) – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – С. 75.
- ⁷ Макаров Н.П., Яворский А.Л. Двадцать лет во главе музея /Век подвижничества: [сборник статей] / Краснояр. краев. краевед. музей. – Красноярск: Книжное издательство, 1989. – С. 37.
- ⁸ Вдовин А.С., Гуляева Н.П. и др. Русское Географическое Общество в Красноярске (1901-1937 гг.) – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – С. 76.
- ⁹ Макаров. Там же. – С. 37.
- ¹⁰ Баташев М.К истории комплектования фонда этнографии коренных народов Приенисейского края Красноярского краевого краеведческого музея. / Второй век подвижничества: [сборник научных статей] / М-во культуры Красноярского края, КГБУК «Краснояр. краев. краевед. музей»; [отв. за вып. В. Ярошевская ; сост.: Л. Карнаухова, Н. Сичкарь]. – Красноярск: 2011. – С. 19.
- ¹¹ Грищенко Л. Хроника малоизвестных страниц из жизни музея/ Второй век подвижничества: [сборник научных статей] / М-во культуры Краснояр края, КГБУК «Краснояр. краев. краевед. музей»; [отв. за вып. В. Ярошевская ; сост.: Л. Карнаухова, Н. Сичкарь]. – Красноярск: 2011. – С. 66.
- ¹² АКККМ О/ф. О.01. Д.355. Л.4.
- ¹³ Привалихин В.П. Век подвижничества: [сборник статей] / Краснояр. краев. краевед. музей. – Красноярск: Книжное издательство, 1989. – С. 142.
- ¹⁴ Вдовин А.С., Гуляева Н.П. и др. Русское Географическое Общество в Красноярске (1901-1937 гг.) – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – С. 76.
- ¹⁵ АКККМ О/ф. О.01. Д.355. Л.4.
- ¹⁶ Баташев М. К истории комплектования фонда этнографии коренных народов Приенисейского края Красноярского краевого краеведческого музея. – Красноярск: 2011. – С. 19.
- ¹⁷ АКККМ О/ф. О.01. Д.355. Л.4.
- ¹⁸ Юренева Т.Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. – 4-е изд. – М.: Академический Проект; Альма Матер. – 2007. – С. 275.
- ¹⁹ Бобылев С.И. Древнерусская живопись в собрании музея / Век подвижничества: [сборник статей] / Краснояр. краев. краевед. музей. – Красноярск: Книжное издательство, 1989. – С.64.
- ²⁰ АКККМ О/ф. О.01. Д.356. Л.1.

²¹ Ярошевская В.М. Музей вчера, сегодня, завтра / Век подвижничества: [сборник статей] / Краснояр. краев. краевед. музей. – Красноярск: Книжное издательство, 1989. – С. 4.

²² Макаров Н.П., Яворский А.Л. Двадцать лет во главе музея / Второй век подвижничества: [сборник научных статей] / М-во культуры Краснояр края, КГБУК «Краснояр. краев. краевед. музей»; [отв. за вып. В. Ярошевская; сост.: Л. Карнаухова, Н. Сичкарь]. – Красноярск: 2011. – 281 с. Багашев М., – С. 19.

²³ АКККМ О/ф. О.01. Д.355. Л.2.

²⁴ Там же. Л.1.

²⁵ АКККМ О/ф. О. 01. Д.355. Л.1.

²⁶ АКККМ О/ф. О.01. Д.355. Л.5

С.С. Макарова,
г. Абакан, Республика Хакасия

К вопросу о взаимодействии Минусинского музея и Абаканского Государственного Учительского института

Тонкая нить, связывающая Минусинский музей им. Н.М. Мартьянова и первое образовательное учреждение высшей ступени – Абаканский Учительский институт (Республики Хакасия), лишь на первый взгляд кажется едва заметной и почти невидимой, на самом деле связи эти более тесные и глубокие, чем может показаться на первый взгляд стороннему наблюдателю.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. ассоциируется с переломным моментом в развитии советского государства, что собственно является вполне справедливым утверждением, т.к. война потребовала мобилизации внутренних скрытых ресурсов общества, а так же напряженного, самоотверженного труда населения не только на военных фронтах, но и в глубоком тылу.

Парадокс, но для обоих учреждений начальный период войны стал в какой-то мере отправной точкой всего дальнейшего существования.

Основанный в 1939 г. Абаканский Учительский институт оказался в сложных условиях в силу своей слабой материальной базы, молодости и не укомплектованности педагогического состава, а так же огромной ответственности за систему профессиональной подготовки специалистов, в области образования Хакасии. 27 октября 1941 г. директор института В. Дубов перед коллективом ставил следующие задачи:

1. Производить работу по выполнению государственного плана.
2. Весь состав научно-учебного персонала и студентов включить в обучение военному делу.
3. Провести работу по оказанию помощи Красной Армии. (Сбор средств, организация подарков)
4. Провести организационную работу по разъяснению положения на фронте.¹

С началом Великой Отечественной войны Минусинский музей также, был поставлен перед сложным выбором: продолжать работу, перестроив полностью структуру и основную направленность своей деятельности, или закрыться.

В работах исследователей Китовой Л.Ю. и Дэвлет М.А. говорится о том, что столь непростое решение осложнялось следующим обстоятельством. Исполняющий обязанности директора музея Е.Ф. Гушин полагал, что в условиях военного времени, когда все помыслы и стремления народа направлены на содержание фронтов, «музей надо закрыть на ключ, ключ в карман, а всех работников распустить».²

Победило решение продолжить работу, изменив коренным образом её направленность. Деятельность музея должна была стать более открытой для общественности, пропагандистской, направленной на злобу дня.

В связи с этим на третий день войны в фойе музея открывается экспозиция о Великой Отечественной войне,³ а в газете «Власть труда» начинают печататься статьи работников музея по ленинской тематике: «Шушенский дом-музей В.И. Ленина» (автор И. Цветков), «Ленинские места в Минусинске» (автор Л.А. Иссинский), «В.И. Ленин в Минусинске» – выдержки из книги «В.И. Ленин в сибирской ссылке» издания 1942 г. с воспоминаниями Е.Ф. Гушина о его встрече с вождём мирового пролетариата.⁴ Во всех этих статьях читался не двусмысленный намёк авторов на уникальность Минусинского музея и на то, что В.И. Ленин ценил Минусинский

музей, и, изредка бывая в городе, даже работал в музейной библиотеке. Последняя действительно считалась одной из лучших.

В 1942 г. Абаканский Учительский институт обратился с просьбой к дирекции Минусинского музея, оказать помощь в пополнении библиотечного фонда института, «который крайне беден».⁵ Но данная попытка не увенчалась успехом, т.к. в силу ряда обстоятельств её не довели до логического завершения, о чём весьма сожалели.⁶ Библиотечный фонд был пополнен за счёт личных пожертвований педагогического состава.⁷

В предвоенный период и период войны по причине нехватки рабочих кадров нередким явлением становится взаимодействие музеев между собой и с учреждениями образования. В.П. Левашова, будучи археологом Минусинского музея, помогала оформить экспозицию по археологии Хакасскому Республиканскому краеведческому музею.⁸ Постоянными посетителями музея, его новой экспозиции стали представители культурной и научной интеллигенции города, а также учащиеся и студенчество.

Впрочем, единственный квалифицированный археолог В.П. Левашова работала в рамках пятнадцатилетнего плана Наркомпроса археологических обследований РСФСР, в который Минусинский музей был включён с 1941 г.⁹ В плане предусматривалось взаимодействие четырёх региональных музеев Минусинского, Красноярского, Ачинского, Хакасского.¹⁰ Совместная работа музеев состоялась, за исключением Ачинского музея переживающего сложный организационный период.

Работа музея в годы войны должна была иметь пропагандистское звучание, поэтому организовывались выставки и экспозиции патриотического направления.

По мнению главного хранителя музея им. Н.М. Мартьянова О.И. Боярченко, всего было оформлено 133 фотовыставки.

В записках учёного Совета Абаканского Учительского института существует упоминание о необходимости принять участие в организации выставки в Хакасском краеведческом музее, посвящённой годовщине образования республики.¹¹ В её организации принимало участие студенчество, местные специалисты и вновь прибывший преподаватели А.Н. Савчук, А.С. Токарев. Помощь и консультации по проведению выставки и восстановлению музея оказывали специалисты Минусинского музея в лице В.П. Левашовой.¹²

В 1943 г. директором Минусинского музея была назначена Тамара Фёдоровна Маркова. Несмотря на свою не подготовленность, она быстро вошла в курс дела.¹³

В 1943 г. продолжалась практика совместных археологических раскопок. Начатая ещё в 1941 г. с разработки китайского дворца, она завершилась составлением нескольких карт юга Минусинского района.¹⁴

Ряд специалистов, работающих на раскопках, проводимых совместно с Минусинским Мартьяновским музеем, работали в системе образования Хакасии или же взаимодействовали с Хакасским краеведческим музеем. В.П. Левашова, А.Н. Савчук, А.Н. Липский – они не просто жили в один временной период, они общались, взаимодействовали и работали сообща.

Музей активно привлекал к своей работе детей и студентов. Сотрудники выступали с пропагандистскими беседами в госпиталях в школах, колхозах, на собраниях молодёжи.¹⁵

В музее действовали различные кружки по изучению ботаники, истории, литературы. Аналогичные кружки образовывались при Абаканском Учительском институте, но действовали не очень успешно, о чём неоднократно сообщал профессор С. Токарев.¹⁶

Сотрудники Минусинского музея в 1943-1944 гг. выступали на городских районных конференциях с докладами о проведении краеведческой работы и организации кружковой деятельности.

2012

Примечания:

¹ НАРХ. Ф.528. О.1. Д.14. Л.5.

² Китова Л.Ю. Дэвлет М.А. Воспоминания В.П. Левашовой о работе Минусинского музея. / Китова Л.Ю. Дэвлет М.А. / Мартьяновские краеведческие чтения / Сборник докладов и сообщений. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова. Вып № 6 – Минусинск – 2010. С.54.

³ Там же.

⁴ В.И. Ленин в сибирской ссылке // Власть труда. – 1942 г. – 21 января.

⁵ НАРХ. Ф.528. О.1. Д.16. Л.43.

⁶ Там же.

⁷ Ултугашев С.П. Был всегда нацелен на будущее. Абакан. 1996. – С. 14.

⁸ Ултужекова Л.Г. Из истории музея/ Ултужекова Л.Г. Мартьяновские краеведческие чтения/ Сборник докладов и сообщений. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова. Вып. № 2 – Минусинск – 2007. С.56.

⁹ М.А. Дэвлет. К столетию Минусинского музея.// СА. 1977. №1. С. 305-309.

¹⁰ Там же.

¹¹ НАРХ 528. О.1. Д.15. Л.95.

¹² Данькин Е.Н. История развития исторической науки в Хакасии. Монография// Е.Н Данькин. Абакан-2011. С. 35.

¹³ Китова Л.Ю. Дэвлет М.А. Воспоминания В.П. Левашовой о работе Минусинского музея / Китова Л.Ю. Дэвлет М.А. / Мартьяновские краеведческие чтения / Сборник докладов и сообщений. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова. Вып. №6 – Минусинск – 2010. С. 57.

¹⁴ Боярченко О.И. Музей в годы Великой Отечественной войны. / Боярченко О.И. / Мартьяновские краеведческие чтения/ Сборник докладов и сообщений. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова. Вып № 4 – Минусинск – 2007. С.54.

¹⁵ Там же.

¹⁶ НАРХ. Ф.528. О.1. Д.2 С.104.

А.А. Малицкая, А.С. Вдовин,
г. Красноярск

Тугаринов А.Я. и музейное дело в Сибири

Аркадий Яковлевич Тугаринов (1880-1948) приехал в Красноярск в 1905 г. на должность директора Красноярского музея. До этого он занимал пост консерватора в музее Саратовского Общества Естествоиспытателей.

«В целях возможного всестороннего ознакомления с постановкой музейного дела, Красноярский Распорядительный Комитет Подотдела непосредственно из Саратова командировал А.Я. Тугаринова в Петербург, где последний в течение декабря месяца, работал в Музее при Академии наук, Музее Императора Александра III и других. С января следующего года А.Я. Тугаринов вступил в исполнение своих обязанностей консерватора».¹

Красноярский городской музей находился тогда в помещении гостиных рядов на Старобазарной площади. Непригодное здание с низким потолком и подслеповатыми окнами было забито коллекциями.² Заняв свой пост, Аркадий Яковлевич активно занялся улучшением музея. Во время командировки в Петербург А.Я. Тугариновым были изучены различные способы регистрации коллекций, и на заседании музея в феврале 1905 г. им была предложена система записи содержащихся в фондах предметов, принятая в музеях Академии наук. Система была принята Распорядительной комиссией, и благодаря этому коллекции были систематизированы и появилась возможность оценить фонды музея. В 1906 г. вышла в свет брошюра «Обзор музея», для которой Тугаринов составил «Обзор предметов и коллекций по отделам музея».³

Будучи директором музея, А.Я. Тугаринов лично занимался сбором и изучением коллекций музея. Он являлся организатором и участником многих экспедиций, в которых были собраны ботанические, зоологические, археологические и этнографические коллекции.⁴

Прекрасно понимая, что нужно не только собирать материалы, но и делиться полученными материалами с людьми, А.Я. Тугаринов старался пропагандировать краеведение через экспозиции музея, создавая их и выступая для посетителей экскурсоводом. Также использовались другие формы привлечения людей, например 4 апреля 1910 г. был организован художественно-этнографический вечер.⁵ Такие вечера приближали красноярцев к деятельности музея, а также давали финансовую поддержку для его развития.

В 1911 г. музей участвовал в Западно-Сибирской выставке в Омске. Организация участия в этой выставке была поручена А.Я. Тугаринову. Вместе со своими помощниками он придумал и реализовал план экспозиции, которая была отмечена высшей наградой – Почётным дипломом, а сам директор получил малую Золотую медаль.⁶

В 1913 г. самым главным стал вопрос о дополнительной музейной площади, без которой показ

музейных коллекций был бы невозможен. Найдя поддержку у красноярской общественности, а затем и Енисейского губернатора И.И. Крафта, Тугаринов много сделал для претворения проектов строительства здания для музея в жизнь.

В 1914 г. из-за конфликта с председателем Географического общества В.Ю. Григорьевым Тугаринов хотел перевестись в Минусинск на свободную тогда должность директора музея. Однако, в это время произошли чиновничьи перемещения в Переселенческом управлении, и Григорьев был назначен комиссаром в пограничный Усинский округ. С переводом Григорьева конфликт был исчерпан и Тугаринов остался в Красноярске.⁷

Руководил постройкой нового здания музея архитектор-художник Л.А. Чернышёв. На специально отведённом месте началось строительство. Однако, вернувшись летом 1918 г. из поездки в Туруханский край по рекомендации В.М. Крутовского, Тугаринов застаёт здание музея разрушенным.

В 1919 г. на съезде Института исследований Сибири (ИИС) в Томске А.Я. Тугаринов выступил с докладом «Местные музеи Сибири и организация их деятельности». В этом докладе он освещает роль местных музеев как источника данных о крае, объективных данных как для научных, для и для учебно-вспомогательных целей. Приводит схему содержания музея, проблемы и задачи. Выдвигает необходимость создания музейного сибирского центра, который смог бы объединить деятельность музеев края.⁸

Начинается сотрудничество Института исследований Сибири с Красноярским Подотделом РГО. В Красноярске, как и в других крупных городах Сибири, было создано местное отделение ИИС, чтобы согласовывать проводимые экспедиционные работы. Между обществами прослеживается регулярный обмен сведениями и материалами по различным вопросам изучения Приенисейского края.

С получением Устава ИИС А.Я. Тугаринов сообщил о недоразумении, отметив, что «в Устав и Смету не внесено Музейное Бюро, о котором шла речь на Съезде». На его запрос профессор Б.П. Вейнберг ответил, что «выработанный проект комиссии не обсуждался на общем собрании, поэтому и нет соответствующего решения Съезда». Съезд постановил создать музей Института исследований Сибири, и в ноябре 1919 г. А.Я. Тугаринова утвердили на должность заведующего данным музеем.

Будучи по образованию ботаником и серьёзно занимаясь орнитологией А.Я. Тугаринов тем не менее очень хорошо понимал необходимость развития музейной деятельности, при чём в масштабах страны. В 1922 г. публикуется статья «Музей Приенисейского края и его организация». Одна из первых в стране научно обоснованная детальная характеристика краеведческих музеев. Были рассмотрены все основные области музееведения: от создания в России органа, посвященного музейному делу до формирования фондов и оформления экспозиций. Тугаринов показал способы организации экспозиции, ошибки при её создании, необходимость правильно выполненного этикетаж. Не обошел он стороной и устройство музея в целом, описав функции музея, его задачи, форму работы и порядок размещения отделов.⁹

Невозможно недооценить вклад А.Я. Тугаринова в развитие музейного дела в Красноярске. В 1924 г. подводя итоги в год тридцати пятилетия музея, А.Я. Тугаринов писал в поздравление своим коллегам: *«Работы нашего музея дали такие результаты, которые могут составить гордость любого исследовательского института»*. В этих словах не было никакого преувеличения – музей действительно стал научным центром огромного края.¹⁰

С 16 по 24 ноября 1924 г. в Красноярске проходит губернское совещание по краеведению. Тугаринов выступает на нём с тремя докладами: 1. Задачи и организация краеведческой работы; 2. Очередные задачи изучения фауны и растительного покрова нашего края; 3. Задачи местной этнографии. Также на этом совещании не раз поднимается вопрос о достройке музея. Однако дело так и не сдвинулось с мёртвой точки.¹¹

В 1925 г. отмечалось двадцатилетие деятельности А.Я. Тугаринова как директора музея Приенисейского края, а вскоре после этого, в начале 1926 г., он переезжает в Ленинград.

В 1930 г. музей переезжает в новое здание, которое может служить памятником деятельности в Красноярске такой незаурядной личности как Аркадий Яковлевич Тугаринов.

Литература:

1. Кочкина, Е.И. Институт исследования Сибири и Красноярский подотдел русского географического общества // Материалы 51-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. – Новосибирск, 2013. – С. 200 – 201.
2. Край наш Красноярский: Календарь знаменательных и памятных дат на 2005 год / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края; [сост.: Г.М. Гайнутдинова, Н.В. Фелелова]. Красноярск, 2004. 194 с.
3. Тугаринов А.Я. Музей Приенисейского края и его организация // Казанский музейный вестник, 1922, № 1. С 77-121.

Примечания:

- ¹ Двадцатипятилетие Красноярского городского музея, 1915. С.18,19.
- ² Яворский А.Л., Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. Красноярск, 1989. С.24
- ³ Двадцатипятилетие Красноярского городского музея, 1915. С.31
- ⁴ Яворский А.Л., Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. Красноярск, 1989. С.25
- ⁵ Там же. С.28
- ⁶ Там же. С.30
- ⁷ Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается... Красноярск, 2011. С.257]
- ⁸ Макаров Н.П. Тугаринов у нас один // 100 знаменитых красноярцев. Красноярск, 2003.
- ⁹ Тугаринов А.Я. Местные музеи Сибири и организация их деятельности. // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919.
- ¹⁰ Яворский А.Л., Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. Красноярск, 1989. С. 38
- ¹¹ Там же. С.38

С.Г. Плеханова,
г. Новосибирск

Экспозиционная деятельность музеев Сибири и Дальнего Востока в 1920-е годы

Перед каждым музеем, рано или поздно, возникает необходимость создания новой экспозиции. И вместе с тем сразу появляется много вопросов: как построить новую экспозицию, какой она должна быть, должна ли она иметь краеведческую направленность или какую-то другую, что будет востребовано посетителем, а что нет и др. С этим столкнулся Новосибирский государственный краеведческий музей, который закрывается на ремонт с января 2013 г. Для музея подобные вопросы стали иметь особую остроту. При решении этих проблем музейщики традиционно концентрируют внимание на изучении опыта крупных зарубежных и столичных музеев, недооценивая накопленный опыт локальной истории музейного дела, хотя не за продолжительный период истории музейного дела Сибири и Дальнего Востока в нём были свои «взлёты» и «падения», творческие поиски и времена застоя.

Одной из ярчайших страниц в музейном деле было «золотое десятилетие краеведения» – 20-е гг. XX в. – время сложное, во многом противоречивое и событийно насыщенное, в т.ч. и в плане музейной жизни. Однако, сегодня практически отсутствуют комплексные обобщающие исследования по истории музейного дела Сибири в первые годы советской власти: пока единственным полным научным обобщением истории музейного дела на Дальнем Востоке в 1920-1930-е гг. является монография Н.И. Рубана.¹ Монографических исследований этого вопроса по Сибири пока не проводилось. Отдельных исследовательских трудов посвящённых экспозиционной деятельности музеев региона на сегодняшний день так же нет. Однако, анализ историографической базы свидетельствует о том, что значительный научный потенциал уже накоплен. Более 80 статей, так или иначе, касаются деятельности музеев в обозначенный период.

В связи с этим, цель предлагаемого исторического обзора, освещение начальных этапов экспозиционной деятельности, её содержания и особенностей в первые годы советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке.

После установления советской власти, благодаря политике национализации, многие сибирские и дальневосточные музеи, такие как Омский, Томский, Новониколаевский, Тюменский, Троицкосавский, Благовещенский и др. стали размещаться в бывших помещичьих усадьбах, особняках или общественных зданиях. Получив лучшие здания, музеи приступили к составлению

экспозиции в новых, более просторных помещениях. Экспозиционная работа, как правило, осуществлялась в крайне сжатые сроки. Так, например, в феврале 1922 г. Томский музей получает в своё распоряжение помещения дома Асташева, а уже 18 марта этого же года открывает для обозрения первые экспозиции.²

В структуре новых экспозиций прослеживалось стремление к экспонированию предметов старины по образцу кунсткамеры, нередко без какой-либо связи между коллекциями. Собрания явно отражали научные интересы своих создателей и, по сути, являлись систематизированной демонстрацией коллекций музеев. Именно систематический метод в 1920-е гг. признавался как наиболее объективный и доступный краевым музеям.

При этом нередко коллекции размещались в новых помещениях практически по тем же отделам, что и в дореволюционный период. Так, например, Кяхтинский музей вместо пяти отделов создал четыре, с той лишь разницей, что отдел нумизматики, являясь ранее самостоятельным, теперь вошёл подотделом в отдел этнографии.³ Змеиногорский музей так же продолжал работать в рамках первоначально образованных отделов.⁴

Состав экспозиционных отделов в первые годы советской власти был довольно разнообразный. Так, в 12 сибирских музеях насчитывалось до 40 отделов, созданных по самым различным принципам. Большинство музеев имели естественно-исторический и культурно-исторический отделы, небольшие общественно (или производственно) экономические разделы.⁵

В музеях экспонировался, как правило, весь материал, запасных фондов не было. Показывались только подлинные экспонаты, лишь в общественно-экономические отделы вводили в экспозицию дидактические элементы, поясняющие тексты, схемы, карты, модели.

С включением музеев в задачу просвещения народов в них началась работа над созданием экспозиций, являвшихся «открытой книгой для всех грамотных и неграмотных» и проведения разнообразных мероприятий, экскурсий, лекций, бесед. Для этого стали всё более применяться методы «самоговорящего музея»: создание этикетажа, стрелок, путеводителей.

Зачастую в связи с задачей культурной работы по просвещению масс в музеях создавались соответствующие отделы. Вниманию посетителей Новониколаевского (Новосибирского – С.П.) музея в первые годы была представлена экспозиция по астрономии, биологии, геологии, археологии и этнографии, промышленности и сельскому хозяйству, по истории дореволюционной России.⁶ Организатор Новониколаевского музея В.А. Анзимиров писал: *«Из мёртвых, пахнущих нафталином и тленом, какими многие музеи были вчера, они, возрождённые живой водой революции, должны стать сверкающими мыслью, жизнью и красотой цветами культуры, привлекающими к себе все живые научно-технические силы страны, как и всех жаждущих настоящего знания».*⁷

Начиная с 1923 г. музеи начинают приобретать всё более краеведческую направленность. Появляются новые отделы, адекватные краеведческому профилю. Необходимость создания новой экспозиции, определённым образом структурированной, доступной народным массам и дававшей им необходимую информацию была сформулирована В.К. Арсеньевым в 1925 г.: *«Краеведческий музей должен быть зеркалом своего края, отражая его природу, население, хозяйство и культуру. Коллекции музея должны быть расположены так, чтобы каждый посетитель, проходя из одной залы в другую, мог получить наиболее последовательное, целостное и яркое впечатление о своём крае».*⁸ Для такой экспозиции наиболее приемлемым считался не систематический принцип построения экспозиции, как это было ранее, а комплексно-тематический.

Любопытно, что уже к сер. 1920-х гг. подобный музей становится культурной нормой, а отсутствие в экспозиции музея краеведческой систематики зачастую вызывало недовольство посетителей. Так, например, после открытия Камчатского музея в газету «Камчатская правда» начали поступать письма возмущённых краеведов. Вот одно из них: *«Камчатка – чрезвычайно богатый край в своём географическом, этнографическом и историческом значении. Край чрезвычайно богат интересной флорой, фауной, минералами. Большой интерес представляет также быт местных коренных жителей. Всё это отражено в нашем музее далеко не полно. Рабочий И. Якушин».*⁹

С 1926 г. в работе музеев начинает преобладать производственный уклон. Основное внимание уделялось изучению природных богатств и дальнейшему их освоению. Изучение истории края отодвигается на второй план. Музеи должны были показывать достижения социалистического

строительства в сравнении с дореволюционным прошлым.¹⁰ Страна готовилась к осуществлению первого пятилетнего плана индустриализации. Поэтому особую актуальность получил вопрос об организации промышленно-экономических отделов.¹¹

Во многих музеях стали зарождаться историко-революционные отделы. Некоторые из них приступили к собиранию материалов для этих отделов с первых же дней революции. При этом, музеям предписывалось создание экспозиций в отделах революции в большей степени политического, чем научного, характера. Они должны были стать наглядным примером в патриотическом воспитании населения, пропаганде политического курса партии большевиков. Главное внимание уделялось, в основном, массовой, устной и печатной пропаганде материалов о революционных событиях, Гражданской войне с точки зрения большевистского их понимания. Экспозиция, как правило, строилась на местном материале и подлинных вещевых памятниках, но включала много фотографий, плакатов и большие пояснительные тексты. Так, в отделе революции Иркутского музея экспонировались «различные заметки, отобранные при арестах, стихи из заключения, удостоверения сыскальной полиции, фотографии ссыльных с сопроводительными документами, а так же революционные плакаты. Тут же экспонировались портреты вождей Октября, фотографии арестантов и администрация Александровской тюрьмы, различные прокламации, объявления и газеты, всего более 300 экземпляров».¹²

Стремясь привлечь внимание к экспозициям отделов революции, музейные работники старались их «оживить» за счёт нетрадиционных решений. Так, директор Читинского музея П.А. Окунцов рекомендовал всем музеям «дать несколько схем боёв партизан с японцами и белыми, взяв плоские ящики с песком и изобразив из того же песка и камней рельефы гор, окопы, из мха, травы, и веток деревьев. Фигуры сражающихся будут представлять из себя оловянные солдатики, соответственным образом перекрашенные. Это будет дешёво и оригинально».¹³

Недостаточная научная проработка разделов по истории революционного движения, введение единых структур, однотипных документов вела к мифологизации общественного сознания, способствовавшего насаждению стереотипов о революционных событиях и деятельности исторических лиц.

1930-е гг. стали переломным моментом и в истории нашей страны и в музейном деле. Сибирские и дальневосточные музеи в процессе реорганизации экспозиционной и научной деятельности, имеющие собственную структуру, свойственную только им, находящиеся в определённой природной, исторической, национальной среде, со своими сложившимися традициями и научным потенциалом, были приведены к одному «типовому положению».¹⁴

В музеях происходила переориентация его экспозиционной и научной работы, заключавшаяся в перестройке всей работы в направлении максимальной связи с производством, демонстрации социалистического строительства, пропаганде техники, агитации за ударные темпы работы, на выполнение и перевыполнение промфинплана. Это вело к ликвидации целого ряда отделов: археологии, этнографии, геологии и палеонтологии, ботаники, экономики. Взамен предлагалось ввести отделы: вводный, технико-экономический, антирелигиозный, политехнизации, промкооперации, культурного строительства, коммунального хозяйства.

Стремление музеев к показу подлинных памятников объявлялось «формализмом музейного вида», местным музеям предлагалось экспонировать «научно-подобранные копии с материалов центральных музеев».¹⁵ Экспозиционные комплексы состояли в основном из вспомогательных материалов и текстов, наблюдалась явная гипертрофия оформительских приёмов и погоня за «украшательством». Применялись разнообразные попытки «театрализации» экспозиции, в которых живой подлинный материал, насильно укладывался в заранее намеченную композиционную схему.

Таким образом, научное содержание экспозиции было поставлено в прямую зависимость от задач коммунистического воспитания масс, как они понимались партией и государством. На I музейном съезде был выдвинут тезис, о том что «музейный посетитель должен оказаться «партийным», если он внимательно посмотрел экспозицию...».¹⁶

Новые направления в экспозиционной работе не принимались старыми научными сотрудниками. Многие из них категорически выступили против основных установок музейного съезда, указания которого воспринимались ими как абсурдные.¹⁷ Нежелание творческой музейной ин-

телигентии руководствоваться решениями съезда при перестройке экспозиции приводило к многочисленным перестановкам в руководстве и последующим репрессиям.¹⁸ Это приводило к тому, что зачастую в музеях наблюдался упадок, и работа практически прекращалась.¹⁹

Таким образом, благодаря политике национализации многие музеи получили новые более просторные площади, в которых в короткий срок была развернута экспозиционная работа. В первое время были ещё сильны досоветские традиции, такие как стремление к демонстрации подлинников, построение экспозиций по систематическому принципу с сохранением «кунсткамерного» показа «куръёзов» и «редкостей». Но, благодаря многообразию коллекций представляемых музеями, экспозиции первых лет советской власти были совершенно разными и отличались своим своеобразием. Постепенно музеи начинают приобретать краеведческую направленность, а экспозиции перестраиваться по комплексно-тематическому принципу. Музей с этого времени, стал ориентирован не на узкий круг учёных, а на широкий круг посетителей, а потому усилился поиск новых форм и методов, показа экспонатов, работы с населением, включения музейных экспозиций в образовательный процесс. При этом краеведческая направленность музеев была многим близка и понятна, так как создавала целостные представления о родном крае в доступной форме, но на научной основе. Однако, уже со втор. пол. 1920-х гг. начинается унификация экспозиционной работы, в ней начинает преобладать производительный уклон. Децентрализованная инициатива приводится в соответствие с официальным политико-идеологическим курсом. С 1930-х гг. музейные экспозиции полностью стали зависеть от решения задач коммунистического воспитания масс и текущей политики государства.

Итак, анализируя процессы исторического развития экспозиционной деятельности музеев региона в первое десятилетие советской власти, можно заметить, что сама идея «краеведческого музея» в том виде, как она развивалась до втор. пол. 1920-х гг., до сих пор близка и понятна. Начиная с постперестроечного периода, краеведческие музеи стараются развиваться приблизительно в этом же ключе, т.е. представить целостный образ края, его культурное, природное, историческое наследие по средствам подлинных музейных предметов в доступной для понимания любого посетителя форме по средствам экспозиции и выставок. Период тоталитарного режима постепенно привёл к полному разрушению основного содержания и основополагающей концепции местного музея. Подобная перестройка музейной деятельности надолго превратила музеи в инструмент идеологической, агитационной и политической работы партийных структур, что, в конце концов, дискредитировало феномен краеведческого музея. Теперь, само слово «краеведческий» зачастую воспринимается как стереотип.

Есть два выхода из проблемы: либо изъять данное слово из названия музея и назваться как-нибудь по-другому (например, музей истории и природы области), либо остаться краеведческим музеем, но саму идею возродить на качественно новом, современном уровне, где экспозиция, носящая краеведческий характер могла бы сломать любые стереотипы складывающиеся годами.

2012

Примечания:

¹ Рубан Н.И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920-1930-е гг.). Хабаровск, 2002.

² Сергеева Н.Я. Из истории Томского краеведческого музея // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея: Сб. статей. / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1994. Т.7.С.9.

³ Найдакова Г.В. Организация краеведческих музеев в городах Бурятии в первые годы Советской власти // Городская культура Сибири: история, памятники, люди: Сборник / под ред. Д.Я. Резуна. Новосибирск, 1993. С. 186.

⁴ Тишкина Т.В. Змеиногорский музей в 1922 – 1925 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Сборник научных статей. Выпуск XI / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и Л.А. Тишкина. Барнаул, 2000. С. 229

⁵ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009 [Т. 2] С. 392

⁶ Кабанов К.А. Развитие музейного дела в Западной Сибири в 1920-е гг. // Шадринская провинция: Материалы второй региональной краеведческой конференции. / Отв. ред. С.Б. Борисов и Л.М. Бритвич. Шадринск, 1998. С.115.

⁷ Томилов Н.А. Деятельность Новосибирского краеведческого музея в 1920-е – нач. 30-х гг. // Общественные движения и культурная жизнь Сибири (XVIII – XXвв.): Сб. научных статей. / Отв. ред. Э.Ш. Хазиаметов. Омск, 1996. С. 123.

⁸ Рубан Н.И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920 – 1930-е гг.) Хабаровск, 2002 С. 59

⁹ Соколова С.И. Из истории Камчатского музея // Краеведческие записки. Вып.7. Петропавловск-Камчатский, 1991. С. 8.

¹⁰ Кабанов К.А. Развитие музейного дела в Западной Сибири в 1920-е гг. // Шадринская провинция: Материалы второй региональной краеведческой конференции. / Отв. ред. С.Б. Борисов и Л.М. Бритвич. Шадринск, 1998. С.116.

- ¹¹ Закс А.Б. Источники по истории музейного дела в СССР (1917 – 1941) // Очерки истории музейного дела в СССР. – Вып. VI. М., 1968. – С.41
- ¹² Аскарлова Л.И. Экспозиция Иркутского государственного научного музея в 1925 г. // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: материалы регионально научно-практической конференции «Золотое десятилетие» иркутского краеведения: 1920-е годы», Иркутск, 11-13 янв. 2000 г. Ч. 1. Иркутск, 2000. – С.102.
- ¹³ Рубан Н.И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920-1930-е гг.). Хабаровск, 2002 – С. 69
- ¹⁴ Рубан Н.И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920-1930-е гг.) Хабаровск, 2002 – С. 104
- ¹⁵ Закс А.Б. Источники по истории музейного дела в СССР (1917 –1941) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VI. М., 1968. – С.45
- ¹⁶ Закс А.Б. Источники по истории музейного дела в СССР (1917 –1941) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VI. М., 1968. – С.46
- ¹⁷ Рубан Н.И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920-1930-е гг.) Хабаровск, 2002 С. 107
- ¹⁸ Кладова Н. В. Дело №10963// Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири: Сборник научных трудов. – Кемерово, 1996. – С.184.
- ¹⁹ Сергеева Н.Я. Из истории Томского краеведческого музея // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея: Сб. статей. / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1994. Т.7. – С. 13.

Т.И. Рябчевская,
г. Ачинск

Ачинскому музею – 125 лет

Одним из старейших сибирских музеев является Ачинский краеведческий музей имени Д.С. Каргаполова, насчитывающий 125 лет со дня его основания. История создания музея прекрасна и удивительна, годы существования загадочны и интересны, а сведения о нём отрывочны и, зачастую, не соответствуют действительности.

Музей открыт 8 сентября 1887 г. при библиотеке (здание городского училища по ул. Сенная площадь, в настоящее время – Красного пожарника). Заведующий – Каргаполов Дмитрий Семёнович.

Первоначально музей располагался в трёх шкафах и на трёх маленьких столиках. Дмитрий Семёнович при помощи своих учеников сумел собрать археологические находки, этнографические коллекции, естественно-научные экземпляры. После отъезда Каргаполова в Канск музеем временно никто не занимался. Продолжался подбор необходимой литературы и размещение коллекций в помещении библиотеки. В 1889 и 1891 гг. рассматривался вопрос о строительстве здания для училища, куда предполагалось перевести библиотеку с музеем, но план не осуществился.

Музей перевели в здание городской управы (ратуша находилась на Сенной площади, рядом с училищем. Ныне – ул. Красного пожарника. Здание не сохранилось).

Поскольку музеи в Сибири в основном создавались заинтересованными людьми и на общественных началах, то после отъезда Каргаполова деятельность музея несколько приостановилась – заведующего музеем назначено не было, а на общественных началах работа по пополнению коллекций проводилась не всегда в полном объёме.

Первые коллекции музея практически не сохранились, а документальные свидетельства скупы и не отражают положения дел того времени. В 1893 г. членом управы И.Ф. Патюковым ставится вопрос о выделении отдельной комнаты для музея и приведении в порядок коллекций: классифицировать и разместить в шкафах. Эти обязанности возложены на заведующего библиотекой Николая Дмитриевича Киселёва. В 1896 г. музей посетил Иосиф Августович де Бай.

1900-1904 годы. О деятельности музея в нач. XX в. известно то, что коллекции востребованы учениками в образовательных целях. Музеем бескорыстно занимался служащий торговой фирмы А.С. Мокроусова Константин Макарович Сухарев. Он вёл переписку с научными работниками по вопросам организации музея и выдвигал мысль о публичном музее в городе, который смогли бы посещать все желающие. Общественный публичный музей был учреждён и размещён в нанятое для этих целей помещении у купца Долинина (ул. Держинского).

1906 год. Коллекции увеличились, снова встал вопрос о помещении для библиотеки и музея. Выполняя решения Городской Управы от 1891 г., построили новое здание училища,

куда перевели библиотеку (ул. Красного пожарника, здание ГорОНО). Музейные коллекции разместили в шкафах и витринах, в рекреационном зале. Он перестал быть публичным, став снова образовательным.

1908 год. Для того, чтобы музей стал вновь публичным, как и библиотека, его разместили в здании Городской Управы (ул. К. Маркса, здание туб. диспансера). Он занимал всего одну комнату.

1912 год. Разрешилась проблема размещения увеличившихся коллекций: их перенесли во вновь построенное здание Городской Управы, расположив в отдельной от библиотеки дальней комнате (ул. Патушинского, здание электросетей).

1914 – 1915 годы. В этот период Н.Д. Киселёв занимался размещением музея в здании на углу улиц Дзержинского и Партизанской, (ныне Партизанская, 22), где позже, в советские годы, находились структуры гос. безопасности. Библиотека и музей занимали второй этаж. Пленный австриец безвозмездно привёл в порядок коллекции музея. В этом ему помогали ачинцы. Посещали музей и библиотеку в большей степени учащиеся, нежели горожане.

1917 – 1920 годы. Это был период социальных потрясений. Городской администрации было не до музея, но ни одна власть не решалась его закрыть. Он переключивался из одного здания в другое. В начале 1917 г. музей приютила женская гимназия (позднее – Ачинская девятилетняя трудовая школа), где в одной из классных комнат он просуществовал до октября 1925 г. Несмотря на все переезды и на все социальные потрясения того времени сбор материалов продолжался (об этом свидетельствуют листовки, воззвания, газеты тех лет). Заведующими музеем в разные годы были М. Тимохина и М.А. Крутько. Ачинский публичный музей стал выполнять функции педагогического.

1925 год. На одном из заседаний Ачинского окружного исполкома под председательством Якова Андреевича Аверьянова был поставлен вопрос о создании постоянной выставки музея. Тогда же приняли решение предоставить музею помещение на первом этаже в доме общественного собрания (ныне Драмтеатр). С октября месяца он становится окружным Ачинским музеем краеведения. На работу по его восстановлению был приглашен Александр Васильевич Блуменау, горный инженер, проводивший более 30 лет на изыскательных работах в Приенисейском крае. Он вдохнул новую жизнь в заглохшее музейное дело. В этот период музеем проводились исследовательские работы месторождений каменного угля и марганцевых руд. Велись археологические работы. На тот момент музей располагался в пяти комнатах первого этажа и в двух комнатах второго этажа дома Общественного собрания (ул. Пузановой).

1926 год. Музей окончательно переезжает из школы-девятилетки, где был всего один отдел – краеведения. В этом же году научным сотрудником начинает работать Павел Елисеевич Чернявский.

Благодаря Блуменау и Чернявскому в музее начинают действовать отделы выставок:

- торговля;
- промышленность;
- коммунальное хозяйство;
- краеведение;
- кустарное дело;
- сельское и лесное хозяйство:
- экономика и финансы;
- народное образование, здравоохранение и печать;
- кооперация, профсоюзное движение;
- управление.

1927 год. 1 января музей переименован в «Ачинский музей Причулымского края».

О его работе писала газета «Трудовая правда»: «...музей имеет 12 отделов с числом экспонатов более 1875, число которых увеличивается в связи с изучением бассейна реки Чулым». Музеем организованы экспедиции в Южную часть Ачинского округа и Хакасского, на ст. Глядень, на ст. Кемчуг, на ст. Зерцалы.

1929-1930 годы. На эти годы падает расцвет музея. Он переносится в здание бильярдной Компома (здание библиотеки по ул. Ленина, 18), которое абсолютно было для него не приспособлено.

Зоологический и орнитологический отделы приходят в негодность, а помещение настолько мало, что коллекции размещать негде. Музеем заведует П.Е. Чернявский. Он добивается размещения коллекций в другом помещении. В музее имелись собрание живописи, фотографии, аппликации, изданий художественно-прикладного искусства, нумизматики, статистическо-экономическая.

15 сентября 1930 г. музеем предоставили помещение (в здании по ул. Советской, 24, в бывшем доме купца Максимова, ныне Центр Занятости населения).

С приходом Блуменау и Чернявского стали проводиться геологические и археологические изыскания (музеем проведено 5 экспедиций по археологии, добыче полезных ископаемых, исследованию горных ископаемых). Именно на эти годы попадает открытие, которое в дальнейшем предопределяет судьбу Ачинска. В 1930-1931 гг. в Ачинском округе были открыты сапропелевые (нефелиновые) руды, благодаря которым в нашем городе построен и успешно функционирует Ачинский глинозёмный комбинат. П.Е. Чернявским начата работа по созданию экспозиций музея. В нём были отделы:

- естественно-исторический;
- культурно-исторический;
- общественно-экономический.

Музеем проводилась работа по этнографическому, бытовому обследованию близ лежащих селений.

1932-1935 годы. После ухода П.Е. Чернявского музеем временно заведует Е.П. Светличная, а затем Н.А. Ампилогов.

В 1934 г. директором становится Ф.В. Коровин. Музей расширяет свою деятельность: имеется подсобная организация - художественная мастерская.

Открылись для посетителей отделы выставок:

- сельскохозяйственный;
- вводный;
- историко-революционный;
- лёгкой индустрии;
- мироздания;
- естественной истории;
- горной промышленности.

В *1937 – 1939 годы*, после ухода Коровина, музеем временно заведует Посакаухин, затем директором становится Андрюкова. С 1937 г. директором работает Анна Васильевна Кравченко, член городского Совета. В это время музей ведёт геологические работы в поле, сбор отпечатков рыб (д. Изык-Чуль Ужурского района). С 1939 г. – вплоть до начала Великой Отечественной войны директором была А.А. Гребенникова.

1940-е годы. Несмотря на тяжёлое положение в стране, в начале Великой Отечественной войны музей работал. По отчётам его посетило 850 человек. Затем музей был закрыт для посетителей (особенно в зимнее время). Некоторое время он был законсервирован, прекратились исследовательские и изыскательные работы. В начале войны у музея забирают помещение. Экспонаты перевезли и свалили в помещение товарного склада (ул. Ленина, 20).

После окончания Великой Отечественной войны в стране всем было не до музеев, да и зарплата была очень низкой. Люди неохотно шли на работу в музей, поэтому директора в этот период менялись часто, и как таковых данных о деятельности музея в этот период нет:

1944-45 гг. – директор Гушин Ефим Фомич.

1945 г. – директор Дымченко.

1947 г. – директор Федотов.

1948 г. – директор О. Родина, её сменила Носкова.

Известно, что 09 февраля 1946 г. музей был неофициально открыт для посетителей. Директор – Киселёва. Официально открыт для посетителей в 1948 г.

Как писал Е.М. Засецкий в газете «Ленинский путь» № 138 от 02.12.49 г.: «Долгое время Ачинский краеведческий музей не удовлетворял культурных запросов трудящихся. Это явилось следствием частой смены руководителей музея в непростые для страны годы войны, небрежного

хранения его фондов и отрыва научных работников музея от масс краеведов. В результате этих и многих других причин Ачинский краеведческий музей – в довоенные годы один из лучших музеев в крае – по существу прекратил всякую научную и организационно-массовую работу».

В 1949 г. музей возглавил Пётр Тимофеевич Назаров, отец Героя Советского Союза Александра Назарова.

Летом 1949 г. было осуществлено два краеведческих похода и несколько экскурсий по историческим местам нашего города. Это способствовало накоплению большого материала по геологии, палеонтологии, археологии и экономической географии района.

Осенью 1949 г. по решению местных партийных и советских организаций были начаты работы по реконструкции и восстановлению музея. Одновременно с пересмотром и изучением фондов, составлением нового экспозиционного плана коллектив музея особое внимание начал уделять организации краеведческого актива.

Тесная связь с общественностью обогатила музей новыми экспонатами и оборудованием.

Фонды музея пополнились почти на 2 тыс. экспонатов. (Например, отдел социалистического строительства был пополнен ценными экспонатами – листовками, прокламациями, газетами пред-революционных лет, революции 1905 г., периода пребывания Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Сталина) в Ачинске, февральской революции 1917 г., Великой Октябрьской социалистической революции и славных лет борьбы народа с иностранной интервенцией и белогвардейцами).

Значительное место в экспозиционном плане уделено показу истории борьбы за установление советской власти в нашем городе и районе. Расширены и детализированы отделы:

- флоры и фауны;
- полезных ископаемых;
- палеонтологический;
- этнологический.

В основу всей работы музея 1949 г. положен принцип всестороннего отображения истории города, района и края, глубокого изучения его культуры и перспектив дальнейшего планового развития.

1950-е годы. На пороге нового десятилетия Ачинский краеведческий музей планирует дальнейшее углубление научно-исследовательской и краеведческой работы: намечены два комплексных краеведческих похода в район хребта Арга, закладка ботанического сада, организация 12 выставок и завершения их строительства, организация собственного лектория.

К этому времени музей имеет все возможности произвести полный свод хронологических справок по истории Причулымского края, организовать стол справок по всем вопросам истории и экономики города и района.

В 1950 г. в музей пришёл работать Прокопий Иванович Маякин. Под его руководством сотрудники стали разбирать музейные предметы, привезённые ранее и сваленные в кучу. Для посетителей вновь были организованы выставки:

- Великая Отечественная война;
- Наука и религия;
- Биология (природа Красноярского края);
- Происхождение человека;
- Партизаны Ачинского округа;
- Образование РСДРП(б)
- Жизнь и ссылка Сталина.

В 1951 г. в музей приходит работать научным сотрудником Е.М. Засецкий – краевед, пытли- вый и любознательный человек.

1953-1954 годы. Директором музея был назначен Бронислав Иосифович Лях. Он много сил и умений отдал для построения экспозиции. В это время были разобраны остатки коллекций.

В 1955 г. директором музея становится Евгений Михайлович Засецкий – бывший репрессиро- ванный. Начинается настоящее возрождение музея.

В 1956 г. он приглашает в музей работать научным сотрудником Георгия Александровича Авраменко, репрессированного геолога. Он занимался археологией, палеонтологией, историей го- рода. В этом же году в музей была направлена работать Клавдия Николаевна Куприянова.

1956-1960 годы. Музеем заведует Куприянова Клавдия Николаевна. В этот период продолжается работа по разборке материалов фондов, сбору коллекций.

В годы работы К.Н. Куприяновой экспозиции отражали особенности сельского хозяйства, состояние промышленности, естественные богатства, историческое прошлое.

1960-1990-е годы. В 1961 г. директором становится Алексеева Любовь Васильевна. В первые годы её работы был сделан капитальный ремонт и внутренняя перепланировка здания. Научными сотрудниками проведена огромная работа по сохранению в городе памятников культуры, истории и архитектуры: на многих зданиях установлены мраморные мемориальные доски, свидетельствующие о тех или иных событиях, связанных с историей Ачинска, с именами замечательных людей города.

Проводится большая научно-исследовательская работа. Создаются постоянные экспозиции:

- «Прошлое города Ачинска»;
- «Древнейшее прошлое Причулымья»;
- «Годы гражданской войны»;
- «Ачинцы в годы Великой Отечественной войны».

Основное направление работы – культурно-просветительское. Организуются экскурсии, проводятся беседы и уроки, как в стенах музея, так и в организациях, учебных заведениях города. Оказывается помощь в создании краеведческих музеев в городах Назарово, Боготол, Шарыпово.

Сотрудники музея проводили плановую работу по сбору материалов. Фонды и экспозиции пополнялись новыми и очень интересными предметами.

В 1960-70-е гг. музей сотрудничал с Новосибирской Академией наук и Кемеровским государственным институтом культуры. Проводились экспедиции по выявлению памятников археологии. Так, в 1972 г. начались раскопки Ачинской палеолитической стоянки. Всё, что было найдено во время раскопок, отчёты и зарисовки, вся документация поступала в Ачинский музей.

Георгий Александрович Авраменко принимал участие в археологических раскопах, занимался изучением древнейшего прошлого человека. Юрий Тихонович Туточкин, А.С. Ефимов и А. Т. Маслов сделали постоянную экспозицию. В.Г. Сиделев занимался научно-исследовательской работой по теме: «Ачинск – город 3-х революций». Фёдор Николаевич Сауков работал в музее Ачинска с 1974 г. Им созданы три рукописные работы:

- «Город на Чулыме»;
- «Ачинск в годы Великой Отечественной войны»;
- «Ачинцы – герои Советского Союза». Рукописи включают в себя обширный материал по истории Ачинска и являются хорошим пособием при изучении истории города.

В 1970-80 гг. музей поддерживал тесную связь с Кемеровским университетом культуры, с руководителем археологических экспедиций А.В. Циркиным. Продолжалась изыскательская деятельность. В 1983 г. велись раскопки Верхнечулымской палеолитической стоянки.

1990-е годы. С 1992 г. директором музея становится Быков Андрей Яковлевич. Музей находился в том же здании, где был открыт после Великой Отечественной войны, но улица Советская переименовывается в ул. Ленина. Он имел два зала и подвальное помещение, где хранятся фонды музея. Несмотря на наступивший в стране кризис, сотрудники проводят большую культурно-просветительскую работу. Музеем передано второе здание (дом купца Мокроусова), которое ранее занимал РК КПСС.

Собран большой материал по истории города и района, предметы, представляющие историческую и художественную ценность. Музей также имеет библиотеку с редкими экземплярами книг. В фондах накопилось достаточное количество экспонатов (26 тыс. ед.) для того, чтобы увеличить стационарные экспозиции, развить библиотеку, расширить фондохранилище. Но он, к сожалению, перестал быть научным центром, как это было в 30-е гг.

Научными сотрудниками разрабатывались новые тематико-экспозиционные планы, которые позволяли создать музей на новой основе, представляющей природу и человека в их связи.

2000-е годы. 11 июня 2002 г. Ачинскому краеведческому музею было присвоено имя его создателя – Дмитрия Семёновича Каргаполова. Первоначально задуманный для «учебных и образовательных целей преимущественно», музей продолжает свою «полезную и благотворную деятельность».

В 2002 г. в музей пришла работать Светлана Александровна Неволлина. Фонды музея к тому времени насчитывали около 30 тыс. ед. хранения. Среди них уникальные в своём роде: рыцарские доспехи, подаренные государственным историческим музеем; полифон, которому больше 150 лет; гобелены (ручной и машинной работы); нагрудные знаки людей, имевших разные должности на Руси и др. О жизни и быте горожан XVII в. рассказывают коллекции медных денег, имевших хождение в Сибири, старинных колокольцев и предметов быта крестьян и купечества.

Музей стал применять новые для города формы работы, такие как:

- Биеннале;
- «Каргаполовские чтения»
- «Дар бесценный», акции, проводимые для пополнения фондов музея экспонатами.

В 2008 г., после реставрации, открыто для посетителей второе здание музея (бывший дом купца Мокроусова). Все залы этого здания наполняются сменными выставками.

2010 год. Музей возглавила Марина Михайловна Качан. Три зала занял масштабный проект «Голоса войны», который посвящён 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Произведена реставрация здания, под фонды выделено новое помещение, начат ремонт здания, в котором музей располагается с 1948 года. Под руководством М.М. Качан сотрудники добиваются выполнения многих сложных целей: определение новых подходов к созданию самобытных экспозиций, разработка культурно-массовых мероприятий, экскурсионное обслуживание по краеведческим местам, накопление и сохранение нового материала.

Созданный более 125 лет назад, музей и сейчас является главным достоянием города, местом, куда может прийти человек любого возраста и познакомиться с культурным наследием сибирского города Ачинска.

2012

Т.Ю. Сергиенко,
г. Туруханск

Музеи Туруханского района: из XX в XXI век

Точка на карте: Туруханск, Россия, Красноярский край. Широта 65°46', долгота 87°56', высота над уровнем моря – 38 м, +8 часов к Гринвичу. Это административный и культурный центр муниципального образования «Туруханский район». Площадь его составляет порядка 200 тыс. кв. км, а протяжённость в субмеридиональном направлении около 1000 км. Основной водной артерией является река Енисей с многочисленными притоками – Подкаменная Тунгуска, Нижняя Тунгуска, Турухан, Курейка и др.

Созданный 7 июня 1928 г. район к году 2012 граничит на юге с Енисейским, на севере – с Таймырским, на востоке – с Эвенкийским районами, а на западе с Тюменской областью. Среди 30 населённых пунктов только два стали точками создания первых музеев района – Туруханск и Курейка.

Уже через год после создания Туруханского района фотография лета 1929 г. зафиксировала на щите, размещённом на деревянном доме в нынешнем селе Туруханск, надпись «В этом доме жил в годы ссылки 1 председатель ВЦИК Я.М. Свердлов».¹

После 1931 г. из района выделяется г. Игарка и становится городом краевого подчинения. На 74 года из истории территорий района Игарка исчезает. В это же время в стране, начинает складываться сеть историко-революционных мемориальных музеев. Территория Туруханского района, являвшаяся в царское время известным местом ссылки, так же не была обойдена вниманием руководства Страны Советов.

Так, дом-музей революционера и первого премьера Советского государства – Якова Михайловича Свердлова (1885-1919) был открыт 7 ноября 1938 г. на основании Решения исполкома Туруханского райсовета от 10 октября 1938 г. Его первыми директорами стали Дементьев и Аверьянов Степан Ильич.

Основная постройка музея – одноэтажный, деревянный бревенчатый дом из 4 комнат с се-

нями, кладовой и сараем. Крыша двухскатная, тесовая. Отопление печное и электрическое. Общая площадь здания 70 кв.м.² С восточной стороны к дому примыкал дворовый участок, где располагались метеорологическая будка, дождемер, флюгер. В доме, построенном в 1910 г., восстановлены интерьеры комнат (кровати-топчаны, стол-угловик, кресла, посуда, настольная фарфоровая лампа), в бытовой экспозиции находятся личные вещи семьи Свердловых. Здесь размещался филиал Иркутской метеорологической обсерватории, первая метеостанция Туруханского края, первой заведующей которой стала К.Т. Новгородцева-Свердлова. Этот дом был местом постоянных встреч политических ссыльных: С.С. Спандаряна, И.В. Сталина, А.А. Масленникова и других.³

Одновременно – 7 ноября 1938 г. был открыт и *дом-музей Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили) (1879-1953)* в деревне Курейка, административно подчинявшейся Игарке. Здание, которое раньше принадлежало семье Тарасеевых (Перепрыгиных), после революции 1917 г. использовалось и как жильё для ссыльных и сотрудников графитового рудника, и как не жилое: магазин, правление колхоза и красный уголок. К 1940 г. силами жителей Курейки было собрано свыше 200 экспонатов, отображающих жизнь Сталина в туруханской ссылке: деревянная кровать, покрытая суконным одеялом, табурет, несколько книг, предметы быта, охоты и рыбалки.

К 1941 г. готовится открытие на территории района ещё несколько музеев – в Туруханске и Баихе.

В Туруханске (тогда Ново-Туруханск) по Решению исполкома Туруханского райсовета от 10 мая 1941 г. был открыт *дом-музей революционера Сурена Спандаровича Спандаряна (1882-1916)*, в доме, построенном в 1912 г. и ранее составлявшем часть усадьбы купца Лукашевича. Здание одноэтажное деревянное, площадью 26 кв. м, отопление печное.⁴ Состоит из одной комнаты разделённой тонкой перегородкой на спальню и кухню. В комнате два топчана (на одном из таких топчанов спал И.В. Сталин, когда приезжал из Курейки), стол в простенке. На кухне печь, кухонный стол.⁵ Его первым директором стал Хохлов Георгий Иннокентьевич.

В августе 1941 г. был открыт *дом-музей И.Ф. Дубровинского* в с. Баиха в 120 км к югу от Туруханска. Единственным его директором была Самсоненко Матрёна Митрофановна. В связи с начавшейся Великой Отечественной войной в октябре 1941 г. дом-музей был закрыт и больше его не открывали. В 1960-е гг. из-за ликвидации колхозов исчезает и само с. Баиха Костинского сельсовета Туруханского района.

В том же октябре 1941 г. происходит и объединение домов – музеев Я.М. Свердлова и С.С. Спандаряна и назначается новый директор – Юрин Михаил Парамонович, но и он в июле 1942 г. был призван в армию.

До 1947 г. директорами по очереди становятся 5 женщин – Савельева Ф.И., Никонова В.И., Вавилова И.А., Шиляева И.Н. и Сулова М.Е. Но мужчины вернулись с войны, стали директорами в туруханских – Малышев, а в курейском – Лукьянов. Началась подготовка к 70-летию со дня рождения И.В. Сталина. Подарком к следующему юбилею, 75-летию вождя, должен был стать по решению руководства Норильлага – музейный павильон над домом Тарасеева (именно у него жил в ссылке И.В. Джугашвили), названный позже пантеоном за свой внешний вид.

Летом 1950 г. в с. Курейка привозят 200 заключённых с небольшими сроками и по проекту норильского архитектора Сергея Владимировича Хорунжего, утверждённого в Москве, начнется строительство.

Деревянное сооружение выглядело гранитным, так как было покрыто специальной штукатуркой. Во всех четырёх стенах были оконные проёмы от пола до потолка, выполненные из толстого стекла. Проектом предусматривалось устройство окон из зеркальных стекол в три слоя, между ними должен был циркулировать тёплый воздух. Они позволяли даже с внешней стороны любоваться силуэтом избы и ярким освещением. Внутри на своде потолка освещение имитировало северное сияние и звёздное небо. Противоположная входу стена имела выход. Почти по центру была размещена изба Тарасеева, а вход в неё был с обратной стороны. Перед избой выложена плитка под озерную гладь, которую огораживали бархатные провисающие ленты. Снаружи по периметру павильона были посажены канадские ели, перед пантеоном возвышалась на пьедестале десятиметровая железобетонная, покрытая белым гипсом статуя Сталина в распахнутой шинели и простых сапогах.⁶ С берега вела широкая лестница, у которой приставали теплоходы,

и туристы обязательно шли в музей, и внутреннее убранство музея и его внешний вид хорошо видны на многочисленных сохранившихся у жителей района фотографиях, а так же на картинах и этюдах красноярского художника Б.Я. Рязова.

Обновлялись и туруханские музеи. К ним так же с берега построили широкую лестницу, установили информационный стенд на пристани, который стал отправной точкой для начала туристической экскурсии по мемориальным музеям.

Так же при новом директоре Касьяне Ивановиче Пьяных в 1951 г. на территории музейных усадеб были установлены памятник Я.М. Свердлову в полный рост и бюст С.С. Спандаряна (скульптор – А.Х. Абдрахимов).

Дальнейшее объединение мемориального дома-музея Я.М. Свердлова и мемориального дома-музея С.С. Спандаряна произошло по решению исполкома райсовета №227 «О реорганизации Туруханских домов-музеев Я.М. Свердлова и С.С. Спандаряна» от 1 августа 1957 г. на основании решения Крайсовета №405 от 18 июля 1957 г. В это время директором стала Овчинникова Агриппина Фёдоровна. При ней же дома-музеи были поставлены на учёт 30.08.1960 г. Постановлением Совета министров РСФСР №1327 как памятники, охраняемые государством.

И если в декабре 1961 г. по решению Игарского горкома партии дом-музей И.В. Сталина был ликвидирован: разобрали избу, а статую стащили в енисейскую прорубь, то туруханские музеи продолжали выполнять функции воспитания людей на примере жизни и деятельности революционеров-большевиков, сосланных царским правительством в Туруханский край.

С 1970 и на 23 года директором становится Банбенкова Инна Михайловна. На 10 января 1972 г. основной фонд объединённого музея составлял 311 экспонатов, из которых 233 находились в экспозиции. Мемориальных предметов – 8 и все в экспозиции. В 1975 г. в ходе ремонтных и реставрационных работ, в доме Свердлова, был подведён новый ленточный бетонный фундамент, заменены 3 нижних венца сруба, в 4 комнатах заменены полы, поставлены новые рамы и подоконники, подведено водяное отопление и скрытая электропроводка. Тогда же на фасадах домов-музеев были установлены мемориальные мраморные доски в деревянной раме. Их текст гласил: «В этом доме жил в период ссылки 1915-1917 гг. один из лучших организаторов партии большевиков Яков Михайлович Свердлов» и «В этом доме жил в период ссылки 1914-1916 гг. выдающийся деятель Коммунистической партии Сурен Спандарович Спандарян».

Не прошло и 10 лет как принимается Постановление бюро Туруханского райкома КПСС и Исполкома райсовета №18 от 1.04.1983 г. «О подготовительных работах по созданию Туруханского районного краеведческого музея», потому что «насущные вопросы коммунистического воспитания трудящихся требовали всестороннего углубления идеологической работы учреждений культуры... Представляется возможным начать подготовительные работы по созданию краеведческого музея в здании бывшего Туруханского Троицкого монастыря – выдающегося памятника каменного зодчества».⁷

По решению Бюро музейные работники должны были усилить поисковую, собирательскую и исследовательскую работу с целью формирования многопрофильной экспозиции по истории политической ссылки в Туруханском крае.

С нарастанием темпа перемен в экономике страны процесс создания Краеведческого музея затормозился, а музей ждала очередная реорганизация – переименование в музей «Политическая ссылка Туруханского района» на основании решения Исполкома райсовета №28-01 от 16.01.1992 г. «в связи с перестройкой и обновлением всех сфер нашей жизни, исходя из современных задач исторического прошлого культурного наследия нашего народа, роста национального и духовного самосознания, а также в целях повышения эффективности пропаганды нашей истории и ее корней».

В этот же год был сожжён неизвестными и окончательно разрушен остов пантеона (дома-музея) И.В. Сталина в Курейке. Восторжествовал уже в который раз вандализм – не нравится история, или личность, или отношение к ним современников, значит, нужно стереть и уничтожить.

С 1993 г., уже с приходом нового директора – Татьяны Викторовны Силкиной была продолжена работа по перепрофилированию в Краеведческий музей Туруханского района. Фонды музея стали пополняться предметами краеведческого плана. Расширилась этнографическая коллекция.

В её состав вошли предметы быта и культуры кетов, эвенков, селькупов. Самое крупное приобретение – эвенкийский чум со всей утварью. Таксидермическая коллекция из 67 экземпляров птиц и животных была создана А.В. Кононовым, а Краснов С.В. изготовил макеты лодки-илимки и церкви Туруханского Троицкого монастыря. Значительную часть коллекции прикладного искусства составили работы Ивана и Виталия Безруких.

Фонд пополнялся также и документальными материалами по истории Туруханского края и политической ссылки разных периодов. Так большой интерес посетителей вызывают экспонаты из бывших лагерей 503-й стройки, о жизни А. Эфрон в Туруханской ссылке. Вся деятельность была основана на перспективном и текущем планах комплектования материалов на основе научной концепции Туруханского краеведческого музея. Проводилась собирательская и научно-просветительская работа среди детей и взрослых. Научные сотрудники работали над темами: «Этнография народов Туруханского Севера», «Старообрядчество», «Русские землепроходцы и мореплаватели в Туруханском крае», «Декабристы в Туруханске», «Историческое прошлое нашего края», «Политическая ссылка советского периода» и многие другие. Традиционными стали музейные гостиные в день памяти жертв политических репрессий, «Ёлка в доме Свердлова», викторины «Люби и знай свой край», «Я – туруханец» и другие мероприятия.

XXI век принёс долгожданное осуществление проекта «Краеведческий музей». Так, 5 ноября 2003 г. согласно постановлению Администрации Туруханского района был создано муниципальное учреждение культуры «Краеведческий музей Туруханского района Красноярского края». В его состав вошли мемориальные дома-музеи Я.М. Свердлова и С.С. Спандаряна, а также открытые 13 июля 2003 г. выставочные залы.

Первоначально в здании выставочных залов музея (с. Туруханск ул. Спандаряна дом 30), год ввода в эксплуатацию 1909, размещалось Отдельное управление Туруханским краем, затем Районный исполнительный комитет и Районный комитет Коммунистической партии. С увеличением выставочной площади музей имеет возможность полнее раскрыть фонды для посетителей. Каждый год оформляется свыше 20 выставок, более 5 выставок экспонируются вне музея. Основными направлениями работы музея остаются формирование экспозиций «Быт и культура народов Севера», «Политическая ссылка советского периода», «Боевые дороги сельчан». Благодаря активной работе фонды музея каждый год увеличиваются на несколько сотен единиц хранения. Продолжая традицию, работники музея и привлечённые экскурсоводы принимают участие в экскурсионном обслуживании туристических рейсов. Экскурсионным обслуживанием и индивидуальным посещением охвачены жители и гости Туруханска, учащиеся образовательных учреждений.

В 2005 г. с возвращением в состав Туруханского района г. Игарка и подчинённых ему территорий, в музейную сеть района входит Краеведческий комплекс «Музей вечной мерзлоты» (М.В. Мишечкина), который был открыт 1 июля 2001 г. Отправной точкой для него стала открытая для демонстрации с 1965 г. подземная часть Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции.⁸

В 2002 г. Краеведческому комплексу «Музей вечной мерзлоты» вручен Диплом Европейского Международного форума «За выдающиеся достижения».

Сегодня музей он включает в себя целый комплекс подразделений: отдел природы, куда входит подземелье (памятник природы краевого значения), отделы истории города и истории строительства железной дороги Салехард – Игарка (503-стройка), экспозиционно-выставочный зал с детским Домом ремесёл. Подземная выработка в вечной мерзлоте занимает площадь в 150 кв. м на глубинах до 14 м.⁹

С нач. XXI в. стали в районе создаваться школьные, частные и общественные музеи. На сегодняшний день существуют школьные музеи не только в Туруханске и в Игарке. В селе Бор музей, под руководством Е.О. Краснопеевой, занимает две комнаты в доме детского творчества «Островок». Экспозиция представлена следующими разделами «История села», «Историей авиаперелётов и открытия аэропорта в с. Бор», «История моей семьи». Существует с 2005 г. общественный музей в д. Старотуруханск, возникший так же на базе музея школы-интерната. В 2008 г. открытие школьного музея в Бахте было приурочено к 400-летию села.

С 2009 г. Краеведческий музей открывает филиал в с. Ворогово – «Музей истории села Ворогово», который возглавляет А.И. Петухов. Этот музей создан на базе его коллекции.¹⁰

В 2012 г. создан филиал в с. Бахта – «Музей таёжного природопользования», на основе личной коллекции М.А. Тарковского, до этого времени частично размещавшейся в школьном музее. Впереди строительство нового здания для музея, монтаж новых выставок, работа по новым темам.

В этом же году в Краеведческий музей поступила очередная инициатива жителей Туруханского района из посёлка Келлог, места компактного проживания кетов – о помощи в создании общественного музея. Так, что создание музеев в нынешнем веке – это туруханская реальность – на 20 000 жителей 2 необычных муниципальных музея с выставочными залами, в состав одного из них входит подземелье, а у другого 2 мемориальных дома-музея и 2 филиала. Кроме того, уже существует несколько школьных, общественный (народный) и музейная коллекция Центрально-сибирского биосферного заповедника. И достойной наградой работы всех музеев становятся отзывы посетителей: *«В музее гармонично и художественно представлена экспозиция о фауне и истории Туруханского района. Желаю пополнения экспозиции, благоустройства и организации музейного комплекса, используя благодатные ресурсы Туруханского края».*

2012

Примечания:

¹ Тарасенков Г.Н. Туруханский край. – Красноярск, 1930. – 477 с.

² Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: кн.изд-во, 1976.

³ Чаган В. От Дивногорска до Диксона. – Красноярск: Кн. изд-во, 1995. – Вып. 3. – С.88-89

⁴ Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: кн.изд-во, 1976.

⁵ Чаган В. От Дивногорска до Диксона. – Красноярск: Кн. изд-во, 1995. – Вып. 3. – С. 88-89.

⁶ Игарка древняя, Игарка загадочная: Сборник очерков. – Красноярск, 2004.

⁷ Туруханский архив. О.1, Д.680

⁸ Умарова И. Юбилей праздновали всем городом // Игарские новости. – 31.03.2010.

⁹ Игарка древняя, Игарка загадочная: Сборник очерков. – Красноярск, 2004.

¹⁰ Щербаков А.И. Мастерок. – Красноярск: Кн. Изд-во, 1987.

Е.Ю. Сидорина,
г. Минусинск

Минусинский Мартьяновский музей в начале XX века

(по архивным источникам и печатным изданиям)

В 1877 г. в городе Минусинске (Енисейской губернии), при содействии общественности, Николай Михайлович Мартьянов открывает музей, которым он руководил около 30 лет.

Благодаря Н.М. Мартьянову музей стал известен далеко за пределами губернии и Сибири. Он переписывался с научными обществами такими как, Императорское Русское Географическое общество, Общество естествоиспытателей при Казанском университете и др., учёными – П.П. Семёновым-Тян-Шанским, Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым.

При Н.М. Мартьянове музей представлял свои коллекции на выставках: археологическую коллекцию на Московском международном конгрессе (1892 г.), на Всемирной Парижской выставке (1900 г.) – археологическую и этнографическую коллекции, во Флоренции (1885 г.) и Чикаго (1893 г.).

После его смерти (1904 г.) музей переживает не лучшие времена: часто меняются заведующие, Минусинская городская дума недостаточно выделяет средств на содержание музея и приобретение коллекций, *«...за неимением у музея достаточных средств для покупки... вещей».*¹

Несмотря на трудности, возникшие после смерти Н.М. Мартьянова, комитет музея находил возможности для приобретения коллекций, книг, увеличения площадей, строительства памятника основателю и др. вопросов.

Из отчётов музея видно, что поступления были в основном за счёт пожертвований частных лиц. Приобреталось мало. Так в 1908 г. музей приобрёл археологическую и естественно-историческую коллекции на сумму 70 руб. 35 коп., книги на сумму 4 руб. 60 коп., портрет П.П. Семёнова-Тян-Шанского за 48 руб. 69 коп.² В 1909 г. были куплены предметы в археологический,

этнографический, образовательный антропологический, естественно-исторический отделы музея на сумму 584 руб. 25 коп.³

К 1908 г. в Минусинском уезде сложилась ситуация, когда местное население стало переходить к оседлому образу жизни и заниматься земледелием, осваивая земли, на которых находились археологические памятники. Комитет музея был обеспокоен тем, что музей, при своём бедственном положении потеряет археологические ценности, этнографические предметы (бубны, одежда, украшения), так как идёт быстрое обрусение инородцев, изменяются их бытовые условия.

Музей в 1907 г. приобретает в кредит, за 8585 руб. 79 коп., усадьбу у Ярославско-Костромского Земельного Банка, на которой были расположены: два двухэтажных здания – каменное и деревянное, каменные флигели, кладовая и баня. Приобретённая усадьба находилась рядом с музеем.⁴ На 1 января 1909 г. музей остался должен по займу на покупку усадьбы 3000 рублей.⁵

Состав комитета музея насчитывал 12 человек, был непостоянен, большинство были должностные лица и не могли уделять много времени для работы в музее. Вследствие этого, они участвовали в работе комитета от случая к случаю.

В сентябре 1908 г. комитет Минусинского музея обратился в Минусинскую городскую думу с ходатайством об увеличении пособия для музея, выразил надежду в том, «...что на критическое положение Минусинского музея будет обращено внимание и, это полезное учреждение не останется без поддержки».⁶ «В тоже время комитетом музея было возбуждено ходатайство о принятии Минусинского музея под покровительство Императорской Российской Академии Наук».⁷

Городская Дума поддержала это заявление и подготовила ходатайство 7 ноября 1908 г., № 2875 «О необходимости увеличения пособия, выдаваемого от казны Минусинскому городскому Мартьяновскому музею». Записку Минусинская городская Дума представила Иркутскому Генерал-Губернатору через Начальника Енисейской губернии. В ней было отмечено критическое положение и обращено внимание на главные нужды: «...музей предвидит своё постепенное замирание вследствие недостаточности средств, отпускаемых на его ежегодное содержание (от Казны, с 1900 года, 1500 р. и от г. Минусинска – 300 р.)».⁸

С 1908 по 1911 гг. заведующим музеем был Иван Тимофеевич Савенков. Некий И.К. Ковригин в письме от 19 апреля 1909 г. пишет Савенкову: «...Не склонен я также слишком обвинять и Минусинское городское управление, а равно и «большую» и «малую» публику за кажущееся равнодушие к музею, – увы! – всё это у нас обычно и объяснимо...»⁹

В 1910 г. в сибирских газетах появляется материал о переводе и даже продаже Минусинского музея. В марте 1910 г. состоялось заседание комитета музея по поводу «корреспонденции о переводе Минусинского Музея в Томск и даже продаже этого Музея городу Томску...»,¹⁰ которая была напечатана в 85 номере «Русских ведомостей».

Членами комитета было решено «...послать ...в редакцию «Русских Ведомостей» опровержение и просить городского голову направить от Городского Общественного Управления такое же опровержение в газету «Сибирская жизнь», издающейся в Томске...».¹¹

Помощник минусинского головы А. Егонский пишет письмо в редакцию газеты «Сибирская жизнь», где заверяет, что «...ни в городе, ни в думе никогда не подымался вопрос о передаче городского Мартьяновского музея кому бы то ни было, а тем более не могло и не может ни в каком случае состояться постановление городской думы о такой передаче. Мартьяновский музей составлял, составляет и всегда будет составлять истинную гордость и неотъемлемую принадлежность города Минусинска».¹²

«Новость» о передаче или продаже музея городу Томску широко освещалась в средствах массовой информации.

В номере 57-м газеты «Сибирская жизнь» в рубрике «По Сибири (от собственных корреспондентов)» читаем: «...будто состоялось постановление городской думы о передаче в собственность города Томска местного музея (Минусинского – Е.С.) на том якобы основании, что городу понадобилось здание под реальное училище. Весть эта вызывает удивление и сомнение в её достоверности».¹³

В журнале «Сибирские вопросы» была напечатана статья «Не угашайте духа!» в защиту Минусинского музея: «...Вдруг, как гром из ясного неба, по совету какого то местного любомудра,

*минусинское общество вздумало продать в Томск красу и гордость Минусинска – Мартьяновский местный музей, музей, которому мало подобных на свете. Если и знали, что в Сибири есть город Минусинск, то лишь потому, что там есть музей».*¹⁴

Было высказано несколько причин о передаче музея Томску, это и отсутствие консерватора, и передача помещения музея под реальное училище. Но, ни для кого не было секретом, что большую сумму для строительства музея, пожертвовал иркутский меценат, золотопромышленник И.М. Сибиряков, который в письме от 21 февраля 1886 г. Н.М. Мартьянову писал о своём пожертвовании 3000 руб. на условиях, «...чтобы город пообещался ни для каких других целей это здание не употреблять».¹⁵

Елена Константиновна Мартьянова (вдова основателя музея), находясь за границей, также не осталась в стороне и «...выразила свой горячий протест против возникновения даже самой мысли о таком переводе».¹⁶ Письмо Елены Константиновны было помещено в газете «Обская жизнь».

Распорядительный комитет местного подотдела Географического Общества отрицательно высказался относительно передачи музея Томску, и такие действия назвал незакономерными.¹⁷

Не осталось в стороне и Императорское Московское Археологическое общество. На имя заведующего музея И.Т. Савенкова в феврале 1910 г. пришло письмо от председателя Общества графини П.С. Уваровой. Она писала, что «... Необходимо спасти музей так или иначе и обратиться к людям, которые могут помочь в этом деле», и обвиняла И.Т. Савенкова в том, что он не поставил в известность «...отчего Вы ничего не пишете об этом в вашем письме».¹⁸

Городской голова П. Бахов 11 декабря 1909 г. в письме заведующему музею писал: «Вследствие требования Енисейского Губернского Управления..., основанного на требованиях канцелярии Иркутского генерал-губернатора, имею честь...прислать в Городское Общ. Управление подробные отчёты о расходе денежных сумм, затрачиваемых на содержание музея...для отсылки их в губернское Управление».¹⁹

Предварительный отчёт по музею заведующий музеем И. Савенков отправил в Минусинскую городскую думу 30 января 1910 года. Также отчёт Минусинского музея был отправлен Енисейскому Губернатору, в Енисейский Губернский Статистический комитет, Иркутскому Генерал-Губернатору.²⁰

На протяжении нескольких лет велась переписка по спасению Мартьяновского музея на уровне Сибири и России. Не остался без внимания этот вопрос и в столице – Санкт-Петербурге.

Городской голова Минусинска П.А. Бахов и комитет музея в августе 1912 г. обращаются с просьбой к члену комитета музея И.Т. Савенкову (к тому времени проживающего в Санкт-Петербурге): «... не отказать в принятии на себя труда по осуществлению предварительных переговоров...увеличения пособия, выдаваемого от казны Минусинскому Городскому Мартьяновскому Музею».²¹

Вопрос об увеличении пособия стал сдвигаться с мёртвой точки. В Санкт-Петербург, на имя члена Государственной Думы С.В. Востротина, в ноябре 1912 г. уходит письмо, в котором комитет музея просит его «...о поддержании в бюджетной комиссии ходатайства Минусинской Городской Думы...» и «...в случае необходимости всякого рода дополнений о Музее и его нуждах сведения Вам могут быть даны членом Музейного Комитета и бывшим Заведывающим Музея Иваном Тимофеевичем Савенковым...».²²

Иван Тимофеевич Савенков, понимая сложное положение Мартьяновского музея, готовит Докладную записку в Императорскую Академию Наук, где пишет о нуждах «...этого отдалённого окраинного музея»²³ и ходатайствует перед Академией Наук «...о принятии этого музея под своё покровительство...».²⁴

Семёнов-Тян-Шанский П.П., председатель Императорского Русского Географического Общества, в поддержку Мартьяновского музея ходатайствует перед Министром внутренних дел Н.А. Маклаковым: «Императорское Русское Географическое Общество, всегда считая своей нравственной обязанностью поддерживать работу как отдельных лиц, учреждений, направленную к изучению и познанию нашего Отечества, почтим своим долгом и в настоящем случае ходатайствовать перед Вашим превосходительством как Министром Внутренних Дел...об увеличении в возможно большей мере ныне отпускаемой ему (Минусинскому музею – Е.С.) субсидии».²⁵

Министр Внутренних Дел не остался равнодушным и вопрос о нуждах Мартьяновского музея был решён положительно.

Императорская Академия Наук в апреле 1913 г. докладывает министру внутренних дел о том, что «...*Комиссия Директоров Академических Музеев, которая, ознакомившись подробно с нынешним состоянием Минусинского Музея и с описанием его богатых коллекций, послуживших материалом для работ как отечественных, так и иностранных учёных, а также приняв во внимание огромное культурное его значение в богатом, обширном и быстро развивающемся крае, пришла к решению о необходимости всемерно поддержать ходатайство Музея о дополнительных ежегодных ассигнований в его распоряжение 2000 рублей, помимо внесённых в смету Министерства Внутренних Дел 1500 рублей... Что же касается принятия Музея под покровительство Императорской Академии Наук, то и по этому ходатайству Комиссия Директоров высказалась положительном смысле...*»²⁶

В октябре 1913 г. Минусинский Музей получает уведомление о том, что «...*состоялось принятие Минусинского Городского Мартьяновского Музея...*» под покровительство Императорской Академии Наук.²⁷ Министерством внутренних дел было предложено увеличить пособие музея на 1500 руб.), «...*всего Музею предложено отпускать из казны по 3000 р. в год.*»²⁸ Первое государственное пособие музей стал получать в 1900 г. в размере 1500 руб. в год.²⁹

В нач. XX в. не только Минусинский музей был на грани закрытия. Участь быть проданным едва не постигла и Енисейский музей (основан А.И. Кытмановым в 1883 г.). В 1911 г. в городскую думу г. Енисейска гласным П.М. Пигасовым было написано письмо с таким предложением: «*Музей для нуждающегося в средствах нашего города Енисейска иметь необходимости нет. Лучшие бы согласились с разрешения г. Губернатора перепродать все предметы в другие, лучшие, богатые центровые города, от продажи образовались бы средства и самое помещение приносило бы доход городу.*»³⁰ К этому времени А.И. Кытманов уже скончался.

Городская дума Енисейска рассматривает данное предложение и высказывает свое мнение: «...*и городская дума вполне признаёт заслуги покойного перед родиной, только г. Пигасову как видно невдомёк о существовании прошлогоднего декабря постановления думы о присвоении музею имени основателя Александра Игнатъевича, что он выходит по истине с таким «диким» предложением.*»³¹

Многие сибирские музеи переживали в нач. XX в. не лучшие времена, но благодаря местным органам власти, научным учреждениям Сибири, России не закрылись, не были проданы, а смогли наладить свою научную и просветительскую деятельность.

2012

Примечания:

¹ Записка Минусинской Городской Думы, представленная Господину Иркутскому Генерал-Губернатору, чрез Господина Начальника Енисейской губернии 7 ноября 1908 г., № 2875 «О необходимости увеличения пособия, выдаваемого от казны Минусинскому Городскому Мартьяновскому музею». – Минусинск: типография В.В. Фёдорова, 1908. – С. 2.

² Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею и Общественной библиотеке за 1908/9 г. – Минусинск: типография В.В. Фёдорова, 1910. – С. 18.

³ Там же. – С. 19.

⁴ Отчёт по Мартьяновскому музею и общественной библиотеке за 1907 г. – Канск: типография Е.Т.Коновалова, 1908. – С. 10.

⁵ Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею и Общественной библиотеке за 1908/9 г. – С. 18.

⁶ Записка Минусинской Городской Думы. – С. 16.

⁷ Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею и Общественной библиотеке за 1908/9 г. – С. 15.

⁸ Записка Минусинской Городской Думы. – С. 1.

⁹ Переписка с правительственными учреждениями и организациями по вопросам работы музея и праздновании юбилеев различных обществ. – АММ. О.1. Д.147. – 1910. – С. 27.

¹⁰ Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею и Минусинской городской Общественной библиотеке за 1910/11 гг. – Минусинск: типография В.В. Фёдорова, 1912. С. 16.

¹¹ Протоколы заседаний комитета музея. – АММ. О.1. Д.143. – 1909. – С. 7

¹² Сибирские вопросы. – СПб, 1910. – № 13. – С. 24.

¹³ Сибирская жизнь. – Томск, 1910. – № 57. – С. 3.

¹⁴ Сибирские вопросы. – СПб, 1910. – № 10-11. – С. 82.

¹⁵ Отчёт по постройке здания для Минусинского музея и библиотеке. – Минусинск: типография В.В.Фёдорова, 1890. – С. 2.

¹⁶ Сибирские вопросы. – СПб, 1910. – № 12. – С. 21.

¹⁷ Сибирские вопросы. – СПб, 1910. – № 13. – С. 24-25.

¹⁸ Переписка с правительственными учреждениями и организациями по вопросам работы музея и праздновании юбилеев различных обществ. – АММ. О.1. Д.147. – 1910. – С. 57-58.

¹⁹ Переписка с правительственными и общественными учреждениями и организациями по вопросам работы музея и научно-исследовательской деятельности. – АММ. О.1. Д.145. – 1909. – С. 43-45.

²⁰ Там же.

²¹ Переписка с Академией наук и другими учреждениями об увеличении ассигнований музею и другим административно-правовым вопросам. 13 апреля 1912 г. – 29 апреля 1913 г. – АММ. О.1. Д.156. – С. 10.

²² Там же. – С.2.

²³ Там же. – С. 4.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. – С. 29.

²⁶ Там же. – С. 28.

²⁷ Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею, состоящему под покровительством Императорской Академии Наук и Общественной библиотеке за 1913 г. – Минусинск: типография А.Ф. Метёлкина, 1914. – С. 14.

²⁸ Там же. – С. 15

²⁹ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1900 г. – Минусинск: типография В.И. Корнакова, 1901. – С.1.

³⁰ Сибирская мысль. – Красноярск, 1911. – № 32. – С. 2.

³¹ Там же. – С.2.

Харченко Г.Т., Гусева Г.Д.,
г. Минусинск

История Центральной библиотеки города Минусинска: 85 лет со дня основания

Три учреждения культуры города Минусинска в 2012 г. отмечают юбилей: 135 лет региональному краеведческому музею имени Н.М. Мартьянова, 130 лет Минусинскому драматическому театру и 85 лет Центральной городской библиотеке. Благодаря их деятельности многие годы в городе формировалась уникальная духовная культура, творческая среда.

Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина начала свою историю 3 сентября 1927 г. Первоначально она имела статус Центральной Окружной библиотеки.

В течение ряда лет по истории библиотеки изучен большой объём материала: документы архива, научной библиотеки Минусинского краеведческого музея, газеты «Власть труда» и «Искра Ильича»; воспоминания работников библиотеки, первого заведующего библиотекой Бронислава Людвиговича Якуца.

На начало 1927 г. в городе Минусинске работало 7 библиотек с книжным фондом 88 778 экз:

– библиотека музея им. Н.М. Мартьянова – 61 915 экз.;

– библиотека педагогического техникума – 11 650 экз.;

– библиотека педагогического музея – 4 530 экз.;

– библиотека рабочего клуба – 8 363 экз.;

– библиотека комсомольского клуба – 1 295 экз.;

– библиотека при Доме крестьянина – 486 экз.;

– библиотека татарского клуба – 539 экз.

Кроме того, при «Красных уголках» работало 10 библиотек с книжным фондом 4 218 экз. книг, 7 стационарных библиотек в деревне с книжным фондом 31 005 единиц. Действовало 89 передвижек.

Все эти библиотеки, за исключением научной библиотеки музея, имели небольшое количество книжного фонда, в 3-х библиотеках не было штатных единиц библиотечных работников, работа велась на общественных началах. Объединению мелких библиотек способствовали и указы избирателей и решения 2-го окружного съезда Советов о создании «Городской Центральной библиотеки».

На первом этапе выполнения этого решения в октябре 1926 г. в городе было организовано библиотечное объединение, которое руководило всеми библиотеками города. В его задачи

входило участие в работе по организации Окружной Центральной библиотеки и подготовке библиотечных работников.

28 января 1927 г. Президиум горсовета закрепил в бесплатное пользование за музеем дом по ул. Ленинской, 58 для создания Центральной библиотеки.

Было предложено ОКРОНО, политпросвету, управлению госмузеем разработать вопрос о концентрации всех библиотек, составить техническую смету на переоборудование дома под библиотеку.

В протоколе №4 от 6 марта 1927 г. секции горсовета по народному образованию отмечено, что для организации центральной библиотеки *«отпущено по смете 986 руб., требуется 2001 руб. Здание по улице Ленинской, 58 занято квартирантами. До 1 мая их нельзя убрать, нужен большой ремонт».*

Местная газета «Власть труда» публикует ряд статей об открытии Центральной библиотеки. 19 февраля газета сообщает: «Дом, отведённый под центральную библиотеку (Ленинская, рядом с музеем), в скором времени будет освобождён от жильцов. Сразу же после этого будет преступлено к его ремонту». 27 августа появляется заметка «Закончился капитальный ремонт здания под центральную библиотеку (Ленинская, рядом с Госмузеем). В ближайшее время библиотека будет оборудована и открыта».

В архиве сохранился уникальный документ тех лет «Доклад об организации Минусинской Окружной Центральной библиотеки». Доклад подготовлен зав. ЦБ Артёмовой 26 июля 1927 г. В докладе особое внимание было уделено книжным фондам. *«Книжный фонд ЦБ создавался из разных источников. Первые поступления были переданы из ОКРОНО и ОКРПОЛИТПРОСВЕТА в количестве около 2000. Из этого числа беллетристики было немного, часть повторной, рассчитанной на малоподготовленного читателя, часть детской, пьес педагогического характера... В начале мая была принята беллетристика и детские книги из педмузея. Беллетристики 217 названий в 560 экз. Годной из неё 50%, остальная или очень потрёпанная, или годилась только, как запасной фонд... С 17 мая по 2-е июня проходила передача литературы из библиотеки музея им. Мартьянова...»*

Докладчик отмечает, что *«из мебели были заказано 2 дюжины стульев, но этого количества мало. 6 столов / 2 больших и 4 маленьких. Заказаны 3 книжных шкафа и 20 каталожных ящичков. Есть ещё приобретённые 3 шкафа, 5 небольших столов. Необходимо к открытию приобрести 2 бочка для воды, нужно заказать вешалку. Остро стоит вопрос с проводкой электричества и приобретением счётчика и лампочек».*

Из воспоминаний первого заведующего библиотекой Бронислава Людвиговича Якуца: *«В здании был сделан большой ремонт и переоборудование, например, прорубили дверь на улицу Ленина. На первом этаже (вход с ул. Ленина) были абонемент, читальный зал и книжное хранилище для взрослых. На второй этаж, вход был со двора по прямой лестнице на застеклённую веранду... Налево две комнаты занимало детское отделение библиотеки, прямо небольшая комната в мой кабинет».*

По воспоминаниям Бронислава Людвиговича ему пришлось заниматься организацией Комсомольского клуба, где в 1925 г. он работал библиотекарем. Затем работал в Окрполитпросвете и занимался организацией Центральной библиотеки. Б.Л. Якуц заведовал библиотекой до конца 1929 г. На заслуженный отдых ушёл в 1970 г. с должности главного конструктора Харьковского авиазавода.

3 сентября 1927 г. газета «Власть труда» извещала: «Сегодня открывается Окружная Центральная библиотека по ул. Ленина, 58. Правила пользования книгой будут даны завтра».

4 сентября газета публикует «Правила пользования книгами из Окружной Центральной библиотеки»: «Книгами из библиотеки имеют право бесплатно пользоваться все граждане города в возрасте от 15 лет. Книги выдаются сроком на 10 дней. Если взявший книгу не прочитал её в течение 10 дней, должен принести книгу для перерегистрации. Одновременно выдаётся не более 2-х книг; причём одна книга из беллетристики, а другая из других отделов, справочные, редкие издания и периодическая литература, выдаваемая для чтения только в читальне...»

К моменту открытия библиотеки штат сотрудников состоял из 4 единиц (заведующий библиотекой, заведующий читальней и 2 библиотекаря), библиотека имела взрослое и детское отделение, при обоих отделениях имелись читальни. *«В библиотеку пришли работать хорошие специалисты из педтехникума»*, – вспоминал Б. Якуц.

Фонд составлял около 7 тыс. экземпляров книг, число читателей насчитывало 922 человека. Библиотека работала 5 дней в неделю, ежедневно её посещало в среднем 160-180 человек, читали художественную литературу, книги и журналы по естественным наукам, технике и в помощь учебной программе.

Библиотека была открыта накануне 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции, в связи с этим ей присваивается имя «10-летия Октября», но точной даты и приказа об этом факте не найдено. Однако, на книгах того периода есть печать – «Минусинская городская районная библиотека имени 10-летия Октября». Следовательно, существовал приказ, на основании которого заказаны печати и штамп для библиотеки. Такой была Центральная библиотека в начале своего пути.

В связи с административно-территориальной реформой, в 1934 г. Минусинская Окружная Центральная библиотека была преобразована во взрослую городскую, и в этом же году переезжает на ул. Ленина, 63. За 85 лет истории библиотека несколько раз меняла адрес.

В 1966 г. решением Минусинского городского Совета городская взрослая библиотека реорганизуется в Центральную городскую библиотеку и ей были определены функции методического центра в городе.

С первых дней открытия Центральной библиотеки определяются основные направления работы библиотеки. Это создание широкой сети передвижных библиотек (было создано 80 передвижек по южным районам и 32 – в городе), организация краеведческой работы, изучение читательских интересов, создание универсальных фондов. Библиотека связывает свою работу с политическими и хозяйственными задачами страны: обслуживание стахановцев, работа в госпиталях, пропаганда литературы в помощь производству, пропаганда движения «За коммунистический труд», изучение «Морального кодекса строителя коммунизма» и т.д.

В 1958 г. библиотека признана победителем Всероссийского общественного смотра работы культурно-просветительных учреждений и награждена дипломом «Библиотека отличной работы».

Все последующие годы библиотека следовала традициям, заложенным при её основании. 60-е годы минувшего века отмечены внедрением открытого доступа к книжным фондам, созданием домовых библиотек, развитием книгоношества, активизацией работы общественного совета библиотеки, появлением новых активных форм работы с читателями.

В кон. 1960-х – нач. 1970-х гг. библиотека принимает активное участие во Всесоюзных читательских конференциях, в рамках которых в городе проходят читательские конференции, встречи с писателями, различные конкурсы, диспуты и т.д. За свою работу Центральная библиотека г. Минусинска неоднократно отмечалась Дипломами «Библиотека отличной работы».

В октябре 1975 г. городские библиотеки Министерства культуры были объединены в централизованную библиотечную систему. Основой становится Центральная библиотека, в её структуре появляются новые отделы.

В 1970-е гг. начато строительство Минусинского электротехнического комплекса, объявленное Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Центральная библиотека ведёт активную работу по обслуживанию книгой строителей комплекса. Открываются передвижки и пункты выдачи литературы в общежитиях и на строительных площадках.

В последующие годы Центральная библиотека Минусинска устойчиво удерживает лидерство среди библиотек края, неоднократно награждается Дипломами, грамотами Министерства культуры РСФСР и СССР, краевой и городской администрациями. В 1999 г., в связи с 200-летним юбилеем поэта Центральной городской библиотеке присваивается имя А.С. Пушкина.

Сегодня Центральная библиотека им. А.С. Пушкина обладает универсальным книжным фондом, который составляет около 90 000 экземпляров, обслуживает более 9500 читателей и выдаёт им 198 тыс. экземпляров книг, журналов, дисков.

Библиотека – социокультурный центр, где можно поработать и отдохнуть, где ежедневно происходит знакомство с книгой, с увлечёнными и интересными людьми.

Одно из направлений деятельности библиотеки – краеведение. Б.Л. Якуц в статье «Задача библиотек в изучении нашего края» («Власть труда» от 4.03. 1927) писал: *«Изучение нашего края – краеведческая работа... Библиотека является большим подспорьем в этом деле. Библиотекаряю*

надо теснейшим образом связаться с местными обществами краеведения, с секциями горсовета, с культуротделами и со всеми теми областями работы, которые заинтересованы в развитии и изучении нашего края...»

Центральная городская библиотека и краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова – многолетние партнёры, соратники и единомышленники с общей сферой интересов – краеведческой и культурно-просветительской. 85 лет назад Центральная Окружная библиотека получила помещения музея и книги из научной музейной библиотеки. Творческое сотрудничество продолжилось во втор. пол. прошлого века с организации совместных выставок, лекций, краеведческих конкурсов, марафонов, краеведческих чтений. С появлением информационных технологий в XXI в. возникла новая форма создания информации – электронные краеведческие медиапродукты. Сотрудники научной библиотеки музея делятся опытом создания краеведческих электронных ресурсов с коллегами.

Презентации всех изданий, подготовленных сотрудниками музея, проходят в Центральной библиотеке и библиотеках-филиалах. Первая презентации («премьера книги») состоялась в 1986 г. Авторы книги «Минусинск» директор музея В.А. Ковалёв, старший научный сотрудник Л.Н. Ермолаева, журналист И.Е. Шадрин. Книга уникальна, стала уже раритетом, и требуется её переиздание.

Публикация этой книги стала началом большой деятельности по подготовке сотрудниками музея краеведческих изданий: «Гордость земли Минусинской» (2001), фотоальбом «Минусинск – жемчужина Сибири» (2007), «Энциклопедия Красноярского края. Юг» (2008), фронтовые письма минусинцев «Здравствуйте!...» (2010), «Минусинцы и Великая Отечественная...» (три выпуска: 2010, 2011, 2012). Все книги есть в библиотеках Централизованной библиотечной системы.

Объединение ресурсов библиотеки и музея особенно ярко проявилось в проведении совместных мероприятий по творчеству писателей: Алексея Черкасова, Василия Яна, Николая Раевского, Сергея Сартакова, живших в Минусинске в перв. пол. XX века. Опыт работы учреждений культуры города Минусинска по краеведению неоднократно печатался в разных сборниках.

В 2012 г. Центральная городская библиотека стала победителем социокультурного проекта «Ресурсный информационный центр по краеведению «Южный регион». Проект направлен на сохранение документального наследия города Минусинска и юга края. Результатом работы станет электронный краеведческий ресурс.

По мнению библиотековеда Маргариты Яковлевны Дворкиной к основным совпадающим функциям музея и библиотеки относятся комплектование (сбор, обработка и хранение информации) и трансляционная. Но главное в их работе – сохранение исторической памяти для будущих поколений. Консолидация усилий двух социальных институтов даёт многократный эффект.

2012

2. МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И СОБРАНИЯ БИБЛИОТЕК

Л.К.-О. Базыр,
г. Кызыл, Республика Тыва

Тувинские национальные женские и мужские украшения

В культуре любого народа личным украшениям придаётся особое значение. Они играли не только декоративную роль, но и несли глубокую смысловую нагрузку, отражавшуюся на специфике формы изделия, способе его ношения и т.п. По наличию или отсутствию украшений особого типа можно было определить социальное положение индивидуума, его этнос и принадлежность внутри него к конкретной родоплеменной группе.

Тувинские мастера с давних времён были знакомы с художественной обработкой металла, кроме оленеводов Восточной Тувы. У кочевых тувинцев работа по металлу, в т.ч. ювелирная, была целиком в руках кузнецов. Художественная обработка металла стояла на высоком уровне.

Кузнец-дарган означает мастер-умелец. Кузнецы одновременно были и ювелирами. Кузнецов, которые изготавливали грубые изделия из железа называли – кара дарган (чёрный кузнец), работающих по серебру, бронзе – нарындарган (ювелирами). Они были уважаемыми людьми. Считали, что эти мастера обладают сверхъестественными способностями и могли противостоять сильным шаманам. У тувинцев кузнецами могли быть только мужчины. Обычно секреты мастерства сохраняли в тайне и передавали по наследству от отца к сыну, от дяди к племяннику, т.е. к родственнику. Тувинским мастерам были известны чеканка, гравировка, штамповка, шлифовка. Инструменты для работы покупали у русских купцов, большую часть изготавливали сами.

Кузнецы-ювелиры работали на заказ. Оплата производилась мелким рогатым скотом, шкурами, маслом и одеждой. В работе обычно использовали серебро, бронзу, железо. Сырьём для украшений служили вышедшие из употребления железные, серебряные и медные вещи. Дополнительно украшали ценными породами камней: кораллами, бирюзой. Серебро, ценные вещи, полудрагоценные камни приобретались у купцов либо самими кузнецами, либо заказчиками. За серебряную вещь брали крупный рогатый скот. Украшения очень ценились и хранились в течение многих поколений. Художественными изделиями из металла мастера украшали принадлежности конской сбруи, охотничий инвентарь, особо работали над мужскими и женскими украшениями.

Женщины украшают себя браслетами, серьгами и кольцами. Качество, количество и вид украшений зависели от семейного и имущественного положения, возраста. Тувинские женские украшения делятся на украшения для причёски, для ушей, для рук, для пальцев, для пояса.

Замужние женщины заплетали волосы в три косы. На косы надевали специальное украшение накосник – чавага. Чавага-накосник состоял из декорированных серебряных или посеребренных железных пластин прямоугольной или трапециевидной формы, с полукруглым верхним краем. Их узор обычно включал завитки, многолепестковые розетки, нередко в сочетании с вставными камнями и эмалью. Снизу к пластине подвешивали несколько рядов низок бус, кручёную проволоку, шнурки из плетённых чёрных или цветных нитей. В Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва имеются несколько видов таких украшений.

Тувинские серебряные гребни орнаментировались чеканкой, гравировкой, штамповкой, а также украшались вставными цветными полудрагоценными камнями или заменявшей их эмалью. Обычно традиционный орнамент в центре ручки гребня имел розетку, по обе стороны от которой располагались узоры.

Серьги (сырга) делали из серебра и лишь в редких случаях из золота. Наибольшее распространение имели серьги в виде проволочной восьмёрки, верхняя часть которой вдевалась в ухо, а также в виде простого проволочного колечка. Серьги в виде проволочных колечек отмечены и у монгольских тувинцев. Но были и сложные массивные серьги инкрустированные камнями. Широко были распространены также серьги с подвешенным к верхнему колечку колокольчиком, открытым орнаментом. Отдельные мастера изготавливали красивые ажурные серебряные серьги.

Состоятельные тувинки, в особенности замужние, носили кольца, перстни и браслеты. Кольца (билзек) делали из серебра и украшали несложным узором, наносившимся обычно гравировкой. Типичный тувинский перстень (чустук) – пластинчатый, серебряный, отделан, как правило, гравировкой и чеканкой. Пластинка перстня имела круглую или вытянутую по вертикали овальную форму. Мастера добивались большой выразительности узора перстней. Узоры на перстнях сочетания завитков, различные варианты узла, «языки пламени», многолепестковые розетки, «бараний рог». Нередко в центре узорчатой пластинки перстня помещался полудрагоценный камень.

Браслеты (билектээш) изготавливали из сравнительно широких массивных серебряных пластин, которые украшали гравировкой и чеканкой. Узоры зависели от фантазии мастера, нередко бывали растительные узоры.

Состоятельные женщины имели отделанные металлом футляры (инехавы) для игл. Ныне игольники полностью вышли из употребления. До нач. XX в. они служили предметом щегольства. Их делали из меди, серебра и дополнительно украшали полудрагоценными камнями. При декорировке игольников мастера предпочитали растительный узор.

Среди украшений одежды были и шаровидные пустотелые тувинские пуговицы с припаянным ушком, которые обычно декорировали тонким гравированным узором.

У кочевников-скотоводов возник обычай прикреплять к поясу боковые металлические пряжки для подвешивания различных принадлежностей. Пряжки изготавливали из серебра, меди, железа, а иногда из дерева и кости. Они были одной из основных принадлежностей мужского костюма. Тувинские пряжки-терги носили парными, т.е. на поясе полагалось иметь две одинаковые по форме, размеру, декору и материалу пряжки, которые вешали по бокам – справа и слева, но нередко пользовались, особенно малоимущие, и по одной пряжке. К пряжке слева мужчины подвешивали нож, справа – курительные принадлежности, сумку с огнивом, реже – кисет. Женщины изредка надевали подвесные пряжки, но лишь как украшения, иногда к ним привязывали небольшие шёлковые кисти.

В ещё недалеком прошлом различные принадлежности для курения, трубки и др., отделанные серебром, были признаком состоятельности владельца, отражали его высокое социальное положение. Предметом украшения были специальные сумки-огнива, декорированные серебряными орнаментированными накладками и бляхами. Изготавливали парные бляхи (хап дергизи) для кисета, инструмент для чистки трубок и специальные металлические чашечки для прикуривания. Трубки отделяли медью и серебром. Для сумок-огнив требовалась хорошая тёмная кожа, на которой бы эффективно выделялись серебряные накладки. На лицевую сторону сумки пришивали бляхи и ажурные накладки.

На матерчатые кисеты тувинцы нередко пришивали с двух сторон красивые узорные парные металлические бляшки. Они имели кольца, через которые пропускалась цепочка. На ней обычно висели инструмент для чистки трубок и чашечка для прикуривания. Парные бляшки делали из серебра, реже из бронзы. Они имели круглую, сердцевидную, овальную либо зооморфную форму с чеканным либо штампованным узором, нередко дополненным вставными камнями и цветной эмалью. Инструмент для чистки трубки делали в виде стилизованных птиц с длинными изогнутыми клювами.

Серебряные и бронзовые чашечки для кисетов изготавливали обычно литьём. Узоры чашек четырёхлепестковые розетки, узлы-переплетения.

Обычай делать у курительных трубок мундштуки и головки из металла существовал у тувинцев сравнительно давно. Металлические части трубок обычно декорировали гравировкой.

Характер металлических украшений свидетельствует как о весьма древних традициях в тувинском прикладном искусстве, так и о значительных культурных влияниях на него соседних народов.

2012

Литература:

1. Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. Москва 1974.
2. Будегечи Т. Художественное наследие тувинцев. Москва 1995.
3. Ондар Ш.М. Научная концепция постоянной экспозиции «Этнография Тувы»
4. Чап Ч.М., Болгум-оол А.Т. «Тувинские узоры». Учебное наглядное пособие.

Е.В. Байкалова,

г. Абакан, Республика Хакасия

Советская эпоха, стиль, мода

(коллекция одежды в собраниях Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова)

Во все времена женщины стремились выглядеть красиво. Немаловажную роль при создании красивого облика играет одежда. Современные модницы придерживаются разных стилевых направлений, в наше время огромное множество альтернатив в моде, выбор одежды поражает воображение. Но давайте посмотрим, какая была мода в прошлом, а именно в советский период, как она развивалась на протяжении этого времени.

В фондах Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова есть коллекция «Одежды XX века», в которой насчитывается 481 ед. хранения, из них: 35 ед. – театральной одежды, 25 ед. – верхней одежды, 35 ед. – головные уборы, также в этот состав входит спортивная и школьная одежда, одежда с символикой политических партий. В фондах музея хранится одежда начала 1940-х гг., а также одежда периода Великой Отечественной войны.

Научные сотрудники систематически проводят работу по решению проблем, связанных с комплектованием коллекции, выявляют пробелы и стараются их заполнить. Если говорить об этапах поступления одежды, то, к сожалению, стоит отметить, что первые поступления были случайными и единичными. Активное поступление было лишь в 1970-1980-е гг.

Периодически данная коллекция экспонируется на музейных выставках и мероприятиях. Так, например, школьная одежда советского периода каждый год экспонируется в рамках музейного проекта «В школу с Филиппком». А театральная одежда используется в экспозициях, посвящённых истории театра, например, на выставке «Бенефис А.М. Топанова», посвящённой 110-летию со дня рождения хакасского драматурга, поэта, просветителя.

Ежегодно в музее проводятся «Ночь музеев» и «Ночь искусств», на которых экспонируется одежда 1940-1980-х гг.: это выставка «Интим салон», на которой было представлено нижнее бельё советского времени, выставка «Капризы моды», которая показывает уникальность и особенности моды в одежде жителей Хакасии в различные периоды времени. Так, например, в 1940-е гг. на моду оказала большое влияние Вторая мировая война. Швейные фабрики тех времен шили военную форму, а мирным жителям в условиях голода и холода было не до модной одежды.

В Книге поступлений музея имеется запись от 24 января 1975 г. о приёме в фонды музея одежды периода Великой Отечественной войны, которая изготавливалась артелями Хакасии из отходов шерсти – свитера, кофты, шарф и берет. Женщины на фронте позволяли себе лишь кокетливо надевать пилотку и носить белоснежные воротнички. В моду вошли силуэты с широкими плечами, жакеты напоминали военную форму, длина юбок и платьев стала короче, чуть ниже колен. В этой коллекции одежды также имеется кашемировое платье того времени, украшенное вышивкой и отделанное тесьмой, поступившее на хранение в фонды 26 февраля 1987 г. от Коноваловой А.М.

Советский костюм первых послевоенных лет отразил дальнейшее расширение ассортимента и развитие силуэтных форм предыдущего периода. В одежде остаются гимнастерки, френчи, брюки галифе, широкие кожаные пояса, строгие деловые платья и костюмы, часто комбинированные из разных тканей. В силуэте подчеркиваются широкие и высокие плечи.

В начале 1950-х гг. в СССР существуют фабрики по производству одежды. Но шили на советских фабриках плохо из-за технологического отставания и отсутствия художников-модельеров. В эти годы начал приоткрываться «Железный занавес». В Союз понемногу начала просачиваться информация из других развитых стран. Советские женщины стали посещать прибалтийские страны, чаще всего ездили в Ригу для того, чтоб посмотреть, как там одеваются. Именно в те годы появилась экспортная мода. К сожалению, в фондах отсутствует одежда, которую носило население, протестующее против навязываемой моды, так называемые стилиаги.

Мода 60-х XX в. принесла большие изменения в общество. Это было время расцвета советского искусства, совершенствования мастерства советских художников-модельеров. Геометрия кроя, яркие насыщенные цвета, психоделические узоры, ткани с люрексом, блеском, полиэстер, нейлон, мини-платья, мини-юбки – все это характеризовало одежду 1960-х... Ярким тому примером является шелковое платье бордового цвета из фондов музея, которое принадлежало жительнице г. Черногорска Теплых А.А., дарованное в фонды в 1997 г., и др.

Среди персональных коллекций имеются предметы одежды, которыми пользовались в 1970-1980-е гг. XX в. такие известные в Хакасии люди, как заслуженный работник службы быта, почётный гражданин города Абакана Николай Николаевич Манаков и профессор ХГУ, лауреат Государственной премии РХ Степан Павлович Ултургашев, и др. Одежда в эти годы стала более комфортной и практичной. Появилось понятие базового гардероба, состоящего из необходимого количества вещей, сочетающихся между собой.

Основной силуэт одежды в 1980-х – перевёрнутый треугольник. Делался акцент на широкие плечи, рукав-реглан или «летучая мышь», зауженные брюки с высоким поясом (отсутствуют в

коллекции). Актуальными также были куртки-ветровки из плащевой ткани, футболки с надписями, кожаные куртки, элементы спортивной одежды. Деловые женщины носили костюмы, в основном это были широкие двубортные пиджаки в сочетании с мини-юбкой или брюками, и пиджаки прямого покроя, декорированные кантом.

В 1980-е гг. музей активно сотрудничал с предприятиями области – кооперативом «Трикотажник», Абаканским производственным швейным объединением, трикотажной фабрикой «Хакасия» (с 1 декабря 1988 г. переименована в Абаканское производственно-торговое трикотажное объединение). Трикотажная фабрика «Хакасия» начала выпуск одежды в 1967 г. На предприятии работало 799 человек, было выпущено 104 тыс. изделий на сумму 5305,2 тыс. руб. Фабрика состояла из четырёх производств – верхнего трикотажа, бельевого трикотажа, красильно-отделочного и экспериментального цеха. Изделия поступали в Красноярский край, Омск, Новосибирск. Продукция изготавливалась на импортном оборудовании из Италии, Японии. Успехи науки и техники способствовали созданию новых материалов для одежды – искусственного меха, искусственных замши и кожи, пленочных и нетканых материалов, материалов со специальными видами отделки, мягких, эластичных и облегченных трикотажных полотен.

Составлялись планы научного комплектования на год, перспективные на пять лет. Благодаря этому в коллекции одежды хранятся образцы продукции трикотажной фабрики «Хакасия» с государственным знаком качества. Например, женский костюм-тройка, переданный в музей секретарём партбюро фабрики Кириленковым Александром Николаевичем в 1982 г.

Постоянно стремясь к новизне, люди ищут её в старом. Но не просто копируют и механически повторяют старое, а находят в нём новую красоту с позиции современного мировоззрения. Обращение к народному костюму, ставшее особенно частым в XX в., сильно не культивированием старых традиций, а их всемерным развитием и обогащением. Черпая в сокровищнице костюма различные его элементы: крой, декор, цветовую гармонию, многие люди обнаруживают их современное звучание. И сегодня, благодаря фондовой работе музея, люди могут прикоснуться ко всему этому. Благодаря музейным выставкам народ с удовольствием констатирует, что «бабушкины платья» вновь в моде.

2013

Литература:

1. Кащенко О.Д., Козлова Т.В. Покупателю об одежде и моде /О. Д. Кащенко, Т.В. Козлова. – М.: Экономика, 1986. – 159 с., ил.
2. Каминская Н.М. История костюма: Учеб. пособие для техникумов. – 2-е изд., перераб. – М.: Легпромбытиздат, 1986. – 168 с.: ил.
3. Русаков С.И., Морозовская И.С., Андреева И.А. Советскому человеку красивую одежду/ редактор О. Рычкова. – М.: Лёгкая индустрия, 1967.
4. Дворецкий И.В., Васильева Т.М. Покупателю об одежде. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 1981. – 112 с.
5. Товароведение промышленных товаров. – М.: Экономика, 1978. – 368 с.
6. Аранова Н.О. Головные уборы XX в. в фондах ХНКМ им. Л.Р. Кызласова // сб. материалов юбилейных межрегиональных краев. чтений им. В.А. Баландиной. – Черногорск, 2011. – с. 172-174

С.И. Горбачёва,
г. Минусинск

Реорганизация научного архива Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова

Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125 «Об архивном деле в Российской Федерации» закрепил право постоянного хранения документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся в муниципальной собственности в архивах, музеях и библиотеках.

Документальный фонд Минусинского музея начал складываться ещё в мартьяновский период его деятельности. Сведения о поступлении документов отражены в каталогах музея. Так как до

1925 г. не было такого документального хранилища как архив, значение сбора документов в музее было неопределимо.

В настоящее время в музее хранятся документы с 1535 г. – выписки из грамот, Указов по Европейской России, собранные Кузнецовым-Красноярским, и с 1662 г. – документы по истории Сибири.

Документальный фонд музея хранится и учитывается в основном фонде (ОФ) и в научном архиве. Учёт документов осуществляется в соответствии с «Инструкцией по учёту и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР» (Москва 1984 г.). Документы научного архива учитывались по фондам, описям без каких-либо правил. И этот учёт не соответствовал современным требованиям.

В 2007 г. Министерством культуры Российской Федерации утверждены Правила организации хранения, комплектования, учёта и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской Академии наук. Эти Правила предусматривают для всех единый порядок учёта документов, систему учётных документов, научно-справочный аппарат на архивные документы.

Руководствуясь этими Правилами и другими нормативными документами по музейному и архивному делу, была определена концепция по усовершенствованию учётных документов и научно-справочного аппарата на документы научного архива музея. Она рассмотрена на заседании ФЗК 7 апреля 2011 г. Было принято решение о проведении правильного фондирования, создании системы учётных документов, переработки описей на документы фондов музея.

В первую очередь переработке должны быть подвергнуты описи фонда Р-1 – это фонд музея. В фонде 3 описи, все они рукописные, имеются в одном экземпляре. По правилам описи должны быть в 3-х экземплярах. В эти описи включены все документы о деятельности музея с 1874 г. и документы по истории юга Сибири. Располагались они в этих описях безсистемно. Были просмотрены и изучены все документы, выделены из фонда в самостоятельный комплекс учётные документы. На них составлено 8 описей на 237 ед. хр. На каждый вид учётных документов в соответствии с Правилами составлена отдельная опись.

Следующим этапом работы было выделение из документов фонда Р-1 – музей им. Н. М. Мартянова единиц хранения, не относящихся к данному фонду. Подлинные архивные дела за период с 1917 г., имеющие историческую ценность, переданы в основной фонд – 52 ед. хр. Среди них большое количество документов, собранных ранее сотрудниками музея о событиях 1917 г., гражданской войны на юге Енисейской губернии. Эти дела состояли из самостоятельных документов, в процессе работы они были расформированы и поступили в основной фонд документами. Из одного дела был образован самостоятельный фонд Николая Алексеевича Раевского на 26 ед. хранения. В результате проведённой работы значительно увеличился основной фонд музея. Поступило 210 ед. хранения.

Часть дел, не относящихся к фонду музея, поступила во вспомогательный фонд и часть дел была передана в соответствующие фонды: архивное собрание документов по истории юга Красноярского края; архивное собрание документов по географии юга Красноярского края; архивное собрание документов по научно-исследовательской работе по истории юга Красноярского края; общественно-политические организации.

Следующим этапом работы, который и проводится в настоящее время, является выделение в самостоятельные фонды документов за период до 1917 г. В соответствии с Правилами они будут выделены в самостоятельные фонды: Минусинский Мартяновский музей, состоящий под покровительством Императорской Академии наук, Архивное собрание документов по истории юга Сибири. Эти документы представляют историческую ценность и после проведения разделения дел, научно-технической обработки, составления описей поступят в состав основного фонда.

К настоящему времени из состава фонда Р-1 МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова» выделены в самостоятельный фонд 1 (период до 1917 г.) документы Минусинского местного музея в количестве 541 ед. хранения.

В составе фонда 1 документы были подвергнуты научно-технической обработке. В связи с тем, что на обложках дел стала появляться жёлтая плесень, часть дел была перешита в новые обложки,

а 111 дел были расшиты, т.к. они были сформированы неправильно, что затрудняло работу с документами в деле. В результате расшивки дел состав фонда увеличился на 473 ед. хранения.

Письма к Н.М. Мартьянову, состоящие из нескольких листов были разъединены, начало и конец письма находились друг от друга через 5-10 листов.

После расшивки все документы были подвергнуты реставрации, затем проведена систематизация. Дела формировались по принципу:

- письма Н.М. Мартьянову из государственных, общественных организаций;
- письма Н.М. Мартьянову от частных лиц (разложены в алфавитном порядке);
- письма Н.М. Мартьянову от неустановленных лиц;
- письма Н.М. Мартьянова в государственные и общественные организации;
- письма Н.М. Мартьянова частным лицам.

Таким образом одно дело делилось на несколько дел, составлялся подробный акт о разделении дел. Номера листов по старому номеру дела указывались в акте и на конверте, в котором находятся эти листы. Листы во вновь сформированных ед. хранения пронумерованы, составлены листы-заверители. Дела, содержащие письма, помещены в конверты без подшивки. Вновь сформированные дела содержат от 10 до 40 листов.

При описании документов устанавливалось авторство писем – по подписям, по журналу регистрации входящей и исходящей корреспонденции, по другим документам фонда и печатным изданиям. Практически удаётся установить почти всех авторов писем, адресованных Н.М. Мартьянову.

Письма частных лиц сформированы в дела в алфавитном порядке их авторов и все они затем указываются в заголовке дел. На переписку Н.М. Мартьянова составляется отдельная опись № 1. Сейчас в неё включена 232 ед. хранения за 1878-1916 гг.

В состав описи № 1 включены письма, представляющие большую научную, историческую ценность. Это письма из Императорского русского географического общества и его отделов, Императорского русского археологического общества, начальника Енисейской губернии, губернатора, различных научных, учебных заведений. Большое количество писем от известных лиц: А. Адрианова, А. Баталина, Д. Клеменца, Г. Потанина, Г. Юдина, П. Семёнова, Н. Катанова, И. Савенкова, И. Сибирякова, Н. Ядринцева, П. Иорданского, И. Боголюбского, семьи Кузнецовых, иностранных учёных.

В связи с этим было решено документы по описи № 1 постепенно передавать в состав основного фонда музея. В 2012-2013 гг. состав ОФ из этой описи передано 137 ед. хранения.

На документы делопроизводительной деятельности музея после проведения научно-технической обработки составляется отдельная опись № 2. В неё включено 309 ед. хр. за 1873-1916 гг.

В 2014 г. будет завершена работа по научно-технической обработке всех документов фонда до 1917 г. также проведена научно-техническая обработка документов по описям 1а и 2. Будут разобраны находящиеся в состоянии россыпи, дела-рукописи XVII-XVIII вв. В. Ватина, И.П. Кузнецова-Красноярского. По этим делам будет проведено правильное фондирование и составлены новые описи.

В результате проводимой работы улучшается обеспечение сохранности архивных документов, приводятся в порядок учётные документы и научно-справочный аппарат. Все это способствует повышению информативности, более качественному использованию документов, хранящихся в музее.

2013

Н.С. Заиченко,
г. Новокузнецк

Личная коллекция новокузнецкого поэта Н. Николаевского

Музей Ф.М. Достоевского – единственный на юге Кузбасса литературный музей, располагающий тематическими коллекциями «Достоевский в Кузнецке», «Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского», а также «Литературное краеведение Кузбасса».

Формирование предметных собраний началось с 1991 г., когда музей получил статус само-

стоятельного учреждения культуры и перестал существовать как филиал Новокузнецкого краеведческого музея. Комплектование фондов ведётся с учётом профильной направленности и «Положением о комплектовании фондов литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского».

В настоящее время основной фонд представляет собой четыре коллекции, разделённые по материально-предметному принципу: письменные памятники, вещественные памятники, изобразительные памятники и фоно-, кино памятники. Коллекцию письменных памятников, сформированных по тематике, составляют редкие книги, в т.ч. и дореволюционного издания, рукописи, печатные издания профильного и краеведческого направлений. В число изобразительных памятников включены живописные и графические картины известных в Сибири художников. Вещественные собрания представлены большим количеством предметов быта, отражающие особенности уклада жизни России XVIII-XIX вв. и города Кузнецка в частности.

Научно-исследовательская работа, в соответствии с комплектованием фондов, включает в себя следующие направления: изучение творчества и биографии Ф.М. Достоевского; исследования по литературному краеведению (изучение жизни и творчества местных писателей; исследование литературной жизни в области; история развития литературы в Новокузнецке).

В изучении литературной истории края и культурного творчества, ведущими темами являются: «Проза и публицистика в Кузнецке сер. XIX – нач. XX вв.», в которой освещается творчество писателей публицистического и прозаического направлений, таких как Берви-Флеровский, Наумов, Блюммер и Вен. Булгаков, а также «Своеобразие литературного процесса современного Новокузнецка с сер. XX в. до сегодняшнего времени». Формирование личных коллекций новокузнецких писателей началось с 1997 г., как раз в момент подробного и обстоятельного изучения особенностей развития литературного краеведения в современном Новокузнецке. В музее комплектуются собрания прозаиков Яброва А.С., Емельянова Г.А., Немченко Г.Л., поэтов Николаевского Н.М., Раевского А.Д., Никоновой Л.А., Гольцмана Э.Д., представителей шорской литературы Торбокова С.С., Чиспиякова Э.Ф. и др.

Исследования по литературному краеведению, а также изучение личных коллекций писателей, включают следующие виды деятельности: работа с архивными материалами, записи воспоминаний людей, знавших писателя, написание очерков о местных авторах, сбор и изучение документов, а также рукописей, раскрывающих особенности творческого процесса писателей и специфику развития современной литературной жизни края.

В фондах музея содержится редкие коллекции представителей поэтического творчества Кузбасса. Из них уникальное собрание талантливейшего поэта Николая Михайловича Николаевского.

Николай Николаевский родился в 1949 г. в г. Топки Кемеровской области. Он уже в школьные годы начал увлекаться литературой, стихами, затем с лёгкостью учился в Новокузнецком педагогическом институте на филологическом факультете. В студенческие годы, Николай Николаевский вошёл в литературное объединение «Гренада». После окончания ВУЗа посвятил себя журналистике: работал корреспондентом в газете «Металлургстрой», а затем в «Горняцкой солидарности» заместителем редактора. Его стихи печатались в альманахе «Огни Кузбасса», сборнике «Дыхание земли родимой», газетах «Кузнецкий рабочий», «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса» и др. Николай Николаевский – автор четырёх поэтических сборников: «Трудный день», «Обернуться на взгляд», «Круг» и «Золотое сечение». Н. Николаевский поэт и журналист – безвременно и трагически ушёл из жизни 20 мая 1998 г. Его четвёртый юбилейный сборник «Золотое сечение» вышел уже посмертно.

Музейная коллекция поэта Н. Николаевского насчитывает около 200 единиц. Пополнение собрания проходило в два этапа, первую часть материалов музей получил в дар из рук самого поэта, вторую передала жена после его смерти. Большую часть из них составляют машинописные и рукописные источники. Из рукописей можно выделить ряд тетрадей, содержащих черновые варианты текстов его стихотворений, большинство из которых так и остались неизданными. В них содержатся стихи разных лет, условно их можно разделить на несколько временных периодов: 1960-70 гг. – ранняя, юношеская лирика; 1980-90 гг. – относятся к зрелому творчеству.

Вид и форма рукописного материала достаточно своеобразны. В них можно проследить особенности динамики творческого процесса поэта и личностной организации автора в целом.

Тексты стихотворений расположены в хаотичном порядке, как правило, сопровождающиеся рисунками – вымышленными персонажами. В основном это изображение лиц в профиль и анфас, застывшая мимика каждого из которых отражает какое-либо эмоциональное состояние. Все рисунки выполнены в едином стиле, который прослеживается во всех периодах творчества, начиная с ранних стихотворений. Специфика и структура изображения отражает внутреннее состояние, полифонию душевных переживаний самого автора. Это факт будет прослеживаться и в самих стихотворениях чувственных, эмоциональных, отражающих противоречивую внутридушевную диалектику человека с самим собой. Также в рукописях можно обнаружить многочисленные геометрические фигуры, перечисление слов, выражений, цитат, тоже говорящих о динамике и живости творческого процесса Н. Николаевского. Данный материал уникален для музейных фондов, во-первых он раскрывает особенности творческого процесса самого поэта, помогает проанализировать специфику личности автора и своеобразие стихотворного творчества (текста) в целом.

Также в музее хранятся четыре изданных сборника Николая Михайловича: первый поэтический сборник «Трудный день» (1982), «Обернуться на взгляд» (1991), «Круг» (1993), а также «Золотое сечение» (1999), юбилейный, вышедший уже после смерти поэта.

Вступительную статью к самому первому поэтическому собранию Николаевского «Трудный день» написал кемеровский поэт, Член Союза писателей СССР, Игорь Михайлович Киселёв. Именно в этом вступлении отражены основные особенности творчества Н. Николаевского: *«Не будет преувеличением сказать, что автор шёл к этому сборнику никак не меньше десяти лет. Всё было на этом пути: поиски, метания, озаряемые вспышками редких удач; были ошибки, провалы, неудачные эксперименты. Что же привлекает меня в творчестве Николая Николаевского? Считаю, и не без оснований, что у него есть свой голос, своя неповторимая интонация, свой взгляд на окружающий мир, взгляд пристальный и равнодушный. ...Есть в сборнике стихи, продиктованные внезапным и сильным переживанием, впечатлением (я назвал бы их стихами-вспышками). Есть – и таких немало – стихи, где чувство сопряжено с глубокими и серьёзными раздумьями о месте человека в нашем сложном мире, о единстве всего живого на земле, – единстве, раздираемом противоречиями. У Николаевского немало стихов по-настоящему интересных, пронизанных цельной и непосредственной, а главное, оригинальной мыслью».*¹

Темы и образы стихотворений Николаевского остаются неизменными на всём творческом пути. Но в процессе развития поэта как творческой личности, вместе с изменением миропонимания, динамики духовно-душевной организации, привычные образы и отношение к ним в каждом возрастном промежутке приобретают иное, своё неповторимое звучание. В ранних стихотворениях отражаются темы дружбы, студенчества, городской жизни; освещаются социально-философские вопросы. Тема любви одна из главных в творчестве Николаевского. В ранней лирике отражается вся многогранность чувства любви, весь спектр ощущений и переживаний, синтез радости, вызванной светлым и всеобъемлющим чувством и печали, возникающей от безответности, первых разочарований. В зрелом творчестве нагнетается амбивалентность чувств, стихи выражают противоречивость человеческой сущности, испытываемых ощущений. Любовь остро воспринимается и вызывает безмерное счастье, гармонию и вместе с тем печаль, тоску, страдания:

*Зима околдовала, оплела.
Я видел: наши встречи непрочны.
Я чувствовал дыхание чужое.
Мы с нею шли все время вдоль стены.
И кто-то торопился за спиною.
Мы были с ней вдвоём подчинены
Предчувствию раздора и разлуки.
Я звал её, я грел в подъездах руки
Губами... но в пустыне тишины
Слова знобило, замерзали звуки.*

Также в поэзии ярко представлены образы природы, через которые автор выражает своё внутреннее душевное состояние, мироощущение в целом. Тем самым стихотворения приобретают особое философское звучание:

*В дымящемся течении реки
Ещё не шлохнулся луч рассветный.
И звуки первобытны и тихи,
И контуры Земли инопланетны.
Когда б не котелок над костерком
И клоч палатки, выхваченный светом,
Я мог бы догадаться о другом...
Но ниточкой зацеплен я на этом.*

Ведущее место в поэзии занимают вечные темы, волнующие человечество во все времена: философские размышления о жизни, смерти и бессмертии, свободе, счастье, смысле человеческого существования. Мечта о долгожданном счастье, свободе, полноценной жизни живёт внутри поэта, но она не осуществима, так как идеальна и не достижима по причине дисгармонии во внешней действительности и человека с самим собой. Проблемы личные, неустроенность близких людей, внутренние противоречия, вечный выбор представляют собой замкнутый круг. Поэтому ощущение желаемого счастья сочетается с тоской и чувством одиночества:

*Я счастлив, о, что за остуда
Прошла от руки до виска?
Откуда, скажи мне, откуда
Берётся такая тоска!?*

Н. Николаевским был не только талантливым поэтом, но и замечательным журналистом, профессионалом своего дела. В собрании музея хранятся рукописи статей в новокузнецкую газету «Шахтерская солидарность»: «Трудное время», «Даёшь стране угля!», «Начало», «Истоки», в которых повествуется о развитии угольной промышленности в Кузбассе; специфике работы шахтёров и горняков.

Также коллекцию Николаевского составляют личные документы: свидетельство о рождении, диплом об окончании ВУЗа, удостоверение зам. редактора газеты «Горняцкая солидарность», фотографии из семейного архива.

В музее хранится книга (коллективный сборник) «Неоконченный диалог», выпущенная к годовщине со дня смерти Н.М. Николаевского. В этом издании содержатся сердечные, наполненные теплотой воспоминания самых дорогих и близких людей поэта: верных друзей, братьев по перу, коллег по работе. Михаил Конев, редактор газеты «Южный Кузбасс», в очерке «Талант, дарованный природой...» напишет: «...Рано ушёл из жизни Николай Михайлович. Он мог бы написать ещё немало светлых и добрых стихов. Не дописал, не дожил... Мы, его друзья и коллеги по перу, всегда будем помнить этого скромного и доброго человека, оставившего заметный след в поэтической истории не только родного для всех нас Новокузнецка, но и Кузбасса».²

Музей Достоевского бережно хранит память о Николае Николаевском. Постепенно пополняется личная коллекция, благодаря родным и близким поэта, с которыми сотрудники нашего музея поддерживают тёплые отношения. Проводятся выставки, посвящённые жизни и творчеству, исследуются вновь поступившие материалы, раскрывающие своеобразие и уникальность поэтических произведений Н.М. Николаевского.

2012

Примечания:

¹ И. Киселёв «Застенчивость и волшебство»./ Н. Николаевский «Трудный день»./ Кемерово, 1982 г.

² Неоконченный диалог. Памяти поэта Н. Николаевского./ Новокузнецк, «Горняцкая солидарность», 1999 г.

Ч.А.-С. Монгуш,
г. Кызыл, Республика Тыва

О коллекции стелария Национального музея Республики Тыва

Территория Тувы богата археологическими памятниками, среди которых выделяются каменные памятники – оленные камни, плиты с рисунками, каменные антропоморфные изваяния (кижи-кожэ), стелы с руническими надписями, каменные изваяния в виде фигур животных. Боль-

шое количество таких памятников (более 150 ед.) хранится и экспонируется в Национальном музее республики. Каменные памятники датируются разными периодами, начиная с бронзового века и кончая монгольским периодом до XIV в. Часть из них, 55 единиц, экспонируются в мини-стеларии, организованном в цокольном этаже музея. Экспозиция называется «История Тувы в каменных изваяниях».

Первые сведения о каменных памятниках Тувы относятся к нач. XVII в., их научное изучение было начато с 20-х гг. XX в.¹

Полевые работы проводили многие известные советские учёные, такие как А.В. Адрианов, С.А. Теплоухов, Л.Р. Кызласов, С.И. Вайнштейн, А.Д. Грач, В.П. Дьяконова, М.А. Дэвлет, Л.П. Потапов, М.П. Грязнов, С.Н. Астахов, И.В. Кормушин, В.А. Семёнов, М.Е. Килуновская др. Из тувинских учёных их исследованием занимались Ю.Л. Аранчын, И.У. Самбу, М.Х. Маннай-оол, З.Б. Чадамба и научные сотрудники Тувинского музея. В фонды музея каменные памятники начали поступать с начала 1940-х гг.

Наскальные рисунки эпохи бронзы распространены по всей Туве. На них часто можно увидеть изображения колесниц, запряжённых лошадьми; вьючных тягловых животных – быков, с помощью которых, вероятно, совершались сезонные перекочевки и длительные миграции.²

В музейной экспозиции представлены камни с изображениями животных (козорогов, лошадей), сценами охоты, которая в то время была основным занятием людей; валуны с рогатыми личинами, доказывающие существование в то время шаманов – проводников между мирами людей и духов.

К скифскому периоду (IX-III вв. до н.э.) относятся оленные камни, которые обнаружены в центральных, южных и западных районах республики. Эти памятники делятся на 4 типа: 1) общеевразийский – на них выбивались только гривна и пояс, на некоторых оружие; 2) саяно-алтайский – с реалистичными изображениями животных – маралов, кабанов, лошадей и др.; 3) монголо-забайкальский – с изображениями стилизованных фигур оленей; 4) смешанный тип, где выбиты «серьги», «ожерелья», кинжалы, конские силуэты.³

Самыми ранними по датировке видами считаются камни монголо-забайкальского типа, где изображены силуэты оленей с «клювообразными мордами» и ветвистыми рогами, в «летучем галопе».⁴ Эти камни обычно большого размера (высокие). На более поздних видах камней у оленей изображены не такие вытянутые морды (саяно-алтайский тип). На камнях общеевразийского типа, средними размерами, сверху выбита широкая полоса-диадема. Под ней по бокам выбиты большие контурные круги – «серьги». Ниже них цепочка овальных лунок – «ожерелье». На некоторых камнях в нижней части изображены кинжалы и решётчатые рисунки.

Знаменитый скифский курган «Аржаан-2» сверху был покрыт многочисленными каменными плитами, на некоторых из них также были изображены олени. Олень, точнее марал, считается тотемом скифов, это священное солнечное животное, быстроногое как лошадь, олицетворяет движение солнца. Есть в коллекции оленных камней памятники, где размещены силуэты оленей с ветвистыми рогами, направленными вверх к солярному знаку – солнцу. Также хотелось бы напомнить, что на вершием головного убора скифского царя, погребённого в кургане Аржаан-2, служила золотая фигурка оленя, «стоящего на цыпочках», под ним на полях головного убора крепились 4 золотые фигурки лежащих лошадей с подогнутыми ногами. В навершии одной из золотых шпилек скифской «царицы» также изображён «стоящий на цыпочках» олень (его изображение сегодня является логотипом Тувинского музея). Напрашивается вывод, чем выше изображение оленя, тем оно ближе к солнцу.

На скалах сохранились выбитые силуэтные рисунки с характерными для скифского стиля изображениями животных (маралов, кабанов, лошадей и др.), а также изображениями кинжалов, чеканов, луков со стрелами, поясных украшений.

Оленные камни, в основе своей, имели антропоморфный облик и были связаны с культовыми представлениями местных племён, вероятнее всего, с заупокойным культом, а, возможно, имели и охранительные функции.⁵

Большой интерес в коллекции стелария Тувинского музея представляют каменные антропоморфные изваяния древнетюркского периода, датируемые VI -VIII вв. Каменные фигуры людей, имеющие местное название «кижи-кожээ» (в дословном переводе на русский язык «че-

ловек-камень»), выполнены из различных пород камня: мрамора, сланца, гранита и песчаника.⁶ Они всегда изображают мужчин и преимущественно воинов, это связано с поминальным обрядом. Изваяния умерших воинов мастера-каменотёсы украшали изображением наборного пояса, к которому подвешены меч и сабля, иногда кинжал, боевая булава, ножи в ножнах и мешочки с дорожными инструментами, амулетами и огнивом.⁷ Их лицам старались придать портретное сходство с умершим, детализируя формы усов, бороды, манеру ношения серёжек, иногда, индивидуализируя черты лица и его выражение.⁸ Все фигуры изображены держащими в одной руке, обычно в правой, сосуд для питья. Л.Р. Кызласовым выделено 6 типов сосудов, изображаемых на изваяниях людей: 1) кувшинчики на поддонах (иногда с ручками), 2) кувшинчики с округлым дном, 3) рюмки, 4) округлодонные чаши, 5) чаши-кубки на высоких поддонах, 6) чаши с широким горлом на низких поддонах. Каменные изображения воинов с сосудом в руке ставили рядом с их могилой. Это каменное изваяние олицетворяло участие погибшего воина в поминальном пире, устраиваемом его родственниками и соратниками возле оградок могил.⁹ При этом поминающие обращались к нему и «разговаривали» с ним, принося ему жертву в виде кусочков пищи, которую сжигали на жертвенном огне, чтобы умилостивить его душу. Таким образом, считалось, что в поминальном пиру участвует душа умершего воина, получающая пищу и питье через жертвенный огонь.¹⁰

В древнейуйгурское время (VIII-IX вв.) продолжали создавать мужские каменные изваяния, которые по своему происхождению связаны с предшествующими тюркскими. Это более реалистичные и тщательно изготовленные скульптуры мужчин – памятники особо отличившимся героям-воинам. Они устанавливались одиноко, без оградок и прочих дополнительных сооружений, но по-прежнему всегда лицом на восток. Изваяния уйгурского времени отличаются от каменных фигур тюркского периода наличием изображённых особых шапок или кос, рельефно изображёнными сосудами, обычно это узкогорлые кувшины на поддонах, которые фигуры держат обеими руками. Они имеют пояса, чаще всего со многими подвесками, среди которых обычны фигурные бляшки с сердцевидными отверстиями. Эти изваяния высекались только из серого гранита.¹¹

Все изваяния музея можно разделить на 2 группы: 1-ая группа – это камни с изображением лица или головы; 2-ая группа – изваяния, передающие фигуру человека. Различия в этих группах продиктованы не только техническими мотивами, но и сакральным назначением этих памятников, их семантикой.¹²

В скифское время вместе с умершими мужчинами также клали в могилу сосуды, подтверждением чему является золотая чаша из царской могилы кургана «Аржаан-2».

По количеству обнаруженных каменных изваяний Тува занимает первое место в Саяно-Алтайском нагорье.¹³

В коллекции стелария важное место занимают стелы с рунической письменностью, датированные VIII-XI вв. Орхоно-енисейская руническая письменность возникла в древнетюркское время (VI в.). Ею владела не только элита, но и некоторая часть рядовых кочевников.¹⁴ Памятники с енисейскими надписями в основном были обнаружены в центральных, южных и западных районах Тувы. Вертикальные стелы с надписями ставили при поминальных сооружениях самых выдающихся полководцев, прославленных многочисленными победами, но встречаются и одиночные стелы.¹⁵ Они являются надгробными эпитафиями – обращениями наиболее прославленных представителей знати – каганов, военачальников – к своим соплеменникам. В них говорится об их военных и государственных заслугах,¹⁶ о быстротечности жизни, скорби по поводу разлуки с близкими, обращения к богам.

В данных надписях употребление и значение многих слов с незначительными изменениями сохранились во многих современных тюркских языках, в т.ч. и тувинском. К ним относятся названия этносов, местностей и некоторые слова: «солнце» (кун – хүн), «синее небо» (кок тенгри – көкдээр), «звезда» (йылдыс – сылдыс), «земля» (йер – чер), «вода» (суб – суг), «сын» (огул – оглу), «царь» (каган – хан), «отделился» (адырылтым), названия порядковых цифр: один, два, три, пять, девять и т.д. (бир, ики – ийи, үш, беш, токуз – тос) и многие др. Имеются названия божеств: Кок тенгри – синее небо, Йер-су – дух земли и воды, т.е. земной поверхности, и Умай – по-

кровительница детей и плодородия.¹⁷ Данная руническая письменность была известна и древним кыргызам. Она была утрачена в начале XIII века.

В период могущества и расцвета Монгольской империи (нач. XIII – кон. XIV вв.) в Туву проникло значительное количество монгольязычных племён.¹⁸ В это время известны ремесленно-хлебопашеские поселения, которые создавались для снабжения монгольской армии хлебом и ремесленными изделиями. В Центральной Туве в 1956-1962 гг. открыты и исследованы остатки шести городов и двух поселений. Это были центры ремесленного производства, не имеющие стен городища: Дон-Терек (30 га), Оймак (40 га), Межегейское (42 га), Могойское (11 га), Элегестское (37,5 га), Эртине-Булакское (44 га), земледельческий хутор близ деревни Сосновки и шахтёрский посёлок на старых Межегейских угольных шахтах. Раскопки выявили, что большинство сооружений представляют собой жилые, административные и храмовые здания, пагоды и рядовые жилища. Они были построены по общим для всей юго-восточной Азии строительным канонам эпохи Сун (960-1279 гг.) и Юань (1260-1368 гг.), характерным для градостроительной культуры городов Монгольской империи.¹⁹

Каменотёсы того времени изготавливали жернова для мельниц самых разнообразных размеров (диаметром от 14 см до 2 м), статуи божеств, людей, животных, базы колонн. Посредине центральных площадей городов стояли четырёхгранные каменные стелы на каменных черепках, выполненных из песчаника. На таких стелах вырезались тексты указов. Почти во всех таких городах имелись буддийские храмы, часовни и пагоды, дворы с глинобитными стенами и пристройками, в которых жили буддийские монахи. На городище Оймак найдены обломки гранитной статуи Будды, а также высеченная из песчаника буддийская львинообразная химера, так называемая собака Будды.²⁰ В коллекции стелария Тувинского музея памятники данного периода также занимают особое место, свидетельствуя об активном проникновении в то время в Туву буддизма – официальной религии тувинцев с кон. XVIII века.

Таким образом, одну из самых уникальных коллекций Национального музея Республики Тыва составляют каменные памятники, свидетельствующие о глубокой древности истории и культуры Тувы, и являющиеся высокохудожественными образцами древнего искусства предков тувинцев. Основными задачами сотрудников музея являются бережное сохранение коллекции для будущих поколений и её популяризация сегодня.

2012

Примечания:

¹ История Тувы. Том I. Новосибирск «Наука», 2001. С.5

² Там же. С.34

³ Килуновская М.Е., Семёнов Вл.А. Оленные камни Тувы. Часть 1. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности. // Археологические вести. Вып.5. СПб, 1998. С.143-154

⁴ Там же. С.143

⁵ История Тувы. Том I. Новосибирск «Наука», 2001. С.40

⁶ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С.29

⁷ Там же. С.30

⁸ Там же. С.26

⁹ Там же. С.32

¹⁰ Там же. С.42

¹¹ Там же. С.82

¹² Килуновская М.Е. Собрание каменных изваяний Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть I. Кызыл, 2009. С.64-65

¹³ История Тувы. Том I. Новосибирск «Наука», 2001. С.104

¹⁴ Там же. С.149

¹⁵ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С.44

¹⁶ История Тувы. Том I. Новосибирск «Наука», 2001. С.102

¹⁷ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С.49

¹⁸ История Тувы. Том I. Новосибирск «Наука», 2001. С.162

¹⁹ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С.140

²⁰ История Тувы. Том I. Новосибирск «Наука», 2001. С.167

Художник исторического жанра Г.С. Хлебников в коллекциях Минусинского музея (к 90-летию со дня рождения)

Художественный фонд формировался с момента образования Минусинского музея. На 2012 г. он составляет 2466 ед. хранения, в т.ч., коллекция живописи составляет 772 ед. В этой коллекции работы художников Т.В. Ряннеля, Ф.Г. Кушнарёва, К.Т. Луканина.

Достойное место в собрании занимают картины Григория Семёновича Хлебникова (1922-1993) – 105 единиц.

1 января 2012 г. художнику исполнилось бы 90 лет. Его работы раскрывают многогранный талант художника, работавшего в различных жанрах: пейзаж, натюрморт, портрет, исторические полотна.

Г.С. Хлебников родился в с. Новотроицкое Ермаковского уезда Енисейской губернии. С этими местами связаны его первые шаги становления как художника. Здесь он впервые ощутил красоту окружающей жизни, прелесть картин природы, человек предстал перед ним крупным планом.

Биография Г.С. Хлебникова характерна для представителей поколения художников, молодость которых отражает этапы развития нашей страны. Детство и юношеские годы его проходили в период становления советской власти, односельчане, а среди них – родители, активно поддержали её на юге Сибири, – это получило воплощение в живописных полотнах Г.С. Хлебникова. На картине «Вступление крестьянской армии в Минусинск» воссоздаются события, происходившие 13 сентября 1919 г. Действие происходит на центральной площади старого Минусинска. Все лица на этом полотне – земляки художника. Другая работа, посвящённая теме Гражданской войны, картина «Переход партизанской армии из Тувы в Минусинск», на которой представлены реальные люди, участники этого похода. Художник много работал с документальными материалами Минусинского музея, подбирая фотографии участников гражданской войны. Эти две работы – большой итог собирательной, поисковой работы художника.

Особую страницу в жизни художника занимала Великая Отечественная война, и неслучайно на автопортрете он ассоциирует себя с солдатами, защитниками родины. География военных действий Григория Хлебникова связана с обороной Ленинграда, участием в освобождении от фашистских захватчиков Прибалтики, Польши, Пруссии-Данцига и Берлина.

После войны Г.С. Хлебников вступил в товарищество художников Хакасии человеком зрелым, закалённым войной, с устоявшейся гражданской позицией, с осознанным выбором главных ценностей жизни.

Его как художника интересовала история нашего региона, связанная с отдельными событиями, это прослеживается в его работах: «Старый Минусинск», «Один из первых домов Минусинска», «Окраина Минусинска», «Село Знаменка», «Дом ссыльного Александра Владимировича Орочко», «Дом в Ермаковском, в котором проживал ссыльный Анатолий Александрович Ванев», «Старый дом в деревни Низкозобка, в котором был первый сельсовет».

Долина Среднего Енисея богата археологическими памятниками различных эпох. Издревле люди селились на этой земле. После них осталось множество свидетельств в виде древних погребальных памятников. Многие из них до сих пор можно видеть в степи, об этом сюжет картины «Земля предков».

Тема новостроек, тема человека труда на юге Сибири стала одной из любимых для Г.С. Хлебникова: «Карлов створ», «ГЭС строится», «Гидролизный завод», «Строится микрорайон». Среди его работ особо следует выделить портреты современников, передовиков промышленности и сельского хозяйства, государственных и общественных деятелей, портреты представителей хакасской культуры. Среди них портрет капитана Васильева, журналиста Доброва, скульптора Шавлыгина, исследователя трассы Абакан – Тайшет А.М. Кошурникова, портрет пастуха в картине «Моя Хакасия».

С 1964 г. Г.С. Хлебников начал участвовать в краевых, зональных, республиканских, Всесоюзных выставках. С 1975 г. – член Союза художников РСФСР. Специального художественного образования не получил.

По заказу Минусинского музея в 1993 г. Г. Хлебников выполнил портреты декабристов, находившихся на поселении в Минусинском округе в 1827-1861 гг. Девять работ – копии с акварельных портретов, выполненных бывшим членом тайного общества «Морской гвардейский экипаж» Н.А. Бестужевым, во время его пребывания на каторге в Забайкалье. Два портрета – Н.О. Мозгалевского и С.Г. Краснокутского – выполнены по словесному описанию внешности арестованных людей из материалов Следственного комитета. Портреты декабристов находятся в экспозиции Музея декабристов, на выставках, посвящённых истории Минусинска и Сибири. Это были последние работы художника, в том же 1993 г. Г.С. Хлебникова не стало, он умер 2 октября в г. Абакане (Республика Хакасия).

Часть работ (61 ед.) поступило в музей от автора в 1980 – нач. 1990-х гг. и 44 работы передала его дочь Наталья Григорьевна Хлебникова в 2002 г.

Сейчас трудно представить экспозиции Минусинского музея без работ Г.С. Хлебникова, его картины постоянно экспонируются.

2012

Л.П. Сапрыкина,
п. Шушенское

Выставка одного предмета: к 100-летию приезда Ф. Нансена в Красноярск

В 2013 году исполнилось 100 лет со дня приезда в Красноярск Фритъофа Нансена.

Личность его настолько известна, что не нуждается в особых комментариях. Выдающийся спортсмен в молодости, в 27 лет – доктор зоологии, в дальнейшем – профессор, почётный член многих академий наук, в т.ч. Петербургской, полярный исследователь. После Первой мировой войны – верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных и беженцев, организатор помощи голодающим Поволжья в нач. 1920-х гг., лауреат Нобелевской премии мира (1922) – всё это о нём, о Нансене.

По счастливому случаю музей-заповедник «Шушенское» причастен к судьбе великого норвежца через один предмет – старинный фотоаппарат, с помощью которого в далёком 1913 г. его фотографировали в Красноярске. В 2012 г. сотрудниками музея была проведена поисково-исследовательская работа по изучению этого предмета, его истории.

Фотокамера дорожная, как называли тогда этот вид фотоаппаратов, состоит из объективной и кассетной частей, соединённых между собой складным мехом. Вместо плёнки в кассетную часть вставлялась стеклянная пластинка с фотоэмульсионным слоем. Наводка на резкость осуществлялась по матовому стеклу перемещением кассетной части. Выдержка отмерялась открытием и закрытием объектива крышкой. В кон. XIX – нач. XX вв. подобные фотоаппараты выпускались во многих странах. В России было несколько мелких мастерских по изготовлению дорожных фотокамер, которые использовали обычно немецкую оптику. Где сделана наша камера – неизвестно (на шильдике указан только серийный номер), скорее всего, в России.

В 2005 г. данный предмет передал в музей фотограф Павел Павлович Форис, работавший когда-то в шушенском музее. Фотоаппарат, по его словам, он приобрёл в 1981 г. в Абакане у бывшего фотографа Красноярского краеведческого музея Владимира Петровича Ермолаева. Последний рассказал Форису, что именно этой камерой он снимал норвежского путешественника.¹

При проверке этой легенды неоспоримыми были только два факта: Нансен – вполне реальная личность, и в 1913 г. он посещал Красноярск. А был ли в действительности Ермолаев, кто он такой, фотографировал ли Нансена и каким фотоаппаратом – всё это предстояло выяснить.

К счастью, была одна зацепка: слова Фориса о том, что ермолаевские фотографии должны быть в Красноярском краеведческом музее. Там подтвердили, что в нач. XX в. у них действительно работал фотографом и этнографом Владимир Петрович Ермолаев, и в музее хранятся сделанные им фотонегативы и фотографии Нансена.

Через интернет-ресурсы выяснилось, что «ниточка» поиска тянется в Туву. С помощью сай-

тов Минкультуры и Национального музея Республики Тыва удалось установить, что с 1916 г. Владимир Петрович жил и работал в Урянхайском крае, и в Туве бережно хранят память о нём как о человеке, который более 40 лет посвятил делу изучения Тувы. Он был фотолетописцем всех изменений, происходивших на тувинской земле, стоял у истоков создания главного музея республики, был его первым директором, внося тем самым огромный вклад в дело сохранения тувинской национальной культуры.

В 2012 г. в память об этом замечательном человеке в музее состоялись первые Ермолаевские чтения, на которых почётным гостем был внук В.П. Ермолаева, живущий в Абакане.

Владимир Александрович Ермолаев, бывший журналист, при встрече рассказал много интересного о своём деде – В.П. Ермолаеве. Воспоминания эти были записаны и хранятся в фондах музея-заповедника.² Он подтвердил наличие у В.П. Ермолаева дорожной фотокамеры, передал в музей некоторые фотографии.

Владимир Петрович Ермолаев родился в 1892 г. в многодетной семье в с. Канско-Перевозинское, рано начал самостоятельную жизнь. В Канске судьба свела его с профессиональным фотографом, благодаря которому Владимир в совершенстве овладел премудростями фотодела. В 1909 г. он устроился на службу в Красноярский городской музей, где уже работал помощником «консерватора», то есть директора, его старший брат Александр.

Красноярский музей был четвёртым (после Минусинского, Енисейского и Ачинского) открытым в губернии музеем. Как вспоминал Владимир Петрович, в 1913 г. в нём работали всего четыре штатных сотрудника (директор, его помощник, фотограф и сторож) и трое добровольных активистов музея,³ поэтому всем приходилось выполнять разнообразные работы. Младший Ермолаев был таксидермистом, реставратором, художником, фотографом, научным сотрудником. С 1903 г. музей был структурным подразделением Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, поэтому его сотрудники участвовали в научно-исследовательских экспедициях по линии РГО. С одной из таких экспедиций, почвенно-ботанической, Владимир Петрович впервые побывал в 1913 г. в Туве в качестве фотографа экспедиции.

Для окончательного подтверждения легенды нам оставалось узнать, когда и при каких обстоятельствах П.П. Форис встретился с В.П. Ермолаевым.

Из беседы с Павлом Павловичем выяснилось, что в 1981 г. ему в руки случайно попал номер краевой газеты «Красноярский комсомолец» со статьей «Фритъоф Нансен на Енисее» некоего В. Ермолаева, который делился своими впечатлениями от встречи со знаменитым путешественником.⁴

В предисловии было указано, что автор живёт в Абакане (действительно, в начале 1970-х гг. Владимир Петрович переселился из Тувы в Хакасию). Форис очень удивился: живая история под боком! И тут же отправился в Абакан к знакомому коллекционеру Михаилу Лукичу Беликову, который и познакомил его с автором.

Эта встреча была запечатлена Павлом Павловичем на фотографии, которая хранится в его личном архиве (возможно, это был последний снимок старого фотографа – в следующем году его не стало).

Узнав о том, что у Ермолаева сохранилась та самая фотокамера, Форис уговорил хозяина продать ему реликвию.

Параллельно с линией Ермолаева изучалось всё, что касалось Нансена. У него были давние связи с Россией. Первый раз Нансен побывал в нашей стране в 1897 г., был тепло принят императором Николаем II, беседовал с министром финансов С.Ю. Витте.

В 1913 г. он, в качестве почётного гостя, совершил плавание на норвежском грузовом пароходе «Коррект» вдоль берегов Северного Ледовитого океана к устью Енисея. Организатором этого путешествия был Йонас Лид – норвежский предприниматель, директор-распорядитель совместной англо-российско-норвежской компании «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли». Спутниками Нансена были также: Иосиф Григорьевич Лорис-Меликов – дипломат, секретарь при Российском посольстве в Христиании (прежнее название г. Осло), и Степан Васильевич Востротин – купец и золотопромышленник из Енисейска, бывший городской голова, один из акционеров Сибирской компании, депутат Государственной думы от Енисейской губернии. С.В. Востротин оставил интереснейшие воспоминания о путешествии.⁵

Для России 1913-й – год 300-летия Дома Романовых – это последний мирный год. Для Ени-

сейской губернии он был благоприятным во многих отношениях. В Красноярске впервые появился водопровод, были открыты два ремесленных и землемерное училища, торговая школа, в Минусинске – учительская семинария, началось строительство железной дороги «Минусинск-Ачинск». Заметно было оживление торгово-промышленной деятельности. Европа была заинтересована в налаживании связей с Сибирью. Вот и целью данной экспедиции было изучение возможностей торговых отношений Европы с Сибирью через Северный морской путь и устье Енисея. «Коррект» вёз пробную партию цемента для строящейся Сибирской железной дороги.

Достигнув устья, члены экспедиции на речном моторном судне «Омуль», специально присланном за ними из Красноярска, отправились вверх по Енисею. Кстати, как вспоминал С.В. Востротин, у деревни Холмогоровой последний раз закупали продукты. Тут же подошла лодка с минусинскими арбузами. Хотя они были ещё не совсем зрелыми и сладкими, норвежский гость ел их с большим удовольствием.⁶

Через 13 дней путешественники были в Енисейске, ещё через день выехали на почтовых тройках в Красноярск, преодолев около 350 км пути за двое суток. Об этой «скачке» Нансен писал в своём дневнике: *«Дороги размыло дождями... Тарантас был безрессорный и чрезвычайно тряский. Трясло и швыряло нас так, что я невольно опасался за целостность своих рук, ног и особенно зубов, которые старался поэтому покрепче стискивать... Элегантностью тарантасы не отличаются, но зато удобны и прочны, тогда как наш европейский экипаж при таких условиях давно разлетелся бы вдребезги».*⁷

С 25-го по 29-е сентября Фритъоф Нансен был почётным гостем Красноярска, где и попал в объектив камеры В.П. Ермолаева. Через день после приезда Нансен посетил городской музей. Как вспоминал Владимир Петрович, работники музея *«...с радостью и немалой долей трепета отвечали на его вопросы, которые он задавал, обстоятельно знакомясь с экспозициями отделов. Рассматривая фотоиллюстрации, тематические фотоальбомы, Нансен неожиданно спросил, не будем ли мы столь любезны и не возьмем ли на себя труд сделать для его доклада в Географическом обществе диапозитивы к проекционному фонарю? Мы, конечно, согласились... А вечером того же дня я получил от Нансена около сорока негативов, сделал с них диапозитивы на стеклянных пластинках и принёс Нансену».*⁸

После пребывания в Красноярске знаменитый гость по приглашению и в сопровождении начальника Управления по сооружению казённых железных дорог Евгения Дмитриевича Вурцеля совершил поездку до Владивостока, откуда поездом уехал через Санкт-Петербург домой.

В 1915 г. в Петрограде вышла на русском языке книга Нансена «В страну будущего» о его путешествии по Сибири и Дальнему Востоку, где автор писал: *«Я полюбил эту огромную страну, раскинувшуюся вширь и вдаль, как море, от Урала до Тихого океана, с её обширными равнинами и горами, с замёрзшими берегами Ледовитого океана, пустынным привольем тундры и таинственными дебрями тайги, волнистыми степями, синеющими лесистыми горами»*,⁹ отмечал удивительную приветливость и гостеприимство сибиряков.

Результатом поисково-исследовательской работы, проведённой в музее-заповеднике, стало создание небольшой выставки «Великий Нансен в объективе камеры сибирского фотографа». Фактически это была выставка одного подлинного предмета – фотокамеры, сопровождаемая фотографиями, сделанными с её помощью В.П. Ермолаевым в 1913 г. и любезно предоставленными в оцифрованном виде Красноярским краевым краеведческим музеем, Национальным музеем Республики Тыва, а также В.А. Ермолаевым и П.П. Форисом. Таким образом, изучение истории одного музейного предмета послужило стимулом для дальнейших поисков, в результате которых были выявлены многие интересные факты из жизни широко известных личностей. В будущем предполагается продолжить работу, в т.ч. – совместно с Национальным музеем Республики Тыва – по дальнейшему изучению наследия В.П. Ермолаева.

2012

Литература:

1. Дыртык-оол А.О. Владимир Петрович Ермолаев. К 120-летию со дня рождения // <http://museum.tuva.ru/?p=1630> (20.07.2013).

2. Лачугина Анна. Кусочек сердца нам оставил // Центр Азии, 12-18 июня 2003 // <http://www.centerasia.ru/issue/2003/24/3328-kusochek-serdca-nam-ostavil.html> (17.01.2014).

3. Новые исследования Тувы: электронный информационный журнал // <http://www.tuva.asia>

Примечания:

¹ Генеральная картотека отдела фондов музея-заповедника «Шушенское», № 33371-ОФ.

² Воспоминания В.А. Ермолаева. (Записала Л.П. Сапрыкина, 2013г.) ШМЗ-НВ, № 9129.

³ Ермолаев В.П. Фритьоф Нансен на Енисее // Красноярский комсомолец. 1978.

⁴ Там же.

⁵ Я приветствовал Нансена и других наших спутников: Воспоминания С.В. Востротина о морской экспедиции из Норвегии в устье Енисея в 1913 г. / Публ. Загребавой В.Н. // Ист. архив. М., 2008. № 4. С. 105-146.

⁶ См. Вверх по Енисею: Из воспоминаний С.В. Востротина о путешествии с Ф. Нансеном по Сибири в 1913 г. / Публ. Загребавой В.Н. // Ист. архив. М., 2012. № 3. С. 165.

⁷ Фритьоф Нансен. В страну будущего. С. 261

⁸ Ермолаев В.П. Фритьоф Нансен на Енисее // Красноярский комсомолец. 1978.

⁹ Фритьоф Нансен. В страну будущего. С. 422

Е.Ю. Сидорина,
г. Минусинск

Частные коллекции книг в собрании научной библиотеки музея

«Признать образование и развитие городских библиотек – делом общественным, настоятельно необходимым – наши города ещё не додумались, за исключением очень немногих. К числу этих немногих... присоединился целый ряд сибирских городов: Минусинск, Красноярск, Ачинск, Енисейск..., что представляет одно из самых светлых явлений местной жизни...»¹ – писал корреспондент газеты «Восточное обозрение» в 1892 году.

Публичная библиотека в Минусинске при местном музее была открыта в 1878 г., с фондом в 500 томов книг. Открытие музея и библиотеки (это одно целое) произошло только благодаря Н.М. Мартьянову, который сумел сплотить лучших представителей минусинского общества в этом благородном деле.

Историк музея Ф.Я. Кон отмечал: «...уже первый год существования библиотеки наглядно подтвердил несомненную истину, что лучшей гарантией преуспевания учреждения является сознание в населении его потребности и отзывчивости общества ко всяким культурным начинаниям».²

В процветание нового культурного и просветительного учреждения в провинциальном городе вложили свою лепту и российские учёные, такие как Г.Н. Потанин, он писал Н.М. Мартьянову о желании быть «...помощником в создании умственной ячейки в Минусинске».³

В статье «Общественные библиотеки в городах» в газете «Восточное обозрение» за 1885 г. отмечалось, что Минусинская библиотека «...начиналась из небольших частных пожертвований, в музей внесли несколько частных лиц свой запас книг для общего пользования...».⁴

За 135-летнюю историю библиотека музея с благодарностью принимала пожертвования в виде книг, все равно сколько – одна книга или целая библиотека.

На 2013 г. её фонд насчитывает более 125 тыс. различных изданий. В его составе хранятся частные библиотеки, многие издания переводятся в фонд редкой книги.

В первую очередь необходимо отметить библиотеку, принадлежавшую основателю музея Николаю Михайловичу Мартьянову. Она состоит из изданий по естественным наукам, медицине, истории музея и библиотеки. В Отчёте по Минусинскому музею и библиотеке за 1900 г. отмечается: «...Н.М. Мартьянов подарил разных сочинений на русском и иностранных языках, преимущественно по ботанике на сумму 181 руб. 90 к.».⁵

На всех его книгах есть знак принадлежности: штамп «Николай Михайлович Мартьянов», бескрасочный оттиск «Николай Михайлович Мартьянов», надпись «Николай Мартьянов». В состав библиотеки вошли и книги, принадлежавшие его жене – Елене Константиновне (надпись «Елена Мартьянова»).

В разделе «Медицина» находятся книги из библиотеки, принадлежавшей сыну Н.М. Мартья-

нова – Евгению Николаевичу. В 1984 г. в Минусинске было открыто медицинское училище (ныне – медицинский техникум) и музей передал в дар часть книг (1699 экз.) из библиотеки Евгения Николаевича Мартьянова (Акт передачи от 21 сентября 1984 г.).

Неоценимый вклад в создание и развитие Минусинского музея и библиотеки внёс иркутский золотопромышленник, благотворитель Иннокентий Михайлович Сибиряков.

О пожертвованиях И.М. Сибирякова говорилось практически в каждом отчёте:

1884 г. – «...библиотека получает следующие дорогие издания, выходящие выпусками, по мере их появления в свет: «Русская портретная галерея», «Млекопитающие», «Иллюстрированная история Екатерины II»...». ⁶ «В течение года в библиотеке прибавилось 545 сочинений в 654 томах..., в том числе И.М. Сибиряковым пожертвовано почти третья часть, именно 174 тома на 290 руб.» ⁷

1885 г. – «Более всего поступило книг от И.М. Сибирякова, пожертвовавшего разных сочинений одновременно на сумму 1200 р. и постоянно пополнявшего библиотеку всеми новыми и выдающимися произведениями русской литературы...». ⁸

В 1886 г. И.М. Сибиряков приобрёл для библиотеки музея книг, высланному ему каталогу, на сумму более 2500 руб. ⁹ В 1892 г. он высылает в библиотеку «...новейшие произведения русской литературы...». ¹⁰

Все книги И.М. Сибиряков присылал Н.М. Мартьянову бесплатно. На некоторых увидим надпись: «Ин. Сибиряков» и бескрасочный оттиск «И. М. Сибиряков».

В 1885 г. Минусинская городская дума «... постановила: предложить ему (И.М. Сибирякову – Е.С.) звание почётного члена Комитета Минусинского Публичного Местного музея и библиотеки». ¹¹

Ближайшим помощником Н.М. Мартьянова был Александр Васильевич Малинин (1842-?) – коллежский советник, выпускник Казанского университета, акушер, Минусинский окружной и городской врач. Имел награды: орден Святого Станислава 3 степени, орден Святой Анны 3 степени. ¹²

Из отчёта по Музею и Библиотеке за 1898 г.: «...он (Малинин – Е.С.) проявлял самое горячее участие всем образовательным учреждениям города и в частности по отношению к Музею... Основание обществ. библиотеки при Музее также в значительной мере составляет заслугу...: вместе с женой своей, Е.К. (Малинина – Е.С.), он подарил возникавшему учреждению всю свою домашнюю библиотеку и своим примером увлек широкий круг друзей и знакомых». ¹³ Выявлено немного книг, принадлежавших А.В. Малинину, на них есть надпись: «А. Малинина».

Минусинский купец, золотопромышленник Георгий Павлович Сафьянов – ближайший помощник, сподвижник Н.М. Мартьянова. Г.П. Сафьянов был член Восточно-Сибирского отдела РГО, членом общества попечения о начальном образовании, председатель комитета Минусинского музея. ¹⁴ В 1877 г., при организации библиотеки, Сафьянов передал «...музею свою домашнюю библиотеку, более чем из 100 томов и 25 руб. деньгами, причём содействовал организации библиотеки энергичным обращением к местному обществу, в котором он был влиятельным членом». ¹⁵

В 1907 г. в библиотеку музея поступили книги, принадлежавшие ботанику, кандидату наук Якову Павловичу Прейну (1860-1905). Он закончил Петербургский университет, возглавлял Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества, преподавал в ботанику в Иркутской гимназии, Красноярской женской гимназии. Автор нескольких работ по географии растений Енисейской и Иркутской губерний. ¹⁶

Книги были переданы П.М. Прейном, сыном Я.П. Прейна, «...768 названий книг на сумму 1329 руб. 55 коп.» ¹⁷

Особое место в собрании научной библиотеки музея занимает уникальная библиотека Ивана Тимофеевича Савенкова, которая состоит из 860 книг, журналов и рукописных материалов: по философии, педагогике, истории России, Сибири, археологии и этнографии, шахматам.

И.Т. Савенков – педагог, археолог, шахматист-теоретик, после смерти Н.М. Мартьянова, возглавлял Минусинский музей с 1908 по 1911 годы. Библиотека И.Т. Савенкова была передана в 1918 г. младшим сыном и ближайшим помощником Тимофеем Ивановичем Савенковым.

Печатные и рукописные издания библиотеки строго систематизированы: на каждой книге наклейка, где указан шкаф, полка и номер книги. Кроме наклейки на титульных листах стоят штампы: прямоугольный – «Библиотека И.Т. Савенкова. Шкаф. Полка. №_», овальный – «Иван

Тимофеевич Савенков» на книгах по шахматам – шахматная фигура. На кожаных корешках книг и журналов теснённые золотом инициалы «И.Т.С.».

Свою лепту в развитие музея и библиотеки вложили и политические ссыльные, отбывавшие ссылку в Минусинске и Минусинском округе.

Ближайшим другом и помощником Н.М. Мартьянова был Князь Кропоткин Александр Алексеевич, высланный «...в Минусинск, Енисейской губернии, под строгий полицейский надзор...».¹⁸ Он прожил в Минусинске, дольше остальных ссыльных, 7 лет.

А.А. Кропоткин при музее сформировал особую библиотеку специальных книг, которая состояла из 100 сочинений в 120 томах. Они были систематизированы в следующем порядке: *«I. Руководства: 1) по теоретическим наукам; 2) по прикладным знаниям. II. Учёные сочинения: 1) по теоретическим наукам; 2) по прикладным знаниям. III. Периодические издания и IV. Смесь: 1) справочные книги и 2) смесь»*.¹⁹

Об этой специальной библиотеке Ф. Кон говорил, что она придала Минусинской библиотеке свойство научности, «...уже в первое пятилетие, во время которого специальная библиотека Музея была включена в общую библиотеку, ярко вырисовывается тесная органическая связь библиотеки с Музеем, зависимость роста её наличности от развития и распространения известности Музея».²⁰

В собрании библиотеки есть книги, переданные политическими ссыльными Г.М. Кржижановским и В.В. Старковым, которые жили в Минусинске в 1898-1900 гг. Старков был частым посетителем библиотеки, его фамилия занесена в Список читателей Минусинской Общественной библиотеки. В отчёте по Минусинскому музею и Общественной библиотеке за 1899 г. отмечено, что они пожертвовали 44 книги.²¹ Среди этих книг сочинения Адама Смита, Гиббинса, Тьера, Альфа Додэ, Ядринцева и др.²²

Александр Валентинович Амфитеатров – русский журналист, фельетонист отбывал ссылку в г. Минусинске с января 1902 г. за фельетон «Господа Обмановы», напечатанный в газете «Россия». Сослан он был на пять лет, но в декабре 1902 г. император Николай II перевёл его в Вологду.

В архиве Минусинского музея хранятся два документа, написанные А.В. Амфитеатовым в период ссылки: письмо, написанное 9 марта 1902 г. Н.М. Мартьянову, и Открытое письмо с видом г. Минусинска и надписью: «С праздником! А» было отправлено из Минусинска 26 декабря 1902 г. Амфитеатовым своей сестре Александре Валентиновне Пассек. А.В. Амфитеатов и Н.М. Мартьянов встречались. В 22 томе «Властители дум» Амфитеатов рассказывает о том, что Н.М. Мартьянов рассказывал ему о посещении Минусинского музея Тимофеем Бондаревым.²³

В отчёте Общественной библиотеки за 1903 г. отмечено, что А.В. Амфитеатов пожертвовал книг: «...129 назв. на 88 р. 60 коп...»²⁴

Научная библиотека музея пополнялась личными собраниями и в XX в., в советский период деятельности музея.

В 1985 г. Липинская Ксения Антоновна (1900-1987) подарила научной библиотеке музея 186 книг. В основном это общественно-политическая литература: собрание сочинений В.И. Ленина, И.В. Сталина, книги по истории партии, Гражданской войны, биографии государственных и политических деятелей: И. Сталина, Ф. Дзержинского, энциклопедические издания.

Липинская жила в Минусинске с 1912 г., была участницей событий по установлению советской власти, организатором молодёжной организации «Союз трудящейся молодёжи», комсомольской ячейки в Минусинском уезде. С 1929 г. проживала в Москве, работала в Министерстве просвещения РСФСР. Автор книги «Далеко в заснеженной Сибири» (1970).

Василий Григорьевич Янчевецкий (псевдоним В. Ян) (1875-1954) – советский писатель исторического жанра. Наиболее известной является его трилогия «Нашествие монголов». Закончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1898 г.). В 1918 г. оказался в Сибири: работал школьным инструктором в Ачинске, учителем в тувинском селении Уюк. В 1921 г. приезжает в Минусинск и устраивается на работу в редакцию газеты «Власть труда». Пишет пьесы о деревне нач. XX в.: «Сваха из Моторского», «Сват из Каратуза», «Деревня, протри!»), которые шли на сцене Минусинского театра. В августе 1923 г. уезжает в Москву.

В 1987 г., при содействии сына писателя Михаила, библиотека им. В. Яна в Киеве (Украина)

передала в библиотеку Минусинского музея книги (183 ед.): журналы «Новый мир» (военного времени), «Нева», «Звезда Востока», книги о странах Востока, по истории СССР, произведения русских и советских писателей, литература на иностранных языках.

В октябре 1999 г. в библиотеку музея поступили книги, журналы, принадлежавшие директору музея (1971-1999) Владимиру Алексеевичу Ковалёву, более 8 тыс. изданий. В фонде они занимают отдельное место под наименованием «Библиотека В.А. Ковалёва». Она включает издания по истории России, Сибири, художественная и иностранная литература, геология (по профессии он был геологом), искусству и др. Многие издания с дарственной надписью: от археолога М. Дэвлет, учёного-этнографа В. Бутанаева, сибирских писателей С. Сартакова и А. Щербакова и многих других. На каждом издании стоит штамп, их несколько, эскизы которых рисовал Владимир Алексеевич.

В 2001 г. поступили книги (260 изданий) из личной библиотеки Мглинца Василия Михайловича, директора Минусинской школы № 4, школы-интерната № 8, заведующего Отделом народного образования города Минусинска.

Тематика книг разнообразна: русская, советская и иностранная художественная литература – М. Горький, А. Чехов, В. Короленко, И. Тургенев, Р. Роллан, В. Чивилихин и др., энциклопедические издания, литература по педагогике и общественно-политическая литература.

В 2010 г. в музей поступил звонок из с. Кавказское (Минусинский район) о том, что жительница села хотела бы передать книги в библиотеку музея. Приехали за ними сотрудники библиотеки и были удивлены, увидев энциклопедические издания по Великой Отечественной войне, Мировую энциклопедию биографий, Булгаговскую энциклопедию, философские сочинения, мемуарную литературу, книги по истории России. На каждой книге на титульном листе стоит штамп «Личная библиотека Агаева Г.И. с. Кавказское, ул. Гагарина 67». Библиотека насчитывает 200 ед.

Издания передала жительница села Молчанова Елизавета Ефимовна, а принадлежали они Агаеву Геннадию Ихтиевичу, который в течение 25 лет снимал у неё квартиру и работал в колхозе, скончался в 2009 году. В силу преклонного возраста Елизавета Ефимовна не смогла рассказать о владельце библиотеки.

В 2012 г. в музей была передана библиотека И.Е. и А.А. Шадриных, которая насчитывает более 3 тыс. ед. изданий. Для неё выделена отдельная комната. В настоящее время сотрудниками научной библиотеки ведётся обработка изданий: записываются в инвентарную книгу, проставляется инвентарный номер, шифруется, затем расставляются в алфавитном порядке.

Обработка ведётся медленно, так как практически на каждой книге есть дарственная надпись и вложения с благодарностью, поздравлением, самодельные открытки. Все надписи и вложения фиксируются на каталожной карточке. На титульном листе каждого издания стоит круглый штамп «Библиотека И.Е. и А.А. Шадриных». Состав библиотеки разнообразен: литература художественная, в частности много поэтических сборников, книги по истории Сибири, России, по истории театра, сибирские журналы, литература по сельскому хозяйству.

С 2007 г. формируется библиотека Общественного Благотворительного Фонда «Возрождение Тобольска», председатель президиума – Аркадий Григорьевич Елфимов. На 1 декабря 2013 г. она составляет 90 единиц печатных и электронные носители изданий – это книги Альманах «Тобольск и вся Сибирь», серия «Библиотека «Альманах «Тобольск и вся Сибирь», «Чертёжная книга Сибири» Ремезова (факсимильное издание) – 2 экз. в разных оформлениях, произведения сибирских писателей.

2013

Примечания:

¹ К вопросу об общественных библиотеках // Восточное обозрение. – Иркутск, 1892. – № 6. – 9 февраля. – С. 5.

² Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского Местного музея за 25 лет (1877-1902 гг.). – Казань: типо-литография Императорского университета, 1902. – С.184.

³ Там же. – С.71.

⁴ Общественные библиотеки в городах // Восточное обозрение. – СПб, 1885. – № 21. – 23 мая. – С. 2.

⁵ Отчёт по Минусинскому Местному Музею и Общественной библиотеке за 1900 г. – Минусинск: типография В.И. Корнакова. – С.28.

⁶ АММ (Архив Минусинского музея). О.1. Д.5. Отчёт по Минусинской Общественной Библиотеке за 1884 г. – С. 24-25.

⁷ Там же. – С. 24.

⁸ АММ. О.И. Д.5. Отчёт по Минус. Общ. Бесплатной библиотеке за 1885 г. – С. 25.

⁹ Отчёт по Минусинскому Местному Музею и Общественной библиотеке за 1900 г. – С. 31.

¹⁰ Отчёт по Минусинскому Местному музею и Общественной библиотеке за 1891 г. – Минусинск: типография В.В. Фёдорова, 1892. – С.17.

¹¹ Кон Ф.Я. – С.77.

¹² Енисейский энциклопедический словарь / Гл. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. – С. 371.

¹³ Отчёт по Минусинскому Местному Музею и Общественной библиотеке за 1898 г. – Минусинск: типография В.И. Корнакова, 1899. – С.1.

¹⁴ Энциклопедия Красноярского края. Юг. – Красноярск: Буква С, 2008. – С. 536.

¹⁵ Отчёт по Минусинскому Мартыановскому музею, ... и общественной библиотеке за 1913 г. – Минусинск: типография А.Ф.Метёлкина, 1914. – С.2.

¹⁶ Енисейский энциклопедический словарь. – С. 494.

¹⁷ Отчёт по Минусинскому Мартыановскому Музею и Общественной библиотеке за 1908/9 г. – Минусинск: типография В.В. Фёдорова, 1910. – С. 29.

¹⁸ Башкиров А. Сподвижники Н.М. Мартыанова // Енисей. – Красноярск, 1973. – № 5.

¹⁹ Кон Ф.Я. – С. 182-183.

²⁰ Там же. – С. 188.

²¹ Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1899 г. – Минусинск: типография В.И. Корнакова, 1900. – С.12.

²² Харчевников А.В. Ценные книги в Минусинском музее// Красноярский рабочий. – Красноярск, 1935. – № 135. – 14 июня. – С. 4.

²³ Собрание сочинений А.В. Амфитеатрова. Том 22. Властители дум. Л.Н. Толстой. – СПб, без года издания. – С. 29.

²⁴ Отчёт по Минусинскому Местному музею и Общественной библиотеке за 1903 г. – Красноярск: Енисейская Губернская типография, 1904. – С. 34.

Е.Ю. Сидорина
г. Минусинск

Фонд редкой книги научной библиотеки Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова

Приказом Министра культуры РФ № 540 от 13 сентября 2000 г. была утверждена «Национальная программа сохранения библиотечных фондов Российской Федерации, где одной из задач является «Создание единой распределённой системы – Фонда книжных памятников России. Государственная регистрация книжных памятников».

В 2010 г. при научной библиотеке музея был образован Фонд редкой книги (книжных памятников): издан приказ, где прописана схема создания Фонда (в процессе работы проводились консультации с библиотекой Государственного исторического музея, Государственной универсальной научной библиотекой Красноярского края).

В настоящее время Фонд редкой книги насчитывает 131 ед. рукописных и печатных изданий – это церковные книги (рукописи, на кириллице) и книги гражданской печати, хронологические рамки которых составляют нач. XVII – сер. XIX веков. На каждое издание составлен Паспорт и Описание. В описании изданий фонда редкой книги свою помощь оказали сотрудники Отдела редких книг и рукописей Новосибирской Государственной Публичной научно-технической библиотеки СО РАН и студенты Новосибирского государственного университета.

На основе описания были созданы тематические картотеки: «Типографии», «Типографская марка», «Издатели», «Переплёт. Обложка», «Посвящение», «Гравюры», «Суперэкслибрис. Эклибрис», «Библиотеки», «Владельческие записи», «Книжные магазины» и др.

В разделе «Церковные книги» находятся издания, как Русской Православной Церкви, так и старообрядческие рукописи:

- Азбука демественного пения: рукопись, XIX в.;
- Бароний Цезарь. Деяния церковные (История папства), 1757 г.;
- Елизаветинская Библия, 1757 г.;
- Ирмосы старообрядческого распева на нотах: рукопись, XIX в.;
- Устав (Око церковное), 1641 г. и др.

Раздел «Книги гражданской печати» составляет:

- П.С. Паллас: Путешествие по разным провинциям Российского государства, 1788-1809 гг.;

- П.С. Паллас. Описание растений Российского государства с их изображениями, 1786 г.;
- П.С. Паллас. Флора России (FLORA ROSSICA), 1784 г.;
- Сказания современников о Димитрии Самозванце. Дневник Марины Мнишек и Послов Польских, 1834 г.;
- Дань величию России, лирические песни на победы минувшей войны и на возвращение наших войск в Отечество, 1816 г. и др.

В фонд редкой книги переведены и издания, напечатанные в типографиях г. Минусинска: В.В. Федорова, А.Ф. Метёлкина, В.И. Корнакова.

Для дальнейшей планомерной работы по формированию Фонда редкой книги была разработана Программа «Памятники книжной культуры научной библиотеки Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова», где прописаны задачи:

- выявление изданий, отвечающих критериям «книжный памятник» и «редкая книга» и их запись в Фонд;
- реставрация печатных и рукописных изданий (в Центре реставрации и консервации Томского государственного университета, г. Томск);
- научное описание и систематизация;
- создание страхового фонда цифровых копий изданий (в первую очередь – для изданий плохого физического состояния, во вторую – на издания повышенного спроса);
- обеспечение сохранности и доступности изданий для научно-исследовательских и просветительских целей.

В ближайшее время в Фонд редкой книги будут переведены:

- литографии и офорты И.И. Шишкина – 14 ед. (поступили в музей в 1886 г. от художника) – известный русский пейзажист и график XIX в.);
- альбомы «Художественный листок В. Тимма» (за 1851, 1855-1856, 1857, 1858 гг.) – в истории русской живописи Василий Фёдорович Тимм больше известен как издатель периодического сборника литографий «Русского художественного листка»;
- печатные издания, выпущенные в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).

Библиотечный фонд научной библиотеки музея составляет более 128 тыс. единиц печатных и иных изданий, и 70% фонда можно смело переводить в Фонд редкой книги. За 135-летнюю историю библиотека музея (в январе 2013 г. – исполняется 135 лет) сформировала уникальный книжный, журнальный, газетный фонд.

Для дальнейшей стабильной работы с книжными памятниками возникают проблемы, которые есть не только в нашей научной библиотеке, это: отсутствие нового здания, оборудованного по нормам сохранности безопасности библиотечных фондов; необходимость реставрации изданий; и увеличения штата сотрудников библиотеки.

Планируется заносить в библиотечную программу «ИРБИС» издания из Фонда редкой книги и формировать электронной ресурс (электронная коллекция) уникальных книг. Их оцифровка позволит не только обеспечить сохранность оригинальных ценных изданий, но и доступность для научно-исследовательской, учебной и издательской деятельности.

2012

Е.Ю. Сидорина, Л.А. Кудельская,
г. Минусинск

Научные труды Н.Ф. Катанова в собрании научной библиотеки Минусинского музея

В 2012 году (6 июня) старейшему музею Сибири – музею им. Н.М. Мартьянова исполняется 135 лет. Библиотека музея на год моложе – она открыла свои двери 12 января 1878 г., в Уставе было прописано её название «Минусинская Общественная Библиотека».

Библиотека с первых шагов комплектовалась изданиями по истории, Сибири, России, естественным наукам и др. Большое поступление было периодических и продолжающихся изданий:

газет, журналов, Трудов, Записок, Вестников научных обществ. Основатель музея Н.М. Мартыянов переписывался со многими научными Обществами России и зарубежья.

С Минусинским музеем сотрудничали известные учёные, общественные деятели, такие как Н.Г. Потанин, П.П. Семёнов (Тян-Шанский) – вице-президент ИРГО, князь А. Кропоткин, Адрианов А.В., Н.Ф. Катанов.

В письме Н.М. Мартыянову Н.Ф. Катанов пишет: *«Минусинский музей – образец музеям всего света, ибо он основа, приложен и усовершенствован не по инициативе правительства и не богатствами капиталистов, а только талантом и энергией одного человека. Минусинский музей – гордость не только Сибири, но и России... Я буду весьма рад, если мне удастся издать что-н. на пользу музея...»*.¹

В научной библиотеке прижизненных изданий Н.Ф. Катанова 86 ед., многие из них с дарственными надписями:

- «В Минусинский (Енис. Губ.) Музей от автора – Минусинца»;
- «В г. Минусинск, Енисейской губернии, Публичную Библиотеку. От Н.Ф. Катанова из г. Казани» (шрифтовая наклейка).

И.Т. Савенков (директор Минусинского музея с 1908 – 1911 гг.) отдельные работы Н.Ф. Катанова переплёл в одну книгу: «Труды Н.Ф. Катанова. 1886 – 1888 гг.», где каждая работа сопровождается дарственной надписью:

- «Многоуважаемому И. Т. Савенкову от Н.Ф. Катанова. СПб. 1886»;
- «Глубокоуважаемому И.Т. Савенкову на память и в знак уважения от Автора»;
- «Глубокоуважаемому И.Т. Савенкову в знак искренней дружбы и памяти. От автора. 19/1.89 г. Красноярск»;
- «Глубокоуважаемому И.Т. Савенкову на память и в знак уважения от Автора Члена-Сотрудника Общ. Археологии, Истории и Этнографии при Император. Казан. Университете. Н.Ф. Катанов».

В научной библиотеке музея научные работы Н.Ф. Катанова хранятся с 1885 по 1916 гг. издания, которые распределены следующим образом:

- отдельные издания,
- статьи/оттиски, опубликованные в изданиях научных обществ,
- статьи/оттиски, опубликованные в сборниках и журналах,
- труды, к которым Н.Ф. Катанов написал предисловие и примечания,
- современные издания трудов учёного.

Отдельные издания – их немного, всего 11 ед. Раннее – 1885 г. издания – «Замечания о богатых поэмах Минусинских тюрков (Енисейской губернии)» и позднее – 1916 г. – «Речь, предназначенная для произнесения на торжественном годичном собрании Императорской Казанской Духовной Академии 8-го ноября 1916 г. ординарным профессором Н.Ф. Катановым «Несколько слов о распространении христианства в Персии, Месопотамии, Средней Азии, Монголии и Китае».

Работы были напечатаны: в Санкт-Петербурге: типо-литография Бусселя, паровой скоропечатне П.О. Яблонского, Императорской Академии Наук; в Москве: Синодальной типографии; в Тобольске: типографии Епархиального Братства; в Казани: типо-литографии Казанского университета.

Это научные труды по этнографии: «Этнографический обзор турецко-татарских племен», языкознанию: «Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов», «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского языка», литературоведению: «Песня Худаяр-хана и приход русских» была напечатана по определению Факультета Восточных Языков.

Статьи/оттиски, опубликованные в изданиях научных обществ – их наибольшее число – 55 ед.

Отдельные оттиски научных трудов Н.Ф. Катанова напечатаны:

– в Записках Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии, Записках Императорской Академии Наук, Записках Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества, Ученых записках Казанского Университета;

– в Известиях Томского университета, Известиях Императорского Русского Географического Общества и наибольшее количество работ – в Известиях Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете.

Труды по этнографии: «Бубен и колотушка шамана, по описанию минусинских татар», «Гадания у жителей Восточного Туркестана, говорящих на татарском языке», «О свадебных обычаях татар Восточного Туркестана», «О предметах украшения татарских женщин», языкознанию и литературоведению: «Татарские сказания о семи спящих отроках», «Качинская легенда о сотворении мира (Записана в Минусинском округе Енисейской губернии на качинском наречии тюркского языка 2 июня 1890 г.)», «Тюркские сказки о трех братьях», «Сагайская сказка о трех братьях-богатырях», «Исторические песни казанских татар».

В Известиях Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете Н.Ф. Катанов вёл рубрику «Новые приобретения музея Общества»

Первая работа издана в 1885 г. и последняя в 1910 году.

Статьи/оттиски (в сборниках, журналах) – научные труды Н.Ф. Катанова были напечатаны в журнале Казанского Общества Трезвости «Деятель», в журнале Казанской Духовной Академии «Православный собеседник» и в Сборнике статей учеников профессора бар. В.Р. Розена (г. Санкт-Петербург) в 1897, 1898, 1899, 1909 годах. В журнале «Деятель» Н.Ф. Катанов печатает статьи, направленные на борьбу с алкоголизмом.

Труды, к которым Н.Ф. Катанов написал предисловие и примечания – предисловия к работам «Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа», к «Материалам к изучению киргизского народного эпоса М.Н. Бекимова»; к работе Н.Н. Пантусова «Новые песни усекских таранчей, переселенцев из Илийского края» Н.Ф. Катанов написал предисловие и транскрипцию. Опубликованы данные издания в 1904-1907 гг.

Современные издания трудов Н.Ф. Катанова. В научной библиотеке музея хранятся научные труды ученого, которые были переизданы в 1963, 1996, 2000, 2003 гг.: «Фольклор саянских тюрков», «Шаманские песнопения сибирских тюрков», «Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии». Эти работы были изданы в России (гг. Абакан, Москва) и Турции (г. Анкара).

Работы Н.Ф. Катанова постоянно востребованы, введены в научный оборот: работают с ними студенты и преподаватели вузов (не только историки, но и филологи), краеведы, сотрудники музеев и, что интересно – работники финансовой сферы – Национальный банк Хакасии.

Прижизненные издания известного учёного будут переведены в Фонд редкой книги научной библиотеки музея.

2012

Примечание:

¹ АММ (Архив Минусинского музея). О.1. Д.81. ЛЛ. 85-85а.

Библиографический список научных трудов Н.Ф. Катанова в собрании научной библиотеки Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова

Отдельные издания

1. Катанов Н.Ф. Замечания о богатырских поэмах Минусинских тюрков (Енисейской губернии). – СПб: Типо-литография Бусселя, 1885.
2. Катанов Н.Ф. Алфавитный указатель собственных имён, встречающихся во II томе образцов народной литературы тюркских племён, собранных В.В. Радловым. Представлено Академии в заседании Историко-Филологического Отделения 22 сентября 1887 г. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1888.
3. Катанов Н.Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племён. Вступительная лекция к курсу обозрения турецко-татарских племён, прочитанная в Императорском Казанском университете 29 января 1894 г. – Казань: Типо-литография Казанского Университета, 1894.
4. Катанов Н.Ф. Песня Худаяр-хана и приход русских. – СПб.: Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1894.
5. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1903.
6. Катанов Н.Ф. Известия Лоренца Лянге 1716 г. о Сибири и сибирских инородцах. – Тобольск: Типография Епарх. Братства, 1905.
7. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты собранные и переведённые Н.Ф. Катановым // Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Часть IX. – СПб., 1907.
8. Катанов Н.Ф. Бронзовое зеркало с арабской надписью. – Москва: Синодальная Типография, 1909.
9. Катанов Н.Ф. О сабле с греческою надписью (из Лихачевского отдела городского научно-промышленного музея). – Казань: Типо-литография Императорского Казанского Университета, 1909.

10. Катанов Н.Ф. Каталог Казанского Городского научно-промышленного музея. Отдел историко-этнографический. В 2-х ч. – Казань: Типо-литография Императорского Казанского Университета, 1910.

11. Катанов Н.Ф. Несколько слов о распространении христианства в Персии, Месопотамии, Средней Азии, Монголии и Китае. Речь, предназначенная для произнесения на торжественном годичном собрании Императорской Казанской Духовной Академии 8-го ноября 1916 г. ординарным профессором Н.Ф.Катановым. – Казань: Центральная Типография, 1916.

Статьи/оттиски, опубликованные в изданиях научных обществ

1. Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialectes, von N. Katanoff // *Melanges Asiatiques*. – СПб., 1885. – Т. IX, Кн.3. – с. 277-312.

2. Verzeichniss der Sagaischen Namen der Flüsse, Dorfer, Städte, und Stämme, welche die Unterthanen des Steppengerichts der vereinigten Stämme (an der Mundung des Askys) bilden, von N. Katanoff // *Melanges Asiatiques*. – СПб., 1885. – Т. IX, Кн. 3 – с. 313 – 319.

3. Катанов Н.Ф. Бубен и колотушка шамана, по описанию минусинских татар (Письмо Н.Ф. Катанова из г. Минусинска от 17 апреля 1890 г.) // *Известия Томского университета*. – Томск, 1890. – Кн. 2. – с. 237-239.

4. Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 г. // *Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнография*. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1891. – Т. XVI, Вып. 2. – с. 133-230.

5. Список вещей, отправленных Н.Ф. Катановым из Минусинска на имя г. Непременного Секретаря Императорской Академии Наук 23 июня 1892 г. // *Записки Императорской Академии наук*. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1892. – Т. 69, Кн.1. – с. 78-80.

6. Отчёты Канд. И. СПб. Унив. г. Катанова, отправленного для этнографического исследования Тюркских племён в вост. Сибирь, Монголию и сев. Китай // *Живая старина*. Периодическое издание Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества – СПб., 1892. – Вып.1. – с. 111-122.

7. Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читано в заседании Историко-Филологического Отделения 9 января 1890 г. // Приложение к LXXIII тому *Записок Императорской Академии Наук*, № 8 – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1893.

8. Катанов Н.Ф. Гадания у жителей Восточного Туркестана, говорящих на татарском языке // *Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества*. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. – Т. VIII, Вып. I-II. – с.105-112.

9. Катанов Н.Ф. Среди тюркских племён // *Известия Императорского Русского Географического Общества*. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1893. – Т. XXXIX. – с. 519-541.

10. Катанов Н.Ф. О погребальных обрядах у тюркских племён с древнейших времён до наших дней // *Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете*. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1894. – Т. XII, Вып. 2. – с. 109-142.

11. Катанов Н.Ф. Татарские сказания о семи спящих отроках // *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1894. – Т. 8. – с. 223-245.

12. Катанов Н.Ф. Качинская легенда о сотворении мира (записана в Минусинском округе Енисейской губернии на качинском наречии тюркского языка 2 июня 1890 г.) // *Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете*. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1894. - Т. XII, Вып. 2. – с. 185-188.

13. Катанов Н.Ф. Приключения муллы Наср-эр-дина // *Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете*. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1894. – Т. XII, Вып. 2. – с. 189-190.

14. Катанов Н.Ф. Мусульманские легенды. Тексты и переводы // *Записки Императорской Академии Наук*. – СПб., 1894. – Т. LXXV, № 3. – с. 1-44.

15. Катанов Н.Ф. О свадебных обычаях татар Восточного Туркестана // *Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете*. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. – Т. XII, Вып. 5. – с. 409-434.

16. Катанов Н.Ф. Китайский бунтовщик Чи-чи-гун // *Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете*. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. – Т. XII, Вып. 5. - с. 448-454.

17. Катанов Н.Ф. Тюркские сказки о трёх братьях // *Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете*. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. – Т. XII, Вып. 5. – с. 479-480.

18. Катанов Н.Ф. Турецкая сказка о трёх братьях-царевичах // *Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете*. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. – Т. XII, Вып. 5. – с. 491-497.

19. Катанов Н.Ф. Сагайская сказка о трёх братьях-богатырях // *Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете*. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. – Т. XII, Вып. 5. – с. 497-505.

20. Катанов Н.Ф. Логученская сказка о трёх братьях-богатырях // *Известия Общества Археологии,*

Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. - Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. - Т. XII, Вып. 5. - с. 505-524.

21. Катанов Н.Ф. О наказании ленивых богомольцев у татар китайского Туркестана // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. – Т. XII, Вып. 6. – с. 578-593.

22. Катанов Н.Ф. Экскурсия в село Болгары – Успенское // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. – Т. XIII, Вып. 1. – с. 35-36.

23. Катанов Н.Ф. Нумизматические коллекции И.А. Износкова // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1896. – Т. XIII, Вып. 4. – с. 290-315.

24. Катанов Н.Ф. Отчёт Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете за 1895 г. // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1896. – Т. XIII, Вып. 4 (приложение). – с. 1-33.

25. Катанов Н.Ф. О двух кашгарских монетах // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1896. – Т. XIII, Вып. 6. – с. 528-529.

26. Катанов Н.Ф. Сагайские названия 13 месяцев года (Дополнение к статье академика А. Шифнера) // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1897. – Т. XIV, Вып. 2. – с. 236-237.

27. Катанов Н.Ф. Сагайское стихотворение // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1897. – Т. XIV, Вып. 2. – с. 238-239.

28. Катанов Н.Ф. Отчёт о поездке, совершённой с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии // Учёные Записки Казанского Университета. – Казань: Типо-литография Императорского Казанского Университета 1897. – с. 1-104.

29. Катанов Н.Ф. Новые приобретения музея Общества Археологии, Истории и Этнографии // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1898. – Т. XIV, Вып. 4. – с. 429-433.

30. Катанов Н.Ф. О поездке летом 1896 г. в Уфимскую губернию Действительного Члена Н.Ф. Катанова // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1898. – Т. XIV, Вып.5. – с. 583-589.

31. Катанов Н.Ф. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Обществу Археологии, Истории и Этнографии // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1898. – Т. XIV, Вып. 6. – с. 662-664.

32. Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1899. – Т. XV, Вып. 3. – с. 273-306.

33. Катанов Н.Ф. Мусульманские сказания о железе Моисея // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1900. – Т. XVI, Вып. 1. – с. 87- 93.

34. Катанов Н.Ф. Народные способы лечения у башкир и крещеных татар Белебеевского уезда Уфимской губернии // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1900. – Т. XVI, Вып. 1. – с. 1- 14.

35. Катанов Н.Ф. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Публичному музею г. Минусинска Енисейской губ. и несколько слов о металлических зеркалах, описанных другими // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1900. – Т. XVI, Вып. 3. – с. 273-291.

36. Катанов Н.Ф. Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куня-Ургенча // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902. – Т. XIV, Вып. 1. – с. 15-17.

37. Катанов Н.Ф. Манчжурско-китайский «ли» на наречии тюрков китайского Туркестана // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902. – Т. XIV, Вып. 2-3. – с. 31-75.

38. Катанов Н.Ф. Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труды его по России и Сибири (нач. XVIII в.) // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1903. – Т. XIX, Вып. 2. – с. 170-174.

39. Катанов Н.Ф. Сказание иностранцев о Казани. I. Prosper Thomas – П. Томас II. A. Legrelle – Ф. Легрель // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1903. – Т. XIX, Вып. 5-6. – с. 277-285.

40. Катанов Н.Ф. Несколько слов по поводу русских и татарских перстней, принадлежащих А.А. Сухареву и А.Т. Соловьёву // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904. – Т. XX, Вып. 1-3. – с. 29-46.
41. Катанов Н.Ф. Souvenirs d'une actrice Memoires de Louise Fusill (1774-1848) avec une prefacet des notes par Paul Ginisty. Paris, 1904 // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1905. – Т. XXI, Вып. 1. – с. 113-120.
42. Катанов Н.Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1905. – Т. XXI, Вып. 3. – с. 263-268
43. Катанов Н.Ф. Киргизские и казанско-татарские версии христианского сказания о семи спящих отроках // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1905. – Т. XXI, Вып. 4. – с. 382-388.
44. Катанов Н.Ф. Сказание иностранцев о Казани. III. Турецкий писатель Ch. Samy-Bey Frascbery // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1906. – Т. XXII, Вып. 5. – с. 315-320.
45. Катанов Н.Ф. Новые приобретения Общества Археологии, Истории и Этнографии в Казани // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1907. – Т. XXIII, Вып. 1. – с. 46-47.
46. Катанов Н.Ф. Памяти Сергея Михайловича Шпилевского // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1907. – Т. XXIII, Вып. 4. – с. 307-311.
47. Катанов Н.Ф. О предметах украшения татарских женщин // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. – Т. XXIII, Вып. 5. – с. 385-387.
48. Катанов Н.Ф. Памяти действительного члена Общества Александра Фёдоровича Можаровского (1846-1907) // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. – Т. XXIII, Вып. 5. – с. 388-390.
49. Катанов Н.Ф. Нумизматический кабинет Общества Археологии, Истории и Этнографии // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. – Т. XXIV, Вып. 3. – с. 293-294.
50. Катанов Н.Ф. Общество археологии, истории и этнографии за тридцать лет (Доклад председателя оною в Общем Собрании 18 марта 1908 г.) // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. – Т. XXIV, Вып. 3. – с. 238-246.
51. Катанов Н.Ф. О некоторых предметах из китайской коллекции почётного члена Общества Археологии, Истории и Этнографии ординарного профессора Н.Ф. Высоцкого // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. – Т. XXIV, Вып. 5. – с. 454-461.
52. Катанов Н.Ф. Общество Археологии, Истории и Этнографии за тридцать лет (Доклад председателя оною в Общем Собрании 18 марта 1908 г.) // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1908. – Т. XXIV, Вып. 3. – с. 238-246.
53. Катанов Н.Ф. Предания присаянских племён о прежних делах и людях: Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. – Т. XXXIV. – с. 265-288.
54. Катанов Н.Ф. Новые приобретения музея Общества Археологии, Истории и Этнографии // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1909. – Т. XXV, Вып. 6. – с. 209.
55. Катанов Н.Ф. О сабле с греческою надписью // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Императорском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1910. – Т. XXVI, Вып. 1-2. – с. 55-59.

Статьи/отгиски (в сборниках, журналах)

1. Катанов Н.Ф. Приметы и поверья торговцев китайского Туркестана, касающиеся явлений природы // Сборник статей учеников профессора Бар. В.Р. Розена. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1897. – с. 29-44.
2. Катанов Н.Ф. Сахарный вопрос и безалкогольные напитки во Франции // Деятель. – Казань, 1898. – №4. – с. 187.
3. Катанов Н.Ф. Из области народных примет, верований и преданий татар- мусульман. I. Значение дней недели // Деятель. – Казань, 1898. – № 4. – с. 177-185
4. Катанов Н.Ф. Народные приметы и верования мещеряков и башкир // Деятель. – Казань, 1898. – №8-9. – с. 3 73-374.

5. Катанов Н.Ф. Восточная библиография // Деятель. – 1899. – № 1. – с. 43-47; № 2. – с. 98-99; № 5. – с. 247-250; № 11. – с. 498-500; № 12. – с. 561-566.
6. Катанов Н.Ф. Русская библиография // Деятель. – 1899. – № 1. С. 37-38.
7. Катанов Н.Ф. Антиалкогольный съезд в 1899 г. // Деятель. – 1899. – № 1. – с. 23-25.
8. Катанов Н.Ф. Борьба с алкоголизмом вообще и деятельность Общества Трезвости за границей // Деятель. – 1899. – № 3. – с. 129-131.
9. Катанов Н.Ф. Винокурение у абаканских татар Енисейской губернии // Деятель. – 1899. – № 8-9. – с. 312-314.
10. Катанов Н.Ф. Казанско-татарское предание об оз. Кабан и о благочестивом старце Касиме // Деятель. – 1899. – № 11. – с. 475-477.
11. Катанов Н.Ф. Новые данные о мусульманской секте ваисовцев // Православный собеседник. – Казань: Центральная типография, 1909. – с. 1-16.

Труды, к которым Н.Ф. Катанов написал предисловие и примечания

1. Материалы к изучению киргизского народного эпоса / М.-Н. Бекимов; предисловие Н.Ф. Катанова // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904. – Т. XX, Вып. 4 и 5. – с. 218-232.
2. К истории открытия женских школ в тургайской области / Диакон Н.Я. Саркин, под ред. Н.Ф. Катанова // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904. – Т. XX, Вып. 4 и 5. – с. 235-242.
3. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве / Н.Ф. Катанов и И.М. Покровский // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1905. – Т. XXI, Вып. 4. – с. 303-348.
4. Новые песни усекских таранчей, переселенцев из Илийского края / Текст Н.Н. Пантусова; предисловие и транскрипция Н.Ф. Катанова // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1906. – Т. XXII, Вып. 5. – с. 303-314.
5. Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа / Предисловие и примечание Н.Ф. Катанова // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1907. – Т. XXIII, Вып. 3. – с. 238-244.

Современные издания трудов Н.Ф. Катанова

1. Катанов Н.Ф. Хакасский фольклор (из книги «Образцы народной литературы тюркских племён», т. IX, СПб., 1907 г.) / ХакНИИЯЛИ. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1963.
2. Катанов Н.Ф., доктор языкознания. Шаманские песнопения сибирских тюрков. Записи 1878 – 1892 гг. / Поэтические переводы А. Преловского – М.: Изд-во «Лит-Экспресс», 1996.
3. Катанов Н.Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии / Предисловие, составление, подготовка статей и текстов, пер. В.Е. Майнагашевой, подбор научных статей В.Н. Тугужевой. – Анкара, 2000.
4. Фольклор саянских тюрков XIX в. Из собрания доктора языкознания Н.Ф. Катанова. В 2 т. / Составление, переводы, стихотворные переложения, литературная обработка А. Преловского. – М.: Новый ключ, 2003.

3. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ И БИБЛИОТЕК. ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Е.В. Бурцева,
Красноярск

Деятельность Регионального центра по работе с книжными памятниками по выявлению редких фондов в музеях Красноярского края

Сохранение культурного наследия для передачи его следующим поколениям – одна из важнейших проблем современной эпохи. Важной составной частью культурного наследия является особо ценная часть книжного фонда, для которой ещё в сер. 1980-х гг. введено в научный оборот понятие «книжный памятник».

Книжные памятники стали предметом особого внимания в результате принятия Национальной программы сохранения библиотечных фондов Российской Федерации (2001-2010 гг.). В ка-

честве самостоятельного направления в ней была выделена подпрограмма «Книжные памятники». С 2011 г. начался второй этап реализации подпрограммы «Книжные памятники» в рамках «Основных направлений развития деятельности по сохранению библиотечных фондов в Российской Федерации на 2011-2020 годы» при финансовой поддержке из средств федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018 гг.)».

В 2009-2011 гг. была создана нормативно-правовая база по работе с книжными памятниками. Понятие «книжные памятники» введено в Федеральный закон «О библиотечном деле». К книжным памятникам относятся рукописные книги и печатные издания, обладающие выдающейся духовной и материальной ценностью, имеющие особое историческое, научное, культурное значение. Для книжных памятников установлен особый режим учёта, хранения и использования. Они охраняются государством и подлежат регистрации в реестре книжных памятников. Одной из основных задач подпрограммы «Книжные памятники» является создание Общероссийского свода книжных памятников, который является основой для государственной регистрации книжных памятников.

Для привлечения всех учреждений и организаций (библиотек, музеев, архивов, научных и учебных заведений), владеющих книжными богатствами, к участию в работе по выявлению и регистрации книжных памятников с 2006 г. в стране началось создание сети региональных центров. В настоящее время в эту сеть вошли центральные библиотеки 45 субъектов Российской Федерации.

В 2010 г. в сеть региональных центров вошла Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, на базе которой создан Региональный центр по работе с книжными памятниками Красноярского края.

Центр создан с целью сохранения книжного культурного наследия региона путём централизованного учёта и унифицированного научного описания книжных памятников, находящихся на территории Красноярского края. Одной из важнейших задач Регионального центра является формирование свода книжных памятников Красноярского края и введение записей на книжные памятники, хранящиеся на территории Красноярского края, в Общероссийский свод книжных памятников.

Свою деятельность Красноярский региональный центр начал с анкетирования организаций – возможных держателей книжных памятников. К настоящему времени выявлено 24 учреждения-держателя. Это библиотеки (государственные, муниципальные, научных учреждений и вузов), музеи, архивы. Сведения о выявленных фондах книжных памятников и коллекциях занесены в Свод книжных памятников Красноярского края, размещённый на веб-странице «Книжные памятники Красноярского края» – kr.kraslib.ru.

По данным анкет общее количество выявленных в крае редких и ценных изданий, обладающих признаками книжных памятников, составляет около 140 тыс. ед. хранения. В составе фондов – свыше 35 коллекций, в т.ч.: коллекции рукописных книг, книг кирилловской печати, гражданской печати XVIII-XIX вв., редких краеведческих изданий, запрещённых книг XIX в., библиотеки Г.В. Юдина, И.М. Кузнецова, Л.В. Киренского, В.М. Леуса и др.

По предварительным данным, в музеях Красноярского края хранятся свыше 60 тыс. экз. редких и ценных книг. Самым крупным фондодержателем редких книг является Красноярский краевой краеведческий музей, а также редкие книги хранятся в фондах Минусинского, Енисейского, Канского, Лесосибирского, Большемуртинского краеведческих музеев и красноярских музеев – художественном музее им. В.И. Сурикова и музее-усадьбе В.И. Сурикова.

В 2011-2013 гг. сотрудники Регионального центра по работе с книжными памятниками выезжали в гг. Канск, Минусинск, Енисейск, Лесосибирск, посетили 6 музеев края, за исключением Красноярского краевого и Большемуртинского краеведческого музеев. Знакомство с книжными памятниками на местах позволило выявить их количественный состав и идентифицировать отдельные экземпляры.

Основным критерием отнесения документов к книжным памятникам является их возраст. Согласно «Порядка отнесения к книжным памятникам», утверждённого приказом Минкультуры РФ №429 от 03.05.2011, к книжным памятникам относятся: все рукописные книги до XIX в.; все экземпляры отечественных изданий до 1830 г. включительно; все экземпляры иностранных изданий до 1700 г. включительно.

Особо ценную часть книжного наследия составляют издания кирилловской печати – книги, написанные на церковнославянском языке, издававшиеся в основном для нужд православной церкви. Как показало изучение анкет и исследование фондов, кириллические издания хранятся в шести краеведческих музеях края (Минусинском, Енисейском, Лесосибирском, Канском, Красноярском и Большемуртинском) – это более 193 экз., из них изданных до 1830 г. – 58 экз. Книги гражданского шрифта, который мы используем уже на протяжении более 300 лет со времени его введения Петром I в 1708 г., составляют большую часть книжных собраний музеев. Но книг гражданской печати, которые изданы до 1830 г., среди них сравнительно немного – 80 экз. Число рукописных книг, выявленных в музеях края, составляет свыше трёх десятков ед. хранения.

В *Канском краеведческом музее*, основанном в 1912 г. Д.С. Каргополовым, наиболее редкие книги хранятся в основном фонде среди письменных источников и насчитывают около 1800 экземпляров. Изучение их специалистами Регионального центра выявило 41 издание кирилловской печати, в т.ч. 2 издания XVIII в., 4 издания перв. трети XIX в., 27 изданий – 1831-1900 гг., 8 изданий – нач. XX в. Среди них Псалтири, Евангелия, Канонники, Октоихи, Ирмологии и другие книги. Самые ранние из них – знаменитая «Арифметика сиречь наука числительная» Леонтия Магницкого (Москва, 1703) и Евангелие (Москва, 1753).

Кроме кириллических изданий в фонде Канского музея обнаружено только одно старопечатное издание гражданской печати XVIII в. – «Деяния Петра Великаго; мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. Часть 1» (Москва, в Университетской Типографии, у Н. Новикова, 1788), а также 2 рукописных книги XIX века.

Енисейский краеведческий музей был основан в 1883 г. А.И. Кытмановым, а в 1884 г. при нём была открыта библиотека, которая имеет богатую историю. Общий объём книжного фонда библиотеки музея насчитывает свыше 10200 экз., около 50% которых являются редкими и ценными изданиями.

Наиболее ценная часть книжного фонда Енисейского музея – книги кирилловской печати и рукописные – хранятся в Отделе фондов. Общее число изданий кирилловской печати – 35, из них – 10 изданий XVII в., 6 изданий XVIII в., 3 издания перв. трети XIX в. и 16 изданий периода 1831 – начала XX в. Среди самых древних книг музея – Минея общая с праздничной (Москва, 1635); Канонник (Москва, 1641); Лествица Иоанна Лествичника (Москва, 1647); Уложение (Москва, 1649); Сборник о почитании икон (Москва, 1648); Святцы (Вильно, 1648) и другие. Среди рукописных книг – 1 книга XVII в. «Последование церковного пения собрания вселетнаго от месяца сентября до месяца августа [Святцы]» и 3 книги кириллического шрифта XVIII-XIX вв.

В библиотеке Енисейского краеведческого музея выявлено 31 издание русского гражданского шрифта, среди них 23 книги XVIII в. (в т.ч. «Духовный регламент» (Санкт-Петербург, 1779), Миллер Е.Ф. «Описание Сибирского царства... Кн.1» (Санкт-Петербург, 1787), «Древняя российская вивлиофика... Ч. 3» (Москва, 1788) и 8 книг перв. трети XIX в. (в т.ч. Венцель И.И. «Диэметика человеческой души...» (Москва, 1803), Бутримов И. О шахматной игре (Санкт-Петербург, 1821).

Лесосибирский краеведческий музей, основанный в 1988 г. как общественный городской, а в 1991-2004 гг. функционировавший как Государственный музей леса и древесины, имеет небольшой справочный книжный фонд, пополняющийся дарами от населения и находками от экспедиций. Число редких книг, выявленных в нём – всего 69 экземпляров, но среди них оказалось 7 изданий кирилловской печати: Минея служебная. Май. (Москва, 1646), Тихон Задонский (Воронежский). Наставление о собственных всякаго христианина должностях (Москва, 1789), Часослов XVIII в.; Цветник аввы Дорофея (Гродно, 1795), Часовник (Почаев, 1806) и ещё два издания втор. пол. XIX – нач. XX в. Есть в небольшом фонде музея 3 рукописных книги древней традиции XIX – XX вв. на церковнославянском языке (кириллице) и 1 книга, написанная на восточном языке.

Старейший музей Сибири – *Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова* – был основан Н.М. Мартьяновым в 1877 году. В 1878 г. при нём была открыта Научная библиотека, которая также входит в число старейших библиотек Сибири. Библиотечный фонд насчитывает свыше 128 тыс. ед. хранения. Фонд редких книг начал выделяться в 2010 г., его объём – около 3000 экз.

В Библиотеке Минусинского краеведческого музея выявлено около 85 изданий кирилловской печати, но в основном это поздняя кириллическая книга. Изданий, напечатанных до 1830 г. – 13 экземпляров (3 издания XVII в., 6 изданий XVIII в., 4 издания перв. трети XIX в.). Самые ранние издания – Октоих, части 1 и 2. (Москва, 1631); Устав 1641 г.; Ефрем Сирин и Авва Дорофей. Поучения (Москва, 1652). Рукописные книги представлены в фонде научной библиотеки 12 экз. кирилловского шрифта XIX в. Фонд редких изданий гражданского шрифта включает 27 старопечатных книг – 11 изданий XVIII в. (произведения П.С. Палласа, Ф. Гакмана и др.) и 16 изданий перв. трети XIX в. (Логика. Соч. Кондильяка (Москва, 1805), Полный всеобщий стряпчий (Санкт-Петербург, 1817), Духовный регламент Прокоповича (Москва, 1818) и др.).

Музей-усадьба В.И. Сурикова в Красноярске был открыт в 1948 г. Общий объем редкого книжного фонда насчитывает более 250 экз. Сотрудники музея воспроизвели домашнюю библиотеку семьи Суриковых, в которой кроме типовых предметов – книжных изданий того времени – хранятся и подлинные экземпляры изданий – книги, принадлежавшие семье, с автографами В.И. Сурикова и др. авторов, обладающие мемориальной ценностью. Кроме дарений книги поступали в музей в результате научных экспедиций. Таким образом музей стал обладателем одного экземпляра из изданий периода ручной печати – русского гражданского шрифта XVIII в. – Роллен Ш. Римская история: От создания Рима до битвы Актийския то есть по окончании Республики. Т.14. СПб, 1765.

В *Красноярском художественном музее им. В.И. Сурикова* сразу после его открытия в 1958 г. начала формироваться библиотека, фонд которой включает справочную и научную литературу по искусству. В фонд редких книг выделено 90 экз., среди которых нет ни одного книжного памятника по хронологическому признаку.

По предварительным данным, *Красноярский краевой краеведческий музей* имеет 15 экз. изданий кирилловского шрифта XVII в. – 1830 г., в т.ч. «Арифметику» Л. Магницкого (М., 1703); 20 экз. изданий гражданской печати 1801 – 1830 гг., в т.ч. прижизненное издание поэмы А.С. Пушкина «Братья-разбойники» (М., 1827).

Требуют идентификации несколько экземпляров изданий, хранящихся в *Большемуртинском краеведческом музее*.

Кроме рукописных книг и старопечатных изданий в музеях Красноярского края хранятся книги, изданные после 1830 г., но также имеющие историко-культурную ценность.

«Порядок отнесения документов к книжным памятникам» (2011 г.), кроме хронологического, выделяют социально-ценностный критерий. Так, выявление книжных памятников среди книг, изданных после 1830 г., осуществляется по следующим социально-ценностным критериям.

Первые и прижизненные издания произведений выдающихся авторов. Например, в Енисейском музее – это издания Аксакова, Кукольника и др., в библиотеке Минусинского музея – издания А.П. Чехова, Амфитиатрова и др.

Издания, аутентичные событиям и периодам большой исторической значимости. Например, в библиотеке Минусинского музея хранятся 207 экз. книг, изданных в годы Великой Отечественной войны.

Издания, представляющие важные этапы истории книги, например, издания известных в истории книгопечатания издательств: товариществ М. О. Вольфа, И.Д. Сытина, а также знаменитый альманах «Новоселье», (Санкт-Петербург, 1834, кн. 2) можно увидеть в музее-усадьбе В.И. Сурикова.

Издания, тиражированные не типографским способом или выполненные на нетрадиционных материалах. Например, в библиотеке Минусинского музея имеются документы, выполненные литографическим способом, среди них: «Краткое описание Минусинского публичного местного музея, составленное комитетом музея» (1880) и «Памонтология : лекции читанные в горном институте профессором Меллером и адъюнктом Лагузенем. Часть I» (Санкт-Петербург, 1866-1867).

Рукописные книги и печатные издания, иллюстрированные и оформленные выдающимися художниками. Особенно много таких изданий в художественном музее им. В.И. Сурикова, учитывая его специфику, – книги, иллюстрированные В. Фаворским, А.И. Кравченко, М. Врубелем, А. Бенуа, И.Я. Билибиным, А. Агиным, И. Кравченко, П.Н. Староносовым, Е.Е. Бернарским, в т.ч.

вышедшие в замечательных издательствах «Академия», «Алконост», например, произведения А.С. Пушкина «Пиковая дама» (Санкт-Петербург, 1911), «Моцарт и Сальери» (Петроград, 1917), «Египетские ночи» (Москва, 1936) и др., «Сто четыре рисунка к поэме Гоголя «Мертвые души» (Санкт-Петербург, 1892).

Рукописные книги и печатные издания, являющиеся лучшими образцами палеографического или полиграфического исполнения и художественного оформления. Например, замечательные памятники печати: фотолитографическое издание «Остромирова Евангелия» 1056-1057 гг. (Санкт-Петербург, 1889), факсимильные издания «Изборника Святослава» 1073 г. (Москва, 1983), альманаха «Звёздочка» 1825 г. (Москва, 1981) хранятся в библиотеке художественного музея им. В.И. Сурикова.

И, конечно, к книжным памятникам относятся *особые экземпляры, имеющие автографы, записи, пометы выдающихся общественных деятелей, деятелей науки и культуры.* Такие книги со следами своего бытования, хранятся в каждом музее, и обладают большой историко-культурной ценностью.

Закон «О библиотечном деле» в редакции 2009 г. юридически закрепил, кроме понятия «единичный книжный памятник» и такое понятие как «книжный памятник – коллекция». Под ним понимается совокупность документов, приобретаемых свойства книжного памятника в силу своего происхождения, видового родства либо по иным признакам. Такие коллекции выявляются в музеях Красноярского края.

Требуют изучения и описания несколько коллекций Научной библиотеки Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова: личные коллекции библиотек И.Т. Савенкова, В.Г. Яна (Янчевецкого), бывшего директора музея В.А. Ковалёва, тематическая коллекция «Издано в годы войны 1941-1945 гг.».

За три года своей работы Региональный центр по работе с книжными памятниками сделал свои первые шаги. Впереди ещё большая работа с различными учреждениями Красноярского края по выявлению фондов, коллекций, единичных книжных памятников, их изучению и научному описанию, введению их машиночитаемых записей в региональный и Общероссийский свод книжных памятников. Итогом выявления и изучения книг кирилловской печати, гражданской печати XVIII в. – 1830 г. в библиотеках, музеях, архивах Красноярского края станет подготовка и издание сводных региональных каталогов книжных памятников всех учреждений региона.

2013

З.Н. Гудкина,
г. Красноярск

Совместная деятельность Музея сибирских писателей и библиотеки гимназии №10

11 мая 2006 г. в гимназии №10 (Кировский район, г. Красноярск) был открыт музей сибирских писателей. Этому предшествовала работа клуба «Литературный Красноярск»: встречи с писателями, краеведами, чтение и обсуждение прочитанных книг, диспуты, написание сценариев, съёмки, монтаж видеofilма «Литературный Красноярск»; работа над проектом «Создание музея сибирских писателей». Собранный материал послужил основой для создания музея.

В музее несколько разделов экспозиций: 1) известные писатели, 2) лауреаты Фонда В.П. Астафьева, 3) молодая поросль, 4) деревенская изба, 5) «Строки, опалённые войной», 6) поделки учащихся.

Музей работает в содружестве с Красноярским государственным педагогическим университетом им. В.П. Астафьева, Библиотекой-музеем В.П. Астафьева (с. Овсянка), НИЦ В.П. Астафьева, Чусовской районной централизованной библиотекой им. А.С. Пушкина, Литературным музеем В.П. Астафьева в г. Чусовой (Пермская обл).

Все учащиеся гимназии, их родители – частые посетители музея. Посещают его учителя школ города, края, преподаватели и студенты профтехучилищ, лицеев, колледжей, вузов, воспитанники детских садов, ветераны войны и труда, жители Кировского района.

Для продуктивной работы были разработаны образовательные программы «Музейное дело», «Исследовательская деятельность музея», которые уже шесть лет успешно реализуются. Программы предусматривают знакомство учащихся с музеем, с его назначением, деятельностью по освоению и сохранению культурного наследия города, края, страны в целом. Участие в проектно-исследовательской и поисковой деятельности.

Музей комплектуются за счёт даров родителей учащихся, писателей, поэтов, библиотек. материалы музея позволяют ученикам гимназии заниматься исследовательской деятельностью. результаты НОУ используются в оформлении музейных выставок проведении музейных уроков, внеклассных мероприятий. Например, составленный учениками словарь диалектных слов может использоваться любым учителем, учеником при чтении произведений В.П. Астафьева.

Фонд библиотеки составляет 12000 экземпляров, библиотека оснащена компьютерами, множительной техникой, есть медиатека. Книги мы приобретаем в магазинах или получаем в подарок на книжных ярмарках от издателей, авторов.

Чтение произведений (повестей, рассказов, стихотворений) и последующее их обсуждение на литературных конференциях в музее – неотъемлемая часть работы. Ребята приглашают для участия в них писателей, поэтов, участников войны, ветеранов труда.

Встречи с писателями – волнующее и важное событие и для музея, и для гимназии. Гимназисты и преподаватели встречались с Р.Х. Солнцевым, М.О. Наумовой-Саввиных, А.И. Астраханцевым, И. Клиновым; Э.И. Русаковым, А.Н. Немтушкиным, А.И. Щербаковым, Д.А. Мосуновой, Ю.Г. Кротовым, Б.М. Петровым, А.А. Янжулой, Т.Г. Долгополовой, В.Ф. Пентюховым, дочерью писателя И.И. Пантелеева – Лидией Ивановной, дочерью поэта З.Я. Яхнина – М.З. Федюниной, молодыми поэтами и прозаиками К. Кареповой, М. Воноговой. В Литературном музее ребята встречались с А.И. Чмыхалом, Б.М. Петровым, Ж.П. Трошевым. На заседании Литературной гостиной в Библиотеке-музее В.П. Астафьева (с. Овсянка) с писателем из Санкт-Петербурга М.Н. Кураевым, в краевой научной библиотеке – с художником и писателем Т.В. Ряннелем, в КГПУ им. В.П. Астафьева дважды встречались с В.Г. Распутиным.

Знакомство с писателем М.А. Тарковским состоялось заочно: ребята отправили ему письмо, в ответ получили бандероль с фотографиями, книгами с автографами. По творчеству каждого писателя, с которым мы встречались, оформляем или пополняем стенд, витрину, стенгазету, электронную презентацию.

Многие наши учащиеся занимались в разное время мастер-классах у известных писателей: Романа Солнцева и Марины Наумовой-Саввиных, у детской писательницы Елены Тимченко.

Совместно с Литературным музеем учащиеся подготовили две литературно-музыкальные композиции: «Лики любви» – о командоре Резанове, о писателе Ж.П. Трошеве и его жене Вере Андреевне, о писателе В.П. Астафьеве и его жене Марии Семёновне; спектакль к 110-летию со дня рождения С.В. Сартакова. На торжественные мероприятия были приглашены старейшие писатели Красноярска, сотрудники Центральной городской библиотеки г. Минусинска и краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, семья писателя Ж. Трошева: вдова, сын Игорь и внучка писателя.

Ежегодно музей и библиотека проводят День читателя. К нему ученики готовят презентацию о любимой книге, снимают клипы, сценки по рассказам В.П. Астафьева, а также совместно с молодыми красноярскими писателями проводят литературные конференции по малой прозе.

Музеем успешно реализуются различные проекты. В рамках проекта «Тропой Астафьева» гимназисты дважды побывали в городах Чусовой, Пермь, где посетили Чусовскую районную библиотеку им. А.С. Пушкина и Литературный музей В.П. Астафьева.

Следующая поездка состоялась в г. Вологду, где долгое время жил и работал В.П. Астафьев. Там ребята познакомились с другом В.П. Астафьева – вологодским писателем А.В. Петуховым.

В 2008 и 2012 гг. в ходе экспедиций на трассу мужества Абакан-Тайшет в рамках социального проекта «Серебряные рельсы Саян» (компании «РУСАЛ»), дважды побывали в Кошурниково. Встречи с краеведами, писателями, журналистами, строителями и проектировщиками трассы, переписка с музеем новосибирского института Гипротранс, субботники, реставрация памятника, товарищеские встречи с учащимися местной школы по баскетболу, психологические тренинги, разнообразные экскурсии – вот неполный перечень мероприятий, которые прошли в рамках проекта.

В сентябре 2012 г., учащиеся и педагоги посетили народный музей строителей трассы Абакан-Тайшет на станции Кошурниково, приняли участие в субботнике у памятника А.Д. Кошурникову, на месте гибели взрывников, в реставрации памятника.

Ученик гимназии Грузинцев Егор, чей прадед – участковый механик Грузинцева П.А. погиб на строительстве трассы мужества, участвовал в двух экспедициях. Было установлено, что на братской могиле в пос. Кошурниково отмечены не все фамилии взрывников, погибших 20 июня 1959 г. (в частности нет фамилий Грузинцева П.А. и проходчика Гизуллина). Павел Александрович Грузинцев окончил тех.школу, проработал в спецвзрывпоезде-2 г. Абакана 10 лет.

Совместно с председателем ПК Путьной части и ветеранами участники экспедиций побывали на братской могиле кладбища в г. Артёмовске, увидели, что памятника на могиле нет.

В рамках проекта состоялась долгожданная поездка на юг края – в Минусинск – «Культурную столицу Красноярья-2012», в Бондарево – село, где в разное время жили и работали: Тимофей Бондарев – крестьянин-самоучка, писатель, философ; Георгий Суворов – учитель, воин, поэт, погибший на фронте в 1944 г.; Иван Ерошин – известный поэт, чей талант признавал французский писатель Ромен Роллан.

В с. Бондарево группу учащихся (19 человек) приветливо встретили в библиотеке, где Богатырёва Нина Михайловна и Томилова Евгения Валериевна провели экскурсию, поделились своими материалами о писателях, провели экскурсию по памятным местам. Побывали у памятника Т. Бондареву, на его могиле, у дома Ерошиных, где в настоящее время живёт семья сына Ивана Ерошина – Юрия Ивановича, в прошлом учителя Бондаревской школы. Иван Ерошин воспел и восславил Сибирь, свою вторую родину – «край необозримый».

В 2008 г. по результатам 1-ой экспедиции состоялась конференция для учителей литературы и учащихся школ Кировского района г. Красноярска, на которой проведена игра – «Путешествие в с. Бондарево». В музее гимназии оформлены стенды, посвящённые бондаревцам – Бондареву Т., Ерошину И., Суворову Г.

Основные массовые мероприятия, проводимые музеем: 2007-2010 – «Солнечный дар» (памяти писателя Р.Х. Солнцева); 2011 – «Он себя не мыслил без Сибири» (О жизни и творчестве И.Д. Рождественского – поэта, учителя В.П. Астафьева); 2012 – межрегиональная конференция «Содружество Астафьевских музеев» с проведением экскурсии, открытых уроков по творчеству В.П. Астафьева, театрализованных постановок учащихся гимназии по произведениям В.П. Астафьева, творческой мастерской заслуженной артистки РФ Сорокиной С.А.; 2013 – конференция «Серебряные рельсы Саян».

Интересно в музее отмечали юбилей сибирского писателя Генриха Батца. Из Абакана приехала сестра писателя – Эльвира Андреевна Безбородова. Её рассказ о том, что привело их семью с берегов Волги в Сибирь, был очень познавательным, трогательным. В юбилейных торжествах приняла участие директор краеведческого музея из Туруханска Татьяна Юрьевна Сергиенко. Она обратилась с приветственным словом к участникам юбилейных событий, коротко рассказав о суровой жизни Г.Г. Батца на Севере. Краеведческий музей Туруханска любезно предоставил передвижную книжную выставку. Часть материалов, довольно внушительную, подарила сестра прозаика.

С 2006 г. музей является неоднократным победителем в номинации «Литературные музеи» II Краевого патриотического фестиваля молодёжи «Россия! Молодость! Мечта!», финального этапа экспозиционного конкурса «С чего начинается Родина»; неоднократным участником Форума школьных музеев, посвящённого Победе в Великой Отечественной войне; участником районных, городских, краевых, межрегиональных и Всероссийских научно-практических конференций; участником на юбилейных торжествах «Астафьевские дни», в культурных событиях города, посвящённых А.С. Пушкину. Работы учащихся печатаются в журнале «День и Ночь», «Енисей», в «Детском районе» – приложении к газете «Городские новости», в городских поэтических сборниках.

В книгах сибирских писателей, в экспонатах музея хранится память народная о жизни наших прадедов, дедов, отцов, о нашей родной земле. Задача музея сибирских писателей – хранить эту память, беречь её, изучая творческое и жизненное наследие поэтов, прозаиков, героев, тружеников нашего края.

Профессиональные туры в библиотеки Европы и России

В последние годы российские библиотеки и библиотеки зарубежных стран претерпевают качественные и количественные изменения: строятся новые здания, открываются храмы книг после глобальных реконструкций, пополняются фонды традиционными и электронными носителями информации, новыми современными техническими устройствами.

В марте 2013 г. Некоммерческий фонд поддержки книгоиздания, образования и новых информационных технологий «Пушкинская библиотека» и Российская государственная детская библиотека организовали обучающую профессиональную стажировку в Северную Италию. Специалистов интересовали вопросы библиотечных услуг, архитектурно-планировочных решений зданий, организации и технологии хранения фондов и их обслуживания, технической оснащённости библиотек, развития электронных ресурсов и т.д.

Экскурсии в библиотеки Италии начались с посещения Национальной библиотеки Святого Марка. Итальянцы называют библиотеку «Марчиана» или «Библиотека Сансовино» по имени построившего её талантливый архитектор и скульптор эпохи Возрождения Якопо Татти д'Антонио (1486-1570), прозванного Сансовино. Интерьеры красивейшего беломраморного здания, находящегося в самом центре Венеции, расписывали художники, отобранные великим Тицианом, а сам он подарил Библиотеке свою картину «Мудрость». Сейчас этот зал – зона музея.

В библиотеку может записаться венецианец, достигший 16-летнего возраста, в читальных залах работают в основном учёные, преподаватели и аспиранты. Библиотека выполняет функции специальной библиотеки для слабовидящих, а также обслуживает талантливых детей с ограниченными возможностями, проживающих в венецианской провинции. Фонд библиотеки составляет 1 млн экземпляров, из них 14 тыс. манускриптов, 2500 инкунабул. Старинные книги, хранящиеся на открытых стеллажах («чтобы могли дышать»), можно получить для работы в читальном зале, при этом читателей просят обращаться с ними бережно. В библиотеке около 40 лет работает лаборатория по реставрации книг.

Национальная библиотека является главной в единой сети всех библиотек Венеции, в которую включены библиотеки Университета, литературных кружков, религиозных организаций. Книги можно получить в любой точке мира, оплатив лишь почтовые расходы. В Россию отправляют только в две библиотеки – Российскую государственную библиотеку и Российскую национальную библиотеку.

В практике Национальной библиотеки публичные тематические бесплатные лекции по определённым темам, например: «Божественная комедия» Данте, история Венеции. За небольшую плату подбирают материал и проводят занятия для японцев, изучающих биографию итальянского путешественника и писателя Марко Поло.

В Италии каждая библиотека привязана к своему региону: в Венеции наиболее полно собирают информацию о Венеции, в Неаполе – о Неаполе и т.д. (в России существует термин – «краеведение»).

Национальная библиотека работает с 8 до 19 ч. в две смены. В субботу – до 14 ч., воскресенье – выходной. Штат библиотеки составляет 70 человек. Для того чтобы здесь работать, надо иметь высшее образование, пройти специальные курсы и принять участие в международных конкурсах.

Библиотека в Болонье – *Biblioteca Salaborsa Ragazzi* находится в центре города, на городской площади. Зайти в неё может любой желающий. В библиотеку записывают с самого рождения, мамочки приносят своих малышей, закатывая коляски прямо в зал. Специальный проект «Рождённый для того, чтобы читать» (проект работает уже 10 лет) предусматривает знакомство с книгами совсем маленьких малышей с помощью библиотекарей, родителей и врачей педиатров. «Детей надо защищать от невежества!» – это главный лейтмотив проекта: если ребёнка приучить к чтению на руках матери, он полюбит книгу.

Родители надевают бахилы, кладут обувь в шкафчики. Есть место для грудного вскармливания и место для разогрева бутылочек.

Мебель сделана под небольшой рост малыша, но и родители могут присесть на стул, если его перевернут. Характерная особенность: все книги повёрнуты лицом к читателю. На дом можно взять до 10 единиц. В фонде представлены книги на 60-ти языках мира. Больше всего выдают книг на русском языке. Книжные новинки выставлены на столах, каждый месяц на сайте появляется информация о новых поступлениях; на магнитной доске – рекомендации ребят о понравившихся книгах. Удобная расстановка книг для детей – по темам, внутри – по алфавиту. На книгах штрихкоды и цветные (тематические) индикаторы. Яркие насыщенные цвета, стены расписаны художниками Болоньи.

Много посетителей с восточным колоритом: мигранты изучают итальянский язык, историю Италии, чтобы здесь жить, работать, учиться, и детей приводят в библиотеку с раннего детства.

В небольшом зале для подростков на стенах висят молодёжные постеры; огромное кресло, похожее на руку с вытянутыми пальцами; чуть приподняты над полом на низких подставках компьютеры, за которыми работают молодые люди. На вопрос: «Что привлекает молодёжь в библиотеку?», сотрудник отдела ответил, что здесь помогают ребятам подобрать музыку к текстам песен (в т.ч. рэп), разучивают танцевальные движения (есть курсы для начинающих и опытных танцоров), молодёжь собирается в библиотеке, чтобы послушать музыку, сделать домашние задания, провести время с друзьями.

Самый большой зал (бывшая открытая площадь) заполнен посетителями: все кресла заняты, болонцы общаются, рассматривают сквозь стеклянные вставки на полу первого этажа результаты археологических раскопок (Библиотека Salaborsa – это старинное здание, исторический дворец). На выходе из библиотеки очередь желающих зарегистрировать взятые на дом книги.

В фонде на нескольких стеллажах представлена литература на русском языке.

В библиотеке на любой этаж можно заехать на коляске – маме с ребёнком и для людей с ограниченной подвижностью.

Штат библиотеки составляет 40 человек плюс 30 человек из муниципального кооператива, они выдают книги на дом и расставляют их на полки, поэтому книги с полок можно брать свободно, а потом оставлять на столах – персонал библиотеки поставит их на место. Статистические данные: 40 тыс. читателей, 600 тыс. книг, из них 60 тыс. в детском отделе. Ежедневное посещение – 5 тысяч. Бюджет библиотеки без зарплаты и коммунальных платежей – 1 млн. евро. Рядовые сотрудники получают 1200-1300 евро. Библиотека открыта с 10 до 20 часов. Выходной – понедельник. В воскресенье энергетики оплачивают электроэнергию (не муниципалитет или библиотека, это подарок, партнёрские отношения).

Biblioteca Salaborsa – самое популярное место в городе. Всего в городе 20 муниципальных библиотек.

В Вероне группу принимала городская публичная (коммунальная) библиотека (Antichiarchivee bibliotec a comunale). И первое, что сделал директор библиотеки в зале древних книг, – показал книги в кожаных переплётах на старославянском языке, в т.ч. небольшую книгу XVII в. с крюковым письмом (русское безлинейное церковное нотописание).

Веронская библиотека была открыта в 1782 году. Во время бомбардировки 1945 г. часть церкви, где располагалась библиотека, была разрушена. На этом месте построено современное здание. После большого ремонта, длившегося почти 10 лет, вся библиотека площадью 12 тыс. кв. м превратилась в комфортный библиотечный комплекс, куда входят и великолепные помещения XVI в., украшенные фресками ученика Веронезе.

В библиотеке хранятся 3500 манускриптов, 1200 инкунабул (книги, изданные до 1501 г.). Есть книги эпохи Карла Великого (VIII в. до н. э.). В одном из отделов собрана коллекция в 4000 экземпляров произведений веронца Сальгари (и литературы о нём), автора исторических и приключенческих романов, когда-то популярного и в России.

Библиотека – самое посещаемое место города. В день она принимает от 1500 до 2000 веронцев. Единый читательский билет, выдаваемый при записи в библиотеку – пластиковая карточка с кодом доступа, позволяет пользоваться всеми бесплатными и платными услугами в любом из

13-ти библиотек-филиалов города Вероны. Интересна специализация некоторых филиалов: библиотека музея естественной истории, библиотека современного искусства.

Один из наиболее востребованных – сектор «синематека», где бесплатно берут напрокат фильмы и собираются любители кино.

В детском отделе просторно, можно полежать на мягких матрацах, взять книгу о древнем человеке с выставки и артефакт: лук, стрелы, почувствовать себя археологом и исследователем.

Формы работы по привлечению читателей схожи с российскими – презентации, публичные чтения поэзии, семинары, просветительские курсы, групповые посещения школьников, студентов, есть сайт, страница в Фейсбуке. Много студентов, много нищих, поскольку в библиотеке тепло, летом прохладно, бесплатно.

Общий фонд библиотеки составляет 1 млн. экземпляров, выдача за 2012 г. составила 86 тыс. экземпляров, штат – 50 человек; библиотекари работают в 2 смены, одна смена на рефери длится 5 часов, затем занимаются другой работой. Во всех библиотеках Италии принята система Дьюи.

Среди итальянской молодёжи 39% безработных, но в библиотеку не идут: *«Профессия библиотекаря находится вне сердца того, кто приходит к нам на работу»*, – сказал директор.

Экономический кризис в Италии коснулся и библиотек – заметно снизилось финансирование, а вот нагрузка, наоборот – выросла. Министерство требует проводить всё больше встреч, семинаров, предоставлять библиотечные площади под проведение выставок, конференций.

Делегация российских библиотекарей побывала на юбилейной 50-й ярмарке детской книги в Болонье (La Fiera del Libro Per Ragazzi). Ежегодная ярмарка – крупнейшее международное событие в области детской издательской и мультимедийной индустрии, где встречаются авторы, литературные агенты, издатели, книгораспространители, библиотекари и любители книг. Они ежегодно собираются в Болонье для того, чтобы познакомиться с новинками детской литературы, определить лучшего детского писателя, иллюстратора и издателя. В 2013 г. ярмарка собрала более 1200 экспонентов почти из 70 стран мира. Общая площадь ярмарки составила 20000 кв. метров. Интерес к книжному форуму настолько велик, что к кассам выстроились огромные очереди. И было что посмотреть: яркие, потрясающе оформленные стенды; детская мебель из разных материалов, в т.ч. из плотного упаковочного картона; и, конечно, книги – маленькие и большие, книги-игрушки и книги-подушки, книги-раскладушки.

Россия представила на ярмарке объединённый стенд ведущих российских издательств, специализирующихся на выпуске литературы для детей и родителей.

Итоги Болонской ярмарки оптимистичны: читателя надо растить с самого раннего возраста на хороших книгах.

В июле 2013 г. в столице Бурятии городе Улан-Удэ проходил IV Байкальский информационный форум, собравший более 400 участников из 40 регионов России и Монголии. Форум стал дискуссионной площадкой для руководителей федеральных министерств и ведомств, представителей ведущих российских и региональных учреждений культуры, науки, образования, федеральных и региональных библиотек, средств массовой информации. В рамках форума работали три секции: «Средства массовой информации», «Информационные технологии» и «Культура». Секция «Культура» проводилась с целью обсуждения проблем информатизации отрасли культуры и библиотечного дела, установления и укрепления деловых контактов, обмена опытом и передовыми технологиями.

Национальная библиотека Республики Бурятия – одна из старейших библиотек Сибири, была открыта в 1881 г. как Верхнеудинская городская общественная библиотека. Библиотека – крупнейший культурный, информационный, научно-методический и научно-исследовательский центр республики; выполняет функции парламентской и правительственной библиотеки. В 2009 г. открыт региональный центр доступа к информационным ресурсам Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина.

Фонд составляет свыше 1 млн. 200 тыс. экземпляров, среди которых находятся единственные экземпляры всех изданных на территории республики печатные и электронные издания и документы. Гордость библиотеки – фонд редких и ценных книг, где хранится 16 тыс. уникальных изданий, включая раритеты XVI-XVIII вв., памятники письменности Востока.

Библиотека ведёт работу по созданию собственных электронных ресурсов. В рамках реализации проекта «Бурятия – территория культуры» изданы:

– Электронная библиотека «Бурятика» – коллекция полнотекстовых документов, отражающих историю и современность Республики Бурятия (Дарима Базарова – создатель «Бурятки» – лауреат премии Президента Российской Федерации для молодых деятелей культуры 2010 г.);

– Электронные издания Национальной библиотеки – коллекции электронных документов: «Художники Бурятии», «Костюмы народов Бурятии», «Чингисхан: личность и эпоха», «Гэсэр: бурятский героический эпос», «История бурятской книги», «Этнокультура семейских Забайкалья», «Дацаны: прошлое и настоящее», «XII Пандито Хамба Лама Даша-Доржо Итигэлов» и др.;

– Полнотекстовые подписные ресурсы: Электронная библиотека диссертаций Российской Государственной библиотеки; «Издания по общественным и гуманитарным наукам».

С 2005 г. начата целенаправленная работа по созданию модельных сельских библиотек. Участники Форума посетили Сухинскую сельскую модельную библиотеку-музей Кабанского района, культурный центр и информационный центр для детей, взрослых и отдыхающих на Байкале.

Благотворительный Фонд Михаила Прохорова поддерживая и развивая российскую культуру, науку и образование, в 2013 г. в третий раз объявил конкурс «Профессиональная мобильность» на поездки специалистов в сфере гуманитарных наук. Благодаря финансированию тревел-гранта появилась возможность познакомиться с лучшими библиотечными системами Санкт-Петербурга, принять участие в работе межрегионального круглого стола «Публичные библиотеки XXI века: участие в формировании правовой культуры населения», организованной Центральной городской публичной библиотекой им. В.В. Маяковского.

Одной из особенностей культурного пространства Санкт-Петербурга в последние годы стало открытие библиотек после капитального ремонта, предусматривающего для каждой индивидуальную проектную разработку, стильный дизайн, специализированную мебель, единую (не повторяющуюся в других библиотеках) цветовую гамму.

Современные книгохранилища поменяли свой имидж и философию, предлагая новые формы обслуживания, выступая как центр культуры: медийный, выставочный, образовательный и досуговый центр, где есть книги и свежая пресса, выход в Интернет, Wi-Fi, есть возможность для саморазвития, творчества и развлечения.

В библиотеке им. Л.Н. Толстого на Васильевском острове, которой исполнилось 95 лет, собираются барды и Всемирный клуб петербуржцев; культурно-исторический клуб «Даммархольм» (шведский клуб) занимается изучением деятельности шведов в Санкт-Петербурге и на Васильевском острове, а также русских в Швеции; в арт-зале выступают с благотворительными концертами известные оперные певцы и непрофессиональные любительские коллективы; в молодёжном театре «Пятница» школьники ставят спектакли. Друзья библиотеки – поэты Александр Городницкий, писатель Валерий Попов, вдова писателя Виктора Конецкого собирают полные залы почитателей творчества «шестидесятников». С 1991 г. в одном из помещений библиотеки была организована галерея «Форум», где регулярно проходят выставки петербургских живописцев и графиков.

Смелый городской эксперимент провели в Красногвардейском районе: библиотека им. Н.В. Гоголя трансформировалась в городское общественное пространство, разделенное на пять рабочих зон – залы с художественной и отраслевой литературой, конференц-зал, где можно проводить онлайн-семинары и конференции, арт-холл, выполненный в виде зеленой лужайки, и медиатека. Многофункциональные стеллажи, кабина для телефонных разговоров, интересные дизайнерские и стилевые решения, включающие огромную красную лампу, колонны, имитирующие гигантские торшеры с мягкими пуфиками, декоративные подушки, портрет Н.В. Гоголя, составленный из его высказываний, всё направлено на создание комфортной для читателя среды и приобщение молодого поколения к чтению.

Все девять библиотек, которые удалось посетить во время профессионального тура в Санкт-Петербурге, приспособлены для посещения маломобильных групп населения, создана безбарьерная среда (пандусы, подъёмники, лифты); в некоторых залах оборудованы автоматизированные рабочие места для незрячих и слабовидящих людей.

Деятельность Санкт-Петербургских библиотек многоформатна и разнопланова. Модернизированные, хорошо оснащённые современными мультимедийными устройствами, они являются площадками для реализации творческих идей читателей, диалога горожан и власти, выработки новых позитивных идей.

Познакомившись за 2013 г. с деятельностью научных и публичных библиотек Италии и России, можно сделать следующие выводы:

1. Во всех библиотеках преобладает тенденция к высокому уровню технической оснащённости;
2. Происходит перевод каталогов и библиотечных фондов в электронную форму; максимальная автоматизация читательских и служебных рабочих мест, применение Интернет и Wi-Fi; маркировка фондов, читательских билетов, служебных удостоверений персонала метками RFID;
3. Библиотеки создают собственные электронные ресурсы;
4. Максимально открывается доступ к фондам; применяются передвижные стеллажи на рельсах и колёсах;
5. Современные условия диктуют изменение внешнего и внутреннего вида библиотек; создаётся принципиально новая среда – яркая, современная, доступная, комфортная для пребывания посетителей, с рациональным выделением зон в библиотечном пространстве.

Публичные библиотеки как социальный институт востребованы обществом, они активно ищут своё место в новых реалиях, успешно адаптируются и развиваются.

2013

Дорохина А.А., Ануфриева Е.И., Пахомова Т.А., Кочкина Е.И.
г. Красноярск

Проект музея-заповедника «Шалаболинская писаница»

Писаница находится на территории Красноярского края в Курагинском районе, недалеко от п. Шалаболино на правом берегу р. Тубы. Скальный массив начинается в полутора километрах от с. Ильинки и тянется на 5 км вверх по реке до впадения в неё р. Шушь. Шалаболинские петроглифы известны ещё с сер. XIX в., но долгое время не исследовались (первое упоминание о них принадлежит Н.А. Кострову, который и назвал их Шалаболинскими)¹. В кон. XIX – нач. XX вв. наскальные рисунки изучались финской экспедицией под руководством И.Р. Аспелина, сибирскими исследователями А.В. Адриановым, Л.Ф. Титовым, И.Т. Савенковым, позже – Э.Р. Рыгдылоном, Р.В. Николаевым, археологами А.А. Формозовым, Я.А. Шером и др.² В кон. XX в. были обследованы и скопированы петроглифы, практически, на всём протяжении писаницы участниками экспедиции Кемеровского государственного университета.³ С 2001 г. изучением Шалаболинской писаницы занимается археологический отряд КГПУ им. В.П. Астафьева.⁴

Памятник уникальный: помимо масштабов, поражает насыщенность, разнообразие сюжетов и технических приёмов нанесения рисунков, их широкий хронологический диапазон (неолит-этнографическая современность). Более того, Шалаболинская писаница входит в представительный комплекс археологических памятников (писаницы, погребения, поселения, стоянки).

Но, к сожалению, существуют серьёзные проблемы с сохранностью писаницы: под воздействием естественных эрозийных процессов плоскости растрескиваются и осыпаются, вследствие паводков нижние ярусы скалы перекрываются наносным грунтом, поверх древних композиций появляются современные надписи, что неизгладимо вредит петроглифам. Соответственно, требуются неотложные меры по сохранению и музеефикации масштабного памятника древнего наскального творчества. В противном случае мы рискуем потерять для потомков уникальный объект древнего историко-культурного наследия.

Чтобы избежать плачевных последствий нами был создан проект музея-заповедника «Шалаболинская писаница». Целью данного проекта является организация историко-культурного заповедника и создание при нём учреждения культуры – археолого-этнографический музей «Шалаболинская писаница».

Во время натурных обследований окружающей местности участниками проекта в 2013 г. была определена территория проектируемого музея-заповедника. Она охватывает правобережный участок реки Тубы, прилегающий к д. Ильинка (10x16 км) и включает следующие объекты древнего историко-культурного наследия: писаницы (5), стоянки и поселения (24), курганные и грунтовые могильники, одиночные курганы (15), городище.

Территория проектируемого музея-заповедника предполагает наличие зон свободного доступа, особо охраняемых зон, территорий с ограниченным доступом посетителей, рекреационных территорий. Также в неё входит так называемая буферная зона, где определены смотровые площадки, намечены объекты инфраструктуры за пределами музея-заповедника.

Основным объектом экскурсий будет являться Шалаболинская писаница. Какое-либо нарушение окружающего ландшафта исключается. Доступ к объекту будет возможен сухопутными и водными маршрутами, используя традиционные виды передвижения.

Предполагается создание в д. Ильинке визит-центра, который бы включал офис музея-заповедника, экспозиционную площадку, научно-исследовательский и учебный комплексы.

Важным направлением работы визит-центра будет являться обеспечение на высоком уровне научно-исследовательских работ, связанных с изучением, консервацией и реставрацией памятников наскального искусства и сохранения природной и историко-культурной территории заповедника специалистами различных направлений. Более того, для посетителей предлагаемый визит-центр, в отличие от традиционных природных и заповедных территорий, будет представлять собой и социальный институт – место встреч и общения, проведения семинаров, научных конференций, реализации обучающих программ, практических занятий для студентов ВУЗов, проведения досуга.

Успешное решение вопросов по организации историко-культурного заповедника и археолого-этнографического музея «Шалаболинская писаница» позволит решить задачи научного, образовательного, воспитательного, просветительского характера. Более того, активное вовлечение в работу музея местного населения поможет решить актуальные задачи социального характера: возрождение российской «глубинки», сибирской деревни, занятости населения, возвращение молодёжи в село.

Соответственно, создание музея-заповедника «Шалаболинская писаница», несомненно, поднимет престиж региона не только на общероссийском, но и международном уровне, создаст определённые условия для решения ряда задач социального, экономического и культурного его развития.

2013

Примечания:

¹ Спасский Г.И. О достопримечательных памятниках сибирских древностей. – ЗВОРАО, 1857, кн. XIII, – С.153.

² Дроздов Н.И., Заика А.Л. История исследования Шалаболинской писаницы // Мир наскального искусства. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 72-74.

³ Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.

⁴ Заика А.Л. Шалаболинская писаница (общая характеристика, современное состояние изученности, перспективы музеефикации памятника) // The Journal of Korean Petroglyph. 2010. Vol. 13. P. 65-84. (на русском и корейском языках).

Е.М. Катина,

п.г.т. Курагино, Красноярский край

«Дети Саян и культурное наследие» – проектная деятельность музея

Сознавая особое значение культурных ценностей и их важнейшую роль в развитии науки, культуры, образования, а также в обогащении культурной жизни народов и взаимного сотрудничества, Курагинский районный краеведческий музей старается не только сохранить предметы и памятники, но и донести их до широкой аудитории. Проектная и межмузейная выставочная деятельность способствует выполнению поставленной задачи.

В 2010 г. Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Курагинский районный краеведческий музей» совместно с образовательным учреждением «Курагинский дом детского творчества»

реализовали познавательный-образовательный маршрут «Вагон-экскурсия», посвящённый 45-летию ввода в эксплуатацию железной дороги Абакан-Тайшет «Трасса мужества – прошлое и настоящее». Партнёром выступил филиал ОАО «РЖД» Красноярская железная дорога и его начальник В.Г. Рейнгардт. Он поддержал эту идею, предоставив комфортабельный железнодорожный электропоезд – матрицу СВ-1. Подрастающее поколение должно знать и помнить о героях-первопроходцах А. Кошурникове, А. Журавлёве, К. Стофато и о строителях железной дороги, которые внесли огромный вклад в развитие промышленности и сельского хозяйства района, края и страны.

26 июля 2010 г. группа учащихся школ Курагинского района, в количестве 60 человек, отправились в познавательную экскурсию по участку трассы-мужества Кошурниково-Курагино-Абакан. Многие дети впервые ехали по этому участку дороги, некоторые вообще первый раз на поезде. «Вагон-экскурсия» позволила всем познакомиться с историей строительства железной дороги Абакан-Тайшет, историей Красноярской железной дороги и воочию увидеть «экспозицию» за окном – изумительный природный ландшафт, виадуки, мосты, тоннели, станции. Ребята в пути общались с журналистами из газет «Красноярский железнодорожник» и «Гудок», с машинистами, фотографировали, знакомились с печатным материалом «РЖД», пели песни под гитару и наслаждались комфортабельностью вагона.

На станции Абакан участников маршрута встретили руководители Абаканского отделения и сопроводили на экскурсию в Музей истории Абаканской железной дороги. Также ребята посетили «Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р. Кызласова».

Тогда и родилась идея, чтобы не только курагинские дети знакомились с историей Южной Сибири, но и ребята из Хакасии, Тувы и Красноярского края приезжали на экскурсию в Курагинский район.

«Дети Саян и культурное наследие» под таким девизом в 2012 г. состоялась реализация социокультурного проекта Курагинского районного краеведческого музея при поддержке Министерства культуры Красноярского края. Его идея рождена в Год Российской истории – 1150-летия зарождения российской государственности, 175-летия истории железных дорог России, 70-летия гибели на Курагинской земле инженеров-изыскателей А. Кошурникова, К. Стофато и А. Журавлева, начала строительства железной дороги Курагино-Кызыл и, как продолжение музейного проекта, «Вагон-экскурсия».

Партнёрами этого проекта выступили Красноярская железная дорога и Абаканское отделение железной дороги, Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова, Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва.

Его целью являлось стимулирование у детей интереса к культурному наследию и формирование сопричастности к истории России всех проживающих на её территории народов, воспитание патриотизма через познание и пропаганду среди сверстников историко-культурного наследия своей малой Родины.

Началом реализации проекта стала фотовыставка Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова «Хакасия кон. XIX – нач. XX вв. фотографа Н.В. Фёдорова», который много путешествовал и во время своих поездок снимал всё, что казалось интересным. В программу культурного обмена вошёл спектакль по мотивам хакасских сказок, поставленный Домашним театром Мартяновского музея.

Более ста школьников Красноярского края, Республик Тыва и Хакасия, отдыхающих в санатории «Солнечный» (Тесь), совершили познавательную поездку «Вагон-экскурсия» по участку знаменитой трассы Абакан-Тайшет «ст. Туба – ст. Кошурниково». Вагон в электропоезде экскурсантам был предоставлен ОАО «Краспригород». Ребята познакомились с посёлком Кошурниково и посетили музей им А.М. Кошурникова (филиал Курагинского краеведческого музея), где экскурсоводами выступили «юные железнодорожники», учащиеся Кошурниковской средней школы № 22.

Абаканское отделение Красноярской железной дороги отправило группу школьников из г. Абакана в путешествие по железной дороге, по промышленным и культурным объектам Курагинского района. Участники экскурсии побывали в цехе по сборке рельсошпальной решётки ПМС-181, в филиалах Курагинского музея: Горно-геологическом музее в п. Большая Ирба, в музее с. Берёзовское и в Курагинском Доме детского творчества на показе мод «Кольчуга для Ярославны».

По признанию партнёров и участников проекта, для многих ребят эти поездки доставили

огромное удовольствие, стали настоящим открытием и, безусловно, пополнили багаж знаний о Курагинском районе.

Заключительным мероприятием социокультурного проекта «Дети Саян» стала этнографическая выставка «Песнь тувинского кочевника» Национального музея им. Алдан Маадыр – партнёра проекта. Этот совместная работа — пример успешного сотрудничества, партнерского взаимодействия, а также свидетельство глубоких историко-культурных связей между народами. На выставке были представлены уникальные предметы духовной и материальной культуры Тувы: национальная одежда, женские и мужские украшения, курительные принадлежности, элементы конского снаряжения, национальные музыкальные инструменты, камнерезные работы, культово-религиозные атрибуты ламаизма и шаманизма. Фотографии первого директора тувинского музея В.П. Ермолаева, А. Ключева, М. Чооду и др. помогли посетителям узнать подлинную историю и уклад жизни тувинцев XX – нач. XXI веков.

В планах дальнейшего развития проекта предполагалось освоение новых культурно-познавательных маршрутов в Хакасию, Туву, южные районы края и вовлечение в него других территорий.

В 2013 г. Курагинскому музею предложили участие в социокультурном проекте «Дружба без границ» Курагино-Улангом (Монголия). В июле Курагинский район посетила с официальным визитом делегация из г. Улангом (Монголия) во главе с Председателем хурала гражданских представителей господином Б. Жавхлантогсом. В ходе визита было подписано Соглашение о культурном сотрудничестве. Гости познакомились с достопримечательностями Курагинского района, а побывав в музее, заинтересовались проектом «Дети Саян» и высказали пожелание участия в нём монгольских детей.

Делегация от Курагинского района во главе с главой района Е.Д. Дмитриевым и детский народный танцевальный коллектив «Рударики» Дворца культуры (с. Большая Ирба) приняли участие на празднике «День города» (г. Улангом) 27-28 сентября 2013 года. В составе официальной делегации была директор Курагинского районного краеведческого музея Е.М. Катина, представившая выставку русского прикладного искусства, и фильм о Курагинском районе. Эта поездка позволила больше узнать друг о друге.

В октябре месяце 2013 г. проект «Дети Саян» получил продолжение. На двух автобусах учащиеся со школ района отправились в экскурсионно-познавательную поездку по культурно-историческим местам Аскизского района (Хакасия) – побратима Курагинского района. Путешествие началось с посещения мемориального комплекса – Парка памяти погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (с. Аскиз, Хакасия), где установлены бюсты Героям Советского Союза Петру Ивановичу Чебодаеву, павшему смертью храбрых и нашему земляку из с. Шалоболдино Герою Советского Союза Попову Петру Фомичу, умершему от ран в 1944 г. Оба Героя работали до войны учителями в Аскизской школе. В краеведческом музее им. Н.Ф. Катанова школьники познакомились с жизнедеятельностью учёного, культурой и бытом хакасского народа.

Историко-культурный комплекс «Улуг Хуртуяк тас» и Полтаковский музей наскального искусства оставили огромное впечатление у детей. Они увидели и прикоснулись к древности — это не сравнить с увиденным по телевизору или в Интернете.

Проект «Дети Саян» позволил развить новые формы и темы культурно-исторического диалога между прошлым и будущим, предоставил возможность детям Красноярского края и соседних республик, находящихся на территории Южной Сибири, участвовать в межнациональном диалоге культур. Его участники не только познакомились друг с другом, но и получили возможность самостоятельного познания историко-культурного наследия народов, проживающих на Саянской земле.

Проект помог укреплению межрегионального сотрудничества в области этнокультурных и межнациональных отношений и созданию единого познавательно-воспитательного пространства, установлению и расширению контактов с детскими общественными объединениями, государственными, муниципальными учреждениями и частными лицами, заинтересованными в совместной деятельности.

Надеемся, что социокультурный проект «Дети Саян» будет иметь продолжение в рамках международного сотрудничества с г. Улангом Увс аймака Монголия.

Н. Х-О. Нанькпан,
г. Кызыл, Республика Тыва

Роль Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Тыва в возрождении, сохранении и развитии традиционной народной культуры тувинцев

В настоящее время в Тыве, как и во всех российских регионах, продолжается активный процесс возрождения национальной культуры, начавшийся с кон. 1980-х годов.

Кандидат исторических наук, директор Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва М. М.-Б. Харунова выделяет 3 этапа развития возрождения тувинской культуры:

1-й – кон. 1980-х гг. – освобождение от советской системы регулирования этнической культуры, появление отдельных общественных инициатив, начало деятельности общественных движений, провозглашающих возрождение национальной культуры, «вспоминание» традиций;

2-й – нач. 1990-х гг. – признание ряда культурных традиций на уровне власти региона, придание им официального статуса как республиканских праздников, символов, социальных явлений;

3-й – с сер. 1990-х гг. и до сегодняшнего дня – активное развитие традиций национальной культуры во всех сферах общества, в том числе при поддержке власти Республики Тыва.

Значительную роль в начале процесса возрождения национальной культуры в Тыве сыграла разветвленная сеть учреждений культуры, в т.ч. библиотеки.

Государственное бюджетное учреждение «Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Тыва» (ГБУ НБ) в 2011 г. отметила знаменательную дату – 80-летие со дня образования и в 2013 г. – 20-летие присвоения статуса «Национальная». Все эти годы библиотека выполняла просветительскую функцию, вела работу по сплочению народов различных национальностей, созданию атмосферы дружбы в регионе.

В 1992-1995 гг. с целью определения значения библиотеки в сохранении культурной и языковой самобытности, воссоздание нравственных, эстетических основ национального характера НБ им. А.С. Пушкина проведены научно-практические конференции «Национальная библиотека. Основные тенденции, перспективы создания в Тыве» (1992 г.), «Роль библиотек в возрождении национальной культуры Тувы» (1995 г.), на которых приняты рекомендации об усилении роли библиотек республики в возрождении национальной культуры Тувы, развитие новых прогрессивных форм и видов библиотечно-информационного обслуживания населения, автоматизация библиотечных процессов, разработка базы данных по пропаганде тувинской национальной культуры, разработка методической основы комплектования, организации и использования национального фонда, улучшения работы по подбору кадров библиотек республики, особенно специалистов с высшим и средне-специальным библиотечным образованием.

За эти годы Национальной библиотекой им. А.С. Пушкина проведён ряд исследований по выявлению особенностей формирования краеведческих фондов библиотек и эффективности их использования читателями. В числе наиболее крупных проектов можно назвать следующие: «Анализ краеведческой литературы и литературы на тувинском языке» (1991-1994 гг.), «Анализ библиотечных фондов национальной литературы» (1995-1999 гг.), «Читатель, чтение, библиотека» (1995 г.). В качестве базы исследования были выбраны библиотеки отдалённых районов с коренным населением, районы, где живут люди разных национальностей, и город Кызыл.

В 2012 г. в библиотеках республики проведён мониторинг «Потребность читателей в переводной литературе». Основной целью данного мониторинга явилось изучение и выявление потребностей читателей в мировой и русской классике из фонда переводной литературы.

По результатам исследования разработаны рекомендации, адресованные Тувинскому книжному издательству и библиотекам республики. Так, Национальной библиотекой рекомендован список литературы, необходимой к переизданию и увеличению количества названий работ, выпускаемых Тувинским книжным издательством. Предлагалось провести специальные курсы для библиотекарей по работе с краеведческой литературой. В целях улучшения комплектования

книжных фондов централизованным библиотечным системам было предложено использовать книжные магазины «Новости Тувы», коллекции частных лиц, обменно-резервный фонд НБ. В 1993-1995 гг. библиотекой были выпущены следующие библиографические указатели:

1. Что читать о Туве;
2. «Люди и события»;
3. Резчики – лауреаты Государственной премии РСФСР им. И.Е. Репина;
4. Шаманизм в Туве;
5. Охрана природы Тувы

В настоящее время библиотека, как один из республиканских национально-культурных центров, принимает активное участие в республиканских программах национального возрождения культуры тувинского народа и народов, проживающих на территории республики.

В республике создана Ассамблея народов Тувы, проводятся Съезды народов, проживающих на её территории. В 2013 г. принята республиканская целевая программа «Национально-культурного развития народов Республики Тыва на 2013-2016 гг.».

В Национальной библиотеке с 1999 г. существует Центр национальной культуры, рассматривающий на заседаниях темы, как:

- формирование культуры межнационального общения и толерантного сознания народов, проживающих на территории Тувы;
- поддержка и продвижение чтения среди них;
- проблемы, связанные с культурной и издательской политикой в республике, а так же с вопросами эстетического, патриотического и интернационального воспитания молодёжи.

В деятельности Центра национальной культуры задействованы представители землячеств, национально-культурных объединений, созданных в республике: бурятского культурного центра «Байкал», общественного объединения «Общество русскоязычных граждан республики», общественной организации «Саха», «Центра немецкой культуры», «Корейского общественного центра».

В библиотеках республики продолжается активный процесс возрождения национальной культуры, объявленной Правительством Республики Тыва. 2008 г. в Республике Тыва был объявлен «Годом хоомея» (хоомей – искусство тувинского горлового пения), 2009 – «Годом Игила» (игил – традиционный музыкальный инструмент тувинцев), 2010 – «Годом туризма в Туве», 2012 – «Годом тувинской литературы», 2013 – «Годом мастеров народно-художественного промысла и ремёсел», 2014 – объявлен «Годом русского языка».

В данных республиканских мероприятиях активное участие принимают библиотеки республики. В Год туризма библиотеки активно приняли участие в республиканском конкурсе «Тос эртине» («Девять драгоценностей»).

К «Году тувинской литературы» во всех библиотеках республики прошли праздники поэзии, литературные вечера, конкурсы, недели и дни чтения, виртуальные литературные экскурсии, встречи с тувинскими писателями, поэтами, журналистами, учёными. В НБ им. А.С. Пушкина социально-значимым проектом в этом направлении стало проведение встреч в литературном салоне. Цель встреч – повышение престижа чтения тувинской литературы, общение читателей с писателями, учёными, интересными людьми. Участниками мероприятий стали родственники, журналисты, учёные, учащиеся средних учебных заведений, тувинские писатели. Открыт клуб «Молодых писателей и поэтов» для креативной молодёжи, способной к литературному творчеству.

В Год Мастеров народно-художественного промысла и ремесёл в НБ открыли «Университет национальной культуры», в рамках которого проводятся публичные лекции, беседы с участием мастеров, народных умельцев «Технология выделки кожи», «Камнерезы Тувы», уроки-путешествия «Поэзия народного костюма», «Кузнечных дел мастера». В помощь работе сельских библиотек выпущены методико-библиографические материалы «Волшебство добрых рук».

Установилось постоянное и разностороннее сотрудничество с научными и учебными заведениями, культурно-просветительными учреждениями, общественными организациями.

Так, в рамках 3-х стороннего Соглашения «О научно-исследовательском сотрудничестве» между Национальной библиотекой, Тувинским институтом гуманитарных исследований и На-

циональным музеем им. Алдан-Маадыр Республики Тыва осуществляется взаимовыгодное сотрудничество по следующим направлениям научно-исследовательской деятельности:

1. Совместное планирование научно-информационных и научно-культурных мероприятий республиканского и регионального значения.
2. Использование электронных и справочно-библиографических ресурсов.
3. Разработка законодательной базы следования общим принципам и критериям отбора редких книг, книжных памятников с использованием сайтов и электронной почты.
4. Совместный выпуск календаря знаменательных дат.
5. Создание свода редких источников книжных памятников, определение критериев работы с ними.

С целью объединения информационных ресурсов ведущих библиотек республики и для ускорения процесса формирования электронных каталогов, обеспечения доступа жителей республики к объединённым краеведческим ресурсам НБ проводится работа по созданию Сводного электронного краеведческого каталога и СКС. Участниками корпорации стали ведущие библиотеки республики: Национальная библиотека им А.С. Пушкина РТ, Научная библиотека ТывГУ, ГБУ «Тувинская Республиканская библиотека для незрячих и слабовидящих», ТРДБ им К.И. Чуковского, ЦБС г. Кызыла.

В данное время в библиотеках республики идёт активная подготовительная работа к 100-летию единения Тувы и России в 2014 г.

С целью пополнения фондов муниципальных библиотек национальными и краеведческими изданиями проведена республиканская акция «1000 книг о Туве». В рамках акции в библиотеках муниципальных образований привлечены дополнительные средства на комплектование краеведческих фондов, подписаны соглашения о сотрудничестве с редакциями районных газет, организациями, индивидуальными предпринимателями.

Проведён республиканский единый читательский марафон «Певец своей земли» к 100-летию со дня рождения народного писателя и основоположника тувинской литературы С.Б. Пюрбю, в котором приняла активное участие творческая интеллигенция Тувы и жители районов.

2013

Литература:

1. Ажеева Р.Б. Историко-краеведческая деятельность публичных библиотек: учебное пособие /Р.Б. Ажеева. – М.: Литера, 2011. – 112 с.
2. Маадыр М.С. Организация научно-исследовательской работы в Национальной библиотеке им. А.С. Пушкина Республики Тыва и перспективы её развития / М.С. Маадыр // Круг знания: науч.-информ. сб. для б-к: вып. 5 / НБ им. А.С. Пушкина Респ. Тыва. – Кызыл, 2009. – С. 35-37
3. Годовой отчёт о работе Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Тыва за 1990-2012 гг.
4. Фенцель О.В. Актуальные вопросы библиотечного дела Тувы /О.В. Фенцель // Библиотека в жизни общества, развитии науки и образования: Материалы науч.-практ. конф. НБ им. А.С. Пушкина Респ. Тыва. – Кызыл, 2004. – С. 5-11
5. Фенцель О.В. Информационные потребности читателей Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Тыва и их соответствие книжным фондам / О.В. Фенцель // Круг знания: Науч.-информ. сб. для б-к: вып. 2 / НБ им. А.С. Пушкина Респ. Тыва. – Кызыл, 1999. – С. 69-76
6. Фенцель О.В. Роль библиотек в возрождении национальной культуры Тувы /О.В. Фенцель // Роль библиотек в возрождении национальной культуры Тувы: Материалы науч.- практ. конф. (г. Кызыл, 12 сентября 1995 г.) /М-во культуры, кино и туризма Респ. Тыва; Нац. б-ка им. А.С. Пушкина. – Кызыл, 1996. – С. 5-11
7. Харунова М.М.-Б. Проблемы возрождения национальной культуры в Туве в постсоветский период / М.М.-Б. Харунова // Новые исследования Тувы: электронный информационный журнал. – № 2. – 2010
8. Чадамба Л.М. Библиотечное обслуживание национально-культурных объединений Тувы / Л.М. Чадамба // Роль библиотек в возрождении национальной культуры Тувы: Материалы науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 12 сентября 1995 г.) /М-во культуры, кино и туризма Респ. Тыва; Нац. б-ка им. А.С. Пушкина. – Кызыл, 1996. – С. 35-38

И.И. Негодина,
г. Минусинск

Проект музея Декабристов «Петербургские сады в Минусинске»

Декабрьское восстание на Сенатской площади в Санкт-Петербурге в 1825 г. сегодня является одной из ярчайших страниц истории Российского государства. Немало музеев страны отражают в своих экспозициях историю восстания и судьбы декабристов.

Декабристы отбывали ссылку в различных населённых пунктах нынешнего Красноярского края: в Красноярске, Туруханске, Енисейске, Ачинске, Назарово и т.д. В Минусинске и Минусинском округе на протяжении 34 лет находилась на поселении колония декабристов в количестве 11 человек. С.И. Кривцов, братья А.П. и П.П. Беляевы, И.В. Киреев, братья А.А. и Н.А. Крюковы, А.И. Тютчев, А.Ф. Фролов и П.И. Фаленберг прибыли на поселение после отбытия каторги в Читинской тюрьме и Петровском Заводе. С.Г. Краснокутский и Н.О. Мозгалевский, осуждённые по восьмому разряду к отбытию ссылки, были переведены в г. Минусинск из Витима (С.Г. Краснокутский) и Нарыма (Н.О. Мозгалевский).

Каким увидели Минусинск декабристы, оказавшись в ссылке, можно представить благодаря замечательным воспоминаниям Александра Петровича Беляева. Они содержат интересный и важный материал по истории декабризма, истории развития общественной мысли и состояния русского общества в 20–80-е гг. XIX в.

Две главы, 14-ю и 15-ю, А.П. Беляев посвящает жизни декабристов в Минусинске. Вот что он писал о городе: *«Главный центр Минусинского округа был тогда маленький городок, называемый Минусинском, имевший с дюжину широких улиц, одну хорошенькую каменную церковь, зимой теплую, и при ней богадельню, где содержались старые и увечные, гостиный двор порядочной архитектуры с колоннами, присутственные места, две площади, словом, всё нужное и необходимое для города, он очень недавно переименован в город из села Минусы, жители которого только с тем и согласились сделаться мещанами, чтобы им оставить все их поля, луга, пастбища, сенокосы и не изменять их прежних земледельческих занятий»*.¹

Декабристы на Минусинской земле были первыми фермерами, учили местных жителей рациональной хозяйственной деятельности. Вводили современные приёмы земледелия, новые для этих мест огородные, садовые и полевые культуры. Братья Беляевы и Крюковы завели фермерские хозяйства и стали выращивать такие культуры, как просо, гималайский многоплодный ячмень, гречиху, лучшие сорта пшеницы: *«Купивши домик, мы наняли пахотную землю, оставленную прежними владельцами, конечно за бесценно, в количестве шестидесяти или семидесяти десятин. Купили лошадей, бороны, наняли работников и сделались в полном смысле фермерами...»*.²

С.Г. Краснокутский и Н.О. Мозгалевский стали родоначальниками минусинского садоводства, занялись разведением вишневых, яблоневых деревьев. Получая из Европейской России лучшие сорта огородных растений, декабристы щедро делились ими с местными жителями. Благодаря их начинаниям, в настоящее время минусинцы собирают урожай не только яблок и вишен, но и абрикосов, груш, сливы.

Минусинцы бережно хранят память о декабристах. Поэтому не случайно в 1997 г. в Минусинске появился первый, и единственный музей в Красноярском крае, посвящённый теме декабризма. Он был открыт как филиал Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова в одном из старейших зданий города – в доме по улице Обороны, 59а (бывшая Итальянская), принадлежавшем декабристу Александру Крюкову.

Предполагалось, что мемориальный дом братьев Крюковых будет частью целого комплекса построек. По замыслу вдохновителя и организатора музея В.А. Ковалёва на территории усадьбы Музея декабристов предусматривалось строительство большого лекционного зала, зала приёмов и расширение экспозиционного пространства за счёт пристройки к дому ещё нескольких зданий. Однако этим планам не суждено было осуществиться: затянулась реставрация здания, в 1999 г. скоропостижно ушёл из жизни В.А. Ковалёв, начались проблемы с финансированием учреждений культуры, в т.ч. и музеев.

Долгое время территория усадьбы Музея декабристов оставалась без реконструкции. С начала организации и работы при музее клуба «Петербуржец», объединившего жителей и защитников блокадного Ленинграда, Музей декабристов начал работать по патриотическому направлению. Весной 2002 г. на территории усадьбы членами клуба «Петербуржец» и детьми подшефной средне-образовательной школы № 5 в память о декабристах был заложен фруктовый сад. Сначала был засажен небольшой участок, а затем в саду появилась вишневая аллея в память о декабристе Мозгалевском Н.О., посаженная потомками декабриста. Позднее – аллея члена президиума районного совета ветеранов Абрамовой Р.Н., аллея почётного гражданина, участника Великой Отечественной войны И.А. Коржавина. Сад разрастался, начал плодоносить.

Зима 2010-2011 гг. выдалась холодная и бесснежная, многие плодовые деревья замерзли и были повреждены. И вновь встала проблема благоустройства приусадебной территории музея. В 2012 г. Минусинск, получив высокое звание «Культурная столица Красноярья-2012», реализовал ряд ключевых проектов в городе. Вот тогда-то у Музея декабристов возникла идея проекта «Петербуржские сады в Минусинске», как дань памяти минусинским декабристам, которые сделали очень многое не только для развития сибирского садоводства, но и оказали влияние на развитие города в целом.

Идея создать на территории усадьбы музея уголок садово-парковой зоны в стиле XIX в. для отдыха, с плодовыми и садовыми насаждениями появилась не случайно, так как все декабристы являлись выходцами из дворянских семей Европейской России, где в то время было развито приусадебное и садово-парковое строительство. Даже находясь на каторге, в Чите и Петровском Заводе, декабристы устраивали маленькие сады. Вот как об этом писал Беляев А.П.: *«В большом каземате тоже был устроен нами садик, т.е. посажены были деревья, сделаны дорожки, где мы прогуливались, вспоминая о минувшем или мечтая о будущем».*³

Целью проекта являлось историко-ландшафтное благоустройство приусадебного участка музея, увеличение, благодаря этому, экспозиционного пространства и, как следствие, привлечение посетителей.

Реализация данного проекта решала следующие задачи:

- знакомство посетителей музея с деятельностью декабристов в период ссылки в Минусинске, их ролью в развитии сельского хозяйства, садоводства и огородничества;
- знакомство посетителей с русской парковой и усадебной культурой, с традицией отдыха и развлечений в XIX в.;
- формирование основ музейной культуры;
- развитие новых интерактивных форм научно-просветительской работы с посетителями.

В библиотеке Мартыановского музея была изучена литература XIX в. по садово-парковому и усадебному строительству, труды современных авторов. В фондах музея были найдены уникальные фотоснимки усадеб зажиточных минусинцев XIX в., по которым можно было составить представление об их устройстве, оформлении и насаждениях. Трудность заключалась в том, что общая площадь территории музея небольшая – 1700 кв. м. А так как площадь участка невелика, то было чёткое понимание, что реалистичности будет трудно добиться, так как русское классическое усадебное и садово-парковое строительство предусматривает большие территории. Да и сам дом скорее больше похож на дом обычного мещанина, чем на дворянскую усадьбу. При этом экспозиционное приусадебное пространство должно было быть решено таким образом, чтобы вся садово-парковая композиция не противопоставлялась дому, а составляла с ним единое целое. К тому же необходимо было учесть рекомендации учёных-садоводов XIX в. по устройству садов на небольших участках.

Решено было разбить участок на отдельные зоны: с правой стороны от дома – садово-парковая, которая бы служила напоминанием о Петербурге, слева – сибирская усадьба с огородом как напоминание о занятиях декабристов огородничеством в Минусинске, сюда входила бы также и интерактивная зона.

Главным художником музея О.А. Володиной был подготовлен эскизный проект «Петербуржских садов в Минусинске». Садово-парковая зона была разбита на несколько частей, для того чтобы показать все особенности русского парка XIX в.:

- придомовую территорию с цветником и деревянными портиками, небольшим фонтанчиком;

- территорию отдыха с «зелёными гостиными», где впоследствии будет устроена парковая мебель;
- зону отдыха с беседкой;
- зону отдыха с качелями-беседками;
- зону отдыха у воды (небольшой пруд, функционирующий в летнее время).

Планируется также устройство в традиции русского усадебного строительства уголка леса, который представит виды деревьев и кустарников средней полосы России.

Всю территорию усадьбы соединяют дорожки с установленными вдоль них фонарями в стиле Петербурга XIX в., а клумбы соответствуют цветникам, характерным для парков того времени.

Именно эта часть усадьбы должна стать зоной отдыха и местом проведения музейно-образовательных мероприятий по основам светской культуры.

Беляев А.П. отмечал: *«Находя, что, живя на наёмной квартире, неудобно было иметь огород, который бы доставил нам приятную и полезную работу, мы купили небольшой домик. Площадь перед домом летом покрывалась травой и представляла зеленеющий луг. Двор был обширный, покрытый тёмом, амбары, кладовые из превосходного леса. А за двором сзади усадьбы был огород...»*.⁴ Многие декабристы, будучи на поселении, имели огороды и занимались выращиванием овощей и бахчевых культур. Так, в одном из отчётов жандармского полковника Маслова (1829 г.) отмечалось, что в Минусинске проживают двое поднадзорных: обер-прокурор Сената Краснокутский С.Г. и подпоручик Кривцов С.И.: *«Краснокутский построил себе в Минусинске домик, завёл большой огород, занимается переводом географии Мальте-Брюна, обрабатыванием огорода, разведением табачной рассады и вишнёвых деревьев. Получает лучшие огородные семена и снабжает ими городских и деревенских жителей»*.⁵ О Кривцове С.И. он писал так: *«...весь день копается в огороде, поливает цветы и овощи»*.⁶

Поэтому не случайно с левой стороны от дома была устроена сибирская усадьба с огородом и хозяйственными постройками. Здесь также были посажены овощи, характерные для Сибири на протяжении многих лет: репа и редька, капуста и морковь, свекла, лук, огурцы, горох. Посажены пряные травы и растения: петрушка, укроп, мята, которые в Сибири стали выращивать в XIX в., благодаря опытным посадкам декабристов. Известен факт, что Мозгалевский Н.О. занимался улучшением бахчевых культур: арбузы и дыни можно и сегодня увидеть в огороде усадьбы. Декабристы Фаленберг П.И. и Фролов А.Ф. разводили посадки табака. Фаленберг даже выделял сигареты на продажу. В дальнейшем планируется представить в сибирском огороде и эту культуру.

Проектом предусмотрена интерактивная зона, где посетителям будет предоставлена возможность почувствовать себя настоящими огородниками, выполнить некоторые виды сельскохозяйственных работ, используя приспособления и инструменты XIX в., которые будут находиться тут же, под навесом. В настоящее время для детей разрабатывается цикл образовательных тематических программ по садово-огородной тематике. Ведь ни для кого не секрет, что современные дети иногда даже не знают, как, например, осуществляются посадка и копка картофеля.

Беляев А.П., вспоминая о своём беззаботном детстве, писал: *«За домом управляющего был сад, где мы гуляли, играли и качались на качелях»*.⁷ Поэтому в проекте запланировано устройство детского уголка с площадкой для детских игр и забав, на которой будут установлены все приспособления (деревянные качели, горки, барабаны, ходули и т.д.), характерные для XIX в., будет обустроена площадка для игры в крокет (5×11 м), популярной у минусинцев в то время.

Так как осуществление проекта требовало серьёзных финансовых и материальных затрат, его реализация была разделена на три этапа:

Подготовительный – зима-2011/12. Он включал в себя изучение литературы по теме, концептуальное описание проекта, подготовку эскизов и художественного решения проекта, изготовление и подбор элементов паркового интерьера. Было установлено сотрудничество с Федеральным государственным унитарным предприятием «Минусинское» Россельхозакадемии с целью заключения договоров на предоставление саженцев плодовых растений и кустарников, цветочной рассады и оказание консультативной помощи.

I этап – основной. Первоначально должен был начаться весной 2012 г., но в связи с техническими работами и установкой системы молниезащиты реализация этого этапа была перенесена на весну – лето 2013 г.

Он включал в себя разбивку и планировку территории, закупку и завоз на территорию расходных материалов (земли, перегноя, щебня, плитняка и т.д.), устройство и оформление насыпных дорожек и пруда, установку освещения, перенос хозяйственных построек в отдельную зону, скрытую от глаз посетителей, разбивку клумб, огорода, выравнивание территории, частичную установку парковой мебели (садовых беседок).

II этап – заключительный. Соответственно, ориентирован на весну-лето 2014 г. Планируется полное завершение проекта, окончание оформительских работ, осуществление построек и декора: беседки в сибирском стиле, парковой мебели, скульптур, вазонов, разбивка и посадка газонов, саженцев деревьев и кустарников, устройство детской зоны, установка оросительной системы. В планах устройство небольшой оранжереи.

Презентация первых шагов проекта «Петербургские сады в Минусинске» состоялась в день 16-летия Музея декабристов 13 августа 2013 г. в виде театрализованного представления. Впереди реализация следующего этапа.

Как писал академик Д.С. Лихачев, *«сад – это не мёртвый, а функционирующий объект искусства. Его посещают, в нём гуляют, отдыхают, размышляют, развлекаются – во всякую эпоху по-своему».*

Уверены, что проект «Петербургские сады в Минусинске» станет востребованным, интерактивным, призванным не только благоустроить усадьбу XIX в., но и донести до современников основы светской культуры, исторические традиции XIX в., а также привлечь внимание посетителей музея к его экспозициям, хранящих память об исторических событиях 1825 г. и судьбах декабристов, оказавшихся в далекой Сибири.

2013

Примечания:

¹ Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск, 1990. С. 199.

² Там же. С. 216.

³ Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск, 1990. С. 174.

⁴ Там же. С. 216.

⁵ Декабристы в Минусинском округе: К 100-летию юбилею восстания декабристов. 1825–1925 гг. // Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. Т. 3. Вып. 2. Минусинск, 1925. С. 3-4.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск, 1990. С. 27.

Л.Н. Новожилова

г. Минусинск

Экологическое направление в работе Минусинского музея. «День Енисея»

Сегодня как никогда перед человечеством стоит вопрос о необходимости изменения своего отношения к природе и обеспечения соответствующего воспитания и образования нового поколения. Экологическое образование и воспитание в современное время должно охватывать все возрасты, оно должно стать приоритетным в работе каждого культурно-просветительного учреждения.

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова имеет опыт экологического образования и воспитания подрастающего поколения минусинцев музейными средствами, который продолжает накапливать и развивать.

Через мир предметов, музей предоставляет прекрасную возможность познакомиться с постоянно меняющейся окружающей средой, с результатом антропогенного воздействия на природу.

За 136 лет своего существования Минусинский музей стал центром хранения, изучения, экспонирования памятников истории, материальной и духовной культуры, и конечно, уникальной природы Минусинской котловины. Музей хранит бесценные естественнонаучные коллекции, являющиеся основой деятельности музея и играющие огромную роль в экологическом образовании и воспитании подрастающего поколения. Основы рационального природопользования нужно закладывать с детства. При этом важно обращать внимание детей на взаимосвязь и взаимозависимость в природе.

Данная задача успешно осуществляется в Минусинском музее, ведь определение музея как «культурно-просветительское» учреждение устоявшееся, следовательно, одна из основных его функций – образовательно-воспитательная. Реализации этой функции в Минусинском музее уделяется особое внимание, так как дети (школьники, студенты и воспитанники детских садов) составляют большинство от общего количества посетителей.

Для этого в музее им. Н.М. Мартьянова имеются все необходимые условия: уникальный по своему разнообразию естественнонаучный фонд, конференц-зал на 90 посадочных мест, оснащённый современным оборудованием для демонстрации фильмов, слайдов и презентаций, и главное, постоянно действующая экспозиция, являющиеся центральным объектом изучения природы края. Использование компьютерных технологий помогает увидеть и понять красоту окружающего мира, развить и проявить способности, заложенные природой, изменить мировоззрение у ребят, осознание ими необходимости сохранения природы и соблюдения природоохранных законов.

Главная идея экологического воспитания реализуется через экспозиции музея – Этносы Саяно-Алтая, Развитие жизни на земле, Галерея древностей, Животный мир края. Посредством подлинных экспонатов посетители знакомятся с историей развития органической жизни на Земле, с растительным и животным миром, с историей и культурой, основой жизни, которых всегда являлись биологические ресурсы.

Музейный предмет содержит много полезной информации и с её помощью и средствами музея – экспозиции, выставки, экскурсии, музейных праздников можно добиться хороших результатов в формировании экологического мышления и поступков.

Надо отметить ещё один из аспектов музейной работы – эмоциональное воздействие на посетителей с помощью экспонатов, которое позволяет понятие «музей» сделать привычным и привлекательным для детей. Кроме того, что музейный предмет несёт в себе информацию, он вызывает у посетителей ещё и определённые эмоции – интерес, восхищение, желание узнать о нём больше и т.д. А если экспонат используется во время занятий, и дети имеют возможность рассмотреть его, подержать в руках, поработать с ним, то отдача от посещения музея возрастает. Экспонаты используются на различных интерактивных занятиях для развития воображения, интеллекта, эмоциональной сферы ребёнка. Любой предмет может подсказать тему для интересного разговора.

Современное человечество освоило и минеральные ресурсы – полезные ископаемые, без которых не представляется наша жизнь. Добыча тех или иных полезных ископаемых, которыми богата территория края, непременно ведёт к разрушению уникальных природных ландшафтов. Показать единство и гармонию всего живого на земле – задача музея, которую необходимо донести до каждого посетителя. Выставки музея позволяют в некоторой степени проследить, как научно-техническая революция воздействует на окружающую природную среду. Она очень наглядна – макеты, декоративно-прикладные работы, фотографии, картины художников о красоте края и многое другое. Всё это способствует приобретению экологических знаний, пробуждает интерес к познанию природы и уважительному к ней отношению.

Коренные жители всегда интуитивно чувствовали необходимость охранять окружающую их природу, устанавливая в ходе приспособления к ней правила, ограничения, запреты в рамках бытовой практики. Экологические традиции – это огромный пласт народной культуры. Традиции всегда передавались из поколения в поколения и сегодня они должны быть основополагающими в деле экологического образования.

В музее разработаны тематические и обзорные экскурсии с уклоном на экологическое воспитание. Экскурсии и мероприятия ориентированы на детей разных возрастных категорий и разделены на 2 группы – мероприятия для младших школьников и мероприятия для школьников среднего и старшего звена.

Все занятия проводятся с учётом сезонной периодичности тех или иных явлений в природе. В связи с этим сформирована чёткая система образовательно-воспитательного процесса. Например, 7 апреля День птиц, 5 июня Всемирный день охраны окружающей среды.

В период дошкольного возраста, в процессе целенаправленного воздействия, у детей можно сформировать азы экологической культуры – осознано-правильного отношения к явлениям, объ-

ектам живой и неживой природы, которые составляют их окружение в этот период жизни. При работе с детьми младшего школьного возраста успешно реализуется культурно-образовательная программа «Сохраним планету живой» по экологическому воспитанию. В программу входят изучение флоры и фауны юга края, знакомство с особо охраняемыми животными и птицами, занесенными в Красную книгу и др. В рамках программы проводятся занятия-экскурсии, игровые занятия и тематические мероприятия.

Общение с детьми строится в форме диалога, ребёнок становится активным его участником. Вопросно-ответный метод активизирует внимание и память ребёнка, он особенно ценен, когда создаётся проблемная ситуация. Например, во время занятия «Ночная жизнь леса», дети узнают о ночных обитателях леса, а комплекс вопросов, позволяет им самим сделать вывод, почему одни животные и птицы охотятся днём, другие ночью. В занятия включены игры. Игра – это естественное состояние детей младшего возраста, поэтому методика игры активно используется в ходе экологических занятий. Каждый ребенок включается в действие, имея возможность не только увидеть экспонаты, но и потрогать их. Все это вызывает у ребенка положительные эмоции. Например, на занятии «Вестники весны» дети слушают голоса птиц и представляют себя находящимися в лесу.

Важно не только дать детям различные представления и знания, но и закрепить их. Дети с удовольствием разгадывают загадки, составляют картинки. Иногда после занятия для закрепления полученных знаний им предлагается что-либо нарисовать, например животное, которое больше всего понравилось. Из рисунка можно сделать вывод, что ребёнок лучше всего запомнил, что почерпнул для себя в результате этого занятия.

Для детей среднего школьного возраста разработан отдельный цикл занятий, посвящённый редким и исчезающим видам животных края, занесённым в Красную книгу: например «Они должны жить». Мероприятие, посвящённое Всемирному Дню охраны окружающей среды. В основу мероприятия заложена увлекательная игра-путешествие по залам музея. Дети демонстрируют свои знания природы края, и умение ориентироваться, выполняя сложные испытания. На празднике дети участвуют в познавательных викторинах. В конце мероприятий те, кто лучше всех справился с заданиями, получают дипломы либо удостоверения участников, либо памятные подарки.

Дети среднего и старшего школьного звена – это подростки, которые подчас в силу психологических особенностей, присущих данному возрасту, часто показывают отсутствие интереса к коммуникации с чем-то незнакомым, чужим, например, с музейной экспозицией, при всех усилиях со стороны музейных сотрудников.

В то же время, подросткам нравится что-то делать, трогать и создавать, они любят быть в центре внимания, быть непосредственным участником процесса, а в музее приобретают первый личный музейный опыт.

Эта задача успешно решается на сравнительно новой форме мероприятия – экологическом празднике. В экологических праздниках могут принимать участие как школьники среднего и старшего звена, так и дети младшего возраста. Для того, чтобы сделать мероприятие наиболее интересным для детей, в программу праздника включены викторины и конкурсы. Фильмы, презентации, мастер-классы помогают получить и усвоить новую для детей информацию. В музее проводится ряд ежегодных экологических праздников.

Новейшей экологической датой в Красноярском крае является День Енисея. Указом губернатора региона Л.В. Кузнецова от 30 января 2012 г. последняя суббота сентября в Красноярском крае объявлена «Днём Енисея».

Праздник объявлен, «учитывая значимость реки Енисей для Красноярского края и России, в целях привлечения внимания общественности и бизнеса к проблемам реки, проведения эффективной политики и пропаганды экологических знаний».

Всем живым существам – растениям, животным и человеку – нужна чистая вода. Вместе с тем из года в год растёт антропогенная нагрузка на окружающую среду, в т.ч. на гидросферу. И оценка такого воздействия является обоснованной и целесообразной. В рамках проведения «Дня Енисея-2013», программы «Сохраним планету живой» и темы м.н.с. НПО Табачных А.В. «Экология водоёмов г. Минусинска и его окрестностей» проведено обследование некоторых водоёмов

г. Минусинска, Минусинского района, Республики Хакасия. Для выполнения измерений использовался базовый тестовый комплект, который включает один набор оборудования и достаточное количество реагентов для проведения 50 циклов тестов для измерения pH, растворенного кислорода, температуры и мутности. Полученные данные представлены в исследовательской работе. Выявлены проблемные зоны, которые, вероятнее всего, связаны с хозяйственной деятельностью человека. С целью пропаганды экологических знаний среди детей, разработана викторина для учащихся средних и старших классов «Лучший знаток реки Енисей». Она опубликована в научно-методическом журнале «Наука и практика воспитания и дополнительного образования» (М. № 6 2013). Статья «День Енисея» опубликована в иллюстрированном историческом и художественном журнале «Мир музея» (№ 9 2013).

День Енисея – это дополнительный повод привлечь внимание общественности, бизнеса, властных структур к проблемам реки. В этот день, согласно указу, организовываются экологические акции по очистке берегов Енисея, пленэры, субботники, где участвуют школьники, волонтеры. В 2013 г. праздник отмечался во второй раз, ввиду новизны этой даты традиции празднования находятся ещё в стадии формирования.

Музей активно принимает участие в распространении знаний о природе, её неповторимости и хрупкости. В данном направлении проводятся тематические экскурсии, выездные лекции, беседы, музейное ориентирование.

В рамках экологического праздника «День Енисея» проведены обзорные экскурсии. Информация экскурсантам подаётся в сжатом виде, но обязательно включает упоминания о реке Енисей. 28 сентября 2013 г. в лекционном зале музея прошла викторина «Лучший знаток реки Енисей». Для участия в викторине были приглашены учащиеся 7-х классов школы № 4 г. Минусинска. При подготовке и в ходе проведения викторины учащиеся узнали об истории возникновения праздника, дополнили свои знания о великой реке Енисей, узнали об экологических проблемах, связанных с нерациональным использованием водных ресурсов. По итогам викторины участники стали обладателями дипломов «Лучший знаток реки Енисей». Ежегодное участие в экологическом празднике «День Енисея» позволит расширять тематические блоки музея.

Альбомы, папки-раскладушки, памятки, буклеты, календарики – помогают оказывать помощь в экологическом просвещении для тех, кто учится и учит, несут информацию об особо охраняемых территориях, воспитывают у подрастающего поколения и родительской общественности любовь к природе родного края.

2013

А.С. Перевойкин
г. Абакан, Хакасия

Школьный музей им. В.Д. Черникова. Из опыта работы. Нужны ли сегодня музеи?

В музеях сосредоточена история нашей страны. Она позволяет не только увидеть как жили наши предки, но и ощутить атмосферу того времени. Кроме того, они способствуют патриотическому воспитанию подрастающего поколения, что является огромным плюсом подобных учреждений.

А начинается всё со школьного музея. Здесь также отражена история страны, только в миниатюре, то есть на примере данной местности. Поэтому главная задача школьного музея, состоит в том, чтобы ввести «растущего человека в рамки родной культуры, в духовную атмосферу того места, с которого начинается его судьба».

Большеничкинский школьный музей имени В.Д. Черникова проводит мероприятия, направленные не только на патриотическое воспитание учащихся, но и на сохранение культурных традиций с. Большая Ничка Минусинского района Красноярского края.

Началась история музея с 1974-75 учебного года. Именно в этот период школа готовилась достойно отметить 30-летие победы в Великой Отечественной войне. По инициативе учителя

математики Лазарева Ивана Павловича был начат поиск ветеранов 378-й Новгородской Краснознамённой дивизии, два полка которой формировались в городе Минусинске.

За это время учащиеся проделали большую работу. Они шаг за шагом прослеживали боевой путь многих ветеранов 1254 и 1256 стрелковых полков, разыскали 165 ветеранов дивизии.

В феврале 1975 г. в школе был проведён слёт ветеранов дивизии, на котором присутствовали 18 человек из Красноярского края. Они помогли установить адреса многих командиров и солдат. В частности бывшего первого командира 1256 стрелкового полка Дерзкого Григория Павловича и командира 2-й стрелковой роты этого полка старшего лейтенанта Ткачука Петра Степановича.

В 1978 г., силами учеников, в школе была оформлена комната боевой славы 378-й Новгородской Краснознамённой стрелковой дивизии. Спустя два года группа учащихся была приглашена на слёт ветеранов 378-й дивизии в Новгород.

За годы войны Верховный главнокомандующий Маршал Советского Союза И.В. Сталин неоднократно объявил благодарность всему личному составу дивизии. По неполным данным только за 1944 г. и январь 1945 г. награждено 3470 воинов. Шестерым присвоено звание Героя Советского Союза. Дивизия принимала участие в битве за Ленинград, и все воины награждены медалью «За оборону Ленинграда». Все участники боёв награждены медалью «За победу над фашисткой Германией».

В связи с победоносным окончанием Великой Отечественной войны и сокращением численности Вооружённых Сил, 378-ая стрелковая дивизия в марте 1945 г. расформирована, весь личный состав организованно подразделениями влился в 90-ю Гвардейскую Витебскую Краснознаменную стрелковую дивизию.

В 2009 г. музей Большеничкинской школы вошёл в число лучших в краевом фестивале школьных музеев, которым вручены дубликаты Красных знамён сибирских воинских формирований.

Ещё одним направлением деятельности школьного музея было создание экспозиции, посвящённой нашему земляку, дважды Герою Советского Союза Степану Ивановичу Кретову. В ходе поисковой работы была написана биография героя, собраны фотографии С.И. Кретьова, его семьи, а также погоны и фуражка прославленного лётчика. Старания школьников не прошли зря. В 1978 г. Министерство просвещения РСФСР присвоило школе имя С.И. Кретьова. 30 августа состоялась торжественная линейка, посвящённая началу нового учебного года, на которой директор школы В.Д. Черников зачитал приказ министра и поздравил всех с присвоением школе имени С.И. Кретьова.

В 1980 г. исполнилось 50 лет развитию колхозного дела в с. Большая Ничка. Была подготовлена экспозиция, посвящённая колхозу «Ленинский путь», который до 1961 г. носил имя К.Е. Ворошилова. Учащиеся школы собрали огромный материал, включающий воспоминания людей, принимавших участие в создании колхоза, их фотографии, статистические показатели и т.д. Большое внимание было уделено Минусинскому сортоиспытательному участку и Ольге Никоновне Уставщиковой, человеку долгое время возглавлявшего его. В 2007 г. экспозиция музея была дополнена и расширена

Война в Афганистане в СССР не афишировалась. И мало кто знал, что в этой далёкой стране идёт война. Во все концы нашей необъятной Родины шли похоронки. Одна из них пришла и в семью Бушиных. В извещении № 23701 было сказано, что «майор Бушин Геннадий Константинович, выполняя боевое задание, верный присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 16 апреля 1982 г.». Учащиеся школы решили увековечить память о нашем доблестном земляке. Была создана экспозиция, посвящённая Г.К. Бушину. Огромную помощь в её создании оказала семья Геннадия Константиновича, которая передала в музей его летнюю форму и зимнюю шинель, а также фотографии.

Недавно экспозиция, посвящённая нашим землякам участникам локальных войн, пополнилась ещё несколькими экспонатами. Это портрет Сливина Юрия Николаевича (10.10.1958 – 10.12.1982) и его блокнот, которые передала в музей Сливина Зоя Николаевна, мать погибшего воина.

Герои не должны быть забыты. Поэтому каждый год, 15 февраля, проводится торжественная линейка, посвящённая выводу советских войск из Афганистана. На этом мероприятии присутствуют ветераны из города Минусинска и Минусинского района. Здесь они вспоминают свою службу, погибших товарищей.

Рубеж 80-90 гг. XX в. стал новым этапом в истории школьного музея. Связан он был с деятельностью Автайкиной Людмилы Викторовны. Она решила добавить новые экспозиции. С этой целью все экспонаты были перенесены в более просторное помещение (бывших мастерских). Создан интерьер избы, в которой жили наши предки. Появилась экспозиция, посвящённая истории нашей школы, где помимо традиционных школьных принадлежностей (учебников, тетрадей, карандашей и т.д.) представлены фотографии учеников, закончивших школу с золотой и серебряной медалью.

В 2002 г. педагогический совет школы решил присвоить музею имя В.Д. Черникова, человека много сделавшего для его развития.

Сын Василия Дмитриевича, Владимир, решил также внести свой вклад в развитие музея. Благодаря его спонсорской поддержке была проведена реэкспозиция, появились новые витрины.

В настоящее время Большеничкинский школьный музей им. В.Д. Черникова играет значительную роль в жизни школы. Во-первых, здесь проводятся патриотические мероприятия, направленные на воспитание в подрастающем поколении чувства любви к своей Родине, долга и ответственности перед ней. Во-вторых, для поддержания культурных традиций нашего села проводятся мероприятия в «русской избе». Так, ежегодно, в крещенские вечера для детей проводится яркое, развлекательное мероприятие с народными играми, гаданиями, угощениями. А заканчивается праздник на улице, где дети и взрослые с удовольствием водят хороводы, прыгают через костёр.

На протяжении последних лет актив музея участвует в проектной деятельности. Проект «Истоки» стал победителем регионального конкурса «Музей года. Южная Сибирь» в номинации «Музей – туристический центр Южной Сибири-2010 г.». В настоящее время с. Большая Ничка и школьный музей входит в туристический маршрут «Домик в деревне». Музей сотрудничает с туристическим агентством «Сибирь-транзит», и «София-тур».

Проект «Память поколений» стал победителем краевого конкурса «Проектная идея детского общественного объединения» (2010 г.). Проект «Чтобы помнили» – победитель краевого конкурса «Социальное партнерство во имя развития» (2011 г.).

На базе музея работает стажёрская площадка Управления Образования администрации Минусинского района по патриотическому воспитанию.

Ядром всей этой работы является ученическое объединение «Краевед», которое существует на протяжении 15 лет и является постоянным участником и призёром районного краеведческого марафона «Мой край Минусинский».

Музей тесно сотрудничает с Минусинским музеем им. Н.М. Мартянова. На базе школы проходят Музейные десанты (этнографические мероприятия, лекции научных сотрудников и т.д.). Учащиеся школы имеют возможность пользоваться архивами регионального музея и города Минусинска, а материалы школьного музея (копии фотографий, исследовательские работы и т.п.) пополняют эти архивы.

2012

Примечания:

¹ Мужайло Т.И. Роль школьного музея в патриотическом воспитании молодёжи. Мартяновские краеведческие чтения (2003 – 2004 гг.). Абакан. «Светоч». 2005. С. 56

² Гордость земли минусинской. Красноярск. Буква. 2001. С. 309

Ч.В. Сарыглар,
г. Кызыл, Республика Тыва

Сохранение культурного наследия с помощью мультимедийных технологий

Особую роль в формировании медиапространства в республике играет Государственное бюджетное учреждение «Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Тыва», которая в своём фонде сосредоточила значительный массив печатной информации и стала основным книгохранилищем республики.

Ежегодно услугами библиотеки пользуются более 15 тыс. читателей, им выдаётся более 400 тыс. изданий в год, количество посещений составляет 96 тыс. Фонд библиотеки – 565 750 тыс. экземпляров, в т.ч. документы и аудиовизуальные материалы – 559 558 экз., книги на тувинском языке – 27 000 тыс. экземпляров.

Обеспечивая читательское обращение, Национальная библиотека призвана сохранять накопленные фонды. Уникальные, редкие и ценные документы хранятся в секторе книжных памятников. В фонде сектора хранится 1454 редких книг, из них, обладающих признаками книжных памятников – 30 папок с рукописными нотами и 319 печатными изданиями XIX и перв. пол. XX веков.

С целью сохранения фонда редких и ценных книг Национальная библиотека стала переводить редкие документы в цифровой формат. В 2011 г. в рамках республиканской целевой программы «Модернизация библиотечной системы Республики Тыва» для оцифровки книг приобретён планетарный сканер ЭЛАР ПланСкан серии «А». Оцифровка книжных и газетных носителей производится в зале оцифрованных документов отдела информационных услуг через планетарный книжный сканер. Оцифрованные документы записываются на CD-rom диски и передаются в сектор книжных памятников. В настоящее время передано 346 дисков. Материалы оцифрованных документов представлены в форматах: pdf и tiff.

В оцифровку включены книги по признаку исторической, художественной и музейной ценности изданий, с целью создания особых условий для хранения и использования произведений печати. Оцифрованные книги имеют особое научное и историко-культурное значение для Республики Тыва.

Фонд оцифрованных изданий включает следующие виды печатной продукции: книги, брошюры, газеты, журналы, картографические издания. Также в фонд включаются фотоматериалы краеведческой тематики. На данный момент оцифровано 752 документа из редкого и краеведческого фондов: из них 434 книг, 75 брошюр, 37 журналов, 12 газетных статей, 164 фотографий, 3 карты, 26 таблиц, 1 альбом.

Фонд оцифрованных изданий представляет собой собрание отечественных и иностранных публикаций, а также коллекций книг и периодических изданий, сформированных из изданий более позднего периода на тувинском, русском и латинском языках (всего на русском языке – 304 книги, на тувинском – 205 и латинском – 49). Главная специфическая черта оцифрованных документов состоит в том, что у тувинского народа национальная письменность создана на основе нескольких шрифтов, что давало возможность читателю в сложившихся социально-исторических обстоятельствах получать источники информации на разных языках.

Хронологические рамки оцифрованных документов: с 1833 по 2013 гг. Основной фонд оцифрованных документов включает в себя следующие издания:

- Отечественные издания до 1917 г.;
- Издания периода первой русской революции (1905-1907 гг.);
- Издания первых лет Советской власти и образования Тувинской Народной Республики (1917-1940 гг.);
- Издания периода Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.);
- Книги с автографами выдающихся деятелей Республики Тыва (1934-2006 гг.);
- Первые издания произведений национальной литературы (с 1931г.);
- Сибирские издания (1912-1986 гг.);
- Издания местной печати (1900-2006 гг.);
- Отечественные периодические издания (1858-1971 г.г.);
- Местные периодические издания (2012-2013 гг.);
- Миниатюрное издание (1981 г.);
- Печатные издания, представляющие художественную ценность (1901-2006).

Перечень оцифрованных документов отражается в общей системе каталогов сектора книжных памятников Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина.

В рамках реставрации и сохранения фонда редких и ценных книг республиканской библиотекой разработан проект «Книжные памятники Тувы в Интернете», целью которого является создание Интернет-ресурсов, обеспечивающих доступ к национальным памятникам письменной куль-

туры Тувы. Одним из приоритетных задач проекта является содействие реализации федеральной целевой программы многоязычного Интернета и обеспечение свободного доступа к цифровым версиям национальных памятников письменной культуры тувинцев. В связи с этим на официальном сайте lib.rtyva.ru предоставлен список оцифрованных книг и регулярно размещается информация о виртуальных выставках коллекциях книжных памятников.

Для эффективного изучения, сохранения и использования культурного наследия народов, проживающих в Республике Тыва, Национальной библиотекой им. А.С. Пушкина осуществляется комплексная библиографическая и полнотекстовая база данных, электронная коллекция о Туве: «Этнография старообрядцев Тувы», к 100-летию единения России и Тувы». Электронные коллекции наряду с библиографической информацией будут содержать значительные массивы фактических данных и полные тексты: электронную библиотеку (монографии, статьи из научных сборников и периодических изданий), будут представлены фото-, видеоматериалы, экспедиционные материалы. В качестве консультантов привлечены научные работники Тувинского государственного университета, Тувинского института гуманитарных исследований и ГПНТБ СО РАН.

Изучение роли мультимедийных технологий по сохранению культурного наследия позволило охарактеризовать деятельность Национальной библиотеки как хранилища национальных памятников письменной культуры Тувы. Подводя итоги, можно сказать, что сохранение письменного культурного наследия тувинцев проходит под влиянием общественно-политической и культурной жизни страны. Технологии мультимедиа всё более активно используются в Национальной библиотеке для сохранения и популяризации материального культурного наследия.

Перевод информации в цифровой формат является элементом демократизации культуры и распространения работ, созданных в сфере культуры, приобретает важную роль в обеспечении прав человека на свободный доступ к информации. Но всё ещё существуют проблемы, которые необходимо решить. Это, прежде всего, касается оборудования и сетей распространения, а также подготовки специалистов. Приходится учитывать качество конечного изображения, формат, в котором оно хранится, его описание, предназначение и условия сохранности. Требуются соответствующие мероприятия и сложное программное обеспечение для защиты от нарушителей закона о праве на интеллектуальную собственность.

2013

Примечания:

¹ Монгуш, Ч.В. Роль библиотек в формировании медиапространства и распространении чтения в Республике Тыва (1921-1991 гг.) // Круг знания : науч.-информ. сб. для б-к / НБ им. А.С. Пушкина Респ. Тыва ; отв. ред. О.В. Фенцель. – Кызыл, 2011. – Вып. 6. – С. 49-50.

² Отчёт о работе Национальной библиотеки за 2011 год / НБ им. А.С. Пушкина Респ. Тыва. – Кызыл, 2012. – 20 с.

³ Фенцель, О.В. Становление, развитие и перспективы возрождения книжных памятников Республики Тыва / О.В. Фенцель // Круг знания : науч.-информ. сб. для б-к / НБ им. А.С. Пушкина Респ. Тыва ; отв. ред. О.В. Фенцель. – Кызыл, 2012. – Вып. 7. – С. 21.

Е.Д. Трухан,
г. Новокузнецк

**Особенности проведения экскурсий в образно-сюжетной экспозиции:
на примере Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского**

Появление в 80-90-х гг. XX в. музейно-образных и образно-сюжетных экспозиций актуализировало ряд музееведческих вопросов, среди которых проблема методов и форм работы экскурсоводов с посетителями в экспозициях художественного типа была и остаётся одной из ключевых.

Не исключение в этом смысле и Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, где в 1996 г. была открыта постоянная образно-сюжетная экспозиция «Кузнецкая путеводительница», раскрывающая роль кузнецких событий в жизни и творчестве гения мировой литературы. Авторами экспозиционного проекта стали московские специалисты лаборатории

музейного проектирования Российского института культурологии МК РФ и РАН: сценарист, музеевед, кандидат исторических наук (ныне – доктор), ведущий научный сотрудник Т.П. Поляков и член Гильдии художественного проектирования Московского Союза художников, обладатель Золотой медали Академии художеств Л.В. Озерников. Значительный вклад в формирование общего музейного облика, разработку отдельных экспозиционных элементов (функционально-декоративных комплексов) внесли новокузнецкие художники: Е.П. Башарина, И.Б. Бессонов, В.А. Ерофеев, Р.Ю. Кожевин, И.А. Сизова, П.Г. Тиманов.

В 2011 г. новокузнецкой образно-сюжетной экспозиции «Кузнецкая путеводительница» исполнилось 15 лет. За это время музеем Достоевского был накоплен богатый опыт проведения экскурсий, который положил начало данному исследованию.

Ядром экспозиции «Кузнецкая путеводительница» стали выработанная сотрудниками музея научная концепция и скромный фонд материальных источников, сформированный с 1991 по 1996 годы. К моменту создания экспозиции Новокузнецкий музей Достоевского располагал единственным мемориальным экспонатом – «домом, где в 1857 г. жил писатель Достоевский». Остальные предметы коллекции представляли собой типологические вещи XIX века. Такая ситуация сохраняется и в настоящее время: новокузнецкий музей Достоевского испытывает «проблемы с количеством и качеством музейных предметов», но не «со сложностью и загадочностью обозначенной темы». Поэтому для создания экспозиции был выбран образно-сюжетный метод, представляющий художественное направление в экспозиционном проектировании.

Экспозиция «Кузнецкая путеводительница» – это пять концептуально, сюжетно и пластически объединённых залов, формирующих художественно-мифологическую модель мира Достоевского. Это монолог-размышление писателя о будущей встрече с любимой женщиной после смерти, но не в реальном, а в мифологическом времени. По замыслу музейного сценариста Т.П. Полякова, ключом к образно-сюжетной экспозиции «Кузнецкая путеводительница» является один уникальный сюжет, который может существовать только в данном пространстве – дневниковая запись, сделанная Достоевским у гроба М.Д. Исаевой 16 апреля 1864 г.: «*Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?...*» В процессе экскурсии посетителей ожидает погружение в видения и видения Достоевского и знакомство с чередой женских ликов, объединённых одним образом – Марии Дмитриевны Исаевой, первой жены писателя.

Задолго до открытия новой экспозиции перед сотрудниками музея остро встал вопрос: как проводить в ней экскурсии, ведь для достижения главной познавательной музейной цели использованы совершенно иные принципы организации времени и места, другие механизмы воздействия на посетителя? Было понятно, что классические экскурсионные методики полностью не удовлетворят ни посетителя, ни экскурсовода, так как не смогут донести всей глубины и сложности музейного материала.

В ответ на насущный вопрос музейщиков Т.П. Поляков и Л.В. Озерников предложили создать виртуального экскурсовода. К моменту открытия новой экспозиции появился уникальный аудиоспектакль, действующие лица в котором – работники музея и актёры Новокузнецкого драматического театра. Спектакль-экскурсия – это аудиальное путешествие по главным тематическим разделам экспозиции: «Дорога», «Уездный Кузнецк», «Мордасовский салон», «Любовный треугольник», «Венчание». Каждый раздел аудиоспектакля – причудливая вязь музыкального оформления и разных по стилю, времени написания текстовых элементов: писем и записных книжек Достоевского, документов, воспоминаний современников, отрывков из литературных произведений, философских размышлений. Безусловно, появление оригинального аудиоспектакля в постоянной экспозиции открыло яркую и неожиданную страницу в экскурсионном обслуживании, но оно не отменило желание посетителей организовать живую, активную коммуникацию и, главное, до конца не решило вопрос: как всё-таки вести экскурсию в образно-сюжетной экспозиции?

Первоначально экскурсия по образно-сюжетной экспозиции представлялась сотрудникам только как «дешифровка» главных экспозиционных образов в трёх смысловых планах: событийном (биографические факты), философском (осмысление происходящего, религиозные основы воззрений Достоевского), творческом (кузнецкие темы и мотивы в произведениях Достоевского). Следовательно, главной задачей экскурсовода оставалось донести до посетителя три смыс-

ловых пласта, которые «растворены» в экспозиционном сюжете и образах. Долгое время экскурсоводы, искренне пытаясь представить отдельные образы в трёх ипостасях, отмечали, что их экскурсия «распадается на куски», что совершенно не удаётся сохранить общее впечатление, то есть целостность самого экспозиционного образа. Поэтому, идя по пути наименьшего сопротивления, каждый стал выбирать более близкий для него способ познания и подачи экспозиционного материала (определённый смысловой план), при этом два других, в лучшем случае, лишь изредка возникали в процессе экскурсии. Таким образом, поиск собственного «я» в образно-сюжетной экспозиции сводился к выбору одного из трёх смысловых пластов. Бесспорно, такая односторонность не соответствовала сложности темы, и, оставляя посетителя неудовлетворённым, нивелировала уникальность самой образно-сюжетной экспозиции.

Но со временем экскурсоводы уяснили, что в их путешествиях по образно-сюжетному пространству существует одно общее правило: все элементы экскурсии должны нанизываться на экспозиционный сюжет, обогащать и поддерживать его динамику. Ведь создание экскурсионного текста в образно-сюжетной экспозиции – это движение и развитие экспозиционного сюжета, а не описание каких-либо экспонатов или коллекций, не представление событий в хронологической последовательности. Именно сюжет не позволяет экскурсии рассыпаться на отдельные элементы, помогает полнее раскрыть образы, создает законченность художественно-мифологической картины мира Достоевского.

Вести экскурсии в образно-сюжетной экспозиции, как показывает опыт работы сотрудников Новокузнецкого музея Достоевского, значительно труднее, чем в экспозициях традиционных типов, так как кроме передачи познавательной информации и положительных эмоций в обязанности экскурсовода входит продвижение экспозиционного сюжета до его логической развязки. Для этого требуются определенные навыки, но именно их выработка и приносит экскурсоводу особое удовлетворение, формирует банк новых экскурсоводческих открытий.

Благодаря появлению образно-сюжетной экспозиции были внедрены новые типы экскурсий. На первых этапах работы – виртуальная аудиоэкскурсия и комбинированная экскурсия, затем – экскурсия с элементами театрализации, экскурсия-исследование, экскурсия – «поток сознания», экскурсия «театр одного актера». Выбор какого-либо типа экскурсии зависит от индивидуальности экскурсовода, его предпочтений и раскрывает разные способы познания художественного мира.

Но какой бы тип экскурсии не возникал в образно-сюжетной экспозиции, посетители и экскурсовод всегда попадают в ситуацию *со-переживания*, *со-творчества*, *со-причастности* событиям прошлого.

Образно-сюжетный метод диктует экскурсоводу характерные формы диалога с музейным посетителем и специальные приёмы, которые помогают постичь язык экспозиции художественного типа, удерживают и активизируют внимание, сохраняют напряженность экспозиционного сюжета. Рассмотрим их применительно к трём основным частям экскурсии: введению, основной части, заключению.

Вводная часть экскурсии по образно-сюжетной экспозиции – важный этап подготовки посетителя к восприятию нового музейного пространства. На этом этапе экскурсоводу рекомендуется следующее. Во-первых, предварить свой рассказ краткой справкой о существующих в музееведении способах демонстрации экспонатов и сделать акцент на том, что в экспозициях художественного типа господствуют другие законы: литературного жанра, ассоциативности (переклички, воспоминания, неожиданные сопоставления, лирические отступления), отсутствия хронологической последовательности, подчинения единому сюжету и др. Во-вторых, экскурсовод должен донести до посетителей мысль об экспериментальности музейного пространства, которое предполагает и экспериментальные методы подачи материала. В-третьих, следует настроить аудиторию на нетрадиционное восприятие экспозиционного текста: разбудить в ней творческое мышление, способность сопереживать, постигать экспозицию художественно, образно-символически, культурологически, а не рационально-логически. В связи с этим во введении как части экскурсии уместно использовать следующие приёмы: моделирование ситуаций парадокса и загадки, создание интриги («В России музеи с образно-сюжетной экспозицией – большая редкость, один из них вы посетите сегодня»); игра с экскурсантами («Достоевский провел в Кузнецке всего 22 дня, совершил 3 поездки, но не написал здесь ни строки. Вот, собственно, и все биографические

данные. Знатоки истории, удовлетворившие свой интерес, могут быть свободны»); риторический вопрос («Могут ли 22 дня быть длиной в жизнь?»); «культурологический ликбез» (уместно начинать экскурсию с визуального знакомства с мемориальным домом писателя и усадьбой, постепенно вводя культурологическую, образно-символическую информацию об устройстве дома и его частей, «превращая» обыкновенное деревянное строение в дом-храм, дом-тело, а экспозицию внутри него – в метафору внутреннего монолога писателя).

Отправной точкой для создания основной части экскурсии в образно-сюжетной экспозиции являются экспозиционный сценарий и сюжет. Переходя из зала в зал, каждый посетитель, в зависимости от уровня культуры и степени знакомства с жизнью и творчеством писателя, постигает своего Достоевского, а значит, творит свою художественно-мифологическую картину мира.

Продвижение экспозиционного сюжета – главное в проведении экскурсии по образно-сюжетной экспозиции. При этом экскурсовод должен оставить для посетителя свободу выбора в постижении представленного материала. Работая над формированием художественной картины мира посетителей, следует активизировать процесс их познания, иногда даже разрушать стереотипы: «принято считать, что..., но на самом деле источники говорят иное», «до недавнего времени было известно, но в ... году достоевсковеды нашли новые документы...». События и факты рекомендуется представлять как столкновение разных точек зрения, разных голосов, трактовок. Это подступы к сложному полифоническому миру Достоевского.

Приёмы, которые используют в основной части экскурсии, многообразны. Например, «шоковая терапия» (первой фразой, произнесённой внутри экспозиции, может стать: «Все начинается со смерти...»); создание особой атмосферы приобщения (экскурсовод берет на себя роль проводника, который вслед за писателем вводит посетителей в круг посвящённых в процесс создания произведений); эффект припоминаний, постоянных возвращений к образам в предыдущих залах, поиск созвучий в литературе, жизни, культуре (экскурсоводом создаются наслоения смыслов, называются временные пласты); развёртывание (толкование) определённого мотива, образа, какой-либо темы в рамках экспозиционного сюжета (например, «грозное чувство», тема Рождества, мотив таинственности происходящего и др.); воспроизведение какого-либо значимого яркого эпизода из жизни писателя в лицах (например, момент смерти писателя, открылось «Евангелие от Матфея» глава 3, ст. 14-15); стимулирование любопытства посетителей (в музее постепенно отворяются двери в закрытые залы, при посетителе открываются задрапированные тканью экспонаты); превращение экскурсии в поток сознания экскурсовода, части которого связаны друг с другом ассоциативно; выявление символической сущности вещей в бытовых предметах (кухня в доме – «кухня страстей человеческих»).

Для сохранения эмоциональной напряжённости сюжета можно создавать картины из жизни Достоевского «словесными мазками», используя номинативные нераспространённые предложения, простые нераспространённые двусоставные предложения, безличные глаголы. Напряжённость сюжета питают риторические фигуры, в т.ч. – троекратное повторение вопроса, паузы, демонстрирующие размышление экскурсовода, а также игровой момент (умение правильно группировать факты и рассматриваемые экспонаты; манипулировать восприятием посетителей, выносить на первый план незначительные, на первый зрительский взгляд, детали; представить динамику, внезапность, непредсказуемость события, развязки сюжета).

Завершать экскурсию по образно-сюжетной экспозиции нужно в соответствии с законами художественного жанра. Следует логически закончить экспозиционный сюжет и ещё раз вернуться к темам и проблемам экспозиции. В части «заключение» рекомендуется использовать следующие приемы: открытый финал (вопросы, которые были затронуты, остаются «вечными вопросами»); кольцевая композиция (возвращение к первой фразе, с которой началось путешествие по экспозиции); движение по спирали (потенциальная возможность повторения экскурсии, но уже на другом, более высоком уровне осознания материала).

Список характерных особенностей экскурсий, которые рождаются в образно-сюжетной экспозиции, остаётся открытым. Выявление и применение на практике тех или иных приемов зависит от конкретного экскурсовода и формируемого им типа экскурсии.

Литература:

1. Ащеулова Т.С. Памятка экскурсовода. – Новокузнецк, 1996. – Фонд МУК «Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского». – НВ-113.
2. Емельянов Б.В. Экскурсоведение. // [Электронный ресурс]. – 2011. – http://tourlib.net/books_tourism/ekskurs24.htm
3. Каулен М.Е. Экспозиция и экспозиционер: конспект лекций. – М.: АПРИКТ, 2001. – 64 с.
4. Каулен М.Е. Музей или не-музей? // Музей. – 2010. – № 8. – С. 4-11.
5. Куренышев А.А. К вопросу о методах построения музейных экспозиций: продолжение дискуссии // Музей в современном мире: традиции и новаторство. – М.: ГИМ, 1999. – С. 165-180.
6. Методика и техника проведения экскурсий // [Электронный ресурс]. – 2011. – <http://sajaxat.mi.ru/Exkurs/Virtual/3.htm>
7. Михайловская А.И. Музейная экспозиция. – М.: Советская Россия, 1964. – 518 с.
8. Монахова И. Долгий путь к музею Гоголя // Мир музея – 2008. – № 3. – С. 38-41.
9. Монахова И. «Вырасти выше духом» и создать полноценный музей Гоголя // Мир музея – 2009. – № 8. – С. 10-14.
10. Озерников Л.В. Макет экспозиции «Кузнецкая путеводительница» новокузнецкого мемориального дома Ф.М. Достоевского. – 1996. – Фонд МУК «Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского». – НВ-1053.
11. Озерников Л.В. Музей бессонницы // [Электронный ресурс]. – 2011. – <http://merkab.narod.ru/ozern.html>
12. Петрова М. Дом Гоголя. На грани мемориального и сценического // Мир музея – 2009. – № 4. – Стр. 28-31.
13. Подготовка и проведение экскурсий. Методические рекомендации. – Отв. за выпуск Б. В. Емельянов // [Электронный ресурс]. – 2011. – <http://www.skitalets.ru/books/metod/excursion/>
14. Поляков Т.П. «Кузнецкая путеводительница» («Кузнецк в жизни и творчестве Достоевского»): сценарий экспозиции литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского – 1996. – Фонд МУК «Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского». – Шкаф 8. – КП-2571, ПП-1526.
15. Поляков Т.П. История и мифология в музейной экспозиции (на примере сценарной концепции экспозиции Калининградского областного историко-художественного музея) // Музееведение. На пути к музею XXI в.: музейная экспозиция (сборник научных трудов). – М.: АПРИКТ, 1996. – С. 219-238.
16. Поляков Т.П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). – М.: Российский институт культурологии. – 1996. – 254 с.
17. Поляков Т.П. Мифология музейного проектирования или «Как делать музей» – 2. – М.: АПРИКТ, 2003. – 456 с.
18. Поляков Т.П. Двадцать лет работы, или шесть уроков музея Маяковского // Музей. – 2009. – № 12. – Стр. 44-51.
19. Поляков Т.П. Музейная колея, или о методах и технологиях проектирования музейных экспозиций // Музей. – 2010. – № 4 – С. 66-71.
20. Поляков Т.П. Музейная колея, или о методах и технологиях проектирования музейных экспозиций (окончание) // Музей. – 2010. – № 5. – С. 40-46.
21. Розенблюм Е.А. Время и пространство в музейной экспозиции // Музееведение. На пути к музею XXI в.: музейная экспозиция (сборник научных трудов). – М.: Российский институт культурологии, 1996. – С. 177-194.
22. Экскурсионная деятельность // [Электронный ресурс]. – 2011. – http://www.admhmao.ru/tourism/inf_tur/ekskursii/exkurs_deit.htm
23. Юренева Т.Ю. Музееведение. – М.: Академический проект, 2004. – 560 с.

Г.А.Тюренкова,
п. Шушенское

**Рекреационные возможности архитектурно-этнографического комплекса
«Новая деревня» музея-заповедника «Шушенское»**

За более чем 80-летнюю историю своего существования музей-заповедник «Шушенское», как и другие музеи, претерпел огромное количество изменений и трансформаций. С 1993 г. он существует в новом качестве: из идеологического учреждения, каким он был со времени создания, он превратился в учреждение культуры с разнообразными формами работы. Историко-этнографический

музей-заповедник «Шушенское» – это сложная многоуровневая система, решающая ряд социально значимых задач, среди которых всё более заметные позиции занимает организация досуга.

Праздники, устраиваемые музеем – «Широкая Масленица» и «Троица в деревне» давно стали событиями регионального уровня. Фольклорный ансамбль «Плетень», кукольный театр «Сундучок», этнографический театр, мастер-классы по освоению ремесёл, многочисленные творческие проекты сотрудников, реализуемые в музее – вот далеко не полный перечень того, что предлагает сегодня музей для организации досуга посетителей.

С появлением нового отдела архитектурно-этнографического комплекса «Новая деревня» этот перечень стал гораздо шире: теперь можно попариться в бане, погулять в музейном парке семейного отдыха и даже пожить в крестьянском доме.

Оказавшись в «Новой деревне», посетители музея становятся уже не просто экскурсантами, пришедшими в музей на экскурсию или другую краткосрочную программу, они становятся участниками программы «Погружение в жизнь и быт сибирских крестьян кон. XIX – нач. XX вв.», которая длится, как минимум, сутки. А музей, в свою очередь, говоря на языке туроператоров, предоставляет эксклюзивный тур, программу отдыха для людей, интересующихся историей и этнографией, мечтающих отдохнуть от городской суеты, вдохнуть свежего сельского воздуха, отведать экологически чистых, натуральных продуктов, позаниматься совершенно новыми для городского жителя видами деятельности.

Чтобы упростить процесс разработки программы пребывания гостей, сотрудниками отдела подготовлены информационные материалы для рассылки по электронной почте с фотографиями и описаниями домов, усадеб и услуг, сделана презентация, дающая довольно полное представление об услугах «Новой деревни» и музея. Изучив всё это, потенциальные клиенты высказывают свои пожелания; составляется программа по часам: уточняется время заезда и выезда, подбирается подходящая усадьба для ночлега в крестьянском доме, согласуется пункт программы под названием «Русская кухня», время экскурсий, мастер-классов и развлекательных программ, делается предварительный расчёт за услуги. Затем программа корректируется и утверждается.

Целевая аудитория очень разнородна: от обычных туристов до vip-клиентов, от семейных групп до групп, приезжающих на семинары, конференции и корпоративные мероприятия, от малолетних детей до людей пожилого возраста. Поэтому для того чтобы сделать максимально интересную и содержательную программу для каждой группы, необходимо тщательно изучать их потребности и предпочтения. По прошествии более двух лет, можно сделать некоторые выводы.

Всем без исключения постояльцам важно, чтобы им были рады, чтобы было чисто, красиво, комфортно. Зайдя на территорию «Новой деревни», войдя в дом, посетители уже оказываются в атмосфере, располагающей к отдыху: крестьянский дом, деревенская обстановка, спальное место на печи – это уже развлечение, для некоторых – даже аттракцион.

Следующий пункт программы – русская кухня. Полноценное, вкусное питание – очень важный, если не сказать, самый важный аспект успешности программы. Тыквенная каша, жаркое «по-таёжному», тюрю, солёные огурцы и капуста, блины – традиционные, известные и любимые блюда. Являясь предприятием общественного питания государственного учреждения, столовая должна строго придерживаться определённых правил, ориентироваться на поставки продуктов, соблюдать санитарные нормы и правила, поэтому такие блюда, как вяленая медвежатина, мало-солёный хариус, парное молоко и солёные грузди с домашней сметаной – довольно проблематичны. Но сотрудники столовой, понимая, что от их хорошей работы зависит престиж всего музея, стараются угодить вкусам самых требовательных посетителей. Из последних новшеств – праздничная выпечка, пирог «Брусничник». На новогодние праздники в планах – рыбная кулебяка в форме рыбы и пироги-расстегаи с разнообразной начинкой.

Культурно-развлекательная составляющая «Погружения...». Обзорная экскурсия – неотъемлемая часть почти каждой программы. Часто заказывают мастер-классы по гончарному ремеслу и изготовлению традиционной куклы. Отзывы очень хорошие, постоянно отмечается высокий профессиональный уровень экскурсоводов и мастеров.

Развлекательные программы с участием творческих коллективов заказываются редко, но всегда проходят хорошо. Особой популярностью по причине своей универсальности и демократич-

ности пользуется программа «К нам на чай». В новогодние каникулы планируется опробовать зимний вариант игровой программы с ёлкой, горкой, снежными бабами и катанием на лошади «Народные игры и забавы» и «Рождественская вечерка» комплексная программа с гаданиями, мастер-классом по изготовлению куклы-ангела и другими крестьянскими развлечениями. Фотографирование в этнографическом пространстве – очень востребованная услуга. Хотелось бы, чтобы каждый участник программы погружения мог, при желании, носить народный костюм всё время пребывания в «Новой деревне», но пока возможности такой нет, предоставляются костюмы для фотографирования.

Научными сотрудниками отдела подготовлены проекты, позволяющие расширить перечень мероприятий программы погружения, при этом обойтись своими силами, не привлекая мастеров музея. Один из проектов предполагает проведение мастер-класса по изготовлению традиционной народной куклы «Кто в куклы не играл, тот счастья не видал». Второй проект – проект семейной программы «Хлебное ухо» по приготовлению сибирских пельменей.

К сожалению, в современном ритме жизни утрачивается традиция приготовления их в домашних условиях в семейном кругу, забываются старинные рецепты. Реализуя этот проект, мы имеем возможность не только возродить забытые традиции, но и накормить участников программы обедом, приготовленным собственными руками.

В планах на лето – активное использование музейного парка семейного отдыха, комплексный проект «Музейная околица»: работа интерактивных площадок «Крестьянская пашня», «Охотничий лабаз», «Городошная площадка», «Аптекарский огород». Из развлекательных – летний вариант игровой программы «Народные игры и забавы» и фотографирование в этнографическом пространстве для молодожёнов «Совет да любовь».

Музей давно вынашивает идею создания туристического бюро на базе «Новой деревни», которое будет предоставлять услуги по организации поездок по интересным местам Шушенского и Ермаковского районов, Хакасии и Тувы.

В следующем году гостям будет предлагаться две культурно-досуговые программы: «Три богатыря» и «Ермаковское – село историческое» с посещением филиалов музея в Сизой и Ермаковском. Эти программы, помимо всего прочего, предполагают и активный отдых, знакомство с замечательной природой юга края: ленточные боры минусинской котловины, национальный парк «Шушенский бор», Саянские горы, река Енисей, природный парк «Ергаки».

Таким образом, работа отдела направлена на то, чтобы посетитель подробно ознакомился с музеем, имеющимися экспозициями и выставками, узнавал о жизни сибирских крестьян кон. XIX – нач. XX вв. не только из рассказа экскурсовода, но и участвуя в программе «Погружение...», чтобы он мог познакомиться с другими достопримечательностями, отдохнул и получил максимально положительный эмоциональный заряд.

Наилучшим показателем эффективности деятельности любого учреждения, занятого в сфере социально-культурного бизнеса и туризма, является степень «возвратности». У «Новой деревни» уже есть постоянные посетители – как семейные, так и коллективные. Приезжают сами, привозят коллег, друзей и родственников. Радует то, что туристические фирмы г. Красноярска «Саянское кольцо», г. Кызыла «Белая дорога» и г. Минусинска «Сибирь-транзит» уже внесли музей и «Новую деревню» в свои планы на следующий год.

В связи с этим задача музея – улучшать сервис, совершенствовать работу всех служб, увеличивать перечень составляющих программы отдыха, каждый раз предлагая посетителям новые услуги, новые блюда, новые информационно-развлекательные программы, и соответственно, новые положительные эмоции и наилучшие впечатления.

2013

Участие Минусинского музея в проекте по инвентаризации и паспортизации объектов культурного наследия, расположенных на территории Красноярского края

Минусинск, как известно, имеет статус города-памятника. В старой его части сохранились многочисленные деревянные и каменные здания, построенные в XIX – нач. XX веков. На государственной охране состоит 79 объектов культурного наследия города – памятники архитектуры и истории федерального и регионального значения, в т.ч. 8 могил, 4 монумента, 5 ансамблей и 62 единичных объекта. Среди них имеются и вновь выявленные объекты культурного наследия. Под охрану была взята лишь небольшая часть архитектурных памятников. Благодаря этому, Минусинск сохранял своеобразие малого сибирского города, свой особый архитектурный облик.

В последние годы в городе наблюдается некая негативная тенденция. Здания постройки XIX – нач. XX в. в центре старой части стали сносить либо перестраивать, меняя не только внутренний, но и внешний вид объектов, облицовывая их современными материалами. В настоящее время вопрос сохранения исторического облика Минусинска встал очень остро.

Принятый в 2010 г. Закон о Ветхом жилье, который должен был служить улучшению жилищных условий населения города, превратилась в угрозу для существования объектов культурного наследия. Под этот гриф («ветхое жильё») попали памятники архитектуры и истории регионального значения, в т.ч. Штабная 15 и 22.

В 2010 г. в рамках стратегии культурной политики муниципального образования г. Минусинска при непосредственном участии сотрудников Минусинского музея был разработан проект «Город-музей – Уездный город». Одной из его основных задач являлось сохранение уникального культурного наследия города за счёт реставрации памятников культуры, архитектуры, истории г. Минусинска; выявления наиболее ценных объектов культуры, обеспечения их паспортизации и сохранности; формирования культурных ландшафтов (исторических, природных, архитектурных, археологических) и пр. Одним из этапов реализации проекта предполагалось проведение музеефикации реконструируемой территории и объектов. Это мог быть многообещающий проект, если бы нашёл настоящую поддержку среди властимущих. Но дальше благоустройства территорий, прилегающих к этим объектам, пока дело не пошло.

В сентябре-ноябре 2013 г. Минусинский музей принял участие в большом проекте филиала ФГУП «Ростехинвентаризация – Федеральное БТИ» по Красноярскому краю по инвентаризации и паспортизации объектов культурного наследия, расположенных на территории Красноярского края, который проводился по заказу Министерства культуры Красноярского края. Он состоял из нескольких этапов:

1-й – определение и описание границ территории объектов.

2-й – сбор сведений и документов, необходимых для составления учётных карт объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия; их регистрации в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и пр.

3-й – составление учётных карт объектов.

4-й – определение и описание предмета охраны объектов.

Такие сведения собирались по всем муниципальным образованиям Красноярского края и в частности по г. Минусинску из различных учреждений и ведомств как гражданских, так и Министерства обороны.

Минусинский музей вёл сбор сведений по истории объектов, об их собственниках, выявлял исторические фотографии, подтверждающие особенности подлинного облика объекта (фасады, интерьеры), документации, в т.ч. проектной, планы г. Минусинска XIX-XX вв. Руководителем и основным исполнителем работ была назначена зав. издательским отделом В.Г. Чернышёва. Все изыскания проводились в фондах музея и архиве г. Минусинска. Одной из основных проблем, возникших в процессе работы по поиску сведений об истории возникновения объектов – это от-

существование фонда городского общественного управления и городской думы до 1917 г. Как известно, в годы гражданской войны он был вывезен за пределы Минусинска и погиб. Поэтому основная информация была взята из фонда Минусинского окружного суда (Ф.81), нотариуса Романовского (Ф.79) и двух описей городского коммунального хозяйства (Ф. Р-368). Всего было просмотрено из 11 фондов более 135 дел.

Изучая документы архива г. Минусинска, достаточно проблематично было определить тот или иной объект. Причина – смена нумерации зданий и порядок, принцип их присвоения. Основным ориентир – наличие на указание соседей слева и справа, этажность здания и его тип (каменный, деревянный, смешанный). После сопоставления и анализа определялась информация об объекте.

В ходе работы был вскрыт ряд неточностей, как на существующие объекты культурного наследия, так и на выявленные. Так, памятник архитектуры по адресу Октябрьская, 52 был зарегистрирован как дом усадьбы Пашенных, последней четверти XIX в., который входил в архитектурный ансамбль. Под адресом Октябрьская, 62 этот же дом был включён в список как памятник истории, в котором с апреля 1918 г. размещался объединённый Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На самом деле по Октябрьской, 52 находится одноэтажный каменный дом, где располагалась городская лечебница для бедных. Что подтверждается фотографией с нег. Н. Фёдорова нач. XX в. (н. 6093) и документами архива г. Минусинска. Это здание было построено на средства М.А. Гусевой на месте, купленного ею имения у мещанской вдовы Анны Алексеевны Ильиной. Затем передано в дар городу для размещения городской лечебницы.¹

Можно предположить, что ошибка возникла вследствие того, что семья Пашенных владела по ул. Ново-Присутственной (Октябрьской) несколькими домами (их было четыре).² Что касается архитектурного ансамбля (Октябрьская, 62), то изначально дом Пашенных был гораздо меньше. В 1925 г. это здание было соединено с домом Спорышева (Крестьянская /Кравченко 19): разобрана стена между ними и устроена арка.³ Здание на тот период было сдано в аренду Губсоюзу, внизу размещались два магазина и жилое помещение, кладовые, наверху жилое помещение.

Объект Октябрьская, 93 по «Списку...» значился как «Дом жилой Вильнера. Кон. XIX в.» Проведя исследования по «Оценочной книге домовладений жителей г. Минусинска» за 1916-1928 гг., выяснилось, что его владельцем до 1918 г. являлся Киприан Иванович Брагин, затем продано Ефиму Матвеевичу Панкову, впоследствии конфисковано. Здание было не двухэтажным, а трёхэтажным (с полуподвальным помещением), что очень хорошо прослеживается и по фотографии 1905 г.⁴

Жилым домом Вильнера Моисея Мордуховича (брата Герша Мордуховича) является объект по адресу Октябрьская, 79. Этот дом был приобретён по купчей крепости 8 октября 1909 г. и продан в 1917 г. Гершу Абрамовичу Тонконогову, а затем конфисковано.⁵ Кроме того, выяснилось, что ещё два дома принадлежали семье Вильнер. Один из них – одноэтажный рядом с домом Ильминской, принадлежавший Моисею Мордуховичу – снесён, второй – двухэтажный деревянный по ул. Петра Великого (Штабная), принадлежавший Файвуту Мордуховичу, сохранился до наших дней и включён в объекты культурного наследия. Это дом по ул. Штабная, 13. Не удалось пока точно установить кому принадлежало здание по ул. Штабная, 15.

В процессе исследования была найдена фотография нач. XX в. (наводнение в Минусинске) объекта по адресу Герасименко, 2 (ныне магазин) (н.6096), по которой можно установить подлинный облик здания, установлены его владельцы. По «Оценочной книге домовладений жителей г. Минусинска» с 1909 г. дом принадлежал Михаилу Петровичу Зарубину, в августе 1915 г. продано дворянину Владимиру Александровичу Мозгалевскому.⁶ Это подтверждается и в «Описании земельных владений» за 1924 г.⁷

По объекту Штабная, 22, ранее составленная учётная карта также содержала ошибочные сведения. Владелец этого здания на 1901-1903 гг. был вписан некий купец Брюханов. Но, согласно проекту купчей крепости от 18 июня 1900 г., оно входило в состав имения, принадлежавшего крестьянину д. Нижней Буланки (из водворённых рабочих) Петру Андреевичу Матерн. Он в свою очередь купил это место земли в 1884 г. у минусинского мещанина Силантия Константиновича Дудина. Выстроив на нём каменный двухэтажный дом, три флигеля, амбары и другие надворные постройки, в 1900 г. он продаёт имение крестьянину д. Иудиной Бейской волости

Якову Григорьевичу Мясину. Этим именем Мясин владел вплоть до его конфискации в 1918 г.⁸

Спорный вопрос и в отношении объекта по адресу Гоголя 68, составляющий один ансамбль (дом жилой, ворота флигель). Считалось, что оно принадлежало Матонину. Как выяснилось, красноярский мещанин Андриан Васильевич Матонин был владельцем имения по ул. Михайловской (она же Беловская, ныне Ленина), включавшем два двухэтажных каменных здания и один деревянный одноэтажный флигель (предположительно Ленина, 107).⁹ В соседстве с ним была усадьба Макридиной Акулины Прокопьевны (по купчей 1902 г.). Её имение граничило с левой стороны с ул. Штабной на 1922 г.¹⁰ В «Постановлении Главного управления коммунального хозяйства об утверждении списка муниципализированных зданий в г. Минусинске» от 1922 г.¹¹ под номером 454 значатся муниципализированные здания Матонина не только по ул. Ленина, но и по адресу Гоголевская 74 (ныне Гоголя 68). Что в принципе подтверждает это мнение. Но никаких правоустанавливающих документов пока не обнаружено, как и в Оценочной книге домовладений за 1916-1928 гг.

Ещё один интересный факт, установленный в процессе исследования. Памятник архитектуры по адресу Гоголя, 66, где когда-то располагался торговый дом красноярского купца Александра Алексеевича Смирнова, предположительно находился на усадьбе, принадлежавшей минусинскому мещанину Н.Г. Седельникову.¹² Этот вопрос требует детального изучения.

В процессе работы была выявлена косвенная сопутствующая информация по объектам и владельцам, а также появилось много других вопросов, которые необходимо изучать в дальнейшем.

В результате реализации этого проекта были получены дополнительные данные об объектах культурного наследия, внесены уточнения в их историю, получены подтверждающие документы, определены границы, составлены учётные карты. Вся полученная информация даёт возможность продолжить исследовательскую работу по каждому из этих объектов и выявить новые памятники архитектуры. Позже в Минусинский музей поступит вся информация, собранная по объектам культурного наследия г. Минусинска.

2013

Примечания:

¹ Архив г. Минусинска. Ф.79. О.1. Д.48. Лл.1-3,5; Ф.81. О.1. Д.3688. Л.1.

² Архив г. Минусинска. Ф.-Р-368. О.1. Д.4.Л.14.

³ Архив г. Минусинска. Ф.-Р-368. О.1. Д.4. Лл.26,29.

⁴ Архив г. Минусинска. Ф.-Р-368. О.3. Д.5. Л. 60об.

⁵ Там же. Л.52.

⁶ Архив г. Минусинска. Ф.-Р-368. О.3. Д.1. Л.29об.

⁷ Архив г. Минусинска. Ф.-Р-368. О.3. Д.26. Л.

⁸ Архив г. Минусинска. Ф.79. О.1. Д. 308. Лл.1-6; Ф.-Р-368. О.3. Д.9. Л.8.

⁹ Архив г. Минусинска. Ф.-Р-368. О.3. Д.4. Л. 43.

¹⁰ Там же, Л.43об.

¹¹ Архив г. Минусинска. Ф.-Р-368. О.1. Д.5. Л.83об.

¹² Там же.

Л.М. Чернявская,
г. Железногорск

Музей археологии им. Е.С. Аннинского

На протяжении почти 40 лет при школе № 104 п. Подгорный (ранее Красноярск-35, ныне – Новосёловский район, Красноярского края) существовала замечательная традиция – организация и проведение детских экспедиций под руководством Евгения Сергеевича Аннинского.

Первоначально, основной идеей многодневных сплавов по реке Чулым было объединение во круг себя единомышленников. Более 400 км по воде, сбор этнографического и археологического материала (каменные орудия труда, бивни и зубы мамонта, прyalки, чугуnки, самовары), встречи с ветеранами-фронтовиками, помощь пожилым жителям местных сел и деревень.

Более того, это была отличная школа жизни. Ребята учились ставить палатки, разводить костер, колоть дрова, готовить еду на костре... Дети и взрослые трудились и отдыхали вместе. Все жили одной дружной семьей.

В 70-е годы XX в. шло строительство Канско-Ачинский топливно-энергетического комплекса (КАТЭК), и в этих местах работали археологи из Ленинграда, Кемерово, Новосибирска. Учеников школы включили в состав настоящей археологической экспедиции. Три года под руководством А.И. Мартынова и Э.Б. Вадецкой ребята изучали азбуку археологии, проходили стажировку по вскрытию курганов. Но пополнить коллекцию прошлых походов – привезти эти находки в школу – было нельзя. Поэтому, начиная с августа 1978 г., начинаются самостоятельные походы (под патронажем зав. лабораторией археологии и палеографии Средней Сибири ИА и ЭСО РАН, д.и.н., проф. Дроздова Н.И.).

Е.С. Аннинский «Уроки краеведения»: «В течение десяти лет участники археологических экспедиций школы № 104 пос. Подгорный объехали, обошли, проползли на коленях от Даурска до Мохово (Усть-Абаканский район, Хакасия), освоив почти 200 000 кв. метров. В Каменном Логу мы видели остатки трёх древних жилищ: каменные кольца диаметром до двух метров каждое. Здесь же находили расколотые кости бизонов, косуль и другие фаунистические останки. Встречались многочисленные отщепы и готовые кремневые и кварцитовые орудия труда раннего палеолита. Среди них – чопперы, чоппинги, ручное рубило (кстати, очень древнее – около 400 тыс. лет)... На основании этих данных и исследований учёных лаборатории археологии СО РАН исторические рамки пребывания человека в Красноярском крае расширились в десять раз! 400 тысяч лет пребывания людей на Енисее – это новая страница антропогенеза человека. Ни на востоке, ни на западе от Куртакского археологического комплекса подобных стоянок в Сибири нет».

В 1987 – 1988 гг. отряд школьников под руководством Евгения Сергеевича и старшего научного сотрудника Красноярского пединститута В.А. Погудина проводил раскопки многослойного археологического комплекса Няша (Березовский район, Красноярского края). Школьная коллекция пополнилась наконечниками стрел листовидной формы, трапециевидными скребками для выделки шкур, резцами, гарпунами, костяной фигуркой медведя и составным топором-теслом, обойма которого выполнена из рога лося.

Всего же за это время школьным археологическим отрядом было собрано около 3000 каменных и костяных орудий от эпохи раннего палеолита до эпохи бронзы и раннего железа. Остро встал вопрос описания коллекции, а также её экспонирования. Неоценимую помощь в этом оказали сотрудники лаборатории археологии Красноярского пединститута, директор школы №104 п. Подгорный Л.И. Лобкова.

26 апреля 1990 г. школьный музей был зарегистрирован в отделе культуры г. Красноярска-26, как «Музей на общественных началах».

Начиная с 1994 г., ребята стали работать с петроглифами: занимались поиском и выявлением разрушающихся петроглифов, снимали методом эстампа максимально информативные копии сохранившихся изображений. Сегодня многие из петроглифов находятся под водой, разрушены природой (действие воды, перепады температур, известковые натёки, мох, лишайники...) и человеком. Надписи «здесь был Вася», к сожалению, встречаются очень часто. Неоценимый вклад внесли ребята под руководством учителя в дело сохранения этих памятников прошлого.

Собранная учащимися коллекция артефактов и эстампажей имела огромную научную и культурную ценность. Встал вопрос о сохранении её для последующих поколений (ни для кого не секрет, какова печальна судьба многих школьных музеев). Как сохранить музей в посёлке, одновременно обеспечив ему долгую жизнь? Решить этот сложный вопрос помогла директор Музейно-выставочного центра (МВЦ) г. Железногорска В.А. Попова. Она добилась передачи «Музея на общественных началах» в МВЦ, оформив его как филиал. Были выделены деньги на его содержание и реконструкцию. 18 декабря 2001 г. состоялось торжественное открытие филиала, который возглавила Л.М. Чернявская, участница многих школьных экспедиций.

Сегодня филиал известен музейщикам не только Красноярского края, но и России. Он неоднократно становился лауреатом и дипломантом Красноярских Международных Биеннале. Основатель музея Евгений Сергеевич Аннинский в 2004 г. получил грант Президента России В.В. Путина на подготовку к изданию Каталога петроглифов. Вышел в свет в ноябре 2007 г. под названием «Наскальное искусство Среднего Енисея». В 2012 г. был реализован грант губернатора Красноярского края «Писаницы Красноярья». При филиале работает клуб «Юный археолог». Участники

клуба помогают сотрудникам музея обрабатывать археологическую коллекцию, готовят научные доклады, с которыми успешно выступают на научно-практических конференциях. На занятиях кружка были созданы реконструкции древних орудий труда (каменные топоры, приспособление для добычи огня лучковым способом и т.п.), что позволяет разрабатывать и реализовывать интерактивные образовательные программы.

Ценен опыт краеведческой работы и музейной педагогики, накопленные Е.С. Аннинским. На базе музея проходят традиционные обучающие семинары для учителей истории и для руководителей краеведческих и археологических кружков. Коллекция, собранная Е.С. Аннинским требует дальнейшей обработки и популяризации.

В 2012 г. был запущен ежегодный проект «Научно-практическая конференция «Аннинские чтения», где обмениваются опытом и выступают с научными докладами школьники, студенты, учёные. Изюминкой конференции является уникальная возможность совместной работы специалистов и тех, кто только начинает заниматься наукой (в работе конференции приняли участие шесть кандидатов наук). Участниками конференции была дана высокая оценка коллекции артефактов и этапжей, собранных ребятами под руководством Е.С. Аннинского. Было принято решение о необходимости издания каталога коллекции.

2012

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ СИБИРИ

1. ДРЕВНЕЙШАЯ СИБИРЬ

Е.И. Кочкина,
г. Красноярск

Современное состояние, проблемы охраны и музеефикации писаницы «Ленкова гора»

Формирование отношения к памятникам археологии, как к части культурного наследия в России прошло долгий путь. Этому способствовали не только внешние факторы, влияющие на сохранность привычной среды обитания, но и постепенное внутреннее осознание необходимости сохранения этих памятников как напоминания о прошлом.¹

У археологов и музейных работников есть желание сохранять и экспонировать древние археологические памятники, но работа в этом направлении в Красноярском крае идёт очень медленно.

В данном вопросе интерес представляют материалы исследований писаницы «Ленкова гора», которая имеет, в туристическом плане, удобное расположение: на правом берегу р. Ои, вблизи трассы (Красноярск-Абакан-Кызыл), неподалеку от Шушенского.²

Весной 1988 г. наскальные рисунки здесь обнаружил краевед В.А. Носов. Изображения были описаны и исследованы в течение 1989-1990 гг. А.Л. Заикой и В.Ф. Капелько.³

Исследователи выделили рисунки, выполненные охрой, которые располагаются на протяжении 700 м вдоль тропы. Выявлено более 250 изображений в разных частях памятника. Центральное место на писанице занимает грот, по обе стороны от которого – наибольшая концентрация рисунков. Большая часть писаницы представлена антропоморфными изображениями.⁴ Они иллюстрируют как бытовую, так и духовную стороны жизни населения. Также зафиксированы изображения тамбовидных знаков на различных участках писаницы.⁵

Присутствие решёткообразных изображений является особенностью писаницы, как и способ нанесения всех рисунков: они выполнены охрой.⁶

Летом 2013 г. студентами и преподавателями кафедры музееведения КГПУ им. В.П. Астафьева была совершена экспедиция к писанице «Ленкова гора» с целью изучения и фиксации современного состояния памятника.

В ходе разведочных работ были выявлены плоскости с рисунками, выполненными охрой, которые прослеживаются вдоль тропы. Эти плоскости, как правило, небольшие, угловатые, расположены относительно тропы на высоте от 0 до 2,5 м, подверженные разным видам разрушений.

Среди многообразия археологических памятников более доступными являются наскальные изображения. Доступность петроглифов делает их беззащитными перед негативным воздействием природной среды, а то, что не успела разрушить природа, быстрее разрушается людьми. Как практически на всех памятниках наскального искусства, на Ленковой горе проявляются также биологические и физические факторы.

К биологическим относится деятельность бактерий, грибов, лишайников, мхов, высших растений, насекомых, птиц и млекопитающих. Видами физического разрушения писаницы являются корковые отслоения, шелушение, трещины, минеральные наслоения вследствие воздействия осадков, талых вод, морозного выветривания.

Всё же, немаловажную роль играет человеческий фактор. Туристы, проезжающие и отдыхающие, стремятся оставить свои «автографы» на древних образах.⁷ С этим связана и трудность расшифровки писаницы, ведь многие рисунки перекрыты современными надписями, часть ри-

сунков уничтожена вследствие разрушения скальных пород. Соответственно, требуются срочные меры по сохранению памятника наскального творчества «Ленкова гора», чтобы не потерять объект историко-культурного наследия.

Музеефикация памятника заключается в его преобразовании в объект музейного показа с целью максимального сохранения и выявления его историко-культурной, научной, художественной ценности, предполагая этапы выявления памятника, исследования, консервации, реставрации, экспозиционной интерпретации музейной деятельности и дальнейшего использования в качестве объектов музейного показа.⁸

В данном случае для музеефикации необходимо решить несколько главных задач: развитие инфраструктуры, информационной обеспеченности и популяризации объекта, разработки туристических маршрутов, экскурсионных программ, а также инвестиционных проектов, направленных на развитие музея.⁹

Самое главное – это проведение реставрационных и консервационных работ. Важно провести отвод дождевых и талых вод, закрепить отдельные скальные блоки, очистить писаницу от современных надписей. Это поможет исследователям в изучении данного объекта, и поспособствует эстетическому восприятию посетителями древних рисунков, которые сегодня скрыты под многочисленными красками вследствие неконтролируемого туризма на данном объекте. Проведение данных мер представляется возможным лишь после реального установления охранной зоны, организации регламентированной экскурсионной деятельности, ограничивающих разрушительные действия посетителей на памятнике историко-культурного значения.¹⁰

Памятник нуждается в системном посещении туристами и защите от вандалов. Повышение эффективности охраны памятника, система непрерывного мониторинга за его состоянием, экскурсии и туристические маршруты, пропаганда археологических и исторических знаний о нём способствуют организации цивилизованного туризма этой зоне.¹¹

А.И. Мартынов отмечает: «Для того чтобы петроглифический памятник сохранился, а это наша задача, его нужно музеефицировать. Реставрация ничейных и не музеефицированных не имеет никакого смысла. Они также, может даже ещё больше, будут разрушаться людьми».¹²

Студенты и преподаватели кафедры музееведения исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева занимаются проблемой охраны памятника «Ленкова гора». По результатам исследований лета 2013 г. был подготовлен и проект по сохранению и музеефикации данного памятника. Главным тезисом выступила необходимость создания археологического музея-заповедника «Ленкова гора», опираясь на его историческую значимость, сохранность, информативность, доступность и современное значение.

Создание подобных музеев-заповедников и достопримечательных мест поднимет престиж Красноярского края. Важное значение имеет то, что в крае нет ни одного музеефицированного памятника подобного типа. Между тем музеефикация археологических является наиболее действенным средством их сохранения для будущих поколений.

2013

Примечания:

¹ Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). – М.: ГНОМ и Д, 2004. – С.24

² Заика А.Л. Писаницы Ленковой горы. – Красноярск. – 53 с.

³ Заика А.Л., Капелько В.Ф. Писаницы Ленковой горы (предварительное сообщение) // Проблемы археологии Сифо-Сибирского мира. – Кемерово, 1989. Ч. 2. – С.73-76.

⁴ Там же. С.10

⁵ Там же. С. 76

⁶ Там же.

⁷ Некрасов В.А, Елин В.Н. Некоторые задачи по исследованию и охране памятников петроглифического искусства в Горном Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. 91 с. С.12

⁸ Каулен М.Е., Сундиева А.А., Чувилова И.В., Черкаева О.Е., Борисова М.В., Хаханова Л.П., Скрипкина Л.И. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – М.: Эксмо, 2009. – С.55

⁹ Аланд Е.Ю. Опыт музеефикации археологических объектов в Республики Хакасия // Мартыановские краеведческие чтения (2010-2011 гг.). –Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. Вып. VII. – С. 193-195.

¹⁰ Заика А.Л. Шалаболинская Писаница вопросы музеефикации // Мартыановские краеведческие чтения (2010-2011 гг.). – Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. Вып. VII. – С. 201-204.

¹¹ Аланд Е.Ю. Опыт музеефикации археологических объектов в Республики Хакасия // Мартьяновские краеведческие чтения (2010-2011 гг.). – Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. Вып. VII. – С. 193-195.

¹² Мартынов А.И. Археология начала века // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященный 30-летию кафедры археологии КемГУ/ Под ред. В.В. Боброва. – Кемерово: Летопись, 2006. Вып. 24. – С. 131-138.

Д. Потылицына,
п. Новосёлово, Красноярский край

Факторы воздействия и некоторые подходы к сохранению петроглифов сопки Улазская

Скалы с наскальными рисунками являются частью местной экосистемы, поэтому воздействия на петроглифы должны рассматриваться как часть процессов (гидрологических, химических, физических, биологических) происходящих в данной экосистеме.

Лучше всего на сопке Улазская сохранились наскальные изображения, которые укрыты под скальными навесами и защищённые от прямого воздействия ветра. Также происходит изменение гидрологического режима, климата, биологического воздействия (бактерии, лишайники, высшие растения), других условий окружающей среды, влияющие на сохранность сопки.

Наше время отмечено глобальными изменениями среды под влиянием человека. Поэтому актуально проводить мониторинг изменений окружающей среды и распознавать их влияние на памятник.

Многие методы и способы сохранения ещё только вырабатываются и апробируются. Некоторые из использованных уже мер подвергаются сомнению: например, покрытие рисунков краской, или не рекомендуется немедленная расчистка новых фигур от лишайников. Оспаривается целесообразность возведения над наскальными полотнами каких-либо сооружений, меняющих температурный режим, и т.п.

Прямые методы, такие как укрепление структурной поверхности камня; наращивание утраченных фрагментов или закрепление корок; биоцидные обработки, направленные на защиту от разрушений, вызванных бактериями, лишайниками должны проводиться специалистами-реставраторами в исключительных случаях после соответствующих исследований!

Основные факторы воздействия природного происхождения на наскальные рисунки сопки Улазская это зарастание их лишайниками, разрушение скал растительностью, атмосферные осадки, и ветер.

Разрушение скал лишайниками – весьма распространенное явление на сопке Улазская. Лишайники вырабатывают органические кислоты, которые химически разрушают горную породу и их дальнейший рост приводит так же к механическому разрушению камня. В результате сглаживаются края петроглифа, изменяется его глубина.

Рост лишайников ограничивают косвенными методами, например, препятствуя увлажнению скал. В некоторых странах имеется опыт удаления лишайников с изображения, после которого проводится обработка составами препятствующими реколонизации. Но подобные прямые методы должны употребляться в исключительных случаях и под контролем специалистов, поскольку их влияние на сохранность петроглифов до конца не изучено.

Замерзание влаги в трещинах скал провоцирует их дальнейшее расширение и расслоение скальной поверхности. В углубляющиеся трещины заносится почва, на которой могут развиваться мхи, лишайники и высшие растения, увеличивающие разрушение камня. Основной породой, слагающей, скалы сопки Улазская является девонский песчаник.

Несмотря на свою кажущуюся труднодоступность, новое скопление наскальных рисунков оказалось весьма уязвимым. Основными прямыми антропогенными воздействиями на памятник на данный момент являются: посещение его туристами и исследование.

Антропогенная нагрузка на памятник возросла. В последнее время серьёзной проблемой является выбивание посетительских надписей. Многие из последних надписей были уже сознательно сделаны по рисункам. Наилучшим способом сохранения петроглифов на период их изучения, подготовки к демонстрации было бы полное ограничение доступа посетителей на данный памятник.

Но, к сожалению, петроглифы оказались на популярном водном пути и места их скопления долгое время были единственным удобным местом на маршруте.

Основные разрушающие антропогенные факторы это посетительские надписи, вандализм и физическое воздействие на памятник, и его окружающую среду.

Посетительские надписи – являются прямым экстремальным воздействием избирательного характера. Подобные надписи выявлены во всех местонахождениях петроглифов.

Собственно вандализм появился с открытием петроглифов – выбивание надписей на рисунках или рядом с ними с целью увековечивания, таким образом, своего имени. По ряду наблюдений надписи, как правило, выбивались юными участниками туристических групп во время долгого вынужденного пребывания на сопке. Эти действия провоцировались, как наличием других надписей, так и отсутствием персонала, который бы указал на действительное наличие петроглифов.

Соответственно меры по предотвращению выбивания надписей можно сформулировать следующим образом: наличие специальных табличек, которые донесут информацию о петроглифах, и о запрете посетительских надписей; ограничение пребывания на сопке (только экскурсии, никаких стоянок); заделывание имеющихся надписей, чтобы не провоцировать «стадный инстинкт» выбивания. Подобная работа должна проводиться лишь опытными реставраторами.

Памятуя о том, что некоторые туристы традиционно хотят оставить знак своего пребывания в виде надписи с названием родного города, можно выделить возле оборудованной для туристов стоянки столб, на который будут размещать подобные таблички.

Другим разрушительным антропогенным фактором для рисунков, как ни парадоксально, является их исследование. Досконально исследовать памятник, не притрагиваясь к нему – такой компромисс в мировой практике изучения петроглифов, пожалуй, ещё не встречался.

Практически любая документация предполагает контакт с изображениями – особенно контактные виды документаций (протирки, снятие отливок), но даже просто фотография подразумевает расчистку изображения от лишайников, почвенного и растительного покрова.

Все контактные способы документации должны осуществляться лишь под присмотром специалистов учитывающих весь накопленный мировой опыт этой исследовательской деятельности и с учётом данных о физико-химическом составе горных пород.

Наличие общего плана управления памятником – необходимая база для организации правильной охраны наскальных рисунков. Такой план должен разрабатываться со специалистами различных областей (археологи, экологи, социологи, психологи, специалисты по рекреации, реставраторы) и подразумевать проведение междисциплинарных исследований естественно научного характера (ботанических, петрографических и др.).

Но как быть, если памятник под угрозой и нужно действовать незамедлительно? Необходимым минимумом является:

1) Постоянное присутствие охраны на сопке Улазская, в течение всего сезона, когда через наш район проходит поток туристов. Здесь неосценимую роль могут оказать подготовленные волонтеры.

2) Разработка и обустройство обходного маршрута и альтернативных стоянок, с тем чтобы снизить нагрузку посещения туристов на сопку.

3) Оборудование мест отдыха, туалетов и контейнеров для сбора мусора. Оборудование тропинок по склону сопки, для обеспечения безопасных подходов к рисункам. Такой шаг осмыслен, только с обеспечением постоянного присутствия охраны в районе сопки. Иначе увеличение количества туристов приведут к порче рисунков.

4) Необходим и постоянный мониторинг памятника в зимнее время. Растущее количество турбаз на море и посещение его рыбаками, делают это целесообразным, поскольку позволят избежать вандализма, разжигания костров под скальными навесами около плоскостей с рисунками.

В дальнейшем, в особенности подготавливая памятник к экскурсионной деятельности, необходимо продумать установку ограждений, при этом важно обращать внимание на то, чтобы они минимально портили внешний вид объекта. Продолжить разработку информационных табличек – аншлагов. Для этого необходимо использовать опыт создания подобных предупреждающих знаков в других странах, а так же провести социологическое и психологическое исследование на месте.

Необходимо так же продумать меры по заграждению, маскировке рисунков, не предназначен-

ных для осмотра. Частью общего плана охраны должно являться выделение рисунков предназначенных к демонстрации и не предназначенных.

Немаловажным может быть и непосредственная работа с туристами (информирование об изменении маршрута через туристские сайты и клубы), а так же привлечение туристов в волонтерские патрули по охране памятника и обустройству прилегающей к нему территории. Необходимо подготовить буклет, вмещающий в себя памятку посетителя памятника «Петроглифы сопки Улазская» с правилами поведения который бы распространялся через Интернет и СМИ.

2013

Д.К. Тулуш,
г. Кызыл, Республика Тыва

Опыт использования спутниковых снимков в изучении фортификационных памятников Тувы (по материалам полевого сезона 2013 г.)

В течение XIX-XX вв. на территории Тувы было выявлено более 20 фортификационных сооружений – городищ и наблюдательных пунктов, окружённых внешними стенами, а также оборонительных валов. Значительный вклад в их исследование внесли Д.А. Клеменц,¹ С.В. Киселёв,² Л.Р. Кызласов,³ С.И. Вайнштейн,⁴ которые ввели в научный оборот ценные материалы городищ по береговой линии рек Енисей и Хемчик. Однако подтверждённые сведения (местоположение, размеры, описание) были получены лишь о 13 памятниках, хотя в литературе всегда упоминалось 17 городищ.⁵ Местоположения их фиксировались с привязкой к ближайшему селу (городу, автодороге) или иным топографическим ориентирам (река, гора). Это затруднило дальнейшее исследование – в ходе ускоренного развития республики в советский период многие населенные пункты возникали, перестраивались или, наоборот, прекращали существование. В процессе освоения земель, строительства Саяно-Шушенской ГЭС, а также вследствие естественных процессов менялись русла рек.

В период с 2006 по 2013 гг. в составе ряда экспедиций⁶ автором была проведена работа по уточнению местоположения, описанию современного состояния городищ и выявлению ранее неизвестных.⁷ По собранным материалам составлен перечень памятников, сохранившихся до наших дней, а также список разрушенных.

Сохранившиеся памятники: Пор-Бажын – на острове посреди оз. Тере-Холь; Целинное – в 3 км к юго-западу от с. Целинное, местечко Чинге-Даг; Боом – на склоне горы Боом в 20 км к западу от г. Кызыла; Устьэлегестинская – на горе над с. Усть-Элегест; Барык – на правом берегу р. Барык, притока р. Енисей; Шагонар 2 (II Шагонарское) – в 6 км к западу от г. Шагонар; Шагонар 3 (III Шагонарское) – в 300 м к югу от Шагонар 2; Шагонар 4 (IV Шагонарское) – в 500 м к югу от Шагонар 3; Ийме – на юго-восточной окраине с. Ийме, левый берег р. Хемчик; Бажын-Алаак 1 – на юго-восточной окраине с. Бажын-Алаак, левый берег р. Чадаана; Балгаш-Бажын – на территории с. Бора-Тайга, правый берег р. Ак-Суг; Малгаш-Бажын – на берегу р. Эдегейчик, в 0,5 км к востоку от трассы Ак-Довурак-Абаза, Чоон-Терек – на правом берегу р. Хемчик, в 1,5 км к юго-востоку от с. Бай-Тал.

Разрушенные и разрушаемые памятники: Шагонар 1 (I Шагонарское) – располагалось на окраине г. Шагонар (Старый Шагонар), затоплено водами Саяно-Шушенского водохранилища; Бажын-Алаак 2 – располагалось на берегу р. Чаа-Холь, также затоплено водохранилищем; Эльде-Кежиг – располагалось на берегу р. Барлык, правого притока р. Хемчик, вероятно, уничтожено в ходе гидротехнических работ 1970-х гг.; Тээли – в 1950-е гг. располагалось на окраине пос. Тээли, застроено жилыми домами и полностью разрушено.

В связи с этим вопрос сохранности фортификационных сооружений в наши дни стоит весьма остро. К этому добавляется и неполнота обследования территории Тувы, наличие сведений о городищах на правобережье Енисея.

В 2013 г. автор предпринял попытку поиска городищ с помощью метода дистанционного зон-

дирования Земли (далее – ДЗЗ), а именно – спутниковых снимков. Дистанционное зондирование Земли (анализ многоспектральных изображений, распознавание образов и др.) – часть современных методов геоинформационного анализа.⁸ Методика основана на знании географических закономерностей развития объектов в конкретных природных условиях и особенностей отображения их на аэрофотоснимках.⁹

На основе указанной методики детальному обследованию подверглись участки рек Хемчик и Енисей, имеющие качественное спутниковое изображение.¹⁰ Это дало возможность наметить несколько крупных объектов, имеющих признаки искусственного происхождения (прямоугольные, замкнутые конструкции не менее 50-100 м), но не включенных в современную хозяйственную деятельность (отсутствие крупных дорог, жилых или хозяйственных сооружений). Через программу Google Earth Планета Земля (версия 7.1.1.1888) получали географические координаты объектов.

После длительной подготовительной работы по сбору эмпирического материала для подтверждения полученных данных была проведена археологическая разведка. Экспедиция была проведена в 2 этапа: 1) июнь 2013 г. – поиск объектов по географическим координатам, выявление, точная локализация и первичная фиксация; 2) август 2013 г. – подробное обследование наиболее сохранных и неизученных памятников.

В ходе первого этапа экспедиции с 16 по 18 июня 2013 г. были обследованы все намеченные объекты, из которых к категории археологических памятников были отнесены лишь несколько: Сенек, Баян-Тала 1, Баян-Тала 2 (предварительно), Кочетово.

На одном из снимков правобережья Сенека просматривалось явно искусственное сооружение размерами около 230×230 м. На местности был выявлен земляной вал размерами 233×236 м. Высота сильно обвалованных стен составила от 0,5 до 1 м, ширина – 8-12 м. Вокруг вала с западной и южной сторон наблюдались остатки рва до 0,5 м глубиной и 1,5-2 м шириной. Были зафиксированы локальные разрушения: в северной части западной стены (прокладка оросительных каналов), в северной стене (грунтовая автодорога), в северо-восточном углу (грунтовая автодорога), а также траншея неизвестного назначения в юго-восточном углу. Подробное исследование памятника на втором этапе экспедиции показало, что городище было возведено на плоской средней террасе реки Сенек. Судя по сборам крупных каменных орудий и мелких отщепов, можно предположить, что данная территория была заселена человеком ещё с каменного века, а само поселение, вероятно, появилось в период неолита и просуществовало вплоть до средневековья.

В окрестностях с. Баян-Тала Дзун-Хемчикского района было выявлено два объекта, имеющих признаки фортификационных сооружений. Первый был выявлен в 1,5-1,7 км к северу от с. Баян-Тала. Часть западной стены была разрушена руслом реки. Вал с сохранившимися размерами около 150×170 м имеет неправильную ромбовидную форму, ориентирован углами на запад-северо-запад, северо-восток, восток-юго-восток и юго-восток. С южной стороны наблюдается небольшой разрыв стены – возможное местоположение ворот. В ходе выезда на данный объект был зафиксирован земляной вал со стенами высотой от 0,7 до 1,2 м и шириной 12-15 м. Линейные размеры городища составили 290×290 м. По находкам фрагментов керамики было предположено, что памятник, названный Баян-Тала 1, возможно, был основан в период хунну или раннего средневековья.

Второй объект имел интересную форму и местоположение – в нескольких сотнях метров к югу от окраины с. Баян-Тала вплотную к руслу р. Хемчик просматривались очертания широкой прямоугольной конструкции, вытянутой по оси север-юг. Руслом реки уничтожена большая часть его северо-западного угла. В ходе выезда по указанным координатам был выявлен хорошо сохранившийся глинобитный вал высотой до 3-3,5 м с размерами сторон 560×840 м, вытянутый по оси С-Ю. Северо-западный угол городища сильно разрушен руслом реки, а само городище практически недоступно – вокруг городища, вероятно, находился ров, который в момент исследования был заполнен водой. В центре городища были выявлены остатки полуземлянок квадратной формы, а также столбы ЛЭП, бытового мусор и пр. К данному объекту, предварительно обозначенному как Баян-Тала 2, было решено вернуться позднее и провести уже полномасштабное исследование, которое позволит подтвердить существование археологического памятника.

Обзор спутниковых снимков западных районов Тувы позволил локализовать городище Чоон-

Терек, которое Л.Р. Кызласов выявил в верховье р. Хемчик, по его правому берегу. Часть интересующего участка присутствовала на спутниковых снимках в высоком разрешении. При детальном обследовании его было выявлено искусственное сооружение, аналогичное описанию «четырёх-угольник из валов (шириной 12 м) 170×164 (155) м, ориентированный сторонами на запад-юго-запад, север-северо-запад, восток-северо-восток, юг-юго-восток».¹¹

Проблема локализации памятника, найти местоположение которого пытались в 2007, 2009 и 2011 гг., была вызвана тем, что указание «в верховье р. Хемчик...», все исследователи принимали за участок выхода реки из скального ущелья, тем самым отдаляясь от его реального местоположения на 5-8 км к югу. Во-вторых, судя по снимку со спутника, пространство вокруг городища и часть внутренней площадки густо заросла кустарником, что сильно затрудняло поиски. Линейные размеры памятника составили 147×150 м, ширина стен до 8-9 м при высоте от 0,5 до 0,9 м. Находок на площадке городища не выявлено, что не позволяет уверенно датировать его. Можно только предположить, что Чоон-Терек был возведён в период раннего средневековья.

Попытки рассмотреть по спутниковым снимкам остатки двух других городищ на территории Бай-Тайгинского района – Тээли и Эльде-Кежиг, не увенчались успехом. В первом случае было ясно, что в процессе расширения с. Тээли городище полностью разрушено (автодороги, пешие тропы, остатки жизнедеятельности, хозяйственные постройки). Местонахождение второго городища, которое находилось на левом берегу р. Барлык, не удалось рассмотреть из-за низкого разрешения спутникового снимка. Тем не менее, на нём видно, что р. Барлык сместилась со своего древнего русла на расстояние до 1 км к западу, поэтому, вероятнее всего, городище разрушено рекой.

Также был исследован объект, очертания которого просматривались у подножья горы Могай Тандинского района. В ходе маршрутного обследования на данном участке было обнаружено городище, расположенное на пологом возвышенном участке, ограниченном заболоченной поймой р. Межегей. Памятник, названный по ближайшему населённому пункту Кочетово, был обнесён квадратным валом (73×73 м). Высота валов составила от 1,2 до 3,0 м. Ров с южной стороны с nivelирован под влиянием разливов реки и глубина его составляет не более 10-15 см. С северной, более сохранной, стороны глубина рва составляет до 80 см ниже уровня современной поверхности. На территории городища не выявлено следов построек либо иных конструктивных особенностей. При осмотре территории с поверхности был поднят один фрагмент керамики, что не позволяет уверенно датировать памятник.

Кроме вышеописанных городищ путём спутникового зондирования были зафиксированы очертания ранее исследованных памятников Ийме, Барык, Боом и Пор-Бажын. Дальнейшая работа по результатам археологической разведки позволила наметить участки, перспективные для поиска древних наблюдательных пунктов и городищ.

Таким образом, применение аэрокосмических методов для локализации ранее неисследованных и сложных объектов археологии является весьма продуктивным. Следует считать доказанным существование городищ Чоон-Терек, Баян-Тала 1, Сенек и Кочетово. Анализ спутниковых снимков позволил выявить два ранее неизвестных и неисследованных памятника.

2013

Примечания:

¹ Клеменц Д.А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. Сборник трудов Орхонской экспедиции, т. II, СПб., 1895.

² Киселёв С.В. Древние города Монголии // Советская археология, № 2. 1957. – С. 91-101.

³ Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // Советская археология, № 3. 1959. – С. 66-80; Кызласов Л.Р. Краткая история археологического изучения Тувы // Вестник МГУ. Серия историческая, №3. 1965. – С. 52-70; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Наука. 1969; Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII-IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Серия: Археология СССР. М., 1981. – С. 52-54.

⁴ Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956-1957 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. VI. Кызыл, 1958. – С. 217-237; Вайнштейн С.И. Древний Пор-Бажин // Советская этнография, №6. 1964. – С. 103-114.

⁵ Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII-IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Серия: Археология СССР. М., 1981. – С. 52-54.

⁶ 2006 г. – экспедиция ТИГИ под руководством М.Х. Маннай-оола; 2007-2008 гг. – экспедиция по научному изучению древнеуйгурской крепости Пор-Бажын при поддержке РГО; 2008 г. – совместный выезд сотрудников ТИГИ, ИИМК РАН и ТИКОПР СО РАН; 2011 г. – Российско-монгольская совместная археологическая экспедиция; 2011 и

2013 гг. – археологические разведки ТИГИ под руководством Д.К. Тулуша.

⁷ Тулуш Д.К. Современное состояние фортификационных памятников Тувы (по результатам археологических разведок 2006-2011 гг.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5-9 сентября 2012 г.). Вып. 3. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – С. 457-464.

⁸ Гарбузов Г.П. Геоинформационные системы и дистанционное зондирование Земли в археологических исследованиях (на примере таманского полуострова): дисс... канд. ист. наук / Г.П. Гарбузов; Институт археологии РАН. М., 2007.

⁹ Миртова И.А. Дешифрование снимков. Изучение динамики природных процессов и объектов по аэро- и космическим снимкам: Учебное пособие. М., 2007.

¹¹ Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // Советская археология, № 3. 1959. – С. 66-80.

¹⁰ Спутниковые снимки получены с сайта «Спутник космического путешественника» <http://spaceon.ru/rossiya-respublika-tyva>

2. СИБИРЬ XVIII – XIX ВЕКОВ

Н.И. Гаврилова,
г. Иркутск

Традиции благотворительной деятельности иркутян XVIII – начала XX вв. как элемент формирования исторической памяти жителей города

Важной составляющей исторической памяти иркутян, требующей серьёзного осмысления и популяризации, выступает накопленный Иркутском богатейший опыт частной и общественной благотворительной деятельности. Её возрождение в современных условиях обуславливает необходимость формирования и развития у горожан системы общественного признания благотворительности, повышения осведомленности о филантропическом секторе.

Стимулирующее воздействие на развитие современной культуры благотворительности в городе, на содержание соответствующих стратегий действия отдельных личностей, социальных групп и организаций, укрепление культурной идентичности иркутян способно оказать создание позитивного образа прошлого иркутской благотворительности на основе комплексной программы, важное место в которой должна занять соответствующая просветительская деятельность. В связи с этим появление в Иркутске в последние годы общественных объединений, позиционирующих себя в качестве преемников традиций иркутских благотворителей прошлых веков, выглядит закономерным.

Первые упоминания о филантропической деятельности иркутских граждан относятся к нач. XVIII века. Уже к концу столетия главными объектами жертвуемых капиталов выступали церкви и богадельни. С нач. XIX в. немалые деньги тратились на образование, библиотеки, театр, больницы. К середине рассматриваемого периода благотворительность была достаточно глубоко внедрена в общественный быт Иркутска. От 14 до 50% событий общественной жизни города в течение втор. пол. XIX в. оказывались прямо или косвенно связанными с благотворительными акциями,¹ наиболее интенсивно проходившими в 80-х гг. XIX в., что соответствовало общему оживлению общественной жизни Сибири в этот период.

Отличительной особенностью благотворительных акций нач. XX в. стала их символизация и многократность. Ярким воплощением новых традиций явился «День Белого цветка», организованный Всероссийской лигой для борьбы с туберкулезом. Впервые в Иркутске, как и других российских городах, он был проведён в 1911 г. и вплоть до 1918 г. ежегодно отмечался в апреле, собирая более 300 иркутян (сумма ежегодно собираемых ими средств превышала 10 тыс. руб.).

С 1910-х гг. в Иркутске проходили организованные благотворительными обществами «День солдатского погона», «День сибирского стрелка», «День ополченского креста», «День Ермака Тимофеевича», «День незабудки», «Вербные базары»; осуществлялась продажа флажков в пользу детских приютов и Красного Креста. Начиная с 1909 г. на протяжении 9 лет проводились вечера-сборы от родительских комитетов в пользу недостаточных уча-

щихся. Количество, массовость и разнообразие благотворительных акций возросло в период Русско-японской и I Мировой войн. Пиками активности стали 1904 г. и 1914-1915 гг., когда различные благотворительные акции проводились в Иркутске каждый месяц и чаще.

В течение втор. пол. XIX в. шёл процесс кристаллизации заложенных ранее общественной и частной форм филантропии. Наиболее интенсивно развивались традиции частной благотворительности, некоторый опыт был приобретён в создании филантропических объединений. Неспособность государственного призрения оказывать в значительных размерах помощь социально обездоленным оставляла нишу вакантной для общества. Во втор. пол. XIX в. благотворительная деятельность становится одним из ведущих направлений социальной активности населения, удовлетворяющей весьма разнообразные социальные запросы и личные устремления жертвователей.

Условно можно выделить следующие формы благотворительной деятельности горожан: участие в массовых благотворительных акциях общероссийского, регионального и городского уровней; единоличная благотворительная деятельность; участие горожан в деятельности благотворительных обществ и попечительных советов. Сохраняла значение милостыня как наиболее архаическая форма подаяния.

К кон. XIX в. широкое бытование в Иркутске получает система частных прошений, вырабатываются основные ролевые функции просителя и дарителя. Важное влияние на развитие благотворительности оказывала правительственная политика на местном и центральном уровнях.

Во втор. пол. XIX в. благотворительность в Иркутске приобретает особый размах, расширяются сферы и увеличивается количество жертвуемых капиталов. Характерной чертой периода стало расширение социального состава участников благотворительных акций по сравнению с предшествующими этапами (ранее 1850-х гг.). Состав жертвователей был представлен практически всеми слоями городского общества: купечеством, чиновничеством и дворянством, мещанством и цеховыми. Однако ведущее место в данной области по-прежнему принадлежало торгово-промышленным слоям города. Втор. пол. XIX в. стала расцветом благотворительности местной буржуазии, а влияние филантропии на жизнь города максимальным. 1 млн. руб. превышали пожертвования Сибириковых, Трапезниковых, Базановых, И.С. Хамина и др.

Позитивно воспринималась благотворительность в рамках культурничества и системы «малых дел», получивших широкое распространение в Иркутске в 1890-х гг. Имело место восприятие филантропии как модной и престижной деятельности, завоевавшей популярность в широких слоях общества.

Крупные суммы вкладывались в развитие просвещения и культуры, освоение и изучение Сибири, здравоохранение, благоустройство города, передавались на «богоугодные дела». Значительная часть благотворительных капиталов направлялась на поддержку образования, содержание и строительство начальных, средних и средне-специальных учебных заведений города и региона, в целом. Доля благотворительных капиталов в расходах города на начальное образование становится особенно заметной в 80-90-х гг. XIX в. В 1898 г. из 17 училищ 4 существовали на средства иркутского купечества. Примечательно, что за период с 1890 г. и до конца столетия рост начальных школ Иркутска шёл исключительно благодаря поддержке местных коммерсантов.

Дотациями со стороны частных лиц пользовались и средние учебные заведения Иркутска. К 1880 г. в городе действовали губернская мужская гимназия, уездное училище, девичий институт, женская гимназия, еврейское училище, женская прогимназия, городское 5-классное и 4-классное училища. Их содержание осуществлялось за счёт казны, однако при необходимости крупных расходов администрация края обращалась за пожертвованиями к купечеству. По «приглашению» генерал-губернатора были собраны средства на сооружение Девичьего института (1845 г. – Голубев, Мясников, Асташев – 112 тыс. руб., 1861 г. – Е.А. Кузнецов 100 тыс. руб.); 4-классного училища (1882 г. – И.С. Хамина 103 тыс. руб.), мужской гимназии (1875 г. – Хамина 20 тыс. руб.) и т.д. Особенно велики были частные вклады в развитие женских учебных заведений города.

Большое влияние оказало купечество на развитие средне-специального, прежде всего, технического образования, финансово поддерживая Ремесленно-воспитательное заведение, Техническое и Горное училища города. Крупные суммы поступили из Иркутска на строительство и содержание первого сибирского университета, открытого в Томске в 1888 г. (в частности, А.М.

Сибиряковым было пожертвовано университету 100 тыс. руб. и передана в дар богатая библиотека П.А. Жуковского, А.К. Трапезниковым – 110 тыс. руб.).

Определённая часть благотворительных капиталов направлялась на поддержание учащихся: в каждой школе или училище, как правило, существовало несколько именных стипендий. За счёт местных предпринимателей сибирским студентам удавалось продолжить образование в европейской части страны. При различных образовательных, воспитательных, медицинских и культурных заведениях Иркутска только в течение втор. пол. XIX в. действовало 24 попечительства, в деятельности которых в разные годы принимало участие почти 400 иркутян.

Важное значение для культурного развития Иркутска имели пожертвования на библиотеки и театр города, на издательское дело. Благодаря частным капиталам были опубликованы научные труды и литературные произведения П.А. Словцова, В.И. Семевского, И.В. Омуревского, Гл. Успенского, Ф.М. Решетникова, А.А. Уманьского, Н.И. Наумова, И.А. Худякова, Д.М. Головачёва, Доржи Банзарова, Н.М. Ядринцева, В.И. Межова, Э.К. Пекарского, Г.Н. Потанина и др. Благотворительные капиталы лежали и в основе деятельности частных иркутских газет – «Амура» (1860-1862) и «Сибири» (1874-1887). Финансовой поддержкой местной буржуазии пользовалась газета «Восточное обозрение».

Ни одна сколько-нибудь крупная экспедиция Восточно-Сибирского Отделом Русского Географического Общества (ВСОРО) не обходилась без денежной помощи частных лиц. Среди наиболее значительных можно выделить Туруханскую экспедицию 1866 г. (Кузнецов, Токарев – 1,8 тыс. руб.), экспедицию 1883-1886 гг. Г.Н. Потанина в Восточную Монголию (В.П. Сукачев, 15 тыс.руб.), его 2-ю экспедицию в Восточную Монголию 1891 г. (И.М. Сибиряков, А.Д. Протопопов); знаменитую Якутскую экспедицию 1894-1896 гг., организованную на средства И.М. Сибирякова (27 тыс.руб.).

Ряд крупных экспедиций по освоению Северного Морского пути и изучению Сибири (самым значительным стало участие в организации знаменитой экспедиции А.Э. Норденшельда по Северо-Восточному проходу и вокруг Евразии, 1878-80 гг.) были профинансированы А.М. Сибиряковым. Им же организованы и осуществлены самостоятельные экспедиции по освоению водных и сухопутных сообщений в Сибири и на Дальнем Востоке. Предпринимательская, изыскательская и благотворительная деятельность А.М. Сибирякова тесно переплетались.

Благодаря крупным пожертвованиям частных лиц в Иркутске действовали Александровский детский приют (1851 г.) и детский приют императрицы Марии Фёдоровны (1883 г.). Своим существованием они во многом были обязаны И.С. Хаминову, потратившему на них около 230 тыс. руб. Немалые пожертвования были сделаны и другими гражданами города (П.А. Сиверс – 8 тыс. руб., И.Е. Семёнов – 9 тыс. руб. и др.). Одним из самых крупных был приют, построенный в 1873 г. на средства И.И. Базанова. С середины 1880-х гг. туда стало ежегодно поступать до тысячи подкидышей (в 1879 г. в приюте проживало 159 детей). Своим существованием семейству Хаминовых обязано и открытое в 1894 г. училище для слепых детей, ставшее первым подобным заведением в Сибири.

Некоторая часть благотворительных средств направлялась на благоустройство города. Крупные пожертвования поступили в 1879 г. после пожара, уничтожившего центральную часть города и принёсшего колоссальные убытки. При его тушении были использованы пожертвованные А.М. Сибиряковым (1877 г., 27 тыс. руб.) и другими купцами пожарные машины.

На средства иркутских благотворителей осуществлялось строительство и содержание библиотек, музеев, училищ, народных домов в Томске, Барнауле, Минусинске, Ишиме, Ачинске, Красноярске, Нерчинске, других городах. Крупные благотворительные суммы иркутянами были вложены в строительство зданий Высших женских (Бестужевских) курсов в С.-Петербурге, создание Женского медицинского института (1897 г., ныне Медицинский университет им. И.П. Павлова, Петербург).

В 1893 г. иркутский купец 1 гильдии И.М. Сибиряков передал 200 тыс. руб. и принадлежавший ему в Петербурге дом стоимостью 150 тыс. руб. П.Ф. Лесгафту на создание Биологической лаборатории с музеем и печатным органом, организацию курсов по подготовке руководящих и воспитательниц физического образования.

В 1896 г. на средства иркутской купеческой вдовы Ю.И. Базановой в Москве была постро-

ена Клиника ушных, носовых и горловых болезней с полным клиническим обзаведением, переданная Московскому университету. 515 тыс. руб. выделялись на содержание 25 кроватей в клинике, служебного и обслуживающего персонала.

Вдова иркутского, впоследствии московского купца 1 гильдии И.Л. Медведникова, Александра Ксенофонтовна, завещала (ум. 1899 г.) около 5,2 млн. руб. на благотворительные цели. Пожертвование стало одним из крупнейших за всю историю столицы. На эти средства в Москве в нач. XX в. были построены мужская гимназия; благотворительный комплекс, состоящий из больницы и богадельни, часовни и двух храмов (ныне Центральная клиническая больница при Московской патриархии во имя Святого митрополита Алексия); приют для эпилептиков (ныне детская психиатрическая больница № 6 г. Москвы); мастерские в Алексеевской психиатрической больнице.

На средства иркутского предпринимателя кон. XIX в. В.Т. Зимина в 1896 г. в Томске была открыта бактериологическая пастеровская станция, ставшая со временем первым в Сибири Бактериологическим институтом.

Характерной чертой жизни российского общества втор. пол. XIX – нач. XX вв. стало образование и деятельность различных общественных объединений, в т.ч. благотворительных. В течение втор. пол. XIX в. в городах Иркутской губернии функционировало не менее 20 благотворительных обществ и комитетов, подавляющая часть которых сосредотачивалась в Иркутске.² Около трети из них дополняли благотворительную деятельность культурно-просветительской работой и деятельностью по организации досуга. Именно в благотворительности городской общественностью при условии отсутствия более зрелых форм самоорганизации была найдена оптимальная форма общественной работы.

Благотворительность расширяла пространство общественного быта города, переживалась населением как данность. Иркутяне были погружены в специфическую ономастическую среду, сохраняющую память о благотворителях и благотворительных акциях. Яркими пространственными ориентирами города выступали Базановский приют, Хаминовские гимназия и прогимназия, Солдатовская больница, Михеевская лечебница, Пономаревские училища, Кузнецовская больница, Сукачевский сквер, Медведниковская больница, Сибиряковский приют и т.д. Горожане ходили по улицам, названным именами благотворителей. Крупные пожертвования и разворачивающиеся вокруг них события становились заметными моментами публичной жизни города, вовлекая в свою орбиту порой значительное число горожан; широко обсуждались, оставаясь в городских легендах.

Иркутянин XIX – нач. XX вв., «воспитанный» на практике крупных пожертвований, в т.ч., и по завещаниям в пользу города, всякий раз пристально следил за действиями наследников многомиллионных состояний, предъявляя достаточно высокие нравственные требования к новым владельцам капиталов. Яркими положительными примерами тому, формировавшими устойчивые традиции и образы, служили изъятия последней воли иркутской купеческой вдовы Е.М. Медведниковой (1787-1828), передавшей городу 70 тыс. руб. на создание в Иркутске Сиропитательного дома для девочек и банка при нём (Иркутск стал одним из первых российских городов, где функционирование подобного заведения было обеспечено не «вечным капиталом», а специально созданным для него банком. Реализация этой идеи потребовала от наследников Е.М. Медведниковой нескольких лет упорного отстаивания своей позиции в Петербурге); иркутского купца 1 гильдии Е.А. Кузнецова (1783-1850), выделившего 250 тыс. руб. на возведение Иркутского кафедрального собора; иркутского купца П.И. Катывшевцева, завещавшего в 1881 г. крупные суммы бедным жителям, а также на создание приюта для лиц, «одержимых темнотою зрения».

Согласно воле умершего в 1883 г. иркутского купца 1 гильдии, русского вице-консула в Ханькоу П.А. Пономарёва, капиталы были употреблены на строительство сети народных школ на территории Иркутской губернии. В составленном в 1877 г. завещании Пономарев писал: «...*Мысль моя – посвятить жизнь мою на пользу людям, науке и искусству*».³

Начало 1880-х гг. было памятно иркутянам и оглашением завещания одного из богатейших иркутских купцов И.И. Базанова (ум. 1883), наследниками которого 500 тыс. руб. согласно

воле усопшего были направлены на строительство первой в Сибири крупной специализированной детской больницы, по уровню технического оснащения превосходившей медицинские учреждения столицы (ныне Детская городская Ивано-Матренинская больница в Иркутске).

Обсуждения обстоятельств передачи городу благотворительных капиталов и практика распоряжения ими нередко выходили за рамки досужих разговоров, приобретая общественное звучание. Именно таким стало дело по духовному завещанию иркутского купца 1 гильдии И.Н. Трапезникова (1830-1865), делящееся почти 20 лет (1866-1882 гг.). Большая часть завещанных капиталов согласно воле жертвователя передавалась на «устройство в г. Иркутске мужского благотворительного для обучения грамоте и ремёслам заведения, подобного Иркутскому Сиропитательному дому, с наименованием в память родителей ... «Ремесленным заведением Н. Трапезникова».⁴ Поскольку из завещания не было ясно видно, какая именно сумма выделялась на благотворительное заведение, наследники купца (В.П. Сукачев, А.Н. Портнова) предъявили в Иркутском губернском суде иск. Началась судебная тяжба, окончившаяся подписанием Мировой сделки, утверждённой Сенатом 1 марта 1882 г.

Трапезниковское дело породило массу мнений и слухов в городе, «долго занимало иркутские умы. Та часть интеллигенции, которая хоть сколько-нибудь интересовалась городскими делами и состоянием городской кассы, разделилась на два лагеря: одни стояли за город, другие за Сукачева».⁵ Были составлены два язвительных памфлета – «Думское Бородино» и «Золотая пшеничка», возникло дело «О потере дела духовного завещания И.Н. Трапезникова». Наконец, в местных типографиях вышло несколько брошюр, касающихся рассмотрения данного вопроса, которые быстро раскупались иркутянами.⁶

В 1882 г. Иркутск стал обладателем огромного, более 2 млн. руб., благотворительного капитала, который, по мысли И.Н. Трапезникова, следовало направить на развитие образования и просвещения. Вопрос о правильности распоряжения капиталом стал, пожалуй, одним из самых обсуждаемых на заседаниях городской думы.

По меткому выражению Г.Н. Потанина, «вопрос о трапезниковском наследстве для иркутян сделался пробным камнем. По отношению к этому вопросу определяли степень развития социальных чувств человека; по нему судили о степени нашего великодушия, нашего бескорыстия. По нему судили о том, строго ли вы разбираетесь в своих правах на то, что попадает вам в руки под видом собственности: принадлежит ли вам она всецело или в значительной степени кому-то другому. Для иркутского общества рассуждения о трапезниковском наследстве имели большое воспитательное значение».⁷

В 1914 г. об Иркутске писали: «Иркутск можно считать одним из лучших городов не только одной Сибири: по богатству, образованию, развитию население его стоит выше населения многих губернских городов Европейской России. Обращает на себя широкое развитие в Иркутске общественной благотворительности, которая дала городу миллионы. Иркутяне – истинные сибиряки, любящие город».⁸

2013

Примечания:

¹ Подсчитано: Пежемский П.И., Кротов В.А. Иркутская летопись. – Иркутск, 1911; Романов Н.С. Иркутская летопись. 1857-1880 гг. – Иркутск, 1914; Романов Н.С. Летопись города Иркутска. 1881-1901 гг. – Иркутск, 1993.

² Гаврилова Н.И. Благотворительные организации и частная филантропия в общественном быту горожан Восточной Сибири втор. пол. XIX в. // Проблемы благотворительности в современном мире: Мат-лы XIII Международного конгресса. С.-Петербург, 22-24 ноября 2005 г. / Под ред. Е.А.Вороновой. – СПб., 2005. – С. 151.

³ Завещание П.А.Пономарева // Сибирский архив – 1911 – № 1 – С.25-33.

⁴ РГИА. – Ф.1287. О.38 Д.751. Л.7.

⁵ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. – Т. 7. – Новосибирск, 1986. – С.56-57.

⁶ Дело города Иркутска с наследниками умершего почётного гражданина И.Н. Трапезникова Сукачевым и Портновой. – Иркутск, 1882. – 31 с.; Очередин Н. Доклад 14 июля 1882 г. об исполнении духовного завещания И.Н. Трапезникова. – Иркутск, 1882. – 31 с.; Романов Н.С. Летопись города Иркутска. 1881-1901 гг. – С.49.

⁷ Потанин Г.Н. Указ.соч. – С.57.

⁸ Азиатская Россия. Том 1: Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – С.309.

В.В. Ермилова,
г. Минусинск

И.Г. Гмелин. О своём путешествии по югу Сибири в 1739 году

В 2011 г. в Минусинский музей с необычной просьбой обратился автор книги «Трудный путь к железу Ирбы: история Ирбинского железного рудника 1734-1799 гг.» Курагинский краевед Владимир Титович Посохов. Для работы над очередной книгой ему необходимо было ознакомиться с трудом И.Г. Гмелина «Путешествие по Сибири».

В настоящее время, благодаря современным цифровым технологиям, учёным стали доступны литературные источники XVIII века. Так, в Европе были оцифрованы старинные книги и выложены в Интернет. В т.ч. и путевые заметки немецкого учёного И.Г. Гмелина о его путешествии по югу Сибири в 1739 г.

Иоганн Георг Гмелин (1709-1755) – уроженец Тюбингена (Германия), натуралист, врач, действительный член Петербургской Академии наук, участник ряда экспедиций по Сибири и Камчатке. Изучал растительный и животный мир, историю и этнографию населения Красноярска и Сибири. Автор четырёхтомного издания «Флора Сибири» (1747-1759).

Книга «Путешествие по Сибирь» была издана на немецком языке в 1751-1752 гг. в 4 томах. На русский язык книга была переведена частично (Соликамск, 2012 г.) в части, касающейся истории Урала. Что же касается юга Сибири, такового перевода на русский язык не делалось. Имея в распоряжении копию этой книги на старофранцузском языке, писатель В.Т. Посохов нуждался в её переводе.

Перевод осуществлен сотрудником Минусинского музея им. Н.М. Мартянова В.В. Ермиловой, с сохранением стиля И.Г. Гмелина, который написал эти воспоминания от первого лица (в ряде случаев от третьего лица – В.Е.).

И.Г. Гмелин. «Путешествие по Сибири».¹ (Фрагмент)

«6 сентября мы немного отклонились от маршрута, чтобы увидеть рудники. Близ небольшой реки мы обнаружили несколько шахтёрских домов, ограждённых рогатками, и чуть поодаль – открытую разработку, куда затем спустились учёные. Руда представляла собой мягкую породу зелёного и голубого цвета. В ней чередовались полосы цвета сурьмы и бледно-голубого цвета. Все рудники этого округа, так называемые Сыринские (по соседству с р. Большой Сыр), были нами внимательно осмотрены. Затем мы продолжили путь при тёплой, благоприятной погоде верхом на лошадях, преодолев многочисленные возвышенности, чтобы побывать ещё на т.н. Базинских рудниках, расположенных на одной из гор.

Гмелин исследовал многие из этих рудников. Руда одного из них имела зелёный цвет и содержалась в прекрасном белом кварце. Под горой находилось несколько шахтёрских барачков и баня, но людей совсем не было видно. Оттуда мы поехали вдоль р. База, которая вела к р. Аскиз, где стояли татарские юрты, там следовало оставить багаж и устраиваться на ночь.

На следующее утро учёные, узнав, что в окрестностях есть также татарские древности, поехали верхом на лошадях по долине р. Аскиз между двух горных цепей. На левом берегу реки они обнаружили скалу длиной в несколько саженей, с полостью близ воды. В глубине полости виднелся бесформенный блок алебаstra, и при определённой доле воображения на нём можно было угадать черты лица старухи. Поэтому по-татарски этот камень называется «Куртуяк». Возле него был другой, меньшего размера, напоминающий дитя. Это место было окружено густым кустарником, на котором яркие язычники-татары, не имеющие никакого представления о боге, развешивали свои дары, не задумываясь, принесёт ли это им добро или зло.

Учёные захотели увидеть татар-бельтиров, живших по берегам р. Тёя, и поехали степью, просшей солодкой. Образ жизни бельтиров не слишком отличается от кустинских (кузнецких?) татар. Бельтиры, более других татар, платили непосильную дань. Они обязаны были платить дань калмыкам, вымогавшим её насильно, с применением пыток. Калмыки привязывали к каждой щеке татарина по дощечке с помощью верёвок, скрепляя их на затылке, затем верёвки сильно скручивали, причиняя пленнику жестокие муки. После таких истязаний татарин отдавал

калмыкам всё, что те требовали. Этот способ напоминает другой, использовавшийся комендантами Якутска при посещении отдалённых острогов. На голове туземца делали тугую повязку и сжимали её с помощью вращаемой палки так сильно, что человек вынужден был отдать всё, что требовали, или сознаться в том, что у него выпытывали. Бельтиры платили дань калмыкам частично железом или кожей. В прошлом году калмыцкие сборщики дани были захвачены в плен сагайцами и заключены в Абаканский острог, где содержались некоторое время, затем были освобождены, вероятно, по приказу сверху.

8 сентября в 10-м часу утра двое учёных, вернувшись из Аскиза, поехали верхом на лошадях степью к р. Абакан. Там они увидели много древних захоронений и каменных изваяний с высеченными на них различными рисунками в виде крестов, кружков, коней. Вечером, на закате солнца, они вернулись на стоянку, проведя оба дня на сильной, почти летней жаре.

Утром 9 сентября они прибыли из Аскиза в Б. Сыр. Там несколько татар им сообщили, что во время поездки на Базинские рудники учёные забыли осмотреть подземный грот. Гмелин захотел его увидеть. Этот грот располагался под шахтами, на довольно высокой горе, на которой было три входа в гроты. Один из них с юго-запада простирался до верха горы, имел длину около 13 сажень и ширину около 4 сажень. Некоторые следы строений и яичной скорлупы, обнаруженные в нём, свидетельствовали о пребывании там человека. Пока Гмелин осматривал грот, двое шахтёров рассказали ему о другом гроте, учёный захотел повидать и его. Ещё они сообщили Гмелину, что между шахтами Красноярского округа протекает река Кокса, образованная в верховьях пятью небольшими притоками, именуемых местными жителями «протока». Кокса впадает в р. Абакан. У пятой протоки, наиболее удалённой от реки, возвышается гора с гротом глубиной в 5 сажень. По словам шахтёров, он довольно широк, с видимыми остатками ступеней или подмостков. Это позволило предположить, что грот служил убежищем для каких-то новых троглодитов.

Покинув грот, мы поехали холмистой степью к р. Абакан. На половине пути, в степи было болото, которое надо было преодолеть, вытаскивая повозки самим, т.к. лошади сильно увязали в болоте. Было, правда, подобие моста, но им не посмели воспользоваться.

Поскольку учёные захотели осмотреть ещё и другие рудные проявления Красноярского округа, то они направились к Абакану, а от него в горы. Для участия в этой поездке было только два человека, что оставались у реки в гроте. У них были две лодки, но такие ветхие, что требовалось постоянно вычерпывать из них воду, просачивавшуюся во все щели. Обе лодки связали и положили на повозку – так получился дилижанс.

Было уже слишком поздно, и все утомились от сильной дневной жары. Наконец, всё было готово до наступления ночи – и багаж, и люди, за исключением одного человека, не пожелавшего оставаться в темноте. Его оставили на другом берегу до утра.

10 сентября утром, перед отъездом, мы увидели подъехавших татар-койбал с большим табуном лошадей. Лошади путешественников заранее были уже запряжены в повозку, чтобы доставить их до первой остановки. Затем учёные разбили бивак у р. Кал, которая уходит в землю недалеко от р. Абакан. Там они остались до 3 часов пополудни. Татары принесли им форель, выловленную в Абакане. Мы выбрали лучших лошадей из числа тех, что привели татары, и продолжили путь. В тот же день мы достигли подножия Саян, где провели ночь при сильной грозе.

11 сентября учёные отправились осматривать рудную жилу на западном берегу р. Енисей, у подножия горной гряды, самой высокой в этой местности. Они обнаружили мягкую зелёную руду с вкраплением печенковой руды. Учёные увидели также зелёную руду, похожую на малахит, но более хрупкую, чем лава, и другую, красную руду. Подобно отбору проб зелёной и красной руды, мы извлекли из центнера руды около 58-60 фунтов чистой меди. Гмелин был удивлён, что природа образовала в этой местности совершенно иные полезные ископаемые, чем в Германии. Там лучшие минералы залегают на очень большой глубине, тогда как здесь их проявления находятся на поверхности земли. «Были ли они образованы здесь, – сказал учёный, – или перенесены каким-то образом в недра Германии? Если недра земли в древности находились в жидком состоянии, как полагает изобретательный Woodward, если всё смешалось, а затем осело, то металлы, как наиболее тяжёлые из всех земных образований, несомненно, осели на глубине». Он претендует на открытие большинства других фактов, доказывающих, что сибирская земля не слишком

пострадала во время преобразований недр, как в Германии. Но он опасается, по словам Гмелина, подать мысль философам, изучающим первоначальное состояние земли, доставить удовольствие перебраться в Сибирь, в край, который, в сущности, более нуждается в людях, его осваивающих, чем в резонерах, которые просто придут его осваивать. Так размышлял Гмелин, спускаясь с очень крутой горы. Несмотря на усталость, он принёс оттуда множество замечательных растений.

Вернувшись с гор, мы путешествовали на повозке вдоль Енисея до окрестностей Саянского острога, где нас ждали рабочие для постройки плота. Но учёные, узнавшие, что дорога по западному берегу Енисея непроходима, послали по реке людей из экспедиции, чтобы испечь хлеб, который отсутствовал уже несколько дней. Мюллер отправился с ними, чтобы сделать описание острога, а Гмелин, в ожидании его, занимался исследованием растений и птиц.

12 сентября, к обеду, люди, посланные в острог печь хлеб, присоединились к экспедиции и продолжили путь. Несмотря на плохую погоду, мы пересекли большую степь пониже Каменного острова, знаменитого обилием растущего там хмеля. До наступления темноты, проехав два других острова, мы прибыли к горняцкому жилью, где остановились на ночлег. Назавтра было решено отправиться с грузом по реке. Для этого приспособили три лодки, связанные между собой. Река была не слишком широкой и быстрой, и на рассвете мы отправились в путь, благополучно прибыв к вечеру на Луказский завод.

Строения завода были расположены на реке Луказке, 9 верстами ниже впадающей в Енисей. На заводе имелись цеха для выплавки меди, запасы которой в округе были огромны. Работники завода непрерывно были заняты на плотине, построенной поперёк реки, длиной в 60 сажень и шириной в 12 сажень. На заводе работали инспектор, кассир, плавильщик, несколько новобранцев-рекрутов, более ста заключённых под командованием лейтенанта-артиллериста. Построенные здания занимали часовня, дома, похожие на екатеринбургские, но уже сильно заражённые клопами, больница, столярные и прочие мастерские, кузница, канцелярия, кабак и т.д. Больница была в ведении лекарского ученика (хирурга), которого избавили от всех лекарств, чтобы по невежеству он никого не отравил. Эти здания находились на левом, или северном берегу реки. Дома и часовня были окружены рогатками с двух сторон до края долины. Это была крепкая ограда, через которую нельзя было проникнуть без ведома лейтенанта.

Недалеко от завода в лесу виднелось множество ям, расположенных на расстоянии друг от друга. Некоторые из них были размером с квадратную сажень. Многие ямы имели каменные выступы, которые можно было принять за остатки древних плавильных печей.

Учёные исследовали одну из этих печей, чтобы составить о ней представление. Эта печь имела удлинённую форму и состояла из камней, связанных раствором цемента с песком.

Вокруг печей находилась большая куча железного шлака, у других – медного шлака. Следовательно, эти плавильные печи использовались в глубокой древности, т.к. между камнями видны были корни пихты, проросшие насквозь и переплетённые повсюду.

Учёные, желая осмотреть ещё Ирбинский завод до возвращения в Абаканск, решили поехать навстречу рисовальщикам и большей части багажа с просьбой дожидаться их там. Они заказали изготовить четыре плота возле устья Луказки у Енисея и к 16 сентября найти свежих лошадей на базаре в Бейском (Бейкотонском?) улусе, в койбальском роде».

Представленный фрагмент текста книги И.Г. Гмелина (в переводе на русский язык) позволит современному читателю и исследователю ознакомиться с неизвестной, недоступной до настоящего времени историей и культурой коренного населения южной Сибири, историей освоения природных богатств и возникновения первых шахт и металлургических заводов.

2012

Примечание:

¹ Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири. Перевод с французского языка. 1739 г. Т.3. Ч.3. С. 385-389.

Эволюция городского костюма России во втор. пол. XIX – нач. XX веков.
(по материалам Енисейской губернии)

В любом обществе существует интерес к внешнему виду человека. Костюм, обувь и аксессуары к ним важны для человека и свидетельствуют о его социальном положении, национальности, этических и эстетических предпочтениях. Изучение истории костюма является неисчерпаемым источником в исследовании повседневной жизни людей любой исторической эпохи.

В дореволюционной России большую часть одежды шили на заказ из привозных тканей промышленного производства. Торговцы поставляли в Сибирь различные виды тканей: хлопчатобумажные, шерстяные, шёлковые, бархатные самых разнообразных расцветок, изготовленные как в европейской части России, так и в зарубежных странах. В городах существовало множество ремесленных мастерских. Портные, белошвейки, сапожники, скорняки и прочие мастера своего дела шили одежду и обувь. Как правило, они обслуживали определённый круг постоянных клиентов. Наиболее обеспеченные горожане (чиновники, купцы, богатые мещане) не жалели средств на пошив модной и дорогой одежды. Модный светский костюм был показателем высокого социального и имущественного статуса. Красноярский предприниматель А.Г. Тонконогов одевался по картинкам парижских модных журналов или «Телескопа». У него был постоянный личный портной И.В. Хилков.¹ Верхушка чиновничьего аппарата и крупные предприниматели предпочитали одежду, сшитую по последней моде, из дорогих тканей и у самых лучших мастеров. Они могли позволить себе заказывать платья и костюмы у известных портных Москвы и Петербурга, а также у заграничных мастеров.² Ещё Е. Авдеева-Полевая заметила, что в богатых купеческих домах женщины стремились подражать столичной моде и нигде не сохранились наряды прабабушек.³

В городах получили широкое распространение мастерские, рассчитанные на небогатых горожан (ремесленников, рабочих, мелких торговцев, прислуги и т.д.), где за небольшую плату можно было заказать одежду или обувь. В нач. XX в. в Красноярске насчитывалось 57 модисток, швей и 156 портных; в Ачинске – 14 модисток, 30 портных.⁴ Для подобной клиентуры с небольшим достатком, портные шили платье или туфли не по картинкам модных журналов, а по старым, но проверенным и прочно утвердившимся шаблонам. Многие горожанки с небольшим достатком могли сами сшить себе и членам семьи повседневное платье по готовым выкройкам. В кон. XIX в. корреспондент «Справочного листка Енисейской губернии» писал: «Шитьём занимается каждая мещанка Минусинска по выкройкам 1830-х гг., хотя излюбленным фасоном наших барынь следует признать что-то вроде «полонеза».⁵ Следовательно, происходил некоторый застой в костюме простых горожан, стремившихся приобрести удобную без модных излишеств одежду или обувь. Продвигать модные тенденции в одежде и постоянно обновлять свой гардероб было уделом хорошо обеспеченных горожан. Нельзя не согласиться с мнением Ф. Броделя, написавшего по этому поводу: *«Игнорировать моду – участь бедноты, где бы она ни жила. Костюмы бедняков, сколь бы красивы или примитивны они ни были, останутся тем же, чем были».*⁶

По одежде можно было определить социальный статус того или иного городского жителя. В сибирских городах при отсутствии богатых помещиков, дворянство, которое большей частью, относилось к чиновникам, часто не располагало значительными средствами для того чтобы стать законодателями мод среди горожан. Носителями модных тенденций в одежде были преимущественно представители купеческого сословия. В свою очередь, костюм сибирского купечества, особенно повседневный, по покрою не отличался от одежды мещан или крестьян.⁷ *«Чиновничество себя держало выше других, – вспоминала А.А. Тарасова, – барыни и барышни ходили в шляпах и одевались по моде, мужчины ходили в сюртуках и цилиндрах, а небедные могли позволить себе купить перчатки».*⁸ Изысками в одежде отличались дочери и жёны богатых купцов, золотопромышленников и чиновников. Как правило, барышни одевались достаточно дорого и стремились не отставать от столичных модниц. Платье состоятельных дам отличалось дорогой тканью, модным покроем, искусной работой портного, необходимыми украшениями. О мещанах

Красноярска 50-70-х гг. XIX в. М.В. Красножёнова писала: *«Общий уклад мещанской группы городского населения был одного колорита, разница заключалась лишь в обстановке и одежде, в зависимости от материального благосостояния. Общественные права их были несколько ограничены. Например, дочери и жёны мещан не имели права носить шляп и т.п.»*⁹ В сер. XIX в. мещанин по внешнему виду почти не отличался от крестьянина. Среднего достатка мещане в отличие от крестьян имели более дорогую одежду, и выбор из широкого ассортимента разнообразных тканей. В последующие годы постепенно в городах сформировался своеобразный городской стиль, который наиболее ярко проявился в мещанской и купеческой одежде. По традиционной деревенской одежде можно было определить, проживавших в городах крестьян.¹⁰ Среди рабочих, прислуги, извозчиков, горничных, кухарок, прачек они выделялись не только поведением, но и манерой одеваться, носить разнообразные украшения и причёсываться. Нередко происходило смешение городского платья и деревенской одежды, что было свойственно рабочим, недавним выходцам из крестьян.

В пореформенный период мужчины носили преимущественно кафтанобразную одежду, включавшую разнообразные кафтаны и полукафтаны, а также фраки и сюртуки. Особым шиком у купцов и богатых мещан считались синие суконные сюртуки и вычищенные до зеркального блеска сапоги-бутылки. Выходной костюм зажиточного горожанина состоял из черного фрака, брюк серого цвета, разноцветного жилета с рисунком, галстука «чери».¹¹ Другой вариант мужского выходного костюма был следующий: сюртук, жилеты различного кроя, умеренно просторные панталоны, галстук и цилиндр. Фраки и визитки относились к выходной одежде, которую надевали по особым случаям. Обычный мужской фрак втор. пол. XIX в. выглядел следующим образом: сшит из тонкой шерстяной ткани чёрного цвета. Он был двубортный, отрезной по талии с втачным рукавом. Обычно в передней части фрака пришивались четыре пуговицы, обтянутые тканью, на лацканах по три прорезных петли. Подкладом служила светлая шелковая ткань.¹² Визитка, обычно чёрного цвета, также относилась к выходной одежде. Она была удлиненной (длина около 95 см), её шили из толстого чёрного сукна с подкладом из чёрной хлопчатобумажной ткани, подкладка рукавов – белого цвета. Покрой визитки отрезной по талии, у спинки две фигурные вытачки, рукава прямые, воротник отложной. Визитка застёгивалась на одну пластмассовую плоскую пуговицу. На груди располагался карман-листочек, на внутренней стороне два врезных нагрудных кармана и один врезной с левой стороны.¹³ Горожанин носил китайчатый (хлопчатобумажный) халат или чекменевый из верблюжьей шерсти кафтан, шаровары, сапоги или коты, шляпу или маленькую шапочку.¹⁴

Постепенно длина сюртука укорачивалась, он стал прообразом современного пиджака. Такая одежда стала универсальной для представителей разных социальных слоёв. Пиджак носили дворяне, чиновники, разночинная интеллигенция, мастеровые. К кон. XIX – нач. XX в. сложился пиджачный костюм, который впоследствии мало подвергался изменениям. Мужской костюм состоял из тройки: пиджака, брюк и жилета. Пиджак, благодаря прямому силуэту, не так плотно прилегал к телу, как сюртук. Свободные, не стеснявшие движения пиджаки способствовали созданию нового образа современного мужчины, открытого и доступного всему новому. Пиджачный костюм являлся повседневной одеждой для представителей буржуазии и интеллигенции и как выходной для рабочих.¹⁵

До сер. XIX в. мещанки подобно крестьянкам носили короткие кофты и юбки, обувью служили обычные башмаки, на голове повязывали платок.¹⁶ В последующие годы одежда постепенно претерпела изменения. В пореформенный период они обычно носили юбку с кофтой, платье с лифом, салопы, шубки, непременным головным убором служили всевозможные платки и шали. Женский городской костюм часто включал в себя накинутую на плечи или покрывавшую голову шаль. Несмотря на то, что в городском костюме сложился собственный стиль, до кон. XIX в. для женской одежды было характерно сохранение традиционности, в то время как мужской костюм был более переменчив. Дополнением к женскому туалету нередко являлась жилетка, которая подчеркивала узкую талию женщины. В зависимости от использования тканей платье или костюм подразделялись на простые и сложные. Простые шили из одной дорогой или дешёвой ткани, сложные – при использовании нескольких видов ткани (например, шерсти, бархата и атласа). У

сложных туалетов было важно подчеркнуть достоинство каждого вида ткани в одежде.¹⁷

В 1860-е гг. в городской зажиточной среде женщины носили шелковые платья на кринолине. В это время кринолином называли сборчатую юбку, надетую поверх каркаса из обручей. Первоначально материалом для каркаса служил китовый ус, позднее его заменили лёгкие и гибкие стальные обручи. С такими обручами отпала необходимость носить множество юбок. Платье с обтяжным лифом, большей частью закрытые, пышные юбки расширились во все стороны за счёт кринолина, а также обилие разнообразных воланов, рюшек, оборок, складок. Обычно подол платья гарнировали складчатыми воланами. Рукава прямые и длинные, спереди платье декорировали обтяжными пуговицами. Часто у платья были отложной белый воротничок и манжеты. Обычно на плечи накидывали шаль с кистями.¹⁸ В 1870-е гг. мода на кринолин прошла и женщины окончательно отказались от него. На смену неудобному кринолину пришли платья с турнюром. Как правило, турнюр представлял собой каркас из проволочных обручей, смещённых в сторону спины, и положенную на него сверху на талии подушечку. Эта замысловатая конструкция сильно деформировала женский силуэт, выгибая его в форме латинской буквы S и придавая фигуре излишний объём сзади, за что и получило прозвище «куль де Пари» («парижский зад»)¹⁹

К кон. XIX – нач. XX в. обозначился стиль одежды для определённой группы населения. В мелкобуржуазной и интеллигентской среде получил распространение женский костюм, имевший практичное и скромное применение, без излишков и украшений, характерных для высших кругов общества. Женщины, получившие образование и профессию, занимавшиеся трудовой и общественной деятельностью, стремились иметь строгий и деловой внешний облик. Постепенно мода перестаёт быть привилегией обеспеченных слоёв общества и становится доступной широким слоям. Женская одежда подобно мужской стала более лаконичной. В этот период неотъемлемой частью женского гардероба становится костюм (жакет и юбка, позднее присоединена блузка) из недорогих, но практичных тканей.²⁰

Е. Суслина заметила, что даже люди, тщательно следившие за своей внешностью, в большинстве своём носили костюмы, сшитые далеко не по последней моде, т.к. она менялась медленно и только в деталях. Костюм, сшитый по моде пятилетней давности, не казался нелепым и смешным. Больше внимание уделялось чистоте и безукоризненному качеству одежды.²¹ Даже представительницы зажиточных семей, которые сшили себе платья из дорогих тканей, носили свои наряды более длительный срок, чем того требовала мода. Появление новых модных тенденций в покрое платья или костюма не являлось поводом для отказа от полюбившихся вещей. Таким образом, относительно состоятельные слои не спешили менять свой гардероб.²² Следует учитывать, что новшества моды приходили в приенисейские города с некоторым опозданием. Так, например, в нач 1890-х гг. обеспеченные дамы Красноярска носили платья с пышными, заложёнными в складки юбками. Хотя трен (шлейф платья) вышел из моды и в столичных городах такой наряд стал выглядеть смешным, в оформлении одежды провинциальных горожанок он ещё был широко распространён.

Модные тенденции, предлагаемые в те времена столичными и зарубежными журналами мод, не приживались в провинциальных городах России. Женщины отдавали предпочтение одежде простого кроя, доступной по цене ткани, несложности и вычурности отделки, удобству туалета. Л.Ю. Фефилова пришла к выводу, что в кон. XIX в. в провинциальных городах Урала и Сибири стилистика модерна, популярная в Петербурге и Москве, была признана местными жительницами не до конца. В костюме дамы заменили геометрическую чёткость линий более простыми и естественными формами. Женщины не хотели принимать сложность кроя, они не спешили слепо копировать журнальный костюм, но придерживались стилистики модерна и сохраняли основные идеи женственности. Также чуждой для большинства горожанок стала идея изнеженной и рафинированной дамы и реализующая этот образ стилистика Востока.²³

В нач. XX в. менялся привычный ритм жизни, проявилось стремление женщин к эмансипации, увлечение спортом, верховой ездой, велосипедными прогулками, что оказало непосредственное влияние на форму костюма. Специально предназначенная для спорта и отдыха одежда только появилась и была характерна для обеспеченных слоёв населения. Перестал быть актуальным образ эфемерного создания, на смену пришёл идеал уверенной в себе женщины здорового вида. Модным стал костюм, который с одной стороны, был изящным, а с другой, удобным в по-

вседневной жизни.²⁴ Из женской моды исчез курьёзный турнюр. Казалось, что дамы устали возиться с корсетами и длинными юбками, им требовалась одежда, более удобная в повседневной жизни. Костюмы с длинными пиджаками и узкими юбками, сшитыми из мужских тканей, теперь больше соответствовали образу эмансипированной женщины.²⁵ Спортивный женский костюм отличался от традиционного длиной, он был более коротким и давал большую свободу движений. Получили распространение короткие пальто, пальто с пелериной и стоячим воротником, манто и т.д. Появились свободные блузы, сравнительно короткие юбки в складку и даже юбки-шаровары. В 1911 г. в Красноярске событием стала продажа в магазине по Воскресенской улице юбок-шаровар. Владелец магазина был убеждён, что юбки-шаровары приживутся в городе, поэтому он закупил их целую партию. Наиболее продвинутые и смелые дамы купили себе новинку сезона – юбки-шаровары. По этому поводу некоторые мужчины высказали свое мнение: «Такие юбки годны только для езды на велосипеде».²⁶ Подобная одежда была уместна для загородных прогулок, но всё равно считалась эпатажной и шокировала достопочтенную публику.

Таким образом, урбанизационные процессы в городах способствовали тому, что постепенно традиционная одежда вытеснялась, отходила на второй план, некоторые её элементы сохранялись у определённой группы населения, но общей стала тенденция распространения общеевропейского костюма. На протяжении рассматриваемого периода произошли изменения и в отношении горожан к одежде и к собственному внешнему виду. В пореформенный период обеспеченные слои населения отдавали приоритет дорогой, богатой и изысканной одежде, средние и малоимущие предпочитали простой, традиционный костюм. К нач. XX в. горожане различных социальных групп стали уделять больше внимания удобству и практичности платья.

2012

Примечания:

¹ Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/Ф. 7886/231. Л. 229.

² Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (сер. XIX – нач. XX в.). – Барнаул, 2004. – С. 183.

³ Авдеева-Полевая Е. Записки и замечания о Сибири. – М., 1837. – С. 10.

⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 31. О.1. Д.217. Л.147-148; Д.264. Л.7.

⁵ Справочный листок Енисейской губернии. 1890. 27 мая.

⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Структура повседневности: возможное и невозможное. Т. I. – М., 2006. – С. 281.

⁷ Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта... – С. 168.

⁸ КККМ. О/Ф. 7886/109. Л. 34.

⁹ Там же. О/Ф. 7886/111. Л. 1.

¹⁰ Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта... – С. 163-165.

¹¹ Минусинский региональный краеведческий музей (МРКМ). О/Ф. 10099/1-4.

¹² КККМ. О/Ф. 12. 4677-9. Т-2252.

¹³ Там же. 8831/2.

¹⁴ Город у Красного яра. Документы и материалы по истории Красноярска перв. пол. XIX в. – Т. 1, 2. – Красноярск, 1981 – 1986. – С. 202.

¹⁵ Фефилова Л.Ю. Методика исторического анализа европейского костюма кон. XIX – нач. XX в. по фотоматериалам Урала и Сибири. Автореф. дис. ... к.и.н. – Екатеринбург, 2007. – С. 17; Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта... С. 186.

¹⁶ Город у Красного яра... – С. 202.

¹⁷ Суслина Е. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. – М., 2003. – С. 270.

¹⁸ КККМ. В/Ф. 8336/1822-4.

¹⁹ Чалтыкьян Д. История костюма с древности до XX в.. – М., 2011. – С. 164.

²⁰ История моды. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.moda-history.ru/view_post. (Дата обращения 24.03.2011).

²¹ Суслина Е. Повседневная жизнь русских щеголих и модниц... – С. 295.

²² КККМ. О/Ф. 9717/28. Ф. 2143.

²³ Фефилова Л. Ю. Методика исторического анализа европейского костюма... – С. 21.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Чалтыкьян Д. История костюма с древности до XX в... – С. 175.

²⁶ Красноярский хроникёр. 1911. 30 июля.

Иной век, иная жизнь, иное бытие

(сибирская повседневность на примере Красноярска XIX в.)

Старинные записные книжки с воспоминаниями, дневники, семейные альбомы интересны образованному современному читателю, прежде всего своей историей повседневности. Эта тема в последние годы привлекла к себе внимание многих исследователей. И не случайно. Познавание прошлого даёт возможность почувствовать себя звеном в бесконечном мире человеческих судеб. Это создаёт иллюзию вечности человеческого существования.

Что касается истории сибирской повседневности, то она больше изучалась в старое время. А в новое – бытовые обстоятельства существования человека заслонились более глобальными проблемами. В этой маленькой заметке остановимся на эпизоде из жизни одной семьи, принадлежавшей немногочисленному дворянскому сообществу сер. XIX в., проживавшему в провинциальном городе Красноярске, который, несмотря на свой губернский статус, имел лишь одно преимущество – расположение на главном сибирском тракте.

Чиновники губернских учреждений в сибирских городах составляли наиболее образованную прослойку местного общества, его местную элиту. Многие приезжали в наши края, чтобы пополнить оскудевший карман. В Сибири быстрее шло повышение в чинах, уменьшался счёт служебных лет, через каждые пять лет добавлялось жалование. Существовал и «социальный пакет»: оплата квартир, снабжение дровами, длительные отпуска, хорошие подъёмные и т.д. Если ко всему перечисленному прибавлялось служебное рвение и присутствие умного губернатора, умевшего ценить деловые достоинства подчинённого, то чины, награды, выслуги давали возможность поправить семейные обстоятельства, а то и восстановить или прикупить новое имение.

Помимо добровольной службы в Сибири, государство привлекало из крупных российских городов опытных чиновников для «верного исполнения правительственных узаконений» в губернских присутственных местах. Служебно-повседневная жизнь дворянина, попавшего в глушь, протекала довольно однообразно. Стараясь в повседневной жизни сохранять все привычки и навыки своего сословия, заезжие не чурались и доступных провинциальных утех – балов в местных дворянских собраниях, пикников и охот с полковым оркестром.

Одним из «столпов» красноярского чиновничества и членом его добропорядочного общества являлся Политковский Всеволод Гаврилович (1811-1871) – председатель Енисейской казённой палаты с сер. 1850-х до 1864 г. Здесь стоит упомянуть одно любопытное свидетельство: его брат, Владимир Гаврилович, был дружен с А.С. Пушкиным во время своей службы на юге России в 1820-х гг. По воспоминаниям современников, Всеволод Гаврилович был религиозным, честным, «многознающим» человеком. В обществе привлекал к себе внимание громкими речами и страстью к гавайским сигарам. Жена его, Варвара Ивановна (1817 г. р.), по мере возможностей, занималась благотворительностью. Семейство Политковских было невелико: с родителями проживали дочь Ольга (1847 г. р.), сын Сергей (1853 г. р.) и свояченица Александра Ивановна. Детей учили всем дворянским премудростям, насколько это позволяли возможности провинциального города.

В начале 1864 г. семейство выехало в Европейскую Россию, где В.Г. Политковский поступил на службу к московскому генерал-губернатору. В последние годы жизни он состоял членом Санкт-Петербургского общества сельских хозяев. Сын Сергей обучался в училище правоведения, но был забран из-за болезни. Дочь Ольга, владевшая несколькими языками, занималась переводами. Одна из переведённых ею книг под названием «Сын человеческий» была привезена в Красноярск. От чрезмерных занятий Ольга начала заговариваться, о чём с тревогой мать писала оставшимся в городе знакомым.

Ниже приведены воспоминания под названием «Именины у Политковских», записанные со слов их служанки Василисы дочерью известного красноярского купца П.И. Кузнецова – Александрой Петровной. Воспоминания хранятся в фонде собирателя народной старины в 1920-х гг.,

бывшего сотрудника музея Марии Васильевны Красножёновой. Печатаются они в том виде, в каком бытуют, с сохранением стилистики.

Именины у Политковских. *(По рассказу Василисы)*

«Мы с Матрёнушкой обе жили тогда у П(олитковски)х. Она швей и при барыне, а я горничной при барышне. Жить было ничего, только уж очень строго было на счёт всякого обихода. Всё должно было быть по известным правилам; если что не так, начинались охи и ахи и изводили нас нотациями, в особенности тётка Ал(ександра) Ив(ановна) старалась, уж не дай Бог, если сделаешь что не так у барышни, тут у неё разговоров, хоть из дому беги. Барышня сама ничего не делала, приходилось её одевать, начиная с чулок, а она стоит как статуя, а ты около неё ходишь и завязываешь все тесёмки, застёгиваешь все пуговицы и крючки. А у нас хуже не было корсет шнуровать, а мать и тётка всегда присутствовали при её одевании. Только раз шнуровала я её, а корсет был с одним шнурком, да и ошиблась на один глазок, внизу-то и не сошлось. Ну, было же мне: «Милая, да ты опомнись», «Милая, да ты в себе или нет», «Ведь ты у нас барышню скривишь», «Да ты, кажется, забыла, у кого живёшь», «Посмотри, что ты у барышни сделала». Мало того, что мне чего не наговорили, да и всем знакомым, кто в этот день приезжал, рассказывали, что Василиса чуть барышню не испортила. Считали они себя аристократами, держали со всеми себя гордо, любили почёт и уважение. Тоже насчёт манер было очень строго, дочь, когда стояла, то непременно в 3 позиции, и не только к своим детям, у них были сын и дочь, а делали и другим молодым барышням замечания, если что не так. Любили также критиковать знакомых, страсть какие были критиканки, сам то этим не занимался, ну, а у нас барыни, как побывают где на вечере, так на другой день и начнут, по – французски, критиковать всех, а мы, конечно, соображали, что они знакомых перебирают, хоть разговор и французский, а фамилии то, да имена все русские, да нам известные.

Именины праздновались пышно, приезжало много гостей, а чиновницы все с подарками. Уж в особенности торжественно отпраздновали 16-летие дочери. Рождение и день ангела приходились в один день 11 июля на Св. Ольгу. Подарки начались с утра. Когда новорождённая подошла к иконам, чтобы помолиться, она нашла аметистовые чётки; когда стала одеваться к обедне, то, вместо платья, которое она хотела надеть из бывших у неё, вдруг распахнулась дверь и вбежала Матрёнушка, держа новое светло-серое барежевое платье с гроделевыми цветочками (барез – сорт шёлковой ткани в технике газа, гроденапл – плотная шелковая ткань). После обедни парадный чай и около чашки новорождённой золотой браслет с надписью «Да хранит тебя Бог». Потом начались поздравления всех знакомых и подчинённых отца. Многие с подарками. Обед прошёл с близкими знакомыми, и у самого прибора она нашла золотые часы. Затем был отдых перед балом; уходя отдыхать, новорождённая сняла новое платье и приказала его подгладить. Когда она начала одеваться к балу, опять вдруг распахнулась дверь и вбежала Матрёнушка, держа воздушное тарлатановое платье белое (тарлатан – разновидность кисеи), отделанное маленькими букетами роз и на новорождённую. Восторгу не было конца, и она благодарила мать и тётку, и целовала им руки. Все думали, что будут танцевать под фортепиано, ну, а всем был устроен сюрприз, мне приказали провести Мошковича с его оркестром (уроженец царства Польского Мошкович, содержавший смешанную труппу актёров) на балкон и запереть дверь, чтобы никто их не видел. И вот как собралась все гости и подошло время начать танцы, вдруг и грянул оркестр. Так все изумились, обрадовались и тут начали танцевать вовсю. Потом была иллюминация, ужин, пили за здоровье новорождённой, её родителей. А потом были опять танцы и уже до самого утра. Когда все гости разъехались, то барышня не знала, как благодарить родителей, целовала им руки и благодарила на разных языках».

2013

Литература:

1. КККМ (Красноярский краевой краеведческий музей), ОФ 7886/112. Красножёнова М.В. Материалы по быту населения Приенисейского края. Л. 85-86.
2. ГАКК (Государственный архив Красноярского края), Ф.561, О.1, Д.130, Л.72 об.
3. ГАКК, Ф.592, О.1, Д.1199, Л.57.
4. ГАКК, Ф.796, О.1, Д.4369, Л.30,37.

Становление музыкально-театрального искусства на юге Енисейской губернии в кон. XIX – нач. XX веков

На юге Енисейской губернии (ныне Красноярский край), в городе Минусинске, становление музыкально-театральной жизни было тесно связано с притоком интеллигенции, число которой значительно возросло в период так называемой «золотой лихорадки» (1830-1840-е гг.). Именно в это время Минусинск становится центром притяжения для купеческого сословия, учёных-путешественников, архитекторов, художников, музыкантов. Большую роль в развитии культурно-музыкальной жизни города в XIX в. сыграли политические ссыльные.

Центром культурной жизни в Минусинске на рубеже веков было Литературно-Музыкально-Драматическое Общество (или Общество любителей драматического искусства), которое на протяжении почти пятидесяти лет вело многогранную сценическую, концертную, благотворительную деятельность и всегда пользовалось у публики большой популярностью.

Принято считать, что любительский кружок драматического искусства в городе Минусинске ведёт свою историю с 1881 г. – по обнаруженному в городских архивах И.Е. Шадринной¹ счёту от спектаклей. Наиболее раннее документальное упоминание о театральном кружке, которое удалось обнаружить, также датируется 1881 годом. Однако в нём, на наш взгляд, имеется очень важное замечание, позволяющее говорить о том, что к 1881-1882 гг., когда историки и краеведы начинают отчёт театральной жизни города, минусинское «благородное» общественное собрание переживало некий упадок. Сама же традиция проведения спектаклей и концертов к этому времени в Минусинске существовала уже как минимум «лет 10-15 назад».² Приведём часть текста этой статьи:

«...Индифферентизм и беспечность минусинского общества в вопросах городского благоустройства разительнее всего проявляются ныне в содержании и поддержке, закрывающегося с будущего года за недостатком средств, своего общественного клуба, или так называемого, минусинского «благородного» Собрания. В прежние годы, лет десять-пятнадцать назад, наш клуб усердно поддерживался и посещался в праздничные дни «благородными» и «не благородными» обывателями, без различия сословий и общественных положений... В воскресные дни клуб всегда был полон, ибо всякий обыватель, особенно семейный, не упускал случая повеселиться «вкуп раз в неделю» в своём благородном собрании, не стесняясь присутствием чиновных и денежных тузов, принимавших зачастую самое живое участие в играх и танцах простых смертных...». И там же: «... зачастую в здании клуба устраивались любительские спектакли в пользу разных благотворительных целей, дававшие всегда полный сбор».³

Таким образом, смело можно утверждать, что уже с сер. 70-х гг. XIX в. в Минусинске существовал свой городской общественный клуб – клуб «благородного» собрания,⁴ на театральной сцене которого, судя по всему, каждое воскресенье проводилась культурная программа: спектакли, концерты, танцы.

К кон. XIX в. Минусинск, наряду с Иркутском, Томском, Красноярском, становится одним из театральных центров Сибири. В город стали заезжать труппы профессиональных, кочующих по России и Сибири театров.⁵ Сохранившиеся в архивных фондах театральные афиши свидетельствуют о том, что в городе, помимо спектаклей, регулярно проводились всевозможные литературно-вокальные, литературно-музыкальные вечера, игры, танцы... На протяжении многих лет на минусинской сцене ставились драмы и комедии с музыкальным сопровождением, водевили «с пением и танцами», а так же оперы, оперетты, балеты и многое другое.

Наиболее ранние сведения о концертной деятельности на юге Енисейской губернии имеются в «Сибирской газете» за 1882-й год.⁶ Это был литературно-вокальный вечер, данный кружком любителей драматического искусства в пользу учащихся минусинского городского училища: «В воскресенье, 25 апреля, в зале общественного собрания дан был кружком любителей драматического искусства литературно-вокальный вечер, в пользу бедных учеников здешнего городского училища. Концерт удался, как нельзя лучше, и по исполнению, и по сбору. Все места были заняты. Выручено около 165 рублей с копейками. Публика осталась очень довольна исполнением,

особливо отличился хор певчих, составленный из учеников городского училища, под управлением уважаемого всеми в городе за долговременную и полезную деятельность старшего учителя городского училища Т.Н. Сой-ва».⁷

Отметим, что музыкальные предпочтения горожан в рассматриваемый период отдавались камерно-вокальным формам и небольшим инструментальным произведениям концертного характера. Как правило, это были сочинения для скрипки и фортепиано отечественных и зарубежных композиторов: П.И. Чайковского, Э. Кеттерера, Т. Лешетицкого, Ф. Шопена и других. Иногда исполнялись отрывки из опер («Евгений Онегин» и «Пиковая дама» П.И. Чайковского, «Князь Игорь» Бородина, «Фауст» Ш. Гуно, «Лакме» Л. Делиба и др.).⁸

Из вокальной музыки, наряду с русской народной песней, на концертной сцене нередко звучали романсы А.А. Алябьева, А.Е. Варламова, А.Л. Гурилева, М.И. Глинки, П.И. Чайковского, С. Монюшко, Ф. Шуберта и других. В дореволюционный период не обходилось и без духовной музыки: чаще всего на концертной сцене звучали гимн «Боже, царя храни» и элегия П.И. Чайковского «Был у Христа младенца сад».⁹

В качестве примера одного из концертов приведём литературно-музыкальный вечер, состоявшийся в г. Минусинске 27 марта 1883 г., с участием лучших музыкальных сил города: Т.Н. Сайлотова, Е.К. Малининой, Н.З. Ярцева и др. Основу программы составили русские народные песни и романсы, а так же небольшие инструментальные сочинения для скрипки и фортепиано отечественных и зарубежных авторов:

«1883 года 27 марта в пользу Кабинета учебных пособий имеет быть Литературно-Музыкальный вечер с разрешения Начальства последующей программы:

Отделение I

1. «Каприз», музыка Кеттерера, исп. на рояли *Г-жа Малинина Е.К. и Г-жа Иванова Н.А.*
2. «Тебя здесь нет», романс муз. Кушелева-Безбородко исп. *Г-жа Малинина Е.К.*
3. Стихотворение «Пост» Чистякова прочтёт *Г-н Коновалов Н.П.*
4. «Концертный вальс» муз. Лешетицкого исп. на рояли *Г-жа Иванова Н.А.*
5. «Пловцы» дуэт муз. Варламова исп. *Г-н Должников Ф.Л. и Г-н Ярцев Н.З.*

Отделение II

1. «Концертная полька», муз. Вилласса исп. *Г-жа Малинина Е.К. и Г-н Кун С.М.*
2. В.А. Жуковский, биография соч. Висковатова прочтёт *Г-н Ляпидовский Ф.С.*
3. «Вечер» муз. Монюшки исполнит *Г-жа Малинина Е.К.*
4. «Элегия Христа» исп. на рояли и скрипке *Г-жа Иванова Н.А. и Г-н Генерозов*
5. «Комические куплеты» исп. *Г-н Ярцев Н.З.*

Отделение III

1. «Полонез» муз. Шопена исп. на рояли *Г-жа Иванова Н.А.*
2. «На заре туманной юности» исп. *Г-н Должников Ф.Л.*
3. Стихотворение «Филантроп» соч. Некрасова прочтёт *Г-н Коновалов Н.П.*
4. «Серенада» муз. Шуберта исп. *Г-н Сайлов Т.Н.*
5. «Век юный» романс музыка Пащенко исп. на фортепиано *Г-жа Баженова и Г-жа Малинина*

Отделение IV

1. «Пропадай ты жизнь» романс муз. Пащенко исп. *Г-жа Баженова*
2. «Соловей» муз. Алябьева исп. на скрипке с аккомпанементом фортепиано *Г-жа Малинина и Г-н Генерозов*
3. «Новая форма» рассказ соч. Лейпина прочтёт *Г-н Сайлов Т.Н.*
4. «Наш милый ребенок» комические куплеты исп. *Г-н Баженов*
5. «Ай, мороз, морозец» русская песня муз. исп. *Г-жа Малинина*
6. Увертюра из оперы «Пиковая дама» Чайковского муз. дуэт *Г-жа Малинина Е.К. и Г-жа Иванова Н.А.*

Начало в 7 ½ часов. Цена местам:

Кресло 1, 2 и 3 ряда по 3 рубля

Кресло 4, 5, 6 и 7 ряда по 2 рубля

Кресло 8 и 9 ряда по 1 рублю

Билеты заблаговременно можно получать в квартире Г. Коновалова и Г. Шимко».

Примерно с 90-х гг. XIX в. на юг Енисейской губернии из разных городов всё чаще стали приезжать гастролирующие актеры и музыканты, многие из них приезжали из Иркутска.

В июне 1889 г. Минусинск посетили иркутские актёры П.В. и М.Е. Седиковы. В афише о данном ими в городе литературно-музыкальном вечере говорилось следующее: «18-го июня 1889 года в помещении летнего собрания актёром иркутского театра, куплетистом и рассказчиком П.В. Седиковым и актрисой М.Е. Седиковой дан будет юмористический вечер («Монстр») в 3-х отделениях».¹⁰ Программа концерта включала исполнение русских народных песен, комических куплетов, отрывка из оперетты «Запрещённый плод», а также оживлённый танец из украинской оперетты «Кум Мирошник» В. Дмитренко – «Малороссийский казачок». В антрактах и перед началом концерта минусинским городским оркестром под управлением В.Д. Генерозова были исполнены лучшие пьесы репертуара.¹¹

В 1891-м г. с двумя вокальными разнохарактерными концертами Минусинск посетил И.И. Улов. В сохранившейся второй афише концерта сообщалось следующее: «...опереточный и драматический артист Иркутского театра, комик, исполнитель национальных песен, комических и народных сцен с пением и танцами, Иван Игнатьевич Улов, на возвратном пути в Иркутск будет иметь честь дать во второй и последний раз вокальный разнохарактерный концерт...»¹² Были исполнены плясовые и комические малороссийские песни, куплеты, комические сцены и рассказы.

В 1892-м г. с сольным юмористическим литературно-музыкальным вечером выступал иркутянин А.Г. Горбунов. Программа концерта включала «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, комические куплеты «Всем знакомые напевы», сцену из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» - «Разъезд», а также водевиль «В театрах и на свадьбе» с пением, комическими танцами и балетом под музыку Ж. Оффенбаха, Ш. Лекока и других композиторов.¹³

В январе 1890-го г., проездом, Минусинск посещала «известная российско-славянская гимнасто-акробатическая труппа под дирекцией Г-на Архангельского».¹⁴ Гости из Пекина Нен-Фути и Тянь-Цзы-Лунь выступали перед минусинцами 15 июля 1890 года. Их «большое магико-комическое представление» имело музыкальное сопровождение и было снабжено китайской панорамой артиста Нень-Фуха.¹⁵

Иногда приезжие артисты выступали совместно с минусинскими актёрами. Так, например, в одной из местных городских афиш говорится, что «7 июля 1891-го года в зимнем городском театре товариществом драматических артистов с участием вновь прибывшей артистки П.Ф. Рахмановой представлено будет – в первый раз на здешней сцене» комедия-шутка «Лакомый кусочек» и водевиль «Старый математик или Ожидание кометы в уездном городе». К сожалению, в афише не указывается, откуда именно приехала в Минусинск Г-жа Рахманова. Попытки установить её родословную привели к большому московскому старообрядческому купеческому роду Рахмановых.¹⁶ Вполне возможно, что П.Ф. Рахманова, неоднократно приезжавшая в Сибирь на гастроли, была дочерью Фёдора Семёновича Рахманова (1848 г. р.), хлеботорговца, чей знаменитый Духодный дом как архитектурный памятник высится в Москве на Покровке.

Помимо афиш, важным источником информации являются дореволюционные периодические издания. В них имеется информация о том, что в нач. XX в. в Минусинске выступали: артист Императорских театров Ю.М. Юрьев,¹⁷ с участием лучших артистов Парижа была показана драма «Большая любовь»,¹⁸ в сопровождении Духового оркестра «с участием знаменитой танцовщицы-красавицы Кончитты Ледесмы» прошли драмы «Во власти рока», «Полночный гость»¹⁹ и многое другое.

Музыкально-театральная жизнь Минусинска имела большое значение не только для города и юга Енисейской губернии, но и, как минимум, для всего Сибирского региона в целом. Благодаря насыщенной культурной деятельности, а также гастролям артистов из многих отдалённых уголков России и зарубежья, Минусинск довольно быстро стал одним из крупных театральных центров Сибири, постепенно все больше наращивая свой потенциал художественной культуры.

2012

Примечания:

¹ Шадрин И.Е., «Времен связующая нить». С. 65.

² «Сибирская газета», № 40, 29 ноября 1881 г. – С. 1121-1122.

³ Там же.

⁴ Под словом «собрания» обычно имеются ввиду присутственные места, в которых были сцены [Е.П. Прыгун, Музыкальная культура Красноярска, Красноярск, 2009. – С. 230].

⁵ Шадрина И.Е. «Времен связующая нить». – С. 65.

⁶ «Сибирская газета», №19 от 9 мая 1882 г. – С. 449.

⁷ Имеется ввиду Тимофей Николаевич Сайлотов, сын ссыльного декабриста Н.А. Крюкова, до реабилитации отца носивший фамилию своей матери по первому браку.

⁸ АМКМ. ОФ 7618, №32-55.

⁹ Там же. ВФ 513 1-24. Серия афиш (спектаклей, вечеров, проходивших в Минусинске с 1889-го по 1892-й гг.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Рахмановы – старообрядческий купеческий род белокриницкого согласия, выходцы из Гуслиц. Среди них был и Фёдор Семёнович Рахманов (1848 г. р.), во втор. пол. XIX в. занимавшийся хлеботорговлей (фирма «Братья Ф. и А. Рахмановы»).

¹⁷ Газета «Минусинский край», № 55. – С.1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Газета «Минусинский край», № 62. – С. 1.

Е.В. Леонтьев,
г. Минусинск

Миграция и расселение крестьян Минусинского округа (уезда) в кон. XIX – нач. XX веков

В кон. XIX – нач. XX в. переселение из-за Урала явилось фактором, преобразившим природный, социально-экономический и этнокультурный ландшафт большинства регионов юга Сибири. На глазах одного поколения людей сложившийся в предыдущий период мир сибирской деревни претерпел значительные изменения. Он стал более тесным и многолюдным, в нём выросло влияние денег и рыночной конъюнктуры, власть общины потеснила фамильные кланы, а родовые заимки старожилов сменились арендой земель и фиксированными наделами по числу душ. Во многих волостях теперь можно было встретить обычаи, обряды, приёмы ведения хозяйства, завезённые из разных уголков России. Несмотря на интенсивный культурный обмен, носители их – уроженцы какой-либо одной губернии-уезда сохраняли свою идентичность перед лицом иноэтнического окружения.¹ Изучение этих изменений, безусловно, является перспективным для сибирской историографии, и предпосылкой к началу такой работы можно считать пространственный анализ процесса заселения регионов края.²

Исследование темы проводилось по материалам Минусинского уезда Енисейской губернии. Источниками работы послужили итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г., (прежде всего, – сведения о количестве хозяйств старожилов и переселенцев в селениях), списки населённых мест и карты Минусинского уезда кон. XIX – нач. XX вв. Электронную основу для пространственного отображения изучаемых процессов составила копия карты Переселенческого управления за 1912 г.

В таблице 1 приводится численность крестьянское население Минусинского округа (уезда) в 1893 – 1917 гг.³

	1893 г.	1901 г.	1907 г.	1910 г.	1917 г.
Количество сёл, деревень, поселков ⁴	211	236	254	303	353
Количество жителей	108 579	137 534	170 231	206 475	249 349
% среднегодового прироста в предыдущий период	–	3,81	3,96	5,32	3,46
Условная доля миграции в общем приросте населения ⁵	–	60,63	62,12	71,80	56,65

Согласно официальной статистике, за неполные четверть века с 1893 по 1917 гг. количество

жителей 30-ти волостей Минусинского уезда выросло в 2,3 раза.⁶ Более половины этого прироста (56,20 %) пришлось на последние десять лет, среди которых особенно выделялся своими темпами период 1907 – 1910 гг. По сравнению с предыдущими десятилетиями, прирост населения достиг тогда максимальных величин, – 5,32 % ежегодно.

По приблизительной оценке, сальдо миграции – разность между количеством прибывших и выбывших, занимала в совокупном приросте местного населения в 1893 – 1917 гг. около 70 %, что в абсолютном исчислении равняется примерно 100 тыс. чел.; на предреволюционное десятилетие из этой цифры приходится около половины.⁷ Это была, несомненно, самая интенсивная миграция в регионе с начала его русского заселения.

В 1893 – 1917 гг. в уезде кроме хуторов и заимок были основаны 149 новых селений (из них 99 в 1907 – 1917 гг.), которые при переписи 1917 г. составили более 40 % населённых пунктов, имевших статус села или деревни; жителями этих селений являлись 57394 душ обоего пола, – 23,02 % от численности некоренного населения; в их числе 98,41 % были переселенцами.⁸ Во вновь колонизируемых районах география переселенческих посёлков охватывала бассейны таёжных рек Сисим, Убей, Казыр, Кизир, Кебез, левобережье Амыла, а также верховья Ирбы и Шуши (правые притоки Тубы). В пределах ранее освоенной территории переселенцы селились преимущественно в степных волостях на водоразделе Тубы и Сыды и левом берегу Енисея между его поймой и руслом реки Абакан. Количество новых деревень в степной-лесостепной зоне и подтаёжном поясе⁹ представлено в таблице 2:

Период	Степь – лесостепь		Тайга – подтайга		Всего:	
	Число селений	Количество жителей	Число селений	Количество жителей	Число селений	Количество жителей
1859 – 1893 гг.	14	4706	42	11223	56	15929
1893 – 1907 гг.	12	7293	38	11847	50	19140
1907 – 1917 гг.	49	18242	50	12692	99	30934

По сравнению с предыдущими годами, динамика селообразования в изучаемый период имела ряд особенностей: прежде всего, резко увеличилась скорость процесса. В 1859-1893 гг. в округе (уезде) ежегодно появлялись в среднем 1-2 новые деревни, в 1893-1907 гг. – 3-4, в 1907-1910 гг. – 12, 1910-1917 гг. – 8. Во-вторых, изменилось распределение вновь возникающих посёлков по районам с разными ландшафтно-климатическими условиями.

До начала столыпинских миграций поселенческая структура региона росла преимущественно вширь, от старонаселённого центра к периферии, захватывая с каждым годом всё новые земли в предгорьях Саян. 75 процентов деревень, возникших в 1859 – 1907 гг., располагались в подтаёжной зоне. В период реформ это движение продолжилось, но его гораздо активнее, чем раньше сопровождало уплотнение селитебной сети в центральной части уезда. Почти половина «столыпинских» посёлков возникли среди старожильческих общин и рядом с улусами хакасов. Впервые с сер. XIX в. селообразование в обжитых местах было почти столь же интенсивным, что и на залесенной периферии.

Объём публикации не даёт возможности рассмотреть преимущественные формы водворения новосёлков. Заметим лишь, что согласно полученным данным, в течение рассматриваемого периода количество переселенцев в уезде, водворявшихся на специально отведённых для них участках росло и в абсолютном и относительном выражении.¹⁰ Таким образом, в предреволюционное десятилетие приселение к старожилам, очевидно, уже не являлось здесь главной формой расселения российских крестьян.¹¹

Картографирование показало, что максимальный наплыв мигрантов в старозаселённых районах уезда испытали деревни, расположенные по Енисею и в среднем течении рек Ерба, Туба и Сыда, (территории Новоселовской, Знаменской, Абаканской, Беллыкской, Белоярской, Шалоболлинской и Маломинусинской волостей). В кон. XIX в. П.А. Аргунов относил эти районы к числу преимущественно животноводческих по типу хозяйства.¹² В то же время наиболее плодородные и освоенные в земледельческом отношении лесостепи между Енисеем, Тубой и Амылом (Восточенская, Лугавская, Тесинская, Тигрецкая, Кочергинская, части Курагинской и Сагайской воло-

стей) имели весьма ограниченный прирост населения. В его составе по данным переписи 1917 г. по-прежнему преобладали старожилы.¹³

Несмотря на интенсивное приселение мигрантов, потомственные жители уезда в основном сохранили численное превосходство в своих общинах. К 1917 г. почти 2/3 их жили в деревнях, где на долю новосёлов приходилось менее 1/3 домохозяйств. Всего таких деревень было 144 – 35,12 % от общего числа населённых пунктов уезда. Преимущественно или чисто «рассейскими» являлись 196 селений – 47,80 %, в них находились 58,96 % хозяйств новосёлов.¹⁴ Таким образом, большинство старожилов и уроженцев других территорий селились обособлено друг от друга, составляли общества, доминирующее положение в которых имели, как правило, представители *своего же* окружения, местного или пришлого.

Нанесение полученных показателей на карту свидетельствует, что концентрация переселенцев и потомственных сибиряков в пределах изучаемой территории существенно варьировала, образуя локальные районы, различавшиеся удельным весом данных групп населения. Всего можно выделить 11 таких районов, три из которых, – Амыло-Тубинский, Южно-Енисейский и Чулымо-Енисейский будут являться преимущественно старожильческими по составу жителей, два, – Ойский и Сыдо-Ербинский – смешанного расселения, и оставшиеся шесть (Притубинский, Абаканский, Кизыр-Казырский, Верхне-Кебежский, Ирбинский и Убей-Сисимский) – в основном переселенческими. В районах с преимущественно старожильческим населением доля переселенцев не превышала 23-25 %; здесь было сосредоточено 55,79 % хозяйств потомственных жителей уезда. В местах компактного водворения мигрантов старожилов либо не было вовсе (Абаканский район – 0,0 %, Убей-Сисимский – 0,93 %), либо они представляли там сравнительно небольшую часть жителей, – от 18 до 29 %.¹⁵

Массовая миграция российских крестьян в кон. XIX – нач. XX в. вызвала на территории Минусинского уезда: ускоренный рост и уплотнение поселенческой структуры; усиление демографического давления в ранее обжитых центральных районах, и продолжение аграрной колонизации лесных предгорий; складывание компактных групп населения, различавшихся своей культурой и историей происхождения. Важно подчеркнуть, что расселение мигрантов не привело здесь к размыванию старожилов как этнографической группы, создавая, однако, локальные очаги бытования традиций, вновь привнесённых выходцами из-за Урала.

2012

Примечания:

¹ Переселение нередко способствовало даже её усилению среди мигрировавших крестьян. Багашев А.Н. Фёдоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // «Археология, этнография и антропология Евразии» 2012. № 3. – С. 125.

² Методика и эвристические возможности пространственного анализа подробно рассмотрены в работах В.Н. Владимирова и его алтайских коллег. См. Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005. Владимиров В.Н., Силина И.Г., Чибизов М.Е. Приходы Барнаульского духовного правления в 1829-1864 гг. Барнаул, 2006.; Владимиров В.Н. Силина И.Г. Храмов А.А. О возможностях исследования истории заселения территории Алтайского округа методами пространственного анализа// Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997.

³ Подсчитано в границах 30-ти волостей уезда по административно-территориальному делению на 1917 г., без учёта Аскизского, Усть-Абаканского, Усть-Фыркальского, Сейского и Таштыпского сельских обществ. Источники: Статистика Российской империи. Т. 29. Волости и населённые места 1893 г. Вып. 11. Енисейская губерния. СПб., 1895. Памятная книжка Енисейской губернии на 1900 г. Красноярск, 1900 г. С. ... Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. Красноярск, 1909 г. С. 25-30.; Список населённых мест Енисейской губернии. Красноярск, 1911. Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и другим исследованиям 1916-1919 гг. Красноярск, 1921.

⁴ без заимок, хуторов, мельниц, односельий и др. малодворных селений.

⁵ при естественном приросте населения 1,5 % в год.

⁶ Без учёта волостей (Аскизской, Таштыпской, Усть-Абаканской, Сейской и Усть-Фаркальской), населённых преимущественно коренными жителями – хакасами.

⁷ При подсчётах величина естественного прироста населения была принята равной в 1,5 %.

⁸ Подсчитано по данным: Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и другим исследованиям 1916-1919 гг. Красноярск, 1921.

⁹ Подсчитано по тем же данным, что и таблица 1, а также Енисейская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 г. СПб., 1864. Границы ландшафтных зон на территории уезда определены согласно указаниям П.А. Аргунова. Аргунов П.А. Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог Минусинского музея. Казань, 1892. – С. 33.

¹⁰ Основанием для такого вывода служит отношение количества жителей новых посёлков к механическому приросту населения в данный период. В 1893-1907 гг. оно составляло 47,38 %, в 1907-1917 гг. – 57,73 %. Учитывая, что в посёлках и деревнях, возникших после 1893 г., старожилов практически не было, а миграция местных крестьян за пределы своего уезда в кон. XIX – нач. XX вв. являлась незначительной, данные показатели, на наш взгляд, приблизительно отражают изменение доли новосёллов, селившихся на переселенческих участках.

Подсчитано по данным: Статистика Российской империи. Т. 29. Волости и населённые места 1893 г. Вып. 11. Енисейская губерния. СПб., 1895. Памятная книжка Енисейской губернии на 1900 г. Красноярск, 1900 г. С. ... Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. Красноярск, 1909 г. С. 25 – 30.; Список населённых мест Енисейской губернии. Красноярск, 1911. Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и др. исследованиям 1916-1919 гг. Красноярск, 1921.

¹¹ По официальным сведениям, к 1909 г. лишь 34,4 % столыпинских переселенцев в Минусинском уезде поселились в деревнях старожилов. Баранцева Н.А. Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в кон. XIX – XX вв. Абакан, 2011. – С. 32. На юге Томской губернии, по мнению А.А. Храмова, население в нач. XX в., наоборот, преимущественно росло за счет мигрантов, селившихся в ранее основанных деревнях. Храмов А.А. Земельное обеспечение крестьян Алтайского округа в кон. XIX – нач. XX в.: переселенческие аспекты // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998. С. 140.

¹² Аргунов П.А. Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог Минусинского музея. Казань, 1892. – С. 26, 102.

¹³ В Восточенской, Лугавской, Тесинской, Кочергинской и Тигрецкой волостях вместе из 3933 хозяйств старожилам принадлежали 2889 – 73,46 %. Подсчитано по данным: Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. – С. 80, 86 – 88, 94 – 96.

¹⁴ Подсчитано по данным: Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края...

¹⁵ Подсчитано по тем же данным.

Е.В. Леонтьев,
г. Минусинск

К изучению усадеб енисейских крестьян в начале XIX в.

По описаниям первой пол. XIX в. (Г. Пейзына, А.П. Степанова, Н. Щукина) планировку усадеб енисейских крестьян в этот период преимущественно составляла замкнутая трехрядная застройка, отнесённая Э.А. Бломквист к камско-вятскому типу.¹ В центре такой усадьбы обычно находился дом – «связь» на подклете, деливший её своим обращённым в глубину фасадом на две половины, – «чистую» и скотную. Узкая торцевая часть дома выходила на «улицу». Периметр усадьбы составляли заплот и плотно примыкающие друг к другу хозяйственные службы, расположенные в два порядка по обе стороны жилища.

Указанный вариант застройки встречается в известных нам материалах чаще других, являясь вообще характерным для старозаселённых лесных районов Сибири XIX в.² Впрочем, иногда, как свидетельствуют те же авторы, «связь» могла располагаться не поперёк, а вдоль красной линии усадьбы, фасадом на «уличную» сторону. Нередко уже в начале века жилищем старожилов служил подквадратный в плане крестовый дом. В обоих случаях застройка и расположение дворов в усадьбе, очевидно, выглядели иначе.

Типология усадеб енисейских крестьян на этот раз рассматривается с использованием неопубликованных архивных данных. Их источником являются ведомость Минусинского волостного правления о населении и хозяйстве от 8-го сентября 1805 г.³ В этот период Минусинская волость входила в состав Красноярского уезда Томской губернии, и занимала около 60 % населённой русскими территории будущего Минусинского округа. Ведомость представляет собой перечень домохозяйств с распределением их по населённым пунктам, сословиям и указанием в каждом: 1. числа душ, согласно последней ревизии 1795 г.; 2. количества голов скота; 3. количества жилых и хозяйственных строений. Всего в ней содержатся сведения о 815-ти усадьбах из 37-ми населённых пунктов, включая четыре не внесённые в ревизские списки деревни, Кривую, Чихачеву, Очурь и Свиныну. Представленная информация фиксирует в составе описываемых домохозяйств такие постройки как дом, двор, амбар, хлев (стая), овин, баня, кузница.

Статистическая обработка полученных данных позволяет говорить о бытовании на Енисее в нач. XIX в. нескольких значительно различающихся вариантов застройки усадьбы. Принципиальное значение здесь имеет указание на число дворов. Традиционно в этнографической литера-

туре речь идёт об одно- или двухчастной структуре усадьбы с делением на «чистый» и скотный дворы, расположенные либо последовательно друг за другом, либо по обе стороны дома.⁴ Именно такую трехрядную планировку (двор – жилище – двор) с домом в центре мы и нашли в качестве главной, опираясь на публикации перв. пол. XIX в. Анализ рассматриваемого документа даёт более сложную картину. Распределение крестьянских усадеб с разным числом дворов, по составу и количеству надворных построек Минусинской волости в 1805 г.⁵ представлено в таблице:

	Количество амбаров			Количество хлевов (стай)			Име- вшие овин	Име- вшие баню	Всего:
	0	1	2 +	0	1	2 +			
Одноворные	45	139	35	28	179	12	77	113	219
Двухдворные	9	163	190	7	296	59	268	294	362
Трёхдворные	1	23	78	1	72	29	71	81	102
С четырьмя и более дворами			27		5	22	23	26	27
Всего:	55	325	330	36	552	122	439	514	710

Как видно из таблицы, хотя среди минусинских крестьян в 1805 г. двухдворные усадьбы действительно являлись самыми распространёнными, в них селились лишь около половины (51,69 %) семей. Остальные имели либо относительно небольшие усадьбы, составленные вокруг одного подворья (30,14 %), либо, напротив, обширные владения, включавшие не менее трех дворов (18,17 %). Среди многодворных комплексов значительно преобладали трёхдворные (всего 102); прочие состояли из 4-5 дворов (17 и 9), а одна усадьба, – крестьянина деревни Каптыревой Прокопия Горина – из шести.

Чётко прослеживается зависимость между структурой-дворностью усадьбы и количеством расположенных в ней строений. Так, среди одноворных комплексов доля усадеб, имевших по два-три хлебных амбара, составляла 15,98 %, среди двухдворных – 52,49; трёх- и более дворных – 81,40. Аналогичное распределение владений с несколькими стаями выглядит соответственно как 5,48, 16,30 и 38,76 %; доли усадеб с овином равняются 35,16; 74,03 и 83,72 %.

Простое соотнесение этих показателей позволяет охарактеризовать отличавшиеся своей структурой усадебные комплексы. Главной причиной дифференциации их по величине и числу построек, очевидно, являлась цикличность развития крестьянского домохозяйства (движение от малой семьи – усадьбы к большой с последующим выделением новых малых семей – усадеб) и связанное с этим имущественное расслоение крестьян.⁷

Экономический потенциал и отраслевая специфика хозяйства, безусловно, оказывали влияние на размеры занимаемой усадьбы. Особенное значение, в т.ч. имело количество скота. Согласно В.А. Липинской, распространение многочастных усадеб в Сибири XIX в. преимущественно отличало районы, где роль животноводства в системе хозяйства была более значительной.⁶ Юг Приенисейского края относился как раз к числу таковых. «Требуя меньше труда со стороны поселанина...», скотоводство долгое время оставалось в Минусинском округе едва ли не приоритетным направлением экономики крестьян. По сведениям Минусинского волостного правления в 1805 г. 57,16 % крестьянских домохозяйств волости имели не менее 30 голов скота при среднем показателе по всем хозяйствам в 46 голов.⁸ Количество жителей и поголовье скота в усадьбах с разным числом дворов приведено в таблице.⁹

	Количество дворов в усадьбе				
	1	2	3	4	5 +
Среднее число душ в семье, показанных в ревизию 1795 г.	3,98	5,34	5,20	6,47	6,60
Количество голов скота	26,31	47,60	65,84	95,35	158,40

% данных усадеб в общем числе	30,70	51,13	14,37	2,39	1,41
-------------------------------	-------	-------	-------	------	------

Подсчёты показывают, что увеличение дворности усадьбы, количества её жителей и поголовья скота в хозяйстве были связаны между собой. Хозяевами 4 – 5-дворных владений преимущественно являлись крупные семьи, представлявшие зажиточную верхушку волости. На их долю приходилось всего 5,11 % показанных в ведомости крестьян. При этом надо учитывать, что приведённые в таблице данные взяты из ревизских сказок десятилетней давности, поэтому реальное число душ в семьях являлось примерно на 15-25 % больше указанного.

Заметно, что по мере усложнения структуры усадьбы её населённость и размеры домашнего стада увеличивались не всегда соответственно друг другу. Более неровной выглядит динамика численности семьи, которая при переходе от двух- к трёхдворной структуре и в интервале между четырьмя и пятью дворами имела отрицательный и минимально низкий прирост. Т.е. данные пары усадеб, – соответственно двух- и трёхдворную, четырёх- и пятидворную, – населяли примерно равное количество людей.

Можно предположить, что в большинстве крестьянских семей двухдворная усадьба соответствовала такому периоду жизненного цикла, за которым обычно наступал раздел, препятствовавший дальнейшему росту владения. Обзавестись тремя дворами к тому моменту успевали сравнительно немногие зажиточные хозяева. Некоторые из их числа откладывали далее на какое-то время раздел семьи, наращивали хозяйство, и становились в итоге обладателями крупных усадеб, во главе союзов из нескольких супружеских пар. Такое объяснение согласуется с выводом о возможности сосуществования внутри традиционной популяции разных моделей семейного поведения, ориентированных в большей степени либо на индивидуализм, либо на экономическую эффективность.

Нанесение рассматриваемых показателей на карту свидетельствует о неравномерном распространении многодворных усадеб на территории волости. Чаще всего они встречались здесь на юге, в деревнях, расположенных по берегам р. Оя и выше на Енисее. Сыдинский бассейн и низовья Тубы, напротив, характеризовались повышенной долей простых одночастных владений.

Южное правобережье Енисея до Ойского устья включительно населяли в 1805 г. крестьяне, относившиеся к приходу Шушенской Петропавловской церкви. Севернее него находились Минусинский Спасский (до р. Туба) и Абаканский Вознесенский приходы.

Распределение крестьянских усадеб по числу дворов в деревнях Абаканского, Минусинского и Шушенского приходов 1805 г.¹¹ приводится ниже:

Усадьбы с количеством дворов	Количество усадеб		
	Абаканский приход	Минусинский приход	Шушенский приход
1	118	69	25
2	195	85	72
3	27	15	47
4	3	2	9
5 и более	–	3	5
Всего:	343	174	158

Сравнение этих территорий показывает, что на юге было сосредоточено более половины многодворных усадеб волости. Здесь они составляли 38,61% крестьянских владений, тогда как в центре и на севере соответственно – 11,49 и 8,75%. Одночастные усадьбы чаще встречались в приходе Минусинской Спасской церкви, – 39,66 от общего числа, против 34,40 в Абаканском и 15,82 % в Шушенском приходах. На юге такие усадьбы, были не только редкими, но и обладали меньшим числом (ниже среднего для данного типа в волости) надворных построек. Там они, по-видимому, чаще принадлежали «молодым» вновь отделившимся семьям, использовавшим на первых порах хозяйственные службы «отцовских» владений. Несмотря на развитую структуру,

усадебные шушенских крестьян вообще, как свидетельствуют подсчёты, отличались менее плотной застройкой, а хозяйства – меньшим количеством скота. Например, среди двухчастных усадеб крестьян Абаканского, Минусинского и Шушенского приходов доли владений с 2 – 3 амбарами равнялись соответственно 58,97; 54,12 и 30,56%; по несколько стай имели 12,82; 31,76 и 9,72 % усадеб; среднее поголовье скота исчислялось в – 47,10; 57,01 и 33,74 голов. В целом же размеры стада в крестьянских хозяйствах этих приходов были соответственно 41,88; 51,38 и 41,10 голов. Таким образом, развитие скотоводства не коррелирует на юге с развитием многодворных комплексов. В данном случае, видимо, сказывалось влияние иного фактора, а именно неравномерное распространение лесов на территории волости, делавшее заготовку строительной древесины более или менее трудоёмким процессом в разных её приходах. В пользу этого мнения свидетельствует, прежде всего, современное расположение здесь лесных массивов.

Среди описываемых усадеб, чины волостного правления фиксировали и кузницы. Обработка металла являлась в этот период весьма распространённым занятием местных крестьян. Всего насчитывалось 33 владения, включавших постройки для занятия кузнечным ремеслом; – 11 в Абаканском приходе, 7 – в Минусинском и 15 – в Шушенском. Средним счётом каждое из них приходилось в волости на 22 крестьянских хозяйства, а в отдельных приходах соответственно на 31, 25 и 11.

Распределение крестьянских усадеб с кузницами по числу дворов и надворных построек Минусинской волости в 1805 г.¹² приведено в таблице:

	Количество амбаров			Количество хлевов			Имевшие овин	Имевшие баню	Всего
	0	1	2 +	0	1	2 +			
Одnodворные		3	4		5	2	6	6	7
Двухдворные		8	11		14	5	16	17	19
С тремя и более дворами			7		4	3	7	6	7
Всего:		11	22		23	10	29	29	33

Усадьбы деревенских кузнецов отличались более развитой застройкой, а их хозяева, вероятно, относились к зажиточным слоям волостного общества. Это несколько расходится с сообщением Н. Щукина, согласно которому, сельские ремёсла в Минусинском округе находились исключительно в руках ссыльнопоселенцев.¹³

Таким образом, полученная информация дополняет и отчасти конкретизирует имевшееся ранее представление о планировке усадебных владений енисейских крестьян в нач. XIX в. Можно говорить о существовании в этот период на юге Енисея не одного, а нескольких вариантов застройки усадеб, очевидно, представлявших на индивидуальном уровне отдельные этапы в развитии крестьянского дворохозяйства. Возможность такого развития обеспечивала благоприятная демо-экологическая обстановка в регионе. Условия лесостепного ландшафта (сравнительно плодородные земли, обильные пастбища, запасы строевого леса) давали при низкой плотности населения достаточно ресурсов для стабильного воспроизводства крестьянской экономики. Следствием чего являлось распространение в деревнях обширных усадеб сложной планировки с большим количеством надворных строений.

2012

Примечания:

¹ Леонтьев Е.В., Шестаков А.Н. Усадьба и жилище русских старожилов юга Приенисейского края в перв. пол. XIX в. // «Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы». Новосибирск, 2009.

² Липинская В.А. Типы застройки усадеб русского населения Западной Сибири // «Советская этнография» 1975. № 5. – С. 37.

³ Архив г. Минусинска. Ф.34. О.1. Д.151.

⁴ Русские. Историко-этнографический атлас... – С. 145 – 149.

⁵ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф.34. О.1. Д.151.

⁶ Липинская В.А. Типы застройки усадеб русского населения западной Сибири // «Советская этнография» 1975. № 5. – С. 37.

⁷ Костров Н. Шушенская волость Минусинского округа// Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. VI. Иркутск, 1863. – С. 123.

⁸ А.П. Степанов, характеризуя быт приенисейских крестьян в 1820-е гг., приводит среднюю цифру в 50 голов. См. Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997. – С. 80.

⁹ Подсчитано по тем же данным, что и таб. № 1.

¹⁰ Носевич В.Л. Многосемейное крестьянское домохозяйство: реликт прошлого или феномен Нового времени?// <http://vin.by/node>

¹¹ Подсчитано по тем же данным, что и таблица № 1.

Абаканский Вознесенский приход: Село Абаканское, деревни Сыдинская, Свиньина, Белоярская, Хабыцкая, Идринская, Узинская, Байкалова, Бельцкая, Бирьская, Быскарская, Копенская, Усть-Ербинская, Сухо-Ербинская, Тесинская.

Минусинский Спасский приход: Село Минусинское, деревни Городок, Листвягова, Кривая, Маломинусинская, Потрошилова, Усть-Лугазская, Каменка.

Шушенский Петропавловский приход: Село Шушенское, деревни Казанцева, Усть-Ойская, Чихачева, Козлова, Каптырева, Шунерская, Очуры.

¹² Подсчитано по тем же данным, что и таб. № 1.

¹³ Щукин Н. Минусинский округ // «Журнал Министерства Внутренних дел». 1856 г. ч. 18. июнь. С. 32.

Е.В. Леонтьев,
г. Минусинск

Купцы города Минусинска по материалам ревизий и исповедных ведомостей 1834-1850 гг.

Минусинск – уездный город на юге Енисейской губернии, пережил в XIX в. значительную эволюцию. Из волостного села, он вырос в сравнительно крупный культурный и торгово-экономический центр своего округа. Важную роль в этом процессе сыграли представители купеческого сословия, которое начало складываться в городе во второй четверти века.

Весьма исчерпывающую информацию о сословном и этнорегиональном происхождении первых минусинских гильдейцев можно найти в монографии Е.В. Комлевой «Енисейское купечество (посл. четв. XVIII – перв. пол. XIX в.)».¹ Тем не менее, ещё раз остановимся на этом вопросе, дополнив его некоторыми новыми сведениями. Интерес в данном случае вызывает то, что речь идёт о формировании торгово-предпринимательского слоя людей в поселении, находившемся в начале своего перехода из сельского в городское состояние.

После объявления городом в 1823 г., Минусинск представлял собой преимущественно аграрное поселение, благосостояние которого полностью зависело от эксплуатации лежащих вокруг земель. Большинство записанных в мещанское сословие граждан являлись владельцами пахотных земель, лугов и пастбищ, занимались разведением скота и земледелием.² Хозяйство многих из них давало товарный излишек продуктов, и было ориентировано на стороннего потребителя.

Ведущей статьёй дохода являлась продажа скота, который перегоняли для сбыта в Томск, Красноярск и Иркутск.³ В летние месяцы по Енисею осуществлялся сплав хлеба в северные районы края.⁴ Развитию торгового обращения способствовала начавшаяся в 1830-е гг. разработка золота в Саянской тайге. В этот период в Минусинске был открыт воскресный базар.⁵ С 1830 г. действовал гостиный двор, включавший два магазина и 23 лавки. По справке Минусинского словесного суда за 1850-е гг., в городе продавали преимущественно хлеб, хлебное вино, чай, сахар и «аршинный» товар российских фабрик, дававшие в общей сложности от 80 до 90 % годового оборота.⁷

При проведении податной ревизии 1834 г. владельцами купеческих капиталов в Минусинске объявили себя три человека: Широков Виссарион Федоров, Шипилин Пётр Васильев и Сопунков Афанасий Григорьев.⁸ Двое из них являлись приезжими: П.В. Шипилин происходил из купцов г. Вольска Саратовской губернии, а А.Г. Сопунков был выслан в Сибирь за принадлежность к секте «субботников». Оба не имели в городе постоянного жительства и селились, один в волостном с. Абаканском,⁹ другой, среди единоверцев в деревне Обетованная (позднее известна в документах как Иудина – *Е.Л.*) на юге округа.¹⁰

Третий из купцов, – Виссарион Широков принадлежал к самой многочисленной старожильческой фамилии города, насчитывавшей в 1834 г. 130 душ обоего пола – около 15 % его наличного населения.¹⁰ Среди её представителей были братья Терентий, Гаврила и Лука Герасимовы, которые в нач. XIX в. относились к числу наиболее зажиточных местных крестьян. Старший из них Терентий, – дядя Виссариона Фёдоровича, имел в это время усадьбу с пятью хлебными амбарами, 10 десятин посева зерновых культур и до 400 голов скота.¹¹

К моменту смерти отца в 1807 г. Виссариону Фёдоровичу исполнилось девять лет. В ревизию 1816 г. его записали вместе с матерью Марией, женой, сыном, двумя младшими братьями и сестрой.¹² В 1830 г. В.Ф. Широков первым из горожан объявил капитал для зачисления в третью гильдию. В ней он оставался и в начале 1851 г. при проведении очередной переписи, когда двое других записавшихся ранее купцов покинули местное общество; П.В. Шипилин в 1841 г. перешёл с сыновьями в красноярское купечество,¹³ а Сопунковы получили через год официальное разрешение переселиться в Закавказье.¹⁴

В материалах ревизии 1850-1851 гг. купцами г. Минусинска показаны уже 28 чел. (109 душ обоего пола в семьях).¹⁵ В их числе: II-й гильдии: – Белова Матрёна Семёнова, Иванов Илья Петров, Колесников Александр Петров; III-й гильдии: – Широков Виссарион Фёдоров, Малов Константин Андреев, Шадрин Павел Петров, Ананьин Гаврило Нефёдов, Чуев Пётр Сергеев, Масленников Иван Тимофеев, Чернышов Григорий Григорьев, Баранов Александр Петров, Образцов Пётр Иванов, Гуляев Егор Иванов, Колесников Пётр Перфильев, Хомутников Николай Александров, Евстратов Алексей, Ерлыков Ксенофонт Васильев, Юшков Степан, Курских Меланья Васильева, Лобунцов Иван Яковлев, Корнилов Прокопий Иванов, Иванов Борис Петров, Сватиков Василий, Ошаров Григорий Яковлев, Красильников Алексей, Малахин Иван Петров, Паринова Акулина Дмитриева, Прикоцкий Иван Андреев.

Распределение этих людей по времени записи в гильдию показывает, что большинство из них (17) объявили свои капиталы в городе во второй половине 1840-х гг. накануне подачи новых ревизских сказок.

Социальные источники пополнения Енисейского купечества (1850 г.)¹⁶ приведены в таблице:

Категории населения	Город			
	Красноярск	Енисейск	Канск	Минусинск
Купечество	20	21	22	17
в т.ч. местное	10	18	2	1
Мещанство	16	14	7	5
в т.ч. местное	15	14	6	3
Крестьяне	3	-	3	2
В т.ч. вольноотпущенные	3	–	2	1
Принявшие российское подданство	3	-	2	-
Неизвестно	2	5	1	4
Всего владельцев капитала:	44	40	35	28

До причисления к минусинскому обществу, они уже, как правило, принадлежали к городским слоям населения. Как и повсюду в губернии, количество выходцев из крестьян среди местных купцов было не велико. По сравнению с торговыми людьми Енисейска и Красноярска, минусинское купечество реже пополнялось представителями мещанского сословия и чаще купцами из других городов. Поэтому его особенностью являлось значительное преобладание в гильдиях людей иногородних.

Ниже приводятся данные о распределении купцов г. Минусинска по региональному происхождению и местожительству в 1851 г.¹⁷:

Из какого региона	Количество купцов и членов их семей по данным ревизии 1850 г.			
	всего записаны		в их числе жители Минусинска	
	Семей	Душ обоего пола	Семей	Душ обоего пола
Губернии европейской России	10	33	2	3
Западная Сибирь	6	24	–	–
Енисейская губерния	4	10	1	4
Минусинск и Минусинский округ	5	30	4	25
Неизвестно	3	12	–	–
Всего:	28	109	7	32

В первую очередь это были выходцы из Европейской России и Западной Сибири.¹⁸ Если в гильдиях Енисейска и Красноярска вместе их доля составляла в 1850 г. 10,30 %, ¹⁹ то в Минусинске – 57,14. При этом, как показывают, материалы церковного учёта граждан, большинство вновь записавшихся в городе владельцев купеческого капитала не имели в нём постоянной осёдлости. Из 23-х неместных по происхождению купцов в Минусинске проживали лишь трое, остальные вели дела и селились в других местах.

Аналогичная ситуация складывалась в этот период и в других окружных городах Сибири, где предприниматели нередко регистрировались формально для того, чтобы уклониться от несения общественных служб в административных центрах своих губерний.²⁰ Отсутствию осёдлости торговых людей в Минусинске способствовали и особенности экономического развития округа. Источником коммерческой прибыли на его территории в сер. XIX в. являлось, прежде всего, ясачное население, дававшее дешёвый скот, кожи, пушнину и другие предметы кочевого быта.²¹ Поэтому торговые люди часто предпочитали селиться вблизи хакасских улусов. Например, минусинский купец Г.Н. Ананьин из кузнецких мещан вёл торговлю в инородческом селе Аскизком; его коллега по гильдии красноярец П.И. Корнилов, – в улусе Усть-Есь;²² вышедший из крестьян Минусинского округа купец Е.В. Ерлыков – в деревне Сонской Новоселовской волости, граничившей с улусами кызыльцев и качинцев.²³

Непосредственно в городе Минусинске в 1850-1851 гг. проживали лишь семь купцов, чьи семьи были внесены в ведомость прихожан Спасской церкви за этот период: по II-й гильдии, – Матрёна Семёнова Белова,²⁴ по III-й, – Виссарион Фёдоров Широков, Константин Андреев Малов, Павел Петров Шадрин, Пётр Сергеев Чуев, Акулина Дмитриева Парина и Иван Яковлев Лобунцов. М.С. Белова и И.Я. Лобунцов представляли в этом списке торговые фамилии Владимирской и Харьковской губерний Европейской России. К.А. Малов причислился из купцов г. Красноярска. Прочие являлись выходцами из купцов и мещан данного общества. При этом потомственными старожилыми были лишь В.Ф. Широков и П.С. Чуев. П.П. Шадрин до 1832 г. являлся мещанином г. Белозерска. После своего причисления в Минусинске, он тоже какое-то время не имел здесь городской усадьбы, жил с семьёй в деревне Табатской Шушенской волости.²⁵ Иван Герасимович Парин – муж Акулины Дмитриевны (овдовела в 1849 г.) происходил из ссыльнопоселенцев Красноярского округа. В 1831 г., ему удалось перейти в мещанство, а через пять лет объявить капитал по III-й гильдии.²⁶

Таким образом, не только по списку, но и среди наличных обывателей города владельцами купеческих капиталов в Минусинске в сер. XIX в. являлись, преимущественно, люди иногородного происхождения. Очевидно, несмотря на добычу золота и вызванное ею оживление торговли, местные старожилы не имели в это время ещё сколь-нибудь значительных накоплений, или стимулов к их коммерческому использованию. Занятые «по крестьянскому их быту» они по-прежнему больше измеряли достаток количеством скота и хлеба, нежели наличием выреченных за них денежных средств.²⁷ Пробуждение деловой активности в городских общинах, подобных минусинской требовало не только благоприятных условий: как-то товарной продукции, рынков сбыта, свободного капитала. Существенное значение имело также наличие спец-

ифического «торгового менталитета», которым чаще отличались люди пришлые, не связанные с местными традициями ведения хозяйства.²⁸

В этой связи примечательны особенности биографий первых минусинских купцов из числа потомственных жителей. Документы свидетельствуют, что оба они, рано оставшись без отцов,²⁹ росли и воспитывались, в отличие от сверстников, не в больших семьях, а с матерями, которые, будучи вдовами, вели хозяйство отдельно от родственников. Оба в весьма молодом ещё возрасте женились и стали самостоятельными домохозяевами. Подсчитано, что в перв. тр. XIX в. жители Минусинска обзаводились собственным дворовым хозяйством в основном в возрасте от 30 до 40 лет. В.Ф. Широков и П.С. Чуев наследовали его уже к 1816 г., когда обоим было соответственно 18 и 19 лет.³⁰ Разумеется, стечение указанных обстоятельств само по себе не являлось исключительным. И всё же оно демонстрирует некий разрыв в наследовании межпоколенного опыта, который в меняющихся экономических условиях, возможно, способствовал проявлению в характере этих людей личной инициативы.

В заключении следует заметить, что состояние дел первых минусинских купцов в сер. XIX в. являлось далеко неустойчивым. В течение ближайших 12-ти лет после проведения ревизии 1850 – 1851 гг., по меньшей мере, девять из них не смогли подтвердить наличие капитала и выбыли в мещанство. В их числе были и жители города: П.П. Шадрин, П.С. Чуев, И.Я. Лобунцов и внуки умершего в 1857 г. В.Ф. Широкова.³¹ В 1863 г. Минусинский словесный суд составил «реестр» записанных в гильдии горожан. Всего в нём значатся 56 чел., из которых восемь были показаны купцами в период ревизии 1850 – 1851 гг., и ещё трое являлись ближайшими родственниками тех людей.³²

2013

Примечания:

¹ Комлева Е.В. Енисейское купечество (посл. четв. XVIII – перв. пол. XIX в.). М., 2006.

² Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997. – С. 43.

³ Ватин В.А. Город Минусинск. Часть 1. Минусинск, 1916. – С. 215.

⁴ Ватин В.А. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914. – С. 85.

⁵ Шукин Н. Минусинский округ // Журнал Министерства Внутренних дел. Часть 18. 1856. июнь. – С. 32.

⁶ Царев В.И. История градостроительства в Центральной Сибири с древнейших времен до нач. XIX в. Красноярск, 2003. С. – 153.

⁷ Остальные 10-20 % приходились в основном на такие товары как: скот, мясо, сало, рыба, табак, конопляное масло, привозные изделия из кожи и металлов. Как свидетельствовала учреждённая в 1862 г. Комиссия об улучшении общественного управления, закуп скота для приисков осуществлялся в это время в основном не в городе, а в округе у сельских обывателей. Ватин В.А. Город Минусинск... – С. 233.

⁸ Архив г. Минусинска. Ф.15. О.1. Д.12. ЛЛ. 1 (об.) -3.

⁹ Ватин В.А. Город Минусинск... – С. 222.

¹⁰ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф.15. О.1. Д.12. ЛЛ.5 (об.) – 62, Ф.17. О.1. Д.1. ЛЛ.170 -184 (об.).

¹¹ Там же. Ф.34. О.1. Д.151. Л.3 (об.), Д.346. Л.5.

¹² Там же. Д.425. Л.169 (об.) -170.

¹³ Комлева Е.В. Енисейское купечество ... – С. 342.

¹⁴ Архив г. Минусинска. Ф.15. О.1. Д.141. ЛЛ.61 (об.) -62.

¹⁵ Там же. Д.14. ЛЛ.2 (об.) -10.

¹⁶ Комлева Е.В. Енисейское купечество (посл. четв. XVIII – перв. пол. XIX в.). М. 2006.

– С. 83. Архив г. Минусинска Ф.15. О.1. Д.14. ЛЛ.2 (об.) -10.

¹⁷ Архив г. Минусинска Ф.15. О.1. Д.14. ЛЛ.2 (об.) -10, Ф.17. О.1. Д.38. ЛЛ.199-208; 9-208.

¹⁸ География их включала такие города как Вязники, Рьльск, Арзамас, Серпухов, Харьков, Кунгур, Тюкалинск, Туринск, Верхотурск, Кузнецк. Архив г. Минусинска. Д.14. ЛЛ.2 (об.) -10.

¹⁹ Комлева Е.В. Енисейское купечество ... – С. 89.

²⁰ Там же. С. 57.

²¹ В 1859 г. на юге Енисейской губернии действовали четыре ярмарки, открытые в казачьих станицах Каратузской, Саянской, Таштыпской и Солённозёрской. Последние три располагались непосредственно вблизи мест расселения инородцев. Енисейская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 г. СПб., 1864. – С. 46-48.

²² Ватин В.А. Город Минусинск... – С. 237.

²³ Архив г. Минусинска Ф.15. О.1. Д.154. ЛЛ.54 (об.) -55.

²⁴ Семья Беловых считалась в середине века самой богатой среди минусинцев: «Гораздо богаче всех здесь купчиха Б. ... Огромные цены на товары, не понижаемые конкуренцией, доказывают, что она забрала в руки всю мелочную торговлю в Минусинске». С 1854 г. Матрёна Семёновна являлась владелицей первого и долгое время единственного в городе частного каменного дома. Ватин В.А. Город Минусинск ... – С. 237.

²⁵ Архив г. Минусинска. Ф.15. О.1. Д.12. ЛЛ.61 (об.) -62.

²⁶ Там же. ЛЛ. 59 (об.) -60.

²⁷ «... крестьяне сибирские живут вообще за малым разве изъятием безбедно. Довольство их, однако, состоит не в

денежной наличности, а в достатке продуктов, трудами собственных рук из земли вырабатываемых, и в изобилии скотоводства». Прутченко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г. в строе управления Русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. – С. 293.

²⁸ Недостаток такого «менталитета», видимо, был вообще характерен для малых провинциальных городов России XIX в. «Многие из нынешних купцов Шадринска и Долматова ... были уполномоченными в этих местах от торговых обществ, но заслужив у них кредит в сбыте товаров, завели в них торговлю на своё имя и приписались в купечество. Местные же капиталисты ... не имеют склонности к торговым оборотам. ... не умеют извлекать выгод для улучшения своего состояния». Замечания о юго-западной половине Шадринского уезда Пермской губернии. «Журнал Министерства Внутренних дел». 1855 г. Декабрь. Отд. III – С. 110-111.

²⁹ Виссариону Широкову было в это время девять лет, Петру Чуеву – четыре года. Там же. Ф.34. О.1. Д.369. ЛЛ.7 (об.) -8. 12 (об.) -13.

³⁰ Там же. Д. 425.

³¹ Комлева Е.В. Енисейское купечество ... – С. 242-302.

³² Ананьин Гаврила Нефёдов, Баранов Александр Петров, Евстратов Алексей, Малов Илья Константинов, Ошаров Григорий Яковлев, Паринава Акулина Дмитриева, Сватиков Василий Михайлов, Чернышёв Григорий Григорьев, Ошаров Яков Яковлев, Масленников Степан Никифоров и Гуляев Фёдор Иванов. Архив г. Минусинска Ф.21. О.1. Д.6. ЛЛ. 144-145 (об.).

О.В. Пилипенко,
п. Шушенское

Из истории рекрутской службы шушенских крестьян (к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года)

В жизни сибирских крестьян было много событий, коренным образом влиявших на их судьбы, судьбы их детей, менявших привычный жизненный уклад. Одним из таких событий была воинская служба.

В нач. XIX в. в России не было «запаса армии». Численность войск увеличивалась путём формирования всё новых и новых отдельных воинских частей. А комплектовались они ещё со времён Петра I за счёт рекрутских наборов, которые просуществовали до 1874 года. Срок службы в России в это время от бессрочного был уже ограничен до 25 лет. Рекрутские наборы объявлялись нерегулярно указами царя в зависимости от потребностей армии. Иногда проводилось два набора в год. В 1804 г. был единственный набор по одному человеку с 500, а в 1806 г. по пять человек с 500. Выбирались в рекруты следующим образом. Все семейства крестьянских обществ вносились в специальные списки по числу состоявших в них работников, т.е. способных к труду лиц мужского пола в возрасте 18-60 лет.

Общества должны были давать рекрутов по очереди, начиная с семей с большим числом трудоспособных. Семьи, имеющие одного работника, освобождались по закону от поставки рекрутов. Те, кто имел 4-х работников, ставили и второго рекрута до того, когда очередь доходила до семейств, имевших в 2 раза меньшее число работников. В один набор семейство не выставляло более одного рекрута, в несколько наборов – более 3-х. Когда очередь обходила всё крестьянское общество, то очередность предполагалось повторять заново.

Выставлялись физически годные рекруты в возрасте от 20-35 лет, ростом, не менее 155 см, здоровые и не увечные, холостые. Из женатых ранее в набор попадали бездетные, а в случае, если все сыновья женатые и имеют детей, то выбор определялся волей родителей, по согласию или же по жребию.

Плановые рекрутские наборы обычно проводились в ноябре каждого года. Наборы в связи с войной объявлялись и в другое время. Так, 1 сентября 1805 г. в России был объявлен рекрутский набор, в связи с войной против Наполеона в Европе. Тогда армия Кутузова совершила поход в Австрию, который потерпел поражение (сражение под Аустерлицем).

Согласно рапорта «Минусинского волостного правления от 18 ноября 1805 г. красноярскому земскому исправнику «...во исполнение Его императорского величества, повелевающего о наборе от всего государства с 500 душ по четыре рекрута, ...от числа состоящих в ведении сего (т.е., Минусинской волости) 2124-х душ единогласно выбрали рекрутов... От села Шушенского Ивана Егорова Потылицына, в подставные 1-го того же села Григория Петрова».¹

По данным «Ведомости, учинённой в Минусинском волостном правлении об отдании в рекруты» из сёл волости с 1794 по 1811 гг. было взято 170 человек. В их числе из с. Шушенского – 13 человек.²

В 1812 г. было проведено в связи с войной с Наполеоном три рекрутских набора, при этом общее число рекрутов составило 20 человек с 500.

В списке Минусинской волости, официально именуемом «Список, учинённый в Минусинском правлении об очередных крестьянах, состоящих к рекрутской повинности 1812 года», который был составлен после шестой ревизии населения 1811 г., числилось 1542 души, из них в с. Шушенском – 237 душ. Очередных семейств – 28.³ В списке указано, когда и за кем предстоит отданным быть в рекруты, а также тех, кто уже состоит на рекрутской службе и за то ли семейство или по добровольному условию за другое.

Согласно этим спискам, только из семейств Ермолаевых уже состояли на рекрутской службе к 1812 г. четыре человека. Двадцатым в списке числилась семья Егора Михайлова Потылицына 62-х лет.

Из его семейства, а именно из пяти его сыновей: Прохора 35-и лет, Василия 25-и лет, Николая 25-и лет, Дмитрия 15-и лет и Ивана, взят в рекруты в 1805 г. Иван. В 1812 г. наступила очередь Николая. За него по добровольному условию поступил в рекруты Фёдор Антипов Иконников.

За 1812 г. в рекруты из с. Шушенского, согласно очерёдности, взято 7 крестьян. Данные эти неточны, так как наблюдаются расхождения в цифрах в «Ведомости о количестве отданных в рекруты по Минусинской волости» и списках очередников с. Шушенского от 1812 г. Кроме того, существует отдельный «Именной список Минусинской волости, поступивших от оной в рекруты за сторонние семейства с 1810 г.». Но количество людей в этих списках не установлено, можно только предполагать, что кто-то из ранее взятых в рекруты молодых крестьян с. Шушенского был участником войны 1812 года.

К сожалению, в донесениях Минусинского волостного правления нет сведений, о том, где отбывали службу крестьяне. Удалось определить место службы лишь нескольких отставных солдат.

В частности, в «Ведомости Шушенского волостного правления об отставных нижних чинах, находящихся в ведомстве сей волости за январскую треть 1830 г.» числится взятый в рекруты в 1805 г. из семьи Потылицыных Иван Егоров 44-х лет. *«Иван Егоров Потылицын рядовой взят в рекруты в 1805 г. На службу поступил июня 9-го дня 1806 г. служил в 1-ом карабинерном полку 1812 г. 12 сентября. Жительство имеет в селе Шушенском, паспорт имеет данный командиром поселения 1-го карабинерного полка Василия Тамиловского от 28 октября 1828 г., за номером 2419. Имеет серебряные медали. 1-ю в память 1812 г., 2-ю в память вступления российских войск в Париж, и за 20-летнюю службу знак отличия святой Анны за № 132,103».*⁴

Исходя из этого документа, совершенно точно можно утверждать – один из крестьян с. Шушенского, Иван Егоров Потылицын, был участником Отечественной войны 1812 года.

Солдат Потылицын служил в 1-ом карабинерном полку, кем конкретно, неизвестно. Так полк стал называться только с 30 августа 1815 г. А до этого был сформирован 2-й егерский полк, переименованный в 1-й егерский. За отличия во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813 и 1814 гг. назван 1-м гренадерским егерским и, наконец, карабинерным.

То, что солдат Потылицын принимал непосредственное участие в боевых сражениях, в т.ч. Бородинском, свидетельствует его награда: медаль «В память Отечественной войны 1812 г.» Она была учреждена 5 февраля 1813 года. Этой серебряной медалью на голубой Андреевской ленте награждались все строевые чины армии и ополчения, принимавшие участие в военных действиях с французами до конца 1812 г., т.е. в пределах Отечества. Это был первый случай в истории русской наградной системы, когда одинаковую награду получали генералы, офицеры и нижние чины армии и флота, – для всех непременно условием получения этого знака отличия являлось личное участие в боевых действиях с наполеоновской армией на территории Российского государства. За участие в разгроме наполеоновской армии в Париже солдат Потылицын имел ещё одну серебряную медаль: «За взятие Парижа 19 марта 1814 г.», а за беспорочную 25-летнюю службу – знак Святой Анны.

Ещё одна медаль, относящаяся к Отечественной войне 1812 г., была установлена в память

взятия русскими войсками Парижа в 1814 году. Она была серебряной, с надписью: «За взятие Парижа 19 марта 1814». Таким образом, стало известно, что солдат Иван Потылицын принимал участие не только в военных действиях против французских войск на территории России, но и во взятии Парижа.

В рекруты набирали, как правило, холостых мужчин (Иван Потылицын был холост), но жёнам рекрутов разрешалось следовать за мужем к месту службы. Во время службы солдат мог жениться с разрешения полкового начальства. Документов, подтверждающих подобные случаи среди солдат, взятых на службу из с. Шушенского, не обнаружено.

В «Ведомости Минусинского волостного правления о солдатских жёнах с показаниями их поведения за 1818 г.» содержатся сведения о поведении солдатских жён во время долгого отсутствия мужей: *«Марфа Михайлова Ермолаева 41 года, имеющая двух сыновей Андрея 17-и лет и Ивана 7-и лет по отдаче мужа из села Шушенского назад тому шестой год живёт при детях в своём доме, поведении честном. Авдотья Гаврилова Иконникова 26-и лет. У неё оставшаяся после мужа дочь Маремьяна. По отдаче мужа из села Шушенского в рекруты назад тому 10 год живёт в доме отца своего родного крестьянина Гаврила Потылицына. В поведении ззорном и противных поступках не замечена».*⁵

В «поведении ззорном и поступках противных» незамечены и Ульяна Иванова Ермолаева, Матрёна Петрова Побышина, Наталья Николаева Бугаева и многие крестьянки, ожидавшие своих мужей долгие 25 лет, воспитывая детей.

В «Списках об отставных нижних чинах и солдатских детях за 1 половину 1818 г. есть и другие сведения, свидетельствующие об обратном. В частности, здесь отмечено: *«Ушедшего в 1809 году в рекрутскую службу Ивана Ермолаева жены Федоры 32 лет. У неё сын незаконнорожденный Арефий 7 лет».*⁶

В «Сочинённой ведомости от 1825 г. за № 3118 о незаконнорожденных солдатских детях» по с. Шушенское числится 6 детей. Это незаконнорождённые дети жён, взятых в рекруты Ивана Серёдкина, Егора Попкова, Никиты Потылицына и т.д.⁷

В процессе исследования удалось узнать о судьбе некоторых крестьян после многолетней службы. В «Ведомости, сочинённой о находившихся по Минусинской волости отставных нижних чинах, не получивших участков казённых земель за января 13 дня 1818 г.» числится: *«Солдат инвалид Гаврило Петров Песегов 47-и лет, холост, из государственных крестьян Томской губернии Красноярского уезда Минусинской волости поступил на службу в 1788 г. Отставлен от службы из томской инвалидной команды октября 25-го дня 1816 г. Поставлен на пропитание Красноярского уезда Минусинской волости в селе Шушенском. Паспорт дан Его высокопревосходительством господином генерал-лейтенантом и командиром отдельного сибирского корпуса...Родственники его в том паспорте не вписаны, но он проживает в том же селе Шушенском у родных братьев Песеговых».*⁸

В с. Шушенском уже в 1823 г. была своя богадельня, в которой на пропитании находились старые солдаты. Иногда это были жители из других мест Красноярского уезда. Государственное содержание выплачивалось в крайних случаях.

В процессе исследования не удалось установить, были ли среди участников Отечественной войны 1812 г., кроме Ивана Потылицына, другие жители с. Шушенское.

Такие люди, как Иван Потылицын – простой солдат, крестьянин из далёкого сибирского села, оторванный от родных мест, от своей семьи на долгую, полную невзгод и лишений, тоске по родине военную службу, – в России были всегда. В грозные для России времена они вставали на её защиту.

Так было и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Потомки крестьян Потылицыных, Плишкиных, Ермолаевых, Решетниковых и многих других, отстаивая Отечество, не посрамили чести своих прапрадедов.

2012

Примечание:

¹ АГМ. Ф.34. О.1. Д.144. Л32.

² АГМ. Ф.34. О.1. Д.333. Л.52.

³ АГМ. Ф.34. О.1. Д.373. Л.25.

⁴ АГМ. Ф.42, О.1, Д.169, Л.18.

⁵ АГМ. Ф.34, О.1, Д.479, Л.30.

⁶ АГМ. Ф.34, О.1, Д.553, Л.40.

⁷ АГМ. Ф.42, О.1, Д.115, Л.37.

⁸ АГМ. Ф.34, О.1, Д.479, Л.40.

Н.А. Старухин,
г. Новосибирск

Источники по истории минусинских («австрийских») окружных и неокружных обществ (1880–1900-е гг.)

Старообрядчество бывшей Енисейской губернии, и, в частности, Минусинского, и соседних с ним округов, самого города Минусинска, представляет собой одну из малоизученных страниц. Актуальность исследования видится и в связи с изучением регионального старообрядчества ведущими научными центрами страны, истории и литературы отдельных староверческих направлений. Речь, в основном, пойдёт об одном из старообрядческих согласий, выделившегося из мира беглопоповщины осенью 1846 г., после принятия староверами в сущем сане греческого митрополита Амвросия в селении Белая Криница (в указанный период – территория Австрийской империи).

Можно выделить следующие группы источников, использование которых позволяет в целом реконструировать историю староверческих общин, проследить основные направления их внутренней полемики: документальные (делопроизводство самих белокриницких староверов); нарративные (повествовательные) источники (старообрядческие сочинения разных жанров); и такой комплексный вид источников, как периодика (прежде всего, старообрядческая).

Появление собственной трёхчинной (епископ, священник, диакон) староверческой иерархии вызвало новую волну споров и разделений среди «ревнителей древлего благочестия». Но раскол не миновал и вновь образованное (белокриницкое, или получившего в полемической литературе наименование «австрийское») согласие. После принятия т.н. Окружного послания в нач. 1862 г., связанного с необходимостью идейного и организационного оформления «австрийцев», в Белокриницкой иерархии возникает достаточно сильная группировка противников этого документа, поддержанная частью епископата. Не совсем удачные попытки примирения неоднократно предпринимавшие белокриницким руководством, глубинные противоречия, связанные с выходом Послания, вызвали острые многолетние дискуссии лидеров «окружных» и «неокружных» обществ. Одновременно продолжалось образование названных общин не только в центре, но и на местах, в т.ч. Сибири, их дальнейшее обособление друг от друга.

В исследовательской литературе уже достаточно давно утвердилась точка зрения, что в основе формирования староверия на востоке России, основную роль играли процессы как правительственной, так и стихийной (не подконтрольной властям) колонизации. В дореволюционной историографии на это одним из первых указал Д.Н. Беликов, в советский и постсоветский период, на основе значительного круга источников, эту проблему на качественно иной уровень вывел академик Н.Н. Покровский. При этом нужно иметь в виду, что стихийные миграции власти, как правило, эти самые миграции и санкционировавшие, во многом не могли контролировать не только в XVII – XVIII столетиях, но и гораздо позднее: в XIX, и даже XX вв.

Укажем на некоторые особенности сибирских белокриницких обществ. Их возникновение прослеживается с 1850-60-х гг., и было напрямую связано с оформлением белокриницкой организации в европейской части страны и на Урале. К указанному времени руководству согласия, несмотря на активное противодействие официальной церковной и гражданской администрации, удалось осуществить ряд святительских хиротоний и организовать несколько епископских кафедр, включая Тобольскую. Это позволило значительно активизировать деятельность «австрийцев» в Сибири. Необходимо отметить и другую особенность формирования сибирских обществ: с крестьянскими переселениями самым тесным образом переплетались иноческие. Причём настолько тесно, что зачастую нельзя было отделить один процесс от другого. На

основании доступных на сегодняшний день источников можно предположить, что указанные особенности, так или иначе, характерны и для староверческих общин минусинского региона.

Наиболее достоверные сведения о белокриницких общинах можно извлечь из материалов делопроизводства белокриницкой архиепископии. (Документация по сибирской (Тобольской) епархии, куда входили минусинские общины, выделяется с 1879 г.) Одним из ранних источников является прошение ряда обществ Курагинской волости Минусинского округа: дд. Бугуртака, Малого Каналея, Тагашета и «протших мест» московскому архиепископу Савватию (Левшину). Прощение не датировано, но на одном из его полей имеется помета, сделанная рукой секретаря архиепископии, что оно получено в Москве 8 марта 1883 года. В прошении излагалась просьба о присылке священника, поскольку все служившие до этого в общине клирики по разным причинам выехали в другие места обширнейшей сибирской епархии, предварительно сумев объединить в указанных обществах представителей «разных сословий». Оговорка в нашем случае весьма существенная. Имеется и другая, в которой пишется, что первоначально общества (или их часть), принадлежали к неокружникам. Перейти из «раздора», если использовать терминологию источника, заставила убедительная проповедь двух иноков – Иеремии (Иакова Петрова), проживавшего до этого под Томском (незадолго до этого там уже начала складываться достаточно мощная иноческая организация), священноинока Виталия (Ефремова), переведённого накануне составления прошения в Якутск, и белого священника Василия Горбунова. Отметим в связи с этим, что немаловажное значение в командировании в район Минусинска Иеремии имело личное знакомство Савватия с последним, его духовный авторитет (Иеремия являлся постриженником сибирского епископа); позже схимник не случайно выбирается руководством согласия кандидатом на ответственную поездку в Благовещенск – «амурское посольство» – где начинают формироваться белокриницкие общества. Известно, что после поездки на Амур схимник попытается завести скит в Минусинске совместно с несколькими инокинями в августе 1883 года. Последним, по каким-то причинам, был недоволен Минусинский попечитель Прохор Брагин, так же фигурирующий в прошении, и даже оставивший в нём свой комментарий.¹

В прошении отмечалось о желательности возвращения именно священноинока Виталия. Составители его аргументировали свою просьбу тем, что их общество «малое и бедное» и содержать приезжего «белого» (семейного) священника было бы крайне затруднительно. К тому же у священноинока Виталия имелась походная церковь, что избавляло общества от дополнительных расходов. Под прошением поставили подписи около 25 человек, при этом делалась приписка, что с изложенной в нём просьбой согласны и другие единоверцы, проживающие в более отдалённых (не указанных в документе) местах. Самым весомым аргументом, с точки зрения ходатаев, был предполагаемый переход части общинников назад к неокружникам, имевшим, как можно догадаться, серьёзные позиции в этом районе. Во всяком случае, не случайно спустя несколько лет после подачи прошения в район Минусинска был командирован другой белокриницкий инок Арсений, занимавшийся активной проповедью именно в неокружнических обществах. Как писал Арсений в Минусинском округе «...*стоит и живёт наших раздорников зло, и именно Пуговкиных, и протчих безпоповщинских ересей целья деревни набиты битком, где мне и доводится сражаться ... с неокружниками и полуокружниками, и с беглопоповцами ... и с часовенными двумя разделами, павловским и игнатъевским, на что уже мною выпущено 160-т экземпляров своего сочинения технической печати...*».² Документ позволяет расширить и наши представления о старообрядческих согласиях, существовавших к этому времени в районе Минусинска, помимо окружников и неокружников это и беглопоповцы, и, опять же, далеко неоднородное часовенное согласие.

Направления полемики, внутренняя ситуация в общинах, а так же суть оговоренного выше неокружнического конфликта, неплохо прослеживается по материалам ранней старообрядческой периодики. В последнем случае имеется в виду «церковно-научно-нравственная и экономическая» газета «Старообрядец», выпускавшаяся по инициативе белокриницкого инокa Николая (Чернышева) в Коломые (Австро-Венгрия) в 1870–80-х гг. Это был первый печатный староверческий орган. В силу этих, и некоторых других причин изложенных ниже, он пользовался относительным авторитетом и поддержкой староверов разных согласий. Причём установ-

ка редактора, направленная на установление диалога со староверами других согласий, похоже, совпадала с позицией других староверов. Так, в одной из статей, принадлежавшей одному из минусинских староверов (авторство скрывалось под псевдонимом, раскрыть который пока не представляется возможным), давались следующие «советы» редактору: «...*Сделать попытку к привлечению большего числа старообрядцев к участию их в литературных трудах... к каждому... известному в старообрядческом мире лицу обладающему пером и знанием свящ <енного> писания... русской истории*». ³ Далее «советы» минусинского корреспондента заметно расширяются, и скорее, напоминают уже целую программу издательской деятельности. Формулируется она следующим образом: «...*посылать ей (редакции – Н.С.) статьи ... о всех ... интересных в жизни старообрядческого мира явлениях... Как велико число грамотных в данной местности последователей того или другого отдела старообрядцев, особенности его верований и обрядов, причины разделения старообрядцев с тем, или иным отделом... Какая бывали распоряжения начальства... Как принимались старообрядцами такие распоряжения... Не было ли в данной местности протестов против нарушения начальством ... прав старообрядцев личных и на имущество... В какой форме выражались эти протесты... Какая были результаты ... Не помещать в газете таких статей, которые бы имели задорный характер, оскорбляли чувства того, или другого отдела старообрядцев...*». ⁴

Возможно, именно автору этих «советов» принадлежит несколько материалов в сохранившихся номерах «Старообрядца». Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет сочинение «Разсмотрение Окружного послания». ⁵ Сохранилась часть этого сочинения, опубликованная в июле 1887 г. Основная идея работы – показать подоплеку создания Окружного послания, ⁶ так, как это, конечно, видится автору. Последним достаточно квалифицированно используется следующий круг источников: Евангелие, апостольские послания, гражданские исторические и миссионерские сочинения, старообрядческая периодика. Дополнительным аргументом в полемике несколько неожиданно послужила даже басня И. Крылова «Свинья под дубом», приведённая составителем сочинения полностью против идейных «сочинителей» Послания – епископов Ануфрия (Парусова) и Пафнутия (Овчинникова), перешедших, как известно, в единоверие в 1864 г. Но в то же время автор выражает явное сочувствие непосредственному составителю Окружного послания, Иллариону Кабанову (Ксеносу).

Идея сочинения сводится к следующему. Окружное послание составлялось исключительно по инициативе упоминавшихся выше епископов Ануфрия (Онуфрия) и Пафнутия, имевших тайную цель оправдать православную («никонореформаторскую») церковь, а затем присоединиться к единоверию. Попытки властей восстановить «святую старожитность» в форме единоверия, по мнению автора, абсолютно не приемлемы, поскольку камнем преткновения в данном случае являются давние проклятия, положенные церковными властями на те самые чины и обряды, которые единоверцы пытаются использовать. Сам факт многовековых суровых преследований староверов исключает возможность какого-либо компромисса с властями. Более того, по мнению полемиста, преследования («тиранство») староверов продолжаются, но уже более утонченным способом. В подтверждение своей точки зрения он приводит отдельные статьи известного закона 3 мая 1883 г., запрещавшие установку крестов на старообрядческих моленных, и некоторые другие «доказательства раскола». Принципиальным видится явное несогласие автора «Разсмотрения» с попыткой составителей Окружного послания дистанцироваться от «беспоповских мудрований». Наш автор однозначно включает беспоповцев в число «общих предков», абсолютно поддерживая не только их категорическое неприятие написания имени Спасителя с двумя «и», но и самих таинств реформированной никоновской церкви, включая таинство евхаристии, которую наиболее последовательные противники реформ объявили «агнцем антихристовым». В «Разсмотрении» идеологам официальной церкви ставится на вид как непоследовательность в вопросах чинопоема староверов, так и бросается один из серьёзнейших, не лишенных политического оттенка, упреков в «еретичности» православной церкви. Соответственно, по логике автора, ни о каком примирении, а тем более «равноправности» церковью, продекларированных в Окружном послании, не может быть и речи.

Известно, что «Разсмотрение» вызвало бурную реакцию со стороны последовательных

окружников. Редактор был обвинён в том, что дал дополнительные доводы в руки оппонентов, написать возражения на которые он вполне резонно предлагал на одной из страниц издания.

Тематически связан с «Разсмотрением окружного послания» другой, более поздний нормативный памятник, созданный минусинскими староверами. Речь идёт о соборном постановлении, принятом Покровской общиной в Минусинске летом 1909 г. В постановлении минусинские старообрядцы изложили свою точку зрения на т.н. «мирные акты» бендеровского и зувевского соборов, предпринявших очередную попытку примирения окружников и неокружников. Сопроводительное письмо, вместе с которым копия постановления была выслана в архиепископию через известного деятеля белокрыницких староверов Ф.Е. Мельникова, датируется 26 июля 1909 г.⁷ Письмо составил минусинский старовер Н.Р. Пешкин, он же заверил и копию постановления (оригинал высылался самому московскому архиепископу Иоанну (Картушину)). Возможно, Н. Пешкин являлся одним из авторитетных местных попечителей, известным в Москве.

В постановлении, состоявшем из 15 пунктов, минусинцы, видимо, в большинстве своём последовательные противники Окружного послания, подтвердили основные требования бывшей неокружнической партии. Ключевыми, на наш взгляд, представляются пункты, в которых специально проговаривался вопрос о молении за императора, формулировалось отношение к официальной церкви. В частности, подтверждалось категорическое требование об уничтожении Окружного послания; запрещение вынимать за «инославных» частицы из просфоры во время литургии. В нескольких пунктах специально проговаривалась возможность перехода и деятельность неокружнических епископов. Подчёркивалось, что они *«по примирении... не должны переводиться без добровольного согласия... При совместном управлении, дела решать по общему совету... Без совета и согласия... примирившихся ничего не творить...»*.⁸ Постановление подписал настоятель Покровского храма Максим Рыбин (духовная степень документе не обозначена), председатель общины Александр Квашнин, товарищ председателя Логин Труханов, члены церковного совета Яков Корнев, Дмитрий Спорышев и «другие прихожане».⁹

Таким образом, использованные источники позволяют сделать вывод, что староверие Минусинска и примыкавших к нему районов являлось достаточно распространённым явлением. Старообрядческие общества, сформировавшиеся в этом регионе из нескольких колонизационных потоков, включая местные миграции, жили напряжённой внутренней жизнью, отразившейся на идейной борьбе в них, и зафиксированных в литературных и документальных памятниках.

2012

Примечания:

¹ РГБ. Ф. 246. К. 189. Ед. 5. Л. 122 об.

² РГАДА. Ф. 1475. О. Д. 203. Л. 50-50 об.

³ РГБ. Ф. 294. К. 17. Ед. 3. Л. 173 об.

⁴ Там же. Л. 173 об., 177 об.

⁵ РГБ. Ф. 294. К. 17. Ед. 3. Л. 17–20 об. Далее сноски на сочинение приводятся в тексте статьи.

⁶ Об Окружном послании см.: Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 203-204.

⁷ РГБ. Ф. 164. К. 25. Ед. 52. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 2 об. -3.

⁹ Там же. Л. 3.

А.В. Старцев,
г. Барнаул

Организация русской торговли в Монголии во втор. пол. XIX – нач. XX веков

При изучении истории русской торговли в Монголии большой интерес представляют вопросы её организации. В данном случае под организацией понимается система согласуемого порядка, складывавшаяся в процессе русско-монгольского товарообмена, в соответствии с которой формировался механизм функционирования, способы, принципы и нормы адекватные экономическому поведению его участников. Исследование форм и типов торговых предприятий, органи-

зации торговых сделок, отношений между предпринимателями, степени их подготовленности к деятельности в условиях Монголии и т.д., позволяет более квалифицированно судить о ведущих тенденциях русско-монгольских торгово-экономических отношений, их результатах и исторических последствиях для обеих стран.

Ведение торговых дел русскими предпринимателями в Монголии имело свою специфику, которая определялась рядом факторов, обусловленных характером социально-политического строя и хозяйственной жизни местного населения. В рассматриваемый период Монголия являлась внутренней колонией Цинской империи или, по выражению одного из китайских чиновников, — «китайской Сибирью».¹ Цинская администрация управляла монголами на основе законов и установлений, разработанных ещё в кон. XVII в. специально для Халхи, которые с последующими дополнениями были оформлены в виде кодекса законодательных актов под названием «Уложение Китайской палаты внешних сношений».² Непосредственный контроль над Монголией осуществляли маньчжурские наместники – амбани и цзяньцзюни, находившиеся в Урге, Улясутае и Кобдо. У них были монгольские заместители по военным и гражданским делам.

До сер. XIX в. пекинское правительство проводило политику изоляции Монголии от внешнего влияния, причём это относилось как к иностранным подданным, так и к китайцам. Китайским торговцам запрещалось приезжать в Монголию без специального разрешения и оставаться там дольше положенного срока. Торговые отношения с Россией разрешалось вести только в определённых районах приграничной полосы и они строго регламентировались китайскими властями.

Политика изоляции способствовала консервации патриархальных социально-политических отношений и сохранению архаичной, моноотраслевой структуры монгольской экономики. Основной и, по сути, единственной отраслью хозяйства являлось экстенсивное кочевое скотоводство, носившее натуральный характер. Поскольку «все основные экономические процессы в скотоводческом обществе осуществлялись в рамках отдельных домохозяйств»,³ это в значительной степени ограничивало его возможности для внутреннего роста и способствовало его консервативной устойчивости, переходящей в застойность.⁴

Другим фактором, оказывавшим большое влияние на методы хозяйствования и экономическое поведение жителей Монголии, являлся их мировоззренческий стереотип, установки сознания, в основе которых лежала буддийская религия в форме ламаизма.⁵ По оценке профессора А.М. Позднеева, буддизм руководил «не только всеми деяниями, но и суждениями, и намерениями монголов».⁶ Являясь мироотвергающей религией, буддизм выработал собственные хозяйственно-этические представления, которые в значительной степени отличались от христианских. Буддийский практицизм основывался на идеале срединности – избегании крайностей и чрезмерности. Умеренное благосостояние, отсутствие привязанности к собственности, страстной жажды богатства и азарта конкурентной борьбы, а также избегание нищеты, заставляющей сосредоточивать все силы на пропитании – всё это входит в буддийское понятие «срединного пути».⁷

Эти особенности буддизма привели в своё время М. Вебера к выводам о невозможности возникновения на Востоке капиталистического мировоззрения и соответствующего хозяйственного поведения.⁸ Многие современные исследователи буддизма также подчеркивают, что его теоретические постулаты фиксируют «архаический тип мышления»,⁹ а некоторые полагают, что в буддийских ценностях вообще отсутствуют модернизирующие элементы, которые содержатся в христианстве.¹⁰ Как считает В.А. Зарин, здесь «...не осуществлялось целенаправленной технической и экономической политики роста, которая бы свидетельствовала об автономном зарождении капиталистического уклада или способствовала его имитации».¹¹

До контактов с европейцами восточные общества осуществляли редистрибутивный тип хозяйства, доминантой которого являлась идея пропитания. Тип и масштабы такого хозяйства определялись, говоря словами В. Зомбарта, «... формой и размером потребности, считающейся твердо данной. Вся цель хозяйствования есть удовлетворение этой потребности. Хозяйство подчиняется... принципу покрытия потребностей».¹²

Подобный тип хозяйства М. Вебер называл «традиционалистским», подчеркивая, что в его основе «...лежало стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел...».¹³ Такая стратегия бытия, в свою оче-

редь, создавала соответствующий ей культурный субъект — архаического человека, ориентированного на самые примитивные формы хозяйства и их постоянное воспроизводство.

В монгольской экономике внутренние стимулы для товарообмена были выражены слабо, и характер торговых сделок здесь значительно отличался от целей и приёмов «цивилизованной» торговли. Жившие в условиях натурального хозяйства монголы, вполне могли обойтись без привозных товаров и это являлось серьёзным препятствием для внедрения в их экономический быт не только «европейских», но и любых других форм торговли, даже самых примитивных. *«Небольшой спрос на какие бы то ни было товары обуславливается, простотой жизни и несложностью потребностей номада, — писал сотрудник Российской миссии в Пекине А.С. Вахович. — Ему не нужно не только никаких предметов роскоши, но даже и того, что у нас считается необходимым. Питаться он привык мясом, чаем и молоком, которые имеет в изобилии, живёт в войлочной передвижной юрте, следовательно никакой обстановки ему не нужно, одевается весьма просто. Может купить какой-нибудь материи на халат — купит, требуя лишь от материала дешёвизны и прочности; не в состоянии купить — ходит в овчинном тулупе собственного изделия».*¹⁴

В результате подписания Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860) договоров между Россией и Китаем монгольская экономика получила серьёзный толчок извне, который стимулировал развитие товарно-денежных отношений и способствовал вовлечению изолированного хозяйства региона в орбиту международных хозяйственных связей. С одной стороны, в Монголию стали поступать товары западноевропейского и российского производства, а с другой — продукция монгольского хозяйства (шерсть, пушнина, скот) получила выход на мировой рынок. Поскольку западноевропейский капитал проникал в Монголию опосредованно, через китайских коммерсантов, русские торговцы являлись в Монголии практически единственными представителями иностранного капитала и носителями «цивилизованных» форм торговли.

В исторической литературе вопрос организации русской торговли не стал предметом специального изучения, хотя некоторые его аспекты затрагивались в ряде работ дореволюционных и советских авторов. Характеризуя способы ведения дела русских предпринимателей в Монголии, большинство современников и исследователей подчеркивали их архаичность и несоответствие принципам «цивилизованной» торговли. *«У местного русского купечества, — писал агент Министерства торговли и промышленности в Урге А.П. Болобан, — в громадном большинстве случаев отсутствуют даже правильные торговые принципы, оно торгует по старинке, по методам своих отцов».*¹⁵ И. Майский, напротив, полагал, что русские предприниматели в Монголии попали под влияние давно существующей китайской торговли и стали «...рабски копировать её в методах, приёмах и формах организации».¹⁶

Однако более внимательные наблюдатели не спешили осуждать русских коммерсантов за «некультурность» и отсутствие «правильных торговых принципов». Так, А.С. Вахович считал, что существовавшая организация дела «вызывается многими, почти неустраняемыми причинами».¹⁷ Управляющий Ургинским консульством, Кузьминский в отчёте за 1906 г., анализируя приёмы и методы русской торговли, писал, что *«самый опытный европейский коммерсант даже при риске большими капиталами не в силах изменить местных условий, быстро разоряясь в случае неумения приспособиться... Если торговля в таких центрах Монголии, как Урга, приближается к европейской, — отмечал он, — то торговля по хошунам не имеет ничего с ней общего».*¹⁸

Факты свидетельствуют, что многие крупные фирмы, попадая в Монголию, быстро отказывались от «цивилизованных» методов ведения дел, хотя во главе их стояли опытные предприниматели, прекрасно владевшие «европейскими» приёмами торговли. Те, кто не сумел приспособиться к реалиям местного хозяйства, терпели убытки и уходили с монгольского рынка. Так, например, отделения Русско-китайского банка за 9 лет своей деятельности получили убыток 500 тыс. руб. и были вынуждены прекратить кредитные операции в Монголии.¹⁹ По мнению М.И. Боголепова и М.Н. Соболева, причина этого заключалась в «полной несогласованности действующего банковского устава с условиями и особенностями русско-монгольского торгового».²⁰ В дальнейшем русские банки не решались развернуть свою деятельность в Монголии «...ввиду невозможности осуществить там, по местным условиям банкирские операции по одной из принятых для этих операций форме».²¹

В первые годы после подписания Пекинского договора русская торговля осуществлялась преимущественно караванным способом. В 1861 г. из Кяхты в Монголию был отправлен 21 караван, в 1862 г. – 65. В 1863 г. прошёл первый караван через границу Енисейской губернии, в 1869 г. 11 караванов прошло через Тунку.²² В 1870 г. в северо-западную Монголию были отправлены караваны из Семипалатинска и Бийска в сопровождении кульджинского консула К. Павлинова.²³

Одновременно с этим за границей стали открываться и постоянные торговые заведения. Первые русские лавки были открыты в Урге в 1861 г. одновременно с учреждением консульства, а в начале 1870-х гг. их насчитывалось уже 7.²⁴ Отличительной особенностью русской торговли в Урге было то, что большинство купцов занимались отправкой чайных грузов из Калгана в Кяхту и лишь некоторые предприниматели направляли своих служащих в хошуны для обмена промышленных изделий на сырьё, причём район их действия и размеры торговых операций были небольшими. Ургинский консул в своём отчёте за 1888 г. писал, что *«меньше всего увеличивается торговля русских купцов в Урге», и указывал, что за 20 лет существования её объёмы практически не возросли».*²⁵

В Урянхайском крае особенности организации торговли заключались в том, что для русских она играла подчинённую роль по сравнению с другими хозяйственными занятиями. Как отмечал начальник Усинского пограничного округа штабс-капитан А.Х. Чакиров, *«все русские без исключения занимаются сельским хозяйством, скотоводством, коневодством, мараловодством и торговлей. Кроме того, в Урянхае... разрабатываются золотые прииски Н.М. Черневича, Г.П. Сафьянова и К^о, Губанова и К^о, Чирковой и Кузнецова».*²⁶

Свою специфику имела русская торговля в северо-западных областях Монголии – Кобдинском и Улясутайском округах. Основателями и главными участниками её были бийские купцы, ввозившие товары по Чуйскому торговому пути, так называемые купцы-чуйцы. В 1876 г. постоянную торговлю в Кобдо вели 4 купца²⁷, в Улясутае в 1879 г. насчитывалось 9 русских лавок.²⁸

В 60-80-х гг. XIX в. наиболее крупными среди них были фирмы И.П. Котельникова, Г.Г. Бодунова и братьев В.А. и М.В. Гилёвых, которые помимо реализации российских товаров и скупки сырья занимались кредитованием мелких предпринимателей. Особенностью организации дела здесь было то, что хозяева фирм приезжали в Монголию только в летние месяцы, а в остальное время года торговля отдавалась «на полный произвол приказчика безо всякого над ним контроля».²⁹ Весной, по приезду из России хозяев, в лавках производился учёт, который заключался в том, что «лавка запирается, сваливается с полок весь товар и начинается счёт имеющемуся налицо имуществу». Поскольку торговые фактуры отсутствовали, главным документом при учёте являлись книги приказчиков, в которых они записывали отпуск товаров в долг и сведения о приёмке сырья. Эти записи велись в произвольной форме и нередко в выручке обнаруживалась недостача. *«Приказчик в большинстве случаев не умеет даже самому себе объяснить откуда взялся этот недочёт, – писал А.С. Вахович, – оправдываясь неизменным «а Бог его знает».*³⁰

Наём на работу осуществлялся на основе устного договора, без оформления каких-либо письменных условий или контрактов. Письменные договоры составляли большую редкость и стали заключаться лишь в кон. XIX – нач. XX в. В частности, удалось обнаружить договор, заключённый на 1 год между бийским купцом 2-й гильдии И.Г. Игнатьевым и его приказчиком И.Г. Брюхановым, датированный 1899 годом. В соответствии с этим документом, месячное жалованье И.Г. Брюханова составляло 25 руб. «при своём содержании» и выдавался задаток в 150 руб. Кроме того, приказчику предписывалось аккуратно вести торговые книги и запрещалось производить торговлю с местным населением от своего имени.³¹

Такая организация торговли порождала множество злоупотреблений как со стороны хозяев, так и со стороны их служащих. Регулярного жалования приказчики не получали, расчёт производился лишь тогда, когда они отходили от хозяев. Не зная размера своего заработка, служащие стремились обеспечить своё содержание за счёт хозяйского кармана, а купцы при расчётах удерживали значительные суммы из жалования последних. *«Некоторые даже хозяева, – общал А.С. Вахович, – и слынут тем, что никогда ничего не платят своим служащим при расчёте с ними».*³²

Отсутствие в торговых предприятиях русских купцов правильно поставленного делопроиз-

водства и бухгалтерии, а также юридическая неопределённость в отношениях между хозяевами и служащими свидетельствует о традиционном, в лучшем случае раннекапиталистическом характере организации русской торговли в Монголии в исследуемый период. Классики теории предпринимательства В. Зомбарт и М. Вебер неоднократно подчёркивали, что в основе капиталистического предпринимательства лежат принципы рациональности и калькуляции.³³ Здесь же, по свидетельству А.М. Позднеева, сами купцы «...никогда не могут дать себе точного отчёта в своих операциях... Из всех ведущих своё дело в Монголии... только один торгующий в Улясутае бийский купец В.Д. Васенев ведёт полный дневной журнал своей торговли и делает месячный свод проданного и выручки, из остальных же ни один торговец не делает этого».³⁴

Негативную роль в плане организации торговли играло запрещение российским подданным возводить в Монголии постоянные лавки, складские и жилые помещения. В соответствии с русско-китайскими договорами они могли иметь недвижимость только в тех населённых пунктах, где имелись российские консульства. В ст. XIII «Правил для сухопутной торговли» 1869 г. говорилось: «В местах, где Российское правительство будет иметь право учреждать консульства, а равно и в городе Калгане, русские подданные могут строить собственные дома, лавки, амбары и другие здания на участках, которые приобретаются ими, или же отводятся им местными властями...».³⁵ Аналогичные положения содержались в С.-Петербургском договоре 1881 г. «Люди ведут торговлю в Монголии десятки лет, живут там почти безвыездно, многие с семьями, – писал троицкосавский ветеринарный врач А.П. Свечников, – и не имеют других жилищ, кроме юрт или китайских фанз, и это не какие нибудь бедняки, а люди со средствами, ведущие дела на десятки тысяч в год».³⁶

Данное обстоятельство оказывало отрицательное влияние на инфраструктуру и размеры русской торговли и, по выражению Г.Н. Потанина, тормозило внедрение в Монголии «комфорта европейской жизни».³⁷ Супруга Г.Н. Потанина – Александра Викторовна, во время пребывания в Кобдо в 1876 г. по этому поводу писала в своём дневнике: «Ознакомление монголов с удобствами, которыми уже пользуется русское население соседней России, замедляется тем, что русские купцы, по договору с Китаем лишены права заводить собственную оседлость в Монголии. Об этом давно уже хлопочут как русские купцы, так и наши консульства, но ни в Хобдо, ни в Улясутае ещё этого права не добились, а заводить улучшения в чужом доме рискованно».³⁸

Разумеется, русские торговцы стремились разными способами обойти это запрещение. По сообщению русского консула в Урге Я.П. Шишмарева, в районе озера Косогол (Хубсугул) «торговцы поставили сначала юрты, обнеся их забором из толстого дерева, на следующий год во дворах пригородили небольшие дворики, тоже из толстого дерева, из которых устроили тёплые помещения с печами, окнами, а затем стали строить и дома».³⁹ Окончательно вопрос о праве русских подданных возводить в Монголии постоянные постройки был решён после подписания русско-монгольского соглашения 1912 г.

Часть своих служащих купцы направляли в так называемую разъездную торговлю. Получив от хозяина товар, приказчик открывал торговлю возле монастырей, в ставках монгольских князей или на пересечении дорог. От профессиональных навыков и добросовестности служащих и приказчиков, непосредственно осуществлявших торговые операции в монгольских хошунах, во многом зависели благосостояние и эффективная деятельность русских торговых фирм. Г.Е. Грумм-Гржимайло писал, что приказчик в Монголии, кроме знания языка и местных обычаев, должен был иметь «гибкий и ровный характер, так как порученное ему дело только тогда может пойти успешно, когда кроме торговой сметливости, он обнаружит и способность наладить добрые отношения с народом и туземной властью».⁴⁰

Насколько важны были для организации торгового дела в Монголии указанные качества приказчиков, можно судить по описанию операции закупки шерсти, которая являлась важнейшей статьёй русского импорта. «Соответствующий и правильный подбор людей ...имеет огромное значение и служит залогом успеха той или иной закупки, – говорилось в этом документе. – ...Закупщик должен обладать ещё необходимыми и крайне ценными для успеха экспедиции знакомствами со всеми хошунами и аймаками, чиновниками и ламами монастырей и другими монголами, или служебным или моральным авторитетом. Это деловое знакомство в Монголии имеет

огромное значение не только в смысле известного поручительства за обычно выдаваемые «на слово» задатки на сырьё и шерсть, но и как показатель солидности фирмы. Солидность эта обусловливается тем, что раз в караване находятся известные Монголии люди, пользующиеся доверием монголов по прежней работе, то такая фирма может свободно рассчитывать на всевозможные льготы и преимущества в пошлинных обрядностях, ценах, сдачах «на слово», сроках и т.п. привилегиях перед новыми в Монголии людьми». ⁴¹

В условиях конкуренции среди скупщиков указанные обстоятельства играли решающую роль в обеспечении торговых предприятий нужным им сырьем. «...Опытный закупщик, – подчеркивалось в описании, – пользующийся добрым именем и многолетним знакомством в Монголии, сможет оставить за собой на пониженных ценах несравненно больше сырья, чем его денежный, но незнакомый монголам конкурент». ⁴²

Именно в этом смысле М.И. Боголепов и М.Н. Соболев писали в своём исследовании, что *«приказчиков, мало-мальски удовлетворяющих требованиям русских купцов, находят с большим трудом, дают им повышенное жалование, содержание их ничем не отличается от самих купцов; часто у них общий стол. Иногда приказчики получают и одежду. Всё это, конечно ложиться лишним бременем на административный бюджет торговой фирмы»*. ⁴³

В этих условиях более предпочтительной категорией служащих были те, кто начинал свою карьеру в качестве «торговых мальчиков» в возрасте 12-14 лет. А.П. Свечников, описывая русскую торговую колонию в Улясутае, сообщал, что *«русские поступают сюда ещё мальчиками, торгуют сначала в Улясутае в лавках, изучают здесь монгольский язык. Затем с годами, хозяева выбирают из них более способных и отправляют с товаром куда-нибудь в хошун как приказчика»*. ⁴⁴

Об этой системе подготовки персонала подробно рассказывал профессору А.М. Позднееву приказчик бийского купца Г.Г. Бодунова – Ф.И. Минин, который прошёл все ступени «школы» русско-монгольской торговли. Он поступил на работу к Бодунову в 15 лет, когда ещё учился в школе. Сначала он находился при отделении фирмы в Кош Агаче, затем в Кобдо, «...исполняя чёрные работы и состоя «на побегушках» у хозяина и каждого из старших приказчиков». После окончания школы хозяин стал посылать его в «разъездную торговлю», затем в течение 2 лет он состоял в должности второго приказчика в кобдинской лавке. После этого купец посчитал, что Ф.И. Минин овладел нужной квалификацией и отправил его заведовать отделением фирмы в Улясутай. ⁴⁵ Такой же путь прошли многие бийские торговцы, в т.ч. такие крупные предприниматели как Н.И. Асанов, А.Д. Васенев и так далее. ⁴⁶

В отличие от практики европейской торговли, которая не исключала участия служащих в прибылях фирмы, русские предприниматели в Монголии этого не делали, но зато они оказывали содействие приказчикам в открытии собственного дела, отпуская в кредит товары и принимая от них скупленное сырьё. Здесь сложилась своеобразная система патроната крупных фирм над мелкими самостоятельными торговцами. По установившемуся порядку каждая мелкая или средняя фирма получала денежные, а чаще товарные кредиты от крупных предпринимателей, выступая в роли своеобразного «младшего партнёра» в процессе экспорта российских товаров в Монголию и вывозу оттуда местного сырья.

Содействие со стороны крупных купцов процессу образования самостоятельных торговых предприятий не являлась актом благотворительности. Причина заключалась в том, что мелкие торговцы, не обладая капиталами, не имели возможности выходить на такие крупные рынки как Ирбитская или Нижегородская ярмарки, и поневоле были вынуждены обращаться к купцам-оптовикам за кредитом и им же сдавать скупленное сырьё. Благодаря этому, крупные фирмы получали возможность сократить издержки на содержание собственного торгового аппарата при сохранении, а то и увеличении объёмов получаемой прибыли.

По данным А.М. Позднеева, в 1892 г. в Кобдинском округе работали 23 самостоятельные русские фирмы из Бийска. Из них на Ирбитскую ярмарку сырьё вывозили только предприятия купцов 2-й гильдии И.П. Котельникова, Г.Г. Бодунова и Я.Е. Мокина. Все остальные торговцы в той или иной степени считались клиентами указанных предпринимателей (И.К. Никифоров, П.Е. Щепкин, Н.Ф. Романов, П.И. Ерёмин, П.М. Захаров, Н.Е. Булгаков) или кредитовались у бийских купцов, которые самостоятельных дел в Монголии не вели. К таким относились, на-

пример, купцы 2-й гильдии Фирсовы, В.Н. Осипов, М.С. Сычёв, которые являлись крупными торговцами мануфактурным и галантерейным товаром, железоскобяными изделиями в Бийске и Бийском округе, а также снабжали этими товарами «чуйцев», принимая в оплату за такой товарный кредит монгольское сырьё, пушнину и пр. Так, клиентами В.Н. Осипова были С.К. Брезгин, Н.Б. Калгаманов, Р.И. Кузнецов, купцов Фирсовых – А.Я. Мальцев, М.С. Сычева – М.И. Чуманов, И.В. Каргаполов и так далее.⁴⁷

Увеличение численности предпринимателей оказало значительное влияние на ход и организацию русского торгового дела изменив, по выражению А.М. Позднеева, «...капитальным образом... весь строй здешней торговли, как в городе, так и в хошунах».⁴⁸ Эти перемены касались коммерческой стратегии, обусловленной целями, которые преследовали крупные фирмы, с одной стороны, и мелкие предприниматели – с другой.

Крупные купцы, занимавшие доминирующее положение на монгольском рынке, к кон. XIX в. основное внимание сосредоточили на вывозе местного сырья, прежде всего овечьей и верблюжьей шерсти. Ввод в действие западносибирского участка Сибирской железной дороги понизил транспортные расходы и сделал вывоз малоценных сырьевых продуктов выгодной операцией. Кроме того, многие предприниматели стали практиковать скупку шерсти, пушнины и других продуктов на наличные деньги и серебро, что подорвало монополию прежней меновой торговли. Стимулом такой системы торговли послужило появление в Монголии крупных торговых фирм из Сибири (А.В. Колмакова) и Европейской России (Бидермана, Гутбецаля, Стукен и К°), которые покупали монгольское сырьё исключительно на наличные.

Но полностью отказаться от меновой торговли в Монголии было невозможно в силу преобладания здесь натурального хозяйства и патриархального экономического поведения её жителей. Поэтому крупные предприниматели, по-прежнему должны были иметь большие товарные запасы, включающие прежде всего предметы потребления скотоводов (хлопчатобумажные и шерстяные ткани, железные и чугунные изделия, выделанную кожу и пр.) Однако теперь крупные фирмы предпочитали вести оптовую торговлю, выдавая товарные кредиты средним и мелким предпринимателям, которые занимались розничной продажей русских товаров, непосредственно доводя промышленные изделия до монгольского потребителя. В то же время крупные купцы полностью не прекращали и розничную торговлю, но теперь их лавки располагались только в городах или предместьях крупных монгольских монастырей. Торговля в степи полностью перешла в руки средних и мелких коммерсантов.

Такого рода специализация имела ощутимые последствия для продавцов и покупателей, а также изменила характер взаимоотношений в среде самих предпринимателей. Бывший управляющий монгольскими отделениями Русско-Китайского банка Н.Ф. Степанов писал, что средние и мелкие торговцы, *«понимая отлично, что успех их торговли зависит в значительной мере от их отношений к монголам, ...старались расположить в свою пользу последних и результатом их усилий явились самые дружеские отношения со стороны населения, как мне приходилось наблюдать во всех местах где я проезжал»*. Именно эта категория русских предпринимателей, по его мнению, являлась *«наиболее деятельными распространителями русских товаров в Монголии»*.⁴⁹

Активная деятельность мелких коммерсантов объективно приводила к общему снижению цен на привозимые фабричные изделия. А.М. Позднеев, указывая на этот факт, писал: *«Привезти взятые в долг товары и выждать на них соответственно намерениям высокую цену, для них оказалось невозможно, ибо своей торговлей они должны были не только обеспечить себе содержание, но ещё оправдать свои кредиты. Прямым последствием этой необходимости была решимость довольствоваться меньшим процентом, а, следовательно, понижением цены на русский товар. А раз состоялось такое понижение в лавке мелкого торговца, то оно должно было перейти и на лавку крупного»*. Учёный сообщал, что в разговорах с ним купцы жаловались на то, что мелкие торговцы *«сбивают для них цену на товар»*.⁵⁰

Однако отношения между крупными фирмами и мелкими коммерсантами, естественно, складывались не в пользу последних. Являясь монополистами по доставке товаров из России, купцы-оптовики менее всего были озабочены его ассортиментом и качеством, поскольку для них оборот капитала завершался при сдаче привезённых изделий мелким торговцам. С.Ф. Степанов писал,

что крупные фирмы И.Г. Игнатъева, Г.Г. Бодунова, П.В. Коршунова и другие *«закупают товары в громадном большинстве случаев на Ирбитской ярмарке раз в год, причём имеют главной целью дешевизну товара, не обращая особенного внимания на его качество»*.⁵¹ Окончательная реализация ненужных потребителю или некачественных изделий, конечно же, представляла немалые трудности, и нередко мелкие торговцы, не имея свободных оборотных средств и не укладываясь в сроки расплаты за взятый кредит, были вынуждены реализовать свои товары с убытком. Это вело либо к разорению торговца, либо превращало его в кабального должника купца-оптовика. В этом смысле вполне можно согласиться с выводом С.Ф. Степанова, писавшего, что *«...самостоятельные хозяева» ... в действительности находятся в полном рабстве у указанных фирм*.⁵²

Как правило, отношения по условиям кредитования между крупными фирмами и мелкими торговцами не оформлялись документально. Сделки осуществлялись на основе устной договоренности, но, как свидетельствуют источники, факты недобросовестности или нечестности при выполнении принятых обязательств были крайне редки. Нарушение договоренности наносило ущерб репутации торговца, поэтому предприниматели скорее были готовы поступиться дополнительными прибылями, чем заработать дурную славу в торговом мире. Кроме того, невыполнение обязательств влекло за собой определённые санкции и негативно влияло на дальнейшую коммерческую деятельность нарушителя. Так, торговавший по свидетельству 2-й гильдии бийский торговец В.А. Палкин кредитовался у И.П. Котельникова, а затем, посчитав условия такого кредита для себя невыгодными, стал сдавать скупленное сырьё Г.Г. Бодунову. В результате, по свидетельству А.М. Позднеева, В.А. Палкин *«...как не оправдавший доверие, в настоящем году не получил товаров ни от одного из них»*.⁵³

Так же на основе взаимного доверия строились отношения между русскими торговцами и покупателями монголами. Очень часто непроданные во время летнего сезона товары купцы оставляли на хранение местным жителям. *«Целость товаров при этом ничем не гарантируется – общал А.М. Позднеев, — и всегда совершается на началах знакомства и дружбы, почему между русским купцом и кочевниками не заключается никаких условий и плата за склад и хранение ограничивается каким-нибудь ничтожным подарком»*.⁵⁴

В организационно-правовом отношении подавляющее большинство русских торговых фирм в Монголии представляли собой индивидуальные частные предприятия. Условия Монголии, особенно в первые десятилетия после разрешения свободной торговли за границей, позволяли начинать дело с минимальным капиталом, которое не требовало сложного делопроизводства, а беспощинный режим не предполагал твёрдо установленных форм отчётности. Эти обстоятельства являлись важной причиной для выбора формы организации капитала. Преобладание индивидуально-частновладельческих предприятий также были обусловлены возможностью хозяина быть без раздельным руководителем дела, распорядителем всех имеющихся средств и владельцем всего получаемого дохода.

Но у такой организации были серьёзные недостатки, касающиеся стабильности его существования. Здесь, говоря словами известного российского предпринимателя В.П. Рябушинского, всё, или почти всё зависело от «личной годности» его владельца.⁵⁵ Кроме того, возможности расширения фирмы за счёт привлечения заёмных средств были значительно затруднены, поскольку банковские учреждения, сомневаясь в кредитоспособности таких клиентов, требовали дополнительных гарантий обеспечения ссуд. Особенно проблематичным было получение банковского кредита мелкими и средними торговцами, поскольку, по словам управляющего отделением Русско-китайского банка в Монголии, «с банковской точки зрения, гораздо безопаснее кредитовать крупных коммерсантов, так как в этом случае риск неплатежа ссуд несравненно меньше».⁵⁶

Ассоциированная форма организации русского капитала в Монголии была представлена торговыми домами (товариществами полными и на вере). По сравнению с индивидуальным частновладельческим предприятием, они обладали рядом преимуществ. Для них, как и для единоличных хозяйств, была установлена сравнительно несложная процедура учреждения. Они регистрировались в местных органах управления, ограничивались уплатой одного налога со своего дохода, а товарищества, не входившие в разряд обязанных публичной отчётностью, могли вести такое делопроизводство, какое считали нужным, или вообще обходиться без него.⁵⁷

Вместе с тем, товарищества, объединявшие нескольких лиц и капиталов, представляли собой более мощную экономическую единицу. Они обладали более широкими финансовыми возможностями, так как их капиталы, как правило, превосходили ресурсы индивидуального частного хозяйства. В связи с этим, товарищества имели преимущества в получении кредитов, что увеличивало их оборотные средства, а, следовательно, и масштабы коммерческих операций.

Процесс образования товариществ, действовавших в Монголии, относится в основном к нач/ XX века. До этого времени здесь действовали некоторые торговые дома, преимущественно в Урге, но основной сферой их деятельности была чайная торговля («Коковин и Басов», «Батуев и К^о», «Братья Н. и П. Шулынгини»). Что касается предприятий занятых торговлей собственно с монголами, то в организационно-правовом отношении они являлись индивидуальными частными предприятиями.

Отмечая это обстоятельство, большинство современников и исследователей считали, что процесс образования торговых домов тормозился невежеством предпринимателей, неумением и нежеланием их вести дело сообща. Типичной в этом отношении была оценка И. Майского. *«Мелкий кулак не только жаден, он сверх того ещё крайне невежествен и в высшей степени индивидуалистичен, – писал он. – Чувства общественной солидарности в нём совершенно нет, дальновидность его не простирается дальше привычных интересов сегодняшнего дня».*⁵⁸

Здесь сталкиваемся с попытками упрощения ситуации, сведению всех объяснений к корысти, некультурности и пр. Процесс становления более сложных форм организации капитала в Монголии, также как и в Сибири и Европейской России имел свою логику. *«Чем выше был уровень развития промышленности и торговли в том или ином районе, – писал А.Н. Боханов, – тем выше была и степень ассоциирования капитала».*⁵⁹

Во втор. пол. XIX в. насущной необходимости в организации торговых домов в монгольской торговле не было. Индивидуальные предприятия, преимущественно средние и мелкие, действовали в этот период достаточно успешно, конкурируя с китайцами. Однако проникновение на монгольский рынок в кон. XIX – нач. XX вв. представителей английских и американских фирм, развернувших через китайских купцов широкие операции по скупке местного сырья, появление в Монголии крупных фирм из России, сокращение масштабов меновой торговли, – всё это заставляло сибирских предпринимателей искать новые формы организации своего дела.

В нач. XX в. в Халхе действовало 15-20 торговых домов, осуществлявших экспортно-импортные операции. Капиталы и размеры их коммерческой деятельности были неодинаковы. Здесь действовали компании обще-сибирского и даже российского масштаба, а рядом с ними вели торговлю небольшие торговые дома из городов приграничной полосы.

Одной из самых крупных и авторитетных фирм, действовавших в Монголии ещё во втор. пол. XIX в. был торговый дом из г. Троицкосавска «Коковин и Басов», который первоначально занимался чайной торговлей, а затем развернул скупку местного сырья. Торговля в Монголии являлась лишь частью обширного дела фирмы, которая скупала пушнину в Якутии и Колымо-Чукотском районе, занималась золотопромышленностью и обработкой сырья (салотопенный, кожевенный, солеваренный и другие заводы), являлась владельцем пароходства. На всех предприятиях фирмы было занято 1500 чел. По оценкам исследователей, торговый дом «Коковин и Басов» относилась к числу крупнейших торгово-промышленных предприятий Сибири.⁶⁰

Фирма ввозила в Монголию крупные партии русских товаров (в 1912 г. – на 161,6 тыс. руб.), торговала китайскими изделиями, скупала у монголов значительные партии шерсти, пушнины и скота. Торговый дом имел свои отделения в Урге, Ванхуре, Цзаиншаби, где помимо торговых заведений были построены шерстомойки.⁶¹

Крупной фирмой, открывшей свои отделения в Урге и Улясутае в 1912 г. являлось «Русское экспортное товарищество», которое было основано в 1908 г. фабрикантами Московского промышленного района для экспорта русской мануфактуры в страны Ближнего и Среднего Востока.⁶² В 1914 г. товарищество ввезло только в Улясутайский округ северо-западной Монголии мануфактуры, скобяных товаров, сахара и свечей на 150,7 тыс. рублей.⁶³

Значительные партии овечьей и верблюжьей шерсти в Монголии закупала московская фирма Стукен и К^о. Её отделения и склады располагались в Урге, Улясутае, Цзаиншаби, а торговые агенты компании скупали по всей Монголии не менее 100 тыс. пудов шерсти в год.⁶⁴

В 1911 г. несколько отделений в северной и северо-западной Монголии было открыто торговым домом «А.В. Швецов и сыновья». Этот торговый дом был основан кяхтинским, а впоследствии московским купцом А.В. Швецовым. Объявленный капитал фирмы составлял 900 тыс. руб., хотя, по мнению исследователей, реально он был значительно больше. Основной сферой предпринимательства торгового дома была скупка пушнины в северо-восточных районах Сибири, но, кроме этого, Швецовы имели несколько хлопковых плантаций в Средней Азии, владели банковской конторой в Москве, вели торговлю в Монголии.⁶⁵ В 1914 г. торговым домом было ввезено в Монголию товаров, серебра и наличных денег на 662 тыс. рублей.⁶⁶

Ряд торговых домов, действовавших преимущественно в северо-западной Монголии, был основан предпринимателями г. Бийска и Бийского уезда Томской губернии.

Самым ранним из них по времени образования являлся торговый дом «Русско-монгольское товарищество», учреждённый в июле 1904 г. известными купцами «чуйцами» Г.Г. Бодуновым, А.Д. Васеневым и П.А. Копыловым. Торговый дом представлял собой тип полного товарищества с основным капиталом 102,6 тыс. руб.,⁶⁷ но, по мнению исследователей, эта цифра была значительно занижена.⁶⁸ Фирма действовала в Монголии весьма успешно, но вскоре прекратила своё существование. Причины её ликвидации до конца невыяснены. И. Майский традиционно объяснял распад товарищества невежеством и отсутствием коммерческой дальновидности её руководителей.⁶⁹ Автор очерка об А.Д. Васеневе, опубликованного в «Сибирском торговом промышленном ежегоднике», считал, что причина ликвидации торгового дома была связана с русско-японской войной.⁷⁰ Очевидно, свою роль сыграл донос, поступивший в податную инспекцию от бывшего бухгалтера товарищества А.С. Смирнова о занижении действительных оборотах и прибылях фирмы.⁷¹ Так или иначе, но в 1907 г. «Русско-монгольское товарищество» было ликвидировано.

Другой торговой компанией, действовавшей в этом регионе, являлось полное товарищество «Г.Г. Бодунов с женой и сыновьями», образованное в 1910 г. с основным капиталом 200 тыс. руб. Это было семейное предприятие, в состав которого входил глава семьи Г.Г. Бодунов – один из основателей русской торговли в северо-западной Монголии, его жена Юлия Алексеевна, сыновья от первого брака – Андрей, и от второго брака – Алексей и Афанасий. Капитал торгового дома был разделен на 10 паёв, из которых 6 принадлежало Г.Г. Бодунову и по 1 паю остальным членам семьи.⁷²

Другие торговые дома («Братья Корольковы», «Братья Ерины», «Братья А. и Н. Поповы», Наследники И.Г. Игнатьева») также основывались преимущественно как семейные предприятия в форме полных товариществ, которая предполагала солидарную ответственность по расходам и доходам. Некоторые из них впоследствии вкладывали капиталы в другие отрасли предпринимательства, преобразовывались в товарищества на вере или акционерные общества. Так основатели полного товарищества «Братья Корольковы в с. Верх Ануйском» впоследствии стали крупными сибирскими предпринимателями, совладельцами одной из крупчатых мельниц Новониколаевска, участниками монополистического объединения пароходчиков Барнаула и Новониколаевска — «Соединенной пароходной компании».⁷³

Помимо индивидуальных частных предприятий и торговых домов, перед мировой войной в Монголии появился первый кооператив. В годовом отчёте за 1914 г. агент Министерства промышленности и торговли А.П. Болобан сообщал, что в районе Уланкома «...создалось небольшое русско-монгольское товарищество, куда вошли пайщиками 5 дурбетских князей и 9 русских поданных. Во главе этого дела стоит опытный хошунный торговец Бурдуков».⁷⁴

Имя Алексея Васильевича Бурдукова хорошо известно в научной литературе благодаря трудам иркутского исследователя Е.М. Даревской, опубликовавшей подробную биографию А.В. Бурдукова, его дневники и переписку.⁷⁵ В письме востоковеду В.Л. Котвичу от 29 мая 1914 г. А.В. Бурдуков сообщал, что членами созданного кооператива стали монгольские князья Дамби Джамцан, Дзориктухан, Далайхан, Госайд и приказчики некоторых русских фирм. Им удалось выкупить у купца Я.Е. Мокина Хангельцикскую факторию, а торговый оборот кооператива планировался в 45-50 тыс. рублей.⁷⁶

Таким образом, русская торговля в Монголии в организационном отношении не являлась чем-

то статичным, и в соответствии с меняющимися условиями, эволюционировала в сторону более совершенных приёмов и способов ведения дела и форм организации капитала. Этот процесс был обусловлен как внешними, так и внутренними причинами (конкуренция, развитие товарно-денежных отношений, стремление Внешней Монголии обрести независимость и т.д.), но был ещё далёк от завершения. Становление новейших форм организации капитала, совершенствование структуры российских торговых предприятий во многом определялось хозяйственным строем Монголии и докапиталистическим сознанием её населения. Эти обстоятельства способствовали формированию некоторых черт, отличавших ведение дел русскими купцами как от европейских предпринимателей, так и китайских торговцев.

2013

Примечания:

¹ Васнев А. Дневник, ведённый по пути от Ланьчжоуфу и до Сианьфу и Ханьчунфу и обратно (28 июля – 4 октября 1888 г.) // Записки ВСОРГО по общей географии. Т.1. Вып. 1: Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. Иркутск, 1890. – С. 98.

² Уложение Китайской палаты внешних сношений. Пер. с маньчжурск. С. Липовцева. Т. 1-2. СПб., 1828.

³ Крадин Н. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2001. – С. 381.

⁴ Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979. – С. 34.

⁵ Ламаизм — термин, введённый европейскими исследователями для обозначения той формы буддизма, которая первоначально развилась в Тибете, а затем распространилась в Монголию и на территорию Российской империи. См.: Основы буддийского мировоззрения (Индия, Китай) / В.И. Рудой, Е.П. Островская, А.Б. Островский и др. М., 1994. – С. 219.

⁶ Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей в буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. (Серия «Наше наследие») – Изд. репринтное. Элиста, 1993. – С. X.

⁷ Подробнее о хозяйственно-этических представлениях буддизма см.: Зарубина Н.Н. Социальнокультурные основы хозяйства и предпринимательства. 1998. – С. 97–105.

⁸ Вебер М. История хозяйства. Город: / Пер. с нем. М. 2001. С. 322.

⁹ Основы буддийского мировоззрения (Индия, Китай) / В.И. Рудой, Е.П. Островская, А.Б. Островский и др. М., 1994. С. 61,63.

¹⁰ См.: Старостина Ю.П. Современный буддизм и проблемы социально-экономического развития в Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1985. – С. 25-52.

¹¹ Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. (Западные концепции становления и развития мирового рынка). М., 1991. – С. 223.

¹² Зомбарт В. Буржуа: / Пер с нем. М., 1994. – С. 14.

¹³ Вебер М. Избранные произведения: / Пер с нем. М., 1990. С. 87.

¹⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Китайский стол. Д.3212. Л.181-181 об.

¹⁵ Болобан А.П. Монголия в её современном торговом отношении. Пг., 1914. – С. 135.

¹⁶ Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1921. – С. 204.

¹⁷ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 212. Л.182.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф.23. О.25. Д.87. Л.57.

¹⁹ Там же. Ф.560. О.28. Д.316. Л.13.

²⁰ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911. С. 226-227.

²¹ РГИА. Ф.560. О.28. Д.316. Л.18.

²² Единархова Н.Е. Русские купцы в Монголии // Восток. 1996. № 1. – С. 77-78.

²³ РГИА. Ф.20. О.1. Д.199. Л.199-199 об.

²⁴ Позднеев А. Города северной Монголии. СПб., 1880. – С. 33.

²⁵ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д.576. Л.52-52 об.

²⁶ Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф.25. О.11. Д.26. Л.95 об.

²⁷ Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. 1. СПб., 1881. – С. 74.

²⁸ Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Записки ЗСО РГО. Кн. V. Омск, 1883.

²⁹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д.3212. Л.187 об.

³⁰ Там же. Л.187.

³¹ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФ АК). Ф.170. О.1. Д.85. Л.335-335 об.

³² АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д.3212. Л.187 об.

³³ См.: Зомбарт В. Буржуа... – С. 16; Вебер М. История хозяйства. Город: / Пер. с нем. М., 2001. – С. 285.

³⁴ ПФ ИВ РАН. Ф.44. О.1. Д.138. Л.3-3 об.

³⁵ Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881 гг. СПб., 1889. – С. 233.

³⁶ Свечников А.П. Русские в Монголии: наблюдения и выводы. (С приложением статей С.Ф. Степанова). СПб., 1912. – С. 20.

³⁷ Письма Г.Н. Потанина. Т. 3. Иркутск, 1989. – С. 110

³⁸ ГАИО. Ф.779. О.1. Д.36. Л.17-17 об. Русское консульство в Улясутае было открыто только в 1905, а в Кобдо в 1911 г.

³⁹ Русский консул в Монголии: Отчёт Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001. – С. 57.

- ⁴⁰ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 2. Л., 1930. – С. 674.
- ⁴¹ ЦХАФ АК. Ф.86. О.1. Д.7. Л.93.
- ⁴² Там же. Л.93 об.
- ⁴³ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли... – С. 284.
- ⁴⁴ Свечников А.П. Русские в Монголии... – С. 66.
- ⁴⁵ ПФ ИВ РАН. Ф.44. О.1. Д.139. Л.23 об.134
- ⁴⁶ Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861-1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул, 1996. – С. 34–35, 41-42.
- ⁴⁷ ПФ ИВ РАН. Ф.44. О.1. Д.139. Л.2 об.-5 об.
- ⁴⁸ Там же. Л.6.
- ⁴⁹ Свечников А.П. Русские в Монголии... – С. 76.
- ⁵⁰ ПФ ИВ РАН. Ф.44. О.1. Д.138. Л. 6-6 об.
- ⁵¹ Свечников А.П. Русские в Монголии... – С. 78.
- ⁵² Там же. С. 77.
- ⁵³ ПФ ИВ РАН. Ф.44. О.1. Д.138. Л.5 об.
- ⁵⁴ Там же. Л.4.
- ⁵⁵ Рябушинский В.П. Купечество московское // Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.Иерусалим, 1994. – С. 165.
- ⁵⁶ Свечников А.П. Русские в Монголии... – С. 77.
- ⁵⁷ Подробнее см.: Старцев А.В. Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII – нач. XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII — нач. XX вв.). Барнаул, 1995. – С. 9–14.
- ⁵⁸ Майский И. Современная Монголия... – С. 205.
- ⁵⁹ Боханов А.Н. Торговые дома в России. (Численность, структура, состав владельцев) // История СССР. 1990. № 4. – С. 90.
- ⁶⁰ Рабинович Г.Х., Солопий Л.А. Крупная буржуазия Забайкалья в кон. XIX – нач. XX вв. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. – С. 158-159.
- ⁶¹ Болобан А.П. Монголия в её современном торгово-промышленном отношении... – С. 102, 108.
- ⁶² Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957. – С. 143. Более подробно о деятельности этой компании см.: Болобан А.П. Монголия в её современном торгово-промышленном отношении... – С. 165–170; Бурдуков А.В. Сибирь и Монголия // Сибирские огни. Новосибирск, 1928. № 2. – С. 150–151.
- ⁶³ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д.623. Л.93.
- ⁶⁴ Майский И. Современная Монголия... – С. 206.
- ⁶⁵ Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). СПб., 1912. – С. 324; Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири кон. XIX — нач. XX вв. Томск, 1975. – С. 240.
- ⁶⁶ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д.623. Л.92.
- ⁶⁷ ЦХАФ АК. Ф.174. О.1. Д.418. Л.19.
- ⁶⁸ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия Забайкалья... – С. 293.
- ⁶⁹ Майский И. Современная Монголия... – С. 205.
- ⁷⁰ Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. СПб., 1913. Отд. II. – С. 75.
- ⁷¹ ЦХАФ АК. Ф.192. О.1. Д.138. Л.162-163 об.
- ⁷² Там же. Ф.174. О.1. Д.418. Л. 44-45 об.
- ⁷³ Там же Л.83, 195; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая... – С. 60.
- ⁷⁴ АВПРИ. Ф. Урга. Консульство. Д.21. Л.41.
- ⁷⁵ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии: Воспоминания, письма. М., 1969. 419 с. О Бурдукове Е.М. Даревская писала и в других своих работах, см.: Даревская Е.М. Алексей Васильевич Бурдуков. (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М., 1963. – С. 187–17; Она же. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в кон. XIX – нач. XX вв.. Иркутск, 1994. – С. 240–255.
- ⁷⁶ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии... – С. 282–284.

Л.П. Чашина,
г. Минусинск

Отечественная война 1812 г. в документах архива г. Минусинска

Отечественная война 1812 года – один из самых драматических и, вместе с тем, значительных по своим последствиям моментов русской и мировой истории.

В архиве г. Минусинска имеются документы, освещающие периоды войн с Францией за 1807 – 1820 гг., 1912 г.: императорские указы о создании земского войска, о нашествии Наполеона, о победе над ним, о пожертвованиях крестьян во время войны и после для восстановления разорённых областей России и Москвы, документы о праздновании 100-летия Отечественной войны, аттестат об окончании приходского училища в 1912 г. и др.

В фонде Абаканской Вознесенской церкви, первой церкви на южной территории края, сохранились Императорские указы – типографские экземпляры (1725-1830 гг.) и рукописные копии. Привлекает внимание Указ императора Александра от 12 июля 1812 г. о созыве народного ополчения: «Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие своё внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие Великой сей Державы... Сего ради при всей твердой надёже на храброе Наше воинство полагаем Мы за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жён и детей каждаго и всех... В лагере близ Полоцка 1812 года июля 6 дня».¹

Другой Указ Святейшему Синоду гласит: «Нашествие на Россию страшнаго, злонамереннаго и лютаго врага... произошло июня в 12-й день 1812 года. От сего числа чрез шесть месяцев, а имянно того же года декабря к 25 числу, как о том Манифестом Нашим в сей торжественный день Рождества Христова состоявшимся возвещено, не осталось ни единаго вооруженнаго на земле Нашей неприятеля... Сего ради... учреждаем и постановляем следующее: 1-е. Декабря 25 число, день Рождества Христова, да будет отныне и днём благодарственнаго праздника под наименованием в кругу церковном: «Рождеств Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и Державы Российския от нашествия Галлов и с ними двадесяти языку». 2-е. По окончании обычной совершаемой в день сей службы приносить особое благодарное молебствие с коленопреклонением при чтении установленной на сей случай молитвы. 3-е. Во весь день быть колокольному звону... В Санкт-Петербурге. Августа 30 дня 1814 г.»²

Больше всего документов периода Отечественной войны 1812 г. имеется в фонде № 34 – Минусинское волостное правление. Это летопись жизни населения, которая освещает их чаяния и заботы, печали и радости. 1812 г. принёс им, в первую очередь, повышение государственной подати на три рубля в год.

Если в 1811 г. государственные крестьяне платили по 3 руб. 75 коп. за каждое полугодие с одной ревизской души, то в 1812 г. они стали платить по 5 руб. 25 коп. Душ таких по волости числилось более 1500.

25 копеек с каждой ревизской души жертвовали минусинские крестьяне «для военной, надобности... по собственной своей воле и с общего согласия на побеждение врага, стремящегося к разорению нашего отечества».

Кроме того, увеличились земские повинности и сборы на содержание волостного правления. В год каждый крестьянин платил около 20 руб. всех налогов. Это была немалая сумма. При стоимости пуда ржаной муки 60 копеек, а четвертного мешка ржаной муки – 1 руб. 60 коп., собрать 20 руб. налогов было накладно.³

Многим крестьянам приходилось занимать деньги у более зажиточных соседей, ведь подати собирались только ассигнациями и монетами.

После окончания войны никто и не подумал уменьшить подати. Но ещё и прибавились добровольные пожертвования на восстановление разорённых областей России и сожжённой Москвы. Для этого в церквях были установлены специальные кружки, которые ежемесячно старостой церкви осматривались, деньги вынимались и отправлялись в волостное правление, которое далее с донесением сопровождало их частному комиссару.

Суммы сбора ежемесячно записывались в книгу. Такие книги сохранились за 1815-1820 гг. Так, за 1817 г. только в селе Минусинском собрано 12 руб. 13 коп., за 1818 г. вместе с селом Шушенским – 16 руб. 22 копеек.⁴ (Подсчёты автора – Л. Ч.).

Особый интерес представляют сведения о минусинце – участнике Отечественной войны 1812 г. – Гуркове Егоре Матвеевиче. В деле «О выделении земельных участков отставным нижним воинским чином» за 1820 г. имеется список отставных воинов, в котором читаем: «Рядовой Егор Матвеев сын Гурков – имеет знаки отличия Святыя Анны под № 75015 и серебряную медаль «В память 1812 года», 46 лет. В службу вступил 1795 г. мая 26 Томской губернии города Красноярска, из мещан. Службу продолжил в 93-м карабинерском полку, из онога отставлен в 1820 г. сентября 8-го на прежнее жительство. Пашпорт отобран, и впредь до отведения прежняго участка земли хранится в волости. По получении земли будет иметь прежний участок и зани-

маться хлебопашеством и состоять записанным в крестьяне по селу Минусинскому. Холост».⁵

Рекрутированный в 21 год, Егор Гурков 25 лет прослужил родному Отечеству, участвовал в Отечественной войне – в 93-м Енисейском карабинерском полку. Вернулся домой в 1820 году. Как награждённый участник войны получил земельный участок, женился в 47 лет, родил и воспитал дочь Ольгу, выдал её замуж, дожил до 75 лет (а может быть и более, не удалось по документам проследить его до данного возраста – *Л.Ч.*).

В 1912 г. в России широко праздновалось 100-летие Отечественной войны. В день Бородинской битвы 26 августа 1912 г. (ст. ст.) в храмах были отслужены торжественные литургии и панихиды по погибшим воинам. В учебных заведениях состоялись праздники. В фонде № 44 – Минусинское высшее начальное училище имеется программа литературного утра, которое было проведено в здании театра для учащихся городского училища и женской гимназии. Сводный хор исполнил гимн «Боже, царя храни». Читались стихи и басни Крылова, пелись песни. Имеются также копии красочных аттестатов с символикой Отечественной войны 1812 г., которые выдавались учащимся приходских училищ в честь окончания данного учебного заведения в 1912 г. и др.

Торжественно отмечена в России и 200-я годовщина победы русского народа в Отечественной войне 1812 года.

Годовщины, отмечаемые нами – это напоминание о долге пред Отечеством, о том, что жили на земле нашей люди достойнее, чем мы.

2012

Примечания:

¹ АГМ, Ф.4. О.1. Д.2. Л.169

² АГМ, Ф.4. О.1. Д.2. Л.198

³ АГМ, Ф.34. О.1. Д. 354. Л.1.; Д.375. Л.2.; Д.378. Л.9

⁴ АГМ, Ф.34. О.1. Д. 444. ЛЛ.1,2; Д.473. Л.1, 2

⁵ АГМ, Ф.34. О.1. Д.554. Л.61

3. СИБИРЬ XX – XXI ВЕКОВ

Н.Я. Артамонова,

г. Абакан, Республика Хакасия

Вклад братьев П.А. и А.А. Кропоткиных в научное изучение Сибири

Потребности территориального освоения, социально-экономического развития Сибири постоянно стимулировали научные поиски в этом регионе. Учёных всегда привлекала огромная, малоизведанная и загадочная азиатская часть России. Большую исследовательскую работу в Сибири с первых шагов своей деятельности стала проводить Российская Академия наук, и в истории XVIII в. навсегда сохранились имена многих выдающихся учёных, заложивших фундамент исторической науки в России. И хотя исследования Сибири ещё не носили систематизированного и планомерного характера, а в основном сводились к накоплению знаний, они, тем не менее, заложили фундамент для последующих научных открытий. Новые тенденции в развитие естественнонаучных и гуманитарных исследований внесли различные научные общества. Одним из старейших было Императорское Русское Географическое общество (ИРГО, РГО), самая крупная в России общественная научная организация, созданная в Петербурге в 1845 г. при Петербургской Академии наук. Уже в первое десятилетие своего существования РГО организовало Большую Сибирскую экспедицию, занимавшуюся изучением, главным образом, Восточной Сибири: Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской области, а также Приамурья и о. Сахалин.¹ Во втор. пол. XIX – нач. XX вв. результаты научных изысканий обогатились за счёт исследований в области картографии, этнографии, географии, естественных наук. Имена многих отечественных и зарубежных исследователей XIX в. также связаны с изучением сибирского края. Заметный след в истории освоения Сибири оставил П.А. Кропоткин (1842-1921 гг.), который широкому кругу

читателей известен, в первую очередь, как революционер, теоретик анархизма, а уже потом как талантливый учёный, исследователь.

Личность П.А. Кропоткина всегда вызывала интерес учёных, читателей. Наиболее полное исследование личной жизни, революционной деятельности этого уникального человека принадлежит Н.М. Пирумовой и В.А. Маркину.² Богатый материал для исследователя представляют «Записки революционера», автором которых является сам Пётр Алексеевич.³ Из «Записок» можно узнать, что на развитие Петра большое влияние оказал старший брат Александр. *«Как счастлив я, что у меня такой брат, который при этом ещё любил меня страстно, – вспоминал П.А. Кропоткин. – Ему больше всего и больше всех обязан я моим развитием».*⁴ Братьев, происходивших из древнего княжеского рода, ждала, казалось бы, блестящая государственная либо военная карьера, прекрасное будущее, однако жизнь сложилась иначе. Оба обучались в военно-учебных заведениях, один – в кадетском, другой – в привилегированном пажеском корпусе. В письмах, которыми братья обменивались в период учёбы, Александр поднимал один за другим философские и научные вопросы, советовал младшему брату читать и учиться. *«Саша сильно опередил меня в развитии и побуждал меня развиваться»*, – писал в своих «Записках революционера» Пётр Алексеевич.⁵

После окончания в 1862 г. пажеского корпуса, Пётр уехал в Сибирь и провёл там 5 лет, которые, по его словам, были для него настоящей школой жизни и человеческого характера.⁶ Как чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири по казачьим делам, он проживал в Иркутске. Поскольку «дела было немного», тем более из Петербурга отдали «молчаливый приказ – не предлагать никаких перемен», Пётр Алексеевич принял предложение заняться географическими исследованиями в Манчжурии.⁷ В мае-июне 1864 г. он совершил путешествие через Большой Хинган, в результате которого был открыт прямой путь через Хинган в Мерген.⁸ Осенью того же года Пётр Алексеевич принял участие в экспедиции от Сунгари до Гирина.

Трудно переоценить его вклад в изучение геологии и природных ресурсов Сибири. По словам самого П.А. Кропоткина, за время службы в Сибири им вырабатывались «всякие планы реформ», которые не всегда претворялись в действительную жизнь, и постепенно он стал «все более отдаваться научным исследованиям».⁹ Летом 1865 г. он исследовал Западные Саяны,¹⁰ в 1866 г. попытался отыскать прямой путь из Забайкалья на Витимские и Олёкминские прииски, который безуспешно искали в течение нескольких лет (1860-1864 гг.) члены Сибирской экспедиции. Поиски увенчались успехом. Его экспедиция нашла путь с Олёкминских приисков в Забайкалье.¹¹ Современные исследователи творчества П.А. Кропоткина отмечают широту его научных интересов и познаний. Наиболее показательна в этом отношении Олёкминско-Витимская экспедиция, в которой им были собраны сведения по геологии, экономике, петрографии, антропологии, а его очерк «Путешествие по Лене» учёные относят к первым экономико-географическим исследованиям в России XIX в.¹² Кстати, за Отчёт об Олёкминско-Витимской экспедиции П.А. Кропоткин был награждён Золотой медалью Русского Географического Общества, а горный хребет на Патомском нагорье впоследствии был назван его именем.¹³

Материалы о научных путешествиях Пётр Алексеевич помещал в «Биржевых ведомостях», «Сибирском вестнике», в «Современной летописи» за 1864 г.,¹⁴ а копии хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в личном фонде П.А. Кропоткина.¹⁵ В своих трудах он раскрыл себя как настоящий учёный – исследователь. Интересны его описания природы, климата дороги по Байкалу, наблюдения за погодой, её переменой. Казалось, ничего не ускользает от его внимания. С мельчайшими подробностями Пётр Алексеевич описывает жизнь лам, быт и нравы казаков, их одежду, еду, занятия, взаимоотношения с бурятами и монголами. Даже такие вопросы как цены на хлеб, на различный груз, его доставку, когда он больше всего востребован, какие налоги взимаются, до сих пор имеют исторический интерес для исследователей, занимающихся изучением истории предпринимательства в Сибири.¹⁶ Особую ценность как для этнографов, так и для тех, кто интересуется своим прошлым, своими корнями, представляют анкеты по этнографии народов Восточной Сибири, составленные им профессионально и аккуратно.¹⁷ Научный интерес представляют его геоморфологические исследования в долинах Иркута, Джунбулука, Оки, открытие двух вулканов.

Во время службы Петра в Восточной Сибири (1862-1867 гг.) Александр также добился назначения в Иркутск, командовал казачьей сотней. Таким образом, братья вновь оказались вместе. Они много читали, обсуждали научные, философские, социалистические вопросы, но, по словам Петра Алексеевича, оба жаждали умственной жизни, которой не было в Сибири.¹⁸ Сибирь для П. Кропоткина становилась всё менее привлекательной. Здесь он утратил веру в государственную дисциплину и был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом.¹⁹ Тем не менее, именно годы, проведенные в Сибири, научили его тому, чему, по словам Петра, он вряд ли мог научиться в другом месте.²⁰

В 1867 г. братьям удалось получить разрешение вернуться в Петербург. Пётр, не оставлявший мысли о поступлении в университет, наконец-то осуществил свою мечту. В 1867 г. он стал студентом математического отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета и одновременно состоял на службе при министерстве внутренних дел по статистическому комитету. Александр поступил в военно-юридическую академию.²¹

Пётр, помимо математики, со всей старательностью, которую приобрёл в Сибири, занимался научной работой. Его в течение пяти лет занимал один вопрос – «открыть руководящие черты строения нагорной Азии и основные законы расположения её хребтов и плоскогорий».²² В результате долгой аналитической работы он пришёл к выводу, что «основные хребты Азии тянутся не с севера на юг и не с запада на восток, а с юго-запада на северо-восток».²³ Однако, по словам современных исследователей, гипотеза П. Кропоткина о направлении азиатского рельефа не подтвердилась. Строение его оказалось более сложным. Тем не менее, его схема оказалась шагом вперед по сравнению с обобщениями А. Гумбольдта.²⁴ Эту работу П. Кропоткин считал главным вкладом в науку.²⁵ Будучи студентом, он много работал для РГО, являлся секретарём отделения физической географии. Тогда он намеревался дать полное географическое описание России, основывая его на строении поверхности, то есть орографии, характер которой он начал уяснять после сделанной им работы о строении Сибири.²⁶ Кропоткин посвятил себя также изучению физической географии Финляндии.

1870-е гг. были весьма нелёгкими для обоих братьев. Пётр, которого всё больше волновали идеи Интернационала, социальные вопросы, в 1874 г. был арестован и заключён в Петропавловский каземат. Но даже там он продолжал самообразование, много читал литературы по истории России и работал для РГО. Дальнейшая жизнь Петра Алексеевича после побега из тюрьмы – это длительная, вплоть до 1917 г. эмиграция, постоянные переезды из одной страны в другую.

Александр, узнав об аресте Петра, бросив работу и вольную жизнь, которую любил, прибыл из Цюриха, чтобы «помогать» брату «пробиться в тюрьме».²⁷ Здесь его арестовали, якобы, за письмо к П.Л. Лаврову, с которым он находился в давних дружеских отношениях.²⁸ В мае 1875 г. он был сослан в уездный городок Минусинск Енисейской губернии.

Заслуги Александра Алексеевича Кропоткина (1841-1886 гг.) в научной сфере более скромные. Будучи ссыльным, он не предпринимал научных экспедиций, путешествий, не сделал величайших открытий. Однако важно отметить, что арестом и ссылкой не заканчивалась жизнь политических ссыльных. Напротив, она видоизменялась, наполнялась новым содержанием в результате осмысления и воплощения гражданственности в иной общественно-культурной среде, иной социально-политической обстановке.²⁹ Ярким свидетельством этого является жизнь и деятельность ссыльнопоселенцев в Минусинском округе Енисейской губернии во втор. пол. XIX – нач. XX вв., у которых по сравнению с их предшественниками-декабристами в результате модернизационных процессов в России, интенсивного изучения Сибири поле просветительской деятельности значительно расширилось. Всестороннюю образованность и деловые качества ссыльных использовал основатель музея в г. Минусинске Н.М. Мартьянов. Это, кстати, нашло отражение в Уставе музея, в котором было записано, что лица, не принадлежащие к городскому сообществу, но проживающие в г. Минусинске, могут принимать участие в его деятельности.

По словам А.О. Лукашевича, А.А. Кропоткин много сделал для музея, живя в Минусинске.³⁰ Он принимал самое деятельное участие совместно с Н.М. Мартьяновым и учителем Н.И. Поповым в составлении проекта Устава музея,³¹ безвозмездно редактировал и корректировал каталог библиотеки музея. Независимо от библиотеки, предназначенной для широкой читающей публики, была ещё так называемая «небольшая библиотечка специальных книг, состоявшая из 100

сочинений в 120 томах». Эти книги при активном участии А.А. Кропоткина были сгруппированы по определённой системе: I. Руководства (по теоретическим наукам; по прикладным знаниям). II. Учёные сочинения (по теоретическим наукам; по прикладным знаниям). III. Периодические издания и IV. Смесь (справочные книги и смесь).³²

И.П. Белоконский, также отбывавший ссылку в Минусинске, вспоминал: *«Первым, кто познакомил меня и жену с условиями минусинской жизни, был князь А.А. Кропоткин, родной брат известного географа и анархиста П.А. Кропоткина»*.³³

Примером неравнодушного отношения к научным изысканиям сибирского края является переписка А.А. Кропоткина с И.И. Каратановым, мещанином из г. Красноярска, представленная с.н.с Красноярского краеведческого музея Т.С. Комаровой. Из переписки за 1881-1882 гг. видно, насколько Александра Алексеевича волновали многие вопросы: занятия минусинских татар (бельгиров, сагайцев, кайбалов), ландшафты, фольклор минусинских татар, состояние изученности этого населения, занятия земледелием, взаимосвязь земледелия и звероводства, занятия скотоводством.³⁴

С открытием музея началось систематическое наблюдение метеорологических явлений в Минусинске. А.А. Кропоткин взял на себя наблюдения за температурой и осадками.³⁵

В связи с объективными обстоятельствами (один жил за границей, другой находился в политической ссылке), переписка братьев была редкой. Из Минусинска Александр написал всего несколько писем Петру за границу. Больше всего он рассказывал о своей научной работе.³⁶ По словам П.А. Кропоткина, его брат мог писать звучные стихи, стать поэтом, но его манили естественные науки.³⁷ В частности, Александр имел большую склонность к астрономии. Находясь в Петербурге, он напечатал по-русски отличный свод всего того, что было напечатано о падающих звездах. *«При помощи своего тонкого, критического ума, – писал П. Кропоткин в «Записках революционера», – он легко различал сильные и слабые стороны различных гипотез, и без достаточного знания математики, лишь при помощи живого воображения он схватывал результаты самых запутанных математических исследований»*.³⁸ *«Живя воображением среди небесных тел, – читаем далее, – он часто постигал их сложные движения лучше некоторых математиков...»*.³⁹ В Сибири Александр пытался изучать строение звёздного мира, разбирать «гипотезы о мирах солнц, о звёздных кучах и туманностях, разбросанных в бесконечном пространстве». Но в Минусинске, вдали от библиотек, он был лишён возможности следить за развитием науки, поэтому успел «разобрать только те изыскания, которые были сделаны до его ссылки». ⁴⁰ Тем не менее, даже находясь вдалеке от центра, Александр знал о новой литературе, новых исследованиях, но достать их, живя в Сибири, было невозможно. *«Порой на меня нападает фаустовская тоска»*, – писал он в одном из писем брату. Когда срок ссылки подходил к концу, он оправил жену и детей в Россию с последним пароходом перед закрытием навигации. И в одну тёмную ночь «фаустовская тоска» положила конец его жизни⁴¹...

П.А. Кропоткин надолго пережил своего брата. Посвятив себя революционной деятельности, он всегда осознавал значение науки в развитии России. *«Наука – великое дело. Я знал радости, доставляемые ею и ценил их, быть может, даже больше, чем многие мои собратья»*.⁴² Результаты научных исследований П.А. Кропоткина послужили толчком для дальнейшего развития естественно-научных исследований.

2012

Примечания:

¹ История Сибири в пяти тт. Т.3. Л., 1968. – С.379.

² См.: Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М.:Изд-во «Наука», 1972. 224 с.; Маркин В.А. Пётр Алексеевич Кропоткин. 1842-1921. М.: Изд-во «Наука», 1985. – 220 с.

³ Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Изд-во «Мысль», 1990. – 525 с.

⁴ Там же. С.95.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.159.

⁷ Там же. С.184.

⁸ Там же. С.188.

⁹ Там же. С. 196.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С.196, 197.

- ¹² См. об этом. Маркин В.А. Пётр Кропоткин. Иркутск: Вост-Сиб книжное изд-во, 1992. – 304 с.
- ¹³ Кропоткин П.А. Указ. соч. Комментарии. – С. 493.
- ¹⁴ См. Современная летопись. 1864. №№ 14, 19, 24, 30, 33, 34, 36, 42
- ¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1129. О.1. Д.99, 100.
- ¹⁶ Артамонова Н.Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (кон. XIX – сер. XX вв.). М.: Прометей, 2000. – С.79.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Кропоткин П.А. Указ.соч. С.199.
- ¹⁹ Там же. С. 198.
- ²⁰ Там же. С. 197.
- ²¹ Там же. С. 204.
- ²² Там же. С.205.
- ²³ Там же. С.206.
- ²⁴ Там же. Примечания. С. 494.
- ²⁵ Там же. С. 207.
- ²⁶ Там же. С. 214.
- ²⁷ Там же. С. 322-323.
- ²⁸ Там же. С. 330-331.
- ²⁹ Артамонова Н.Я. Указ. соч. С. 87.
- ³⁰ Лукашевич. Десятилетие Минусинского музея. Составлено по поручению комитета Минусинского музея. Томск: Типография «Сибирской газеты», 1887. – С.73.
- ³¹ Там же. С. 47.
- ³² Кон. Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1903 г.). Казань. Типо-литография Императорского университета, 1902. – С.182.
- ³³ Белокопский И.П. Дань времени. Воспоминания. II-е изд., значительно дополненное и илл. рисунками и портретами. М., 1928. – С.268.
- ³⁴ См. об этом: Комарова Т.С. Письма А.А. Кропоткина в фондах Красноярского краевого краеведческого музея// Мартьяновские краеведческие чтения. (2003-2004 гг.). Сборник докладов и сообщений. Выпуск III. Минусинск, 2005. – С.33-40.
- ³⁵ Кон. Ф.Я. Указ.соч. С. 199, 200.
- ³⁶ Кропоткин П.А. Указ. Соч. С. 467.
- ³⁷ Там же. С.95.
- ³⁸ Там же. С. 457.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 458.
- ⁴² Там же. С.216.

Т.Е. Верещагина,
г. Туран, Республика Тува

Вхождение Тувы в состав России на правах протектората

«Согласен» начертал император Николай II на докладной записке министра иностранных дел С.Д. Сазонова по вопросу о принятии населения пяти хошунов Урянхайского края под покровительство российского правительства. Так 4 (17) апреля 1914 г. было дано «добро», а затем и объявлен протекторат (покровительство) России над Тувой. В самом Урянхае об этом объявили лишь в июле-августе 1914 г. Непосредственным поводом для этого события стали прошения духовных и светских лидеров Урянхайского края, посланные сначала русским чиновникам Чакирову и Церерину, затем и на имя самого русского царя.

К Усинскому Пограничному Начальнику штабс-капитану Александру Харитоновичу Чакирову обращался ещё в 1912 г. Амбын-нойон Комбу-Доржу с группой тувинских чиновников от Оюннарского, Салчакского и Тоджинского хошунов об объявлении Тувы отдельной страной и с просьбой оказать им покровительство и защиту через русского царя, а через год, в сентябре 1913 г., такое же прошение направляет к заведующему пограничными делами Усинского округа А.П. Церерину хамбы-лама Чамзы. Он просит принять под покровительство России тувинское население, проживающее по реке Хемчик. Одной из причин такого прошения стали «притеснения высшего порядка, в которых монголы далеко превзошли маньчжуров.

Хамбы-лама в своём обращении пишет о том, что «...с падением в Китае Маньчжурской династии Россия теперь имеет право распространить свою власть на этот край, не заявляя об

этом никому». Далее «...В силу того, что наши насиженные истари места граничат на севере с Россией, урянхайское население вполне естественно смешалось с русским, имея взаимную связь и многочисленные материальные интересы».

Месяц спустя, ещё один светский лидер, нойон одного из самых населённых хошунов Тувы, гун Буян-Бадыргы, пишет прошение уже на имя самого Николая II с просьбой принять хошун в состав России, под высокую державную руку и покровительство. В качестве основной причины к такому присоединению он приводит исторические факты почти трёхсотлетней давности о присяге первых Алтын-Ханов на подданство и верность русскому царю, первому из рода Романовых, Михаилу Фёдоровичу через русских посланцев Василия Тюменца и Ивана Петрова.

В прошении сказано: *«Входившие ранее в состав Великой России, а затем незаконно отторгнутые от неё, мы урянхи, колленнопреклонно просим Великого Цаган-Хана Николая Александровича, потомка нашего царя, Михаила Фёдоровича Романова, снова принять нас, как триста лет тому назад, в состав Великой России».*

Это только часть видимых причин, предопределивших сближение Тувы и России. Есть множество и других, менее очевидных, но не менее значимых.

Большую роль в исторических судьбах тех или иных народов играет климат и географический ландшафт, об этом убедительно пишет в своих трудах известный русский историк Лев Николаевич Гумилёв.

Тува в нач. XX в. была стыком сибирских таёжных и центрально-азиатских пустынных ландшафтов и климатических зон, двух разных цивилизаций – евразийской и китайской. Здесь проходила разделительная черта между двумя «мирами» – тюркским и монгольским. Всё это отложило свой отпечаток на народ, живший в самом центре Азиатского материка.

К нач. XX в. та часть тувинского этноса, которая кочевала по южную сторону хребта Танну-Ола, одного из величайших мировых водоразделов, и жившая с монголами в одинаковых природно-климатических условиях, а потому более тяготевавшая к Монголии, отделилась от основной массы тувинцев, и стала составной частью Монголии.

Большая же часть территории Тувы по своим природно-климатическим и естественно-историческим характеристикам относится к Южной Сибири. Эта территория занимала в Цинской империи отдалённое положение и непосредственно граничила с Россией, где вдоль границ проживали этнически родственные тувинцам и по языку, и по культуре другие тюркские племена – алтайцы, хакасы, шорцы.

По сведениям многих учёных и путешественников, в т.ч. иностранцев, побывавших в Туве в кон. XIX – нач. XX вв. тувинское население в преобладающем большинстве симпатизировало русским, России.

Английский путешественник Д. Каррутерс писал: *«К русскому покровительству туземцы относятся здесь весьма доброжелательно. Странно будет, если в один прекрасный день все эти земли не подпадут окончательно под протекторат Российской империи. Хребет Тану-Ола образует более естественную границу между двумя империями, нежели Саянские горы, и представляет из себя такую границу, которую легче всего воспроизвести в натуре».*

Современный Пий-Хемский район, расположенный в Турано-Уюкской котловине, в нач. XX в. так и назывался Турано-Уюкский. Здесь и проходила пограничная линия Усинского округа, отделяющая урянхайскую землю от российских приделов. Переход границы, как с той, так и с другой стороны, был свободным. Многие тувинские аалы находились на российской территории, в частности располагались на реках Юргунь, Большой и Малой Уре, а также по среднему течению Енисея.

Тувинские охотники свободно переходили границу и охотились на русской территории. Кроме того, несколько десятков семей жили в усинских посёлках и на золотых приисках усинской системы. Русские, в свою очередь, переходили границу, чтобы ловить в Урянхае рыбу, косить сено, а иногда даже пасли скот, что было разрешено особым протоколом 1883 года.

Именно здесь, в приграничном с Россией районе во втор. пол. XIX в. появились русские переселенцы, образовавшие первые в Урянхайском крае осёдлые центры в виде небольших посёлков и отдельных хозяйств заимочного типа. Эти хозяйства образовывались чаще всего на месте быв-

шей торговой фактории, где хозяин сначала строил амбар для товаров, потом делал небольшую запашку, разводил скот, а потом селился и сам со своей семьей. Отношения с коренным населением, были, в основном, доброжелательными.

По наблюдениям начальника Усинского пограничного округа Африканова за отношениями между русскими торговцами и урянхами: «...эти последние, несмотря за возникающие у них с русскими недоразумения из-за торговых расчётов, относятся к ним весьма дружелюбно, охотно вступая с ними в соглашения относительно устройств товарных складов, пользования сенокосами. Если урянхи и предъявляют иногда жалобы на русских людей, то скорее под влиянием китайских властей, чем по собственному побуждению. Немаловажное значение имеет то обстоятельство, что товары привезённые русскими, гораздо более отвечают потребностям урянхов, и наконец, с появлением русских в Урянхайской земле и с развитием золотопромышленности в усинской системе открылись новые способы существования урянхов, охотно нанимающимся к русским на разные работы. Урянхи более тяготеют к русским, чем к китайцам. И это естественно, если принять во внимание хотя бы те поборы, законные и незаконные, которые сопровождают каждый приезд китайских чиновников. (Содержание китайских чиновников, бывших на съезде 1888 г., длившееся 60 дней, обошлось урянхам в 11 000 овец)».

Начало заселению положил Георгий Павлович Сафьянов, у которого с 1879 г. была торговая фактория по Турану и заимка на Уюке, где постоянно жила его кухарка Федосья Спиридонова и приказчик Муслим Абейдуллин. В 1883 г. Сафьянов распахал земли по Уюку, получил очень хороший урожай зерновых, что сразу же привлекло новоселов из посёлка Верхне-Усинского. Пользуясь заручительством Сафьянова и заплатив определённую сумму тувинским чиновникам, крестьяне Григорий Ивойлович Фунтиков, Тимофей Петухов и Константин Сарапулов распахали земли по речке Туран, а потом, построив избы, перевезли свои семьи. Так образовался первый русский посёлок в Туве – Туранский. Годом его основания считается 1885, хотя Фунтиков, по данным Иркутского архива поселился там годом ранее – в 1884.

Ещё раньше, в 1883 г., по р. Туран построился отдельной заимкой Николай Петрович Бяков. И в этот же год, на впадении в Уюк речушки Мезель, основал свою заимку Андрей Павлович Сафьянов.

В 1885 г. из Томска на Туран переселилась семья Кириллы Васильевича Макарова.

Три года спустя, в 1888 г. в Туране обосновалась ещё одна семья из Томской губернии, семья Осипа Черменёва. Годом позднее Туранская русская община принимает семью Степана Феоктистовича Потылицына из с. Верхне-Усинского и семью уймонского инородца Мокея Казанцева.

В 1890 г. на Туране оседают семьи Кузьмы Ширнина и Дмитрия Петеримова из с. Верхне-Усинского, а также томские жители – Яков Артамонович Туров и его пасынок Фёдор Хомутов со своим семейством. В этом же, 1890 г., на бывшей заимке Г.П. Сафьянова на Уюке обосновались Иван Микешин и Егор Сипкин, а также приказчик Сафьянова Муслим Абейдуллин. Образовался ещё один русский посёлок – Уюк. Ещё через шесть лет, в 1896 г. на реке Сейба обосновался крестьянин из с. Верхне-Усинского Ф. Лопатин. Через три года здесь же поселились семьи Кузьмы Соболева и Семёна Жукова. Так был образован посёлок Сейба. Ещё раньше появились поселки Тарлаг и Сушь, основанные в 1895 г. Кроме того были посёлки – Георгиевка (1907 г.), Азют (1908 г.), Сайгара (1909 г.), Шаноктаровка (1909 г.), Усть –Уюк (1905 г.).

К 1913 г. на Туране уже было 96 дворов с населением 505 человек.

Остальные населённые пункты относятся к хозяйствам заимочного типа, разбросанных по долинам рек Турана и Уюка, и его притоков Азют, Тарлаг, Оин-Шива, Тунук, Арзак. Большинство заимочных хозяйств образовались в 1908-1912 гг. Но были и более ранние, так заимка Ведерниковых на Каш-Бае (Кошпей) появилась ещё в 1888 г., заимка Ивановой на Чанзаше основана в 1899 году. Это были хозяйства средних размеров. У Ведерниковых было 40 десятин поливного покоса, содержалось 80 лошадей, 60 голов крупного рогатого скота, 40 овец, 9 маралов. На заимке Ивановой распахивалось 47 десятин пашни, имелось 20 десятин покосов на поливных землях, держали 25 лошадей, 50 голов крупного рогатого скота.

Самые крупные заимочные хозяйства – это Вавилиных, Медведевых, Шепелиных. На заимке П.С. Медведева в 1918 г. распахивалось 120 десятин поливной пашни, было 320 десятин мочажных покосов, содержалось 310 голов крупного рогатого скота, 563 лошади, 8 маралов.

На заимке Родиона Вавилина производили запашку на 173 десятинах поливной земли, сено косили на 80-ти десятинах поливных покосов. В хозяйстве на 1918 г. содержалось 517 лошадей, 240 голов крупного рогатого скота, 83 марала.

В хозяйстве Шепелиных было 267 десятин покосов, распашку же делали только на 16 десятинах поливной пашни. Лошадей насчитывалось – 280, крупного рогатого скота – 780, маралов – 35 голов.

Были и совсем небольшие хозяйства – например, хозяйство Изместьевых на Куктоне, образовавшееся в 1910 г. Здесь распахивали 10 десятин пашни, имелся покос на 5 десятинах. Держали 9 голов крупного рогатого скота, 8 лошадей, 2 свиньи.

Всего по переписи 1918 г. в Турано-Уюкском районе существовало около 50-ти хозяйств заимочного типа. В бассейне реки Ут тоже находились такие небольшие хозяйства – как заимка Голубцова, маральник Богатова, заимки Хабарова и Васильева. Образовывались посёлки и хозяйства заимочного типа и в других районах Тувы.

Разрастание русского экономического пространства в Туве приводило к возникновению русско-тувинского экономического сектора, их взаимопроникновению. Это проявлялось в росте найма тувинских аратов в хозяйства русских зажиточных людей, в нововведениях, повышающих производительность труда в тувинских зажиточных хозяйствах, такие как строительство амбаров для хранения зерна, что позволяло продавать зерно, когда спрос на него был наивысшим, по более высоким ценам. Это же побуждало тувинцев увеличивать свои посевы. Отсюда же рост интереса тувинцев к новой для них технике: плугам, жаткам, веялкам.

Глядя на русских, тувинцы начали заготавливать на зиму сено, следовательно, появился интерес к приобретению кос, сенокосилок, конных граблей и маслобоек. По примеру русских крестьян, тувинские араты стали улучшать не только технику земледелия, но и расширили ассортимент семян. Кроме ячменя и проса стали в больших количествах сеять пшеницу, которой хватало не только на собственные нужды, но даже на продажу.

У русских тувинцы переняли навыки мытья золота и стали организовывать небольшие старательские артели для самостоятельной добычи золота.

Русские, в свою очередь, учились у тувинцев-скотоводов более экономным навыкам выращивания скота на подножном корме, многие восприняли и оценили легкую и удобную тувинскую одежду и обувь.

Некоторые русские умельцы нанимались к зажиточным тувинцам для строительства деревянных домов и амбаров, а также в качестве домашних учителей.

Между русскими и тувинскими семьями шёл обмен продуктами: тувинцы полюбили русский хлеб и калачи и обменивали на них добытое ими дикое мясо. Тувинские женщины учились у русских мастерству варить варенье, делать различные заготовки на зиму из овощей.

К 1913 г. русское заселение Урянхайского края стало настолько уверенным, что позволило открыть две школы для обучения детей – одну в Туране (1908 г.), другую в Уюке (1911 г.), построить православный храм Св. Иннокентия в Туране (начало строительства в 1910 г.), открыть первый врачебный пункт (Туран, 1913 г.).

Активно работали золотодобывающие прииски и артели старателей, было сделано около четырёхсот заявок на золотоносные участки, из коих разрабатывалось более двадцати.

За четыре года до объявления протектората началось строительство Усинской колесной дороги, которая должна была связать Урянхайский край с Россией. Это строительство продолжалось даже в годы Первой Мировой войны.

И, конечно, немаловажными были причины чисто политического и геополитического характера. Тувинцам нужна была военная защита более сильного государства, каковым являлась Россия. Россия, перенеся свои границы с Саян на Тану-Ола, тем самым создавала свою безопасность в Сибири и на Дальнем Востоке.

В целом, объявление и принятие протектората России над Тувой было своевременным и положительным явлением, как для одной, так и для другой стороны. В условиях протектората взаимопроникновение двух экономик, начавшихся ранее, ещё более усилилось и способствовало экономическому оживлению Тувы. Здесь не последнюю роль сыграло освобождение от албана и

долгов Китаю, прогрессивное влияние на тувинскую, ранее в основном натуральную экономику, рыночных отношений, улучшения путей сообщения.

Хотя, как и во всяком любом другом процессе, здесь были свои трудности и препоны, которые обуславливались разностью хозяйственных культур, быта, в различии основных понятий и принципов реализации права пользования, владения и распоряжения землей.

Ещё одной серьезной проблемой в русско-тувинских отношениях являлся вопрос о власти. После установления протектората, хошунные нойоны и их чиновники, уже не имели той беспредельной возможности обирать простых аратов и управлять ими на тех же архаичных и диких основаниях, что и раньше. И это многих не устраивало, они вновь стали обращать свои взгляды к Монголии. Так случилось с амбань-нойоном Комбу-Доржу, который привёл к разорению население подведомственного ему хошуна и был смещён со своего поста Пограничным комиссаром Григорьевым. Вместо него был назначен Агбан-Демчи, истинный приверженец союза с Россией, весьма прогрессивный по своим взглядам, человек. Передача власти, корнями уходящая в прошлое, из поколения в поколение одного рода была прервана, и это вызвало серьёзную политическую нестабильность в Оюннарском хошуне, что привело в конечном итоге к гибели Агбана-Демчи и возвращению власти на старые круги.

Серьёзной проблемой двухсторонних отношений в условиях протектората было и судопроизводство. У русских существовал мировой суд, у тувинцев судебные функции осуществляли местные чиновники, которые применяли пытки на допросах и телесные наказания, которые для тувинцев, несмотря на весь ужас этих наказаний, перенести было легче, чем наказание несвободой в тюрьме, где они зачастую погибали. Тем не менее, мирная форма интеграции, вытекающая из системы покровительства, а также обоюдная заинтересованность сторон позволяли избегать серьёзных конфликтных ситуаций, за редким исключением, договариваться, находить компромиссы.

В общем и целом, это был положительный, хотя и очень короткий во временном отрезке опыт, как для России, так и для Тувы.

2013

Литература:

1. Установление Покровительства России над Тувой в 1914 г. Архивные документы. Кызыл, 1994 г.
2. История Тувы, том 2. Новосибирск, 2007 г.
3. Архив Красноярского Краевого музея. Тетради А.П. Ермолаева.
4. ГАИО. Ф.25. О.12, Д.485

А.О. Дыртык-оол,
г. Кызыл, Республики Тыва

Развитие клубных учреждений в Тувинской АССР (1961 – 1991 гг.)

В Тувинской АССР Дома культуры и клубы являлись одним из центров культурной жизни района и села. В 1961 г. культурно-просветительные работы велись в 159 клубных учреждениях. Они были опорными базами партийных организаций в развертывании массово-политических и культурно-просветительных работ среди населения. В них организовывались лекции и доклады, беседы, тематические вечера и устные журналы, читательские конференции, вечера вопросов и ответов, выставки, встречи с передовиками производства при активном участии сельской интеллигенции – учителей, фельдшеров, специалистов сельского хозяйства. В числе лучших сельских клубов считались Хайыраканский Дзун-Хемчикского, Уюкский Пий-Хемского, Торгалыкский Улуг-Хемского, Солчурский Овиорского, Шекпээрский Барун-Хемчикского, Шуйский Бай-Тайгинского и Азаский Тоджинского районов.

Одним из направлений работы клубов являлось трудовое воспитание масс, без которого невозможно было вырастить «активного строителя социалистического общества». Эффективной формой работы была наглядная агитация, которая являлась самым простым средством влияния

на сознание граждан и позволяла в доступной форме раскрыть ту или иную тему, особенно на вечерах трудовой славы, где использовались лозунги и плакаты. Клубным учреждениям давались указания, как можно торжественно обставить чествование передовиков народного хозяйства. Поэтому прославление победителей, как правило, проводилось при большом скоплении народа, сопровождалось концертами. Данные мероприятия содержали вполне определённый политический подтекст. Так, в колхозе «Дружба» Дзун-Хемчикского района был организован тематический вечер по теме «Великий Ленин и наша сегодняшняя жизнь», посвящённый передовому чабану Балгану Тюлюшу. Лозунг «К цели ленинской спеша, мы широкими шагами перегоним США» был ярким примером пропаганды против капиталистического мира, где, якобы, труд простого человека не ценится.¹

Стало традицией чествование передовиков производства в колхозе «Большевик» Дзун-Хемчикского района, где главным организатором был его председатель Шулуу Даваевич Куулар, сам активный участник художественной самодеятельности, самодеятельный поэт и писатель. В клубе действовали танцевальный и драматический кружки. В народном хоре насчитывалось около 80 человек, которым руководил самодеятельный композитор М. Хомушку.²

Важным участком работы клубов в советский период являлось атеистическое воспитание. Ведь марксистско-ленинская государственная парадигма, победившая в СССР, не допускала существования никакой другой идеологии. Во втор. пол. XX в. ставилась задача укрепить «достигнутые успехи» и не допустить возврата населения к «религиозному дурману». Поэтому в числе обязательных мероприятий в сельской местности были вечера на темы «Без бога шире дорога».

С годами в Дома культуры и сельские клубы всё больше привлекаются коллективы предприятий и учреждений для участия в художественной самодеятельности с целью выявления талантов среди народа. Так, в 1963 г. в республике на сценах музыкально-драматического театра и Домов культуры было показано около 3 тыс. концертов с охватом 294, 5 тыс. человек. Свои артистические способности показали Сат Манчакай, Максим Дакпай, Наталья Тьртык-Кара и др.³ В Кызыле получили популярность городская ансамбль песни и танца, коллективы клубов при АТП – 3 и республиканской типографии. С творчеством этих самодеятельных артистов вся республика познакомилась после введения в строй телецентра в 1966 году.

Ежегодно проводились смотры по выявлению лучших клубных учреждений. В результате наиболее талантливая тувинская молодёжь из сельской местности участвовала в Международных и Всесоюзных фестивалях, где показывала уникальное искусство – горловое пение. Наряду с положительной динамикой развития клубных учреждений, присутствовали и отрицательные моменты. Так, на Первом съезде работников культуры (1966 г.) было указано на слабое руководство со стороны местной власти. Отсюда и бедные репертуары клубов, недостаточная работа по сбору и изучению музыкального фольклора, низкий художественный уровень приглашённых эстрадных групп.⁴

В 1966 г. число клубных учреждений возросло до 172. В числе лучших считались в селах Шеми, Хайыракан, Бажин-Алаак Дзун-Хемчикского, Берт-Даг Тес-Хемского, Мугур-Аксы Монгун-Тайгинского, Кара-Холь Бай-Тайгинского, Хандагайты, Солчур Овюрского, Эрги-Барлык Барун-Хемчикского районов. Виды мероприятий стали разнообразными: праздник берёзки, проводы зимы, день совершеннолетия, проводы в армию, день новорождённого. Однако в клубах по политическим соображениям не проводились тувинские традиционные праздники, как Шагаа, молодые композиторы не знали музыкальный фольклор.⁵

Республиканский смотр художественной самодеятельности к 50-летию Октябрьской революции выявил лучшие клубы и коллективы. Лучший сельский клуб действовал в с. Бажин-Алаак Дзун-Хемчикского района, а лучший Дом культуры в с. Сарыг-Сеп Каа-Хемского района. Среди населения всё популярнее становились народные театры, семейные концерты.⁶ Самодеятельные композиторы С. Базыр-оол и С. Самья стали известны в республике своими яркими и содержательными песнями народного характера. Наиболее талантливые коллективы участвовали в зональных смотрах художественной самодеятельности в г. Новосибирске, Красноярске, Улан-Удэ. Свои таланты показали доярка колхоза «Торгалык» Дадар-оол Анайбан, шофёр из Хандагайты Донгак Монгуш-оол и др.⁷

В 1980 г. сеть клубных учреждений возросла до 210, тогда как в 1970 г. их было 188.⁸ Стали

разнообразнее формы и методы культурно-просветительной работы: появились любительские объединения, клубы по интересам, народные университеты, театр юного зрителя, вокально-инструментальные ансамбли.⁹

Период весеннего сева, уборки и хлебозаготовок являлись временем, когда культурно-просветительная работа проводилась наиболее активно. Работники клубов и Домов культуры оформляли красные уголки, организовывали агитбригады. Издавали боевые листки, освещавшие ход уборочных и посевных кампаний. Довольно часто сами работники клубов выезжали на полевые станы и в тракторные бригады, обслуживали отдалённые участки совхозов, содействуя партийным, государственным организациям и правлениям в мобилизации тружеников села на решение «важнейших хозяйственно-политических задач». Участники агитбригад были частыми гостями у чабанов. С целью создания животноводам всех условий для высокопроизводительного труда и культурного досуга, на чабанских стоянках создавались красные уголки, где чабанам были предоставлены возможности обсудить последние новости в селе, районе, республике. Они были обеспечены художественной и политической литературой, свежими газетами и журналами, даже радиоприёмником.

Во втор. пол. 1980-х гг. происходили перемены и в формах деятельности клубных учреждений, из всех массовых мероприятий популярными стали вечера танцев и дискотеки, где чаще всего использовали фонограмму как наиболее удобное музыкальное обеспечение, не требующее дополнительных штатных единиц и специалистов. Основная масса присутствующих в клубах и Домах культуры – это молодёжь в возрасте от 16 до 28 лет. В репертуарах доминировали песни зарубежных ансамблей на иностранном языке, вследствие чего наносился большой ущерб духовному воспитанию молодёжи. Учреждения культуры недостаточно обращали внимание на важный аспект эстетического воспитания. Преобладали развлечения, ориентированные на большой охват населения, чаще всего это были киносеансы.

Второй Всесоюзный фестиваль народного творчества продемонстрировал появление новых любительских объединений, например, цирковой группы. Из среды талантливой сельской молодёжи вышли Титов Санчат из Танды, Байлак Иргит из Каа-Хема, позже ставшие профессиональными артистами. Министерством культуры Тувинской АССР ежегодно проводились экспедиции по выявлению молодых людей с сильными сольными голосами, чтобы направить их на учёбу. Новые формы стали внедряться в работах сельских клубов с целью привлечения молодёжи и школьников. Так, А. Худорожков из с. Ильинка Каа-Хемского района организовал в клубе рок-группу «Альфа» для старшеклассников. Их деятельность имела позитивный заряд: вырученные деньги от концертов в соседнем селе были перечислены в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении.¹⁰

За рассматриваемое тридцатилетие сеть Домов культуры и клубов значительно возросла. Если в 1961 г. работали 159 учреждений культуры, то на конец 1990 г. в Тувинской АССР функционировали уже 203.¹¹ Но была и «обратная сторона медали». Возникли проблемы со строительством клубов в сельской местности: здания создавали по проекту кинотеатров. Так, в совхозе «О-Шынаа» ввели в строй новый Дом культуры на 300 посадочных мест, но без подсобных помещений для хранения оборудования для концертов, отдельного кабинета для специалистов культуры, а имевшиеся отдельные комнаты выделили специалистам совхоза.

Таким образом, можно заключить, что в Тувинской АССР успешно функционировала сеть культурных учреждений, однако они не были свободны в выборе содержания, форм и направлений своей работы. Они должны были выполнять задачи идеологического воздействия на массы. От них требовалось организовывать разъяснение населению решений партии и правительства, распространять политические знания через систему организаций клубов, способствовать закреплению в массовом сознании марксистско-ленинского мировоззрения. И лишь в период «перестройки» стала отмечаться тенденция к их ослаблению. Официальная культурная жизнь характеризовалась многочисленными слётами, смотрами, конкурсами, большинство из которых проходило для «галочки» перед очередным юбилеем страны и республики, что являлось характерной чертой социалистической культуры.

Однако эти форумы дали возможность росту талантливой молодёжи из сельской среды, де-

монстрировавшие на международных и всесоюзных фестивалях уникальное искусство Тувы, особенно горловое пение.

2013

Примечания:

¹ В помощь работникам культуры: Репертуарно-методический сборник. – Кызыл, 1960.

² ЦГА РТ. Ф.281. Д.21. Л.52.

³ ЦГА РТ. Ф.281. Д.71. Л.18-19.

⁴ ЦГА РТ. Ф.281. Д.98. Л.41.

⁵ ЦГА РТ. Ф.281. Д.98. Л.66-69.

⁶ ЦГА РТ. Ф.281. Д.100. Л.13.

⁷ ЦГА РТ. Ф.281. Д.110. Л.123.

⁸ Народное хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке: Статист. сб. – Кызыл, 1981. – С. 204.

⁹ Иванова Н.Г. Из истории развития сети культурно-просветительных учреждений в Туве//Культура Тувы: прошлое и настоящее. Вып. 1. – Кемерово, 2006. – С. 26.

¹⁰ Тувинская правда. – 1990. – 14 января.

¹¹ Республика Тыва в цифрах: Статист. сб. – Кызыл, 2000.

¹² Тувинская правда. – 1990. – 2 февраля.

Ю.О. Комарова,
п. Шушенское

Политика переселения крестьян в Сибирь во втор. пол. XIX – нач. XX вв.
(по материалам Шушенской волости)

Одним из результатов формирования на территории Сибири, в т.ч. Шушенской волости, разнообразных материальных и духовных культур, стал процесс колонизации данной местности переселенцами несколько веков назад.

На протяжении долгих лет государством создавалась система мероприятий по условию для добровольного перемещения населения из постоянного места жительства на территории, подлежащие заселению и освоению, которая стала называться переселением.

Политика государства в организации переселения делится на несколько этапов:

1. В XVI в. – первыми в Сибирь, по царскому указу, отправлялись «служилые люди» – казаки, стрельцы, пушкари и др.

2. В XVI-XVIII вв. людей переселяли «по указу» и «по прибору». «По указу» крестьяне отбирались местной администрацией и вместе с семьями «переводились» в Сибирь. Другая часть крестьян пришла в Сибирь «по прибору» – за счёт вербовки добровольцев, которые желали переселиться на новые места.

3. В нач. XIX в. – государство вводит политику разрешения переселения крестьян с изданием Указа 1822 г. «О дозволении крестьянам переселяться на земли сибирских губерний».¹ Разрешалось переселение малоземельных государственных крестьян из Европейской России за Урал без помощи со стороны государства. Основным условием для тех, кто желал переселиться, было наличие увольнительного приговора от общества, и уплата всех недоимок.

4. В кон. XIX в. – был утверждён закон о переселении от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время»,² который активизировал процесс переселения в Сибирь, облегчив условия выхода крестьян из общины.

5. В нач. XX в. – в результате столыпинских реформ право на переселение крестьян было предоставлено всем желающим без ограничений. Правительство выделило средства на прокладку дорог, благоустройство на новом месте, медицинское обслуживание, общественные нужды. Все крестьяне получали право на льготы и материальную помощь со стороны правительства. Переселение было объявлено свободным, нерегламентированным в любые районы по выбору самих переселяющихся.

Именно период кон. XIX – нач. XX вв. становится главной вехой в переселении крестьян в Сибирь. В это время проходит строительство железной дороги, создаётся государственный аппарат, контролирующий процедуру переселения. В 1896 г. учреждено Переселенческое управление. В губерниях были учреждены должности переселенческих чиновников, в округах работали межевые партии по нарезанию земельных участков для переселенцев. С 1893 по 1912 гг. Переселенческим управлением Енисейской губернии было образовано 2023 участков: из них 236 – в Минусинском уезде.³

В кон. XIX – нач. XX вв. оформился целый ряд правил переселения сельских обывателей:

- земля в Сибири отводилась крестьянам не в собственность, а в постоянное пользование. В среднем, на одну душу мужского пола выделялось 15-17 десятин земли, включая пашни, сенокосы и выгоны. За надел вносился ежегодный платёж. Все земли были не отчуждаемы и не подлежали обременению налогами. За государством сохранялось верховное право собственности;
- сельские обыватели, желающие переселиться на казённые земли, должны были обратиться с ходатайством (прошением) к местной администрации;
- в случае удовлетворения заявленных ходатайств, просителям выдавали разрешение на переселение;
- после получения разрешения нужно было обязательно послать для выбора земли ходоков, по одному от каждой семьи или от нескольких семей-однообщественников (переселяться можно было семьей, несколькими семьями, или общиной);
- избранные ходоками участки зачислялись местными учреждениями, и сохранялись за переселенцами в течение двух лет (именно такой срок устанавливало правительство для переезда крестьян на выбранную ими землю);
- ходокам выдавали проходные свидетельства, служившие документом, по которому переселенцев увольняли из своих обществ (т.е. выпускали из общины). Проходное свидетельство так же подтверждало право на пользование всеми льготами для переселенцев;
- усадебные земли, подворные участки, оставляемые крестьянскими семьями, переходили или к обществу, или к однообщественникам за определённое сторонами вознаграждение;
- недоимки (долги) в казённых и имперских сборах аннулировались, а недоимки по земским и общественным сборам переносились на места нового водворения переселенцев.

Всем переселяющимся предоставлялись льготы: 1) проезд по железной дороге по пониженному тарифу; 2) при водворении переселенцы освобождались от налогов (земских и казённых повинностей) в течение пяти лет, а следующие пять лет платили их в половинном размере. От мирских повинностей (волостных и сельских) переселенцы вовсе не освобождались; 3) отбывание воинской повинности для переселенцев отсрочивалась на три года.

Переселенцам предполагались и пособия со стороны Правительства: 1) путевые ссуды (эти деньги выдавали крестьянам ещё на местах, которые были необходимы для переезда), 2) ссуды на общественные надобности и на хозяйственное устройство по месту нового места жительства, 3) могли и безвозмездно отпускать лесной материал, необходимый для построек. Размер выдаваемых ссуд в разные годы был разным, доходил до 200 рублей. Все ссуды возвращали по истечении пяти лет с момента водворения переселенцев, в течение десяти лет ежегодными равными платежами.

В результате аграрной реформы П.А. Столыпина процедура переселения значительно упростилась, повысились выдаваемые ссуды, недоимки и выкупные платежи были аннулированы.

Приезжая в Сибирь, переселенцы либо водворялись по приёмным приговорам в старожильческих селениях, либо образовывали особые посёлки, которые устраивались на заранее заготовленных переселенческих участках. Однако на рубеже XIX-XX вв. государство стало обязывать принимать в общину переселенцев принудительно, особенно если обнаруживались излишки земель сверх 15-десятинного надела на душу мужского пола.

До покупки приёмного приговора, переселенцы арендовали у старожилов пашню, выгон для скота, нередко и саму усадьбу. С сер. 1890-х гг. постройка железной дороги и организация переселения двинула в Сибирь большой поток бедных крестьян, в результате чего были исчерпаны запасы лучших земель, сократились заработки, и стоимость водворения и обзаведения хозяйством возросла. Из отчёта Главного управления Алтайского округа о движении переселенцев за

1888-1902 гг.: «громадный приток переселенцев, и вместе с ними всё усиливающийся спрос на земли, постепенно поднимал в глазах старожилов ценность земель, сообразно чему повышалась и плата, которую взимают старожилы за выдаваемые ими приёмные приговоры переселенцам. Таким образом, пять лет назад лишь 16% переселенцев не находили средств, чтобы купить себе приговор, в настоящее время это не под силу уже почти 53%». ⁴ Чтобы причислиться к деревне Иджа Шушенской волости Минусинского уезда Енисейской губернии в кон. XIX в., необходимо было заплатить около 50 руб., ⁵ в т.ч.:

1. За приёмный договор	30 руб.
2. Угощение общества	7 руб.
3. Почтовые и гербовые расходы	3 руб.
4. Общественникам и старосте	3 руб.
5. Сельскому писарю за прошение	3 руб.
6. Волостному писарю	4 рубля.

Переселенцы предпочитали селиться в старожильческих селениях, где были большие площади залежей, которые легче было разработать, чем целину, и можно было снять жилье до постройки своего дома, устроиться по найму для получения средств на заведение своего хозяйства. В Енисейской губернии общая сумма на обустройство хозяйством составляла 350-400 рублей ⁶. Интересны воспоминания переселенки из Вятской губернии Козловой Прасковьи Захаровны, которая рассказывает как выезжали из Уржумского уезда села Кошельничиха всей семьей в Минусинский уезд, который посоветовал им барин, остановившийся у них на определенное время. В Минусинске на пересыльном пункте они были приписаны в деревне Иджа. Там купили дом за 350 руб., на 100 руб. купили всё остальное, необходимое для хозяйства. ⁷

Многие крестьяне-переселенцы, ехавшие в Сибирь несколькими семьями или общиной образовывали переселенческие участки. Возникали новые посёлки, среди которых были и самовольные деревни, неизвестные начальству. Переселенцы достигли долины реки Уса, которая тогда входила в Шушенскую волость. Там были установлены границы деревень Верхне- и Нижне-Усинская, где поселились переселенцы (1859 – 1870 гг.). ⁸ Из Верхне-Усинска в фондах музея-заповедника «Шушенское» хранится стул, плетёный из черёмуховых прутьев, сделанный умельцем – мордвином. ⁹

В 1850-53 гг. переселенцы из Вятской и Пермской губерний основали сразу несколько новых деревень – Субботино, Среднюю Шушь, Мигну, Верхний Кебеж. ¹⁰

В 1908 г. на территории Шушенской волости был образован Джанаевский переселенческий участок. ¹¹ В эту местность прибыли переселенцы из Полтавской, Минской, Путиловской, Орловской, Воронежской, Курской, Херсонской, Харьковской и других губерний. Из Джанаевского переселенческого участка, современное название которого – Кирово, были привезены в музей вещи, принадлежащие переселенцам. Это и костюмы, и предметы быта, которые отличались от старожильческих.

Шушенская волость, благодаря переселению, стала местом проживания людей не только разных национальностей, но и разного вероисповедания.

Здесь были переселенцы иудейской веры, основавшие в нашем регионе деревню Иудино, которая до 1882 г. входила в состав Шушенской волости. В отчёте старшины деревни Иудино за 1873 г. проживало иудеев – 318 человек, молокан – 107, и прочие инородцы, в т.ч. и старообрядцы. ¹²

В д. Субботино Шушенской волости проживали люди поморского согласия – одно из течений старообрядцев, именной список которых, указан в документах о лицах нехристианской веры на 1863 г. ¹³

В Енисейских епархиальных ведомостях за 1898 г. № 10 есть запись: «Наиболее заражены ересями следующие приходы епархии: Минусинский округ: Лугавский, Аскизский, Шушенский, Каптыревский, Таштыпский. Секты подразделяются на субботников, молокан и баптистов. Старообрядцы могут делиться на поповцев и беспоповцев». ¹⁴

Новосёлы – переселенцы дали мощный импульс развитию сельского хозяйства региона, они привозили с собой новые земледельческие орудия, сорта культурных растений. В степных районах, под влиянием переселенцев сибиряки стали сажать помидоры, тыкву, сахарную свёклу. ¹⁵

Водворяясь на новых землях, вводили такие промыслы как шерстобитный, овчинный, пимокантный, производство льняного и конопляного масел.¹⁶

Представители различных этносов принесли сюда строительное искусство. Южно-русская специфика сказывалась в широком распространении наружной обмазки стен глиной, побелки внутри жилого помещения, использовании плетня для ограждения огородов, применении соломы для покрытия жилых и хозяйственных построек.¹⁷

Благодаря такому явлению, как переселение, Шушенская волость стала многонациональной с людьми разных вероисповеданий. Переселение породило резкий рост численности сельского населения, его социальную дифференциацию, инновации в культурной сфере, хозяйственной деятельности, образе жизни селян. Поэтому задачей современного музея является знакомить общество с различными культурами, которые должны нести в себе воспитательные и поучительные цели.

2013

Примечания:

¹ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, кон. XVI – нач. XX в: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов // sibistorik.narod.ru.

² Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений. Сборник документов. Новосибирск. // <http://sibistorik.narod.ru>.

³ Баранцева. Н.А. Переселение в Енисейскую губернию во втор. пол. XIX – нач. XX вв.: этносоциальные и демографические аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 38. – С. 34 // <http://www.lib.csu.ru>

⁴ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, кон. XVI – нач. XX в: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов // sibistorik.narod.ru.

⁵ Андюсов Б.Е. Сибирское краеведение. 2-е издание. – Красноярск, РИО КГПУ, 2003. // <http://andjusev.narod.ru>.

⁶ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, кон. XVI – нач. XX вв: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов // sibistorik.narod.ru.

⁷ Студницкий – Гизберг В. Современная Сибирь. С картой Сибири и транссибирской железнодорожной магистрали. – Краков: издательство Гебетнера и Спупки., 1897.

⁸ Муниципальное Казенное Учреждение Архив города Минусинска (МКУ АГМ). Ф.71. О.1. Д.30.

⁹ ШМЗ. ОФ 6181.

¹⁰ МГА. Ф.42. О.1. Д.1198-1200. Д.2.

¹¹ МКУ АГМ. Ф.54. О.1. Д.328.

¹² МКУ АГМ. Ф.42. О.1. Д.1588.

¹³ МКУ АГМ. Ф.42. О.1. Д.1430.

¹⁴ ШМЗ. ОФ 1145.

¹⁵ Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – нач. XX в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. –3 (23). С. 153. <http://Annales.info/sbo/contens/aeae.htm>

¹⁶ Баранцева Н.А. Указ. соч. Там же.

¹⁷ Там же. С. 39.

И.Н. Трошкина,
г. Абакан, Республика Хакасия

Здравоохранение в Хакасии в XX – нач. XXI веков

С 1900 по 1940 гг. Хакасия прошла путь становления системы здравоохранения, для которого характерна централизация структуры, становление санитарно-эпидемиологической службы, развитие профилактического направления.

В досоветский период (1913 г.) на территории Хакасии наличествовала 1 больница на 5 мест с 1 врачом, а к началу 1940 г. существовала обширная сеть учреждений здравоохранения – 31 больница на 940 мест, 5 врачебных здравпункта, 68 фельдшерских пункта, 1 санэпидемстанция, 75 трахомотозных пункта, работал 31 врач.¹

Особый импульс медицина Хакасии получила в 1924 г., когда был организован специальный отдел здравоохранения, проведён I съезд союза Всемиликсантруда, активизирована просветительская работа с населением (лекции, беседы). В этот период в структуру медицинских учреждений входили сельские фельдшерские пункты и врачебно-амбулаторные участки. Существовало 5 фельдшерских пунктов (со штатом 1 фельдшер и 1 прислуга) – Усть-Есинский (Аскизского

района), Абазинский, Таштыпский, Чарковский и Верхне-Ербинский, также 3 врачебно-амбулаторных участка – Усть-Абаканский, Аскизский и Чебаковский. Численность медицинских работников составляла около 30 чел. на 17 тыс. населения. Задачами органов здравоохранения являлись: обеспечение общей доступности, развитие квалифицированной медицинской помощи, бесплатность, оздоровление труда и быта рабочих и крестьян.

К 1930-м гг. в Хакасии существовала, как разъездная система обслуживания населения на лечебных участках (на территории, закреплённой за врачом имелись особые выездные пункты в крупнейших селах), так и сеть стационарных учреждений – больниц, фельдшерско-акушерских пунктов и санитарно-эпидемиологических станций.² Насчитывалось 7 больниц на 135 мест, 10 врачебных амбулаторий, 11 фельдшерско-акушерских пунктов, 1 лаборатория, 2 санитарно-эпидемических станций, врачей – 28 и средне-медицинского персонала 72 чел. Всё население было охвачено коечной площадью на 60 процентов, амбулаторией на – 70 процентов.³ Медицинский персонал большое внимание уделял лечению распространённых болезней социального происхождения, как туберкулез, трахома и другие. Вёл работу по охране здоровья матери и ребёнка (проводились двухнедельные курсы касающиеся гигиены, собирались средства для организации яслей). Существовали отдельные сети здравоохранения: охрана материнства и младенчества, куда входило 7 пунктов консультаций для беременных женщин и детей, 5 детских учреждений – яслей (1 постоянное, 4 сезонных)⁴; охрана здоровья детей (1932 г.), включающая школьно-санитарных врачей, врачей физической культуры, санитариев для рабочих подростков.

Руководители учреждений и медицинская общественность в этот период активно обсуждали вопросы санитарно-гигиенического характера, а также разработку мер предупредительной медицины, ряд организационных вопросов, в т.ч. обеспечение медицинским обслуживанием колхозов и совхозов.

Острой проблемой в Хакасии являлась проблема кадров медицинских работников, особенно национальных. В регионе имелся 1 врач коренной национальности, 4 акушерки.⁵ Специалисты направлялись из центральных регионов страны. В 1920-е гг. сюда прибыли врачи с высшим и средним образованием – Трофимов, Боголюбов, Петерянский, Шиманский и др. Они были первыми организаторами дела народного здравоохранения в Хакасии. В то же время подготовка кадров осуществлялась путём отправки местной молодёжи на учёбу в различные города, а также введения местных медицинских курсов, рассчитанных на 50 чел. коренной национальности (1932 г.). Дефицит врачебных кадров привёл к решению руководящих органов об открытии на территории Хакасии образовательных заведений медицинского профиля.

Были открыты: фельдшерско-акушерская школа (1934 г.), преобразованная в дальнейшем в медтехникум (1935 г.), а также школа медицинских сестёр. В первой школе организована подготовительная группа, комплектовавшаяся преимущественно из людей коренной национальности, где обучалось 35 человек. Её первый выпуск (1937 г.) составил 24 чел. К 1940 г. число обучающихся возросло до 295 чел. Во второй школе (1936 г.) первый набор учащихся составил 15 чел., в 1938 г. – 76 чел.

Росло число лечебных заведений: больницы в Черногорске (1923 г.) и Абакане (1924 г.), 8 женских и детских консультаций (1928-1931 гг.), трахоматозный диспансер в с. Аскиз (1933 г.), противотуберкулёзный диспансер (1934 г.), кожно-венерологический диспансер (1935 г.), малярная станция в Абакане (1935 г.)⁷ и др.

На слуху широкой общественности были фамилии работников здравоохранения – Н.Н. Лапинской, Ф.В. Шовской, В.Г. Чистаевой, Т.Е. Потерянского, П.Н. Мазаева, Н.С. Епифанова, М.И. Багаевой, Л.С. Лепиловой, М.П. Тарсева, З.Л. Петелиной и др.

Активная работа, развернувшаяся по санитарному состоянию Хакасии, привела к её массовости. В работу оказались вовлеченными разные слои населения, которые проводили наблюдения за состоянием жилищ, улиц; выполняли очистки дворов, колодцев; строили бани, дезокамеры и проч.

В результате развернутой активной деятельности к нач. 1940-х гг. на совещании работников здравоохранения Хакасии особо отмечалась полная ликвидация натуральной оспы, значительное снижение инфекционных заболеваний, улучшение профилактической работы и положение с оснащением медицинской аппаратурой; также упоминалось о существующих проблемах – нехватке

врачей из-за текучести медперсонала, низкой заработной плате, растратах и хищениях, недостаточном финансировании здравоохранения.⁸

В годы Великой Отечественной войны 2 структуры системы здравоохранения – военная и гражданская были объединены. К 1940 г. насчитывалось 41 больничное учреждение с численностью врачей 114 чел., среднего мед. персонала 576 чел.⁹ Их основными задачами являлись: помощь раненым и больным воинам, медицинское обслуживание тружеников тыла, охрана здоровья детей, широкие противоэпидемические мероприятия. На базе гражданского здравоохранения была сформирована специальная служба эвакуогоспиталей.

Широкая сеть эвакуационных госпиталей (однопрофильных-специализированных и многопрофильных) функционировала при поддержке закреплённых к ним подшефных организаций, которые занимались обеспечением больных и медицинского персонала продуктами питания, одеждой, постельными принадлежностями, литературой и т.д. Госпитали формировались на основе эвакуированных (с пребывающим медперсоналом) и создаваемых на местах (личный состав и оборудование являлись местными). Прибыли эвакуогоспитали № 1782, 3364, 2100, 3438, 1928 и другие. Большинство эвакуогоспиталей были многопрофильными и занимались общехирургической помощью, сортировкой больных. Ряд эвакуогоспиталей было специализированными – челюстной, реконструктивной хирургии, хирургически-лицевой, курортный.¹⁰

На протяжении 1941-1944 гг. отмечалась тенденция неуклонного снижения количества госпиталей. Так, в декабре 1941 г. в Хакасии было размещено 10 госпиталей (23 врача, из них 11 хирургов) на 3895 чел., а к 1942 г. число госпиталей уменьшилось и составило 8 единиц на 3750 чел. (20 врачей, из них 7 хирургов). К осени 1944 г. Хакасию покинул последний госпиталь.¹¹

Структура военного здравоохранения Хакасии (на нач. 1942 г.) была представлена:

1. Абакан – эвакуогоспиталь (э/г) 1782 на 900 чел., фельдшерско-акушерская школа 3482 на 700 чел., Хакзолото и институт учителей; школа № 1 и № 10 госпиталь 1398 на 300 чел., Горбольница 2510 на 250 чел.;

2. Черногорск – э/г 3483 на 300 чел., средняя школа;

3. Усть-Абакан – э/г 1917 коек, больница Леспромхоза;

4. Шира – э/г 2511 на 800 мест, Ширинский курорт.

Для сохранения благоприятной санитарно-эпидемической обстановки в регионе, населению активно вводились вакцины: поливакцина, построенная на принципе ассоциированных депо вакцин с использованием полных микробных антигенов; вакцины против туляремии; сыпнотифозная вакцина; прививки против столбняка; проводился контроль за состоянием социальных объектов: бань, общежитий, пищевых учреждений. Несмотря на меры предпринимаемые медицинским персоналом Хакасии по поддержанию состояния здоровья больных, всё же отмечались вспышки эпидемий (1942 г.) – тиф, дизентерия, малярия и проч.; существовала высокая смертность детских возрастных групп основанная на дистрофии, отравлениях и др. заболеваниях.

В результате сложной ситуации с детской и материнской смертностью, а также большой трудовой нагрузкой на данные категории населения, медицинскими учреждениями осуществлялась помощь беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, проводились мероприятия по усилению охраны материнства и детства (1944 г.). Так, была проведена работа по повышению уровня рождаемости – установлены почётные звания «Мать-героиня» (П.П. Харитоновой, Е.К. Ахпашевой, А.П. Харитоновой, Л.П. Вдовиченко), учреждены ордена «Материнская слава»; поставлены на учёт все многодетные и одинокие матери, беременные женщины и дети ясельного возраста. Помощь оказывалась в виде разъяснительных бесед-лекций с различными группами населения (производственными и лечебными коллективами, детскими учреждениями), а также конкретной адресной материальной помощи (матерям-героиням, многодетным и одиноким матерям, беременным женщинам). Например, к каждой матери-героине был прикреплен медицинский работник, который проводил патронаж семьи 2 раза в неделю. Семьям было отпущено 100 кг картофеля, 50 кг моркови, 7 кг мяса, 0,5 тонн угля, дополнительное питание из молочной кухни, 10 платьев, 10 рубашек, 1 пара пелёнок, 1 комплект приданного, 1 аптечка, топливо, производился ремонт квартир.¹²

К 1944 г. медико-санитарное обслуживание населения было представлено сетью лечебно-про-

филактических учреждений в составе 37 больниц (13 в городской местности, 24 в сельской местности), 17 поликлиник, 32 амбулаторий, 10 роддомов, 49 фельдшерских пунктов, 10 акушерских пунктов и др. специализированных учреждений, в которых работало 47 врачей, 176 иных медицинских работников. Среднее прибывание больных в лечебных заведениях составляло 11 дней, летальность – 2,6 %. Среди отделений городских больниц отдельно выделялись структурные единицы: терапевтическое отделение (Абакан, Черногорск, Шира, Сарала), детское инфекционное (Абакан), инфекционное (Абакан, Черногорск, Шира, Сарала, Былькса), туботделение (Абакан), кожно-венерическое; функционировали диспансеры – вендиспансер (Абакан, Черногорск), трахоматозный (Таштыпский, Аскизский, Усть-Абаканский районы); физиокабинеты (Абакан, Черногорск, на рудниках Ширинского и Саралинского районов); 68 яслей (43 в городской местности, 25 в сельской местности), 1 дом ребёнка на 35 мест (Абакан).¹³

К концу 1945 г. большую славу профессионалов своего дела имели врачи абаканской больницы, туб- и вендиспансера, за помощью к которым обращались не только горожане, но и жителей всей республики и юга Красноярского края. Всем была известна фамилия квалифицированного хирурга Гергенредера.

В целом, за военный период произошёл рост сети учреждений здравоохранения Хакасии за счёт ресурсов региона, что привело к ослаблению деятельности гражданского здравоохранения в послевоенные годы.

Наиболее интенсивно сеть здравоохранения стала развиваться в послевоенные годы. Основным направлением учреждений являлось лечебно-профилактическая помощь населению.

Профилактическое направление представляло собой борьбу с массовыми, преимущественно инфекционными, остро протекающими заболеваниями путём санитарно-противоэпидемических мер; неэпидемических хронических болезней, а также вопросами связанными с проблемами окружающей среды и гигиены труда.

В 1948 г. была проведена реорганизация Усть-абаканского противотрахоматозного диспансера с 10 койками в Областной противотрахоматозный диспансер в г. Абакане с 36 койками (в последующем в 1974 г. он вошёл в состав открывшейся Областной офтальмологической больницы с 100 койками). Начались поголовные обследования населения на трахому. Массовый осмотр в Хакасии по данному виду заболевания был достигнут к сер. 1950-х годов. В 1963 г. на съезде офтальмологов было объявлено о ликвидации данного заболевания, как массового явления.

К 1950 г. численность учреждений здравоохранения снизилась до 38 единиц, по сравнению с военным периодом, в связи с эвакуацией ряда заведений. В тоже время отмечался рост числа мест в больничных учреждениях (1,4 тыс. чел.), старшего и среднего медицинского персонала в 2 раза.¹⁴ В связи с проведённой реформой управления здравоохранения в сельской местности отмечалось увеличение количества фельдшерских, акушерских и иных пунктов медпомощи (более чем в 2 раза).

По мере решения проблемы обеспечения доступности медицинской помощи населению, возникла необходимость разрешения проблемы повышения её качества. С этой целью на местах реализовывались ряд структурных реорганизаций, призванных усилить профилактическое направление медицины, придать работе всех учреждений системы здравоохранения большую комплексность (проводилось создание рациональной многоэтапной системы медицинского обслуживания сельского населения). В результате реформы здравоохранения 8 районных больниц стали центрами специализированной помощи (1951 г.). Каждая районная больница была укомплектована 5 специалистами. Всего по районным больницам насчитывалось 735 врачей (терапевтов 21,5; хирургов 9; акушер-гинекологов 8,5; педиатров 11,5; фтизиатр 1; дермато-венерологов 3,5; зубных врачей 5,5; рентгенологов – 1 (только в Ширинской больнице), окулистов – 3 (только в Таштыпской, Ширинской, Аскизской, Саралинской больницах).¹⁵

В 1952 г. произошло выделение роддома в самостоятельное структурное подразделение. В результате чего получило дальнейшее развитие акушерско-гинекологическая служба. Общее число родильных коек в регионе на тот момент составляло 201 ед. (36 в селе, 69 в районе, 96 в городских посёлках). Отмечалась кадровая проблема по специалистам этого профиля. Например, в районных больницах наличествовало только 3 специалиста акушер-гинеколога (Ширинский район – Павлова, Таштыпский район – Паршина, Саралинский район – Генинг).¹⁶

Весь послевоенный период развития системы здравоохранения, на фоне общего улучшения социально-экономической обстановки и культурно-бытовых условий жизни людей, дал к сер. 1960-х гг. положительную динамику по уровню смертности, численности населения. Основными мероприятиями в перв. пол. 1960-х гг. в области здравоохранения были: повышение сетевых показателей (кадры, материально-техническая база, сеть), оздоровление санитарно-эпидемиологической обстановки, организация специализированной помощи, широкое внедрение профилактических осмотров, укрепление диспансерного метода обслуживания населения. Наибольшее число ввода в действие больничных учреждений приходится на седьмую пятилетку 1960-1965 гг. (число достигает 735 больничных коек).¹⁷

Развитие получает педиатрическое направление. В городах расширялся коечный фонд детских больниц, а на селе стационарная помощь детям и женщинам сосредотачивалась в многопрофильных районных больницах. Но главными направлениями развития медицинской помощи детям стала её специализация и укрепление амбулаторно-поликлинического звена. Все эти усилия по улучшению медицинского обслуживания и охране здоровья детей положительно отразились на динамике и структуре детской заболеваемости и смертности.

Проводились мероприятия по развитию аптечного дела, обеспечивающие выполнение задач в области охраны здоровья населения. Если до 1949 гг. упор делался на восстановление аптечной инфраструктуры, в 1950-е гг. – на расширение аптечной сети, то в перв. пол. 1960-х гг., наряду с этим, решались вопросы улучшения качества и внедрения новых организационных форм лекарственного обслуживания. За первое послевоенное двадцатилетие аптечное дело получило значительное развитие. Однако в лекарственном обеспечении населения имели место и большие трудности. Нагрузка на аптеки по-прежнему была высокой, а их материальная база оставалась слабой, не хватало квалифицированных фармацевтических кадров.

Особое развитие получило санитарно-эпидемиологическое направление в связи с открытием в 1967 г. Хакасского областного Дома санитарного просвещения (1989 г. Центр здоровья, далее с 1994 г. Центр медицинской профилактики Республики Хакасия). При их активной поддержке было создано 10 университетов здоровья при больницах, 1060 школ матерей, оформлено 434 уголка здоровья, велась теле- и радиопередачи по направлению «Здоровье», прочитано 3500 лекций, проведено 23102 беседы, 775 выступлений в местной печати.¹⁸

В 1960-е гг. больше внимания уделялось развитию специализированных служб, обеспечению населения скорой и неотложной медицинской помощью, врачебно-физкультурной, стоматологической и рентгенорадиологической помощью. Началось строительство крупных многопрофильных больниц и увеличение мощности существующих центральных районных больниц со всеми видами специализированной помощи.

К 1969 г. медицинская сеть Хакасии была представлена – больницы, диспансеры – 69 ед., врачебно-фельдшерских пункта – 82, фельдшерско-акушерских, фельдшерских пунктов – 231, санитарно-противоэпидемических станций – 2, станции скорой помощи – 2, станции переливания крови – 1, областной дом санитарного просвещения – 1, областное бюро судебно-медицинской экспертизы – 1, детские ясли – 62, дом ребёнка – 1, аптек – 61, оптические мастерские – 3, аналитические лаборатории – 1, аптечные склады – 1 ед.¹⁹

Получили известность и широкое общественное признание ряд «Отличников здравоохранения» (1969) Губин, Дёмин, Панков, Рукавишникова, Н.К. Кондрашова, П.К. Комышенко, З.Ф. Шорохова, З.И. Ошарова, К.Н. Пашкова, С.М. Лучинина, Н.Т. Фирюлина.

За десятилетие (1960-1970-е гг.) введены в эксплуатацию новые здания областной больницы, областного противотуберкулезного диспансера, расширяются существующие специализированные диспансеры; ведётся строительство городских больниц г. Абакана, г. Черногорска, районных больниц – Аскизкой, Усть-Абаканской, лечебных корпусов Ширинской, Богградской, Таштыпской больниц и др. объектов здравоохранения. На базе больниц Абаканской, Черногорской, Абазинской, Сорской, Усть-Абаканской, Алтайской открывается ряд специализированных отделений и амбулаторно-поликлинических кабинетов, как травматологических, урологических, кардиоревматических, смотровых и многих др. Обеспеченность специалистами (1973 г.) в среднем по региону составляла на 10 тыс. населения – 13,1 врачей, 68,9 среднего медперсонала.

Общая укомплектованность медицинскими кадрами – 42 процента. Среди медицинских работников 60 человек являлись отличниками здравоохранения, 2 имели учёную степень.²⁰ Известность среди населения имели специалисты: педиатор Л.Г. Гернет, хирург Н.Н. Гончарова, фтизиатр М.Н. Кorieва, врач-окулист А.И. Шалгинова, врач-дермато-венеролог М.П. Иптышева, травматолог В.И. Самсонов и многие другие.

С 1980 по 1989 гг. произошёл рост численности врачей всех специальностей и среднего медицинского персонала. Так, рост врачей на 10 тыс. населения за 9 лет составил 8,8 ед. (в 1980 г. – 25,6, в 1989 г. – 34,4), среднего медперсонала за этот же период на 13,9 ед. (в 1980 г. – 89,3, в 1989 г. – 103,2). Отмечалось и расширение количества больничных коек в лечебных учреждениях Хакасии. Если в 1980 г. их насчитывалось на 10 тыс. населения 143,8 ед., то в 1989 г. – 146,2 ед.²¹ Всего по Хакасии насчитывалось (на 1980 г.) 133 терапевта, из них гематологов – 2, кардиологов – 15, подростковых – 9, эндокринологов – 6, специалистов по пульмонологии – 10. Наиболее распространёнными заболеваниями среди населения являются – гастрит, язвенная болезнь, острая пневмония, ишемическая болезнь сердца, гипертония, инфаркт, ревматизм.²²

Реформы здравоохранения в 1985-1990 гг. имели целью децентрализовать управление здравоохранением, влить в систему новые финансовые ресурсы. Предполагалась новая модель финансирования основанная на сохранении системы бюджетного финансирования, здравоохранения по стабильным нормативам в расчёте на одного жителя, дополнительные платные услуги сверх нормативов бесплатной медицинской помощи и прочее. Больше внимания стали уделять организации медицинской помощи больным с патологией органов дыхания, сердечно-сосудистыми, онкологическими, аллергическими заболеваниями.

Постсоветский период в развитии здравоохранения Хакасии характеризуется кардинальным реформированием данной системы с переходом от бюджетной модели к бюджетно-рыночной. Данный переход (1992-1993 гг.) сопровождался появлением страховой медицины (организация медицинского страхования рассчитанная на 2 группы населения – низкодоходные и способные оплачивать различные объёмы предоставляемых услуг) с либерализацией цен и приватизацией учреждений, частных (платных) клиник и ростом рынка лекарств.

В результате данных реформ в Хакасии появилось значительное количество частных клиник и кабинетов медицинских услуг (более 20 ед.), а также большая сеть аптек (более 20 ед.), страховых компаний. Конкуренция на рынке медицинских услуг представлена значительно по направлениям – стоматология, диагностика заболеваний, гинекология, санаторно-курортное лечение. Отмечается нехватка специалистов узкого профиля, как в коммерческих, так и некоммерческих учреждениях: гастронолог, эндокринолог, сосудистый хирург и др., по причине непристижности профессии. Кадровая проблема, а также проблемы сокращения доступности медицинских услуг, качество услуг не отразилось на показателях по снижению заболеваемости населения.

За период 2000-2010 гг. отмечается снижение заболеваний среди населения по направлениям: болезни глаз и их придаточного аппарата, врождённые аномалии, деформации и хромосомные нарушения, болезни крови и кроветворных органов, отдельные нарушения вовлекающие иммунный механизм болезни эндокринной системы, некоторые инфекционные и паразитарные болезни. Значительно возрасли показатели связанные с осложнением беременности, родов и послеродового периода, врождённые аномалии, деформации и хромосомные нарушения.²³

Сложный период реформирования сети учреждений здравоохранения отразился и усугубил существующие проблемы. Укомплектованность врачами в 2010 г. по республике составила 58,2% (2009 г. – 60,7%); средними медицинскими работниками – 77,2% (2009 г. – 78,5%). Численность врачей на 10 тыс. населения – 38,1, среднего медперсонала – 112,2.²⁴ Наблюдался отток высококвалифицированных специалистов в частные, ведомственные и страховые медицинские организации. Приток специалистов ограничен низкой привлекательностью профессии, связанной с низкой заработной платой, отсутствием жилья и мер социальной поддержки.

Здравоохранение Хакасии за вековой период прошло сложный путь становления и развития системы начиная от кадровой, аптечной сети, заканчивая различного рода лечебными и профилактическими учреждениями. Наибольший подъём данной отрасли отмечался в 1960-1980-е годы.

Примечания

¹ Тотышев С.М. Учителство и школа Хакасии в условиях установления Советской власти // Хакасия в XX века: хозяйственное и социальное развитие. – Абакан: «Хакасия», 1995. – С. 53.

² Очерки истории Хакасии советского периода 1917-1961 гг. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1963. – С. 338.

³ Записки ХакНИИЯЛИ, вып. VI. – С. 178.

⁴ КГУ РХ «НАРХ». Ф.Р-42. О.1, Д.5. Л.25.

⁵ КГУ РХ «НАРХ». Ф.Р-42. О.1, Д.5. Л.25.

⁶ Там же.

⁷ Очерки истории Хакасии советского периода 1917-1961 гг. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1963. – С. 336.

⁸ См. подробно: Мохова А.В. Здравоохранение Хакасии в годы первых пятилеток (на примере городов Абакана и Черногорска) // Сборник материалов VIII-х краеведческих чтений им. В.А. Баландиной. – Черногорск, 2009. – С. 94-96.

⁹ Хакасской автономной области 50 лет. Юбилейный статистический сборник. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1980. – С. 89.

¹⁰ См. подробно: Топчиев В.В., Тугужекова В.Н. Госпитали в Хакасии в годы Великой Отечественной войны. – Абакан, 2002.

¹¹ Там же.

¹² ГКУ РХ «НАРХ». Ф.Р-42. О.1. Д.14. Л.14.

¹³ ГКУ РХ «НАРХ». Ф.Р-42. О.1. Д.14. ЛЛ.1-2, 4-5, 9.

¹⁴ См. подробно: Топчиев В.В., Тугужекова В.Н. Госпитали в Хакасии в годы Великой Отечественной войны. – Абакан, 2002. – С. 69-72.

¹⁵ ГКУ РХ «НАРХ». Ф.Р-42. О.1. Д.34. Л.12.

¹⁶ ГКУ РХ «НАРХ». Ф.Р-42. О.1. Д.34. Л.89.

¹⁷ ГКУ РХ «НАРХ». Ф.42. О.1. Д.183а. Л.70.

¹⁸ Хакасской автономной области 50 лет. Юбилейный статистический сборник. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1980. – С. 78.

¹⁹ Хакасской автономной области 50 лет. Юбилейный статистический сборник. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1980. – С. 78.

²⁰ ГКУ РХ «НАРХ». Ф.42. О.1. Д.183а. Л.52.

²¹ Основные показатели развития экономики и культуры Хакасской автономной области (1980-1989 гг.). – Абакан, 1990. – С. 16-18.

²² ГКУ РХ «НАРХ». Ф.Р-42. О.1. Д.378. ЛЛ.2,6.

²³ Здравоохранение в республике Хакасия (2000-2011 гг.): статистический сборник. – Абакан, 2012. – С.

²⁴ См. подробно: Здравоохранение в республике Хакасия (2000-2011 гг.): статистический сборник. – Абакан, 2012. – С. 136.

Г.М. Шапошников,
г. Абакан, Республика Хакасия

Становление и развитие аграрного сектора Бейского района

Становление и развитие аграрного сектора Бейского района шло также, как и в других районах Хакасии. В нач. XIX в. стало развиваться растениеводство. Об этом свидетельствует переписка с частным комиссаром о постройке мельницы близ села Бейского.¹

По данным Н.Ф. Катанова коренное население Хакасии в кон. XIX в. под влиянием русского населения стало заниматься земледелием. Так, в 1888 г. жители улуса Усть-Кендырлинский засевали 52 десятины, жители улуса Усть-Табатский – 15 десятин, жители улуса Усть-Сосский – 224 десятины, а жители улуса Кендерлинский – 82 десятины. Соответственно на один двор в этих населённых пунктах приходилось по 1,9; 0,9; 1,4 десятин.² Уже в 20-х гг. XX в. на территории района действовало 8 водяных мельниц.

В 1923 г. в селе Бея прошла сельскохозяйственная выставка по коневодству. Цель выставки – улучшить коневодство в районе. В ней участвовала 71 лошадь 32 хозяйств из 7 селений. Как писала газета «Власть труда», 3 августа 1923 г. за первое место житель села Бея получил Сакковский плуг и премию 200 рублей.³ Тогда как зарплата председателя районного исполнительного комитета была 60 рублей: В связи с невысоким урожаем зерновых уже в 1924 г. на заседании районного исполнительного комитета ставился вопрос об обводнении и мелиорации Койбальской степи. В документах указывалось в связи с тем, что «само население не в силах провести оросительные работы на площади 12000 десятин, просим руководство Минусинского округа выделить деньги на изыскательные работы».⁴

Как по всей стране, так и в Бейском районе в 1920-е гг. началась организация коммун, товариществ и других сельскохозяйственных объединений. В начале 1927 г. в районе была 1 сельхо-

зартель, 4 животноводческих товарищества, 1 бычье товарищество, 2 семеноводческих товарищества, 15 машинных товариществ, 1 маслодельная артель.⁵ В конце 1928 г. в стране началась работа по коллективизации частного сектора на селе. Это не минуло и Бейский район. На процесс коллективизации в Бейском районе большое влияние оказал приезд в 1929 г. в с. Бея полного Георгиевского кавалера (четыре креста медали св. Георгия) СМ. Будёного.

Никто властям не перечил, так как они все помнили 18 августа 1920 г., когда после схода в селе Бея ввели военное положение, из-за того, что «...большинство участников схода отказались выполнению развёрстки».⁶ Также жители села не забыли, как в ходе становления Советской власти, в нач. 1918 г. репрессии прошли по судьбам их односельчан. Как писали инструкторы Минусинского уездного комитета Маркин и Поляков, в селе Бейское «...все крестьяне – середняки. Кулаков нет; часть их сидит в тюрьме, а часть во время восстания и занятия села Бейского повстанцами расстреляна».⁷

До начала Великой Отечественной войны в районе труженики сельского хозяйства добивались значительных успехов. В отдельные годы колхозы получали до 18 центнеров с гектара зерновых.⁸ Многие передовые колхозники награждались поездкой на ВСХВ, а Никон Тинников был награждён памятной книгой после совещания ударников сельскохозяйственного производства, в котором принимал участие Генеральный секретарь ВКП(б) И.В. Сталин.⁹

В начале Великой Отечественной войны в районе содержалось 119 573 голов скота, в т.ч. 88 142 голов овец, 15 340 голов крупного рогатого скота, 8 342 голов лошадей и 7 749 свиней.¹⁰

С началом коллективизации и в последующие годы колхозы формально были самостоятельными, а фактически ими руководили районные, областные и прочие начальства.

Так, своим решением районный исполнительный комитет в январе 1941 г. обязал правление колхоза «Красный пахарь» Бейского сельсовета не позднее 1 февраля приобрести производителя (по-видимому быка-производителя) на молочную ферму. В том же году за то, что в среднем за 1938, 1939 и 1940 гг. получали по 11,4 центнера зерновых с одного гектара председатель районного исполнительного комитета Иван Тимофеевич Новосёлов был утверждён кандидатом для участия в работе Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ) 1941 г. Среди кандидатов были директор Бейского МТС Василий Карпович Заболотный и Иван Васильевич Кобыляцкий, старший механик этого же МТС, в последствие много лет возглавлявший Бейскую МТС.

В те же годы районный исполнительный комитет рассматривал заявление граждан о снижении или об отмене плана по сдаче сельскохозяйственного сырья. 3 июня 1941 г. при рассмотрении заявления М.С. Золотухина о снятии с него плана по сдаче шерсти за 1941 г., так как овца пала, Районный исполнительный комитет решил: в связи с тем, что на 1 января 1941 г овца была жива, отказать в освобождении от плана, так как овца пала по вине хозяина.¹¹

С началом войны, всё было направлено на победу над врагом. Немалая заслуга в победе над фашистами и жителей Бейского района. Многие жители района не только самоотверженно трудились, но и перечисляли свои личные сбережения. Так, бейский колхозник Давыд Сергеевич Байкалов, заработав 100 тыс. рублей, внёс их на строительство боевого самолёта. «Пусть мой самолёт, – говорил он, – поможет быстрее добить врага в его собственном логове и приблизит час торжества нашей победы».¹²

После войны жители района стали работать над восстановлением объёмов сельскохозяйственного производства, чтобы довести их до довоенного уровня. Но засуха 1945 и 1946 гг. не позволила сразу это сделать. Только благоприятная погода 1947 и последующих годов позволила укрепить экономику района за счёт получения высоких показателей, как в животноводстве, так и в полеводстве. По итогам 1947 г. передовикам сельскохозяйственного производства было присвоено звание Героя Социалистического труда – в т.ч. заведующему конефермой колхоза «Красная звезда» (д. Чалпан) Тимофею Николаевичу Рябенко, заведующему конефермой колхоза «Искра» Кузьме Самойловичу Выходцеву, Захару Ивановичу Захарову – заведующим конефермой колхоза им. Ворошилова и Жихареву Василию Андреевичу – заведующему конефермой колхоза им. Куйбышева.¹³

Среди награждённых в 1948-1949 гг. орденами и медалями немало руководителей и специалистов сельскохозяйственного производства. Сергей Михайлович Дворянов, директор Означенского

МТС был награждён орденом Ленина; его заместитель Ифай Моисеевич Аникин – орденом Трудового Красного Знамени. Были награждены Михаил Григорьевич Филиппов – секретарь районного комитета ВКП(б) и Анисим Алексеевич Шокров – председатель районного исполнительного комитета, обеспечившие перевыполнение плана по сбору урожая пшеницы и ржи на 11,6 процентов.

Также можно отметить Юрия Нестеровича Дреус, возглавлявшего совхоз «Бейский» более 10 лет. До начала войны Ю.Н. Дреус работал главным специалистом министерства сельского хозяйства Украинской Советской Социалистической Республики. Затем был осуждён на 10 лет по ст. 58 «антисоветская деятельность». Отсидев 10 лет, он в 1951 г. стал работать зоотехником в подсобном хозяйстве того же лагеря, где он отбывал срок, а затем был направлен директором овцесовхоза «Бейский». Позже он много лет работал начальником управления сельского хозяйства Алтайского района.

Начиная с 1960-х гг. XX в. сельское хозяйство района претерпело значительные изменения. Постепенно колхозы стали преобразовываться в советские хозяйства (совхозы). Начался процесс деколлективизации не только в районе, но и в стране. Если на других территориях страны колхозы сохранились, то в Хакасии, в т.ч. в Бейском районе, они исчезли к 1970 г. При этом, как в годы коллективизации, у колхозов безвозмездно забрали всё, что они построили за почти 40-летнюю историю своего существования – животноводческие помещения вместе с животными, мастерские вместе с техникой и все объекты соцкультбыта. Возводили эти объекты колхозники на свои заработанные деньги, так как последние являлись собственностью колхоза, т.е. каждого из них. Но государство вновь оставило крестьян только с тем, что у них было в личном подсобном хозяйстве. Большинство колхозников области вошли в состав совхозов, так как им обещали вовремя выплачивать гарантированную заработную плату (в колхозе надо было её заработать) и нормированный рабочий день.

Но были случаи в Хакасии, когда колхозники отказывались «добровольно» вступать в совхоз. Члены колхоза «Заветы Ильича» (председатель Архипкин Н.И.) с Будёновка, отказались вступить в совхоз. Потребовали возместить им стоимость всех объектов, возведённых за счёт колхозных средств. Как говорят свидетели тех событий, бывший главный бухгалтер колхоза Френдак Емельян Степанович, ветеринарный врач колхоза Мария Николаевна Егумнова, жена председателя Валентина Григорьевна, собрание о вступлении в новое хозяйство шло три дня. Для того, чтобы уговорить колхозников вступить в колхоз, к ним приехал начальник областного управления сельского хозяйства и первые лица района. И только когда людям пообещали вернуть деньги со счётов в банке, колхозники сдались. Им вернули 1200 рублей (в то время автомобиль «Жигули» стоил 5 тыс. рублей).

В общем объёме производства сельскохозяйственной продукции район всегда занимал лидирующее место в Хакасии. Так, по объёму производства зерна в 1961-1965 гг. район занял третье место в области после Боградского и Ширинского районов, а по урожайности зерновых с одного гектара был на первом месте. По области за седьмую пятилетку урожайность зерновых составляла 5,8 центнера с гектара, а по Венскому району она равнялась 7,1 центнера с одного гектара.

По итогам восьмой пятилетки урожайность зерновых по области составляла 11,5 центнеров с гектара, а по Бейскому району – 13,4 центнера. По росту урожайности район по Хакасии вышел на второе место. И до 1990-х гг. район был стабильно вторым по урожайности зерновых и зернобобовых культур среди районов области. Наивысшего результата по урожайности этих культур район достиг в XII пятилетке (в среднем она была в те годы 16,6 ц с одного гектара).

Район находился в лидерах и по производству животноводческой продукции. Данные о поголовье скота в Бейском районе (тыс. голов) за 1940-2010 гг. приведены в таблице:

	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010
Всего по району животных	111,7	73,2	144,4	268,6	285	255,1	38,8	72
По Хакасии общее количество	675,9	590,2	1146,3	1681,2	1864,6	2006,6	344,8	409,5

Раздел II. История Сибири

В % по району от общего числа животных по Хакасии	16,5	12,4	12,5	15,9	15,3	12,7	11,2	17,5
---	------	------	------	------	------	------	------	------

От каждого вида животных в районе добивались высокой продуктивности. Если средний удой от одной коровы по области в 1960 г. был 2036 литров, то по Бейскому району этот показатель был равен 2072 литра. В 1970 г. надой от коровы превышали областные показатели на 0,5 %. В 1985 г. они были больше уже на 2%, а в 1989 г. на 4,6 процента.

Особенно высокие показатели были в овцеводстве. Так, средний настриг шерсти с одной овцы по области в 1960 г. был 3,1 кг, в то время как по Бейскому району он равнялся 3,2 кг. В 1979 г. областной показатель по настригу шерсти с одной овцы был превышен на 200 грамм, в 1985 г. – на 100 грамм. Но в 1989 г. он был на 400 грамм ниже областного показателя. Это объясняется тем, что был засушливый год для района. В таблице представлены данные о продуктивности животных в 1960 – 2010 гг.:

Показатели (кг)	1960	1970	1979	1989	2000	2010
Надой на одну корову по району	2072	2294	2123	2747	1143	2714
Надой на одну корову по области (республике)	2036	2281	2133	2626	1980	2563
Настриг шерсти с одной овцы по району	3,2	3,5	3,7	4,0	3,1	2,0
Настриг шерсти с одной овцы по району по области (республике)	3,1	3,5	3,9	4,5	4,1	1,7

Снижение настрига шерсти с одной овцы в последние годы объясняется тем, что шерсть стала не востребована и большую часть поголовья не стригут.

В районе умело использовали механизмы и машины. Выработка на один зерновой комбайн в 1960 г. составлял 246 га за сезон, тогда как по области она равнялась 172 га, а по Красноярскому краю 188 гектара. В 1965 г. этот показатель снизился до 200 га, но это было выше, чем в среднем по области на 26,5 % и больше, чем по Красноярскому краю на 9,2 процентов.

Как и все труженики области, работники сельского хозяйства Бейского района стремились снизить производственные затраты на продукцию полей и ферм. Себестоимость одного центнера зерна по району составляла в 1970 г. 5,4 рубля, по области – 5,6 рубля, по краю – 5,8 рубля.

Себестоимость одного центнера картофеля в том же году составляла по району 6,7 рубля, что ниже областного показателя на 26,3 процентов, краевого показателя на 4,3 процента. Сравнительные данные по себестоимости производства одного центнера сельскохозяйственной продукции в 1970, 1975 гг.¹⁴ приведены в таблице:

Вид продукции	Территория	1970 г.	1975 г.
Зерна	По району	5,4	5,9
	По Хакасии	5,6	8,6
	По Красноярскому краю	5,8	6,7
Картофеля	По району	6,7	12,2
	По Хакасии	9,1	13,1
	По Красноярскому краю	7,0	8,5
Привеса крупного рогатого скота	По району	115,9	174,2
	По Хакасии	131,5	191,5

	По Красноярскому краю	123,8	159,6
Молока	По району	20,9	34,6
	По Хакасии	22,8	36,2
	По Красноярскому краю	21,4	27,5
Шерсти	По району	340,6	54,2
	По Хакасии	387,7	575,6
	По Красноярскому краю	384,7	537,9

Постепенно район начинает увеличивать объёмы производства продукции полей и ферм. Так, площадь посевных площадей за последние пять лет выросла почти на 2000 га и составляет сегодня 7382 га. Вырос валовый сбор зерна с 4,2 тыс. тонн за 2008 г. до 29,5 тыс. тонн в 2012 г. Объём производства мяса вырос за последние пять лет почти в 4 раза и достиг 12,2 тыс. тонн в живом весе. Растёт производство молока – и в 2012 г. ожидается его производство более 35 тыс. тонн, что больше уровня 2008 г. почти в полтора раза. В 2008 г. было 36 крестьянских (фермерских) хозяйств, в 2012 г. их стало 147.

Таким образом, можно сказать, что в истории района есть и время экономических подъёмов и спадов. В настоящее время район вновь увеличил объёмы производства сельскохозяйственной продукции. В этом немалая заслуга не только руководителей района, но и рядовых тружеников.

2012

Примечания:

¹ Архив города Минусинска (АГМ). Ф.34 О.1 Д.292. Л.4

² Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии // Живая старина. - Вып. 4. -Спб., 1893.

³ АГМ. Ф.142. О.1. Д.270 Л.21

⁴ АГМ. Ф.115. О.1. Д.30а Л.19

⁵ АГМ. Ф.254. О.1. Д.105 Л.11

⁶ АГМ. Ф.24. О.1. Д.109 Л.10

⁷ АГМ. Ф.24. О.1. Д.48 Л.24

⁸ Бейская земля глазами современников: Очерки и воспоминания. Часть первая / составители А.Т. Конытов. - Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С. 118.

⁹ Там же.

¹⁰ ГКУ РХ «Национальный архив» Ф.39. О.1 Д.405 Л.16

¹¹ Там же. Ф.39. О.1 Д.301 Л.115

¹² Очерки истории Хакасии советского периода. Хакасская книжное издательство. Абакан. -1963. – С. 230

¹³ «Саянская заря». 23 июля 1994 г. № 72 (7093), учредители: Администрация Бейского района и коллектив редакции газеты «Саянская заря». – С.2

¹⁴ Статистическое управление Красноярского края. Основные показатели развития сельского хозяйства района Красноярского края за.1960-1965 гг. Стат. сборник г. Красноярска. 1966.-С. 269-286.

А.П. Шекшеев,
г. Абакан, Республика Хакасия

Первая революционная власть в Минусинском уезде (март – июнь 1917 г.)

Являясь следствием военно-политического и финансово-экономического кризиса монархического строя, «великая русская революция» всколыхнула сибирскую общественность, оказавшую ей поддержку прежде всего путём организации новой власти. Создание, деятельность и судьба первых революционных органов в Минусинске и уезде уже освещались как очевидцами, так и историками.¹ Однако в силу идеологических пристрастий авторов, незначительности их исследовательских экскурсов эта тема так и не стала объектом широкого и основательного, а где-то и объективного изучения. Необходимое с этой целью освещение личностей революционной власти является далёким от завершения. Советская власть не была заинтересована в предоставлении биографических сведений о загубленных ею деятелях революции – представителях политических сил, с которыми большевики вели ожесточённую борьбу.

Между тем происходивший здесь общий для Сибири революционный процесс был полон дра-

матизма и сложностей, познание которых углубляет историю, делая её поучительной для следующих поколений российской демократии.

Организация новой власти в Минусинске произошла по инициативе политической ссылки и проходила под её руководством. Получив известие о революционном перевороте в столице, её лидеры меньшевик В.К. Иков,² эсер П.Я. Быховский³ и большевик А.П. Голубков,⁴ посоветовавшись с местными общественными деятелями, 3 марта 1917 г. созвали совещание, ставшее первым заседанием Минусинского комитета по охране общественного спокойствия, куда кандидатами были предложены представители различных политических партий, священнослужители, должностные лица и др. На заседании этого органа, через два дня переименованного в комитет общественной безопасности, было решено издавать бюллетень, создать специальную группу по распространению воззвания «с разъяснением населению смысла совершающихся событий», сформировать народную милицию и организовать сбор денежных средств для организации охраны города.⁵

На следующий день в Минусинске состоялся митинг общественности, насчитывающий тысячу участников. Собравшиеся избрали КОБ, члены которого, в свою очередь, создали исполком с председателем – исполняющим обязанности городского головы П.А. Баховым, его товарищем (или заместителем) – священником Ф. Горбуновым, секретарём – М.И. Хачатуровым и членами – Р.И. Зефириным, Я.И. Шомесовым, И.Г. Сафьяновым, Н.Я. Быховским и В.К. Иковым. Тут же комитет направил делегацию к освобождённой из ссылки и отъезжавшей из Минусинска «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. Члены её выразили от населения «чувства восхищения перед её стойкостью в защите интересов народа».⁶

С целью окончательного упразднения прежней власти Минусинский КОБ постановил подвергнуть аресту жандармского ротмистра, агентов его управления и прапорщика местной команды, который занял выжидательную позицию. Вместо арестованного капитана Шашина начальником гарнизона и комендантом города был назначен член КОБа В.Ф. Цявловский, а начальником организуемой милиции – бывший юрист, сосланный за участие в революционном движении на Черноморском торговом флоте, М.П. Адамович. В то же время комитет решил отметить переход к республиканскому правлению проведением митинга с молебном и парадом войск гарнизона и милиции.⁷

Особенностью организации власти в Минусинском крае, по мнению очевидца, являлось создание не только городского, но и уездного комитета. Одновременно, 4-5 марта, на съезде уполномоченных потребительских обществ Минусинского уезда под председательством бывшего политического ссыльного и агронома И.П. Бедро⁸ был сформирован уездный комитет, тут же получивший финансовую поддержку от кооперации. В него вошли от потребительских обществ И.И. Аланов, Т.И. Савенков и от Союза кредитных товариществ М.А. Агуф⁹ и Е.Д. Добров.¹⁰

Организация уездного КОБа и наличие в нём местных общественных деятелей объяснялись современниками боязнью общественности анархии, потенциальным источником которой могла стать политическая ссылка, и доверием населения к своим лидерам. Существование этого органа было признано на заседании городского КОБа, а пятеро его членов приглашены в состав этого органа. Уже 7 марта уездный КОБ известил городской орган о командировании активистов для организации в уезде волостных и сельских комитетов.¹¹

Но такие поездки не всегда заканчивались положительным исходом. Собравшись в волостном правлении, около 100 жителей с. Восточенского спокойно встретили известие приехавшего пристава З. Тетюхина о падении самодержавия и обещали поддержку новому правительству. Но затем несколько пьяных лиц, в прошлом отбывавших наказание в тюрьме, избili должностное лицо.¹²

Согласно более поздним воспоминаниям большевиков, в Минусинске складывались три центра влияния на общественно-политическую жизнь. Освобождёнными политическими ссыльными и местными общественными политиками формировался «союз защиты завоеваний революции», состоявший из представителей либеральной интеллигенции, зажиточных слоев и домовладельцев. Марксисты организовывали рабочих и солдат, а крестьянство группировалось вокруг уездного КОБа и кооперации.¹³

Созданные же общественностью КОБы представляли собой коалиционные органы, объединявшие весь спектр местных политических сил от кадетов до большевиков. Так, появившаяся группа РСДРП в составе 40 членов и под руководством большевика Ю.П. Гавена¹⁴ уполномочила

присутствовать на заседаниях КОБа того же Гавена и Р.Г. Рамишвили. 5 марта в городской комитет явилась делегация из пяти солдат, в частности И.Е. Карпова, П.Ф. Безматерных, объявившая о поддержке гарнизоном власти Временного правительства. Они также были введены в его состав. Среди городских комитетчиков находились кадет П.А. Бахов, народные социалисты Р.И. Зефилов, В.И. Кузьмин и И.Я. Чибизов, эсерка Л.Н. Злобина-Ядринцева, а также большевики К.И. Адосинская и А.П. Голубков. Кроме социалиста-революционера М.А. Агуфа, исполнявшего обязанности секретаря, членом уездного КОБа являлся представитель ПСР Е.Д. Добров. К его работе были привлечены и представители коренного населения: кадет И.И. Аланов, народный социалист И.М. Барашков и эсер И.И. Тютюбеев.

В основном членами комитетов стали представители интеллигенции. Так, к примеру, Аланов был кооператором, Голубков – врачом, Иков – банковским служащим, Назаров – учителем, Тропин – литератором, Хачатуров и Быховский – журналистами, а Чибизов – директором училища. Некоторые из них являлись блестящими ораторами, полемистами и владели литературным даром. Большинство же данных лиц, владея навыками революционно-подпольной работы, не имели способностей и опыта административно-хозяйственной деятельности. В то же время городской комитет, согласно характеристике очевидца, «отличался большим радикализмом, чем... уездный комитет», а его члены находились под постоянным прессингом со стороны революционных масс. Но скорее всего, им была характерна радикальность не столько в поведении, сколько в высказываниях и претензиях, эти политики не умели и договариваться.

Поэтому, несмотря на вызывающее поведение большевиков, политические разногласия вызревали в лоне самого Минусинского комитета. Как совершенно справедливо отмечал один из авторов, члены его уже 6 марта объявили о своей власти не только в городе, но и в уезде, а 12-го – заявили о том, что уездный КОБ является учреждением, подчиненным городскому комитету и играющим роль его исполкома по уездным делам.¹⁵

Однако ситуация требовала порой совместных усилий обеих комитетов. Революция вместе со стремлением к демократическим преобразованиям вызвала в обществе и нетерпение, переходящее в бунтарские настроения. 7 марта в Минусинске распространились слухи о «брожении» среди ожидающих правительственной амнистии заключённых местной тюрьмы. Назначенные комиссары выявили их тяжёлое положение. На следующий день КОБ с целью его улучшения направил в распоряжение начальника тюрьмы денежную сумму, запросил соответствующие органы о снабжении её дровами и мукой. Мировым судьям было предложено явиться в город для пересмотра некоторых дел. Докладывая на заседании КОБа 10 марта о переполненности тюрьмы и антисанитарии в ней, лица, посетившие её, ходатайствовали об увеличении арестантского пайка, улучшении медицинского обслуживания заключённых, а также об изыскании денежных средств, которыми необходимо было наделить 150 арестантов, амнистированных и вышедших на свободу. В связи с просьбой, полученной от них, КОБ ходатайствовал о снятии кандалов перед министром юстиции А.Ф. Керенским.¹⁶

Минусинский комитет продолжал свою организацию: 12 марта оформилось его Исполнительное бюро, состоявшее из семи членов (М.А. Агуф, П.А. Бахов, Ф. Горбунов, Р.И. Зефилов, И.Г. Сафьянов, Я.И. Шомесов, А.Д. Яковлев) и трёх кандидатов (А.П. Голубков, В.И. Кузьмин и А.Г. Шустер). Распространялись комитеты и в селениях уезда, в частности в с. Ермаковском, д. Ильинской и в хакасских местностях – в с. Усть-Абаканском и Верх-Аскизе. 9 марта общее собрание жителей с. Каратуз избрало КОБ в составе 12 членов, а 10-го – его председателем стал инспектор училища А.А. Мильчаков и начальником милиции – сельский староста Т.И. Мосин. Для нужд местной власти население собрало по подписке денежные средства.

Вопреки усилиям черносотенцев, избранный 12 марта комитет в с. Каптыревском возглавил политический ссыльный и эсер В.С. Карцев. КОБ тут же, отыскав необходимые денежные средства и медикаменты, постановил открыть приём больных в местную лечебницу. Созданный в с. Субботино комитет объявил борьбу с хулиганством, а в с. Шунеры – собрал и отправил в адрес Временного правительства денежные средства. Общим собранием населения д. Абакано-Заводской и рабочих Абаканского железодобывающего завода был избран КОБ, состоявший из семи членов, в частности председателя политического ссыльного и социалиста-революционера П.Н.

Тарелкина.¹⁷ Комитетчики решили открыть потребительскую лавку, создать милицию, установить контроль за ценами и продуктами, а также повели борьбу с самогонварением.

Сложнее оказалось оформить новую власть в казачьей станице Таштып. Сообщение об отречении царя здесь стало известно ещё 7 марта, а 9-го – газета с этой информацией зачитывалась на общем собрании населения. На станичном сходе 13 марта иногородние по этому поводу ликовали, казаки же сомневались в возможности «жизни без царя». Накануне волостного схода, должного избрать КОБ, разночинцы и казаки провели собрания по выдвижению кандидатов. В комитет были избраны 11 лиц, в основном представлявших казачье сословие, в т.ч. председателем – И.М. Кузьмин. Ими была создана милиция, приняты меры по выявлению огнестрельного оружия и самогонных аппаратов. Но уже 26 марта группа разночинцев и крестьян, которые сочли, что в КОБ и милицию прошли «недостойные лица», по инициативе местного священника и под председательством А.И. Олфимского начала борьбу с «тёмными силами».¹⁸

Большинство населения встретило революцию с воодушевлением и высказывалось в поддержку новой власти. К примеру, на состоявшемся 19 марта в с. Тесь женском собрании учительница поздравила собравшихся как участниц первого революционного мероприятия. Они избрали двух представительниц в КОБ. Проходившее в тот же день в с. Моторском собрание общества потребителей приветствовало «зарю свободы», а 23-го – послало телеграмму в адрес Государственной думы с заверением в преданности Временному правительству. Курагинский комитет отправил приветственную телеграмму в Петроград. Жители д. Ильинской собрали для нужд армии денежные пожертвования.¹⁹

Справившись с организацией КОБов в некоторых селениях, уездный комитет приступил к реорганизации правоохранительных органов. 14 марта он постановил упразднить уездную и городскую полицию, начальнику городской милиции Адамовичу, назначенному через день еще и уездным комиссаром милиции, принять дела управлений. 16-17 марта он вместо уволенных полицейских набрал для охраны порядка в Минусинске 15 пеших и 6 конных милиционеров. Состоявшееся следом их собрание постановило ускорить процесс организации оплачиваемой милиции в городе и уезде.²⁰

Наряду с усилением значимости уездного КОБа в политической жизни региона, налаживалась и деятельность местных большевиков, сосредоточивших свои усилия на работе среди солдатских и рабочих масс. Ещё 11 марта члены большевистской фракции IV Государственной думы Н.Ф. Шагов и Ф.Н. Самойлов посетили местную команду, после чего солдаты вручили им наказ защищать их интересы. Но уже вскоре военнослужащие гарнизона приняли присягу правительству, а члены КОБа озаботились обеспечением их бельём, одеждой, сапогами, медпомощью и литературой. Для солдат, приезжающих домой, дамский комитет подготовил помещение, начальнику милиции было предписано выдавать отпускникам открытые листы для бесплатного проезда.²¹

15 марта 1917 г. в Минусинске состоялось первое заседание совета рабочих и солдатских депутатов, избранного из 23 представителей от рабочих, 5 – от солдат и по 2 – от социалистических партий. Его участники создали исполком (М.А. Агуф, Ф.А. Герасимов, А.П. Голубков, Л.Н. Злобина-Ядринцева, И.Е. Карпов, А.Х. Фокин и С.Г. Эйдеберидзе), продовольственную комиссию и делегировали трёх своих представителей в городской КОБ. На первом заседании исполкома, 17 марта, избравшего своим председателем эсера Агуфа, было решено открыть биржу труда и издавать газету «Известия». Несмотря на то, что рабочие массы города в это время ещё шли за эсерами и меньшевиками, большевикам удалось провести в совдеп нескольких членов, а избранный в состав исполкома Голубков вскоре стал товарищем председателя.²² Следом были организованы советы рабочих и солдатских депутатов на рудниках «Юлия», «Улень» и «Богомдарованный».

С самого начала своей деятельности КОБы были вынуждены сотрудничать между собой и советами. Так, когда просушка заготовленного интендантством для армии хлеба, порученная продовольственной комиссией совдепа, не удалась, то уездный КОБ решил взять продовольственное дело в свои руки, подключив к нему кооперацию.²³

Заслушав телеграмму министра юстиции об амнистии уголовным преступникам, члены городского и уездного комитетов 21 марта решили с целью их освобождения командировать в тюрьму специальную комиссию в составе работников прокуратуры и комиссаров, а также выделить для

поддержки данных лиц 3 тыс. рублей. Через день из Минусинской тюрьмы были освобождены 220 заключённых, а ещё 26 – готовились к выходу на свободу. Комиссия снабдила их некоторым количеством одежды и обуви. Более мягкими становились отношения комитетчиков и с лицами, продолжавшими находиться в заключении. Например, по заявлению заключённых, которые дали слово вести себя спокойно, в тюрьме было разрешено на три дня празднования Пасхи держать камеры открытыми.²⁴

Совместно с советом решал некоторые вопросы и городской КОБ. Так, их члены приняли «Положение о примирительных камерах рабочих», которое должно было регулировать трудовые споры между работодателями и работниками. В соответствии с ним, совет получил право контролировать деятельность камер.

Особенностью в деятельности сибирских комитетов являлось оказание помощи амнистированным каторжанам. Получив 22 марта решение Иркутской тюремной инспекции, повторяющее приказ по министерству внутренних дел о расселении освобождённых каторжников, занятых на строительстве Усинской колесной дороги, Минусинский КОБ создал комиссию по их устройству и послал в район их нахождения комиссаров. 11 апреля комитетчики запросили на нужды бывших каторжан в инспекции из 39 тыс. руб. доходов Усинской дороги перевода в сумме 9 тыс. рублей.

Первые амнистированные каторжане появились в Минусинске, где им были предоставлены временное жильё и пожертвования. Многие из них изъявили желание провести отпуск в родных местах. Не имея возможности следить за поселенцами и наблюдая обеспокоенность населения, Минусинский КОБ охотно ходатайствовал перед Временным правительством о возвращении их в родные места, а 24 апреля постановил выдать им паспорта с правом проживания по всей России. Однако губернский комиссар заявил о возможности выезда данных лиц за пределы подведомственной ему территории только после отбытия трёхлетней ссылки и предложил начальнику уездной милиции принять меры по их трудоустройству. На 26 апреля в Минусинском уезде были размещены 596 амнистированных.

Вместе с тем запрошенные в Иркутской тюремной инспекции денежные средства в распоряжение Минусинского комитета так и не поступили, а пожертвования от мусульманской общины, Сибирской компании, общества потребителей, торгового дома Смирнова, товариществ Ивановых и Вильнеров, различных частных лиц были целиком истрачены на путевое довольствие амнистированных и содержание специального пункта, предназначенного для их ночлега и питания. Поступившие от населения одежда, обувь и продукты комиссия распределила между нуждающимися. Отсутствие надёжного и постоянного финансирования осложняло деятельность КОБа по размещению амнистированных и их нахождение в Минусинске. Поэтому в мае-июне 1917 г. некоторые бывшие каторжане, воспользовавшись разрешением военных властей и бесплатным проездом, отправились на службу в Сибирские запасные полки, дислоцированные в Ачинске.²⁵

Очередной акцией большевиков, ведущей к конфронтации с КОБом, стала их попытка обрести контроль за милицией. 26 марта в Минусинске состоялось собрание, на котором из 80 её членов присутствовал 31 человек. Они единогласно приняли предложение большевика Гавена избрать комиссию из трёх человек, которые, пополнившись двумя представителями от гарнизона, должны были заняться формированием новой милиции.²⁶

Ещё одним делом, общим для минусинских властей, стали учёт и переоценка стоимости имевшихся в местной торговле товаров. Они были вызваны недовольством и возможными эксцессами со стороны населения, возбуждённого слухами о залежах довоенных и дешёвых товаров, а инициированы – общим собранием гарнизона. 9 апреля была создана комиссия по нормированию цен на товары, в которую вошли по три представителя от совдепа и гарнизона, КОБа и владельцев магазинов, один – от продовольственного комитета и пятеро – от общества приказчиков.

Владельцы магазинов не смогли предоставить комиссии оправдательных счетов по закупке некоторых товаров, а покупательная цена на них колебалась. Поэтому её члены решили снизить цены на товары без счетов на 75 и на предметы роскоши – на 30 %. Закрытию подлежали магазины французского подданного Штеблера, продававшие охотничьи ружья и припасы по высоким ценам. Осуществив эту работу в магазинах Смирнова, частью у Савельева, Вильнера, Калнина и Рогозинского, комиссия постановила во избежание возможного психоза толпы и скупки населе-

нием товаров открыть все торговые точки сразу. Приказчикам было указано продавать дешёвую мануфактуру в ограниченных размерах.²⁷

Население ещё положительно воспринимало революционные преобразования и поддерживало местные органы власти. Его, например, привлекали открытые заседания Бейского волостного КОБа и организуемые им общие собрания. Жители и местная колония ссыльных сочувственно относились к уволенному без содержания старейшему в губернии приставу Зудину, который не был «держимордой» и «лихоимцем». Напротив, сдерживаемые милицией толпы народа требовали немедленной расправы над виновным в хищениях и присвоении посылок в армию начальником почтового отделения. В ряде местностей основная деятельность комитетов заключалась в борьбе с самогонварением. Прекращение деятельности винокуренных заводов, например, наблюдалось в с. Табат, Иудино и Салба. По настоянию уважаемого инородцами Усть-Уйбатского КОБа уничтожению подверглись до сотни самогонных аппаратов.

Выступая за созыв Учредительного собрания и войну до победного конца, собрание бывших солдат с. Шушенского 9 апреля решило оказать содействие местному КОБу, переизбрать должностных лиц и организовать сельскую милицию. Со времени образования комитета село, как пишет очевидец, «переродилось»: в праздник не стало видно пьяных и хулиганов, а население, справив обедню, отправлялось в школу или на собрание. Жители добровольно доставили закупленный интендантством хлеб на пристань. Позднее состоявшийся под председательством бывшего члена Государственной думы С.А. Ермолаева сход охотно откликнулся на его призыв приобретать облигации государственного займа свободы.²⁸

Однако вскоре появились первые признаки противоречий в деятельности комитетов, избранных на местах, и вышестоящей власти. Так, Григорьевский волостной КОБ, в составе которого находилось много политических ссыльных, призвал население не платить подати Временному правительству и предложил властям соседних территорий следовать его примеру. Городской и уездный КОБы были вынуждены довести до сведения его членов о недопустимости и незаконности такого поведения. Обеспечение городской продовольственной управы дровами стало возможным лишь после переговоров между минусинскими властями и Мало-Ничкинским КОБом. В интересах местной группы лиц начал действовать и Абакано-Заводской комитет, разоруживший стражу Алтайского лесничества.²⁹

Впоследствии ослабление лесной стражи привело к массовым пожарам. Она и сторожа были бессильны бороться с возгораниями, возникшими в Минусинском лесничестве. 14 апреля начался пожар в Синявинских лесных дачах, перекинувшийся и угрожавший постройкам Николаевского прииска. Пожар стих только с организации встречного пала и с начавшимся дождём, оставив выгоревшую площадь в тысячу десятин. Но 5 мая горел лес уже в районе Михайловского рудника. Более того, вследствие так и не выявленных причин, 15 и 17 апреля случился пожар в Минусинской тюрьме: горели дома её администрации, фельдшера и надзирателей.³⁰

18 апреля 1917 г. в Минусинске отмечали праздник трудящихся – 1 мая (по н. ст.), в разработке церемониала которого участвовали комитет и исполком совдепа. Празднование прошло под лозунгами «Долой войну», «Вся власть советам» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Демонстрации были проведены на рудниках и копах, ст. Абакан. В ходе этих торжеств на руднике «Юлия» случился конфликт между рабочими и администрацией. Рабочий комитет взял управление производством в свои руки, а Минусинский совдеп одобрил его действия. При новом рассмотрении вопроса о рудниках «Юлия» и «Улень» он решил принять их в своё ведение. Но, встретив сопротивление в лице министра труда, местных эсеров и столкнувшись с трудностями по руководству производством, совдеп был вынужден согласиться на восстановление старой администрации. Не удалось совдепу и продать находившуюся на рудниках медь.

Рабочие Калягинских угольных копей 1 мая не вышли на работу и организовали митинг. Когда же администрация уволила некоторых из них, то совдеп потребовал их восстановления и соблюдения 8-часового рабочего дня. Однако кое-где праздник отмечался в прежних традициях. Очевидец с иронией писал в газету, что в этот день, например, каратузские «противники» самогонки «уничтожали» её до бессознательного состояния.³¹

В Минусинске становилось всё больше бывших фронтовиков, раненых или увечных, которым

требовалась государственная поддержка. Потеряв надежду получить её в кратчайшие сроки и озлобившись, эти лица начали организовываться. 12 апреля состоялось первое собрание увечных воинов численностью в 60 человек, на котором прозвучал призыв большевика Г.В. Лебедева³² к объединению всех жертв войны, а 27-го – под его председательством оформилась Минусинская организация Союза. Присутствующие избрали представителей в состав совдепа и городское самоуправление. Начавшееся с просьбы к центральным властям о передаче «капиталов» дома Романовых на нужды Союза и оказание помощи семьям погибших на войне, очередное собрание увечных воинов, перейдя к обсуждению вопроса о лицах, укрывавшихся от воинской службы, превратилось, как пишет газетчик, в «море гнева». Сопровождая свои выкрики взмахами костылей и стуком деревяшек, выступавшие потребовали от властей ускорить проверку призывников, получивших отсрочку, и допустить к этой работе представителей Союза.³³

Вспоминая происходившее тогда, большевики считали, что городской КОБ являлся «иллюзией, призраком революционной власти и органом буржуазии».³⁴ Более правильными были суждения тех очевидцев, которые считали, что к этому времени он, разрушив старый порядок и оказавшись под завалом мелких дел, стал властью, неспособной к созиданию нового. С целью завоевания большего доверия со стороны населения губернский комитет решил на косметический ремонт своих нижестоящих органов. Циркуляром Красноярского Соединенного Исполнительного бюро от 26 марта 1917 г. предлагалось переизбрание их по новой схеме. 16 апреля в состав нового КОБа городским населением были избраны 37 членов.

20 апреля состоялось совместное заседание старого и нового составов КОБа, на котором прежний комитет сложил свои полномочия, а вновь созданный – тут же поднял вопрос о распространении своей власти на территорию уезда. Однако этому воспротивился председатель уездного КОБа Бедро, заявивший о том, что Минусинский комитет, избранный лишь горожанами, не имеет права управлять уездом с его многотысячным крестьянством, которое к созданию данного органа отношения не имело. Комитетчики отвергли предложение одного из своих товарищей о вводе 10 представителей в уездный КОБ и последующем упразднении городского комитета. После же сообщения Бедро о назначенном на 13 мая открытии уездного крестьянского съезда, должного избрать собственную власть, они решили этот вопрос на время оставить открытым и «продолжать работу и свои отношения с уездным комитетом на прежних основаниях». В тот же день было образовано Исполнительное бюро, состоявшее из семи членов и президиум в лице председателя – того же Бахова, товарища председателя – И. А. Комарихина и секретаря – Я.И. Фреймана.³⁵

Отчитываясь перед Минусинским комитетом 22 апреля, Бедро рассказал о том, что за два месяца существования уездного КОБа, работавшего в «тесном контакте» с городским органом и решавшего множество «городских» вопросов, 12 его представителей с разъяснениями побывали в 91 селении. Убеждая местные общества не ломать старое управление там, где они были не в силах сразу организовать новое, данные лица оказали помощь в организации ряда волостных комитетов. Когда же он доложил, что при наличии в уезде 35 волостей с 375 населёнными пунктами сеть созданных КОБов охватила 21 волость и 168-169 селений, то комитетчики вновь заявили о необходимости сосредоточия власти в городе и уезде в руках одного комитета и решили делегировать в уездный КОБ своих представителей.³⁶

Дело дошло до того, что ранее состоявшееся избрание правления Минусинского кредитного товарищества во главе с Бедро по заявлению его 100 членов было признано незаконным и подлежащим переизбранию, а поведение его самого – рассмотрению мировым судьёй.³⁷

В данной ситуации лиц среди комитетчиков, которые бы занимались конкретной помощью нуждающимся минусинцам, было немного. За два месяца, прошедших после решения властей о создании продовольственного комитета, он так и не был сформирован. 29 апреля в третий раз состоялось общее собрание Торгового продовольственного комитета, на котором из 25 его членов присутствовали 13 человек. Они, наконец, сконструировали этот орган в составе пяти членов, вскорости должных сложить свои полномочия в пользу городской думы. Поэтому, когда власти были вынуждены озаботиться положением такой слабо защищённой категории населения, как солдаты, то ограничились обещаниями и обращениями.³⁸

Несбывшиеся ожидания начали выталкивать на политическую арену и сельских маргиналов, которые повели борьбу за власть. К примеру, в с. Каратуз, где комитетчики отличались «дружной и плодотворной» работой, а население посещало их заседания, слушало чтение газет, телеграмм и обменивалось мнениями, «тёмные силы» повели закулисную агитацию. В результате КОБ распался, а жители разделились на «коренных» и «разночинцев». Работавший на оборону Абаканский завод стал пристанищем бежавших от призыва в армию военнообязанных, которые создавали здесь нездоровую обстановку. Вследствие слабого оповещения КОБ в с. Шалаболино, где насчитывалось 2 тыс. жителей, был создан сходом в 150 человек. При этом в его состав, а затем и председателем волостного комитета было избрано лицо, чья трансформация в «большие начальники» вызвала протесты местных крестьян.

Избранные в комитеты лица зачастую оказывались людьми юридически неграмотными. Подменяя судебные органы, они принимали решения, которые дискредитировали власть. Так, Бейский КОБ за кражу пилы и самовольное оставление тюрьмы арестовал на девять суток одного из жителей, что было признано вмешательством в дела волостного суда. Местное население с разрешения комитета и при поддержке мирового судьи использовало под посев отведённые землеустроителем и обработанные земли иудинских крестьян. Незаконное решение по гражданскому делу принял и Табатский КОБ. С прибытием фронтовиков Бейский комитет с его «примиренческой позицией» был переизбран. Ставшие во главе КОБа, солдаты прекратили публичные чтения и собеседования по праздничным дням и вскоре арестовали, отправив в тюрьму, лесника и помощника кондуктора.

Борьба за власть развернулась и в Таштыпе. Она была обусловлена тем, что казаки, боявшиеся изъятия земель и уравнивания в правах с крестьянами, не хотели, чтобы в КОБ попали «разночинцы». Комитет, созданный сначала, оказался организованным «неправильно», второй был «незаконным», третий признавался «правильным», но его также переизбрали. Возбуждённые выборами, проходившими во время посевной, крестьяне во избежание скандала покинули собрание и избрали свой орган. В свою очередь, состоявшийся 24 апреля волостной съезд признал этот комитет недействительным и назначил новые выборы. В тот же день «старые заправилы» вызвали представителей из окрестных деревень с целью досрочного избрания КОБа. Но прибывший из посёлка Абаканского завода председатель местного комитета и, как его потом называли местные недоброжелатели, «проходимец» Тарелкин организовал митинг, на котором, подвергнув всех комитетчиков за их «грызню» критике, подчинил себе собравшихся и осуществил организацию волостного комитета.³⁹

В этих условиях большевики, уже нацелившиеся на захват власти, усилили свои действия по завоеванию Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов. Создав «Рабочий клуб», они с 9 апреля стали выпускать газету «Товарищ», в которой пропагандировали свои идеи. Данная агитация и руководящая роль в профсоюзах позволили большевикам 25 апреля на перевыборах исполкома совдепа оказаться во главе этого органа. Избранными являлись социал-демократы Адосинская, Герасимов, Карпов, Педаяс, Пфафродт и Южанин, эсеры Добров, Злобина-Ядринцева, Козлов и Комарихин. Из них Адосинская, Добров, Карпов, Козлов, Педаяс, Пфафродт и Южанин были избраны членами бюро, а остальные – кандидатами. Вместо эсера Агуфа председателем совдепа сначала стал большевик Г.И. Пфафродт⁴⁰, а с его отъездом – Гавен.⁴¹

С этого времени отношения между комитетами и советом ещё более обострились. Вскоре совдеп, вопреки распоряжению командующего Иркутским военным округом, вынес решение не посылать солдат в маршевые роты, направляемые на фронт, и оставить их для укрепления местного гарнизона. Согласно воспоминаниям очевидцев-большевиков, после этого в Минусинск для судебного разбирательства над членами совета прибыл военно-полевой суд с официальными лицами. Но заявление опиравшегося на гарнизон совдепа о снятии ответственности за сохранность жизни данных лиц заставило их удалиться.⁴²

Начавшиеся следом события, обусловленные разочарованием общества в результатах революции, его озлобленностью и большевистской агитацией, показали бессилие властей. Ещё 24 апреля освобождение из заключения получили 59 лиц, изъявивших желание поступить на военную службу. Но, оказавшись на свободе и сгруппировавшись вокруг убийцы и бывшего каторжника

М. Анисимова, они тут же потребовали отправки в армию тюремных надзирателей и начали их терроризировать. Речной мост, через который лица, служившие в тюрьме, возвращались в город, стал местом, где встречавшие их бывшие заключённые и солдаты приводили свои угрозы в реальность, используя даже режуще-колющее оружие. В первых числах мая несколько надзирателей «шайкой» Анисимова, Петрушина и Поварницына были избиты, ранены и задержаны. Служащие тюрьмы ожидали разгрома своего учреждения и расправы над собой.

Этот беспредел совпал с прибытием 2 мая пароходом нескольких сотен солдат-отпускников, которые сразу же внесли в местную среду «революционные настроения» и заставили Минусинск пережить «тревожные дни». Местным советом был организован в казармах митинг с участием солдат гарнизона. На нём было выдвинуто предложение арестовать бывших полицейских, «буржуев и кулаков военного возраста», окопавшихся в тылу и призывавших воевать «до победного конца», а затем отправить их на фронт. После того как председательствующий на митинге большевик Гавен санкционировал высказанное предложение от имени совдепа толпы солдат и примкнувших к ним местных хулиганов подвергли городскую управу обыску, избили, арестовали и сопроводили к начальнику гарнизона 15 в прошлом чинов полиции. Подвергнув аресту председателя КОБа, коменданта города и начальника милиции, митингующие создали «новое правительство». 3 мая состоялось объединённое заседание представителей общественных организаций и солдатских делегатов, которое решило передать власть в городе и уезде комитету общественной безопасности, совету рабочих и солдатских депутатов и комитету прибывающих солдат. Милиции и местной команде было указано взять охрану порядка в городе в свои руки и аресты без ордера коменданта не допускать, а тюремной администрации – закрыть камеры, прекратив свободное общение заключённых. Наконец, такая одиозная личность, как Анисимов, 4 мая была вновь заключена за тюремную решётку.

Будучи под впечатлением от этих событий и сдавая свои позиции, Минусинский КОБ в тот же день сменил неугодного большевикам начальника городской и уездной милиции и решил участвовать в создании Соединённого исполнительного бюро, оставив пятерых своих членов и введя в его состав столько же представителей от совдепа и по двое – от Союза увечных воинов и комитета прибывающих солдат. Комитет был вынужден не только поделиться своей властью с радикалами, но и указал на недопустимость поведения кооперативных организаций, сообщивших, минуя КОБ и совдеп, о событиях губернским властям.⁴³

Но конфликтная ситуация этими событиями не была исчерпана и приобрела вялотекущий характер. Наблюдались, к примеру, рецидивы погромных настроений: 5 мая толпа солдат, встретив учащихся городского училища, отмечавших праздник и торжественно возвращавшихся в город под знаменем учебного заведения, решила развлечься. Она отобрала знамя, возвращённое потом училищу милицией, и пыталась избить участников шествия.

Одновременно комитет общественной безопасности продолжал заслушивать участвовавшие требования большевиков, солдат и уступать их вмешательству в свои дела. Так, 11 мая он разбирался с обвинением солдатами городской управы в неправильной выдаче пособий их семьям, а 17-го – с заявлением 75 увечных воинов о замене местного гарнизона и Усинской полуроты ранеными и больными солдатами. Но, когда представители организаций увечных воинов и солдат стали вмешиваться в работу специального комитета по отсрочке призыва в армию и допустили угрозы в адрес его членов, то КОБ все же решился на защиту своих служащих. Комитет был дополнен созданной при милиции комиссией, должной преследовать уклонистов от военной службы, вооружил милицейских сотрудников наганами и призвал гарнизон к дисциплине.

Однако такие меры не способствовали улучшению обстановки: солдаты арестовали и избили гласного городской думы и в ночь на 31 мая забросали камнями квартиру, ранив минусинского обывателя. В конечном итоге КОБ счёл необходимым удалить представителей Союза увечных воинов из комитета по отсрочке, а совдепу расследовать их поведение.⁴⁴

Несмотря на усложнившуюся ситуацию, городские комитетчики продолжали обсуждать отношения с уездным КОБом. Ответным стал созыв собрания уполномоченных волостных комитетов, которые одобрили организацию нового уездного КОБа и Крестьянского союза.⁴⁵

На этом этапе борьбу за власть в уезде завершил проходивший в Минусинске 13-18 мая

уездный крестьянский съезд. Он выступил за создание коалиционного правительства с широким представительством народных масс, заявил о невозможности заключения сепаратного мира с немцами и призвал народ «к защите нашей свободы от всяких посягательств на неё, как изнутри, так и извне». Представители деревни высказались за социализацию земли, устранение крестьянских начальников, предоставили инородцам право создания собственного земства и наметили меры по борьбе с самогоноварением. Наконец, участники съезда избрали уездную земскую управу с функциями уездного КОБа в составе председателя В.С. Карцева и шести членов, а также крестьянский совет и представителей в уездный продовольственный комитет. На съезде завершилось неприятие местными властями назначения губернским комиссаром своего уездного представителя. Комиссаром Минусинского уезда стал П.Н. Тарелкин, а начальником его милиции – Т.И. Савенков.⁴⁶

Будучи недовольными таким исходом и деятельностью своей фракции на съезде, большевики 21 мая на заседании Минусинского совета рабочих и солдатских депутатов попытались вновь обсуждать вопрос об организации власти в уезде. При этом они не согласились поделить места в совдепе с крестьянским представительством.⁴⁷

Между тем, когда ситуация требовала объединённых усилий со стороны властей, то они, случалось, договаривались. К примеру, это произошло на соединённом заседании городского и уездного комитетов, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 20-21 мая, которое обсуждало меры по спасению леса, пострадавшего от пожара, от самовольных порубок. Было решено послать в районы возгорания необходимое количество конных объездчиков, милиционеров и подчинить лесную стражу избранным комиссарам – большевику Гавену, эсерам Павлову и Тютюбееву.⁴⁸

На селе, в отличие от Минусинска, где усилилась борьба за власть, комитетчики всё ещё пользовались авторитетом и были способны мобилизовать общества на сбор хлеба и денежных средств на нужды армии. В конце мая – начале июня жители с. Уджей, Сагайского, Дубенского, Восточенского, Малой Минусы, Малой Ини, Кочергино, Ново-Вознесенского, Ново-Троицкого и д. Ильинки пожертвовали на нужды армии хлеб и денежные средства. Встретив с негодованием предложение Григорьевского КОБа не платить подати, Лугавский комитет, во главе которого находился кривинский учитель И.Н. Катанов, организовал в волости подписку на заём свободы и заготовку хлеба в поддержку Временного правительства. Состоявшийся в с. Шушенском сход жителей собрал в поддержку Временного правительства 2 тыс. пудов ржи.⁴⁹

Однако и здесь всё чаще стали проявлять себя лица, далёкие от революционных иллюзий и способные на насилие. Так, Каптыревский волостной комитет несправедливо оштрафовал жителей д. Вознесенской якобы за присвоение бересты, необходимой для выгонки дегтя, а отобранные у населения металлические части самогонных заводов присваивал себе. Появившиеся на селе «новые люди» своим поведением вносили дезорганизацию в привычную жизнь крестьян. Под их воздействием состоявшийся 31 мая сход жителей с. Курагино постановил конфисковать мельницу известного в прошлом предпринимателя Н.П. Пашенных. Сговорившись, представитель Ачинского совета рабочих и солдатских депутатов и местные комитетчики арестовали 70-летнего человека. На просьбу одного из очевидцев облегчить положение арестованного большевик посоветовал дать ему вместо подушки камень. Лишь после вторичного распоряжения из Минусинска Пашенных был освобождён. 4 июня в одной из деревень Ермаковской волости на гулянку, устроенную крестьянином соседям, которые помогли ему построить сарай, явился солдат-отпускник. Напившись, он одного из «помочан» избил, а за другим гонялся с топором. Зная, что дебошир является братом председателя местного КОБа, крестьяне оставили его в покое.⁵⁰

Решение крестьянского съезда об усилении борьбы с самогоноварением на местах зачастую выполнялось с искажением. Создавая новый КОБ в с. Лугавском, бывшие солдаты обещали, что «с корнем уничтожат самогон». Но затем сами устроили попойку. В с. Колмаково лица, на которых пало подозрение в самогоноварении, были в КОБе избиты. На этой почве были случаи и неподчинения крестьян местным властям. Так, когда комитетчики и милиционеры д. Уджей Сагайской волости объявили населению о прекращении винокурения, то явившиеся в правление самогонщики, пригрозив убить, довели их до сложения своих полномочий. Свидетельством

слабости сельской власти стали и участвовавшие пожары. Их огнём была уничтожена часть д. Большая Иня, потерпели от возгорания и жители с. Субботино и Шушенского.⁵¹

Вслед за решением крестьянского представительства о переходе к земскому управлению, за избранием и утверждением уездного комиссара комитеты общественной безопасности стали преобразовываться в новую систему власти. К примеру, состоявшийся 23 мая сход жителей с. Таштып постановил реорганизовать управление в сельскую земскую управу. Проходившее 24-26 мая делегатское собрание Таштыпской волости создало волостную земскую управу в составе председателя С.Е. Еремеева, четырёх членов и кандидатов. Его участники избрали делегата на губернский крестьянский съезд, земских судей и волостной комитет. Организовав местную милицию, они утвердили строгие меры наказания хулиганов и высказались за распространение среди населения государственного займа свободы.⁵²

Пройдя через июльское 1917 г. обострение политической борьбы, в результате которой объединенная группа РСДРП раскололась на организации меньшевиков и большевиков, а из эсеровской организации выделились левые социалисты-революционеры, комитеты общественной безопасности с созданием земских органов самоуправления и городской думы утратили политическую значимость и должны были прекратить своё существование.

К осени 1917 г. часть политических ссыльных, бывших членами КОБов, разъехалась. С большевизацией революционного процесса, а потом и с воцарением коммунистического режима судьба многих комитетчиков оказалась трагической. За участие в корниловщине был расстрелян на Кубани первый руководитель минусинской милиции Адамович. Репрессиям подвергались Бедро и Тарелкин, а Карцев в апреле 1921 г. был казнён в Минусинске как антисоветский «заговорщик». Террору подверглись не только эсер Быховский и меньшевик Иков, но и большевик Гавен.

Следовательно, в Минусинске, как и в целом по стране и Сибири, воодушевленная революцией общественность создала свою власть в лице специального органа. Однако Минусинский комитет общественной безопасности, сломав структуры прежнего управления, недолго оставался единственным выразителем интересов народных масс. Настроенные более радикально представители социалистических партий вскоре организовали свой орган власти – совет рабочих и солдатских депутатов, который после завоевания его большевиками превратился в политического конкурента. Сам комитет, не имея реальной поддержки со стороны государства, больше занимался декларацией демократических преобразований и заявлял своё право руководить регионом. Такая деятельность местных политиков была обусловлена не предательством государственных интересов, а их мировоззренческими взглядами.

Демократическая общественность Минусинска, ставшего революционным форпостом на юге Сибири, подвергшись натиску солдатской толпы, ещё задолго до октябрьских событий 1917 г. начала сдавать свои позиции перед радикалами. Демократия начала подменяться охлократией. Как и повсюду, комитеты стали переходной формой правления, а их существование – неоправданно затянувшейся стадией революционного властвования. В результате сложившееся многовластие привело к разочарованию народных масс в демократических преобразованиях и к утрате скреп, удерживавших общество от распада и тормозивших его бунтарские настроения. События, происшедшие и характерные не только для минусинского региона, были закономерны и предсказуемы.

2013

Примечания:

¹ Пузанов Д. Расслоение минусинской ссылки в 1917-1918 гг. // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. – Кн. 36. – М., 1927. – С. 130-158; Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917-1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. – М.-Л., 1934; Медведева Н.Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905-1917 гг.). – Абакан, 2006; Сагалаков Э.А. Социально-политическое развитие Южной Сибири в 1917-1918 гг. – Абакан, 2010.

² Иков В.К. – 1882 г. рожд., уроженец г. Москвы, литератор, публиковался под псевдонимами «Миров» и «Гродецкий». С 1901 или 1902 г. – участник революционного движения, социал-демократ (меньшевик), с 1903 г. – в составе группы Ю.О. Мартова «Единение», партийная кличка – «Вадим». Делегат IV, V съездов РСДРП. В 1917-1918 гг. – член «Комитета спасения Родины и революции». С 1918 г. – в системе кооперации. С 1924 по 1928 г. находился в ссылке на Урале и в г. Тула. Вернувшись по амнистии, работал помощником редактора отдела литературы, искусства и языкознания Большой Советской энциклопедии. В марте 1931 г. был одним из обвиняемых на процессе по делу контрреволюционной организации «Союзного бюро» ЦК РСДРП (меньшевиков). Осуждён Верховным судом

Союза ССР на восемь лет тюремного заключения. В 1940-е гг. – библиограф Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, сотрудник Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. В 1951 г. вновь репрессирован. Скончался в 1956 г. Автор книги «Николай Гаврилович Чернышевский» (М., 1928), мемуаров «Листопад», перевода пьесы Б. Шоу «Тележка с яблоками» и др. (Иков В. К. – Википедия [Электронный ресурс] / URL: [http:// ru.wikipedia.org/wiki/Иков...Константинович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Иков...Константинович); Иков В.К. – Ф. 68 Центрального Московского архива – музея личных собраний [Электронный ресурс] / URL: [http:// guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?...sid...](http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?...sid...); Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1-9 марта 1931 г.): Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. – М., 1931; Ширяева Н.В., Черновал Г.В. В.К. Иков и его мемуары // Отечественные архивы. – 1993. – № 5. – С. 6 -79).

³ Быховский Н.Я. – 1875 или 1876 г. рожд., уроженец г. Смоленска, по другим данным Черниговской губернии, из мещан, по национальности еврей. Окончил фельдшерскую школу. Начал журналистскую деятельность с публикации в 1889 г. в «Киевском слове», печатался во многих изданиях. В революционном движении с 1893 г. В 1894 г. в Санкт-Петербурге был арестован и по обвинению в принадлежности к группе народолюбцев сослан в Сибирь. С 1901 г. – член ПСР. Скрывался от преследований царизма в эмиграции, семь раз подвергался аресту и трижды высылался на поселение в Иркутскую и Енисейскую губернии. Один из лидеров минусинских социалистов-революционеров. В 1917 г. – член редакции газеты «Дело народа», исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, Главного земельного комитета и ЦК ПСР. Избирался Всероссийским Демократическим совещанием в члены Всероссийского Демократического Совета. Член Всероссийского Учредительного собрания. В 1918-1919 гг. – в составе Сибирской областной думы, редактор ряда эсеровских газет и член Политцентра. С 1920 г. – профессор Иркутского университета, др. вузов, неоднократно арестовывался, отбывал заключение в политических изоляторах и высылался в Казань и Самарканд. В 1937 г. был в очередной раз арестован и сослан в Омскую область. Здесь вновь как участник антисоветской, террористической организации подвергся задержанию и в феврале 1938 г. был Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г. (Быховский Н.Я. – Википедия [Электронный ресурс] / URL: [http:// ru.wikipedia.org](http://ru.wikipedia.org); [http:// hrono.ru](http://hrono.ru)»Биографический указатель/bio_b/byhovski_naja.php).

⁴ Голубков А.П. – 1880 г. рожд., уроженец г. Москвы, из семьи бухгалтера. Окончил Московский университет (1903), по профессии врач. В революционном движении с 1900 г. С 1902 или 1903 г. – член большевистской фракции Московской организации РСДРП, работал среди студентов под кличкой «Андрей Рублёв». В 1903-1904 гг. – в Смоленске, в центрально-техническом бюро партии. В декабре 1904 г. арестовывался, затем занимался революционной работой в Самаре, Орле и участвовал в Московском вооруженном восстании. Руководил изданием газеты «Вперёд». В 1906 г. дважды арестовывался, выслан в Тверь. В феврале 1907 г. эмигрировал за границу. Вернулся осенью 1907 г., работал в Петербурге секретарем ЦК партии. Участник Парижской конференции «большевистского центра». В июне 1909 г. в Петербурге был арестован и в октябре 1910 г. Московской судебной палатой приговорён к ссылке. Отбывал её до 1917 г. в Минусинске. В том же году вернулся в Москву, работал во Всероссийском земском союзе, был членом Сокольнической управы и исполкома. С 1918 г. – член коллегии Наркомздрава, позднее руководил работой его издательства, являлся заместителем председателя ЦК Общества Красного Креста РСФСР. Умер в 1945 г. Оставил воспоминания о 1905 г. в Москве (Политическая каторга и ссылка. – С. 148; Большая Медицинская Энциклопедия [Электронный ресурс] / URL: [http:// bigmeden.ru/article/Голубков](http://bigmeden.ru/article/Голубков)).

⁵ Муниципальное учреждение «Архив г. Минусинска» (МУАГМ). Ф.124. О.1. Д.10. Л.4-5.

⁶ Свобода и труд. – 1917. – 7 марта; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.10. Л.4-5.

⁷ Свобода и труд. – 1917. – 7, 8 марта; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.4, 6, 8.

⁸ Бедро И.П. – 1874 г. рожд., уроженец Полтавской губернии. Окончил Уманское училище земледелия и садоводства, Петровскую земледельческую и лесную академию. Служил в уездном сельскохозяйственном обществе г. Лохвица, агрономом в земстве и заведующим опытным полем, избирался земским гласным. За революционную деятельность арестовывался и в октябре 1908 г. сослан в Сибирь. С 1910 г. находился в Минусинске, где организовал станцию плодородства и проводил селекционную работу. Активный участник распространения на Енисее кооперации. После февраля 1917 г. – председатель уездного комитета общественной безопасности, делегат II Все-сибирского съезда кооператоров, III, VI, VII минусинских уездных крестьянских съездов и член Сибирской областной думы. С мая 1920 г. дважды арестовывался, осуждён и до декабря 1924 г. был в заключении. Вернувшись, продолжал в Минусинске селекционную деятельность, написал труды по сибирскому садоводству. В 1930 г. переехал в г. Сталиноск (Новокузнецк), где руководил садово-парковым хозяйством. В феврале 1933 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности был вновь арестован и приговорён к трёхлетней ссылке в Нарымский край. С 1935 г. – научный сотрудник Майкопского отделения ВИР. В 1938 г. переехал в ст. Белореченскую Краснодарского края. Умер в 1943 г. (Шекшеев А.П. Ещё раз об И.П. Бедро – политическом деятеле, кооператоре и садовом // Сборник материалов Первых межрегиональных чтений, посвящённых Леониду Романовичу Кызласову. 6-7 окт. 2011 г. – Абакан, 2012. – С. 122-144).

⁹ Агуф М.А. – 1890 г. рожд., уроженец г. Бердянска, из семьи конторщика, по национальности еврей. Сдал экстерном за курс гимназии. В революционном движении с 1904 г., а с 1907 г. – член ПСР. Осуществлял подпольную работу в Харбине и Благовещенске. В феврале 1907 г. арестован, в ноябре 1910 г. судился Харбинским пограничным окружным судом и по протесту Иркутской судебной палаты в сентябре 1911 г. приговорён к ссылке. В 1912-1916 гг. отбывал наказание в Якутске, где давал частные уроки, служил конторщиком, в 1916-1917 гг. – в Минусинске (Политическая каторга и ссылка: Биограф. спр. – М., 1934.– С. 21).

¹⁰ Добров Е.Д. – 1888 г. рожд., уроженец Тамбовской губернии, из семьи чиновника. Окончил гимназию. С 1905 г. – член ПСР, распространял в Курской губернии нелегальную литературу, участвовал в вооружённом восстании. В 1907 г. дважды арестовывался, после третьего ареста приговорён Харьковской судебной палатой к восьми месяцам заключения в тюрьме и в 1908 г. выслан на четыре года в Туруханский край. В 1910 г. был вновь арестован и за принадлежность к ПСР приговорён к ссылке. Отбывал её в Рождественской волости Енисейской губернии, а в 1915-1917 гг. – в Минусинске. Работал в кооперативе. В 1917 г. от ПСР выдвигался кандидатом в члены Всероссий-

ского Учредительного собрания (Политическая каторга и ссылка: Биограф. спр. членов общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. – М., 1930. – С. 193; Медведева Н.Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири... – С. 124).

¹¹ Пузанов Д. Расслоение минусинской ссылки... – С. 132; Свобода и труд. – 1917. – 29 апреля; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.6; Медведева Н.Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири... – С. 111.

¹² МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.10; Д.4. Л.2.

¹³ Пузанов Д. Расслоение минусинской ссылки... – С. 134.

¹⁴ Гавен Ю.П. (Дауман Я.Я.) – 1884 г. рожд., уроженец Лифляндской губернии, из крестьян, по национальности латыш. С 1901 г. – член ЛСДРП, пропагандист и член Рижского комитета. Делегат V съезда РСДРП в Лондоне. В феврале 1908 г. арестован и приговорён к шести годам каторги. Отбывал её в Рижском центре и в Вологодской тюрьме. В 1914 г. был сослан в с. Чадобец Пинчугской волости Енисейской губернии. Будучи больным костным туберкулёзом, весной 1915 г. перенёс операцию. Работал в красноярской типографии, арестовывался и высылался в с. Ермаковское Минусинского уезда, а с лета 1916 г. – в Минусинск. С марта 1917 г. – руководитель местного комитета большевиков, затем редактор газеты «Товарищ» и председатель совета рабочих и солдатских депутатов. С ноября 1917 г. – на руководящей партийной и военной работе в Крыму. Делегат VIII съезда РКП(б). Один из организаторов массовых расстрелов белого офицерства. В 1921-1924 гг. – председатель ЦИК Крымской АССР. По обвинению в троцкизме в 1936-1937 гг. подвергся смертной казни (Политическая каторга и ссылка. – С. 129; Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. – С. 35-36, 42, 44, 50, 60; Беляевский С. Большевики в Минусинской ссылке. – Красноярск, 1964. – С. 167-168; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М., 1983. – С. 138; Борцы революции: Библиограф. указ. – Красноярск, 1990. – С. 32-33; Гавен. Из кн. В. Баранченко. – <http://www.gramotey.com/>; Фонды Минусинского регионального краеведческого музея (ФМРКМ). Ф.1. О.1. Д.153. Л.23-24).

¹⁵ Пузанов Д. Расслоение минусинской ссылки... – С. 132-133; Сагалаков Э.А. Социально-политические процессы в Минусинском уезде в феврале-октябре 1917 г. // Власть и общество: Межрегион. науч.-практ. конф. Окт. 2003 г. – Абакан, 2003. – С. 217; МУАГМ. Ф.124. Оп.1. Д.3. Л.6, 15.

¹⁶ МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.8, 10, 12, 15.

¹⁷ Тарелкин П.Н. – 1878 г. рожд., уроженец Костромской губернии. Окончил сельскохозяйственную школу, бухгалтер. С 1905 г. – член ПСР. За революционную деятельность трижды арестовывался. В 1909 г. сослан в с. Бушуй Енисейского уезда Енисейской губернии. Служил бухгалтером Красноярского военно-промышленного комитета, Абаканского железодельного завода. В 1917 г. и с сер. 1918 г. – уездный комиссар и управляющий Минусинским уездом. С падением белой власти скрывался, работая бухгалтером в Марининске. В сентябре 1920 г. был арестован, доставлен в Красноярск и в марте 1921 г. приговорён к заключению. В ноябре 1923 г. был по амнистии освобождён. Работал служащим в различных учреждениях Красноярска, официально порвал с ПСР. В феврале 1931 г. по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации был арестован, а в марте – приговорён к трём годам заключения (Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. – Абакан, 2006. – С. 114-119).

¹⁸ МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.15; Медведева Н.Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири... – С. 111-112; Свобода и труд. – 1917. – 15, 18, 19, 23 марта, 15 апреля.

¹⁹ Свобода и труд. – 1917. – 22, 23 марта, 11, 15 апреля.

²⁰ Там же. – 19, 21 марта.

²¹ Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. – С. 42; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.21-22.

²² Свобода и труд. – 1917. – 17, 19 марта; Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. – С. 43.

²³ МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.18, 20.

²⁴ Свобода и труд. – 1917. – 23, 25 марта; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.21-22, 31; Д.6. Л.123.

²⁵ Свобода и труд. – 1917. – 18 апреля; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.49, 57; Д.6. Л.15, 22, 31-32, 34, 50, 67-68, 114, 122-124, 199.

²⁶ МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.4. Л.51.

²⁷ Там же. Д.8. Л.2-4, 6-7.

²⁸ Свобода и труд. – 1917. – 12, 14, 18, 28 апреля, 9 мая.

²⁹ Свобода и труд. – 1917. – 12, 29 апреля; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.35, 38, 56.

³⁰ Свобода и труд. – 1917. – 22, 26 апреля, 9 мая.

³¹ Сагалаков Э.А. Социально-политическое развитие Южной Сибири... – С. 23; Свобода и труд. – 1917. – 29 апреля.

³² Лебедев Г.В. – 1891 г. рожд., уроженец с. Абаканского Минусинского уезда Енисейской губернии, из семьи служащего. Окончил двухклассное училище. В 1906-1914 гг. служил в торговых предприятиях и домах Минусинского уезда. С 1915 г. – участник Первой мировой войны, был тяжело ранен. В 1916 г. служил бухгалтером одной из минусинских торговых фирм, позднее – председатель Союза торговых служащих. С марта 1917 г. – член Минусинской организации РСДРП, председатель Союза увечных воинов, через год – член Минусинского совдепа и командующий его войсками. В июне того же года был арестован, в сентябре – эвакуирован из Красноярской тюрьмы на Дальний Восток. Освобождённый в январе 1920 г., занимался политической работой в Красной армии, формированием партизанских отрядов, представлял советскую власть на переговорах с японцами. С февраля 1922 г. – один из партийных руководителей Приамурья. Затем во Владивостоке и Хабаровске руководил торгово-экономической и финансовой деятельностью советских органов. В марте 1930 г. был отозван в Москву, где служил на ответственных должностях в советской экономике, выполнял специальные задания ЦК ВКП(б). Умер в 1953 г. (ФМРКМ. Ф.1. О.1. Д.557. Л.1-2, 4-5, 10-12, 15-20, 22-23, 25, 27).

³³ Свобода и труд. – 1917. – 18, 22 апреля, 2, 4 мая; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.5. Л.9.

³⁴ Пузанов Д. Расслоение минусинской ссылки... – С. 133.

³⁵ Свобода и труд. – 1917. – 13, 20, 22, 23 апреля; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.52.

³⁶ Свобода и труд. – 1917. – 26, 28, 29 апреля; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.55.

³⁷ Свобода и труд. – 1917. – 22 апреля.

³⁸ МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.59; Сагалаков Э.А. Социально-политические процессы в Минусинском уезде в февралю-октябре 1917 г. // Власть и общество: Межрегион. науч.-практ. конф. Окт. 2003 г. – Абакан, 2003. – С. 218.

³⁹ Свобода и труд. – 20, 28 апреля, 4, 14 мая.

⁴⁰ Пфафродт Г.И. – 1890 г. рожд., уроженец г. Рига, из семьи рабочего, по национальности немец. Окончил городское и ремесленное училища, слесарь-токарь. В революционном движении с 1906 г., примыкал к РСДРП. В 1908-1913 гг. проживал в Дрездене и Берлине. Затем являлся подпольщиком в Санкт-Петербурге под кличкой «Бруно». Будучи членом Петербургского комитета РСДРП, руководил стачками. Неоднократно арестовывался. В августе 1914 г. осуждён Петербургской судебной палатой за принадлежность к РСДРП к ссылке. Отбывал её в Иркутской губернии. Бежал, проживал в различных городах Сибири (Политическая каторга и ссылка. – С. 525).

⁴¹ Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. – С. 46, 48; Сагалаков Э.А. Социально-политическое развитие Южной Сибири... – С. 23.

⁴² Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. – С. 48-49.

⁴³ Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. – С. 50; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.62-63, 69; Свобода и труд. – 1917. – 4, 5, 7, 13 мая.

⁴⁴ Свобода и труд. – 1917. – 1, 2, 14 июня; МУАГМ. Ф.124. О.1. Д.3. Л.76.

⁴⁵ Свобода и труд. – 1917. – 6, 7 мая.

⁴⁶ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 - ноябрь 1918 гг.). – Томск, 1991. – С. 50; Свобода и труд. – 1917. – 20 мая.

⁴⁷ Свобода и труд. – 1917. – 21 мая.

⁴⁸ Там же. – 1 июня.

⁴⁹ Там же. – 3, 4, 20 июня.

⁵⁰ Там же. – 20 июня; Очерки истории Хакасии советского периода. 1917-1961 гг. – Абакан, 1963. – С. 16.

⁵¹ Свобода и труд. – 1917. – 11, 21, 25 июня.

⁵² Там же. – 14 июня.

А.П. Шекшеев,
г. Абакан, Республика Хакасия

«Дубинная война» минусинских крестьян: историографический аспект

«Дубинной войной» или «дубинным восстанием» называли бывшие красные партизаны события ноября-декабря 1918 г. в Минусинском уезде Енисейской губернии, которые затем в советской историографии обозначились как «Минусинское крестьянское восстание». Они получили значительное освещение в публикациях очевидцев, историков, краеведов и белоэмигрантов, уже способное претендовать на отдельный историографический экскурс, выявляющий к тому же тенденции, характерные для написания региональной истории Гражданской войны.

Впервые информация о беспорядках в Минусинском уезде осенью 1918 г. и ликвидации их с применением вооруженной силы прозвучала на страницах местной периодической печати сразу же по ходу событий.¹ Несмотря на открытость этого источника, он в силу своей, якобы антибольшевистской, политической ангажированности использовался историками слабо и избирательно. Когда же части партизанской армии заняли Минусинск, т.е. буквально почти через год после начала крестьянского выступления, то в пропагандистских целях, сообщив читателям сильно завышенную цифру человеческих потерь, трагическими итогами случившегося пытался воспользовался орган её – редакция газеты «Соха и молот».²

Ещё полтора года спустя – 17 февраля 1920 г. – сообщение о «крупной военной организации», якобы имевшейся на юге губернии и «погубленной провокационным выступлением Кульчицкого», обсуждалось на заседании Енисейского губкома РКП(б). Согласно воспоминаниям одного из очевидцев, в июле того же года партийным руководством региона в Минусинск была направлена специальная комиссия по выявлению причин крестьянского восстания, которое, как считали большевики, являлось несвоевременным. Выводы её, гласившие о том, что поведение крестьян было спровоцировано действиями властей, обнаружившими и стремившимися разгромить местное антиправительственное подполье, очевидно, на время удовлетворили интерес к этим событиям со стороны коммунистов.³ Лишь в 1924 г., в очередную годовщину восстания, главная газета губернской организации РКП(б) вспомнила о нём, рассказав ещё раз о понесённых крестьянами жертвах.⁴

Вместе с тем, уже в то время авторы обращались к выявлению характера крестьянских восстаний, случившихся в Сибири ещё до установления власти А.В. Колчака,⁵ а с документами воин-

ских начальников и гражданских властей, в частности, о подавлении беспорядков в Минусинском уезде, можно было при желании ознакомиться. Машинопись отчёта о них за подписью начальника правительственного отряда хранится в фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова и местного муниципального архива, а сам он был опубликован в специальном сборнике документов, изданном Центрархивом.⁶ Названные «официальными колчаковскими документами», они советскими историками использовались слабо.

В дальнейшем о Минусинском крестьянском восстании были написаны воспоминания его участника Н.К. Обухова. Рассмотрев в освещаемых событиях борьбу крестьян с есеро-областной властью за восстановление низвергнутых контрреволюцией советов, с которой и началось партизанское движение в Сибири, их публикацию поддержал руководитель Сибирского краевого Истпарта и Архивного управления В.Д. Вегман.

Признавая, что большевики не успели распространить своё влияние на сибирскую деревню, Обухов справедливо считал, что мобилизация крестьян в белую армию и сбор налогов с помощью вооружённых отрядов ускорили переход определённой части крестьян на антиправительственные позиции. Однако он не сомневался и в наличии особого влияния на этот процесс со стороны большевистских ячеек. В этих воспоминаниях он рассказал о ходе восстания, численности повстанцев, их штабе и первых успешных действиях. По мнению одного из советских историографов,⁷ автор сделал правильные выводы относительно причин поражения повстанчества, которые он увидел в слабой организованности мобилизованных крестьян, в засоренности отрядов кулацкими элементами, в неопытности и нерешительности командования, а главное – в отсутствии политического центра в лице большевистской организации. Опубликованные в 1929 г. на страницах авторитетного журнала «Сибирские огни»,⁸ они на долгое время стали основным источником по истории восстания и эталоном его освещения.

Начиная с авторов опубликованной в 1934 г. «Минусинской коммуны»,⁹ в советское время к освещению этого крестьянского выступления, которое из-за его трагедийности стало с одобрением восприниматься коммунистическими идеологами, обращалось значительное количество мемуаристов и исследователей. Их активность заметно возросла с кон. 1950-х гг., когда в советской стране отмечался юбилей Октябрьской социалистической революции. Тогда появился ряд воспоминаний очевидцев, опубликованных в специальных сборниках и отдельными брошюрами.¹⁰ Некоторые из воспоминаний о тех событиях так и не были опубликованы и находятся в архивохранилищах Красноярска и Минусинска, а также в фондах Мартьяновского музея.¹¹ В то же время вплоть до трансформации политического режима тема восстания, освещаемая «старыми» коммунистами, краеведами и историками, не сходила со страниц местных газет.¹² Повторяя утверждения Н.К. Обухова, авторы того времени уверяли читателей в том, что крестьянские отряды наступали на Минусинск под советскими лозунгами.

Между тем, самого Обухова участники революции и Гражданской войны неоднократно уличали в ошибочной интерпретации фактов, которая свидетельствовала о его стремлении возвысить личные заслуги перед Советской властью. К примеру, Обухов, несмотря на то, что очевидцы руководителей одной из «армий», наряду с ним, называли и других лиц, рассказывал об избрании в качестве начальника её штаба и командующего собственной персоны. Опровергая утверждения этого автора об активном поведении находившейся под его командованием «восьмитысячной армии», первой начавшей штурм Минусинска, участница тех событий А.К. Фефелова свидетельствовала, что у него в подчинении находилось гораздо меньше крестьян, а к боевым действиям под уездным городом они вообще опоздали.¹³

Вплоть до 1960-70-х гг. ветераны-коммунисты спорили по ключевым вопросам, характеризующим Минусинское восстание. Оспаривая, к примеру, выводы Н.К. Обухова об отсутствии большевистского руководства действиями повстанцев, такие очевидцы, как Е.А. Глухих, И.И. Гуливер, К.И. Матюх, А.П. Метельский, В.Г. Солдатов, Е.И. Чайковская-Гидлевская, утверждали, что с лета 1918 по осень 1919 г. в Минусинском уезде существовало большевистское подполье. Руководя им, они готовили крестьянское выступление. Потребовалось вмешательство Новосибирского обкома КПСС, после которого Обухов был вынужден изменить свои взгляды.¹⁴

В то же время о членстве некоторых из них в подполье сомневались и сами бывшие партиза-

ны. Так, заседавшая 29 июля и 1 августа 1934 г. Минусинская партизанская комиссия выдала той же Е.И. Чайковской удостоверение лишь как жене красного партизана, отказав ей самой в этом звании. На заседании Красноярской комиссии 14 мая 1936 г., рассмотревшей поступившее заявление по поводу того, что ей всё же выдали соответствующее удостоверение, члены её заявили, что Чайковскую как подпольщицу в Минусинске не знают, и решили передать её дело в краевую партизанскую комиссию.¹⁵

Примерно, с 1960-х гг. Минусинское крестьянское восстание становится объектом научного изучения и научно-популярного освещения.¹⁶ Однако воздействие коммунистической идеологии способствовало тому, что историки, обращаясь к характеристике Минусинского восстания, по-прежнему сообщали о его просоветском характере. Наиболее глубокое исследование этой темы в советское время было осуществлено красноярским историком Ю.В. Журовым. В своих статьях и монографиях он свидетельствовал, что сначала восстание не имело ни чётких целей, ни определённых задач. Положение изменилось лишь тогда, когда в него влились участники подполья. В целом он был склонен назвать происходившее выступлением за Советскую власть с элементами крестьянской стихии. Показав, что этот протест крестьян являлся их ответом на насильственную мобилизацию в белую армию, а движущей силой его при участии всех слоёв деревенского населения были бедняцко-батрацкие слои, он утверждал: «Передача всей власти Советам была главной целью и Минусинского восстания». По его мнению, такая направленность поведения крестьян была обусловлена руководящей ролью сельских подпольщиков и организацией восставшими крестьянами в качестве деревенской власти неких исполкомов.

Как и его предшественники, Ю.В. Журов не скрывал ошибок в поведении повстанческого командования, одна из которых выразилась в мобилизации в крестьянские «армии» всего мужского населения. Осветив расширение границ восстания, боевые действия его участников, автор объяснил и причины их поражения, заключавшиеся якобы в неподготовленности крестьянских масс к борьбе за завоевания революции и в отсутствии политического центра. В то же время анализ источниковой базы его исследований показывает не только её ограниченность советскими источниками, но и некритичное их использование, например, в определении масштабов репрессий, направленных против крестьян.¹⁷

Стихийным ответом крестьян на бесчинства контрреволюции, формой их классовой борьбы, проходившей под лозунгом «За власть Советов!», названо Минусинское восстание в обобщающих трудах по социально-политической и аграрной истории советской Сибири.¹⁸

Обобщая выше сказанное, можно констатировать, что в советское время соответственно с идеологическим содержанием эпохи изменился взгляд авторов, например, на характер Минусинского восстания. Если в перв. пол. 1920-х гг., когда ещё имелась возможность более свободного объяснения событий, они обозначались как стихийный бунт, то в дальнейшем, с укреплением сталинского режима и начавшейся фальсификацией истории, представлялись уже в качестве борьбы крестьян за восстановление Советской власти.

Судя по многочисленным воспоминаниям современников и исследованию Ю.В. Журова, лица, недовольные политикой белой власти и собирающиеся группами, в городах и уездах Енисейской губернии всё же существовали. Уже с июня 1918 г. якобы действовали четыре подпольщика в с. Субботино Минусинского уезда, с июля организовались 50 бывших фронтовиков с. Белый Яр, с августа – по инициативе скрывающихся владивостокских рабочих Бубнова и Остапчука – 18 крестьян с. Берёзовка Курагинской волости, с сентября – октября – трое жителей во главе с рабочим Ткаченко в с. Мигна, 20 – в д. Уджей, 9 – в с. Каратуз (Н. Татаренко) и трое – в с. Шушь. Имелись группы подобных же лиц в Знаменской (большевик с 1917 г. и бывший командир Минусинской Красной гвардии по кличке «Голубь» – Е.А. Глухих), Имисской (9 человек во главе с большевиком с 1905 г. К.И. Матюхом), Лугавской (в прошлом переселенец из Тульской губернии, фронтовик, бывший рабочий и член Минусинского совдепа, крестьянин д. Новоенисейка К.С. Лебедев, бывший матрос Крамаренко), Восточенской (12 подпольщиков, руководимые братьями Богдановыми и М.И. Богаевым), а также в Абаканской и Паначёвской волостях. Существовали активно недовольные новой властью лица в сёлах Курагино (бывший член Минусинского совдепа А.П. Базаркин), Дубенское (С.В. Кульчицкий, крестьяне П. Оленников, Л. Девяшин, К. и А. Пестри-

ковы), деревнях Малая Минуса (В.Я. Жданов), Телек (Г.Г. Шадрин – «дядя Гриша»), Новомихайловка (бывший член Минусинского совдепа Д.А. Гапченко), Сабинка (Т.Г. Немкин), Новокурская (Н. или М.И. Праведников), Табат (в прошлом переселенец из Черниговской губернии и матрос, кузнец Ф.А. Александренко), Бея (Золотухин, Ленков), Нижняя Буланка (большевик – латыш А. Клинке), Горево (Д. и Ф. Колтораковы, Т. Покояков, Н., С. и М. Гавриловы, Н. Азараков, В. и М. Колопаевы, П. Сильдемешев), Городок (бывший красногвардеец Д. Бяков) и на ст. Сон (П.Г. Конопелько, Е.С. Ольшевский и И.И. Турусин).

Но в основном «подпольная работа» данных лиц выражалась в разговорах и распространении полученных из Красноярска прокламаций антиправительственного содержания (с. Субботино, Мигна), изъятии в магазинах пороха и свинца (с. Субботино), саботировании на сходе воинской мобилизации (с. Субботино), в организации 50 участниками подпольного съезда (Сагайская волость), а также в разжигании внутридеревенской борьбы. В с. Шушь беднота затеяла конфискацию мельницы у местного богатея, в с. Белый Яр – добилась передела земли в свою пользу. Оба случая сопровождалась ранением и убийством зажиточными зачинщиков.

Вспоминая минусинских подпольщиков, бывшая швея-портниха Е.И. Чайковская-Гидлевская назвала две имеющиеся в городе конспиративные квартиры и фамилии 24 человек, в т.ч. бывших политкаторжан – поляков Я.И. Глодека, Я.И. Пшибельского (Пшебыльского – ?), а также рабочих столярной и пимокатной артелей. Другой участник тех событий Е.А. Глухих перечислил имена 18 подпольщиков. В.Г. Солдатов, которого ветераны называли руководителем Минусинского подполья, упомянул фамилии 31, а в целом его сторонники насчитали 70 подпольщиков, из них 20 были с партийным стажем до 1917 г.

Рассказывая о деятельности подполья, эти лица и примкнувший к ним Н.К. Обухов показали, что в Минусинске в кон. сентября 1918 г. была создана руководящая штаб-тройка в составе Солдатова, Рогожина и Ардышева, а Кульчицкий, чьё участие в большевистской организации засвидетельствовали 10-13 очевидцев, готовя восстание, заранее принимал меры по снабжению будущих повстанцев оружием, медикаментами.¹⁹

Более того, один из историков писал, что в сентябре 1918 г. в Минусинск прибыл член Красноярского подпольного комитета большевиков Н. Попов, якобы доставивший минусинцам директиву о подготовке восстания. Деятельность подпольщиков будто бы стала столь значительной, что, как сообщил Глухих, была замечена властями, которые для выяснения обстановки и предприняли поездку своих представителей в с. Дубенское.²⁰

Но зачисление В.Г. Солдатовым и др. некоторых лиц в разряд подпольщиков воспринималось с недоумением другими участниками Гражданской войны. Сотрудники газеты «Соха и молот» в номере от 11 февраля 1920 г. таковыми сочли лишь 18 человек, Г.Н. Попов позднее сообщил, что из лиц, перечисленных Солдатовым в качестве членов подполья, в Минусинске находились только пять человек, а ещё одна участница тех событий руководителем его называла Пшибельского, лодзинского большевика.²¹

Факты, изложенные в воспоминаниях, не подтверждаются документами, а порой противоречат другим сведениям. Как справедливо отмечают тот же Глухих, а следом и Журов, подпольные группы состояли не только из большевиков.²² Многие бывшие подпольщики, оставшись живыми, оформили своё членство в РКП(б) только в 1920 г. Так, среди таких лиц Глухих называет даже бывшего члена Ачинского уездного исполкома и руководителя Минусинского подполья В.Г. Солдатова, который считал себя большевиком с сентября 1917 г.²³ В качестве подпольщика он ошибочно упоминает и П.Л. Лыткина, ставшего коммунистом также лишь в мае 1920 г., который во время восстания находился в тюрьме.²⁴ Сам он, Глухих, после антибольшевистского переворота якобы скрывался в шалаше у д. Петропавловка, откуда под кличкой «Голубь» возглавлял большевистское подполье в Знаменской волости Минусинского уезда. По свидетельству В.Г. Солдатова, за голову Глухих колчаковцы объявляли награду в 10 тыс. рублей.²⁵ Согласно воспоминаниям самого Глухих, он, направляясь с отрядом на помощь минусинским крестьянским повстанцам, в ноябре 1918 г. провалился на реке под лёд и заболел воспалением лёгких.²⁶ На самом деле, как сообщала местная газета, к тому времени он был опознан абаканскими крестьянами и 14 ноября арестован.²⁷

Авторы, чьи публикации показывали восстание как борьбу за власть советов, в то же время

допускали, что в условиях Минусинского уезда, где традиционно сильными являлись позиции зажиточного крестьянства, антиправительственное подполье могло быть только слабым, а одной из причин поражения повстанцев называли отсутствие организованного и сплочённого центра в лице большевистской организации.²⁸ Противоречия и несоответствия заметно снижают степень достоверности информации, изложенной в публикациях советского времени, и ставят под сомнение возможность их использования в качестве исторического источника.

Видимо, подполье являлось слабым, связей с восставшей деревней имело немного и какого-то влияния на ход событий не оказывало. Определённая часть крестьян отказалась поддерживать так называемых подпольщиков и не приняла участие в восстании. Решение о нейтралитете по совету бывшего политссыльного И.П. Бедро вынесли, например, сходы д. Быстрая и Малая Минуса.²⁹ Когда 7 ноября 1918 г. по инициативе подпольщиков собрались 365 делегатов на Имисский волостной съезд, то часть их во главе со «спекулянтом» Ковалёвым и «кулаком» Овчинниковым отказалась голосовать за передачу власти до созыва Учредительного собрания какой-либо политической партии в лице советов и не поддержала призыв К.И. Матюха немедленно следовать в Каратуз для разоружения казаков.³⁰

Что же касается исполкомов, которые якобы организовывали повсеместно восставшие крестьяне, то данный факт свидетельствует лишь о том, что они по-своему понимали суть Советской власти. Советы за время своего первого правления ещё не стали сугубо органами диктатуры пролетариата, проводниками большевистской политики.³¹ Сохранявшиеся в некоторых селениях Минусинского уезда вплоть до сентября 1918 г., они не были чужды понятию крестьян об общинном самоуправлении и могли возрождаться как форма непосредственной демократии и локальная в своём низовом звене организация власти, к тому же обладающая государственными функциями.³²

Таким образом, сведя до минимума информацию о признаках деревенского бунта, завуалировав крестьянское понимание сущности советов, как внепартийных органов, авторы советского времени чрезмерно политизировали данное событие.

Со сменой политического режима и появившейся вновь возможностью более свободного от идеологии освещения событий прошлого несколько активизировалось обращение краеведов и историков к теме Минусинского восстания, которому вновь был возвращен статус крестьянского бунта или мятежа. Первой из таких публикаций стала небольшая статья сельского учителя, объективно рассказывающая о том, что происходило во время Гражданской войны в одном из минусинских селений – Каратузе и, в частности, о захвате его крестьянскими повстанцами.³³ Автору данных строк в монографии и сообщениях перв. пол. 2000-х гг., опираясь на ранее не используемые материалы, сопоставляя их, приходилось обращаться к выявлению сути так называемого повстанческого подполья и самого крестьянского восстания, а также его действительной человеческой цены.³⁴ Между тем, нам тогда не удалось использовать более широкий круг источников, обнаруженных позднее, и в полной мере избавиться от догм советского времени, по мнению рецензента,³⁵ затрудняющих установление истинных причин этих событий. Следование основному постулату советской историографии о том, что одной из основных причин проявления крестьянского недовольства антибольшевистским политическим режимом являлся жесткий налоговый гнёт, как выясняется новейшими исследованиями, было ошибочным.

Выявление обусловленности Минусинского восстания приобретает научную актуальность и в связи с появившейся неверной ориентацией некоторых современных исследователей ограничивать причины этого явления сугубо желанием крестьян сбросить так называемое «казачье иго» и уничтожить казачество, немедленно уравнивая его с ними в землепользовании,³⁶ или только бытовыми мотивами.

В то же время отечественная историография пополнилась утверждениями таких исследователей, как В.М. Рынков, о социально-экономической подоплёке крестьянских выступлений. В обобщенном виде сложившаяся ситуация объясняется этим учёным следующим образом. Деревня с осени 1917 г. не знала государственных поземельных налогов, отменённых декретом о земле, и принудительного сбора других налогов. Поэтому в правосознании крестьян объявленный Временным Сибирским правительством, находившимся в тисках бюджетного дефицита, сбор государственного налога с оброчной и поземельной подати, а также недоимок за 1917 г. был

противоправной акцией, т.к. придавал закону обратную силу. Крестьянство повсеместно стремилось избежать уплаты недоимок, что и заставило власти прибегнуть к демонстрации силы, а иногда и к её применению, как правило, неосторожному. Взаимоотношения между властью и крестьянством ещё более усугублялись начавшейся задолго до Гражданской войны борьбой правоохранительных и акцизных органов с нарушениями винной монополии. Однако милиция не справлялась с этой задачей и занималась самогонщиками реже, чем было положено. Военные же власти, особенно карательные отряды, усиленно проводили репрессии, которые озлобляли население против властей, неспособных организовать продажу водки и вина в деревне. Налоговые сборы, сопровождавшиеся насильственными мерами по возвращению дезертировавших из армии новобранцев, погромами самогонных заводов, считает учёный, вызывали открытые формы крестьянского сопротивления, позволившие собрать с деревни лишь половину причитающихся прямых налогов и дорого обошедшиеся политическому режиму.³⁷

Но такие выводы, случается, по-прежнему остаются неизвестными местным авторам. Во втор. пол. 2000-х гг. литература по Гражданской войне в Сибири пополнилась новой книгой. К сожалению, авторы её, будучи журналистами-краеведами, увлечёнными больше историей Белого движения, при написании раздела о Минусинском восстании³⁸ в основном ограничились, судя по примечаниям, лишь обращением к источникам колчаковского происхождения и почти сузили его обусловленность начавшейся борьбой вокруг самогонварения. В то же время, следуя за содержанием архивного партийного документа,³⁹ но, используя его без сноски и игнорируя информацию, заключённую в монографии советского историка,⁴⁰ они начали освещать эту тему с рассказа о человеке, чья деятельность не была особо значимой для повстанчества того времени.

К 2010-м гг. в Красноярске под редакцией А.В. Мармышева, А.Г. Елисеенко и др. стал выходить Сибирский исторический альманах, в основном пока освещающий различные эпизоды Гражданской войны в регионе и её белых героев. В одном из его томов было опубликовано сообщение, рассказывающее об участии в подавлении Минусинского восстания местного казачества и понесённых им в этом мятеже потерях.⁴¹

Возможным в настоящее время стало использование источников, созданных не только бывшими крестьянскими повстанцами, но и белой эмиграцией. Так, опубликованными оказались воспоминания о подавлении Минусинского восстания в прошлом прикомандированного к правительственному отряду офицера-добровольца, написанные им ещё в 1963 г. в Бельгии и в рукописном виде хранившиеся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (г. Нью-Йорк, США). В них характеризуется воинская сила, направленная на ликвидацию беспорядков, рассказывается о следовании её, о настроениях среди подчинённых и встречного крестьянства, неорганизованности, разложении повстанцев и самоотверженном поведении офицерства, солдат и казаков, проявленных в боях за с. Городок и под Минусинском, а затем и в походе по сёлам уезда. Само восстание освещается как возникшее под влиянием большевистских агентов, умело критикующих недостатки правительственной политики, «брожение», распространившееся по всему уезду и принявшее просоветский характер. Прозорливым оказалось мнение этого белогвардейца о том, что создававшаяся обстановка, без принятых властями конкретных мер, имела потенцию к новому взрыву. Заключает же он свои воспоминания уверением, что у правительственных войск не было озлобленности к восставшим.⁴²

Короткая информация о Минусинском крестьянском восстании, как крупном историческом событии, нашла своё место в научно-справочных, энциклопедических трудах местного значения.⁴³

Наконец, ещё одним отрадным для более полного освещения этой темы является появление трудов, ознакомление с которыми позволяет заполнить лакуны исторических событий сведениями биографического характера. К примеру, известным в настоящее время стал облик не только повстанческих вожаков, но и их противников из лагеря белой власти, в частности генерал-майора И.Ф. Шильникова, а также некоторых минусинцев, что погибли, защищая свой город.⁴⁴

На наш взгляд, события ноября-декабря 1918 г. в Минусинском уезде являлись более сложным явлением, чем просто крестьянский бунт или борьба крестьян за Советскую власть. Об этом, свидетельствует такой факт, сообщённый местной газетой: буквально в канун их на базаре в Минусинске появился вывешенный кем-то красный флаг, тут же заменённый на бело-зелёное полотнище.

Или вот как решали вопрос об участии в повстанчестве жители волостного села Курагино, проявляя завидную осведомлённость в политической жизни страны. На первом сходе лишь половина участников проголосовала за выступление, а председатель сельского комитета, зачитавший правительственную телеграмму, отказался от участия в нём. Лица, голосовавшие за выступление, оправдывались доводами о том, что «надо помочь Советской России и стоять за власть большевиков». На новом сходе, собравшем гораздо больше участников, в частности жителей из окрестных деревень, в президиум были выбраны лица, агитировавшие за выступление, но крестьяне высказались в поддержку Временного Сибирского правительства. Лишь, после того как сходу напомнили поведение отряда Зефинова, собиравшего налоги в деревнях волости, он проголосовал за разоружение казаков и созыв очередного VIII уездного крестьянского съезда. Но с объявлением мобилизации жителей в отряд было решено не спешить. Однако, когда избранные в штаб «большевики» заявили, что тёплую одежду для участников похода они изымут у зажиточного населения, то участники схода их прогнали, свою резолюцию отменили и послали уполномоченных в Минусинск для ознакомления с обстановкой.⁴⁵

Следовательно, находившаяся длительное время в распоряжении исследователей информация так и не позволила им завершить изучение проблемной истории тех событий. Вероятно, возможную точку в этом вопросе можно будет поставить только после ознакомления с документами белой армии из фондов Управления Иркутского военного округа Российского государственного военного архива.⁴⁶ Однако это не умаляет важности очередных попыток исследования крестьянского повстанчества на территории Минусинского уезда, возможных с привлечением новых источников.

2013

Примечания:

¹ См., например: «Труд». Орган независимой социалистической мысли, выходит в г. Минусинске. 1918; «Свободная Сибирь». Газета политическая, экономическая, литературная, выходила в Красноярске. 1918; «Минусинский край». Ежедневная внепартийная демократическая газета. 1919.

² Соха и молот. 1919. 22 октября.

³ Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф.1. О.1. Д.3. Л.11; Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им Н.М. Мартыанова (ФМРКМ). О.4. Д.268. Л.106.

⁴ Красноярский рабочий. 1924. 29 ноября.

⁵ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Пгрг., 1923. С. 106.

⁶ Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова (ФМРКМ). О.4. Д.90-91; Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. М. – Л., 1925. – С. 17-35.

⁷ Плотникова М.Е. Советская историография Гражданской войны в Сибири (1918 – перв. пол. 1930-х гг.). Томск, 1974. – С. 205.

⁸ Обухов Н.К. Восстание минусинских крестьян в 1918 г. (Борьба за Советскую власть) // Сибирские огни. 1929. Кн. 6. – С. 140-151.

⁹ Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917-1918 гг. Из истории Октябрьской революции. М.-Л., 1934. – С. 205-212.

¹⁰ Обухов Н.К. Минусинское вооруженное восстание крестьян // Записки сибирских партизан. Новосибирск, 1961. С. 8-26; он же. Восстание крестьян Минусинского уезда // Годы огневые: сб. воспоминаний участников Красноярского большевистского подполья и партизанского движения в Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918-1920 гг.). Красноярск, 1962. – С. 109-116; Салтыков А.М. Минусинское восстание и причины его поражения // Там же. С. 117-124; Колтораков К.А. Этих дней не забыть. Красноярск, 1968.

¹¹ Воспоминания Власенко Л.А. (ФМРКМ. О.1. Д.559), Жульмина И.Х. (ЦХИДНИ КК. Ф.64. О.11. Д.744), Захарова М.П. (ФМРКМ. О.4. Д.15), Кислицына Ф.С. (Там же. О.1а. Д.121), Лукина М.Л. (Там же. О.4. Д.38), Обухова Н.К. (ЦХИДНИ КК. Ф.64. О.11. Д.482; ФМРКМ. О.1. Д.591; О.4. Д.49-50; Д.90-91), Сафронова Я.А. (ФМРКМ. О.4. Д.76-77), Соловьёва И.С. (ЦХИДНИ КК. Ф.64. О.11. Д.630).

¹² Васильев Г. Минусинское восстание против интервентов и белогвардейцев осенью 1918 г. // Красноярский рабочий. 1956. 15 декабря; Черногринов В. Ноябрьское восстание крестьян. Из истории борьбы против колчаковской диктатуры в Минусинском уезде // Искра Ильича (Минусинск). 1974. 16 июня, 26 июля; Маслов А. Ноябрьское восстание крестьян // Там же. 1975. 12,22 ноября; Шароватов А. Минусинское восстание. Страницы истории // Заветы Ильича (Минусинск). 1987. 1 сентября; Минчук Г. Восстание минусинских крестьян // Заветы Ильича. 1990. 18 мая; По ленинскому пути. 1990. 18 августа.

¹³ ФМРКМ. О.1. Д.591. Л.237; О.4. Д.177. Л.38.

¹⁴ Там же. О.4. Д.108 (38-64). Л.91; Д.177. Л.42, 63.

¹⁵ Архив г. Минусинска (АГМ). Ф.1044. О.1. Д.4. Л.18, 24-25.

¹⁶ Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). М., 1962; Очерки истории Хакасии советского периода. 1917-1961 гг. Абакан, 1963. – С. 45-49; Логвинов В.К. В борьбе с колчаковщиной. Очерки о красноярском большевистском подполье и партизанском движении в Енисейской губернии. 1918-1920 гг. Красноярск, 1980. – С. 85-88; и др.

¹⁷ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 100-105; он же. Граждан-

ская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. – С. 84, 88.

¹⁸ Гушин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917-1937 гг.). Новосибирск, 1978. – С. 117; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). Новосибирск, 1983. – С. 51.

¹⁹ ЦХИДНИ КК. Ф.42. О.8. Д.45. Л.2-3; Ф.64. О.11. Д.462. Л.3; ФМРКМ. О.1. Д.559. Л.2; Д.591. Л.59, 65, 67-68, 236-237; О.4. Д.15. Л.6; Д.49-50. Л.9, 23; Д.108 (38-64). Л.91; Д.177. Л.42,63; За власть Советов на юге Сибири. Воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде Енисейской губернии. Абакан, 1968. – С. 36-37.

²⁰ Логвинов В.К. В борьбе с колчаковщиной. – С. 86.

²¹ ФМРКМ. О.4. Д.177. Л.84, 165.

²² ЦХИДНИ КК. Ф.42. О.8. Д.45. Л.2; Журов Ю.В. Сельское революционное подполье Сибири в 1918-1919 гг. // Социально-политическое развитие советской сибирской деревни. Новосибирск, 1980. – С. 86.

²³ Шекшеев А.П. Революция и солдатский плебс // Культура и социум. Абакан, 2002. – С. 59.

²⁴ Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю (АУ ФСБ). Д. П.-14809. Л.16, 214; Отдел документов новейшей истории Государственного учреждения Республики Хакасия «Национальный архив» (ОДНИ ГУ РХ НА). Ф.2. О.1. Д.205. Л.10.

²⁵ ЦХИДНИ КК. Ф.42. О.8. Д.45. Л.3.

²⁶ Советская Хакасия. 1975. 21 ноября.

²⁷ Труд. 1918. 16 (3) ноября.

²⁸ Журов Ю. В. Енисейское крестьянство... С. 93; ЦХИДНИ КК. Ф.64. О.5. Д.462. Л.27.

²⁹ Шекшеев А.П. Крестьянский защитник И.П. Бедро // История Белой Сибири. Мат-лы 5-й Междунар. науч. конф. – С. 233.

³⁰ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С. 101-102.

³¹ Иванцова Н.Ф. Западно-сибирское крестьянство в 1917 – перв. пол. 1918 гг. М., 1993. – С. 187.

³² Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община//Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): мат-лы междунар. конф. М., 14-15 июня 1994 г. М., 1996. – С. 37.

³³ Соболев И.И. Гражданская война в Каратузе // Знамя труда (Каратуз). 1998. 23 декабря.

³⁴ Шекшеев А.П. Не шейте мужикам политику. Минусинское крестьянское восстание: новый взгляд на события // Хакасия. 2003. 4, 5, 6 ноября; он же. Минусинское крестьянское восстание: новый взгляд на события // Мартыановские краеведческие чтения (2003-2004 гг.): сб. докл-в и сообщ. Вып. III. Минусинск, 2005. – С. 128-134; он же. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). Абакан, 2007. – С. 115-132.

³⁵ Рынков В.М. – А.П. Шекшеев. Гражданская смута на Енисее: победители и побеждённые; его же. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – кон. 1918 гг.) // Отечественная история. 2008. № 2. – С. 201.

³⁶ См., например: Шульдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917-1920. Кн.1. М., 2004. – С. 324-325.

³⁷ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (втор. пол. 1918 – нач. 1920 г.). Новосибирск, 2006. – С. 42, 64, 69, 87-88, 94-95, 97.

³⁸ Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. – С. 84-94.

³⁹ Биографические данные на Матюха К.И. – [Http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/900005.htm](http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/900005.htm).

⁴⁰ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство... – С. 101-102.

⁴¹ Паршуков В. Постановления 5-го Большого Круга Енисейского Казачьего Войска, состоявшегося 15-21 февраля 1919 г. // Сибирский исторический альманах. Т. 1. Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. – С. 24.

⁴² Мартынов Н.А. Красное коммунистическое антиправительственное движение против власти Верховного правителя адмирала Колчака в Енисейской губернии, начавшееся в ноябре 1918 года // Русская Атлантида, №38. Челябинск, 2010. – С. 4-15.

⁴³ Шекшеев А.П. Минусинское крестьянское восстание // Энциклопедия Республики Хакасия. Т. I. Абакан, 2007. – С. 385; Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск, 2008. – С. 118-119.

⁴⁴ Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиограф. сл. Владивосток, 2000. – С. 342; Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биограф. спр. М., 2003. С. 225-226; Чагин В. Фотограф и издатель Н.В. Фёдоров // Жук. 2005. № 3 (7). – С. 8-9; Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. – С. 511-512; Купцов И. Генерал Шильников // Русская Атлантида, №38. – С. 3-4.

⁴⁵ Труд. 1918. 30 (17) октября, 1 декабря (18 ноября).

⁴⁶ См.: Путеводитель по фондам белой армии / Российский государственный военный архив: сост. Н.Д. Егоров, Н.В. Кульченко и Л.М. Чижова. М., 1998.

А.П. Шекшеев,
г. Абакан, Республика Хакасия

Минусинская Сибирь в 1920-е годы: поиск и отстаивание веры

Исторически сложилось так, что территория Минусинского края стала местом встречи мировых религий. С расширением территории Российского государства и переселением крестьянства здесь в массовом порядке распространялось Православие. К нач. XX в. власти официально признали, что минусинские инородцы обращены в православную веру. Перейдя в лоно Русской Православной церкви (РПЦ), коренное население восприняло основные христианские праздники, внешние

атрибуты религиозного культа (иконы, нательные кресты), лексические (молитвы, имена), обрядовые (перекрещивание) заимствования, а также сооружение крестов на могилах усопших.

К 1917 г. на территории Хакасии имелись 15 православных приходов, действовали 11 молитвенных домов. Каждый приход охватывал своей деятельностью несколько селений, имел одну или несколько церковно-приходских или министерских школ, где обучались дети хакасов и русских. Важное миссионерское значение для утверждения Православия являлось рукоположение местных священников из коренного населения, которые совершали подвижнические дела. Богослужение некоторыми из них осуществлялось даже на диалектах хакасского языка.¹

Однако выбор коренным населением Православия в качестве мировоззрения, обогащая духовными и культурными ценностями, всё же скорее являлся способом адаптации его к новым историческим условиям. Нередко он определялся предполагаемыми выгодами получения реальных экономических благ и образования, а также расчётом защититься от произвола местных чиновников. В то же время сохранявшееся традиционное мироощущение не стимулировало объединение сообщества для борьбы с российской колонизацией.

Поэтому, согласно наблюдениям очевидцев, ещё со времён Русско-японской войны, показавшей слабость государства, среди видных инородцев возникла «белая вера» (бурханизм). В этой связи необходимо сказать, что утверждение одного из историков о том, что вера коренных жителей в единого всемогущего бога – Кудая (Ах-Худая – *А.Ш.*) способствовала их христианизации,² является ошибочным. Носители бурханизма, возможно, имевшего древние манихейские корни, выступали как против шаманизма, так и Православия. Из жилищ коренного населения стали убираться иконы, оно перестало употреблять язык и предметы, имеющие чуждое происхождение, а также почитать священников. Порицанию и отторжению были тогда же подвергнуты и шаманы с их ритуалами. Но верно отмеченные современником и следом учёным-этнографом В.Я. Бутанавым³ признаки формирования этого верования, осуществляемого в соперничестве с христианством, вероятно, здесь так и не развились в полную меру.

После революционных событий 1917 г. положение РПЦ стало регламентироваться Декретом Совнаркома от 23 января⁴ 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», которым большевики, лишив церковь юридического лица, запретили священнослужителям проведение в учебных заведениях вероучения и объявили церковные здания государственной собственностью.⁵ Приходы были вынуждены заключать договоры с местными властями на использование своих зданий.

С воцарением советской власти в азиатских регионах на её сторону с феодальной непосредственностью⁵ переходили некоторые представители интеллигенции, слабо знакомые с коммунистической идеологией, но увидевшие в деятельности большевиков социальную направленность и почти религиозный мессианизм. Нащупывая союзнические отношения и призывая хакасов к мирному сосуществованию с коммунистами, они, случалось, вдруг заявляли, что РКП(б) «разделяет учение Христа», а хакасы, будучи христианами, должны «возлюбить врагов своих».⁷

Вследствие таких призывов и обманных заявлений, исходивших от властей, часть хакасского общества одобрила изъятие церковных ценностей – крупнейшую акцию, направленную на ликвидацию церкви. Объявленная Декретом ВЦИК 23 февраля 1922 г., она началась в Красноярске в апреле-мае того же года, а затем распространилась по всей губернии, вызывая среди населения различные настроения. Так большинство делегатов состоявшейся в Минусинске беспартийной инородческой конференции к конфискации ценностей отнеслось положительно.⁸ В целом по Минусинскому уезду, несмотря на протесты верующих в самом уездном центре и некоторых селениях, данная кампания прошла для властей безболезненно.⁹

Начавшееся по инициативе большевиков «обновленческое» движение поделило территорию Енисейской и Красноярской епархии на несколько частей с назначенными иерархами. Епископ Енисейский и Красноярский Зосима (А. Сидоровский) возглавил в сентябре 1922 г. епархию уже в качестве «обновленческого» архиерея.¹⁰ В результате этого и насаждения подконтрольного властям губернского церковного управления (ЦУ) сложилась автономная система управления «тихоновскими» и «обновленческими» приходами. При поддержке советской власти «обновленчество» оформилось в Минусинске во главе сначала со священником

Г. Ивановым, затем с епископом И. Орфеевым, которого впоследствии сменил А. Турский.

Новое церковное течение на местах началось с вытеснения «тихоновцев» из храмов. Эти притязания «обновленцев» в Минусинске были встречены их оппонентами с крайней враждебностью. Инициаторами сопротивления стали духовенство Троицкой церкви и монашествующие женской обители. С озвучиванием информации уполномоченного губернского отдела ГПУ в уезде Я.П. Пакална о том, что они якобы натравили прихожан, которые чуть ли не утертвили Иванова, участники состоявшегося 17 января 1923 г. заседания президиума Минусинского уездного комитета РКП(б) решили подвергнуть ряд священников-«тихоновцев» высылке, а монастырь – обыску. В результате принятия таких мер к марту того же года в уезде при наличии 500 священнослужителей численность «обновленцев» увеличилась с 80 до 120 человек. Но присланный губернским ЦУ новый епископ Орфеев показал себя, по мнению чекиста, тайным сторонником «тихоновской» церкви. Несмотря на то, что члены президиума согласились с его доводами о неблаговидной деятельности этого архиерея и решили, что Иванову должность сдавать не следует, тот всё же был переведён настоятелем в Усть-Фыркальскую волость.¹¹

Притеснения и гонения со стороны государства на служителей культа выражались прежде всего в лишении их избирательного права и в налоговом давлении, которое приводило приходы и духовенство к разорению. Религиозные организации были причислены к частным предпринимательским обществам, а священнослужители, исполнявшие свои обязанности по договору с общиной, – к категории лиц, «получающих доход не по найму». За неуплату же налога в срок власти могли отобрать храм у «тихоновцев» и передать его «обновленцам», которые, как правило, из-за малочисленности прихожан налоги не платили. «Живоцерковники», зачастую получавшие поддержку в чекистском ведомстве, находились в лучшем материальном положении, чем староцерковники. Причём, спецслужбы, обвиняя священнослужителей из Хакасии в осуществлении агитации за подчинение им сельсоветов и недопущение детей в школы, где не преподавался Закон Божий, репрессиям в первую очередь подвергали пастырей «тихоновского» течения. Даже в отношении видных служителей местной церкви советскими правоохранительными органами заводились дела по ряду статей УК РСФСР с запрещением богослужения и выездов за пределы Минусинска.¹²

Под влиянием антирелигиозной политики советской власти позиции церкви в духовной жизни населения сначала несколько ослабли. Соответственно менялось отношение к Православию и у хакасов. Так, в Аскизе общество предложило священнику Доможакову непосредственно послужить его интересам и избрало его десятником. Жители селения Чиланы отказались содержать решившего вернуться к ним священника В.А. Арпасова, за что получили от него прозвище «коммунисты».¹³ Но вскоре позиции «тихоновцев», консолидировавшихся на юге Енисейской губернии вокруг минусинского архимандрита Димитрия (Д.М. Вологодский), по причинам, в сущности независимым от советской власти, стали усиливаться. В мае 1923 г. в Москве состоялось его хиротонирование в качестве епископа, а следом открылась Минусинская и Усинская епархия. «Обновленчество» в регионе постепенно теряло авторитет среди духовенства и верующих. 19 ноября 1923 г. в Средненской кладбищенской церкви г. Минусинска была совершена первая архиерейская литургия. На ней принесли покаяние в «обновленческом» расколе протоиерей Д. Дубровин и священник Н. Соловьёв. Следом началось возвращение в лоно «тихоновской» церкви и религиозных общин. Если до открытия Минусинской кафедры из 125 приходов Минусинского уезда и Усинского края 115 – относили себя к «живой» церкви, то с появлением нового Владыки 95 – стали «тихоновскими». Прошедший в Минусинске 26 июня 1924 г. с целью демонстрации своих сил съезд «обновленцев», напротив, показал слабость их движения: вместе с мирянами на нём присутствовали только 46 представителей «обновленческих» приходов.¹⁴

Начиная с 1924 г., власти уже отмечали случаи сочувственного отношения хакасов к духовенству. Так, к примеру, жители с. Чебаки и Усть-Ерба снабжали его продуктами и старались освободить от уплаты повышенных налогов. Монашествующие из Тунгужульского сельсовета Кузнецкого уезда Томской губернии успешно собирали продукты для своих пастырей в селениях Чебаковского и Таштыпского районов Хакасии.¹⁵

Многие хакасы оставались в лоне Православной церкви, верили в её святыни и при возмож-

ности проявляли свои религиозные чувства даже в массовом порядке. Когда в крупных русских селениях организовывались торжественные богослужения, то на них съезжались тысячи хакасов. Так, например, было в августе 1924 г. в с. Шарыпово Ачинского уезда по случаю молебна с «чудотворной» иконой.¹⁶

Борьба, происходившая между религиозными течениями, способствовала усилению власти церковных советов, а вместе с ними и влияния прихожан. В случае неповиновения или утраты священниками духовных качеств им отказывалось в содержании. К примеру, Минусинская община некоторое время даже обвиняла епископа Димитрия в разобщённости духовенства, а некоторые её члены втайне желали его замены.¹⁷

Вследствие бегства в Минусинском крае скопилось большое количество священников. Как сообщал властям один из членов ревкома, созданного в инородческом районе, в его волостях наблюдалось «поповское засилье». Здесь на 10 церквей и молитвенных домов «обновленческого» и 7 церквей «тихоновского» течения приходилось 32 служителя. Но в основном изменений в духовной жизни населения было мало. К примеру, в селениях Усть-Есинской волости по-прежнему священник служил молебны, от селения к селению передвигались странники, появлялись и исчезали «таинственные старцы», а в религиозных местах возводились кресты.¹⁸

С освобождением патриарха Тихона и появлением его воззваний к марту 1925 г. жизнедеятельность староцерковных приходов была восстановлена и регламентировалась Красноярско-Енисейской (епископ Амфилохий – А.Я. Скворцов) и Минусинской (епископ Димитрий) епархиями. В Минусинске с апреля того же года совет Православной церкви начал издавать газету «Голос церкви».¹⁹ Кое-где состоялись даже захваты «тихоновцами» церквей. Так, в с. Ширыштык группа лиц во главе с церковным старостой, мотивируя своё поведение тем, что пастырь Фёдоров являлся «обновленцем», объявила совершаемые им обряды незаконными и прогнала его из храма. Создание церкви в с. Бородино Хакасского округа осуществляли «тихоновские» служители путём сбора подписей среди населения, проводя при этом антисоветскую агитацию.²⁰

Но в Хакасии все ещё численно преобладало «обновленческое» духовенство. Так, в 1924 г. усилиями священника П. Нечаева была освобождена от «тихоновцев» Усть-Абаканская церковь. При наличии, к примеру, священника из д. Сабинка Розалиева, который в октябре того же года, объезжая селения Таштыпского района, зачитывал обращение патриарха Тихона, обвинявшего власть в гонениях, духовенство других приходов боролось с влиянием старой церкви. С коллективным заявлением против «тихоновцев» в 1925 г. выступили священники К. Холдаев (или Холдевич) (Усть-Ербинская церковь), З. Майлов (Батеневская), П. Муниин (или Мухин) (Верхне-Ербинская), В. Кривоногов (Усть-Фыркальская), Н. Гробовой (или Грабовой) (Сонская) и Н. Силин (Ширинская).²¹

Следствием этой борьбы стали продолжавшиеся сокращение численности священников «тихоновцев» и утрата ими храмов. В сер. 1920-х гг. в Хакасии насчитывалось 16 «обновленческих», 50 баптистских и только 6 староцерковных служителей. Из 19 церквей, имевшихся в округе, власти к февралю 1926 г. 2 закрыли, а 11 – передали «обновленцам». В 1926 г. прекратил своё существование и Матурский женский монастырь. Поселившись в Анжуле Таштыпского района, около 10 монахинь образовали «нелегальную» общину, ликвидированную ОГПУ лишь в мае 1931 г.²²

Ослабляющее институт РПЦ противоборство «тихоновцев» и «обновленцев» отрицательно сказалось и на решении вопроса о создании самостоятельного церковного управления в Хакасии, ставшего необходимым с образованием уезда и округа. Когда тот же священник Нечаев 1 июля 1925 г. обратился с таким заявлением в Красноярский епархиальный совет, то ему разъяснили, что «до окончательного решения Сибирского областного церковного Совета хакасские церкви находятся в подчинении Красноярского епархиального церковного управления». Только через год управление уведомило местных священников о том, что создаётся временный Хакасский окружной церковный орган.

В начале 1927 г. состоялся съезд, на котором священники и прихожане обсуждали вопрос об образовании «обновленческой» епархии. Они избрали благочинным протоиерея Усть-Ербинской церкви К.И. Холдаева, а его заместителем священника Усть-Фыркальской церкви В.К. Кривоно-

гова. 21 октября того же года собрался второй съезд духовенства и мирян, посвященный созданию Хакасской епархии. Но далее обсуждения человеческих качеств кандидатов в епископы дело не продвинулось.²³

Важной особенностью религиозной жизни на юге Красноярья всегда являлось развитое «сектанство». Его масштабы объясняются большим потоком ссыльнопоселенцев, среди которых находились лица различных национальностей и вероисповеданий. Самое популярное среди «сектантов» баптистское движение здесь началось с появления в 1891 г. в с. Очуры сосланного проповедника Вержбицкого. В местах компактного проживания эстонцев, латышей, финнов и немцев стали создаваться лютеранские приходы с обслуживанием обширной территории. На май 1921 г. в Минусинском уезде существовали 174 молитвенные здания, из них 4 были лютеранскими, по 2 – католическими и магометанскими (мусульманскими), 3 – баптистскими, по одному – иудейским (еврейским) и молоканским и 14 – старообрядческими. Обслуживались они в конце 1923 г. 227 священнослужителями, в т.ч. 154 православными, 17 старообрядцами, 4 мусульманами, 3 протестантами, 2 баптистами, 2 иудеями и католиком.²⁴

Протестанты уже приспособились к изменившимся политическим условиям. Их руководство предприняло меры, направленные на сближение с органами советской власти, а те старались разрешить конфликтные ситуации мирным путём. Обращаясь к молодёжи, которая при записи, например, в баптистские общины освобождалась от военной службы, их проповедники успешно действовали в местностях уезда. Но существование этих религиозных организаций властями признавалось опасным, ибо они, распространяя слухи о неизбежности войны, вели антисоветскую агитацию. Называя В.И. Ленина «приятелем» антихриста, а советские учреждения – «сатанинскими», баптисты угрожали коммунистам «судом Божиим». Так, с призывом к неповиновению советской власти в марте 1923 г. ездили по сёлам четыре проповедника Минусинской общины. Недобрым было отношение «сектантов» и к представителям «живой» церкви: один из членов возникшей в Минусинске общины иоаннитов оскорбил священника, сорвав с него одеяние.²⁵ К тому же, природные особенности региона делали «сектантов» малоуязвимыми от властей. Благоприятную почву для роста их движения создавало и размежевание Православной церкви.

Длительное время РПЦ проводила своё учение в массы, опираясь на помощь и силу государственных структур. Когда же такой поддержки не стало и Православие приняло основной удар в борьбе коммунистического режима с религиозным мировоззрением, она оказалась менее конкурентно способной по сравнению с теми конфессиями, которые в условиях самодержавия выработали практику миссионерской работы среди населения, а объявленная советской властью свобода совести позволила им пропагандировать своё учение.

В результате только 216,7 тыс. человек, или две трети всего населения Минусинского уезда являлись православными верующими, а старообрядцев в 1923 г. насчитывалось 2,6 тыс. и баптистов – 900-1000 человек. Движение баптистов здесь, сосредоточив до 60% общинников губернии, располагало большими религиозными возможностями. Не менее 20 баптистских общин, имевшихся, в частности в Очурах, Мигне и Усинском, объединялись вокруг Минусинского молитвенного дома с проповедниками Подковским и Боровым. Их движение имело налаженный аппарат Сибирского и районных союзов, связь и поддержку Омского миссионерского общества – колыбели баптизма в Сибири, собратьев из Германии и Америки. Арендуя в уездном продовольственном комитете мельницу «Вассан», баптисты располагали денежными средствами, которые пополнялись еще и безоговорочными самообложениями.²⁶

Распространение «сектантства» и усиление его влияния заставили органы советской власти приглядеться к этому явлению и, объявив его «контрреволюционным», применить «запретительную» тактику и внедрение своих людей в «секту». Представительство ГПУ по Сибири в ультимативном порядке потребовало от баптистов полностью отойти от политической деятельности.²⁷

Следуя общим курсом, местные коммунисты 2 февраля 1923 г. на закрытом заседании президиума Минусинского уездного комитета РКП(б) поручили чекистам разработать меры по борьбе с «сектантством», а 4 апреля – решили изъять у баптистов мельницу. Новые административные ограничения советских органов выразились в отказе от перерегистрации и закрытии общин и совета баптистов. На руководителей минусинской общины евангельских христиан-баптистов Г. и

В. Ткаченко, членов её Крылова и Сизова, проповедников Шахматова, Лепешкина и Дмитриевича были заведены уголовные дела. Но репрессивные меры привели лишь к переходу религиозных общин на нелегальное положение.

Поэтому с объявлением представительством ГПУ в начале августа 1923 г. о прекращении административной кампании основным в отношениях властей к евангельским христианам и баптистам стали разложение их рядов, подрыв идейного влияния, раздробление на отдельные группы и обострение внутренней борьбы. С этой целью сначала на заседании Енисейского губернского комитета РКП(б) 22 октября 1923 г., а затем и при его уездных аппаратах были созданы специальные комиссии. Результатом их деятельности стал раскол «сектантских» общин по вопросу об отношении их членов к военной службе. Всесибирский совет баптистов признал советскую власть и призвал верующих отказаться от антисоветской и антимилитаристской пропаганды.

В Минусинском уезде действия властей по разложению общин привели к тому, что из-под контроля Подковского вышли, вероятно, по завышенным данным партийного органа, 700 членов, что сократило численность баптистов до 710 человек.²⁸

Но разгромить баптистское движение властям не удалось. Закрытые Союз и общины вскоре восстановились. Уже в июле 1924 г. для объединения «сектантов» в селениях юга губернии появились архиерей Давыдов и некий Смирнов, которым в с. Усинском, к примеру, жители устроили радушную встречу. Не обращая внимание на советскую действительность, жители с. Иудино Малыхин и Мясин в ноябре того же года организовали группу детей и вели занятия с ними «по старинке», с преподаванием псалмов. Общинную землю субботники и молокане продолжали делить не по наличию в хозяйстве скота, а по количеству «бойцов», т.е. трудоспособных лиц.

Более того, начиная с 1925 г., появились признаки усиления «сектантства». В д. Маяки Мало-Минусинской волости появились хлысты, в селениях Очурской волости – секта «Новый Израиль». «Сектантство» возникло и в только что образованном Хакасском округе. Численность баптистов в с. Подсинее составляла 78, а к 1926 г., уменьшившись из-за ухода молодёжи, – 50 человек.²⁹

Часто слабой и неубедительной оказывалась и антирелигиозная работа сторонников советской власти, осуществляемая ими в деревне против РПЦ. Даже члены коммунистической ячейки, например, в обрусевшем хакасском селении Косой Ложок Чебаковского района, вероятно, по устоявшейся традиции сопровождали создание новых семей религиозными обрядами. Или в сообщении представителя Сибирского крайкома ВКП(б) о деятельности партийной организации Хакасии за 1926 г. отмечалось, что, несмотря на значительное влияние христианства и шаманизма на хакасов, атеистическая пропаганда среди них не велась. Закрытие церкви в Чебаках было проведено так, что вызвало возмущение верующего населения. Публичный диспут, организованный между верующей учительницей и коммунистом-атеистом, также завершился его поражением.³⁰

Несмотря на антирелигиозную деятельность коммунистов, в жизни хакасов происходили религиозные события, оказывающие массовое воздействие на людей. Так, в 1925 г. у жителя одного из селений Аскизского района произошло «обновление» иконы Святых апостолов Петра и Павла, после чего местное общество стало устраивать к ней паломничество. С июня 1926 г. вблизи селения Карагай (или Пичегол-?) Таштыпского района Хакасского округа, где хакас П. Кужаков увидел явление Божие, собирались на молебны до 2-3 тыс. человек местного населения, которых обслуживали священники Розалиев, Бычковский и Доможаков.³¹ Уже в 1930-е гг. в местности, находившейся вблизи селения Сафронов, одной из жительниц явился Бог. На этом месте была воздвигнута икона Святого Георгия Победоносца, куда потом съезжались паломники из соседних селений.³²

В определённой степени Православие даже соотносилось с традиционным мировоззрением коренного населения. Духовенство продолжало частично состоять из лиц хакасской национальности. Среди 38 священников, диаконов, псаломщиков, просвитера и даже епископа (А. Лавров), имевшихся в Хакасском округе, по национальности хакасами были пятеро священников и двое псаломщиков, в частности Н.Ф. Барахтаев, В.Н. Каганов, И. Токмашев (с. Аскиз), Г.И. Отыргашев (Большая Сея), В.И. Толмачёв (Парная), Н. Шоев (Чарков) и Г.И. Шоев (Синявино).³³

Более того, согласно утверждению одного из красноярских историков, якобы произошедшая

во втор. пол. 1920-х гг. «модернизация» религиозной сферы, в ходе которой православные организации предпринимали всяческие меры к примирению существующих течений, сделала возможными «быстрые темпы» новой евангелизации хакасов, принявшей в то время «массовый характер». В результате «наступательной» деятельности религиозных организаций и верующих произошла, пишет этот автор, консолидация хакасского и русского населения на почве веры.³⁴

Государство продолжало антирелигиозную политику. В начале 1925 г., например, излишним, как считали верующие с. Подсинего, было вмешательство в церковные дела со стороны Усть-Абаканского районного исполкома и местного сельсовета: с церкви для пожарной дружины сняли колокол, у священника отняли корову, полученную им от жителей за исполненную службу, а поощряемые властями комсомольцы использовали в спектакле церковные ризы.

Вследствие того, что государство в борьбе с церковью провоцировало хулиганство, а комсомольцам, случалось, были присущи пьянство и демонстративная сексуальная распущенность, их антицерковная деятельность принимала богохульско-хулиганский характер. Допускали они на антирелигиозной почве и преступные действия. К примеру, член Чебаковского райкома РКП(б) и будущий комсомольский вожак хакасской молодёжи И.М. Киштеев возглавил милиционеров, которые, выдавая себя за «бандитов», обстреляли дом священника и ранили его. Поведение Киштеева осуждалось районным партийным органом, а дело его для расследования было передано в ОГПУ. Но в дальнейшем губернский суд, получив поддержку Хакасского уездного комитета партии, от рассмотрения его отказался. 28 марта 1925 г. комсомольцы из хулиганских побуждений совершили кражу из минусинской церкви. В ночь на 7 августа было похищено церковное имущество в с. Усть-Ерба Хакасского округа. Ещё одно хищение из церкви состоялось в с. Батени. Организовав погоню, местная милиция задержала уходивших на лодках по Енисею жителей Минусинска, у которых и было обнаружено похищенное.³⁵

В целях борьбы с шаманизмом в Хакасском округе была создана специальная группа, которая, пропагандируя советскую культуру, ставила в хакасских селениях инсценировки на бытовые темы из жизни коренного населения. Однако антирелигиозная деятельность имела успех только среди молодёжи, а старшие поколения коренного населения её не воспринимали.³⁶

Начавшиеся в кон. 1920-х гг. чрезвычайные хлебозаготовки и налоговые изъятия ещё более усилили гонения на духовенство. Как правило, на служителей культа накладывались «твёрдые задания», которые выполнить было невозможно, а затем они, механически попадая в категорию «кулаков», подвергались хозяйственной экспроприации и выселению. Так, в январе-феврале 1928 г. было совершено описание и конфискация имущества священнослужителей в с. Аскиз и Сон.³⁷

В этих условиях среди населения вместе с крайним и показным отчуждением от Православия наблюдались лихорадочные поиски духовного равновесия, выражавшиеся в распространении «сектантства», иных, часто смешанных форм вероисповедания. Ещё ранее группа иоаннитов из девяти человек образовалась в селении Балыков. Они посещали молельню, связались с подобной же организацией в Чебаковском районе, совершили крестный ход к месту богоявления и одновременно якобы занимались антисоветской агитацией.³⁸

К этому времени относится и появление в Минусинске отделения Союза «Безбожник», налаживание его антирелигиозной пропаганды. Созданное по инициативе окружного комитета партии в марте 1928 г., оно сразу же приступило к действиям, отвлекаям население от празднования Пасхи. Его выездами в деревню с соответствующими беседами и показом кино были охвачены 3,2 тыс. человек. В городе были организованы оргбюро, 6 ячеек и столько же кружков, специальные курсы, а в сельской местности – 13 ячеек в составе 123 членов.³⁹

Но при осуществлении пропагандистских мероприятий как «безбожниками», так и коммунистами случались и провалы. К примеру, Таштыпский районный исполком, деятельность которого в дальнейшем подверглась критике партийного руководства, проводил антирелигиозную работу путём запугивания шаманов применением вооружённой силы, что только усиливало религиозный «фанатизм» населения.⁴⁰

Несмотря на заявление руководства Союза «Безбожник» о разложении общин, всё более набирало силу «сектантство». К маю 1928 г. в Минусинском округе баптистскими считалось 61 селение, в которых проживал 1081 член «секты». За год выход из них составил 63, а приход – 109

человек.⁴¹ С целью обращения в веру новых адептов баптисты оказывали внимание личной жизни «братьев», устраивали их трудиться в свои артели, на мельницу и использовали культурное и хозяйственное воздействие. Семьи верующих выписывали журнал «Баптист», пользовались Библией Берлинского издания с переводом на русский язык. В Минусинской общине был создан хор, знающий нотную грамоту, струнный оркестр с дирижёром, а Ново-Дмитриевская – располагала, кроме такого же оркестра и хорового коллектива, ещё и двумя фисгармониями. С такой культурной оснащённостью баптисты обслуживали общины и в отдалённых деревнях. Не был чужд баптистам и коллективный труд: в с. Монастырском Бейского района они образовали общее хозяйство с мельницей.

Насыщенность и разнородность конфессионального пространства отразились в изменении религиозного спектра, возникновении новых, росте уже существующих течений. К ноябрю 1928 г. в Минусинском округе имелись 107 общин в составе 2,3 тыс. старообрядцев разного толка, 1,2 – баптистов – евангелистов и христиан-адвентистов, 2,3 – лютеран, 337 католиков, 130 мусульман, 82 еврея, 38 евреев-субботников, 22 хлыста секты «Новый Израиль» и 7 «подпольщиков-душителей». Подчиняясь избранному Совету и его председателю – всё тому же Подковскому, молодые баптисты могли смело посещать даже устраиваемые Союзом «Безбожник» беседы с химическими опытами, заявляя при этом, что «наука не противоречит религии». В то же время, по мнению властей, «сектанты» отвлекали население от перехода в колхозы, культурного развития, занятий в сельсоветах, избах-читальнях и красных уголках. Дети баптистов, как правило, в школах учились только грамоте, а молодёжь, которая всё же привлекалась к прохождению военной подготовки или попадала в армию, отказывалась брать в руки винтовки.⁴²

Но в силу того, что государство всячески поддерживало безбожие, а верующие стремились в соответствии с требованиями времени к реформированию культовой практики, «сектантство», случалось, теряло своих членов и дробилось. Назревал раскол в молоканских общинах: к примеру, в с. Иудино одна из них уже распалась. Бывший баптистский проповедник Крылов не только отказался от веры, но и стал распространять атеистические воззрения среди населения. Среди мусульман происходила борьба «прогрессивного» и «реакционного» духовенства. Лютеранские общины разделились на синодальные и свободные группировки. У евангельских христиан возникло течение «прогрессистов», а у баптистов – течение «свободных». Шаманы делились на категории «чёрных» и «белых».

Сельское духовенство всё чаще вынуждалось к активному сопротивлению действиям властей. Так, среди жителей д. Ново-Вознесенки Минусинского района, протестовавших осенью 1927 г. против изъятия скрытой пашни, находился и местный священник. Крестьяне, как могли, пытались облегчить судьбу своих пастырей. В феврале 1929 г. середняки с. Средний Кужебар Минусинского округа, заявив, что они «тоже пели на клиросе в церкви», защищали псаломщика от лишения избирательных прав.⁴³

Между тем даже в такое время лица, предназначившие себя служению Богу, находили силы совершать деяния, полезные обществу. Например, в д. Алексеевке того же округа, заселённой неграмотными переселенцами, дочь священника, выучив мордовский язык, в 1929 г. пошла преподавателем в школу, где обучала детей мордвы русской грамоте.⁴⁴

Под воздействием событий всё более отчетливо стала проявляться тенденция расселения «сектантов» по глухим углам округа. Так, вблизи отдалённого с. Беллык Абаканского района баптистская община из 60 членов образовала новое селение, которое вскоре обживали уже 200 поселенцев. Близкий к границе и подтаёжный Каратузский район стал средоточием 917 старообрядцев и более 40 баптистов. В то же время здесь продолжали существовать 16 православных и 3 лютеранских общины.⁴⁵

Некоторые из таких отшельников уже тогда подвергались гонениям. Так, 9-10 февраля 1929 г., вероятно, по инициативе властей состоялись собрания 147 жителей ряда таёжных селений Арталинского сельсовета Хакасского округа, которые рассмотрели поведение некоторых своих сочленов. Обвинив семерых старообрядцев Греховых, проживавших с семьями на одной из заимок, в контрабандистских сношениях с сойотами, браконьерстве, терроризировании местных хакасов-охотников и в срыве мероприятий советской власти, собравшиеся сочли их «контрреволюцион-

ными элементами» и постановили выселить за пределы округа.⁴⁶ Но в основном такие сообщества, существовавшие нелегально, окончательно были закрыты лишь в кон. 1930-х гг.

Возникали новые группы «сектантов» и в хакасских селениях. Некую духовность искали молодёжь и женщины селения Усть-Камышта Аскизского района, посещая местного проповедника Халтариса Троякова, который запрещал им подчиняться сельсовету, вступать в комсомол и колхоз. Или в селении Красные Ключи в 1930 г. была создана организация «Пазарых» («Поклонение»), состоявшая из 10-12 хакасов иоаннитского толка, якобы борющихся со вступлением коренного населения в колхоз. Силами правоохранительных органов лица, инициировавшие создание этих групп, были арестованы, а сами они подверглись разгрому.⁴⁷

Можно предположить, что тогда в связи с политическими событиями почву для развития среди определённых групп коренного населения имел и бурханизм, обрядовые признаки которого являлись схожими с шаманистскими. Выполняемые современными хакасами символические обряды кропления молоком, повязывания ленточек (чаломы) и пр., которые были свойственны «белой вере»,⁴⁸ свидетельствуют о возможности такой ситуации. Но русские по происхождению документы 1920-х гг. не содержат свидетельств, подтверждавших наличие у хакасов в это время «троеверия».

Напротив, один из документов, датированный 1925 г., рассказывая о скрытности и религиозной устойчивости хакасов, сообщал, что коммунисты затрудняются вести антирелигиозную пропаганду среди хакасов, т.к. они «не допускают рассуждений против богов» (а не одного – Ах-Худая, как в бурханизме – *А.Ш.*).⁴⁹ Для развития «белой веры» тогда не было объективных предпосылок. В сходной ситуации, к примеру, на Алтае гонения и репрессии коммунистов, направленные против служителей и верующих, привели к фактическому вытеснению бурханистских элементов из духовной культуры ойротов на уровень повседневно-бытовой обрядности.⁵⁰

Воспринимаясь лишь с внешней, обрядовой стороны, в духовность хакасов проникали и накладывались друг на друга элементы ламаистского, а более того – христианского вероучения. Начинало давать плоды и коммунистическое безбожие. Вместе с тем, коренные жители, по наблюдениям очевидцев, всегда оставались «более язычниками, чем христианами»,⁵¹ что и получило наглядное выражение, например, в наличии у них двух имён. Об этом же свидетельствует и такой факт, сообщённый местной печатью в качестве курьеза. Наблюдаемое в Синявинской волости в ночь на 21 февраля 1924 г. лунное затмение было понято хакасами так: шайтан (чёрт) пытается захватить луну, чтобы навсегда закрыть её от людей. Придя в большое смятение, они, вооружившись вёдрами, заслонками и тазами, выбежали на улицу и, чтобы отогнать от луны нечистого духа, подняли «невообразимый» шум.⁵²

По мнению специалистов, хакасы оставались приверженцами шаманизма, который сохранялся как общий пласт культуры и функционировал в качестве общественной интегрирующей силы. Наличие в шаманизме системы верований, разработанного ритуала и института служителей культа позволяло ему являться религией, в которой шаманы с целью решения разных проблем устанавливали сакральные связи человека и общества со сверхъестественной реальностью.⁵³

Поддерживаемые национальной интеллигенцией и даже местными управленцами, шаманы были лицами, авторитетными среди населения. Высокой была их социальная и общественная активность: являясь духовными наставниками, шаманы при почти полном отсутствии медицины занимались ещё и лечением людей. В некоторых селениях они находились во главе сообществ и содержались населением. Будучи важнейшим связующим элементом в традиционном мировоззрении хакасов, они ежегодно проводили моления, посвящённые стихиям воды, гор и неба. В 1917-1924 гг. на территории Хакасии было совершено 4025 камланий.

Сохранившийся, а где-то и возрождавшийся шаманизм вызывал административное и идеологическое преследование служителей национального культа. Начиная с 1923 г., власти стали лишать шаманов избирательных прав, что позволяло выселять их за пределы региона. Прокуратура Хакасского округа в 1926 г. даже внесла дополнительный пункт в УК РСФСР о шаманизме. Согласно советскому законодательству, все лица, занимавшиеся шаманской практикой могли быть привлечены к уголовной ответственности.

Тем не менее, в 1926 г. здесь насчитывались 72, а в 1928 г. – 77 шаманов, проживавших в 70 хакасских селениях, в основном долины р. Аскиз. То есть их было в два раза больше, нежели

православных священников. Несмотря на то, что шаманская деятельность, связанная с «нечистой силой», относилась хакасами к разряду незавидных профессий, услугами камов пользовались русские крестьяне и даже советские служащие. Так, начиная посевную кампанию 1929 г. председатель Усть-Уйбатского сельсовета Тараканов пустился на поиски шамана,⁵⁴ должного, очевидно, испросить у духов поддержки.

Общественное сознание хакасов строилось на основе признания тождества человека и природы. Согласно наблюдениям учёных, в мировоззрении аборигенов Саяно-Алтая существовал прочный запас собственных представлений, при наличии которого в его систему мог быть допущен лишь ограниченный и определённый набор образов и идей. Поэтому под влиянием Православия у коренного населения изменились соционормативная подсистема (мораль, право, обычай и ритуал) и жизнеобеспечивающая сфера, но его элементы не стали частью этнической культуры. По свидетельству этнографов, ни христианству, ни ещё ранее ламаизму, не удалось вытеснить традиционное верование хакасов.⁵⁵

Как сообщали правоохранительные органы, у коренных жителей во второй половине 1920-х гг. «скрытно» существовали «пережитки прошлого» в виде поклонения горным духам, др. видов камлания, соблюдения обрядов «карамчения» или «умыкания» невесты, а также уплаты женихом её родителям калыма. Наблюдалось осуществление и других традиционных народных обычаев: очевидцы считали проведение национальных праздников и коллективных служб явлением повсеместным. Массовые моления с жертвоприношениями имели место даже во время коллективизации, а закончились они только в конце 1930-х гг.⁵⁶

Накануне массовой и насильственной коллективизации государство с целью подрыва религиозных основ и влияния РПЦ на крестьянство нанесло ей очередной удар. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» духовенству было запрещено заниматься иной деятельностью, кроме удовлетворения религиозных потребностей верующих преимущественно в рамках молитвенных помещений. Оно оказалось причисленным к нетрудовым элементам, «кулакам» и облагалось усиленным налогом и хозяйственными сборами. Эти отчуждения возлагались на членов религиозных общин, что и обусловило сокращение численности прихожан и способствовало массовому закрытию церквей.

Усилившееся наступление коммунистического режима на религиозном фронте в форме ареста служителей и активистов-верующих, закрытия храмов, привели к ослаблению всех конфессий. Однако регистрация религиозных общин, проведённая властями в кон. 1929 г., показав, что в Минусинском округе существовали 168 объединений, в т.ч. 122 православных, засвидетельствовала их жизнеспособность.⁵⁷

Следовательно, религиозная ситуация, которая складывалась с 1917 г. на территории южных местностей Приенисейской Сибири, была сложной. Наряду с Православием здесь в общественном сознании существовали и др. вероисповедания. В силу разных причин среди населения развитым оказалось «сектантство». Хакасы продолжали жить со сложным мироощущением, состоявшим из элементов разных религий и основанным прежде всего на традициях, но отличным от коммунистических воззрений. С приходом к власти коммунистов, насаждавших собственную идеологию, среди местного общества, наряду с вероотступничеством, наблюдалось и обратное – усиление религиозности, которая принимала всё более скрытный и интимный характер в форме самосвяства.

Между тем государство, подстегивая процессы интернационального взаимодействия, распространения атеистических и коммунистических воззрений и используя административно-пропагандистские методы, предприняло попытку утвердить общеобязательные мировоззренческие принципы и сформировать единую культурно-цивилизационную систему. Взяв на себя административные и идеологические функции, коммунисты на местах неизбежно должны были столкнуться с необходимостью ломки традиционного уклада в жизни общества.

2013

Примечания:

¹ Официальный сайт Абаканско-Кызыльской епархии РПЦ, История Православия на территории Хакасии и Тувы (краткий очерк) [Электронный ресурс] / URL: <http://abakan-eparchy.ru>.

² Хоменко Д.Ю. Задачи христианизации коренного населения Енисейской губернии во втор. пол. XIX – нач. XX вв.

- // Енисейская губерния - Красноярский край: 190 лет истории. VII краевед. чтения. – Красноярск, 2012. – С. 30, 33.
- ³ Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан, 2003; Очерки истории Хакасии (с древнейших времён до современности). – Абакан, 2008. – С. 452, 466.
- ⁴ Гладышевский А.Н. ошибался, датируя принятие этого документа 23 февраля 1918 г. (К истории христианства в Хакасии. – Абакан, 2004. – С. 73). Затем эта ошибка перешла в официальные документы местной епархии.
- ⁵ Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991): Мат-лы и док-ты по истории отношений между государством и церковью. – Кн. 1. – М., 1995. – С. 113-115.
- ⁶ Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917-1929 гг. – М., 2008. – С. 20.
- ⁷ Муниципальное учреждение «Архив г. Минусинска» (МУАГМ). Ф.25. О.1. Д.225. Л.170.
- ⁸ Гладышевский А.Н. К истории христианства в Хакасии. – Абакан, 2004. – С. 73.
- ⁹ 4-й уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Минусинского уезда. С 17 по 21 ноября 1922 г. – Минусинск, 1923. – С. 8.
- ¹⁰ Официальный сайт Абаканско-Кызыльской епархии РПЦ [Электронный ресурс] / URL: <http://abakan-eparchy.ru>.
- ¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П.-1. О.1. Д.276. Л.82-83, 125.
- ¹² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р.-49. О.2с. Д.130. Л.201; Официальный сайт Абаканско-Кызыльской епархии РПЦ [Электронный ресурс] / URL: <http://abakan-eparchy.ru>.
- ¹³ Власть труда. – 1924. – 8 июня.
- ¹⁴ Доброновская А.П. Русская Православная Церковь в Енисейском регионе в 1920-е гг. // Возрожденная епархия: Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. – Вып. 1. – Красноярск, 2005. – С. 39; Официальный сайт Абаканско-Кызыльской епархии РПЦ [Электронный ресурс] / URL: <http://abakan-eparchy.ru>; ГАКК. Ф. Р.-49. О.2с. Д.130. Л.115.
- ¹⁵ Отдел документов новейшей истории Государственно-казённого управления Республики Хакасия «Национальный архив» (ОДНИ ГКУ РХ НА). Ф.14. О.1. Д.20. Л.8, 81; Ф.1. О.6. Д.18а. Л.54.
- ¹⁶ ГАКК. Ф.1. О.1. Д.750. Л.85.
- ¹⁷ Доброновская А.П. Религия и общество в Енисейской губернии накануне «великого перелома». 1926-1928 гг. [Электронный ресурс] / URL: <http://cultus.org.ru/material/dobronovskaya11.php>.
- ¹⁸ ГАКК. Ф. Р.-49. О.2с. Д.96, ч. 2. Л.419.
- ¹⁹ ГАКК. Ф.1. О.1. Д.498. Л.96; Доброновская А.П. Русская Православная Церковь... – С. 41-42; Панов И.П. Партийная организация Енисейской губернии во главе борьбы за восстановление сельского хозяйства в условиях НЭПа (1921-1925 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1959. – С. 16.
- ²⁰ ГАКК. Ф. Р.-49. О.2с. Д.130. Л.148; ГАО. Ф. Р.-20. О.2. Д.94. Л.1.
- ²¹ Гладышевский А.Н. К истории христианства в Хакасии. – С. 75-76; ГАКК. Ф. Р.-49. О.2с. Д.130. Л.200.
- ²² ГАО. Ф. П.-2. О.1. Д.509. Л.265; ОДНИ ГКУ РХ НА. Ф.14. О.1. Д.14. Л.17.
- ²³ Гладышевский А.Н. К истории христианства в Хакасии. – С. 75-76.
- ²⁴ Голос коммуниста. – 1921. – 19 мая; МУАГМ. Ф.25. О.1. Д.276. Л.114.
- ²⁵ ГАКК. Ф.1. О.1. Д.748. Л.11; ГАО. Ф. П.-1. О.2. Д.372. Л.127, 132.
- ²⁶ МУАГМ. Ф.25. О.1. Д.276. Л.114; ГАО. Ф. П.-1. О.2. Д.276. Л.73; Д.372. Л.131, 135.
- ²⁷ Доброновская А.П. Евангельско-баптистское движение и власть в Енисейской губернии (1917-1926 гг.) // Материалы межвузовской научно-практической конференции. 26 апреля 2002 г. – Вып. VII. – Красноярск, 2002. – С. 424, 426.
- ²⁸ Там же. С. 426-428; ГАО. Ф. П.-1. О.2. Д.276. Л.73, 85; Д.372. Л.111; ГАКК. Ф.1. О.1. Д.748. Л.3.
- ²⁹ ГАО. Ф. П.-1. О.2. Д.372. Л.135; Ф.20. О.2. Д.94. Л.1; ГАКК. Ф. Р.-49. О.2с. Д.130. Л.202; Ф.1. О.1. Д.748. Л.5; Д.750. Л.109.
- ³⁰ Подробнее см.: Доброновская А.П. Чудо в жизни православного населения Енисейского региона в 1920-1927 гг. // Сборник материалов IV краеведческих межрегиональных чтений им. В.А. Баландиной. – Вып. IV. – Черногорск, 2005. – С. 187-198; она же. Чудо в жизни православного населения Енисейского региона (1920-1927 гг.) // Материалы «Краеведческих чтений» Хакасского национального краеведческого музея 2004-2005 годов. – Абакан, 2007. – С. 39-50; Бутенко Д.В. Таштыпское явление Иисуса Христа // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4-3 (64). – С. 45-47. В связи с этими событиями органами ОГПУ были арестованы 8 человек. Задержанный и допрошенный монах Т. Шульбаев якобы сознался в том, что являлся Кужакову в виде Бога с горящими бенгальскими свечами (ОДНИ ГКУ РХ НА. Ф.1. О.2. Д. Обзор политического состояния Хакасского округа за август, октябрь 1926 г. Л.43).
- ³¹ Гладышевский А.Н. К истории христианства в Хакасии. – С. 77.
- ³² ГАКК. Ф. Р.-49. О.2с. Д.130. Л.90; ГАО. Ф. Р.-20. О.2. Д.94. Л.1; Кыржинаков А.А. К истории православия и буддизма у хакасов // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири: Мат-лы межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию старейшего историка и краеведа Хакасии А.Н. Гладышевского, 18-19 дек. 2008 г., г. Абакан. – Абакан, 2008. – С. 98-99.
- ³³ Государственно-казённое управление Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ НА). Ф.16. О.3с. Д.3. Л.1.
- ³⁴ Доброновская А.П. Русская Православная Церковь... – С. 43.
- ³⁵ ГАО. Ф. Р.-20. О.2. Д.45. Л.4; МУАГМ. Ф.369. О.1. Д.10. Л.272; ГКУ РХ НА. Ф.16. О.3с. Д.1. Л.1-2; ОДНИ ГКУ РХ НА. Ф.14. О.1. Д.18. Л.17-18.
- ³⁶ ГАО. Ф. П.-2. О.1. Д.509. Л.71.
- ³⁷ ОДНИ ГКУ РХ НА. Ф.1. О.3. Д.66. Л.95.
- ³⁸ ГКУ РХ НА. Ф. 674. О.1а. Д. П.-17486. Л.114.
- ³⁹ ГАКК. Ф. 60. О.1. Д.768. Л.6-7.
- ⁴⁰ Гладышевский А.Н. К истории христианства в Хакасии. – С. 77.
- ⁴¹ ГАКК. Ф. 60. О.1. Д.612. Л.176.
- ⁴² Там же. Д.768. Л.1-6.
- ⁴³ Советская деревня глазами ОГПУ. - Т. 2. 1923-1929. Док-ты и мат-лы. – М., 2000. – С. 598; ГАКК. Ф.60. О.1. Д.873. Л.41.

- ⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1235. О.141. Д.525. Л.299.
- ⁴⁵ ГАКК. Ф.60. О.1. Д.1019. Л.121; МУАГМ. Ф. 115. О.1. Д.727. Л.71.
- ⁴⁶ ГКУ РХ НА. Ф.16. О.3с. Д.1. Л.68.
- ⁴⁷ Там же. Ф.674. О.1а. Д. П.-15171. Л.64-66, 68-70; Архив управления ФСБ по Красноярскому краю (АУ ФСБ). Д. П.-15510. Л.157.
- ⁴⁸ Насонов А.А. Влияние буддизма и христианства на формирование вероучения бурханизма в ходе процесса синкретизации на территории Алтае-Саян в кон. XIX – нач. XX в. // Мир Евразии (Горно-Алтайск). – 2010. – № 2 (9). – С. 67.
- ⁴⁹ ГАНУ. Ф. П.-2. О.1. Д.509. Л.73.
- ⁵⁰ Насонов А.А. Влияние буддизма и христианства на формирование вероучения бурханизма... – С. 67.
- ⁵¹ Очерки истории Хакасии ... – С. 469, 474, 600.
- ⁵² Власть труда. – 1924. – 7 марта.
- ⁵³ Анжиганова Л.В. Шаманизм как религия // Религия и общество: Мат-лы Межвуз. науч. конф. Абакан, 16 ноября 2002 г. – Абакан, 2003. – С. 103; она же. Религиозное сознание хакасов: исторические формы и современное состояние // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири: Мат-лы Межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию старейшего историка и краеведа Хакасии А.Н. Гладышевского, 18-19 дек. 2008 г., г. Абакан. – Абакан, 2008. – С. 111.
- ⁵⁴ Очерки истории Хакасии... – С. 517-518; Доброновская А.П. Роль религии в жизни хакасов в перв. тр. XX в. // Власть и общество: Межрег. науч.-практ. конф. Окт. 2003 г. – Абакан, 2003. – С. 236; ГАНУ. Ф. П.-2. О.1. Д.509. Л.266; ГАКК. Ф.1. О.1. Д.203. Л.327; ГКУ РХ НА. Ф.16. О.3с. Д.1. Л.143.
- ⁵⁵ Сагалаев А.М. О закономерностях восприятия мировых религий тюрками Саяно-Алтая // Генезис и эволюция культур Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 162, 164, 166, 168, 171.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф.1235. О.123. Д.171. Л.31; МУАГМ. Ф.369. О.1. Д.55. Л.106; Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск, 1990. – С. 85.
- ⁵⁷ Доброновская А.П. Религиозная жизнь населения приенисейского региона на переломе эпох (1905-1929 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2007. – С. 18.

4. ЯЗЫК. ТРАДИЦИИ. ОБРЯДЫ

В.С. Кан,
г. Кызыл, Республика Тыва

Особенности развития национальной модели средств массовой информации (на примере Республики Тыва)

Становление и развитие средств массовой информации (СМИ) народов Сибири прошли в XX веке. Общие черты их истории связаны с заимствованием советского опыта и распространением достижений научно-технического прогресса. Это закономерный результат общецивилизационного влияния, многовековых историко-культурных связей между странами и этносами. В то же время, в различных политических, социально-экономических и этнокультурных условиях формировались специфические черты развития СМИ.

Изучение и обобщение исторического пути развития средств массовой информации остаётся актуальной задачей. Ведь они были не только летописцами эпохи, но и активными участниками и двигателями социальных преобразований. Реконструируя закономерности их развития, мы более полно воссоздаём историю государства, культуры и общества в целом.

В данной публикации мы покажем, чем отличалось развитие тувинских СМИ (1924-1985 гг.). Опыт Республики Тыва уникален: первые газеты и журналы были выпущены в 1925-1926 гг. на монгольском языке, так как национальная письменность ещё отсутствовала. В 1936 г. в эфир вышла первая местная передача радио, а в 1966 г. – телевидения.

Главным стимулом для создания средств массовой информации в Туве, как и во многих странах и регионах, стало возникновение государственности – Тувинской Народной Республики в 1921 г. (далее – ТНР).

Создание государства оказалось возможным благодаря покровительству и поддержке Советского Союза. Внешняя поддержка стала мощным катализатором социально-экономического и культурного развития Тувы. В итоге многие социальные институты, в т.ч. СМИ, были созданы преждевременно. На СМИ были возложены задачи пропаганды социально-политических, эконо-

мических и культурных инициатив большевистской партии и мобилизации местных жителей на их претворение в жизнь.

Логика создания и развития тувинских СМИ была следующей: создание прессы – введение национальной письменности – становление книжной печати – создание радио – распространение массовой грамотности – создание телевидения.

Создать прессу, не имея письменности, удалось благодаря советским специалистам и использованию советского, монгольского и бурятского опыта. В Туву из СССР отправляли оборудование: в сер. 1920-х гг. – типографские станки, в 1935 г. – была передана радиостанция, в сер. 1960-х гг. – телевизионное оборудование. На развитие СМИ выделялись дотации: периодически в ТНР, целенаправленно и масштабно после её вхождения в состав СССР. Партийные органы направляли деятельность СМИ. Для проведения провозглашённого курса, выявления и устранения всех инакомыслящих была установлена система партийно-административного контроля.

Особенность тувинской модели заключалась в приоритетности решения идеологических задач, заимствовании готового опыта. Для усиления идеологической деятельности структура СМИ часто менялась без наличия внутренних условий для таких преобразований. Это объясняет ограниченный характер их распространения. К примеру, при определении коэффициента повышения тиражей и подписки руководство партии исходило не из реальных потребностей населения, а из задачи максимального распространения идеологии. Причины невыполнения планов по подписке газет не выявлялись и критически не анализировались. Практика показывала неэффективность плановой системы распространения газет. Во многих районах лимиты на подписке не осваивались, а в других, судя по жалобам читателей, газеты не могли выписать даже для библиотек.¹

Однако любое явление, насаждаемое только извне, обречено на провал. Создание и развитие СМИ было детерминировано внутренними потребностями тувинского общества: укрепление власти на местах, информирование населения и повышение его культурного уровня, распространение национальной письменности, развитие национальной культуры, удовлетворение возросших коммуникационных и этнокультурных потребностей населения и др. Выпуском газет и журналов, а затем радио и телепередач занимались представители национальной интеллигенции. Они знакомили аратов с газетами на коллективных чтениях (читках).

Создать и развивать тувинские СМИ помогали советские специалисты: журналисты, типографские работники, переводчики, советники и др. Они обучали местные кадры, делились опытом. В становлении прессы неocenим вклад Ф. Пудалова, С. Нацова, Г. Банзаракцаева, Б. Аюшина. В 1942 г. в радиокомитет были приглашены специалисты из СССР: Л. Израйлевич, М. Черницина, М. Попкова, Богатырев и др.² После вхождения Тувы в состав СССР кратковременные курсы повышения квалификации нередко вели опытные талантливые журналисты из центральных газет (Е. Рябчиков, Л. Колодный, А. Гайдар, Игнатъев).

В 1966 г. для помощи в организации работы Кызыльской телестудии прибыла группа работников из Бийской студии телевидения: режиссер Г. Гаркавая, телеоператор В. Клиндухов, кинооператор Ю. Косарьков, из Абакана – режиссёры Н. Сидлер, С. Копушкин и С. Кондинкин.

Особенность развития информационного пространства в республике заключалась в устойчивости устных каналов передачи информации. В условиях сложного географического ландшафта и разрозненности чабанских стоянок медленно развивалась социальная инфраструктура. Газетная информация длительное время передавалась на коллективных читках с помощью посредников. Вплоть до 1970-х гг. живучими были традиции вербального восприятия информации – радио оставалось ведущим средством массовой информации. В ходе перевода аратов на оседлость, в том числе развития городских поселений и современных средств связи росла востребованность печатных СМИ.

Роль СМИ в развитии тувинской культуры не поддаётся однозначной оценке. Они внесли неocenимый вклад в дело ликвидации неграмотности и повышения общей культуры, совершенствование тувинского языка и письменности, становление национальной литературы, укрепление этнического самосознания тувинцев, и, в целом, в развитие современной национальной культуры. С другой стороны, при их участии формировалось негативное отношение к дореволюционному прошлому тувинцев, отрицательное мнение о традиционных верованиях и культуре. В газетных

материалах ламы и шаманы назывались корыстными и алчными «шарлатанами и спекулянтами». Размещались фотографии и рисунки с отрицательным подтекстом.

Специфические элементы чётко проявились в прессе в период Тувинской Народной Республики. Это связано с тем, что некоторые вопросы в этот период, в т.ч. по печати, решались руководством республики самостоятельно и с учетом местных условий.

Во втор. пол. 1920-х гг. оригинальным было оформление газет и журналов. Например, заголовок и содержание тувинской газеты дополнялись рисунками, орнаментами и символами. Сочетание декоративных элементов было неповторимо для каждого номера. Сравнение с монгольскими и бурятскими изданиями показало, что использование таких элементов было характерным, но в каждом регионе уникальным было содержание. В газете «Тувагийн унэн» («Тувинская правда») встречались рисунки, разные религиозные символы и знаки. Часто встречались вариации изображения завернутой в шёлковую ткань книги, символизирующей практику подношения, хранения и почтительного отношения тувинцев к буддийским сутрам. В целом это свидетельствовало о том, что буддизм и шаманизм продолжали играть важную роль в общественно-политической жизни ТНР и определяли менталитет её жителей в 1920-е гг.

Тувинские газеты отличались литературностью. «С введением национального алфавита накопившаяся ... творческая энергия молодёжи вылилась в массовое стихотворчество» – отмечал в своей работе Д.С. Куулар.³ Газеты побуждали читателей к творческой активности – на страницах газет в 1931-1932 гг. были опубликованы первые стихотворения и песни на родном языке, а также первый рассказ коллективного автора Самбукай.

В 1932-1933 гг. через печать был проведён конкурс на лучшее национальное произведение. Собранных материалов было столь много, что по его итогам было решено выпустить отдельный сборник произведений народного творчества.

В ходе политической интеграции СССР и ТНР (1944 г.) произошла концентрация всех властных полномочий в руках центральных партийных органов. Необходимость утверждения тематических планов и отчетов СМИ на бюро обкома партии фактически установила жесткий контроль над тематикой и авторством выступлений. Газеты стали идеологическим рупором партии, инструментом манипулирования общественным сознанием, фактором ускорения экономических и культурных переустройств.

Таким образом, становление прессы и радио произошло в Тувинской Народной Республике. Благодаря поддержке СССР их создали раньше, чем это произошло бы в результате социальной эволюции тувинского этноса. Поэтому мы говорим о форсированной модели их развития. Дотации и постоянное заимствование советского опыта не позволили местным СМИ пройти собственный путь развития, глубже учитывать потребности и запросы местных жителей.

В советский период после реорганизации они стали частью советской системы СМИ и развивались в целом унифицировано.

2013

Примечания:

¹ Тувинская правда, 1949, 5 марта.

² ГА РТ. Ф.92. О.1. Д.1180. Л.3.

³ Куулар Д.С. Тувинская поэзия. Кызыл, 1970. – С.17

Г.А. Килижекова,
г. Абакан, Республика Хакасия

Коммуникативно-прагматический потенциал паремий в региональных СМИ

В современной лингвистике наблюдается кардинальный поворот к «человеческому фактору» в языке, это обусловило интерес к фольклору, в т.ч. к пословицам и поговоркам. Такие мыслители прошлого, как В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Ф.И. Буслаев, выделяли паремические средства языка, указывая, что в них в особой степени проявляется специфика мировосприятия того или иного этноса или, иначе говоря, «дух народа».

Под *паремиями* понимаются вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы (половицы и поговорки), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями.¹ Они привлекают носителей языка своей семантической ёмкостью и способностью к употреблению в различных речевых ситуациях и с разными речевыми целями. Как представляется, эти единицы образуют одну из семиотических подсистем, обеспечивающих процесс полноценной коммуникации носителей одного языка.

Изучение того, «как человек использует язык в качестве орудия общения, а также того, как в языковых единицах отразился сам человек во всем многообразии своих проявлений»,² предполагает применение как коммуникативного, так и прагматического подходов к исследованию языковых феноменов.

По утверждению Н.И. Формановской, «коммуникативный подход вскрывает такие свойства языковых единиц, которые проявляются в общении, то есть в коммуникативных воздействиях партнеров в процессе обмена мыслями (и чувствами) ... Именно здесь активизируются интенциональные, содержательные и другие сугубо коммуникативные смыслы».³

Прагматический подход «предполагает учет того значимого компонента языковых единиц, который связан с индивидом, использующим язык как орудие общения и делающим выбор при ориентации в ситуации в целом, в социальных признаках адресата».⁴ Значимо, что прагматическое пространство языка – «та обширная зона, где язык фиксирует многообразные отношения говорящего к действительности и пользующийся языком в процессе коммуникативной деятельности: а) называет, б) указывает, в) выражает эти отношения, а адресат воспринимает и истолковывает эти смыслы».⁵

В текстах региональных СМИ наблюдаются стандартные, повторяющиеся особенности, что представляет особый интерес в стремлении обнаружить и проанализировать коммуникативно-прагматические условия, которые предопределяют их появление. Это позволит создать целостное представление о том, каким образом в изучаемом феномене отражаются условия его продуцирования.

«Массовая коммуникация – система социального взаимодействия особого рода. Общезначимость данной коммуникативной сферы обусловлена тем, что в центре её внимания находится человеческое общество, которое выступает как ограниченное социальное пространство со специфическими внутренними процессами и культурными характеристиками. СМИ можно рассматривать как особую социально-информационную систему, выполняющую функцию ориентации».⁶

Газета, как одно из средств массовой информации, занимает важное место в жизни человека. Именно в прессе освещаются события, которые происходят в мире, отражаются общественные мнения, мировоззрения. Эффективность газетного текста во многом определяется его заглавием. Можно сказать, что оно занимает стилистически сильную позицию.

Газетный текст, как и всякий другой текст, представляет собой конкретный акт коммуникации, но его главной особенностью является то, что конечная цель его – не только сообщение информации, но и оказание определённого воздействия на читателя.

Одним из основных условий реализации коммуникативно-прагматической функции газетного текста является его экспрессивность, в которой совмещаются оценочная, эмотивная и стилистическая модальности.

Пословицы и поговорки, наряду с другими экспрессивными языковыми средствами, являются неотъемлемой частью газетного текста, органически вписываются в его структуру и способствуют достижению прагматической цели автора той или иной статьи.

Таким образом, паремия – это своеобразный «культурологический мост» памяти народа между прошлым и настоящим, «прохождение» по которому пробуждает в сознании читателя процесс познания смысла. Это способствует становлению языковой личности и её компетенции в процессе межкультурной коммуникации.⁷

Компактные и образные, пословицы и поговорки помогают на сжатой площади газетной полосы создать целое семантическое пространство, вызвав у читателя цепочку ассоциаций.

Желание привлечь как можно больше читателей приводит к тому, что современные журналисты ищут наиболее яркие способы для выражения своих мыслей. Одним из ярких примеров являются трансформации пословиц:

«Одна голова хорошо, а две – ужас» («Хакасия», № 106, 9 июня 2012) или «Меньше знаешь – всё простишь» («Хакасия», № 104, 7 июня 2012).

Употребляя пословицу или поговорку в статье, автор вольно или невольно отсылает читателя к определённым культурному коду, имеющему для него существенную значимость. За пословицами и поговорками стоит многовековой опыт народов, они хранят знания о мире и человеке в этом мире, отражают историю, культуру, систему ценностей и нравственные нормы данной цивилизации, психологию носителей языка, являются, наряду с другими формами культуры, своего рода автобиографией целых поколений. Не случайно пословицы и поговорки издавна называют «кладезем народной мудрости». Информация, заключенная в данных выражениях, априори считается истинной, именно поэтому авторы газетных текстов, желая оказать то или иное воздействие на адресата, апеллируют к мудрости пословиц и поговорок, причём не только своего языкового коллектива, но и самых разных народов мира.

Для того чтобы «воспринять сигнал», передаваемый автором посредством поговорки в тексте, адресат должен обладать достаточными историко-филологическими, страноведческими и другими фоновыми знаниями. Пробелы в знаниях приводят к «потере сигнала, снижению воздействия текста на адресата». ⁸ В связи с этим, следует отметить, что журналисты опираются на фольклор, в частности к пословицам и поговоркам, где чаще содержится оценка социальных явлений, и эта оценка одинаково воспринимается всеми или большинством реципиентов, что способствует установлению контакта автора и читателя в таких примерах как:

«Дорог ковёр к новоселью» («Саянский вестник», 29.09.11) – по аналогии с пословицей – «дорога ложка к обеду», значение – о своевременности, важности чего-либо именно в определённый момент времени;

«Лошадь впереди телеги» («Черногорский рабочий», № 6, 2011) – по аналогии с пословицей – «ставить телегу впереди лошади», значение – делать что-либо неправильно, наоборот, в данном случае – противопоставление;

«Ворон ворону глаз не выклюет...» («Шанс», № 31, 09.02.2012) – по аналогии с пословицей – «Ворон ворону глаз не выклюет...», значение – люди одного социального круга, положения, не будут ссориться друг с другом;

«На чужой роток не накинешь платок» («Саянский вестник», № 52 30.12.2011) – по аналогии с пословицей «На чужой роток не накинешь платок» – значение – если о ком-то говорят напрасно, не стоит этому придавать значение.

Также следует отметить, что авторы статей используют сокращение состава текста с его переосмыслением.

«Не родись красивым...» («Шанс», 13.02.2012) – в статье, где применяется эта поговорка, говорится о том, что лучше родиться счастливым, чем красивым; сокращение пословицы до первой части перемещает акцент на то, что не надо рождаться красивым.

Также в статьях используют расширение состава предложения, приводящее к уточнению смысла.

«Если жизнь не сахар, то она для диабетиков» («Абакан», № 24, 21.01.2011) – устойчивое выражение «Жизнь не сахар» распространяется и наполняется более конкретным и ироничным значением;

«Наконец-то и на улице культуры пришёл праздник» («Черногорский рабочий», № 12 17.03.2011) – праздник пришёл именно на улицу культуры.

«С миру по таланту» («Черногорский рабочий», 10.10.2011) о фестивале классического искусства «Концерты на Родине» – «С миру по нитке – голому рубашка», о конкурсе юных музыкантов в городе.

«Век живи – век учишься» (о программе снижения информационного неравенства) («Саянский вестник», № 41 21.02. 2012) – «Век живи – век учишься», в данном случае пословица использована в своем традиционном варианте.

«Бизнес мал, да не удал» – о поддержке республиканских производителей («Хакасия», № 41 24.08.2011) – «Мал, да дорог», в данной пословице автор статьи даёт субъективную оценку ситуации, складывающуюся вокруг малого бизнеса.

«Осенний день – год кормит» – о сельской жизни, «Абакан», № 41 10.10.11 авторская позиция остаётся на уровне традиционной с применением уточнения (день – год кормит).

«Что написано топором...» – о новых правилах содержания собак («Шанс», № 44 27.04.2011) – «Что написано пером – не вырубишь и топором», употреблена поговорка.

«Рад бы в рай, да диплом не пускает» – об уровне безработицы в Республике Хакасия («Шанс», № 41 27.05.2012) – «Рад бы в рай, да грехи не пускают», трансформация поговорки.

«Чая много, Иван-чай один» – о пользе лекарственного чая («Шанс», 10.02.09) – «Чая много, шах один», трансформация поговорки.

Данные поговорки легко узнаваемы носителями языка, так как они всегда на слуху и отражают национальную ментальность народа. Данные пословицы и поговорки найдены на страницах газет: всего 150, причем в большей степени употребляются паремии в традиционном виде – 75 %, на трансформированные пословицы – 10 %, на пословичный вариант – 15 % от общего числа.

Таким образом, основные причины использования в текстах пословиц и поговорок заключаются, во-первых, в необходимости привлечения внимания читателя, т. к. именно яркая паремия увязывается в памяти со актуальной темой или явлением и читатель непременно обратит на него внимание, во-вторых, для лучшего объяснения смысла, так как всё новое хорошо приживается на базе старого, и, в-третьих, во избежание прямого высказывания, которое может быть нежелательно в газете.

2013

Примечания:

¹ Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии [Текст]. / Г.Л. Пермяков. – М.: «Наука», 1988. – 240 с. С. 89

² Формановская Н.И. 1998, Речевой этикет и культура общения [Текст]. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 5-8.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Журавлёва Е.А., Капарова Ж.Д. Прецедентные тексты нач. XXI в. [Текст]. М., 2007. – 256 с. с. 8

⁷ Сидорков С.В. Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. наук / С.В. Сидорков. Краснодар, 2003.

⁸ Даштамирова З.Г., Сердюкова Л.И. Аллюзия – прагмакомпонент художественного текста [Текст]. // Прагматика и стилистика текста. – Алма-Ата, 1988. – С. 49-54.

Журавлёва Е.А., Капарова Ж.Д. Прецедентные тексты нач. XXI в. [Текст]. М., 2007. – 256 с. С. 51

Н.А. Сухова,
п. Шушенское

Песня в традиционном свадебном обряде Сибири

(по материалам экспедиций сотрудников музея-заповедника «Шушенское»
и литературным источникам)

Русские свадебные песни зазвучали в Сибири с приходом сюда первых русских засельщиков. Народные певцы, выходцы из разных областей России, сумели через поколения сохранить их до наших дней.

Песни сопровождали многочисленные ритуалы свадебного обряда. В качестве примера приведу фрагменты из расшифровки записи беседы с Натальей Ивановной Мишиной, 1910 г. р., уроженки с. Григорьевка Ермаковского района. Встреча с ней состоялась в с. Верхний Кебезь Ермаковского района во время этнографической экспедиции 1994 г. Вот что рассказала Н.И. Мишина о банном ритуале для невесты, который совершался накануне дня венчания.

«...Поведут её в баню, значит, девки. Баню караулили, чтоб ничего не сделали. В баню провожают невесту – девки поют... Другая мать отдаёт хорошо, а другая-то... не отдаёт. Падают невеста матери в ноги, кланяется и ревет. Девки поют:

*Проводи-ка меня,
Родимая матушка,
Во тёплую в банюшку
Со любезными моими да подруженькам,
Задушевным голубушкам,
Что помыться, попариться,
Что во первый раз, во последний.*

...А котора невеста хороша, под этот мотив она ревьёт. Мать перекрестит... Невеста идёт [в баню] в середках. Снега глубоки ж были, всё разгребут... Стоят около дверей... Сестре поют или подружке:

Ты открой, мне родимая сестрица,

Мне тёплую банюшку.

Подошла я со своим с любезным подруженькам,

Задушевным голубушкам,

Что помыться, попариться,

Что во первый раз, во последний.

...Моются, шумят, кричат. Мылись. Невеста сядет, это, мыло берёт, а дефьки вкруг корыта сидят: «Ну-ка, кто, а я выйду нонче замуж, попади невеста мылом? А нет, то нет. И она [невеста] вот так через плечо кидает, на кого попадёт...»

...Вымоются в бане, все соберутся, которы вперед, которы после, потом невеста соберется. Тогда она опять встанет коло [около] двери и плачет опять, причитывает:

Вот спасибо вам за тёплую банюшку,

Вы любезные мои подруженьки,

Задушевные голубушки,

Что вы меня помыли, попарили,

Что во первый раз, во последний раз.

Она на двери наваливается и поёт...

...Потом поют матери за баню спасибо... А невеста всё плакала. Матери спюют, отцу, крёсна [крёстным родителям], всем поют. Так целай день поют все эти песни. А котора невеста голос хороший, дак там она с им, а тут старухи плачут. Ох, и хорошо было...»

Обращает на себя внимание обилие песен с текстами, в которых явно прослеживается мотив прощания, часто упоминаются плачи. К сожалению, утратив в силу преклонного возраста певческий голос, Н.И. Мишина не смогла воспроизвести напевы песен. Но даже её попытки распеть песенные тексты представляют немалый интерес для сравнительного анализа. Её память сохранила подлинные образцы музыкального этнографического материала.

Следует отметить, что в современной научной литературе всё разнообразие локальных форм русской свадьбы относят к двум основным типам обряда: свадьба-веселье и свадьба-похороны. Различие между ними состоит в доминировании одного из ритуальных переходов – территориального (переход невесты в дом мужа) или инициационного (переход девушки и юноши в следующую социовозрастную группу, на следующую ступень социальной лестницы). Инициационный переход воплощает оппозицию смерть/возрождение, так как в традиционной культуре для обретения нового социовозрастного статуса человеку необходимо пройти через символическую смерть в ритуале.

Ритуальная баня, куда невесту водили накануне венчального дня, – отличительная особенность свадьбы-похорон. Именно там, в бане, невеста «смывала» с себя признаки своего прежнего статуса и обретала готовность выступить в новой социальной роли.

Свадьба-похороны, в отличие от свадьбы-веселья, в значительной степени ориентирована на невесту, на её реальное перемещение в новую семью, которое совпадает с её символическим перемещением, путём на «тот» свет, откуда она вновь появится уже замужней женщиной.

Многие исследователи сходятся во мнении, что тип свадебного обряда «свадьба-похороны», получил распространение на Русском Севере и Северо-Западе, в Приуралье и Сибири, в локальных традициях Волжско-Окского региона, в среднем и Нижнем Поволжье.

О том, что свадьба-похороны была распространена в бывшей Енисейской губернии среди русского населения, особенно старожильческого, свидетельствуют многочисленные образцы свадебных песен с прощальными напевами, интонациями плача, записанные в XIX и XX веках. Было бы слишком смело утверждать, что в кон. XIX – в нач. XX вв. этот тип был преобладающим.

Следует брать во внимание факт значительного влияния культурных традиций переселенцев из центральных, западных и особенно южнорусских губерний на общую обрядовую культуру крестьян, например, Минусинского уезда. Современные этнографы и фольклористы отмечают значительное влияние белорусского и украинского фольклора.

Южнорусский тип свадебного обряда – свадьба-веселье. В такой свадьбе присутствовали прощальные песни и причитания, которые интонировались на напевы похоронных плачей. Но в этом типе свадебного обряда инициационная линия не являлась сквозной, а выступала на первый план лишь в отдельных эпизодах, например, при увозе невесты из родного дома. В некоторых известных исследователям версиях свадьбы-веселья причитания вообще отсутствуют.

Песню с интонациями плача, с присутствием в тексте мотива прощания посчастливилось записать руководителю фольклорного ансамбля «Плетень» музея-заповедника «Шушенское» В.А. Сухову. Во время экспедиции в с. Иджа Шушенского района (1991 г.), её напела Екатерина Пантелеевна Горинова, 1931 г. р. Эта песня имеет многочисленные текстовые и мелодические варианты, записанные в XIX и XX вв. в разных сёлах северных областей европейской России, Урала, в Нижегородской области.

В Красноярском крае известно несколько вариантов этой песни. Один из них с названием «Не было ветров» был записан в 1987 г. В. Логиновским от А.Т. Филимоновой (с. Нижний Суэтук, Ермаковский район), опубликован в сборнике «Ты зоря ль моя зоренька: Народные песни Ермаковского района Красноярского края». В с. Каптырево Шушенского района вариант с названием «Ой, не было ветру» был записан в 1957 г. Э. Еремеевой от П.П. Михеева, опубликован в книге «Русские народные песни Красноярского края» (выпуск 2) и в книге «Русская свадебная поэзия Сибири».

Напев песни «Ой, не было ветров», записанный В.А. Суховым в Идже, отличается от указанных вариантов. Но все три напева объединяет интонация плача. Она проявляется в нисходящем мелодическом движении каждой музыкальной фразы. По содержанию текста жанр этой распространённой свадебной песни исследователем И.М. Колесницкой определяется как песня-комментарий.

Наиболее близкими оказались тестовые варианты, записанные в сёлах Иджа и Каптырево Шушенского района.

В иджинском варианте текста обращает на себя внимание трёхстрочное строение строфы, которое, по утверждению известного музыкального этнографа, фольклориста А.В. Рудневой, нередко встречается в ранних свадебных песнях:

*Ой, не было ветров –
Вдруг навеяли,
Вдруг навеяли.
Ой, не было гостей –
Вдруг наехали,
Вдруг наехали.
Полна ограда
Всё коней, саней,
Всё коней, саней.
Ой, пол(ы)на изба
Дорогих гостей,
Дорогих гостей.
Ой, дубовы столы
Расшатать хотят,
Расшатать хотят.
Ой, красны вина
Расплескать хотят,
Расплескать хотят.
Ой, красну девицу
Прослезить хотят,
Прослезить хотят.*

Все источники указывают на то, что эта песня исполнялась в момент приезда свадебного поезда жениха в дом невесты.

Песня «Ой, не было ветров», напетая Е.П. Гориновой, была обработана В.А. Суховым для хорового исполнения, и вошла в концертный репертуар ансамбля «Плетень» в 1993 году.

Сегодня эта песня звучит во время театрализованных экскурсий, исполняется во время музейно-

го свадебного обряда для молодожёнов. В разные годы эта песня представлялась на площадках Международного фестиваля этнической музыки «Саянское кольцо» в конкурсных программах и в программах мастер-классов «Песни Шушенской волости», «Предметы символы и песни свадебного обряда».

Обработанная в стиле фолк-рок В.А. Суховым и минусинским музыкантом Э.А. Скороходовым свадебная песня «Ой, не было ветров» исполняется в концертных программах участницами образцового ансамбля народной песни «Шу-шу» Шушенской детской школы искусств (руководитель В.А. Сухов).

Исследовательская работа по теме «Песни свадебного обряда» носит прикладной характер, имеет конкретный практический результат и нацелена на сохранение и пропаганду традиционного народного художественного творчества.

2012

Литература:

1. Земляничка, моя ягодка: Песни Верхнеенисейского Поречья и г. Минусинска /запись, расшифровка, предисловие, составление и примечания Н. Пархоменко. – Красноярск, 1991.
2. Колесницкая И.М. Простейшие типы русских народных свадебных песен /В кн.: Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы // Под ред. К.В. и Т.А. Берштам. – Л.: Наука, 1978.
3. Материалы к отчёту об этнографической экспедиции 1994 г. по сс. Минусинского, Курагинского и Ермаковского районов (расшифровка магнитофонной записи беседы с Н.И. Мишиной, жительницей с. Верхний Кебеж Ермаковского района: свадебный обряд, календарные праздники). Запись В.А. Сухова, Н.А. Суховой. Расшифровка Н.А. Суховой. Шушенское, 1996 г. Архив музея-заповедника «Шушенское». Ф.1. О.1. Д.308.
4. Народное музыкальное творчество: Учебник/Отв. ред. О.А. Пашина. – СПб.: Композитор, 2005.
5. Руднева А.В. Русское народное музыкальное творчество: Очерки по теории фольклора. М.: Советский композитор, 1990.
6. Русские народные песни Красноярского края, вып. 1. – М.: Советский композитор, 1959.
7. Русские народные песни Красноярского края, вып. 2. – М.: Советский композитор, 1962.
8. Русская свадебная поэзия Сибири/Сост. Р.П. Потанина. – Новосибирск: Наука, 1984.
9. Сухов В.А. Песни Шушенской волости /В бр.: Научно-практическая конференция, посвященная 250-летию Шушенского и 50-летию Шушенского района. – Шушенское, 1994.
10. Ты зоря ль моя, зоренька: Народные песни Ермаковского района Красноярского края /Запись, расшифровка, предисловие, составление и примечания В. Логиновского. Красноярск, 1992.

Л.Ч. Хойлаарак

г. Кызыл, Республика Тыва

Этноэкологический аспект в освещении древнейшей истории Республики Тыва

Традиции отношения тувинцев и их предков к природе формировались в течение многих столетий. Эта тема необычайно интересна, до сих пор актуальна и требует специального комплексного изучения.

Тува – родина одной из древнейших тюркских цивилизаций, орхоно-енисейские наскальные надписи, которым более тысячи лет, свидетельствуют о том, что древние кочевники знали письменность. Тувинский этнос относится по родству языков к народам Алтае-Саянского нагорья – тюрко-язычной группе народностей.

Тувинцы – коренное население Республики Тыва в составе Российской Федерации (РФ). На территории Тувы проживают более 70% тувинцев, являющихся титульным населением. Среди субъектов Российской Федерации Тува выделяется особенностями исторического развития: за её территорию боролись Китай, Монголия и Россия. Республика Тува до 1944 г. имела свою государственность. Тувинский этнос расселён не только на территории Тувы, часть его проживает в Красноярском крае (с. Верхне-Усинское). В Монголии и Китае проживает свыше 30 тыс. этнических тувинцев.

При освещении древнейшей истории Тувы, этноэкологический аспект очень важен, потому что в древности люди больше чувствовали, нежели понимали степень своей несвободы от природы. Они остро реагировали на изменения в ней, подстраивались под них, формировали своё мировоззрение, экономику, религию, искусство в прямой зависимости от окружающей среды. Менялась она, менялись и люди, и их взгляды, и их образ жизни.

В результате обожествления природы, отождествления самого себя с нею вырабатывалось бережное отношение ко всему окружающему. В частности, эти представления предписывали не загрязнять водоёмы, источники, без надобности не губить деревья, кустарники; эта бережливость доходила до того, что предпочтение отдавалось тому виду обуви, которая меньше вредила бы земле – тувинская легенда монголо-тибетского происхождения именно этим объясняет ношение кожаной обуви с загнутым вверх носком.

В основе объявления священными весьма обширных территорий у алтайцев, хакасов и тувинцев – гор, лесов, долин рек и др., – в определённой мере прослеживаются и экологического порядка соображения. Объявление священным той или иной местности, территории, водного или горного объекта сопровождается особыми запретительными или ограничительными мерами. Как правило, устанавливается, что посещение священных мест или территорий объявляется нежелательным по религиозным соображениям, дабы не осквернить духов тех мест или же вводится полный запрет их посещения под страхом смерти или тяжкого греха. В указанных местах либо полностью запрещается, либо ограничивается хозяйственная деятельность человека – в них запрещается охотиться, ловить рыбу, рубить лес, косить траву, копать землю, пасти скот и т.д.

Иначе говоря, данная местность навсегда или на определённый период времени выводится из хозяйственного оборота человека и в ней в принципе устанавливается особый порядок сильно ограниченного природопользования. В таких случаях помимо религиозных причин и посылок вполне усматривается старинный способ традиционного установления «заповедных зон», позволяющий восстановить в них природное равновесие. Именно экологичность традиционного сознания народа служило той мерой и охранным гарантом целесообразного природопользования в те далекие времена, когда ещё не было государственной регуляции этого дела.

Тувинцы, несомненно, склонны к созерцательности. Частным, но важным проявлением идеализации природы являлся эстетизм её восприятия.

Народ воспевал тайгу возвышенно-поэтически: «золотая», «высокоплечая», «плавно, изгибаясь, спускающаяся», «уходящая вдаль» и т.д. В описаниях хребтов и гор встречается множество эмоционально-экспрессивных оценок. Например, Танну «прекрасный», «стоит, красуясь утром», «глядя во все стороны», «золотой», «богатый». Порой в песенную образность включались бытовые этнографические объекты. Например, Хемчик (река) «стал для меня столиком-ширээ», Хандагайты – «словно шкатулка-хааржак», Ишкин, Хандагайты, Торгалыг – «словно голубые шёлковые нити в петельках-чалаа-кара, вплетённые в косу», а расположенные по течению реки юрты «подобны нанизанному на золотую нить жемчугу-бисеру».

Эстетично и песенное восприятие животных: «Пестрокожий козлёнок красив и строен», «У мариалёнка новорождённого глазки широки, красивы», «лиса, красива путаница её следов на снегу».

Экспрессивно-эмоциональные оценки, риторические восклицания, свидетельствующие о несомненном эстетизме народа, воспринимаются, прежде всего, как мотив благодарения, обращённый к Матери-природе, к земле-кормилице.

Любовь к природе была не вызубренным правилом, оторванным от повседневной жизни, а естественным, само собой разумеющимся чувством. С раннего детства ребёнок включался в процесс совершения обрядов и постепенно, без нравоучений постигал суть проведения древних действий – общение с природой.

Таким образом, через язык, фольклор, обычаи и обряды у ребёнка постепенно формировалось традиционное мифологическое сознание, неразрывно связанное с религией, народной экологией. С годами оно всё укреплялось не путём увеличения запретов, а через любовь к природе – конкретной местности, окружающим горам, рекам, озёрам...

В религиозных представлениях народа такие природные объекты, как реки, горы, деревья, олицетворяли силы реального и мифического космоса, и человек призывал их себе в союзники,

в честь их устраивал различные культовые обряды. Он как бы заручался их поддержкой, чтобы обеспечить благополучие рода. Это мировосприятие народа положило начало развитию целой культовой системы, сущность которой заключалась в почитании природы.

Культ природы – понятие чрезвычайно широкое и сложное, оно охватывает такие культы, которые связаны с освящением огня, деревьев, источников, оваа и тайги.

Жители Тувы сумели сохранить для нынешнего поколения природу, чистоту воздуха, животный мир в силу своих обычаев и традиций. Экологическая традиция требовала брать у природы столько, сколько необходимо в жизни. Тувинцы никогда ничего не заготавливали впрок. Обязательно делились добычей со всеми жителями аала, не участвовавшими в охоте. Никогда не охотились в период расплода животных. Во всём должна быть мера, особенно по отношению к богатствам земли. Традиция требовала бережного и трепетного отношения к ней. «Так было всегда и так должно быть вечно» – именно эти слова часто повторяют старейшие жители Тувы – знатоки фольклора.

2012

Литература :

1. Аракчаа Л.К. Экологическое образование и воспитание на традициях народа в начальной школе: концепция-эксперимент-опыт / Л.К. Аракчаа, Г.И. Дадаа // Биоразнообразие и сохранение генофонда флоры, фауны и народонаселения Центрально-Азиатского региона: материалы II-ой междунар. научно-практич. конф. – Кызыл: ТывГУ РИО, 2007. – С.254-259.
2. Бичелдей К.А. Традиционные основы экологического сознания тюркских народов Саяно-Алтайского нагорья (алтайцев, хакасов, тувинцев) / К.А. Бичелдей, В.С. Боргояков // Гуманитарные исследования в Туве: сборник научных статей. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С.147-164.
3. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев / М.Б. Кенин-Лопсан. – Кызыл : Тув. кн. изд-во, 2006. – 230 с.
4. Кужугет А.К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация / А.К. Кужугет. – Кемерово : КемГУКИ, 2006. – 320 с.
5. Курбатский Г.Н. О тувинской мифопоэтике /Г.Н. Курбатский //Круг знания: науч.-информ. сб. для б-к: вып. 3/НБ им.А.С.Пушкина РТ. – Кызыл, 2005.-С.9-22.
6. Фенцель О.В. Становление, развитие и перспективы возрождения книжных памятников Республики Тува / О.В.Фенцель // Круг знания: науч.-информ. сб. для б-к : вып. 7 / НБ им. А.С. Пушкина РТ.- Кызыл, 2012.-С.17-22.
7. Чистик Ж.К. Экологическая культура тувинского этноса / Ж.К. Чистик . – Кызыл : Тув. кн. изд-во, 2010. – 176 с.

РАЗДЕЛ III. КРАЕВЕДЕНИЕ

1. ИСТОРИЯ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ

Т.М. Кикилова,
п. Шушенское

Страницы истории села Ермаковского

История с. Ермаковского освещена в материалах «Энциклопедия Красноярского края. Юг», в работе «Ермаковская земля. Страницы истории», составители Н.К. Жирадкова и Н.М. Зенченко. Сведения о казённых поселениях в Енисейской губернии имеются в книге её первого губернатора А.П. Степанова «Енисейская губерния». В публикации исследователя Е.И. Владимировой приведены данные из книги А.П. Степанова и раскрыто содержание ряда документов из архива г. Минусинска по строительству и заселению казённых поселений в Минусинском округе.

Село Ермаковское возникло в 1829 г. как казённое. Казённые поселения в России появились в 1810-е годы. Сначала они возникли в армии и были связаны с именем министра А. Аракчеева. Суть военных поселений заключалась в том, что военнотруженики обязаны были совмещать военную службу и занятие сельским хозяйством.

В 20-е гг. XIX в. возникает идея создания казённых поселений из ссыльных, которая решала две задачи: выдворение из Центральной России неблагонадёжных и заселение русскими людьми присоединённых и осваиваемых территорий на востоке. Воплотил эту идею первый губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов. В 1827 г. по Высочайшему повелению Николая I было приказано переселить в Енисейскую губернию 5955 ссыльных, которых «надлежало через усредоточенный надзор и занятий в хлебопашестве, удержать от побегов и праздности». ¹ В Енисейской губернии возникло 22 казённых поселения, шесть из них – в Минусинском округе: Ермаковское, Дубенское, Сабинское, Сагайское, Восточное и Тигрицкое, из них в Шушенской волости три: Ермаковское, Дубенское и Сабинское. В селе Шушенском была учреждена резиденция смотрителя казённых поселений.

Началом работ по постройке этих поселений А.П. Степанов указывает 1829 год. Поселенцы первоначально были расквартированы в крестьянских селениях, расположенных вблизи тех мест, где предполагалось основать колонии. В марте 1829 г. были назначены леса поблизости усадеб, отведённых под новые селения, указаны места сборные для своза провианта и вещей, определены лица, необходимые для надзора. ² Документы об этом, возможно, хранятся в Государственном архиве Красноярского края в фонде Енисейской казённой палаты. Просмотрено в архиве 14 дел объёмом 2432 листа. Был обнаружен документ о начале работ в этот год по казённым поселениям Канского округа. Чтобы найти документы по Минусинскому округу, требуется дальнейшая поисковая работа.

В 1829 г. в Шушенское волостное правление поступил рапорт о заготовке для новых казённых поселений хлеба и сена. ³

Практические работы по строительству стали вести с 1830 г, когда началось строительство дорог, ведущих к будущим казённым поселениям. Об этом свидетельствует предписание Минусинского окружного начальника от 18 сентября 1830 г.: «Предписываю оному правлению немедленно исправить дорогу от Кебежского форпоста до двух поселений, предположенных к заведению с будущего 1831 г., из коих одно будет на речке Большой Суэтук, а другое на реке Оя в урочище Кубсокары (Ермаковское), так чтобы был удобный проезд на телегах. Работу непременно закончить к 1-му октябрю, употребив на оную всех поселенцев, числящихся по оной волости». ⁴

Одновременно с устройством дорог для новых поселений рубили лес. Для перевозки брёвен снаряжались крестьяне деревень Жеблахты, Казанцево.

Новые поселения строились по единому военно-казарменному типу. Прямые улицы, в центре прямоугольная площадь для церкви, казарма конвойной команды, канцелярия надзирателя из казаков Саянского форпоста. На каждых четырёх поселян – по одному дому с ведением общего хозяйства. Дома, двери, окна были одного размера.⁵

Из предписания исправляющего должность смотрителя казённых поселений Чоглокова Шушенскому волостному правлению от 4 февраля 1831 г. стало известно, что для строительства поселений привлекались средства самих поселенцев. «Предположенные к постройке в 1831 г. новые казённые поселения приостановлены. А потому предписываю оному волостному правлению подати с поселенцев находящихся в 5 разряде взыскивать обыкновенным порядком, и за сей 1831 г. бездоимочно».⁶ Это предписание было доведено до сведения старшин селений Шушенской волости, где находились поселенцы. Заселение казённых поселений началось с 1833 года. В архиве города Минусинска хранится именная список поселенцев, следуемых в казённое поселение Ермаковское.⁷

Труд поселенцев был принудительным. Домашняя жизнь их строго регламентирована, что стесняло поселенцев, которые во время своей бродяжной жизни, в тюрьме и на этапах отвыкли от систематического труда. Случались побег, уклонения от работ, убийства. Управление колониями строилось в строгом режиме с жёсткими телесными наказаниями. Сначала поселенцы строили дома, пользуясь общественной запашкой, а затем каждый поселенец был наделён землей, на которой они выращивали зерновые и овощные культуры. Для обеспечения поселян лошадьми в мае 1833 г. за счёт казны было куплено у хакасов 460 лошадей по 25 рублей за каждую.⁸

При водворении ссыльных было чрезвычайно мало женщин. И это обстоятельство не способствовало устройству колоний. Начальство старалось восполнить недостаток женщин присылкой партий ссыльных «жёнок», которых отдавались поселенцам в жены.⁹ Но этого было мало и они сами добывали путём умыкания девиц у крестьян старожилов по окрестным селениям. Подневольный труд, строгий режим действовали неблагоприятно на жизнь ссыльнопоселенцев. И в 1840-е гг. решено было перевести казённые поселения в разряд деревень с введением крестьянского самоуправления.

В результате поисковой работы уточнена дата перевода казённого поселения Ермаковское в разряд деревни. В одном из материалов по истории указана дата 1842 г., в другом – 1847 год. Была начата работа с просмотра дел 1842 г.; в этих документах Ермаковское значится ещё как казённое поселение. С самого начала 1847 г. уже значится деревня Ермаковская. Поиск вёлся среди промежуточных дат. 1843 и 1844 гг. – ещё значится казённым поселением. В деле по привитию оспы за первое полугодие 1845 г. упоминается, о прививках детям казённых поселений Дубенское, Ермаковское, Сабинское. Второе полугодие – то же самое. 1846 г. – с начала года по июль – казённое поселение, сентябрь – уже деревня. Необходимо было найти документы, датированные августом. Наконец, в деле по оплате податей крестьян Шушенской волости, был обнаружен документ от 11 августа 1846 г., указывающий на то, что поселенцы казённых поселений Дубенского, Ермаковского, Сабинского переведены в сословие крестьян, и они должны быть обложены податями и повинностями по крестьянскому званию. А это значит, что казённые поселения перешли в разряд деревень.¹⁰ В деревне Ермаковской в это время насчитывался 171 двор и проживало 797 человек.¹¹

В 1846 г. управляющий казёнными поселениями обратился с просьбой в Енисейское губернское правление о постройке в селе Ермаковском церкви и сделать её чертёж. Из ответа Минусинского Окружного суда стало известно, что ему было отказано из-за отсутствия чиновника, способного выполнить эту работу.¹² Церковь имени святых Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста построили только в 1856 году.¹³ С этого времени деревня Ермаковская стала селом.

Кроме занятий земледелием поселенцы Ермаковского ещё работали рабочими на золотых приисках. В 50-ти верстах от казённого поселения Ермаковского в 1833 г. мещанином Широковым от компании купцов Толкачёва и Иванова было открыто месторождение золота.¹⁴ Есть документы о найме ссыльнопоселенцев для работ на приисках. В 1856 г. в Ермаковском появляется школа для детей рабочих золотых промыслов, построенная и содержащаяся на средства золотопромышленников.¹⁵ В 1866 г. в этом здании открывается сельская школа. Преподавателем

её был священнослужитель Ермаковской церкви Трёх святителей М.В. Солодчин.¹⁶ В 1888 г. она стала волостным приходским училищем.¹⁷ В 1898 г. в Ермаковском была открыта лесная школа для подготовки должностных лиц по лесному управлению.¹⁸ В 1912 г. был выделен участок для строительства сельскохозяйственной школы.¹⁹

В 1884 г. из Шушенской волости выделилась Ермаковская волость с центром в селе Ермаковском,²⁰ а в 1914 г. произошло деление Ермаковской волости, от которой отделилась Григорьевская волость.²¹

С открытием в д. Ивановка в 1887 г. первого в Сибири свеклосахарного завода купца И.Г. Гусева крестьяне Ермаковской волости стали заниматься выращиванием сахарной свеклы.

В кон. XIX в. в Ермаковской волости кустарными промыслами занимались 173 человека, из них 76 занимались охотой, 80 – рыболовством, 14 –портняжным ремеслом, 1 работал маляром, 1 – стекольщиком и 1 был иконописцем.²²

Начиная с 1830-х гг., Ермаковское стало местом политической ссылки. В 1830 г. прибыл в ссылку участник восстания в Польше Томаш Пржездецкий,²³ в 1860-е гг. стали поступать повстанцы восстания в Польше 1863-1864 годов.²⁴ В кон. XIX в. отбывали ссылку социал-демократы, соратники В.И. Ульянова (Ленина): В.К. Курнатовский, М.А. Сильвин, П.Н. Лепешинский, Н.Н. Панин, А.А. Ванеев. После революционных событий 1905-1907 гг. сюда прибыли эсер Ходашев и меньшевик Ермолаев К.М.

Об открытии в кон. XIX в. больницы в с. Ермаковском сообщено в исследовании П.Н. Мешалкина и его публикации «Доктор Арканов». Располагалась больница в доме Власова. Первым врачом её в 1898 г. стал выпускник медицинского факультета Казанского университета Семён Михеевич Арканов,²⁵ помогала ему фельдшерица Ольга Борисовна Лепешинская, жена ссыльного социал-демократа, впоследствии заведовал больницей лекарь К.Д. Куприянов.

С именем С.М. Арканова связано и открытие в с. Ермаковском народной библиотеки. Он же был избран её заведующим.

Событием особой значимости стало строительство через Ермаковскую землю Усинского тракта, так необходимого для торговли России с Китаем. Сведения о его строительстве есть в работе Н.К. Жирадковой и Н.М. Зенченко «Ермаковская земля. Страницы истории». Из Минусинского музея получены фотографии, запечатлевшие это событие. По территории Ермаковской волости проходили конные тропы через Саянские горы, по которым шли купеческие караваны в Туву и Китайскую империю. В 1909 г. Государственная Дума приняла специальный закон о строительстве этого тракта за счёт средств казны. В банке был открыт кредит на 1 млн. 250 тыс. рублей. В этом же году в д. Григорьевка был организован дорожный участок, и началась прокладка первых километров новой дороги. С 1910 г., с учреждением Управления Усинской колесной дороги, стали наниматься на дорожные работы масса крестьян со своими лошадьми и телегами. В 1913 г. прибыла первая партия каторжников. Они достраивали паромную переправу через реки Оя и Ус. Дорогу начали эксплуатировать с декабря 1914 года. Строительство её было прервано Первой мировой войной, и в первые годы советской власти её постепенно достраивали.

В кон. XIX в. по четвергам в Ермаковском проводили базары. А в нач. XX в. с 8 по 15 ноября в селе стали проводиться Михайловские ярмарки, куда привозили товару на 10 тыс. рублей, а реализовывали его на 7-8 тысяч.

В результате исследовательской работы были отобраны необходимые документы и фотографии, но для улучшения качества их необходимо сканировать на современной копировальной технике. Для уточнения некоторых сведений предстоит ещё поработать в архивах со статистическими данными по Ермаковской волости от нач. XX в. до революции 1917 г., а также с материалами о развитии кустарных промыслов в волости.

2013

Примечания:

¹ Степанов А.П. Енисейская губерния. – Красноярск, 1991. – С. 124.

² Там же. С. 125.

³ АГМ. Ф.42. О.1. Д.194. Л.8.

⁴ АГМ. Ф.42. О.1. Д.162. Л.22.

⁵ АГМ. Ф.54. О.1. Д.148.

⁶ АГМ. Ф.42. О. 1. Д.194. Л.2.

⁷ АГМ. Ф.42. О.1. Д.276. Л.149.

⁸ Владимирова Е.И. Казённые поселения в Енисейской губернии. //Енисей», 1971, № 6.

⁹ АГМ. Ф.42. О.1. Д.6. ЛЛ.34, 34 об.

¹⁰ АГМ. Ф.42. О.1. Д.530. Л.389, 389 об.

¹¹ АГМ. Ф.42. О.1. Д.530. Л.165.

¹² АГМ. Ф.42. О.1. Д.546. Л.339.

¹³ АГМ. Ф.17. О.1. Д.28. Л.44 об.

¹⁴ АГМ. Ф.42. О.1. Д.264. Л.13-14.

¹⁵ АГМ. Ф.42. О.1. Д.743. Л.2.

¹⁶ АГМ. Ф.30. О.1. Д.50. Л.57, 58.

¹⁷ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Т. III. Иркутск, 1893. С.5.

¹⁸ Мешалкин П.Н. Доктор Арканов. // Енисей, 1983. №1. С. 65.

¹⁹ АГМ. Ф.54. О.1. Д.402. Л.48-48 об.

²⁰ ГАКК. Ф.807. О.1. Д.4.

²¹ АГМ, Ф.71. О.2. Д.115. Л. 101.

²² Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Т. IV, Выпуск 2, Иркутск. С. LXXVIII

²³ АГМ. Ф.42. О.2. Д.360. Л.23.

²⁴ АГМ. Ф.42. О.2. Д.10.

²⁵ Мешалкин П.Н. Доктор Арканов. // Енисей, 1983, №1. С 64, 65.

В.Ф. Сёмочкина, И. Белов, А. Солодовников,
с. Шалаболинское, Курагинский район

История села Пойлово

Пойлово – старинное сибирское село. С 1729 г. значится с. Пойлово. Оно упоминается в научных трудах академика Иоганна Георга Гмелина и Петра Симона Палласа, когда в 1739 и 1771 гг. они изучали Сибирь. Исследователи описывали село как населённый пункт с 40 дворами и 250 жителями. Выгодное географическое положение, благодатный климат, плодородные земли способствовало развитию села. Местность степная, с редкими березняками. Рядом протекает большая река Туба, правый приток Енисея. Село Пойловское образовалось из заимок крестьян и казаков, пишет местный краевед Шароватов. Много поколений сменилось, которые освоили эти необитаемые места. Среди местного населения многие имеют казацкие корни: Шабалины, Артемьевы, Занины и др.

Одной из первых была семья Артемьева Василия Григорьевича. Свои избы они построили на небольшом острове Старина. Село называлось Артемьевкой. Семья Артемьевых была трудолюбивая, зажиточная.¹ В 1863 г. прибыли новые поселенцы: Занины, Пойловы. Старший Пойлов Василий Степанович и его родич Занин Иван Фёдорович предложили перенести посёлок в «Замост», т.к. «Старина» часто затоплялась водой. Постепенно село было перенесено на новое место и стало называться Пойлово. По другой версии, крестьянин Василий Степанович Пойлов, будучи уже зажиточным, построил свою мельницу, куда съезжались со всей округи жители, при этом говоря меж собой: «Поехали на Пойловскую мельницу». С тех пор название Пойлово так и «прилипло» к селу. Это одно из торговых сёл Притубинья, расположенное по течению реки Тубы. По рассказам местных жителей, на «Старине» жители мыли золото.² Весной по Тубе был большой сплав барок, наполненных хлебом. С появлением пароходов, в половодье продукцию вывозили на пароходе. Жители села возили сельскохозяйственную продукцию, ремесленные изделия в Енисейск, Красноярск, Минусинск. Также они торговали на ярмарках в Курагино, Имиссе, Шалаболино, Шошино, Паначёво.

К кон. XVIII в. население села увеличилось за счёт крестьян-посельщиков, которых помещики отправляли в Сибирь, за что получали рекрутскую квитанцию, но прирост населения села был незначительным.

В 1883 г. на окраине Пойлово (бывший дом Занина Елизара) поставили столб, на котором было написано: сколько мужчин и женщин проживало в то время в селе. Столб сохранился до 1965 г.

К 1891 г. в селе насчитывалось 99 дворов. Прибывшие в село люди стали селиться на «Хуторе», (ул. Комсомольская), а позже на «Забегаловке» (ул. Пионерская).

В кон. XIX – нач. XX в. село увеличилось. В центре села стояла деревянная церковь во имя Святого Николая, построенная в 1899 году. Пойловский приход был открыт 13 декабря 1914 г., отделённый от Шалоболинского прихода. В 3-х верстах (3,2 км) от села на горе у р. Тубы крестьянином Владимиром Мельниковым была построена каменная часовня. К этой часовне ежегодно 15 июля совершался крестный ход, где и служили молебны Св. Владимиру.³

Имелся в Пойлово экономический запасный магазин, откуда выдали крестьянам зерновой хлеб на посев, но с обязательным возвратом. Из этого же магазина выдавали пособие жителям в случае непредвиденных несчастий, а также руги (денежной выплаты) духовенству. Выдачи производились по общественным приговорам с поручительством, но не более две трети от запасов. Хлеб возвращался после сбора урожая, поэтому хлебные запасы пополнялись.⁴ Было в то время ещё 3 магазина, участковая лечебница. В центре села располагались почта, казённая винная лавка.

В 1900 г. в Пойлово была открыта одноклассная церковно-приходская школа, где обучали детей трапезник Берестов и староста Иконников. Сохранились две фамилии первых учеников: Скурихин Павел, Артемьев. Позже она стала трёхклассной, просуществовала до 1918 г., учителями работали Галушкин Иван Маркевич, Королёв.

Учитель Курагинского приходского училища Павин И.Е. в своём докладе, внесённом в Минусинский уездный комитет в кон. XIX в., приходит к убеждению, что «...необходимо озаботиться изысканием мер к поднятию сёл. Главная мера – это открытие в сёлах низших сельскохозяйственных школ, где крестьяне приобретали бы знания не только по лучшей обработке земли, но и по огородничеству, садоводству, пчеловодству и ведению молочного хозяйства. При этих школах должны быть курсы ремёсел, необходимых по крестьянскому быту: кузнечно-слесарного, столярно-токарного. Для поднятия пчеловодства в крае, надо нарезать крестьянам 5 десятин удобной земли из свободных земель».⁵ На нач. XX в. по данным поземельного устройства в Пойлово всего земель 7302, в т.ч. неудобной 6253, удобной 1049. Площади лесного надела: удобной 648, всего 659.⁶

Русско-японская и Первая мировая войны не обошли село. По данным курагинского краеведа А. Шароватова, из Курагинского района на русско-японскую войну было мобилизовано 3500 человек призывного возраста.⁷ Житель с. Пойлова Кузьма Иванович Иконников участвовал в Мукденском сражении, был ранен, потерял ногу. Как участники Первой мировой войны были награждены братья Георгий Петрович, Матвей Петрович и Иван Петрович Симоновы. «Положение крестьян в годы войны ухудшилось. До 25% крестьянских хозяйств оставались без рабочей силы. Из каждых 4-5 дворов был призван мужчина на войну. На 10-15 % сократились посевные площади, и из-за плохой обработки пахотных земель снизилась урожайность, некоторые поля пришли в запустение. Не хватало железа, угля, керосина, спичек, мануфактуры, соли и других предметов первой необходимости. Особенно трудно было детям. Многие дети из бедных семей не учились совсем, а многие прекращали учёбу во время морозов».⁸

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. полностью изменился устоявшийся уклад в селе. В период с декабря 1917 по июнь 1918 гг. был создан Совет в Пойлово. В состав первого Пойловского совета входили: Е.И. Макаров, С.Н. Красильников, М.П. Симонов, П.Р. Иконников, Д.Е. Артемьев, А.К. Иконников и др. В кон. 1918 г. в сёлах прошли выборы делегатов на волостные съезды, выбирали депутатов на уездные съезды. От с. Пойлово был избран Мельников Г.И. В селе был создан комитет бедноты в поддержку Советов. Первый Совет депутатов начал ставить вопрос о переделе пахотных и сенокосных угодий: весной решили делить их по едокам. Казачество, кулаки и часть крестьянства были недовольны новой властью. Жители села раскололись на два лагеря. К началу гражданской войны обстановка обострилась. В 1918 г. в Пойлово появились белые казаки под руководством атамана Сотникова. Вот что рассказывает об этом член исполкома Пойловского Совета Алексей Кузьмич Иконников: «Когда слухи о приближении казаков дошли до нашего села, то люди металась в панике, не зная, что делать и как быть. Многие верхом на лошадях уезжали из села и угоняли за собой скот, увозили свои семьи и домашний скраб. Только казаки, кулаки и богатеи, не подавая вида, ждали своих освободителей. На

следующий день в почти опустевшее село прибыл казачий дивизион. Начались обыски, облавы, аресты, допросы, засвистели шомпола. Казаки расселились по дворам, стали в них хозяйничать. Взламывали замки на амбарах, кладовых, погребах, брали фураж, резали скот, кур. В домах богатых людей и их сторонников шли пиры, звучали гармонии, пелись песни».⁹

Осенью 1919 г. в Пойлово вошёл отряд белых под командованием поручика Занина. По доносу жителя Дёмина, было арестовано 12 жителей, из них 5 были расстреляны: Хмельёв Фёдор, Иконников Роман, которые подозревались в связи с партизанами; Сергеев Лаврентий, (староста села); братья Леонтьевы Андрей (17 лет) и Павел (проехали по селу с красным флагом). Убитых похоронили после ухода белых из села. Памятник расстрелянным был поставлен возле здания старой школы в 1956 году.¹⁰

Часть населения помогала продовольствием и транспортом красным отрядам, проходившим через Пойлово. В 1919 г. 15 жителей села (Артемьев К.В., Артемьев И.В., Артемьев Д.Е и др.) добровольно вступили в отряд Щетинкина-Кравченко. В годы гражданской войны в Пойлово действовала подпольная группа, в которую входили: Макаров Ефим Игнатьевич, Красильников Серей Николаевич, Худоносов Андрей, Иконников Алексей Кузьмич. Много погибло пойловчан в гражданской войне: одни на стороне белых, воюя в отряде Занина, другие на стороне красных.

После окончания гражданской войны в селе наступила мирная жизнь. В ноябре 1920 г. в с. Пойлово возникла партиячейка в количестве 22 человек. Создаётся и комсомольская ячейка. Сохранились фамилии первых комсомольцев: Дьяченко Константин, Лопатин, Крайторов И., Симонова Евдокия, Артемьева Е. Вожаком был Дьяченко Константин. Комсомольцы помогали изымать хлеб у зажиточных крестьян, устраивали концерты, где высмеивали кулаков, что вызвало недовольство у многих крестьян, поэтому на Дьяченко К. неоднократно устраивалось покушение.

Сельская библиотека открылась в 1920 году. Первым заведующим библиотеки был А.С. Конов. За годы существования библиотеки сменилось несколько библиотекарей, каждый из которых вложил частичку своей души работу. Это Артемьев А., Мельников В.И., Осипкина В., Лисанова Е.С., Пирогова Т.И., Пирогова А.С., Зеленова Н.В., Бочкарёва Е.Н.

В период голода 1921 г. крестьяне с. Пойлово Курагинской волости выделили из своих запасов голодающим Поволжья 29 пудов 32 фунта пшеницы, 9 пудов 8 фунтов ярицы, 25925 руб. собрали деньгами, хотя село ещё не оправилось после гражданской войны.¹¹

На 1926-1928 гг. по пойловскому сельскому совету числилось 351 двор, 1443 жителя. В селе работало несколько мельниц: Халуимова, Афонина, Хмельёва, Колотова.

В 1927-1929 гг. начинался, как и по всей стране, обобществлением крестьянских хозяйств. В селе создаются два хозяйства: товарищество кооперативного типа «Трудовик правды» (председатель Екимов Яков Акимович), а в 1929 г. создана коммуна «Совет» (председатель – Makeев Григорий Степанович). Вошли в неё в основном бедные, порой безземельные крестьяне. Земли им выделили из частично конфискованных кулацких хозяйств. Хозяйства оказались не совсем жизнеспособны. В 1931 г. оба хозяйства были объединены в колхоз «Совет труда». К тому времени все земли и инвентарь были отобраны у кулаков и зажиточных крестьян, что вызвало обострение в селе. В это же время в селе оскверняется храм.

В 1932-1934 гг. в колхозе появляются первые грузовые машины. Первыми шоферами были Рогович Прокопий, Ярмин Василий, Калягин Маркел. В 1937 г. появляется трактор. Первыми трактористами были Иконников Павел Андреевич и Татаркин Сергей Иванович. В 1944 г. организована конеферма. Первый заведующий – Файбушевич Дмитрий Иванович. После войны к Пойлово присоединили выселок Чима, увеличилось число жителей, а также и посевная площадь (5137 га). В колхозе организовано 6 бригад, насчитывающих 614 человек. Долгое время бригадиром бригады № 1 работал Бессмертный А., а бригады № 2 – Тарасенко М.

Коснулись села и репрессии 1937 года. Многие крестьянские роды были уничтожены почти под корень (Файбушевичей, Айзиманов и др). Только из славного рода Артемьевых вместе с детьми было репрессировано 34 человека. В 2011 г. в центре села установлен памятник репрессированным пойловчанам.

Великая Отечественная война принесла много горя, лишений жителям села Пойлово. На фронт призваны были 541 человек, практически все мужчины, погибло 152 человека.¹² Под Ленингра-

дом погибли Ежов Василий, Павин Иннокентий. Под Ленинградом воевал Шароватов Александр Георгиевич, с боями он прошёл всю Европу.¹³ Жители с. Пойлово отправили в подарок к 26-ой годовщине Октября по 60 кг мёда, масла и сухарей, 300 кг моркови.¹⁴ В центре села находится памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны.

С 1959 г. председателем колхоза был Г.Ф. Калинин. При нём в 1966 г. была построена молочно-товарная ферма. В хозяйстве крупнорогатого скота насчитывалось 1188 голов, овец – 3111, лошадей – 197, свиней – 360, птицы – 13000. В селе построено 23 жилых дома, здание колхозной конторы. Посевная площадь увеличилась до 6356 га. На 1 апреля 1964 г. в село проживало 1170 человек.

В 1956 г. была открыта семилетняя школа, первым директором назначили Прокудина Евгения Трофимовича, вторым – Бородина Валентина Александровича. В 1961 г. школа перешла на восьмилетнее обучение. В 1962-1963 учебном году 8 классов окончило 20 человек. В 1965 г. в Пойлово построили новую среднюю школу. Первым директором был Ян Самуилович Саков, который возглавлял её 30 лет. Это был замечательный педагог, уважаемый человек в селе. В школе тогда обучалось 243 ученика. До сих пор многие помнят Яна Самуиловича Сакова. С 1966 по 2009 гг. школа выдала 834 аттестата. В настоящее время в этом учебном заведении 102 ученика, директором работает Ковешникова Людмила Павловна.

В 60-е годы при председателе сельского совета Шмелеве И.М. начинается благоустройство села. По инициативе сельского совета огораживаются палисадники, высаживаются цветы, деревья, что украшает село. В 1981-1985 гг. и 1991 по 1995 гг. председателем сельского совета работает Маркевич Раиса Дмитриевна. *«Тогда председатель колхоза очень тесно был связан с жизнью села. Ковалёв во всем помогал мне, был в курсе всех проблем села. Колхоз был богатый. Он поддерживал работу ДК, помогал организовывать хор. Люди втягивались, увлекались, пьянства было меньше»,* – рассказывает Раиса Дмитриевна.

В центре села находится Дом Культуры. После пожара в 1965 г. он был восстановлен за 3 месяца силами колхозников, что являлось их гордостью. 7 декабря 1966 г. в помещении бывшей школы открылся детский сад «Солнышко», смешанная группа на 25 человек. Заведующей была Шаломова Н.Н., а воспитателем Тарасенко В.Д. В 1976 г. строится новый детсад – один из лучших в районе, его посещают 75 детей.

В 1982 г. колхоз возглавил Ковалёв Николай Алексеевич, молодой, перспективный, агроном с учёной степенью. К нач. 90-х гг. он достиг такого уровня развития, что о нём заговорили не только в районе, но и в крае. Выросло поголовье скота. Был завезён в колхоз высокопродуктивный породистый скот, повысились надои молока, увеличился настриг качественной шерсти. За эти годы были построены современные коровники, оборудованные доильными аппаратами, новые откормочные площадки, кошары для овец, гараж, водонапорная башня, пилорама, столярный цех, где перерабатывалось более 3000 куб. м древесины. В 1980-х гг. улучшились бытовые условия колхозников, отстроились улицы Молодёжная и Новая. Выросла заработная плата. К нач. 90-х гг. село достигло высоких результатов.

С сер. 1990-х гг. начинается экономический упадок села: закрываются больницы, начальные школы, детские сады. Колхоз распался. В селе возникла безработица. В селе существовало 5 фермерских хозяйств, но проблему безработицы они не решали. С 1995 г. Главой администрации работает Пирожков Василий Григорьевич.

Во многих сёлах Курагинского района были закрыты детские сады. Благодаря усилиям председателя сельсовета Р.Д. Маркевич и директора школы Я.С. Сакова удалось оставить одну группу. *«Сколько это нервов стоило, здоровья. Угрожали снять с работы, но отстояли детсад. Пусть одну группу, а в других селах вообще закрыли»,* – рассказывает Раиса Дмитриевна.¹⁵ В январе 2011 г. открыли вторую группу. Детсад посещают 36 детей. Ещё 70 детей в Пойлово нуждаются в дошкольном воспитании.

Работает в селе ФАП, не имеющий лицензии и специального помещения. Он не может оказывать населению многие медицинские услуги, поэтому жителям приходится ездить в районную больницу в Курагино, проводя время в огромных очередях.

Почта работала в селе три дня в неделю. *«Раньше люди выписывали много газет, журналов, приходилось 2 раза возвращаться на почту, чтобы вовремя все разнести»,* – рассказы-

вайт почтальона села. Сейчас на почте продаются продукты, моющие вещества.

Трудные времена переживает с. Пойлово. Люди остались без работы. Молодёжь уезжает из села, население стареет, сокращается. Многие семьи живут на социальные выплаты. В селе развито пьянство, некоторые зарабатывают на продаже спиртного, законы не действуют. Среди молодёжи наркомания. Земля перешла в частные руки, половина её не обрабатывается. *«Сейчас сложнее работать. Много безработных, обедневших семей. Отсюда злоба, зависть»* – рассказывает Раиса Дмитриевна, председатель Совета ветеранов. Она ведёт огромную работу в селе по патриотическому воспитанию, устраивает совместно со школой встречи с ветеранами войны, известными людьми. *«Люди не те стали. Заваливают мусором улицы, лес, – рассказывает секретарь сельсовета Плохих В.Г. – Многие вообще не хотят работать, поняли, что жить можно за счёт социальных выплат, пособия по безработице»*.¹⁶ На 2011 г. в Пойлово проживало 823 человек. Многих жителей села беспокоит современное состояние села, что при таких условиях с. Пойлово может перестать существовать, исчезнуть память о людях, которые вложили много сил в процветание села, исчезнет история села, как это случилось со многими сёлами Курагинского района.

2012

Примечания:

¹ Шароватов А.Г. «История Курагинского района». Курагино, 2007.

² Артемьев Г. 375 лет Курагино. – Абакан. 2001. С.107.

³ Краткое описание приходов Енисейской епархии. Репринторное воспроизведение. 1916.

⁴ Там же.

⁵ Павин Е. Доклад в Минусинский уездный комитет. – Мартъяновский музей. – 1890 г.- С. 271-272. С. 338-339.

⁶ Там же.

⁷ Шароватов А.Г. «История Курагинского района».

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Архивы Пойловской школы. Фотографии, материалы.

¹¹ Там же.

¹² Шароватов А.Г. «История Курагинского района».

¹³ Калюга А.Е. Курагинский самородок. // Мартъяновские краеведческие чтения. (2008-2009). Выпуск VI. – Минусинск, 2010. – С. 335-337.

¹⁴ Весны не умирают. По материалам районной газеты «Тубинские вести». Абакан, 2005. с. 35.

¹⁵ Интервью с Маркевич Р.Д., Пирожковым В.Г, Плохих Г.Г, Антоновой А.В, Артемьевым Г.К, Солодовниковой Т.В.

¹⁶ Там же.

Л.П. Чашина
г. Минусинск

Архивные документы о строительстве Минусинской Спасской церкви (1801-1805 гг.)

Спасский собор... Свидетель и даже участник истории города Минусинска! С 1780 г. в деревне Минусинской существовала Спасская церковь. Она была деревянной. Построена крестьянами, переселившимися из Надпорожной слободы со Среднего Енисея.

25 июня 1779 г. жители выехали для хлебопашества в деревню Минусинскую и просили у владыки Варлаама благословенной грамоты на постройку деревянной церкви. 24 декабря 1779 г. епископ Тобольский и Сибирский Варлаам дал такое благословение. А уже 29 сентября 1780 г. епископ посылает грамоту на освящение построенной Спасской церкви и Святой Антиминс.¹

В 1797 г. село Минусинское становится центром обширной Минусинской волости. Возрастает количество жителей, поэтому Спасская церковь уже становится тесной и ветхой. В 1801 г. крестьянское общество решает построить новую – каменную. На строительство собрали более 1000 рублей.

В архиве города Минусинска в фонде Минусинского волостного правления имеются документы, иллюстрирующие процесс начала строительства будущего Спасского собора. Приводим некоторые из них: 20 февраля 1801 г. прихожане Спасской церкви дали «сие одобрение дьячку Михаилу Иванову Токареву и крестьянину Евтифею Иванову Солдатову в том, что доверяем мы им быть строителями здесь в селе Минусинском на месте деревянной вновь каменную церковь двухпрестольную: Нерукотворного Образа Спаса и Покрову Божией Матери, а

что оные Токарев и Солдатов поведения порядочного, усердными строителями быть могут...»²

25 февраля 1801 г. села Минусинского и прочих селений Спасской церкви «прихожане: мещане, крестьяне и яшашные дали сию подписку строителю дьячку Михайле Токареву, крестьянину Евтифею Солдатову в том, что нам, прихожанам, во время строения каменной церкви давать и для вспоможения без всякого препятствия и каждому иметь своё усердие к построению той церкви. Раздоров и ослушания не чинить, быть всегда нам послушными, в том мы, прихожане им, строителям, подписку даём и подписуемся... Осип Узунов, Терентий Широков, Тимофей Ульянов, Степан Просвирнин, Прохор Полежаев. Семён Гурков, Василий Садовский, Афанасий Пойлов, Семён и Дмитрий Лобановы...» и другие.³

28 апреля 1801 г. ...деревни Усть-Лугажской государственный крестьянин Игнатий Андронов Скрябин «...дал сие письмо (заёмное на 30 рублей – *Л. Ч.*) Минусинской Спасской церкви строителю дьячку Михаилу Токареву в том, что взял я у него для государственной подати и на расплату разного звания людям долгов вышеписанную сумму денег тридцать рублей и десять пуд хлеба с таковым условием: мне, Скрябину, сделать кирпичу для здания каменной церкви двести тысяч (так в документе – *Л. Ч.*). Также принять мне ево, строителя, отработника к себе в товарищи. В производстве дела оного кирпича... делать пополам и на ево работника часть десять тысяч и то всего от обоих двадцать тысяч мерою: длина чтоб была семи вершков, ширина – 3 вершка с половиною, толщина – полтора вершка. Оный кирпич чтоб был делан и в отделе крепок, незапарный и в обжиге порядочный. В том числе в тысяче будет сто кирпичей пополам изломанных – принимать ему, строителю, а более окажетца, то не принимать. А сарай (для производства кирпича – *Л. Ч.*) чтоб был ево, строителей. Дрова мне, Скрябину, для обжига кирпича заготовлять самому с ево работником, а для возки дров брать лошадей у него, строителя. Работать сего года июня с первого числа и покончить вышеписанное число кирпича сего года октября к первому числу. Во время работы пить, есть мне своё. А наперёд денег взято мною десять рублей, а достальные мне получить при зарабатывании. В том для верности сие и письмо даю. У сего письма рука приложена: к сему договорному письму просьбою крестьянина Игнатия Скрябина крестьянин Андрей Соколов руку приложил».⁴

6 мая 1801 г. владыка Варлаам направил благословенную грамоту на строительство церкви. 2 мая 1802 г. крестьяне деревни Потрошиловой Карп и Афанасий Грушевские «дали сей договор церковному строителю Михаилу Токареву с товарищем Евтифеем Солдатовым в том, что взяли мы на платёж государственной подати и на расплату мирских покладок денег 29 рублей. За вышеписанное число (денег – *Л. Ч.*) повинuemся наставить с сего мая с 9 числа рубить дрова на выжеску извески (выжег извести – *Л. Ч.*) сего года до Прокопьева дня. Сколько нами выполнено будет из вышеписанного числа денег в опись по двадцати копеек за бадог и выставлять нам...»⁵

12 сентября 1803 г. произошла закладка каменной церкви. Об этом на обороте благословенной грамоты написал протоиерей Алексей Алексеев.⁶

8 июля 1804 г. Минусинского волостного правления разных деревень «...крестьяне с общего нашего согласия выбрали из мужей состояния и поведения добропорядочного из крестьян села Минусинскаго Степана Петрова Просвирнина, деревни Усть-Лугажской Ефима Иванова Полежаева для покупки в Новотомском железном заводе вновь строящей в селе Минусинском каменной Спасской церкви железных связей и разных материалов всего 328 пуд 5 фунтов. И что на оное им, Просвирниным и Полежаевым, израсходовано будет записывать в данную от строителя Михаила Токарева ...шнуровую книгу в чём под сим и подписуемся...»⁷

28 февраля 1805 г. Курагинское волостное правление запрашивало Минусинское волостное правление: «Благоволит оное правление находящегося во оном здешняго крестьянина Афонасия Иванова Власьева, проживающаго уже другой год, нужно выслать в сие правление для взыскания податей и прочих мирских покладок...»⁸ Минусинское волостное правление дало такой ответ 17 апреля 1805 г.: «... даём знать, что крестьянин Афонасий Власьев находится в Минусе при делании за забранные церковные деньги на вновь строящейся церкви кирпича... От строителя дьячка Токарева – сей Токарев объявил, что следующие с Власьева подати взносит он, Токарев, бездомочно ... не менее 70 рублей... А потому просит высылкою ево (Власьева – *Л. Ч.*) остановить».⁹

Строительство Спасской церкви продолжалось более 10 лет. В 1813 г. она была построена.

Освящена 11 октября 1814 года. В 1823 г. после образования Минусинского округа и преобразования села Минусинского в город Минусинск Спасская церковь стала Градо-Минусинской Спасской церковью. После пристройки северного придела в честь Николая Мирликийского Чудотворца стала именоваться соборной или Спасским собором. Это произошло в 1858 году.

2013

Примечания:

¹ Ватин В.А. Село Минусинское. Исторический очерк. – Минусинск. 1914. – С.23

² Архив города Минусинска (АГМ). Ф.34. О.1. Д.36. Л.3 об.

³ АГМ. Ф.34. Д.36. Л.4 об.

⁴ АГМ. Ф.34. Д.36. Л.13 об., 14

⁵ АГМ. Ф.34. Д.71. Л.4

⁶ Ватин В.А. Указ. сочин. – С.131

⁷ АГМ Ф.34 Д.126. Л.17

⁸ АГМ. Ф.34 Д.167. Л.36

⁹ АГМ. Ф.34 Д.167. Л. 36 об.

2. СОБЫТИЯ И ОБЩЕСТВО

К.Д. Дитковская, А.С. Хромых,
г. Красноярск

К истории Минусинской тюремной церкви

Вопрос о взаимодействии религиозных организаций с учреждениями пенитенциарной системы мало изучен. Имеющиеся основные работы относятся к досоветскому периоду. Среди них исследования В.Н. Никитина,¹ Е.Ф. Фридмана.² Такая ситуация может определяться тем, что только в 1990-е гг. вопросы истории правового регулирования подобного сотрудничества стали актуальными. Существующие исследования можно разделить на две группы: написанные в религиозном аспекте (Г.А. Каледа)³ и в правовом (Г.Ф. Хохряков, Г.С. Саркисов,⁴ В.Ф. Абрамкин⁵). Но в этих работах делается акцент не на истории сотрудничества системы исполнения наказаний и церкви, а на проблемах нравственного воспитания заключённых. Трудов, посвящённых данному взаимодействию на территории Енисейской губернии, нет. О роли церкви в пенитенциарной системе сегодня написана работа А.Я. Сатрихиной «Тюремное служение русской православной церкви на территории Красноярского края».⁶ Это исследование о современном развитии отношений между религиозными организациями и пенитенциарной системой. Оно показывает, что данная тема сегодня обретает популярность у исследователей.

Устройство церквей при тюрьмах получило распространение после утверждения императором Александром I в 1819 г. приведённых выше «Правил для Попечительного Общества о тюрьмах», в основу которых легла «Записка о лучшем содержании тюрем» Вальтера Венинга – одного из членов Английского тюремного общества, путешествовавшего по России. По этому документу учреждалось Общество попечительное о тюрьмах, одной из главных целей которого являлось наставление заключённых в правилах Христианского благочестия и доброй нравственности. Отдельный пункт этого документа посвящён церкви: «Снабжение книгами Священного Писания и другими духовного содержания книгами предоставляется попечению Комитета. Священника, когда и где возможно таково иметь, весьма нужны и содействуют благотворной цели попечения о тюрьмах. Если найдется средство, при которой тюрьме устроить и церковь, то сие есть превосходным учреждением для душевной пользы содержащихся».⁷ Идея о нравственном исправлении посредством церкви являлась совершенно новой для того времени. К 1865 г. в Красноярске был губернский Комитет Попечительного общества о тюрьмах с отделениями в Канске, Енисейске, Ачинске, Минусинске.

В Памятной книжке Енисейской губернии за 1909 г. указывается, что при Минусинском тю-

ремном замке в 1865 г. построена Александро-Невская церковь, она значится как приписная. В Книжке за 1915 г. содержится точно такая же информация.⁸ Но в письме Минусинского отделения попечительного общества о тюрьмах в Красноярский губернский тюремный комитет от 2 июля 1912 г. сообщается, что никакой нравственно-исправительной деятельности в тюрьме не ведётся, т.к. нет церкви, а «заводить подобное просветительное учреждение в настоящее время негде, вследствие ветхости тюрьмы».⁹

В 1912 г. в Минусинске построили новую тюрьму, а в 1915 г. Енисейский губернатор по Губернской тюремной инспекции обратился в строительное отделение Енисейского губернского управления с предложением создать при ней церковь. Работу предлагалось начать сразу и в том же строительном сезоне.¹⁰ В Минусинске придавали особое значение строительству церкви, поставили наблюдателя, который контролировал процесс возведения храма. Была составлена смета, по которой на строительство требовалось более 7600 руб., т.к. «потребный кредит на постройку церкви открывается главным Тюремным Управлением сего 1915 г., следовательно, для предупреждения закрытия кредита надлежит начать хотя бы подготовительную работу». Видимо из-за больших денег, предусмотренных на строительство, Губернская тюремная инспекция попросила техника строительного отделения следить за работой и сообщать о её ходе. Вскоре строительное отделение предложило увеличить храм и вынести алтарную часть за тюремную ограду. Губернатор разрешил изменить план постройки: устройство окон в алтаре в стене восточной стороны. И вот в марте 1917 г. состоялся осмотр построенного здания представителями строительного отделения и тюремной инспекции. Отметили, что «все работы произведены согласно проекту и смете, за исключением окраски крыши, полов, потолка...». И то, что «...свод арки, отделяющий алтарь от средней части храма, выведен с отступлением от проекта». Было решено разобрать и заново собрать свод арки, чтобы всё соответствовало проекту и указаниям технического надзора. В целом же, комиссия пришла к выводу, что все работы произведены хорошо и материалы для строительства использовались качественные.¹¹ 13 мая 1917 г. составили новую смету, учитывая предстоящие исправления.¹² Но в 1918 г. вышел «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», началось искоренение религиозного культа.

Тюремные храмы составляли, можно сказать, отдельную категорию, т.к. при них отсутствовали религиозные общины. Эти храмы часто обозначались как домовые. Закрытие тюремных церквей, которым занималась межведомственная комиссия по ликвидации домовых церквей, проходило в 1920-1922 гг. Информация об этом содержалась также в протоколах губернской комиссии по изъятию церковных ценностей. Сведений о Минусинской тюремной церкви в этих документах нет. Вероятно, храм так и не открылся, или же функционировал совсем недолго, до 1920 года.

2013

Примечания:

¹ Никитин В.Н. Быт военных арестантов в крепостях. С-Пб., 1873; Он же. Тюрьма и ссылка. С-Пб., 1880.

² Фридман Е.Ф. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб. 1894.

³ Каледа Г.А. Остановитесь на путях ваших... М., 1995

⁴ Хохряков Г.Ф., Саркисов Г.С. Преступления осуждённых: причины и предупреждение. Ереван 1988.

⁵ Абрамкин В.Ф. Поиски выхода. Преступность, уголовная политика и места заключения в пост советском пространстве. М., 1996.

⁶ Сатрихина А.Я. Тюремное служение русской православной церкви на территории Красноярского края // Православие. Россия: размышление о прошлом, взгляд в будущее. Красноярск, 2011

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. (1649-1825). Т. 36. №27.895. «Высочайше утверждённый доклад Министра Духовных дел и Народного просвещения. Об учреждении в России Попечительного Общества о тюрьмах. – С. 306-314.

⁸ Церковные приходы // Памятная книжка Енисейской губернии. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1909. – С. 67-68.

⁹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.32. О.1. Д.470. Л.15.

¹⁰ ГАКК. Ф.595. О.59. Д.903. Л.3 – 12.

¹¹ Там же.

¹² ГАКК. Ф.595. О.59. Д.910. Л.7.

Дорожная отрасль Курагинского района

Дороги имеют очень важное значение для развития экономики и промышленности государства. В 1746 г. в России появилась первая дорога, протяжённостью свыше 700 км, построенная по единым правилам, определённым государственными Указами и Инструкциями. Это событие и ознаменовало появление дорожной отрасли в Государстве Российском.

Согласно архивным документам на территории Курагинского района дорожная отрасль ведёт свой отсчёт с 1933 г. Решением Курагинского райисполкома от 26.12.1933 № 49 был образован районный дорожный отдел. Заведующим утвердили т. Михайлова.

Был подобран аппарат доротдела (техник и десятник), который командировался в сельсоветы района для организации развертывания дорожных работ на местах. Специалисты аппарата «... подбирали штаты доруполномоченных из лучшей части колхозников для организации населения на дорожную повинность, помогали сельсоветам выявить недоимочность граждан по трудучастию в дорожном строительстве, проводили проверки состояния переправ через реки».

В 1934 г. Курагинский район принял участие в конкурс на лучшее проведение дорожных работ с трудовым участием населения по сельским Советам. Согласно Положению были установлены показатели, в т.ч. включающие: 100% выполнение объёма дорожных работ к началу уборочной компании, изготовление простейших дорожных машин (на каждый сельсовет по 2 канавокопателя, 2 утюга и 1-му катку), организацию в сельсовете ячейки общественной организации «Автодора» и реализацию билетов его пятой лотереи общим количеством не менее 100 штук на сельсовет и др.

С 1 января 1935 г. начало действовать Красноярское краевое управление шоссейных и грунтовых дорог и автотранспорта «Крайавтотранс». В связи с этим была изменена структура дорожных органов края. Было образовано семь дорожно-эксплуатационных участков, в т.ч. Минусинский № 490, в который вошёл и Курагинский район.

3 марта 1936 г. было принято Положение ЦИК и СНК СССР о трудовом участии сельского населения в строительстве и ремонте шоссейных и грунтовых дорог. Согласно ему к строительству и ремонту дорог кроме сельского населения, привлекались также колхозы, совхозы и их транспорт, а также трактора МТС, закреплённые за доручастками и околотками, которые расчищали снег в основном деревянными треугольниками.

Согласно документам Курагинского архива, ежегодно на заседаниях Курагинского райисполкома принимались планы работ по дорожному строительству, ответственность за своевременное и полное выполнение которых возлагалось на председателя райисполкома. Принимались планы по изготовлению простейших дорожных снарядов и обучение низовых дорожных кадров (сельдоруполномоченных, дорожных бригадиров и колхозных бригад).

Государством была поставлена задача: увеличить удельный вес строительства усовершенствованных гудронированных, асфальтобетонных и бетонных дорог, а также гравийных. И в 1940 г. широко развернулась народная инициатива в дорожном строительстве.

В Красноярском крае инициатором строительства дорог методом народной стройки были, в т.ч., колхозники сельхозартели «Трудовой крестьянин» Муринского сельсовета Курагинского района, предложившие построить в 1940 г. своими силами дорогу Курагино-Минусинск. Постановлением исполкома крайсовета и бюро краевого комитета ВКП(б) эта инициатива была одобрена. С этой целью был образован районный строительный участок. Начальником управления строительства дороги был утверждён председатель Курагинского райисполкома А. Боронок. Району были установлены объёмы работ по заготовке строительных материалов: камня, леса и др. Также был установлен лимит выхода в июне на дорогу 2615 человек, преимущественно ранее работавших на строительстве дорог, и 1800 лошадей.

В целях улучшения бытового и культурного обслуживания строителей дороги исполком райсовета в пунктах размещения бригад организовал бани и парикмахерские. Шосгидротехстрой оборудовал красные уголки, снабдил газетами и журналами, автокинопередвижкой. Крайпотреб-

союз открыл передвижные ларьки, чайные и столовые, а крайздравотдел организовал на трассе медпункты. За быстрейшее и высококачественное выполнение заданий были установлены премии: лучшему стройучастку – 1500 руб., лучшей бригаде: первая – 1500 руб., две вторых премии – по 1000 руб. и три третьих – по 750 руб.

Дорога была построена и сдана в срок. Надо отметить, что на возведении её земляного полотна трудилась и машино-дорожная станция № 15, работавшая по всему краю на дорогах местного значения. После выполнения задания она в полном составе была мобилизована в Красную Армию.

С началом Великой Отечественной войны почти всю дорожную технику передали на фронт. Ушли воевать и мужчины. В тылу остались в основном женщины. Всё это отрицательно сказалось на дорожной отрасли. За время войны дороги получили особенно большой износ – до 70% и только 16% дорог являлись проезжими во всё время года.

Согласно архивным документам в нач. 1950-х гг. в штате Курагинского дорожного отдела было 6 человек: заведующий К.Т. Южаков, 3 дорожных мастера, десятник и техник. В отделе имелся парк машин и лошадей, а в 1952 г. был получен первый грейдер на железном ходу. Отдел сеял зерновые, содержал сад с ранеткой и дичкой, заготавливал лес, помогал колхозам и совхозам в заготовке кормов и уборке зерновых, корнеплодов.

В 1956 г. для обслуживания дорог, принятых от Артёмовского рудника и обслуживания дороги Минусинск-Курагино-Артёмовск-рудник Чибижек, протяжённостью 193 км, решением исполкома крайсовета от 11.01.1956 г. был образован дорожно-эксплуатационный участок № 511 с местом расположения в с. Курагино. В ДЭУ были образованы 3 дорожно-эксплуатационные дистанции, количество которых впоследствии возросло до восьми, а общее количество работающих превышало 150 чел. Они организовывали работу паромов, проведение ледоходов и установку переправ. При угрозе подтопления при большой толщине льда использовали взрывчатку.

В распоряжение дорожников стали поступать более мощные дорожные машины. В 1957 г. было получено два автомобиля марки «Студебекер» от Каратузского райавтошосдора.

На основании приказов Крайдоруправления от 13.09.1962 г. № 133 и Министерства от 26.07.1962 г. № 224 «Об упорядочении сети автомобильных дорог общего пользования» ДЭУ-511 был переименован в дорожный участок № 1025 по содержанию автодорог.

В связи с реорганизацией районов значительно расширилась сеть автомобильных дорог и колхозы, совхозы и организации своими силами не в состоянии своевременно были выполнить план дорожного строительства. Учитывая это, Курагинский райисполком своим решением от 30.11.1963 № 446 ходатайствовал перед крайисполкомом о создании на базе райдоротдела дорожного участка для строительства и ремонта дорог районного значения.

В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 19.02.1965 г. № 259 «Об улучшении строительства, ремонта и содержания местных автомобильных дорог» исполком крайсовета в июне 1965 г. принял решение «Об организации постоянной эксплуатационной службы на местных дорогах», согласно которому в составе краевого управления строительства и ремонта автомобильных дорог было создано 33 производственных дорожных участка. В т.ч. Курагинское ПДУ-2418, руководителем которого был назначен А.А. Воспанов, ранее занимавший должность заведующего районным дорожным отделом. На ПДУ-2418 было возложено производство работ по ремонту, содержанию и строительству дорог общего пользования, в т.ч. за счёт привлекаемых средств.

К этому времени силами дорожного отдела были построены дороги с гравийным покрытием до каждой центральной усадьбы колхозов и совхозов. Заменены деревянные дорожные трубы на железобетонные и перестроены почти все мосты на бетонные опоры. Построены производственные базы в п. Курагино (контора, склады, два гаража под всю наличную технику) и на Кордовской дистанции, построено жильё для всех членов коллектива. На то время у дорожников было 15 автомобилей ЗИЛ, 8 автогрейдеров, 2 экскаватора, 4 трактора С-80, которые оборудовали под бульдозеры.

1966 год для дорожников района и края выдался очень тяжёлый: выпало небывалое количество снега и как следствие – наводнение. Были разрушены многие километры дорог и дамб, мосты, переправы, но, тем не менее, успехи были очевидны, – Курагинский район досрочно выполнил пятилетний план по строительству и ремонту автодорог.

За достигнутые успехи в 1966 г. 24 дорожника края были награждены правительственными наградами, в т.ч. Орденом «Знак Почёта» тракторист Курагинского ДЭУ Иван Максимович Кузнецов.

В 1967 г. в честь 50-летия Советской власти ПДУ-2418 за высокие показатели в работе было вручено Красное знамя Крайкома КПСС, Крайисполкома и Крайдора. В 1971 и 1975 гг. Курагинский район также был отмечен в числе лучших по строительству дорог в крае.

В 1976 г. ПДУ-2418 было выделено 3,0 га земли в п. Курагино для строительства комплекса зданий производственной базы, где разместили и первый асфальтобетонный завод. Первый асфальт был произведён в 1979 году. Это был настоящий праздник. Ведь не та дорога короче, которая ближе, а та, что лучше.

В дальнейшем ПДУ-2418 приказом «Красноярскавтодор» от 29.12.1979 г. № 604 переименовали в Курагинское ДРСУ, ДРСУ-9 – в последствие реорганизовано в ДСУ № 3 и ДРСУч, ГУДП «Курагинское ДРСУ», Курагинский филиал ГП «КрайДЭО», которому в 2004 г. за большой вклад в развитие дорожной отрасли района было присвоено Почётное звание «За заслуги перед Курагинским районом» с вручением знамени.

В разные периоды на территории района работали и другие дорожные организации: ДПМК, «Дороги Сибири». Содержание дорог осуществлял и Моторский леспромхоз.

В нач. 1990-х гг. на юге края был образован Минусинский межрайонный отдел ГП «КруДор», на который было возложено осуществление контроля за строительством, ремонтом и содержанием дорог. Специалисты этой службы также внесли и продолжают вносить свой весомый вклад в повышение качества дорожного строительства района.

В настоящее время на территории района действует Курагинский филиал ГПКК «ДРСУ-10» со штатной численностью около 140 человек, имеющий более 50 единиц дорожной техники, 4 производственные базы и балансовую стоимость основных производственных фондов более 66,5 млн. рублей.

Вряд ли сегодня найдутся в районе организации и муниципальные образования, которым бы не оказывали услуги дорожники. Это – асфальтирование улиц, школьных дворов и площадок, территорий зернотоков, автозаправок, учреждений и предприятий, расчистка и отсыпка дорог населённых пунктов, дамб, устройство площадок, тротуаров и павильонов. Большой объём работ произвело Курагинское ДРСУ в качестве генподрядчика в строительстве так нужного всему району мостового перехода «Корона Тубы», принятого в эксплуатацию в 1997 году.

Дорожные организации на протяжении своей деятельности принимали активное участие и в социально-культурной жизни района. Сложно её измерить в цифровом выражении, это – гражданская позиция. Они оказывали и продолжают оказывать помощь детским садам, приютам, школам.

Своим трудом, надёжностью и стабильностью дорожники завоевали авторитет среди жителей района. Представители дорожных организаций часто избирались и избираются депутатами, членами различных районных комиссий и Советов. Руководители дорожных организаций всегда в районе были уважаемыми людьми. Дорожников объединяет и отличительная черта – верность своей профессии. Более 40 человек имеют Почётные звания и награды. Есть и свои трудовые династии.

2013

Н.П. Леонтьева,
г. Минусинск

Минусинск деревянный

(к вопросу сохранения памятников архитектуры и градостроительства)

«Деревянный мой, со ставнями, милый город Минусинск. Он, из домиков составленный, как из долек апельсин...» – писала о городе в 60-е гг. XX в. археолог Наталья Членова. И действительно, в прошлые времена деревянное зодчество определяло лицо Минусинска. Над морем рубленых домов возвышались отдельные каменные здания.

Деревянные строения Минусинска разнообразны: здесь можно увидеть простые одноэтажные

дома в три окна и большие дома в два этажа с балконами, украшенные затейливым декором. В небольших домах проживала семья хозяев, а многоквартирные дома строились как доходные.

Они не являются уникальными. Искусство резьбы и технику строительства принесли в Минусинск, как и в другие сибирские города, переселенцы из Европейской части России. Но эти дома составляли и составляют неповторимый облик города. В деревянном зодчестве отразились и переплелись различные стили и мотивы: русская народная архитектура, барокко, классицизм и модерн. Сохранившиеся памятники деревянного зодчества отличаются неброской, но тонкой красотой. Они свидетельствуют о высоком строительном и художественном мастерстве минусинцев.

На необходимость принятия мер по сохранению исторического облика Минусинска обращалось внимание ещё в период Великой Отечественной войны. В городском архиве сохранилось постановление Минусинского городского Совета за 1942 г., в котором говорится о запрете сносить дома, о необходимости их содержания в должном порядке, были даны конкретные указания соответствующим организациям.

Строения ветшают. Не только от времени, но и от людского равнодушия. Многие из них лишены удобств, проживать в них сегодня не очень комфортно. Люди не видят красоту и художественную ценность этих зданий. Вставляя пластиковые окна, они снимают и выбрасывают наличники, ставни даже в том случае, когда не делают изменений оконного проема. Многие стали обшивать дома пластиком, полностью перестраивать и т.д. Глядя на всё это, вспоминаешь строки одной из статей минусинского краеведа В.С. Плехова, написанные им пятнадцать лет назад: *«...Любое осовременивание минусинских домов приводит к потере соразмерности, к нарушению гармонии ансамбля и, в конечном счёте, к потере исторического своеобразия города».*

Почему так получается? Мы думали, что отсутствует законодательная база для решения этой проблемы. Нет. На уровне России и края она достаточно разработана. Ещё в 1966 г. в крае был принят проект охранных зон исторической части Минусинска, ставших регламентом для градостроителей и охранных органов. Граница охранной исторической зоны определена улицами Набережная – Пушкина, Оборона – Затубинская.

С 1990 г. Минусинск имеет статус города-памятника, он внесён в список исторических мест РСФСР (совместное Постановление Министерства культуры, коллегии Госстроя РСФСР и Президиума Центрального Совета ВООПИК).

В 1992 г. в рамках выполнения указа президента был составлен список домов города по исторической части постройки до 1917 г. и список памятников архитектуры и градостроительства, которые были переданы в отдел приватизации жилья.

В 1994 г. Сибирским институтом Сибспецреставрация (г. Томск) была подготовлена техническая документация по строениям охранной зоны, определены типы застроек исторической части города:

- А 1 – особо ценная застройка, стоит на государственной охране;
- А 2 – ценный объект, стоит на государственной охране;
- А 3 – ценный фоновый объект исторической застройки, рекомендуется к сохранению;
- А 4 – ценный исторический фоновый объект, рекомендуется к сохранению;
- А 5 – нейтральный объект, но желательно сохранение.

Почему же при составлении программы и списка «Ветхое жильё» не были учтены особенности исторической застройки города? В результате многие деревянные дома (в числе которых и ценные объекты) объявляются ветхой застройкой и могут быть снесены, уже сносятся. В Постановлении Законодательного собрания Красноярского края «О застройке территорий, прилегающих к объектам культурного наследия» записано: «1. Рекомендовать органам местного самоуправления до принятия закона края «Об установлении зон охраны объектов культурного наследия Красноярского края» воздержаться от выдачи разрешений на строительство, разрешений на ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства на территориях, прилегающих к объектам культурного наследия» (07.02.2008 № 4-1320П).

Предложения по разработке и утверждению правовой документации уже неоднократно вносились на рассмотрение депутатов городского Совета. Это – необходимость утверждения границ зон охраны объектов культурного наследия; положения о зонах охраны; разработка проектов ре-

жимов использования земель в границах зон охраны; составление реестра памятников федерального, краевого и местного значения и об ответственности хозяев и жильцов старинных домов.

Осенью 2012 г. участники кружка «Краевед» (Минусинский сельхозколледж), приступая к работе над проектом «Минусинск деревянный», решили пройти по улицам охранной зоны исторической части города и оценить состояние деревянных зданий на сегодняшний день. Дома разыскивались по статьям минусинского краеведа В.С. Плехова, опубликованным в городской общественно-аналитической газете «Надежда» в 1998-2002 гг. Всего было обследовано 15 улиц, сделано 275 фотоснимков 83-х домов (учитывались только декорированные дома).

Начали с ул. Красных Партизан. Она, по словам краеведа, отличалась богатством, разнообразием и в то же время единством архитектурного облика. *«Это лучший участок самой характерной и самой разнообразной застройки Минусинска. Пройдя лишь по этой улице, вы будете иметь полное представление о внешнем облике старого Минусинска».* Это одна из первых улиц города, именно здесь в кон. 30-х – нач. 40-х гг. XVIII в. появились первые дома деревни Минусинской. В нач. XIX в. она была уже главной улицей города. На ней располагались присутственные места (административные учреждения), поэтому самое первое её название – Присутственная, позднее её переименовали в улицу Александра II. Многие деревянные и каменные здания, построенные во втор. пол. XIX – нач. XX в. сохранились. Её начало – от улицы Комсомольской (бывшая Большая) до перекрестка с улицей Мартьянова (бывшая Гостинодворская) – является юго-западной стороной исторического центра города – ныне площади III Интернационала и очень важно сохранить её облик, который, к великому сожалению, уже меняется. Снесён дом, где был когда-то расположен детский Мартьяновский приют. На его месте появился частный дом. Вызывает опасение и сохранность большого старинного здания под номером 11. В нём до революции и в советское время размещались различные учреждения, последним из них была школа бухгалтеров. Сейчас здание опустело и стоит закрытым. Далее часть небольших домов обшита пластиком, наличники исчезли, появились длинные глухие металлические заборы.

Исчезли, разрушаются или совершенно изменили свой облик дома, расположенные на других улицах. Ни водостоков, ни наличников, ни резных калиток не осталось и в помине. Жильцы дома 41 по улице Обороны (бывшая Итальянская), вставляя пластиковые окна, выбросили наличник. Этот дом можно увидеть на фотографиях Минусинска кон. XIX в., он находится рядом с домами врача Малинина и купца Гусева. Теперь вместо наличника он зияет оконным провалом. Дом был принят на государственную охрану в 1998 г. (Закон Красноярского края от 19.03.1998 № 2-42) и имеет региональное значение.

Жители дома 15 по ул. Штабной (бывшая Старокузьминская, Петра Великого) были переселены по программе ветхого жилья, а здание, которое могло служить ещё много лет (при надлежащем уходе), оказалось брошенным и медленно, но верно разрушается. Погибают дома и в огне пожаров. Жильцы или совсем не следят за внешним видом строений, или каждый делает это по-своему. Из-за этого дома теряют свою привлекательность. Здания, принадлежащие государству, давно не видели ремонта.

Деревянными домам по улице Октябрьской (бывшая Новоприсутственная) повезло больше. Они всегда были жилыми. И сегодня можно увидеть их былую красоту. Дома в два этажа, на высоких каменных цоколях. Привлекает внимание богатый декор наличников больших окон, фризов, карнизов. Стены обшиты профилированными досками, пилястры украшены орнаментом. На стенах дома 79 сохранились следы былого окрашивания охрой. Но, к сожалению, и на них разрушается резьба, исчезают наличники. На фасад дома 79 прибили большой рекламный щит...

Конечно, есть и положительные примеры, но их меньше, чем хотелось бы. К сожалению, можно заявить, что старый деревянный Минусинск мы теряем и продолжаем терять безвозвратно.

Поскольку нереально спасти все объекты исторического наследия, необходимо, пока не поздно, создать список деревянных домов и каменных зданий, подлежащих реставрации, а не сносу. Принять постановление, запрещающее изменение фасадов зданий и уничтожение наличников, имеющих художественную или историческую ценность. Культурное наследие – это и экономический ресурс.

Минусинск – единственный город на юге Красноярского края, имеющий почти 200-летнюю историю. Перспективный вариант «вдохнуть вторую жизнь» в старинные дома – туризм. Нужно

создавать частно-государственное партнерство, в условиях которого будет указано, какие обязательства по содержанию дома берёт на себя хозяин и какие субсидии и льготы по налогообложению предоставляет ему государство. Тогда можно будет повысить ответственность (в т. ч. и материальную) за халатное отношение к историческому наследию. Для решения этой проблемы необходимо объединение усилий городской власти, общественных организаций, СМИ.

Наш долг – сберечь (хотя бы частично!) неповторимый облик города, его историческое лицо. Своевременным является утверждение городской администрацией проекта «Исторический квартал». Из местного бюджета в 2013 г. выделено 2 млн. рублей на благоустройство части территории старого города.

Учесть интересы прошлых и будущих поколений должен человек настоящего. Найти приемлемый компромисс интересов может только человек, для которого представители всех поколений – одинаково свои, одинаково живы, человек любящий свой родной город, ощущающий причастность к его неповторимой истории.

Литература:

1. Плехов В.С. Топорная работа.//Газета «Надежда», № 90, 1998. – С. 3-4.
2. Плехов В.С. Минусинские узоры.// Газета «Надежда», № 29, 1998. – С. 3.
3. Плехов В.С. По улице Красных Партизан.// Газета «Надежда», № 17-18, 2002. – С. 7.
4. Плехов В.С. По старой Большой дороге.// Газета «Надежда», № 80-82, 2002. – С. 10.

В.К. Лушников,
г. Абакан, Республика Хакасия

Повседневная жизнь учащихся школ Хакасской автономной области и южных районов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны

Тема повседневной жизни учителей и учащихся школ в годы Великой Отечественной войны реже становилась объектом исследований.¹ Тем более в территориальных рамках юга Красноярского края. Отметим лишь некоторые работы, в которых затрагивался этот вопрос. В частности, Н. Карамашева, среди причин более чем 10%-го сокращения учащихся в Восточной Сибири в период с 1941 по 1943 гг., называет резкое снижение жизненного уровня населения и вынужденный уход старшеклассников на производство.²

Тему народного образования Хакасии в годы войны, одним из первых исследовал А. Мохов, он описал один из починов школьников по шефству над колхозными детскими площадками.³ В монографии А. Мохова, Л. Моховой, посвящённой истории народного образования Хакасии, даётся общая характеристика сферы образования в военное время.⁴ Ценные статистические данные (количество школ, учащихся в них), сведения о помощи фронту учителями и школьниками, можно найти в «Очерках истории Хакасской областной организации КПСС».⁵ Г. Матросова первой обратилась к исследованию фондов для остро нуждающихся школьников, созданных при каждом районном или городском отделе народного образования, самые крупные суммы в них были собраны в 1943/44 учебном году, около 360 тыс. рублей.⁶

По данным Красноярского краевого статуправления на 1939/40 учебный год в Хакасской автономной области было 336 школ, в которых обучались 61793 ученика и работали 1999 учителей. На территории южных районов Красноярского края насчитывалось 450 школ, обучались 65790 учеников и преподавали 1942 учителя. То есть, приведённые количественные данные прямо пропорциональны числу жителей на указанных территориях: по данным переписи 1939 г. в Хакасии проживало 270,6 тыс. чел., в южных районах Красноярского края – 307 тыс. человек.

В южных районах края 73,4% всех учеников обучались в 1-4 классах, 2,5 % – в старших классах. По Хакасии данные почти совпадают: 71% – учеников начального звена и 3% – старшеклассников.⁷ По данным на 15 сентября 1941 г., количество школьников уменьшилось примерно на 10%: 55256 учеников насчитывалось в Хакасии, 57053 – в южных районах Красноярского края.⁸

Количество школ при этом практически не изменилось, то есть в среднем на одну школу региона в среднем приходилось по 140 учеников. Естественно, в начальных школах их было меньше, в НСШ и средних школах больше. Наполняемость сельских школ была, как правило, меньше, чем в городской местности.

Большинство школ до начала и во время Великой Отечественной войны, располагалось в деревянных зданиях, одноэтажных. В Абакане только школа № 1 размещалась в четырёхэтажном кирпичном корпусе. Многие школы не имели электроосвещения даже в районных центрах. В с. Ермаковском здание средней школы было электрифицировано лишь в ноябре 1941 г., когда в нём разместился эвакогоспиталь.⁹ Летом 1941 г. многие здания школ в Абакане, Минусинске и крупных сёлах региона передали под госпитали. В частности, только в Абакане военному ведомству передали три самых крупных школьных здания на 3 тыс. учащихся. Под учебные же заведения были срочно переоборудованы здания сберкассы, бывшего Дома обороны и областного земельного отдела. Внутренние переделки завершили в 10-15 дней, и 1 сентября занятия начались во всех школах города.¹⁰ В Минусинске под госпитали были также переданы здания трёх школ, №№ 4, 2 и 1, учащиеся и педагогов перевели в другие школы, причём, из-за уплотнения в 6 учебных заведениях (2, 3, 4, 5, 6, 10 школы) занятия проводились в три смены, в остальных 7 – в две смены (школы №№ 1, 7, 8, 11, 12, 13, 14).¹¹

Условия учёбы школьников, таким образом, изменились в худшую сторону. Жилищно-бытовые условия были стандартными для населённых пунктов того времени. Печное отопление, в основном дровами, вода в здания приносилась ведрами из колодцев, либо открытых водоёмов, стандартные рукомойники, отсутствие канализации, даже в городах нечистоты выносились в выгребные ямы, либо просто выливались на улицы. Уборные тоже располагались на улице. Обязательным атрибутом школьного и домашнего быта все военные годы была керосиновая лампа, зачастую без стекла, поскольку оно практически не продавалось в магазинах. Школьникам не хватало учебников, тетрадей. Накануне 1941/42 учебного года тетрадей в школы и магазины региона завезли в шесть раз меньше от потребности.¹² По воспоминаниям минусинского краеведа М.В. Злобина, в школе с. Лугавское один учебник был на троих учеников.¹³ О нехватке учебников говорит Е.С. Щеглова, работавшая в годы войны учительницей школы № 6 г. Минусинска, подтверждает её слова А.И. Лавриненкова, учившаяся в годы войны в школе с. Курагино¹⁴ и другие. Писали на любых свободных клочках бумаги, часто на газетах, между заметками и даже газетными строчками. Чернила изготавливали из печной сажи. Всё это осложняло учебный процесс. Скудный гардероб учащихся, зачастую у них отсутствовала зимняя обувь и одежда, что приводило к пропускам занятий.

Успеваемость в большинстве южных районов Красноярского края в 1941/42 учебном году была выше, чем в школах Хакасской автономной области. В целом в регионе в 1942/43 учебном году отмечалось незначительное повышение успеваемости. Но в дальнейшем в Хакасии её показатели резко упали, а в последний военный год около трети всех учеников области получили неудовлетворительные оценки за год.

Война заметно сказалась не только на успеваемости учащихся школ региона, заметные коррективы она внесла и в повседневную жизнь школьников. Во-первых, с уходом отцов и старших братьев на фронт, им пришлось выполнять значительно больший объём домашней работы. Во-вторых, летние каникулы заполнялись не отдыхом, а работой на колхозных полях для старшеклассников, ежегодно к таким работам привлекались от четверти до трети всего состава учеников школ. Так в Хакасии, летом 1941 г. на полях работали более 15 тыс. учащихся и 567 учителей.¹⁵ В 1942 г. в сельхозработах участвовали 15015 учащихся и 890 учителей.¹⁶ Только весной 1943 г. на полях собирали колосья 7028 учащихся, они собрали 262,7 т зерна.¹⁷ В 1944 г. на полях работали 12100 школьников, они выработали 356581 трудодень.¹⁸ Если учесть, что к сельскохозяйственным работам привлекали, в основном, учеников 5-10 классов, то практически все они трудились летом на колхозно-совхозных полях. К примеру, на окончание 1943/44 учебного года в школах Хакасии было 34527 учеников, из них 12191 – учащиеся 5-10 классов. Школьники были заняты на прополке, сенокосе, уборочной, сроки которой затягивались. Так, 1944/45 учебный год для учащихся 5-10 классов начался в Хакасии с 1 октября.¹⁹ В южных районах Красноярского края

трудовое участие школьников на полях проходило по аналогичным условиям. Зачастую в колхозах и совхозах нарушались правила приёма, размещения и питания учащихся, привлечённых на сельхозработы. *«Работаем с 8 утра до 10 вечера, кормят отворотительно, похлебкой из зёрен овса. Живём в школе, стим на нарах, негде помыться»*, – читаем в письме одной из учениц.²⁰ Уже первая уборочная кампания 1941 г. показала низкую квалификацию учащихся, особенно городских школ. В школьную программу вошёл курс подготовки учащихся к сельскохозяйственному труду. Занятия проводились с декабря по апрель, Старшеклассники изучали агротехнику, тракторное дело, учились работать на простейших сельскохозяйственных машинах. Так около 5 тысяч старшеклассников Хакасии держали весной 1942 г. испытания, 863 из них справились с курсом подготовки тракториста или прицепщика. Их труд использовался летом 1942 г. более эффективно.²¹ Обучение основам сельскохозяйственного труда вошло в учебные программы на все военные годы.

Кроме того, для старшеклассников стали обязательными занятия по всеобщей военной подготовке, больше внимания в школе стали уделять военно-физкультурному воспитанию. Так, в зимний сезон 1942/43 учебного года в Хакасии в военно-физкультурных соревнованиях приняли участие 11961 школьников 5-10 классов, или 70% от общего их числа, подготовлено 22272 оборонных значкиста, то есть каждый участник соревнований сдал нормативы по 2-3 значкам. В основном, это были нормативы ПВХО, ГСО и БГТО.²² Военно-спортивная подготовка продолжалась и летом, для тех кто попадал в пионерские лагеря.

По сравнению с 1941 г., количество детей, отдохавших в пионерских лагерях в 1942-45 гг. сократилось примерно на 40%, а число посещавших пришкольные площадки уменьшилось в три раза. Это объясняется увеличением числа школьников, мобилизованных в летний сезон на сельскохозяйственные работы.

Посильную помощь на колхозных полях оказывали и дети младших классов. В частности, они привлекались для прополки всходов зерновых культур и сахарной свёклы. В частности, в с. Троицком Боградского района, учащимся 3-4 классов, которые справлялись с нормой, за день пропалывали рядок свеклы, выдавали по 200 граммов хлеба. Я.Д. Бурика вспоминает также, что осенью на сборе колосков учителя говорили им: *«Собрал десять колосков – патрон по врагу, сто колосков – снаряд по врагу!»*.²³ Привлекали учащихся младших классов и для борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур. О масштабе работ можно судить по такому примеру. Только в лето 1943 г. в Хакасии было организовано 500 истребительных отрядов по 8-10 учащихся 1-4 классов в каждом. Под руководством комсомольцев-старшеклассников, или учителей они уничтожили и сдали в заготовивсырьё шкурки 66773 сусликов, бурундуков и прочих грызунов.²⁴ То есть на таких работах в сезон задействовали до четверти всех учащихся младших классов. Аналогичные истребительные отряды создавались и в южных районах Красноярского края.

Во время войны дети самостоятельно или по подсказке учителей, или пионервожатых, выступали с различными починами. Например, по откорму домашних животных и птицы для Красной Армии. В краевой газете «Красноярский рабочий» 25 декабря 1941 г. была опубликована заметка под названием «Ценная инициатива хакасских школьников». В ней говорилось, что каждый ученик Уйбатской школы Усть-Абаканского района выкармливает курицу, утку или гуся в фонд Красной Армии. Совместно они выращивают трёх поросят. Инициативу подхватили в Хакасии, 200 свиней и 7 тысяч кур вырастили юные патриоты для снабжения Красной Армии.²⁵ Ещё одно начинание – шефство над детскими колхозными площадками. В 1942 г. под опеку по всей Хакасии были взяты 4,5 тысячи малышей, размещённые на 150 площадках.²⁶ Инициативу школьников одобрили комсомольские и партийные комитеты, пропагандировали в газетах и на радио. Патриотические дела широко внедрялись в других школах региона. Дети участвовали в сборе вещей для фронтовиков, шили кисеты, вкладывали в посылки письма бойцам.²⁷ В тех городах и райцентрах, где в годы войны размещались госпитали, это города Абакан, Минусинск, Шира, Усть-Бюрь, Ермаковское, Шушенское, старшеклассники навещали раненных, читали им книги, газеты, прибирались в палатах, устраивали концерты самодеятельности. Кроме того, в регионе было развернуто тимуровское движение. Учащиеся оказывали посильную помощь семьям фронтовиков.

Интересны воспоминания бывших учеников о бытовых условиях жизни. Летом в сельской местности дети обуви не носили, осенью и зимой ходили в старой, оставшейся от старших бра-

тьев-сестёр. С одеждой тоже были проблемы. Рената Горковенко вспоминает, что одеты они были в «жалкую рвань». В 1942 г., когда с продуктами в Минусинске было особенно плохо, её мама выменяла на картошку зимнее пальто старшей сестры. И 17-летняя девушка зимой вместо пальто ходила в отцовском пиджаке. Антонина Лавриненкова вспоминает, что многие её одноклассники по Курагинской школе, вынуждены были бросить учёбу из-за отсутствия одежды и зимней обуви.²⁸ В школах детям выдавали булочки весом 50-100 грамм. Горячее питание, как правило, отсутствовало, если и было, то в основном, в школьных столовых готовили кашу. Например, в одной из школ г. Минусинска в столовой получали горячее питание 254 чел, из числа наиболее нуждающихся учащихся. В остальных школах детям продавали пирожки и чай, стоимость чая – 12 коп. за стакан была недопустимо высока по мнению членов горисполкома.²⁹

Разумеется, дети оставались детьми, даже в военные годы. И кроме учебной, трудовой, оборонно-спортивной и патриотической деятельности, в свободное время они играли, ходили в кино, детские билеты были в два-три раза дешевле взрослых. Часто мальчикам киномеханик кинопередвижки разрешал смотреть кино в обмен на 5-10 минутное вращение педалей динамо-машины. Зимой, те кто жил на берегах рек или озёр, катались по льду на коньках.³⁰ Дети обязательно отмечали наступление Нового года, в школах для учащихся устанавливали ёлки, бумажные игрушки изготавливали на уроках труда сами школьники, учителя и пионервожатые готовили для них праздничное представление.³¹

В Хакасии и южных районах Красноярского края в годы войны произошло снижение количества учащихся на 20% по причинам тяжёлых материальных условий семей. Учебный процесс был осложнён отсутствием тетрадей, недостатком учебников, часть школьных зданий была передана под госпитали. В результате успеваемость за годы войны снизилась на 10-12 процентов. Практически все школьники средних и старших классов с весны до осени были заняты на сельскохозяйственных работах, до четверти учеников младших классов пропалывали всходы и уничтожали грызунов. В связи с этим сократилось число детей, отдохнувших летом на пришкольных площадках и в пионерских лагерях. Военный фактор внёс коррективы и в учебную программу, появились обязательные занятия военно-спортивной подготовкой и обучение сельскохозяйственному труду для старшеклассников.

2012

Примечания:

¹ Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей (на материалах Костромской области), дис. ... канд. ист. наук М, 2011, 232 с.

² Карамашева Н.Н. Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Восточной Сибири) автореф дис. ... канд ист наук М.: Изд-во РАУ, 1993 г., 22 с.

³ Мохов А.Н. Развитие народного образования в Хакасии/Учёные записки АГПИ, вып. II (юбилейный сборник), Абакан: Хакас книгоиздат, 1956, 154 с, С.101-117

⁴ А.Н. Мохов, Л.А. Мохова Краткие очерки истории народного образования Хакасии. Абакан.: Хакас книгоиздат, 2009. – 200 с. С.100-107

⁵ Ултургашев С.П. То же произведение С. 140-186

⁶ Матросова Г.А. Общеобразовательная школа Хакасии в годы Великой Отечественной войны/Великий Октябрь и социально-экономическое развитие Хакасии. Абакан, 1978, С. 92-97

⁷ Подсчитано по данным Краевое государственное казённое учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ ГАКК) Ф. Р-1300. О.1. Д.4625. ЛЛ.3, 13

⁸ Подсчитано по данным КГКУ ГАКК Ф. Р-1300. О.1. Д.4651. ЛЛ.12, 13

⁹ Архив муниципального образования Ермаковский район (АМОЕР) Ф.Р-1 О.1а. Д.349 Л.137

¹⁰ Отдел документов новейшей истории Государственного казённого учреждения РХ «Национальный архив» (ОДНИ) Ф.11. О.1. Д.38. Л.33

¹¹ Архив г. Минусинска (АГМ) Ф. Р-33. О.1. Д.143. Л.90

¹² Матросова Г.А. Общеобразовательная школа Хакасии в годы Великой Отечественной войны/Великий Октябрь и социально-экономическое развитие Хакасии. Абакан, 1978, С. 93

¹³ Минусинцы и Великая Отечественная... – Абакан.: ООО «Кооператив «Журналист». 2010. 128 с. С.20

¹⁴ Там же. С.25, 71

¹⁵ ГКУ РХ «Национальный архив» Ф. Р-39. О.1 Д.456. Л.467

¹⁶ ОДНИ Ф.2. О.1. Д.942. Л.141

¹⁷ Там же Ф.12. О.12. Д.9. Л.48

¹⁸ Там же Д.11. Л.122

¹⁹ Там же Ф.2. О.1. Д.1069. Л.26

²⁰ КГКУ «ГАКК» Ф. П-26. О.3. Д.502. Л.92

²¹ ОДНИ Ф.2. О.1. Д.907. Л.54

²² Там же Ф.12. О.11. Д.4. Л.57

²³ Из личной беседы автора с Яковом Демьяновичем. Бурикой, 16.01.29 г.р., записанной в с. Троицкое, Богградского района Республики Хакасия 07. 08. 12 г.

²⁴ ОДНИ Ф.12. О.12. Д.11. Л.53; Там же Д.9 Л.48

²⁵ Красноярский рабочий. – 1941 – 25 декабря

²⁶ А.Н. Мохов, Л.А. Мохова Краткие очерки истории народного образования Хакасии. Абакан: Хакасиздат, 2009. – 200 с. С.107

²⁷ Минусинцы и Великая Отечественная... – Абакан: ООО «Кооператив «Журналист». 2010. 128 с. С.71

²⁸ Там же. С.31, 71

²⁹ АГМ Ф. Р-33. О.1. Д.146. Л.36

³⁰ Из личной беседы автора с Кривоноговой Зинаидой Михайловной 1928 г.р., записанной 5 августа 2012 г. в г. Минусинске

³¹ ОДНИ Ф.12. О.12. Д.5. Л.137 Из приказа по штабу пионеров при Хакасском ОК ВЛКСМ от 08.12.43 г.

В.К. Лушников

Культурная жизнь населения юга Красноярского края в годы Великой Отечественной войны

Вся повседневная жизнь населения юга Красноярского края (включая Хакасскую автономную область) в годы войны была направлена на достижения общей цели – победы в Великой Отечественной войне. Исследователей повседневности интересуют трудовая, бытовая и досуговая деятельности, а также изучение сознания человека, изменения общественных настроений и т.д. Изучением сферы культуры региона в годы Великой Отечественной войны занимались историки С.П. Ултургашев, В.Н. Тугужекова, Н.Я. Артамонова, Т.Н. Феоктистова, и др.¹ Под культурной жизнью будем понимать совокупность материальных и духовных достижений населения региона. В статье будут рассмотрены формы и способы удовлетворения культурных потребностей населения региона. Основные из них: чтение газет, книг и журналов, экскурсии в музеи, просмотр кинофильмов, театральных постановок, концертов, посещение вечеров отдыха и т.д.

До войны в регионе издавались 20 газет, в т.ч., 3 краевых, 2 областных и 15 городских и районных. Две газеты региона выходили 6 раз в неделю, то есть имели статус ежедневных, это газеты «Красноярский рабочий» и «Советская Хакассия» (слово «хакассия» до апреля 1954 г. писалось с двумя буквами «с» – *В.Л.*). Они печатались большими форматами, имели значительные тиражи, 65 тыс. и 10 тыс. экз. соответственно. Остальные газеты, включая краевую «Красноярский комсомолец» и большинство районных газет выходили 2-3 раза в неделю. В Красноярске издавались три общекраевых газеты для различных читательских аудиторий. Общеполитическая газета для всей аудитории, комсомольская – для молодёжной аудитории и пионерская – для детской аудитории. Тиражи краевых газет: комсомольской «Красноярский комсомолец» и пионерской «Сталинские внучата» также были значительными, около 18 тыс. и 10 тыс. экз. соответственно. Большим тиражом выходила газета «Власть труда» – 7 тыс. экз. Остальные городские, районные газеты имели тираж от 795 до 2328 экз. Как правило, все районные газеты издавались на 4 полосах, форматом 40х60 см с небольшими вариациями (42х60 см; 41х60 см; 38,5х62 см), что объяснялось особенностями типографского оборудования.

Особняком стоит газета «Хызыл-Аал» при тираже около 3 тыс. экз. она выпускалась весьма скромным форматом 15х21 см, то есть газетной площади было в 8 раз меньше, чем у большинства районных газет формата 40х60 см. В Усть-Абаканском и Шарыповском районах собственных районных газет к началу войны не было. Они начали выходить лишь с 1945 г.²

В августе 1941 г. из-за недостатка бумаги в стране было принято решение сократить выпуск и тиражи отдельных газет. Оно было оформлено секретным постановлением СНК СССР № 1995-898с от 20. 08. 41 г. Согласно тексту постановления, все областные и краевые ежедневные газеты переводились на выпуск 3 раза в неделю на 2 или 4 полосах. Выпуск комсомольских газет прекращался, в общеполитических газетах создавался отдел комсомольской жизни. Районные газеты, выходившие ежедневно и 4 раза в неделю также перевели на график выхода – 3 раза в

неделю.³ Для региона это означало, что газеты «Красноярский рабочий» и «Советская Хакассия» переводились на выпуск три раза в неделю на 4 полосах, 3 раза в неделю на двух полосах. Выпуск комсомольской и пионерской газет «Красноярский комсомолец» и «Сталинские внучата» прекращался. Ежедневная газета «Власть труда», выходящая на 4 полосах, переводилась на режим выхода 3 раза в неделю на 2 полосах, остальные районные газеты и областную «Хызыл-Аал» начали выпускать на 2 полосах.⁴ Сокращение тиражей газет и газетных площадей продолжились и в дальнейшем. Это предусматривалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 05.04.1942 г. «О пересмотре сети, тиражей, объёма и периодичности газет». В регионе под сокращение попали все газеты. Тираж «Красноярского рабочего» сокращался на 10 тыс. экз., «Советской Хакассии» на 1,5 тыс. экз., «Хызыл-Аал» на 1 тыс. экз., газеты «Шахтёр» (г. Черногорск) на 275 экз.⁵ В 1943 г. газеты ждало новое сокращение тиражей и периодичности выпусков. Областная газета «Советская Хакассия» вместо 6 раз в неделю стала выходить 5 раз в неделю. Её тираж сократился на 10% и составил 7650 экз. Все районные газеты переводились на периодичность 1 раз в неделю с преобладающим тиражом в 1 тыс. экз.⁶ Аналогичные решения по сокращению тиражей и выпусков газет были приняты и для районных газет юга Красноярского края. Общее сокращение тиражей составило от 20 до 50%, а с учётом прекращения выпуска краевых комсомольской и пионерской газет, разовый тираж всех газет в регионе сократился с 136211 до 83750 шт., или на 38,6 процентов. Кроме того, сократилась периодичность и число полос газет, общее число газетных площадей снизилось в 2,5-3 раза. Соответственно, сократилось и количество материалов (статей, очерков, заметок), публикуемых газетами.

Изменился и характер информации. Анализируя выпуски газеты «Советская Хакассия» за февраль 1941 г. и апрель 1944 г., можно выявить такие отличия. До войны публиковалось около 28% материалов о жизни страны, перепечатки передовых статей газеты «Правда», публикация различных нормативных документов, в т.ч. от 20 до 50% четвёртой полосы отводилось международным сообщениям. В 1944 г. материалы центральной тематики занимали до 50%, но количество сообщений по международной тематике сократилось практически вдвое. Кроме того, до войны существовала литературная страница, творчество читателей, она занимала 2 полосы раз в месяц. Во время войны размеры литературной страницы сократились вдвое, нарушилась и прежняя регулярность. С наступлением войны большинство материалов на страницах газет, так или иначе, были посвящены оборонной тематике. Например, подборки материалов о мобилизации, письма добровольцев, отчёты о митингах, о всеобуче, о сборе средств и вещей для фронта, публикация писем с фронта, слово «фронтовой» добавлялось к словам «декада», «пятидневка», и даже обычные отчёты о сельхозработках, получали в глазах читателей военную окраску и т.д.⁷

Во время войны лимитировалось количество центральных газет. Так для Хакасии на 1944 г. были установлены такие лимиты по подписке на газеты: «Правда» – 600 экз., «Известия» – 300, «Комсомольская правда» – 250, «Пионерская правда» – 295, «Труд» – 20, «Социалистическое земледелие» – 265, «Совхозная газета» – 45, «Учительская газета» – 277, «Медицинский работник» – 64, «Советское искусство» – 10, «Литературная газета» – 4.⁸ Общий тираж всех центральных газет для Хакасии составлял 2130 экз., из которых только 1150 можно отнести к общеполитическим, остальные предназначены для целевой аудитории (дети, работники сельского хозяйства, педагоги, медицинские работники и т.д.). Совокупный тираж краевой, областных и городской и районных газет был почти в 10 раз выше (20020 экз.). Главными источниками информации для жителей региона были районные, областные и краевые газеты.

Вторым основным источником информации для населения было радио. И в отличие от газет, доступность радиосети во время войны увеличилась. Если на 1 января 1941 г. в Хакасии было 5788 радиоточек, на 1 января 1942 г. – 8247, на 1 января 1943 г. – 8910, то на 1 января 1944 г. – 9097 радиоточек.⁹ Военный фактор оказал влияние и на структуру радиовещания. Если до войны 60% составляло политическое вещание, 40% – художественное, после начала войны уже 75% в структуре занимало политическое вещание, и лишь 25% – художественное. Причём большую часть в политическом вещании занимали сообщения с фронтов, зачитывались письма земляков с фронта, материалы о героических подвигах на трудовом фронте, о помощи фронту, о выполнении военных заказов и т.д.¹⁰

Одним из способов удовлетворения культурных потребностей населения был просмотр кинофильмов. В южных районах Красноярского края сеть кинофикации насчитывала 63 киноустановки, в т.ч. 52 кинопередвижки, в основном перевозимых гужевым транспортом. В среднем одна установка обслуживала 4873 жителя, но территориально располагались они крайне неравномерно. Так на г. Минусинск с населением 31354 человек приходилось 16 киноустановок, на Краснотуранский район с населением 34744 чел. – 6, на Каратузский с населением немного меньшим, чем в г. Минусинске всего 4 киноустановки. Соответственно и охват населения киноустановками этих территорий различался более чем в три раза (3,88): от одной установки на 7618 жителей Каратузского района, до одной установки на 5790 жителей Краснотуранского района и одной установки на 1959 жителей г. Минусинска.¹¹ Иными словами доступность киноискусства для жителей Минусинска была в 2-3 раза выше, чем для жителей районов. В свою очередь, жители райцентров находились в более привилегированном положении, чем жители остальных сёл и деревень. В Хакасии плотность государственной сети кинофикации была почти вдвое ниже, чем в южных районах Красноярского края, 30 установок. Но население обслуживалось ещё 29 ведомственными киноаппаратами, которые размещались в рабочих посёлках и принадлежали предприятиям лесоперерабатывающей и золотодобывающей промышленности. Таким образом, в среднем одна киноустановка обслуживала 4814 жителей, и это примерно столько же, сколько и в южных районах Красноярского края. Разумеется, для жителей городов и рабочих посёлков киноискусство было более доступно, чем для жителей сельской местности. Стоимость билетов на детские сеансы колебалась от 35 до 50 коп., на взрослые от 50 коп. до 1 руб. 75 коп. По данным Хакасского областного управления кинофикации за 1940 г. было дано 9720 киносеансов с общим числом зрителей 625 тыс. человек.¹² Количество зрителей во время войны заметно изменялось, так в Хакасии в 1942 г. было дано около 5 тыс. киносеансов, их посетили 298 тыс. чел, это было вызвано, в т.ч. и сокращением числа киноустановок облкинофикации с 30 до 19. Но уже в 1945 г. зрительский интерес возрос, на 4482 сеансах побывало 665,5 тыс. человек. То есть посещаемость сеанса за три военных года в среднем выросла более чем в два раза.¹³

Ещё один способ удовлетворения культурных потребностей, доступный населению региона, это посещение музеев. На территории региона в период войны действовали три музея. Минусинский краеведческий им. Н.М. Мартянова, музей в п. Шушенском и Хакасский областной краеведческий музей. По объёму фондов, площадей и по количеству посетителей Хакасский облмузей значительно уступал музею им. Н.М. Мартянова. Так, в областном музее в 1940 г. насчитывалось 1846 экспонатов, для их размещения было выделено несколько комнат в областном ДК площадью 140 кв. м.¹⁴ Минусинский музей располагал 3 зданиями общей площадью 1665 кв. м., в нём насчитывалось более 90 тыс. ед. хранения. Структура обоих музеев была стандартной для того времени, отделы: природы, истории и социалистического строительства. Сразу после начала войны в музеях были развёрнуты выставки, посвящённые Великой Отечественной войне. На стендах размещались фотографии, документы, отчёты о сборе средств для Красной Армии и т.д. Выставки действовали постоянно в течение всей войны. Хакасский облмузей в 1940 г. посетило 10218 чел., в 1941 – 26680 чел., рост объяснялся посещением музея военнослужащими.¹⁵ В 1942 г. музей был выселен из ДК, помещения передали для военных нужд. Он возобновил работу лишь осенью, был открыт для посещений всего 28 дней, за это время с экспозицией ознакомились 1302 чел.¹⁶ По данным В.Н. Половниковой, в 1943 г. музей посетили 8128 чел, в экспозиции было 2025 предметов.¹⁷ С 1944 г. музей постоянно переезжал из одного помещения в другое, количество посетителей снизилось до 3,2 тыс. человек в 1945 г.¹⁸

В Минусинском музее стационарную выставку «Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков», развернутую с июля 1941 г. ежедневно посещали 120-130 человек.¹⁹ В целом же посещаемость музея в военный период, по данным годовых отчётов о работе музея, была такой: в 1940 г. музей посетили 44,5 тыс. чел.,²⁰ за перв. пол. 1941 г. – 17,8 тыс. чел.,²¹ в 1942 – 73,7 тыс. чел.,²² в 1943 г. – 36,5 тыс. чел., в 1944 г. в музее побывали 21,2 тыс. посетителей. Низкую посещаемость (60 тыс. чел.) составители отчёта объясняют тем, что из города выбыли воинские части и большинство эвакуированного населения, практически не было экскурсий из колхозов. Кроме того, три месяца с августа по октябрь музей был закрыт

из-за мобилизации сотрудников на сельскохозяйственные работы и заготовку дров.²³ В 1945 г. посещаемость, согласно отчёту, составила 25,1 тыс. человек.²⁴ Таким образом, за годы войны в Хакасском областном краеведческом музее побывали 40 тыс. человек, в Минусинском музее им. Н.М. Мартыанова 165 тыс. посетителей.

В регионе в годы войны работали несколько театров, Хакасский областной национальный театр, областной театр русской драмы им. М.Ю. Лермонтова, кукольный театр, которые располагались в Абакане и Минусинский драматический театр. В 1941 г. в репертуаре областного театра русской драмы было 7 пьес, зрителям было показано всего 44 спектакля, их посетили 14200 чел., сборы составили 64700 руб., то есть в среднем билет стоил 4 руб. 55 копеек. Средняя посещаемость одного спектакля составила 322 человек. Национальный театр дал 152 гастрольных спектакля, в репертуаре 9 пьес, их посетили 30843 зрителя, сборы составили 38900 руб., то есть билет в среднем стоил 1 руб. 26 коп. Средняя посещаемость одного спектакля 203 человека.²⁵ В репертуаре 1942 г. у областного театра русской драмы было 14 спектаклей, в т.ч. три новые постановки патриотической тематики «Как закалялась сталь» (Н. Островский), «Парень из нашего города» (К. Симонов), «Гибель эскадры» (А. Корнейчук).²⁶ В 1943 г. театр русской драмы показал 226 постановок, их посетили 58,7 тыс. зрителей, в среднем по 260 чел. на одном спектакле. Выручка от продажи билетов составила 679 тыс. руб., то есть билет в среднем стоил 11 руб. 50 копеек. Хакасский национальный театр собрал на 275 постановках 50,5 тыс. зрителей, в среднем 184 зрителя на одном спектакле. Выручка составила 231 тыс. руб., билет в среднем стоил 4 руб. 57 копеек. Кукольный театр в 1943 г. поставил 377 спектаклей для 35,9 тыс зрителей, в среднем по 95 зрителей на одной постановке. Сборы составили 190,1 тыс. руб., то есть билет стоил 5 руб. 30 копеек. В 1945 г. Областной театр русской драмы показал 269 спектаклей для 48,3 тыс. зрителей, в среднем 180 зрителей. Средняя стоимость билета 12 руб. 05 копеек. Хакасский национальный театр дал 186 спектаклей для 26,6 тыс. зрителей, в среднем по 143 зрителя, средняя стоимость билета 8 руб. 38 копеек. Кукольный театр в 1945 г. показал 301 спектакль для 40,4 тыс. зрителей, в среднем 134 зрителя на одной постановке, стоимость билета – 3 руб. 55 копеек.²⁷

Анализ архивных данных показал, что театральное искусство в годы войны было популярным у населения региона. В среднем спектакли собирали от 130 до 320 зрителей, к концу войны прослеживается тенденция снижения посещаемости: для театра русской драмы с 320 в 1941 г. до 143 чел. в 1945 г., для национального театра с 203 в 1941 до 134 чел в 1945 году. Одновременно выросла стоимость билетов: в три раза для театра русской драмы, в семь раз для национального театра. В репертуаре шли спектакли русской и зарубежной классики, в репертуарный план вводились пьесы патриотической направленности.

Таким образом, на юге Красноярского края в период Великой Отечественной войны были созданы условия для удовлетворения населением своих культурных потребностей. Сеть кинофикации, после мобилизации части кинопередвижек для нужд фронта, обеспечивала доступность просмотра для большинства населения. Количество зрителей с началом войны сократилось, но к её окончанию достигло довоенных показателей. Менее доступными для населения стали газеты, их разовый тираж сократился почти на 40%, а с учётом сокращения периодичности и формата газет, общее количество информационных единиц снизился в 2,5-3 раза. Недостаток газет компенсировался расширением сети радиовещания. В Хакасии во время войны количество стационарных радиоприемников выросло в полтора раза. Практически неизменным во время войны оставался зрительский интерес к театральному искусству, несмотря на значительное удорожание билетов, только в Хакасии театральные постановки посмотрели более 400 тыс. человек. Экспозиции двух музеев региона в годы войны посетили более 200 тыс. человек.

2013

Список литературы

1. Ултургашев С.П. Хакасская областная партийная организация в период Великой Отечественной войны (1941-1945) // Очерки истории Хакасской областной организации КПСС – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1987, – С. 140-186; Чебодаев П.И. Военный вклад Хакасии в победу в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг./П.И. Чебодаев. Абакан, 2005, – 208 с; Артамонова Н.Я. Культура

- Хакасии в годы Великой Отечественной войны: особенности развития. Абакан. Изд-во ХГУ, 2010; Тугужекова В.Н. Вклад молодёжи Хакасии в победу в Великой Отечественной войне // Хакасия в годы Великой Отечественной: боевой и трудовой подвиг. Материалы научно-практической конференции 27 апреля 2000 г. – Абакан: отдел издательской деятельности ХРИПК и ПРО «Роса»; Феоктистова Т.Н. История становления и развития музейного дела в Хакасии в XX в.: 1928-2003. Дис...канд. ист. Наук Абакан, 2004, 196 с.
2. Государственное казённое учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА») Ф. 169. О.1. Д.290. Л.108
 3. Краевое государственное казённое учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК») Ф. п-26. О.3. Д.1. Л.144
 4. Постановление КК ВКП(б) от 22.08.41 г. прот. № 127 заседания бюро КК ВКП(б) КГКУ «ГАКК» Ф. П-26. О.3. Д.34з. Л.218
 5. Постановление Красноярского КК ВКП(б) от 10.04.42 г., прот. № 159 заседания бюро КК ВКП(б) Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф.17. О.43. Д.1001. Л.45
 6. Постановление Хакасского ОК ВКП(б) от 10.03.43 г., прот. № 180 заседания бюро ОК ВКП(б) Отдел документов новейшей истории Государственного казённого учреждения Республики Хакасия «Национальный архив» (ОДНИ) Ф.2. О.1. Д.940. Л.99
 7. Советская Хакассия. – 1941. – февраль; Советская Хакассия. – 1944. – апрель.
 8. ОДНИ Ф.2. О.1. Д.980. Л.44
 9. ОДНИ Ф.2. О.1. Д.980. Л.4
 10. ОДНИ Ф.2. О.1. Д.980. ЛЛ.1-3
 11. Подсчитано по данным КГКУ «ГАКК» Ф.1300. О.1. Д.4551. ЛЛ.2-5; Д.4649. ЛЛ.15, 17, 23
 12. ГКУ РХ «НА» Ф.336 О.1. Д.10. Л.8
 13. Подсчитано нами по данным ГКУ РХ «НА» Ф.336. О.1. Д.9. Л.45; ОДНИ Ф.2. О.1. Д.1157. Л.1
 14. В.Н. Половникова Из истории Хакасского областного музея краеведения // Учёные записки ХАК-ННИИЯЛИ. Вып. XIII, Абакан: Хакасс. Отд. Красноярскнигоиздата, 1969, С. 178-187, С.182
 15. ГКУ РХ «НА» Ф.169. О.1. Д.290. Л.58
 16. ГКУ РХ «НА» Ф.417. О.1. Д.13. Л.73
 17. Половникова В.Н. То же произведение. С. 183
 18. Феоктистова Т.Н. История становления и развития музейного дела в Хакасии в XX в.: 1928-2003. Дис... канд. ист. Наук Абакан, 2004, 196 с., С. 79
 19. Боярченко О.И. Музей в годы Великой Отечественной войны // Мартьяновские краеведческие чтения (2005-2006 гг.) Вып. 4., Минусинск: Типография «Журналист», 2007, 288 с. – С.184-187, с. 185
 20. Архив Минусинского краеведческого музея (АМКМ) Ф.1. О.1. Д.430. Л.2
 21. АМКМ Ф.1. О.1. Д.455. Л.4
 22. АМКМ Ф.1. О.1 Д.603. Л.6
 23. АМКМ Ф.1. О.1. Д.608. ЛЛ.8, 10, 11
 24. АМКМ Ф.1. О.1. Д.613. Л.12
 25. ГКУ РХ «НА» Ф.169. О.1. Д.290. ЛЛ.107-108
 26. ОДНИ Ф.2. О.1. Д.862. Л.24
 27. ГКУ РХ «НА» Ф.417. О.1. Д.38. ЛЛ.2, 3, 4

Н.А. Одинцова, Н.А. Вайс,
г. Абакан, Республика Хакасия

Абаканский железодобывающий завод

Основателем Абаканского железодобывающего завода являлся Алексей Григорьевич Кольчугин. Московский торговец на строительство завода потратил 600 рублей, по тем временам большой капитал, но по ряду причин не смог запустить всю технологическую цепочку до получения железного ассортимента.

Строительство завода началось с выезда уполномоченного губернскими властями канского землемера А. Бутакова, который направился в будущую Абазу на строящейся здесь Кольчугиним железодобывающий завод.

Цель поездки – отвод и планировка земельного участка строящейся при заводе деревни и от-

вода лесных и таёжных угодий в ведение завода, как сырьевой базы для строительства и производства древесного угля для металлургического процесса.

Гора железной руды – Абаканская благодать – находилась в трёх верстах от завода на север.

Заводу была отведена земельная площадь с лесной дачей в 117525 десятин. Доверенным лицом Кольчугина по строительству Абаканского завода был уральский рудознатец А.М. Ширяев, который впервые провёл обследование железного рудника. Заводу были нужны квалифицированные специалисты, и правительство разрешило вербовать рабочих с уральских заводов. В 1866 г., как сообщал А.М. Ширяев генерал-губернатору Восточной Сибири, на строительстве Абаканского завода работали 158 мастеров с уральских заводов.

При Абаканском железоделательном и чугунолитейном заводе образовался рабочий посёлок под названием Абакано-заводской (сокращенно Абаза), где жили уральские рабочие. При строительстве железоделательного завода было развернуто производство кирпича, что позволяло из местного материала не только строить завод, но и жилища для рабочих. Каждой семье был отведён земельный участок для личного пользования. К строительству завода привлекали также ссыльных поселенцев Минусинского округа, участников польского восстания 1863 г., крестьян из сибирских губерний и местных жителей, в т.ч. хакасов. Летом 1867 г. на строительстве дороги к заводу работало 51 хакасов.

Оборудование доставляли с уральских заводов и из-за границы. 10 декабря 1867 г. Абаканский завод был пущен в эксплуатацию. За первый год работы на заводе выплавлено 249190 пудов железной руды. В этот же год вывезено и продано железа и чугуна, железных и чугунных изделий на 52 тыс. рублей. Производительность завода была весьма низкой, а расходы на постройку – большие.

Кроме выплавки железной руды в доменной печи и получения первого чугуна, дальше дело не пошло. Все попытки добиться полноценного результата не привели к успеху. Разорившись, не найдя выхода из создавшегося положения, Кольчугин покончил жизнь самоубийством.

В 1870 г. наследники Кольчугина продали Абаканский завод. Инженер – технолог Пермикин, купив Олёкминские золотые прииски, разработал и применил на практике новый, по тем временам, способ добычи золота в зоне вечной мерзлоты. Это нововведение принесло большую прибыль, которую он использовал для приобретения Абаканского завода. Новый владелец приложил немало усилий для его модернизации. Пришлось понести дополнительные затраты на приобретение прокатных станков и другого оборудования, необходимого в металлургическом процессе. Это стоило ему немалых денег и организационно-технических кадровых мероприятий. Однако запустить завод в действие полностью долго не удавалось. В 1874 г. Пермикин перевёл на завод с приисков техническим управляющим опытного инженера Д. Степанова.

В то время металлургический процесс здесь обеспечивался древесным углём. Принадлежащие заводу лесные дачи, размером более 117 тыс. десятин, расположенные вокруг Абакано-Заводской деревни, были сырьевой базой для заготовки дров и производства древесного угля. Закреплённые администрацией завода за таёжными урочищами лесообъезчики были полными хозяевами в своих лесных дачах. Чернышёв, Сабуров, Щикалев, Поварёнкин – фамилии тех людей, от которых сохранились название урочищ вокруг города. Они не допускали сплошных вырубок леса, несмотря на то, что потребность в древесном угле для производства была немалая.

Среднегодовая производительность доменной печи равнялась 1700 тоннам. Чтобы произвести такое количество чугуна, необходимо было добыть, перевести, переработать 4-4,5 тыс. тонн руды. По сегодняшним меркам такое количество добывается в шахте, дробится, обогащается на фабрике за несколько часов. В тот период работы Абаканского чугунолитейного железоделательного завода технология была примитивной и в количественном, и в качественном отношении по сравнению с сегодняшним металлургическим процессом.

Во втор. пол. 1875 г. дела на заводе улучшились, и началось производство готовой продукции. С продвижением Транссибирской магистрали на восток значение Абаканского завода возросло. На одном из заседаний общество содействия русской промышленности и торговли обсуждал вопрос о рельсовом заводе. Было решено дать Абаканскому заводу заказ на изготовление железнодорожного оборудования.

Изделия Абаканского железоделательного завода были достаточно популярны. На Всемирной

выставке в Париже (1900 г.) художественные образцы изделий завода привлекли внимание посетителей – в книге отзывов о заводе написано: «Абаканский завод с его рудой достоин людей капитала». Но спрос на продукцию завода был непостоянным, и часть изделий скапливалась на складах, несмотря на то, что основная масса продукции реализовывалась путём оптовых поставок в летнее время сплавом по Абакану до Минусинска.

Пермикины, владея заводом около двух десятков лет, оставили след в истории. Младший, Николай Пермикин, законный владелец завода, к делам производства относился несерьёзно. Он больше ездил по Европе, вёл праздный образ жизни. Жена, Елизавета Павловна, напротив, болела за заводские дела, но была вынуждена оформить завод в аренду, чтобы иметь оборотные денежные средства в собственном владении. Она – «наша арендаторша», вникала во все производственные дела завода и не только: к ней шли за помощью в бытовых семейных проблемах и находили понимание, добрый отклик. Постепенно хозяйственные дела на заводе стали ухудшаться. В 1884 г. по векселям Пермикин был должен более 800 000 рублей. Завод оказался под опекой долгового управления. Никто из купцов и заводчиков не позарился на затерянный в Саянах завод. Рабочие не хотели покидать насиженное место. Возникла идея рабочей артели и 380 рабочих завода сложились и подписали в общий фонд всё свое имущество – жилища, домашний скот и скарб. Банк под этот заклад дал необходимую сумму для аренды. Руководство долгового управления с издёвкой продиктовало представителю абазинцев кабальный договор. Впервые за всю историю Сибири, рабочие взяли в свои руки средства производства и стали ими распоряжаться, как хозяева, руководство осуществлялось на выборных демократических основах. Рабочая артель приложила много сил и энергии для того, что бы завод стал рентабельным. Завод выпускал предметы домашнего обихода. Однако доходы, получаемые от реализации продукции завода, едва обеспечивали его нужды.

После революции 1917 г. завод был национализирован. Но, судя по объёмам производства, был малопродуктивным. В 1921 г. выплавлено чугуна всего 68 тыс. пудов; в 1923 г. – 75 тыс. пудов, что составляло менее 10% среднегодовой производительности.

В 1925 г. в Абазу прибыла комиссия Крайсибсовнархоза, имевшая полномочия изучить на месте положение дел на Абаканском заводе, целесообразности дальнейшей его работы или закрытия. Всесторонне обследовав заводские дела, комиссия не скрывала своих выводов и доложила собранию заводских рабочих о его закрытии. Собрание рабочих, по воспоминаниям его участников Сергея Васильевича Саукова, Фёдора Денисовича Тихонова, было бурным. Резкие протесты – «Не дадим разбирать!», «Нам что, теперь идти по миру!» и «Долой комиссию» – едва не пришли в публичную драку, но сделать люди ничего не могли, кроме как принять к сведению решение комиссии.

29 декабря 1925 г. на заседании президиума Сибкрайсовхоза завод закрыли. Оборудование завода демонтировали, погрузили на плоты и сплавили по Абакану и Енисею до Красноярска. В 1956 г. в Абазу приезжал академик И.П. Бардин, вспоминая о событиях 1920-х гг., в т.ч. и о заводе, говорил, что по его предложению, одна воздуходувная машина Абаканского завода была установлена на Гурьевском металлургическом заводе и работала ещё в 1950-е годы.

Абаканский чугунолитейный железоделательный завод просуществовал 58 лет (1867-1925), за это время сменилось 5 владельцев, рабочая артель (1889-1899) и в последние годы (1920-1925) был социалистическим предприятием.

2012

Литература:

1. Захаров М.П. «Абаза – Жемчужина Хакасии», Новокузнецк, «Авторский обмен», 2003.
2. Газетные статьи из архива городского краеведческого музея:
3. Андрияшева Н.И. «Уникальные коллекции музея», «Исторический центр села», «Абазинский вестник», 2005 г.
4. «Золото Амыла», газета «Абазинский вестник», 2005 г.
5. Юбилейный журнал «Абаза рудная», спецвыпуск №2, июль 2002 г.
6. Юбилейный журнал «Абаза – 2001», 2001 г.
7. Использованы записи встреч с сотрудниками, членами попечительского совета музея-усадьбы, жителями г. Абазы Республики Хакасия.

Поиск и исследование пещер Красноярского края

Современным людям сложно найти новый природный объект на планете Земля, где не ступала бы ещё нога человека. Красноярский край изобилует природными богатствами. В мире нет другого такого региона, где на одной территории умещалось бы такое разнообразие геологических форм рельефа. Мало кто знает, что в Красноярском крае известно более 200 пещер, но это лишь 5% от их реального количества.

В настоящий момент нет организации, выполняющей государственное задание по сверке и пополнению реестра пещер Красноярского края. Те данные, которые внесены в Кадастр природных ресурсов края в части подземных карстовых объектов, давно устарели и требуют проверки и доисследования. Многие пещеры, известные ещё с кон. XIX в., до сих пор не внесены в Кадастр, не имеют паспортов и карт.

В ныне существующих пещерах постоянно открываются новые ходы, гроты и галереи, которые также должны исследоваться и картироваться. Кроме того, пытливые путешественники, в т.ч. Спелеоклуб гимназии № 4 (г. Красноярск), регулярно находят новые перспективные карстовые объекты, вход в которые невозможен без предварительной работы по раскопке и освобождению от грунта и породы. За, казалось бы, непроходимыми стенами открываются новые ходы и гроты. Но чтобы пещера появилась как научный объект, необходимо провести ряд исследований и сделать топографическую съёмку. Эта работа физически сложная, требует терпения и выносливости, не всегда осуществляется в короткие сроки и приносит удовлетворение. Но если не осуществлять подобную работу, то данные о пещерах будут безвозвратно утрачены, как уже утрачены многие из них, упоминания о которых встречается в заметках и воспоминаниях давно ушедших из жизни людей.

На зимне-весенний сезон 2013 г. был запланирован и осуществлён ряд экспедиций на территорию Бирюсинского карстово-спелеологического участка. В ходе реализации проекта изучены источники разных авторов, в т.ч. имеющийся картографический материал. Участники экспедиций освоили новые виды деятельности, такие как топографическая съёмка пещер, составление планов и разрезов их, работа с топокартами и координатной сеткой, а также с различными геодезическими приборами. Научились собирать палеонтологический материал и бактериологические образцы. Мы старались, чтобы любые виды деятельности, проводимые как в пещерах, так и на поверхности, ни в коем случае не нарушали экологического равновесия и не наносили необратимого вреда экосистемам. Участники проекта познакомились с учёными-исследователями пещер, узнали об истории красноярской спелеологии и завязали тесные контакты в рамках научно-исследовательской деятельности.

Образцы бактериологического материала из новых объектов дополнили банк данных микробиологической лаборатории Агроуниверситета, где выполняется экологическое диссертационное исследование одного из членов Спелеоклуба.

В результате были составлены паспорта и карты пещер для внесения новых объектов в Кадастр природных ресурсов Красноярского края; собран и систематизирован материал для дальнейшего планирования исследовательских работ на Бирюсинском карстово-спелеологическом участке. Проведя данные исследования и оформив официальную документацию, мы вписали имя Спелеоклуба гимназии № 4 в историю.

Участники проекта научились производить работы по поиску и топографической съёмке пещер, а также взятию образцов геологического, палеонтологического и бактериологического материала, стараясь не нарушать экологическое равновесие природных объектов, а также существенно расширили свой кругозор в области естествознания, краеведения, истории и географии родного края.

Воспитательный момент: своим выступлением на конференции и публикацией результатов исследования мы планируем привлечь внимание к спелеологии и спелеотуризму, как к способу

проведения досуга, сочетая при этом возможности полюбить природу, больше узнать о своём крае и вести здоровый образ жизни. В ходе проекта мы познакомились с исследователями старшего поколения и многому у них научились.

2012

А.С. Перевойкин,
с. Большая Ничка, Минусинский район

Большеничкинское общество потребителей в 1930-е годы

История развития предпринимательства и торговли в с. Большая Ничка Минусинского района ведёт своё начало с 1 июля 1918 г., когда в селе появилось общество потребителей. Однако вплоть до 1930-х гг. о его деятельности ничего не было известно, имелись лишь небольшие упоминания в официальных документах. Так общество упоминается в сводке Минусинского союза потребительских хозяйств за 1925 г.¹

В нач. 1930-х гг. Большеничкинское сельпо (иногда упоминается как общество потребителей) входило в Минусинское сельпо, а с марта-апреля 1931 г. в Минусинский райпотребсоюз.²

В те годы почти все граждане СССР были прикреплены для снабжения продовольственными и промышленными товарами к потребительской кооперации. Сельпо входило в состав районных обществ потребителей, районные в состав краевых, республиканских и т.д. Те, в свою очередь, объединялись в Центропотребсоюз.

К 1933 г. торговая сеть сельпо (2 магазина) охватывала 3 населённых пункта – с. Большая Ничка, Колмаково, Каныгино. В дальнейшем она расширилась. В 1937 г. в сельпо имелся один сельмаг, хлебопекарня и 4 прочих магазина.³ Помимо этого был дом под торговое помещение, кладовые, баня, амбар, избушка.⁴ В 1931 г. здесь работало 11 чел., в 1937 г. – 12 человек.⁵ Продавец получал зарплату в размере 50 руб., счётный работник – 80 руб., охранник – 20 рублей.⁶

Увеличивалось и количество пайщиков общества. Если в 1931 г. их было 382 человека, то к 1936 г. число выросло до 637. Социальный состав Большеничкинского общества потребителей в 1931 и 1932 гг. представлен в таблице:

Социальный состав пайщиков	1931	1932
Общее количество, в т.ч.:	382	517
Служащие	12	15
Сезонные рабочие	7	46
Члены сельхозартелей	121	314
Единоличники и члены ТСОЗ	157	133
Освобождённые от уплаты сельхозналога	35	23
Облагаемые сельхозналогом	116	110
Вторые члены семьи (иждивенцы)	165	-
Женщины	179	-
Молодёжь	91	189
Члены профсоюзов		17
Рабочие		55
Постоянные рабочие в совхозах, леспромхозах и МТС		55
Коренное население		1

Из приведённых данных видно, что за указанный период количество пайщиков выросло на 135 человек, служащих – на 3, сезонных рабочих – на 39 и т.д. Кроме того, появились и новые категории, в частности члены профсоюзов, рабочие и т.д.

Периодически эти люди собирались на общие собрания пайщиков общества, на которых рассматривались вопросы о сборе средств и заготовках, отчёты председателя сельпо и бригадиров о работе, о посевной и уборочной, кадровые вопросы.

В 1937 г., в разгар массовых репрессий, в сельпо была выявлена контрреволюционная группа. В связи с этим конференция пайщиков постановила: «1) Вывести из состава ревизионной комиссии председателя ревизионной комиссии Горбунова К. и его семью; 2) Домрычева и его семью лишить прав членства; 3) Винокурова и его семью лишить права членства; 4) Благодатского М. и его семью лишить прав членства; 5) Сиротинина, Лыскина, Коробейникова лишить прав членства сельпо. Ткаченко вывести из состава правления сельпо и лишить его прав членства».⁷ Судьба многих из вышеперечисленных людей сложилась трагически.

Что же касается деятельности сельпо в 1930-е гг., то оно осуществляло заготовку продуктов питания, ягод, овощей.⁸ Его торговый оборот в 1932 г. включал следующие товары: «книжные полки, лопаты железные, часы будильник, весы столовые»⁹ и прочее. Помимо этого сельпо осуществляло заготовку пушнины, мехсырья, кожсырья¹⁰ и т.д.

После 1935 г. в деятельности сельпо произошли определённые изменения. Постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 29 сентября 1935 г. «О работе потребительской кооперации», «потребительская кооперация была освобождена от обслуживания городского населения и все её усилия должны были направляться на обслуживание сельского населения».¹¹ И такой порядок сохранялся вплоть до 1990-х годов.

2013

Примечания:

¹ Муниципальное учреждение Архив города Минусинска (МУ АГМ). Ф.345. О.1. Д.1. Л.2

² МУ АГМ. Ф.345. О.1. Д.1. Л.96

³ МУ АГМ. Ф.476. О.1. Д.14. Л.34-35

⁴ МУ АГМ. Ф.476. О.1. Д.4. Л.171

⁵ МУ АГМ. Ф.476. О.1 Д.16 Л.2

⁶ МУ АГМ. Ф.476. О.1 Д.4 Л.186

⁷ МУ АГМ. Ф.476. О.1. Д.9. Л.2

⁸ МУ АГМ. Ф.476. О.1. Д.7. Л. 8

⁹ МУ АГМ. Ф.394. О.1, Д.7. Л.169

¹⁰ МУ АГМ. Ф.476. О.1. Д.7. Л.14

¹¹ Бланк П.Я. Потребительская кооперация в СССР. М.,1965. – С.24

Е.Е. Потехина,
п. Таштып

Помнить – значит жить. (По воспоминаниям детей репрессированных)

Волна сталинских репрессий, захлестнувшая страну, не обошла и Хакасию. Репрессии в Хакасии начались ещё в 1920-е гг., но особенно ожесточились в 1937-1938 гг., обернувшись для сотен тысяч жителей неисчислимыми бедами. По предварительным данным Хакасской республиканской общественной организации жертв политических репрессий общества «Мемориал», общее число жертв политических репрессий (с учётом всех пострадавших от карательных органов) достигает 60 тыс. человек.¹

С особой жестокостью карательные акции обрушились на тружеников пограничного Таштыпского района, который в предвоенные годы среди всех районов Хакасской автономной области был самым экономически развитым: это золотые прииски Анзаса, Кизаса, Балыксы, богатые сёла, колхозы, леспромхозы. В 1930-х гг. в Таштыпском районе репрессиям подверглись 364 человека, из которых 272 человека были приговорены «тройкой» к расстрелу, остальные осуждены на различные сроки в ИТЛ.²

В периодической печати выходят небольшие статьи ко Дню Памяти жертв политических репрессий,³ встречаются упоминания о Таштыпском районе в годы массового террора в книгах

краеведческого характера.⁴ Но не опубликовано ни одной книги или монографии, которая бы познакомила нас в полной мере с историей района в годы репрессий.

Репрессивная политика советского государства не знала национальных границ. Одной из первых жертв сталинских этнических чисток, которые носили всеобщий характер, оказались немцы. Продолжение этих чисток вылилось в депортацию десятков немецких семей на территорию Сибири. Эти события не обошли стороной семью Бочарова Ю.В.

*«Репрессированным я оказался «по наследству», по национальному признаку, потому что моя мать была немкой и её как и двух её сестёр выслали с Поволжья в декабре 1941 года... Мою мать отправили на крайний север – в Усть-Енисейский район для работы в так называемой трудовой бригаде. Работа заключалась в том, что надо ловить рыбу для фронта. Ставили сети и таскали невод по гряды в холодной енисейской воде... Что очень сильно отразилось на здоровье моей матери. Жили сосланные в сборных щитовых домах, засыпанных опилками, которые, конечно же, не были рассчитаны на северные морозы... С момента моего рождения и до марта 1956 года (когда был отменён соответствующий указ Сталина) мать раз в месяц обязана была прийти в комендатуру и отметить, что не сбежала и не сбежал её ребенок (т.е. я). Даже когда мои родители решили зарегистрироваться в ЗАГСе, мой отец дважды вылетал в Красноярск в КГБ для того, чтобы получить разрешение на брак с немкой. Впоследствии став взрослым, я добился её реабилитации. Но дом, который был у родителей моей матери, и всё имущество безвозвратно оказались потерянными без какой-либо компенсации и даже извинения со стороны государства».*⁵

Процесс стихийного раскулачивания так же входил в перечень мероприятий репрессивной политики Советского государства. Задание о «полной очистке от кулаков», оформленное как меморандум ОГПУ, распространялось на все области страны.⁶ В 1937-1938 гг. вновь стали исчезать целые группы «националов», «правых», «кулаков», «социально-чуждых».⁷ Для многих жизнь разделилась на две части: до и после ареста. Этот трагический излом в судьбе описан подробно Антониной Яковлевной Токмашовой, жительницей с. Анчул Таштыпского района:

*«Отца, Якова Афанасьевича Токмашова, в 1938 году увезли в мае... Днём к нам пришёл ГПУ. Отца в это время не было дома. Походил «ГПУ» по дому и ушёл. Ночью – стук в дверь. Заходящая давешняя пришелица и председатель колхоза Чебодаев: «Мы за тобой пришли». У отца двустволка висела, её забрали. Забрали патроны, дробь, свинец, порох. Мама больная, наутро послал в Матур старшую дочь. Та, вернувшись, сказала: «Отец в сельсовете сидит один. Говорит: «Вечером вернусь домой, почему меня повезут в тюрьму? Что сделал я? Ничего не сделал, нет причин меня судить». Но он так и не вернулся домой. В Матуре жила тетя Маймах, она передала, что ночью их увезли в Таштып. Мать – туда. Но им даже не дали переговорить. Выстроили арестованных в один ряд. Отец хотел перебросить записку, но её перехватили. И потом никаких весточек от него не было. Мама до самой своей смерти ждала его: «Он живой, вернётся, обязательно вернётся». А его, оказывается, в том же 1938 году, 24 октября, расстреляли в Минусинске. Оказывается, в 1956 году он был реабилитирован, но даже и об этом семью не известили. Выслали потом деньги за конфискованное ружьё отца, затем – среднемесячный его заработок – всего 200 рублей. На эти деньги в Матуре в его доме, перевезённом из Тамалыка, стол накрыли. Помянули отца. А до этого стол не накрывали. Всё ждали его... Когда увезли отца, я училась в четвёртом классе, две старшие сестры были замужем. Остальные – мал мала меньше. Мать больная лежала, с ногой мучилась. Поэтому мне пришлось выйти на работу в колхоз. Вообще жить плохо стало, на нас косо смотрели. Меня почему-то дочерью кулака обзывали. А в колхозе на трудодень мне меньше всех выдавали. Не хочу даже и вспоминать об этих годах. Лихолетье одним словом. Как вспомню – так слёзы набегают...».*⁸

В числе 15 человек, членов так называемой «контрреволюционной националистической повстанческой кулацкой группы», одного из которых осудили на 10 лет лишения свободы, а остальных «тройка» НКВД по Красноярскому краю 13 июня 1938 г. приговорила к расстрелу,⁹ вместе с отцом Антонины Яковлевны Токмашовой был репрессирован Андрей Данилович Шульбаев – дедушка нашего земляка – писателя Олега Петровича Шульбаева. Олег Петрович пишет:

«Когда я обратился в местное управление ФСБ с просьбой ознакомиться с архивно-следственным делом моего деда, мне пошли навстречу. С трепетом в душе листал это «дело», вчи-

тывался в каждую букву, старался понять логику работников НКВД и мысли деда. Пытался вникнуть в то время. А причём здесь «националистическая» группа? Половина в ней русские. Какая то маразматическая логика! А потом ночами не мог спать: мне слышались хрипы и стоны избиваемых, виделась мрачные казематы минусинской тюрьмы, свесившиеся головы безвинно осуждённых, хищный оскал... Результатом этих бессонных ночей стала повесть «Тревожный 1938 год»¹⁰

В 1947 г. в ГУЛАГе на станции Решёты Красноярского края родилась Дорофеева (Бауэр) Галина Яковлевна. Её мама и двое старших сестёр были сосланы в Сибирь как немцы Поволжья. Галина Яковлевна рассказывает: «Чтобы как-то прожить работающая на зернотоке мама насыпала немного зерна в сапоги, за что и получила 8 лет лагерей, отец Бауэр Яков Яковлевич работал в трудармии. В 1949 году семья переехала в Боград и находилась под комендатурой до 1954 г. без права выезда и каких-либо других прав. Жили родители как и многие другие в очень тяжёлых условиях, было трудно, голодно».¹¹

Трагически сложилась судьба и семьи Вахрушевых. По постановлению от 1 февраля 1930 г. в административном порядке по политическим мотивам за принадлежность к кулачеству в 1931 г. был выслан со всей семьей из Читинской области в Пит-городок Удере́йского района Красноярского края Вахрушев Семён Гордеевич (отец проживающих на данный момент в Таштыпском районе Вахрушевых Сергея Семёновича, Николая Семёновича, Бориса Семёновича). Как вспоминает Сергей Семёнович: «В 1949 году мы выехали в посёлок Таёжный Красноярского края. В 1951 году умерла мама. На руках у отца осталось семеро детей. Отец женился на хорошей женщине, которая помогла вырастить отцу всех детей и дать им образование».¹²

Анализируя воспоминания детей репрессированных, приходишь к выводу о том, что судьбы этих людей без капли сомнения были трагически сломаны, перечёркнуты. И родители, и их дети стали жертвами репрессивной машины, которая лишила их крова, средств для существования, морила голодом и холодом, болезнями, смертью близких, ставила на них клеймо «врагов народа». Но они несмотря ни на что оставались людьми и продолжали жить. Исходя из этого, задаёшься вопросом: почему никто из репрессированных родителей и их детей ни произносили и не произносят ни одного оскорбительного или осуждающего слова по отношению к советской власти, к Сталину. Олег Петрович Шулбаев писал об этом следующее: «И тем не менее... Именно Советская власть дала возможность получить высшее образование моему отцу, дядьям Кондратию и Терентию, а также многочисленным их детям, племянникам и внукам, которые сейчас работают практически во всех отраслях экономики Хакасии».¹³ Возможно, родители опасались за жизнь своих детей, за их будущее, а быть может это простые нравственные принципы бескорыстия, гуманности, порядочности, простая человеческая преданность народу, государству, вождю, которому они беззаветно верили, а он прикрывался этой верой как щитом и развязал войну против собственного народа...

2013

Примечания:

¹ Горькая правда истории (Политические репрессии в Хакасии). Библиографический указатель. Абакан, 2001. С. 3.

² Абдин Н. Мрачная история // Под знаменем Ленина, 22 августа 1991 г., № 101. С. 8.

³ «Тридцать седьмой» // Земля Таштыпская, 30 октября 2007 г., № 90, с. 2-5.; Мрачная история // Под знаменем Ленина, 22 августа 1991 г., № 101, с. 8.; Без вины виноватые // Земля Таштыпская, 29 октября 2013 г., № 97. С. 2.; «В суточный срок исключить...» // Земля Таштыпская, 30 октября 2003 г., № ?, с. ?.; «Расстрелять по списку...» // Общество, 30 октября 2009 г., № 206. С. 4.

⁴ Безвинно расстрелянные (Мартиролог погибших от рук ОГПУ-НКВД в 1920-1940-е гг. в период тоталитарного режима в СССР). Абакан, 2004. С. 10-14.; Трошкина И.Н. Формирование населения района // В кн.: Таштыпский район. История и современность // отв. ред. В.Н. Тугужекова. Абакан, 2008. С. 35-44.

⁵ Воспоминания Бочарова Ю.В.

⁶ Папков С.А. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931-начало 1933 года. Новосибирск, 1993. С. 35-36.

⁷ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1929-1941. Новосибирск, 1997. С. 140.

⁸ Воспоминания Токмашовой А. Я.

⁹ Шулбаев О.П. «Мама ждала его всю жизнь» // В кн.: Книга памяти жертв политических репрессий. Том 2. // ред. – состав. Н.С. Абдин. Абакан, 2000. С. 317.

¹⁰ Там же.

¹¹ Воспоминания Дорофеевой Г.Я.

¹² Воспоминания Вахрушева С.С.

¹³ Воспоминания Шулбаева О.П.

В.Ф. Сёмочкина
с. Шалоболоино, Курагинский район

Шалоболинская Свято-Троицкая церковь в истории Енисейской епархии

История Свято-Троицкого храма в селе Шалоболоино (ныне Курагинский район) тесно связана с историей Енисейской епархии. Освоение сибирских земель и возникновение населённых пунктов потребовало строительства православных храмов. В Шалоболоино была деревянная церковь, и только в сер. XIX в. начинается строительство каменной.

Согласно документам Минусинского архива 6 апреля 1845 г. вышел Указ Ачинского духовного правления «О разрешении построить каменную церковь в с. Шелоболинском»,¹ к нему были приложены планы здания, сенокосной и пахотной земель. По данным Клировой ведомости за 1853 г. храм был построен в 1851 году. В центре села, «благодаря тщанию прихожан», на искусственно сооружённом холме, возвышаясь над всей округой, была возведена белоснежная церковь.² Много средств пожертвовал на её строительство бывший житель с. Пойлова, золотопромышленник Иосиф Иванович Артемьев, «много потрудившийся по украшению сего храма».³

Над входом возвышалась колокольня, заканчивающаяся восьмиметровым крестом. Вершиной храма являлся купол шатровой архитектуры, наверху которого крест удивительного литья, ещё два небольших купола делали церковь лёгкой, устремлённой вверх, а обилие окон – светлой, радостной. Все стены главного придела были покрыты фресками. В центре по окружности купола – сюжет о Сотворении мира. Алтарь отделялся от придела иконостасом в несколько рядов. «Царские врата», ведущие в алтарь, были красивого литья, позолочены. На окнах – узорчатые решётки.⁴

Храм являлся двухпрестольным (два придела). Первым, 5 мая 1853 г., был освящён придел во имя Рождества Христова (Рождественский), а 30 сентября – главный во имя Животворящей Святой Троицы епископом Томским Афанасием.⁵

В 1852 г. создаётся Шалоболинский Троицкий приход, выделившийся из Курагинского и частью Кавказского приходов. Вначале в него входили сёла: Шалоболоино, Курганчики, Детлово, Кныши, Пойлово и прилегающие заимки. В нач. XX в. вошли ещё 3 деревни из новосёл: Ильинка, Алексеевка и Джирим. В 1916 г. в Шалоболинском приходе состояло 5558 душ: из них 2837 мужского пола и 2721 женского.⁶

Одновременно со Свято-Троицкой церковью в 4 км от села была построена кирпичная Вознесенская часовня. Побеленная известкой, стоявшая на высоком откосе, она была видна издалека. К ней совершались крестные ходы, отправляясь в путь, крестьяне прихода подъезжали, чтобы благословиться в дорогу.

Приход был очень богатый, поэтому на содержание и ремонт храма уделялось много средств. Последний раз его ремонтировали, примерно, в 1904 году. Большой вклад внёс местный живописец, житель с. Шалоболоино Семён Александрович Айзيمان. Он сам изготовливал краски из красной глины, охры, добавлял толчёные сухие растения, чтобы получить нужный цвет. Он рисовал иконы, которые до сих пор встречаются в домах местных жителей. В нач. XX в. на средства прихода он ездил учиться искусству реставрации в Венецию. Вместе с Гриневичем, местным художником, Айзيمان реставрировал иконостас, фрески под куполом.⁷

При храме была богатая библиотека, учреждено попечительство, и общество трезвости.⁸ Стараниями попечительского совета при Шалоболинской Троицкой церкви открыта богадельня для девочек-сирот, где они обучались швейному делу, помогали убирать в храме. Большое внимание уделялось религиозному воспитанию сирот. Богадельня заботилась и о дальнейшей судьбе выросших воспитанниц. Это были нравственно воспитанные девушки, мастерицы, каждая из них получала наследство от храма, поэтому от женихов не было отбоя. Кроме того, по-

печительский совет оказывал помощь нуждающимся прихожанам: денежной ссудой, зерном, моральной поддержкой.⁹

15 октября 1884 г. Благодичинный священник Рязанский учредил Шалоболинскую церковно-приходскую школу, которая согласно Положения имела целью «...Утверждать в народе православную веру, воспитание нравственности христианской и сообщать полезные первоначальные сведения».¹⁰ Здание для школы было построено золотопромышленником Иосифом Иосифовичем Артемьевым.

Школа была вначале смешанная, одноклассная, а с 1901 г. – двухклассная, выросло число учащихся, в связи с этим стали арендовать ещё одно здание. До 1901 г. обучались с семилетнего возраста всего 40 человек, из них 34 мальчика и 6 девочек. В 1901 г. насчитывалось уже 107 учащихся: мальчиков – 64, девочек – 43; в 1916 г. – до 150 человек обоего пола.¹¹

Содержалось учебное заведение за счёт сельского общества, Земства, Синода и пожертвованных. В 1901 г. от сельского общества поступило 300 рублей, от Земства – 285 руб., от Святейшего Синода поступило 375 руб., а всего на её содержание поступило 1005 рублей.

9 июня 1890 г. были проведены выпускные экзамены. Из восьми учащихся дали удовлетворительные ответы все, и по решению воспитательной комиссии получили свидетельства. В 1889-1890 учебный год школа была посещена инспекторами три раза. Так, 19 мая 1890 г. – членом Минусинского уездного отделения Енисейского епархиального училищного совета Благодичинным иереем Алексеем Лихачевским, который нашёл школу отвечающей своей цели, кроме материального благосостояния её. В отчёте за 1901 г. школа была признана оснащённой всем необходимым.¹²

При школе имелась богатая библиотека церковных и светских книг, которые выдавались учащимся для учебных и домашних заданий. На 1889-1890 гг. было 252 экземпляра. Значительную часть изданий пожертвовал крестьянин Мухнин Г.Л.¹³

Церковно-приходская школа в с. Шалоболдино играла большую роль в формировании духовности и нравственности. Ещё в 60-70-е гг. XX в. живы были люди, которые учились в ней, посещали храм. Именно они после закрытия храма передавали нравственные качества своим детям, внукам, отпевали, как могли, умерших, крестили (погружали) детей.

В 1924 г. церковно-приходская школа была передана в ведение государства, её имущество описано, изъяты церковные книги. С этого момента она стала государственной.¹⁴

С установлением советской власти начинается разрушение русской православной церкви. В 1921-1922 гг. были изъяты из церковных библиотек и школ десятки тысяч книг. Начинаются гонения на священников, изъятие церковных ценностей, вводится цензура проповедей, закрываются храмы. Все это сказалось на истории Свято-Троицкого храма: были описаны и изъяты книги, драгоценные культовые предметы, что вызвало возмущение прихожан.

26 марта 1925 г. между Курагинским райисполкомом и верующими гражданами был заключён Договор о передаче в бессрочное и бесплатное пользование находящихся в Шалоболинском храме богослужебных предметов при условии их использования исключительно по назначению. К Договору приложена опись имущества из 153 предметов, в т.ч. здание храма, колокола, ограда, иконы, книги, церковная утварь и др., а также список членов религиозной общины в количестве 1510 человек.¹⁵

Однако, несмотря на преследование, жители по-прежнему посещали храм. В Метрических книгах за 1930-31 гг. есть ещё записи о брачующихся, о крещении детей, об отпевании умерших. Последние окрещённые дети – Сергеева Александра Ивановна и Мельников Николай Иванович, окрещённый в декабре, накануне «зимнего Николая».¹⁶

В 1933 г. стал вопрос о полном закрытии Свято-Троицкого храма. 19 декабря в день зимнего Николая-Угодника площадь перед церковью была заполнена народом. С красным флагом под звуки гармошки у церкви собралась группа активистов-комсомольцев и служащих сельского совета. На митинге говорили о религии, как «дурмане для народа», призывали население к сознательности. В храме комиссия, в которую входили председатель Шалоболинского исполкома Давыдов, секретарь Ткачёв и другие, описывали имущество для передачи его в пользу государства. Описанное имущество выносили из храма и складывали в сани: иконы, дорогую утварь, одежду священников, богослужебные книги.¹⁷

Житель с. Шалоболдино Белов Константин Никифорович вспоминал: *«Директор школы Дунайцев Василий Григорьевич привёл нас к храму и заставил дергать верёвки, привязанные к кресту. Нам не удалось стащить крест, но помню, как плакали люди, как кричали на нас, на членов сельского совета»*.¹⁸ Верующие стали уговаривать их не совершать богохульства. Многие плакали, кричали, некоторые вставали на колени и обращались с мольбой к Богу. А в это время на улице комсомольские активисты залезли на колокольню и начали сбрасывать колокола. Большой колокол упал на паперть, от него осталась трещина в камне, лежащем перед входом в храм. Затем приступили к крестам. К кресту на куполе привязали верёвку, спустили вниз и привязали к лошадям. Лошади, подгоняемые людьми, не смогли ничего сделать. Крест согнулся в сторону востока, но не упал. Крик и плач стояли на площади. Часть имущества увезли в Минусинск, многое из него «ушло» к членам комиссии. По рассказам местных жителей, госслужащий Дунайцев Василий из икон сделал стол, стены его дома были украшены церковными хоругвями, а активистка Серафима Воронина долгие годы дарила своим близким церковные полотенца. Третью часть вывезли в амбар, но вскоре там сломали крышу, и всё имущество разворовали.¹⁹

Одно время в церкви был клуб, но многие родители не пускали детей в храм. Позже там сделали склад для зерна, а потом долгое время он стоял осквернённый, пустой, подвергаясь разрушениям от непогоды, со стороны подростков, воспитанных в духе атеизма, незнакомых с духовной Православной культурой. Но разрушенная церковь оставалась храмом.

В годы Великой Отечественной войны жители села приходили сюда, чтобы помолиться о близких, воевавших на фронтах. Молодожёны после регистрации брака приносили цветы к нему, выпускники школы тоже приходили к храму. Провожая в последний путь умершего, похоронная процессия обязательно останавливалась перед храмом.

В годы перестройки отмечается активизация церковной жизни. Эти изменения не могли не отразиться и на судьбе Свято-Троицкого храма в Шалоболдино. В 1983 г. для проектирования новой колхозной конторы в селе был приглашён архитектор, преподаватель КГУ Анатолий Фёдорович Блохин. Поражённый уникальностью церкви, он мечтал о её восстановлении. Толчком к воплощению этой мечты послужил приезд юных американцев из штата Гавайя, прибывших по приглашению Блохина, которые вместе с русскими подростками трудились в храме. По этому поводу был отслужен благодарственный молебен около церкви. Проектную смету на реставрацию Свято-Троицкой церкви безвозмездно составила группа архитекторов и А.Ф. Блохин. Но он неожиданно умирает, и дело как-то затихло.²⁰

В нач. XXI в. в селе началось движение за восстановление храма. Отец Александр вместе с Мироненко Надеждой, бывшей жительницей Шалоболдино, начали собирать подписи о восстановлении церкви. Прошение отвезли Владыке Антонию, но кандидатура о. Александра не была утверждена. И вновь дело остановилось. Казалось, что никогда храм в селе не будет восстановлен.²¹

В октябре 2006 г. архиепископ Красноярско-Енисейской епархии Антоний передал Свято-Троицкий храм в попечение Свято-Вознесенской женской обители. По инициативе сестёр-монашек жители села произвели уборку в здании церкви и вокруг него. Храм вычистили, вывезли много мусора. И, несмотря на то, что помещение было неотреставрировано, в нём проводились молебны священниками обители: о. Георгием, О. Киприаном, о. Игорем.

Начало восстановления храма связано с именем матушки Екатерины (в миру – Елена Александровна Бальва), игуменьи Свято-Вознесенского монастыря. После того, как церковь передали женской обители, архиепископ Антоний направляет матушку Екатерину в Курагинский район настоятельницей Свято-Вознесенского монастыря, открытого в 2003 г., вместо матушки Елизаветы (Усталовой), много сделавшей для него.

Состояние Свято-Троицкой церкви было ужасным. Отсутствовали пол, крест, колокола, на крыше росла трава, стены облупились, окна разбиты. Только под куполом сохранились фрески, изображавшие картину сотворения мира.

Начинается тяжёлый труд по восстановлению Свято-Троицкого храма: территория храма была ограждена, начались работы внутри. Встала проблема нехватки средств. Но Матушка Екатерина искала по всей стране благодетелей, поэтому церковь возрождалась быстрыми темпами.

Через год Шалоболдинский храм неузнаваемо преобразился: оштукатурены, покрашены стены

храма, вставлены окна, вывезены тонны мусора. *«Надо сделать иконостас, приобрести паникадила, иконы, колокола, которые стоят не менее 300000 рублей, восстановить прежние фрески, на что тоже потребуются немалые средства. Поэтому прошу всех, православных христиан, помочь нам по мере возможности»*, – обращалась матушка Екатерина ко всем.²² Никто из местных жителей не верил, что храм вообще можно восстановить.

Бригадир Пётр Корженевский вспоминал: *«...без матушки Екатерины здесь бы ничего не было. Она искала по всей стране благодетелей, поэтому Троицкий храм возрождён быстрыми темпами – за один год»*.²³

С 22 мая 2008 г. приступил к работе Йован Топалович с двумя рабочими. Первой этапом стало восстановление оконных проёмов, длившееся одну неделю. Вторым – установление окон нижнего ряда. Йован Топалович рассказывал: *«Я приехал в Россию из Югославии. Когда мы прибыли в 2006 г. в г. Красноярск делать ремонт в Благовещенском женском монастыре, я познакомился с матушкой Екатериной. Она пригласила меня в Шалоболоно. 22 мая 2008 г. я обещал самому архиепископу Антонию, что мы закончим работу к празднику Троицы в 2009 году. Я всем сердцем и всей душой поддерживаю матушку Екатерину, уважаю её большую силу духа, поэтому и поехал работать в Шалоболоно»*.²⁴

В июне в храме было проведено электричество, проводилось снятие штукатурки внутри. Бригада Петра Корженевского начала работу с куполом церкви, которая велась поэтапно. Первоначально снимали крест, обвязав верёвками, в работе принимало участие 4 человека. Крест был весом около 100 кг из чёрного кузнечного металла. На стержне креста стояло клеймо с фамилией мастера. Корженевский обвязал верёвкой и снял погнутый крест с центрального купола. Дальше шла работа по разборке маковки центрального купола, самого купола. Прямую основную крышу закончили до нового года.

«Осенью поставили кочегарку и провели отопление. Зима была сильно холодной, но мы без дела не сидели. До нового года успели покрыть крышу храма. Обшили 2 купола на алтаре и сделали шпиль. Два малых креста покрыли под золото. Погодные условия позволили продолжить работы только 22 мая 2008 года», – вспоминал Топалович.²⁵ Основные работы закончили летом 2009 года. Из разных городов, посёлков приходила помощь. *«Всем добрым людям, поименованным мною, Вы сами, Владыко, определите им награду»*, – писала матушка Владыке Антонию.²⁶

На престольный праздник Святой Троицы 7 июля 2009 г. в восстановленном храме прошло первое за 90 лет праздничное богослужение. Вот как вспоминала матушка Екатерина этот праздник: *«Я не ожидала, что приедет так много народу. Триста человек было в храме. На общей исповеди люди кричали: «Каемся, Господи, мы грешные, мы виноватые, гневил тебя. А когда начали петь «Верую», то все уже плакали и благодарили Бога. Даже батюшка не мог сдержать слёз, настолько это был трогательный момент. Это были первые покаянные слова, за все поругания и гонения, которым подвергался храм и его служители в годы гонений»*.²⁷

Ещё 2 года продолжались работы по восстановлению церкви. 16 ноября 2010 г. на храме были установлены колокола. Семь колоколов были отлиты на заводе Анисимова в Воронеже. Самый большой из них (500 кг) завод пожертвовал храму. После освящения их подняли на звонницу.

4 июня 2011 г. в с. Шалоболоно был вновь освящён возрождённый храм в честь Святой Троицы. На освящении присутствовал архиепископ Антоний. После Божественной Литургии, крестного хода многих благодетелей наградили епархиальными наградами. За большие труды и служение на благо Православной церкви Его Высокопреосвященство удостоил настоятельницу Свято-Вознесенского монастыря матушку Екатерину правом ношения игуменского посоха.

26 июля 2011 г. на 85 году жизни ушла из жизни игуменья матушка Екатерина (Бальва), настоятельница Свято-Вознесенского женского монастыря. После её смерти в храме не было своего священника.

Первым настоятелем вновь возрождённого Свято-Троицкого храма в феврале 2012 г. был назначен иеромонах о. Игнатий. В приход вошли: Ильинка, Шалоболоно, Курганчики, Детлово, Алексеевка, Н-Покровка.

При нём был создан первый приходской совет. Трудным был первый год службы для священника. Финансовых средств не было. В зимние морозы нечем было отапливать помещение.

Вместе с приходским советом пошли по деревне, расклеили обращение в сёлах, написали письма предпринимателям, вышли в Интернет. При храме начала действовать Воскресная школа. В марте 2013 г. о. Игнатий был переведён в Спасский храм г. Минусинска.

После о. Игнатия настоятелем Свято-Троицкого храма назначили о. Георгия. Во время его служения была установлена купель для полного погружения при Крещении, проведена горячая и холодная вода в домике, установлен душ, где занимается Воскресная школа, стряпаются професоры, проводятся совместные трапезы с прихожанами. В храме регулярно проводятся службы.

Сложная история у Шалоболинского Свято-Троицкой церкви. Но эта судьба многих храмов России. Время идёт, приходят новые поколения, растут дети, и стоит задуматься о том, что останется им в наследие, какое духовное богатство и моральные ценности будут переданы подрастающему молодому поколению, от которого будет зависеть будущее России.

2013

Примечания:

^{1, 10, 11, 12, 13, 15} Минусинский городской архив (МГА). Ф.17. О.1. Д.303. ЛЛ.1-3, 122; Ф.17. О.1. Д.358, 529; Ф. 29, историческая справка; Ф.17. О.1. Д.45. Л.318.

^{5, 6, 8} Краткое описание приходов Енисейской епархии: 1916. Репринторное воспроизведение. – Красноярск, 1995. – С. 194-195.

^{2, 3, 4, 7, 9, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22} Материалы Шалоболинского музея. Фото и видеозаписи из архивов, документы, интервью.

¹⁴ Власть и общество. Региональные аспекты проблемы. К 180-летию Енисейской губернии. Архивные чтения. Красноярск. 2001.

^{23, 24, 25} Свято-Троицкий храм с. Шалоболоино. Свято-Вознесенский женский монастырь. Красноярская епархия. 2009.

²⁶ Отечество и Вера. // №1, с.16-21. № 2. с.38-39. 2009. Игуменья матушка Екатерина. Спаси и сохрани, Господи. Смыслов Михаил. Крест игуменьи Екатерины.

²⁷ Мисюрова Надежда. Жизнь как подвиг Веры. – Православный Минусинск.//№8, 2011. – С. 2-3

Е.В. Ткачева,
г. Минусинск

Спортивная слава Минусинского сельскохозяйственного колледжа

Минусинский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства, а с 1992 г. – Минусинский сельскохозяйственный колледж приобрёл мировую славу благодаря спортивным достижениям.

Организатором спортивных мероприятий были: Мальцев И.С. – военрук, Савков Н.И – зам. директора по физическому воспитанию, ныне – А.А. Черемисин.

Популярными были и остаются такие виды спорта как тяжёлая и лёгкая атлетика, волейбол и баскетбол, дзюдо и самбо, лыжный спорт и футбол, шахматы и хоккей.

В 1952 г. учащиеся техникума стали призёрами на краевых соревнованиях по тяжёлой атлетике.

В 1962 г. команда волейболистов (Старовойтов, Ведяпин, Коробкин, Еромченко, Решетняк, Мурзин, Сидоров) заняла 4 место среди средних специальных учебных заведений РСФСР. Хоккейная команда (Уткин, Родзян, Фихерев, Козлов и другие) участвовала в городских и краевых соревнованиях.

В 1972 г. в новом здании техникума был построен спортзал.

В 1977 г. в техникум руководителем секции самбо был принят Щедрухин В.П. В его секции занималось 30 студентов, в т.ч. Д. Вишнеvский, С. Космынин, Воног, Молостов, Поздняков, Лёвин и другие. Владимир Павлович был не просто тренером. Он учил своих воспитанников не только покорять вершины спортивного Олимпа, но и направлял ребят на правильный жизненный путь.

В 1982 г. Сергей Космынин на первенстве РСФСР по дзюдо (г. Красноярск) стал мастером спорта, в 1983 г. – мастером спорта по самбо. Он неоднократный призёр чемпионатов СССР, Европы, международных турниров. В 1986 г. С. Космынин занял первое место в Бразилии на чемпионате мира среди студентов, в 1987 г. на чемпионате СССР в Ленинграде выиграл у чемпиона мира Соколова Ю. В 1988 г. стал чемпионом мира в Гори, в 1992 г. участвовал в Олимпийских играх в Барселоне, а в 1994 г. признан лучшим дзюдоистом Европы на соревнованиях в Польше.

В настоящее время Сергей Космынин – старший тренер сборной России по дзюдо. В Минусинске в спорткомплексе им. Шумилова уже несколько лет проводятся соревнования по дзюдо на призы Сергея Космынина.

Вишневский Дмитрий – ещё один воспитанник Щедрухина В.П., своего первого успеха достиг в 1979 году. В 1980 г. на Первенстве СССР по самбо среди юниоров (г. Иваново) он поднялся на высшую ступень пьедестала почёта. В 1980 г. он стал серебряным призёром первенства мира среди юниоров по самбо в Мадриде (Испания). Дмитрий первый среди воспитанников школы выполнил нормативы мастера спорта по самбо. С 1981 г. он участвует во Всесоюзных соревнованиях в олимпийской дисциплине – дзюдо. На первенстве СССР по дзюдо среди молодёжи (г. Коканд, Узбекская ССР) становится серебряным призёром. В 1984 г. во Всесоюзном турнире по дзюдо среди взрослых Дмитрий поднялся на высшую ступень пьедестала почёта. На Международном турнире на приз журнала «Советские профсоюзы» (г. Вильнюс, Литовская ССР) Вишневский занял I место, а в 1985 г. участвовал в составе сборной РСФСР в товарищеской встрече в Японии. Д. Вишневский защитил кандидатскую диссертацию и работал преподавателем в ХГУ им. Катанова (г. Абакан, Хакасия). Сегодня – Д. Вишневский директор нового спорткомплекса, построенного в районе гимназии № 1.

Благодаря спортивным успехам спортсменов-дзюдоистов, титаническим усилиям заслуженного тренера России Щедрухина В.П. в Минусинске была открыта школа олимпийского резерва по дзюдо. Но её закрытие стало тяжёлым ударом для Владимира Павловича. После смерти В.П. Щедрухина его воспитанники продолжили дело своего учителя. Сегодня они тренируют мальчишек и девчонок, как тренировал их Владимир Павлович. В память В. Щедрухина в спорткомплексе им. Шумилова были проведены турниры по дзюдо. В Минусинске его именем названа улица, а в Абакане – зал дзюдо. Дочь Щедрухина В.П. – Мария – чемпион Европы по дзюдо.

Каждый год студенты-тяжелоатлеты выступают на спортивных турнирах имени Попова, Воронина, Каменского (г. Красноярск), в г. Мыски Кемеровской области, в г. Железногорске и возвращаются победителями.

Под руководством тренера высшей категории А.Н. Решетникова спортивные победы одерживают студенты-тяжелоатлеты: Лучин Эдуард – мастер спорта, неоднократный призёр края и России, Сибири и Дальнего Востока; Жернаков Роман – мастер спорта, призёр всероссийских соревнований в Новгороде и Уфе, ныне – тренер по тяжёлой атлетике; Муковников Сергей – мастер спорта, бронзовый призёр Спартакиады Сибири в Бийске; Василиков Анатолий – мастер спорта, серебряный призёр Зоны Сибири, ныне – тренер по тяжёлой атлетике; Гончарук Вадим – мастер международного класса, серебряный и бронзовый призёр чемпионата мира по тяжёлой атлетике в Варшаве в 1996 году.

Воспитанники тренера А.А. Черемисина также являются призёрами чемпионатов края, России: Фёдоров Сергей – мастер спорта по тяжёлой атлетике, серебряный призёр чемпионата России кон. 1980-х гг. по тяжёлой атлетике; Золотухин Александр – кандидат в мастера спорта, 2-й призёр первенства Красноярского края; Эпов Максим – чемпион зонального турнира среди студентов по гиревому спорту; Юдин Александр – кандидат в мастера спорта, 2-й призёр первенства края; Цыганков Иван – мастер спорта, на первенстве России по тяжёлой атлетике в октябре 2012 г. занял 4-е место; Карташов Кирилл – на чемпионате Красноярского края в Железногорске в 2012 г. поднялся на высшую ступень пьедестала почёта; Матыцын Алексей – на чемпионате края 2012 г. стал 2-м, призёром, а Журавлёв Костя – 3-м призёром (тренер Василиков А.)

Примечательны рекорды студентов-легкоатлетов под руководством тренера П.В. Туманова: Животов Евгений – чемпион края в беге на 80 м 1997 г., член резервной Сборной России; Шкарин Дмитрий – чемпион края в беге на 1500 м, призёр Всероссийских соревнований в Москве 1996 г.; Бородин Алексей – чемпион края 1997 г. призёр сельских Олимпийских игр в беге на 5000 метров.

Тренеры, преподаватели физической культуры – мастера своего дела подготовили за всю историю колледжа более 80-ти мастеров спорта и 2-х мастеров международного класса: Космынина Сергея и Гончарука Вадима.

Сегодня в техникуме проходят, ставшие традиционными соревнования по гиревому первенству, легкоатлетические кроссы и соревнования по стрельбе. Традиционными стали смотры спор-

тивной формы и строевой подготовки, военный парад в День Победы и летние военные сборы.

Современное поколение студентов стараются равняться на своих знаменитых предшественников. Продолжают и приумножают спортивные традиции Минусинского сельхозколледжа. Среди них: Барыкин Вадим – кандидат в мастера спорта по греко-римской борьбе, чемпион края среди юниоров, занявший 4-е место в первенстве России; Коробейников Владимир – чемпион Красноярского края по дзюдо; Цыганков Иван – мастер спорта, 4-е место на первенстве России по тяжёлой атлетике в 2012 г. и др.

Коллектив студентов и преподавателей колледжа гордится учащимися – спортсменами-победителями, которые принесли славу своему учебному заведению.

2012

Е.А. Симонова,
г. Минусинск

Минусинские первооткрыватели

Западный Саян – своей красотой вот уже многие годы привлекает туристов со всех уголков, в т.ч. и живущих в г. Минусинске. Так многие названия перевалам, озёрам, ручейкам дали именно наши, минусинские туристы. Однако их имена остались в тени. Когда в кон. 1970-х – в нач. 1980-х гг. минусинцами началось освоение горных маршрутов в Западном Саяне, подробных карт ещё не имелось либо они были засекречены. Первая карта, которая появилась у туристов, была взята по знакомству у минусинских топографов и вручную перерисована А.А. Чумариным.

Горный туризм и альпинизм в Минусинске стал активно развиваться в кон. 70-х гг. XX в., в связи со строительством электрокомплекса. На работу съехались люди со всего союза. Среди них был Кехтер Александр Яковлевич. Именно он организовал клуб альпинистов «Регул».

Позднее, по предложению ГорОНО, Кехтер А.Я. со своими друзьями по клубу «Регул» создал военно-спортивный лагерь «Альпинист» для работы с трудными подростками. Воспитанниками и инструкторами этого лагеря, работавшего с 1981 по 1986 г., были даны названия многим перевалам и озёрам в национальном парке «Ергаки». За каждым из них стоит тот или иной инструктор.

Житель Минусинска Анатолий Андреевич Чумарин (1947 г.р.) первый раз прошёл хребты Ергаки и Кедранский 50 лет назад, в 1963 г., вместе со своим братом.

В 1981-1984 гг. он работал в военно-спортивном лагере «Альпинист». В этот период Анатолий Андреевич вместе с детьми ходил в экспедиции на хребты Ергаки и Арадан. Во время походов они дали названия следующим перевалам: «Зелёный», «Пикантный», «Жарки», «Западных Курсантов», «Туманный», «Межозёрный», «Перевал Курсанта», «Медвежий». Дали топографические названия: озеро «Ледовое», ручьи «Ледовый» и «Тайгишонок», скала «Орешек», пик Мартьянова (1984).

Когда первый раз видишь на карте название «перевал Пикантный» (1800 м, скально-осыпной), то сразу возникает мысль, что он очень сложный, справа и слева, наверное, находятся острые скалы, похожие на пики. История названия перевала связана с работой лагеря «Альпинист». Во время одного из походов группа воспитанников под руководством А.А. Чумарина поднялась на перевал, перед спуском решили сложить тур, куда собирались положить записку с придуманным ими названием для перевала (на тот момент он был безымянным). Дети начали искать бумагу, чтобы написать записку, а её не нашлось. Тогда они взяли обёртку от печенья, которое ели на перевале, развернув, прочитали его название «Пикантное». Вот так в честь печенья и был назван перевал «Пикантным».

За другим перевалом, куда ребята со своим инструктором ходили в июне, в июле и в августе и, где всегда в это время цвели жарки, закрепилось одноимённое название – перевал «Жарки» (1850 м, скально-осыпной).

С лагерьем связана и история наименования перевала «Зелёный». Во время подъёма на этот

перевал (а он был достаточно крутой) дети стали капризничать. Тогда Анатолий Андреевич пообещал ребятам что, когда они доберутся до верха, то получат мороженное. Поднявшись на вершину, дети спросили: «А где же мороженное?». В ответ Анатолий Андреевич дал им котелок и отправил к снежнику за снегом, который обычно перемешивали со сгущёнкой. Однако никому из детей не хотелось идти. Они начали спорить: «Ты молодежь ты и иди! Ты зелёный! Ты ещё молодежь! Ты зелёный! Ты сам зелёный!». Так в споре и родилось название.

Перевал «Курсантов Западный» (1820 м) соединяет верховья р. Тушканчик (озеро Мраморное) с верховьями реки Тайгиш (озеро Художников). Он был назван в честь детей, которых Анатолий Андреевич вёл через перевал.

Перевал «Туманный» располагается в северной части хребта Ергаки. Категория сложности – 1А, высота – 1780 метров. Он соединяет верховья реки Большой Кебеж и ручья Тайгишонок. Анатолий Андреевич с детьми назвали перевал так, потому что, находясь в окружении скал «в цирке», он частенько находится в тумане.

Перевал Медвежий был назван так А.А. Чумариным и В.И. Есиповым, поскольку там ходили медведи и рушили установленные туры, в которые туристы обычно закладывали записки и сладости.

Есипов Владимир Иванович – уважаемый среди спасателей человек. В 1981-1986 гг. работал в военно-спортивном лагере «Альпинист». Сегодня работает в МЧС, обучает молодых спасателей. Человек, который всей душой любит горы. Владимир Иванович, в основном, присваивал названия перевалам на Арадане, так как он занимался горным туризмом, а хребет Ергаки больше подходит для альпинистов.

Много названий Анатолий Андреевич с детьми дали не только перевалам, но и скалам с причудливыми формами («Орешек», «Верблюды», «Сапог», «Альпинист»), в связи со схожестью очертаний с тем или иным предметом.

С названием «Орешек» и «Сапог» связана очень интересная история. В походах Анатолий Андреевич старался заинтересовать детей, поэтому часто рассказывал им сказку о Создателе. Когда Создатель ходил по земле, создавая растения и животных, то дошёл он и до хребта Ергаки. Населил он горы животными, посеял семена. Но от долгой ходьбы у него порвался сапог. Создатель остановился, присел, снял сапог, достал иглу, орешек, чтобы перекусить. Однако он так устал, что прилёг и уснул на долгие века и спит до сих пор. Зовут его сейчас «Спящим Саяном», недалеко от него можно увидеть скалку «Сапог» и скалу, на которой лежит круглый «Орешек». Скалы «Игла» (в форме трёхгранной пирамиды) сейчас уже нет, она отпала от скального массива.

Кроме того, А.А. Чумарин дал название «Ледовому озеру», так как оно до конца июля покрыто льдом и оттаивает позже всех озёр в Ергаках. Связанно это с тем, что озеро окружено скалками и практически на протяжении всего дня оно закрыто от солнца. В настоящее время оно, к сожалению, на картах обозначено как «Ледяное».

Также Анатолий Андреевич вместе с детьми дали название ручью «Тайгишонок». Он рассказал историю о том, что есть такая речка – «Тайгиш» и у неё есть «ребёночек», зовут его – «Тайгишонок».

Перевал «Снежный» получил своё название потому, что на нём в июле месяце ещё лежал снег. Хотя, по словам Владимира Есипова, больше там он снега летом не видел.

Перевал «Минусинских туристов» – сам по себе перевал несложный. Его название связано с тем, что через него проходили минусинские туристы.

Перевалу «Поднебесному» дал название В.И. Есипов: он был выше других, достаточно крутой и покрыт снегом.

Перевал «Курсантов» – получил своё название, так как по нему проходили дети из военно-спортивного лагеря «Альпинист», которых в шутку называли «курсантами».

Перевал «Авиаторов». Когда Есипов Владимир Иванович и Чумарин Анатолий Андреевич с детьми проходили его, он был усыпан осколками самолёта АН-2, который разбился в 1964 году. Из похода дети привезли домой множество запчастей в качестве сувениров, а за перевалом закрепилось название в честь погибших авиаторов.

Пик Мартянова. Первое восхождение на этот пик было совершено 29 июня 1984 г. и посвящалось 140-летию со дня рождения Н.М. Мартянова. Экспедицию возглавлял самый опытный

из инструкторов, знаток Саян А.А. Чумарин. В группе были сотрудники музея и воспитанники военно-спортивного лагеря «Альпинист», инструкторы Хайбулин Камиль Халиуллович, Кехтер Александр Яковлевич и Чупраков Пётр Гаврилович. На вершине пика ими был установлен алюминиевый обелиск с рельефным портретом Н.М. Мартьянова на одной из его граней.

Литература:

1. Газета «Искра Ильича» выпуски 1981-1984 гг.
2. Газета «Власть Труда» от 17 сентября 2004 гг.
3. Данные Минусинского архива (отчёты и приказы ГорОНО)
4. Интервью Чумарина А.А., Есипова В.И., Чупракова П.Г., Хайбулина К.Х., Васильева Н.Д., Дмитриева С.Д.

С.С. Тулуш,
г. Кызыл, Республика Тыва

Первый детский сад в Тыве

Организация детских садов напрямую связана с понятиями семьи, материнства и детства. В 1993 г. в России смертность населения превысила рождаемость и увеличивалась в последующие годы. Для улучшения ситуации в 2008 г. в России была принята долгосрочная демографическая политика, направленная на увеличение рождаемости в стране: материнский капитал, родовые сертификаты, увеличение детских пособий и многое другое. В 2012 г. в России впервые за многие годы рождаемость превысила смертность. И все бы хорошо, однако нехватка мест в детских садах в настоящее время ощущается как нельзя остро.

Республика Тыва является одним из регионов-лидеров по уровню суммарной рождаемости. Но, за последние 20 лет, здесь был построен только один детский сад, который был введён в действие в ноябре 2012 года. Для того чтобы устроить всех детей дошкольного возраста в детские сады и ликвидировать более чем 8-тысячную очередь, только в городе необходимо построить около 20 детских садов.

С чего же начиналась история детских садов в Тыве, всегда ли была такая необходимость в них?

В нач. XX в. в период Тувинской Народной Республики (ТНР) (1921-1944 гг.) дети воспитывались в семьях. Тувинские семьи были многодетными. Детей тувинцы считали главным богатством, чуть ли не божьей благодатью. Сирот охотно брали на воспитание. Внебрачных детей не отличали от законнорождённых и никогда не бросали.¹ По свидетельствам иностранцев, к детям родители относились «удивительно нежно и заботливо. Благодаря нежному обращению с детьми в младенчестве, родители пользуются у них громадным уважением и любовью».² Воспитанием детей в семье занималась женщина.

Трансформационные процессы тувинской семьи начались с изменения правового статуса тувинской женщины. Так, были поставлены вопросы о предоставлении тувинской женщине политического и общественного равноправия.³

18 мая 1930 г. был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке ТНР.⁴ Супруги могли пользоваться полной свободой выбора занятий и профессий, порядок ведения общего хозяйства устанавливался по взаимному соглашению (гл. 2, ст. 11). Что касается детей, то обязанность содержания детей лежала на обоих родителях (гл. 5, ст. 48), а также родителям предоставлялось право отдавать детей на воспитание и обучение (гл. 5, ст. 45), если над ребёнком установлена опека, то также, опекун обязан был заботиться о воспитании ребёнка, его учении (гл. 7, ст. 79).⁵

Женщины получили доступ к образованию. Полученное образование позволяло женщинам работать, вкладывая свой заработок в семейный бюджет. Однако в системе народного образования ТНР совершенно отсутствовало такое начальное звено, как дошкольное воспитание детей в возрасте от 3 до 7 лет.

С вступлением Тувы в состав СССР 11 октября 1944 г. женщины стали полноправными участницами общественно-политической жизни страны. Однако, часть женщин специалистов была

лишена возможности работать в учреждениях и предприятиях города. Большое значение в этом вопросе имела организация детских дошкольных учреждений.⁶

14 мая 1946 г. Исполнительный комитет областного совета депутатов трудящихся Тувинской автономной области (ТАО) (1944-1961 гг.) вынес решение об открытии первого детского сада в Улуг-Хемском районе при совхозе имени «25 лет РККА».⁷ Однако в течение года детский сад так и не был открыт по причине отсутствия специального помещения.

В этом же году в Кызыле открыли детский сад № 1, куда было зачислено 75 детей. Областной отдел народного образования утвердил штатное расписание детского сада на 1946 год.⁸ Оно состояло из следующих штатных единиц (с окладом): заведующий (700 руб.), старший педагог-воспитатель (525 руб.), завхоз (420 руб.), счетовод (420 руб.), повар (500 руб.), няня-уборщица (227), сторож-истопник (280 руб.), прачка (240 руб.).

Расчёт вещевого довольствия на одного ребёнка на 1946 г. включал в себя: койку, матрац, простыню, наволочки, подушки ватные, одеяла суконные, полотенце, халатик, нагрудник, салфетки, панамки, стульчик, горшок, чашки и блюда, тарелки, ложки, вилки, ножи столовые, тапки, миски, кастрюли с крышками, ковши разливные.⁹

Из общего оборудования были приобретены детские, канцелярские и кухонные столы, гардеробы, скатерти, умывальники, шкафы, шкафы детские, стулья, стулья детские, стулья кабинетные, бачки для питьевой воды, игрушки детские, прочее оборудование.¹⁰

Но детский сад, открытый в Кызыле, работал только половину месяца и из-за отсутствия помещения свою деятельность прекратил. Поэтому строительство здания для постоянно действующего детского сада в г. Кызыле было поставлено в план титульного списка строительных объектов ТАО на 1947 год.¹¹

С июня 1947 г. в области открылось 2 детских сада: в Кызыле (23 ребенка) и Улуг-Хемском районе при совхозе им. «25 лет РККА» пос. Аргузун (14 детей).¹² Указанные детские сады, по причине отсутствия специальных зданий, работали только в летний период (июнь-август). В летнее время Кызыльский детский сад располагался в помещениях летнего типа, совхозный – в школьных помещениях.

Расход на содержание детских садов на 1947 г. в области за счёт бюджета был утверждён в сумме 359 тыс. рублей. Поскольку до июня месяца детские сады не работали, эти средства продолжали оставаться неиспользованными, за исключением небольших расходов на оборудование и содержание садов.¹³ За счёт оставшихся ассигнований был открыт первый круглогодичный детский сад в Улуг-Хемском районе, при совхозе имени «25 лет РККА».¹⁴

12 марта 1948 г. Исполнительный комитет областного совета депутатов трудящихся ТАО вынес решение «О строительстве детского сада в городе Кызыле», согласно которому ОблОНО разрешалось израсходовать 300 тыс. руб. из внелимитных средств на строительство детского сада на 100 мест... и обеспечить ввод в действие 1 августа 1948 года.¹⁵

В отчётных документах ОблОНО на 1 июля 1948 г. в Туве работал лишь один детский сад в пос. Аргузун Улуг-Хемского района, где было устроено 23 ребенка,¹⁶ на 1 июля 1949 г. там же, где было устроено 18 детей.¹⁷ Здание детского сада в Кызыле в 1949 г. ещё находилось на стадии строительства, а в летний период детский сад работал в городском саду.¹⁸

Стоит отметить, что с 1948 г. в летний период свою работу начали детские школьные и дошкольные площадки. В 1948 г. там побывали 500 детей, в 1949 – 317.¹⁹

Наконец, в 1950 г. открылся круглогодичный детский сад № 1 в городе Кызыле, который в течение года принял 97 детей. В Улуг-Хемском районе насчитывалось 14 детей. Всего по области в 1950 г. было устроено 111 детей. С 1954 г. начали открываться детские сады других ведомств и количество детских садов с этого времени в области начало стремительно расти.

С вхождением Тувы в состав СССР одной из главных задач народного образования стало осуществление общественного дошкольного воспитания. Возможно, данное обстоятельство наряду с тем, что облегчало обучение детей, имело отрицательный момент в том, что подрывались семейные воспитательные традиции, когда родители в процессе ежедневно приобщали детей к нормам бытового этикета, морали, закладывали нравственные и эстетические ценности.

Встали проблемы совмещения женщиной профессиональных и семейных ролей, которые су-

ществуют и в настоящее время. Процессы, связанные с «освобождением» женщины, имели ряд деструктивных последствий для стабильности семьи: переориентация на профессиональную деятельность в ущерб семейным ролям жены и матери, приоритет государственной системы воспитания на разных этапах жизни ребенка.²⁰

2012

Примечания:

1. Курбатский Г.Н. Отражение социального сознания тувинцев в фольклоре.// Этносоциальные процессы в Сибири. – Вып.4. – Новосибирск, 2001. – С.184.
2. Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (кон. XIX – нач. XX вв.)./Под ред. А.К. Кужугет. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002. – С. 180.
3. Биче-оол С.М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве.//Автореферат дисс. .к.и. н. – Ленинград,1974. – С.14.
4. Государственный архив Республики Тыва (ГА РТ). Ф.93. О.1. Д.12. Л.15.
5. Там же. Л. 3, 4, 5, 7.
6. Там же. С. 119.
7. ГА РТ. Ф.79. О.1. Д.233. Л.5.
8. ГА РТ. Ф.79. О.1. Д. 235. Л.18.
9. ГА РТ. Ф.79. О.1. Д.244. Л.5.
10. ГА РТ. Там же. Л.5.
11. ГА РТ. Ф.79. О.1. Д.243. Л.3.
12. Рукописный фонд ТИГИ. Материалы из личного архива С.К. Тока. Папка Ц,-9, 1969. – Л.61.
13. ГА РТ. Ф.79. О.1. Д.249. Л.36.
14. ГА РТ. Ф.79. О.1. Д.253. Л.5.
15. ГА РТ. Ф.79. О.1. Д.248. Л.24.
16. ГА РТ. Ф.79. О.1. Д.255. Л.34.
17. ГА РТ. Ф.79. О.1. Д.259. Л.18.
18. ГА РТ. Ф. 79. О.1. Д.269. Л.4.
19. ГА РТ. Ф.79. О.1. Д.249. Л.36.
20. Резников Е.Н., Товуу Н.О.Этнопсихологические характеристики народа Тыва: теория и практика. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 44.

И.Г. Фёдоров
г. Дивногорск

Гагаринский кубометр бетона

В судьбе Дивногорска 1963 год стал поистине судьбоносным, и его влияние на весь последующий ход нашей истории трудно переоценить. В феврале рабочий посёлок Дивногорск получил статус города краевого подчинения, и с этого момента стал застраиваться и развиваться соответственно городской инфраструктуре. В марте строители Красноярской ГЭС совершили настоящий трудовой подвиг, перекрыв Енисей. Впервые в мире, столь мощная по своим гидрометрическим характеристикам река, была покорена человеческой волей и силой. А героические традиции гидростроителей надолго стали визитной карточкой славного коллектива КрасноярскГЭСстроя. Но для самих дивногорцев одним из самых памятных дней того памятного года навсегда осталась среда 25 сентября. Именно в этот день гостем Дивногорска стал первый космонавт Земли Юрий Алексеевич Гагарин.

Впрочем, заочное знакомство Ю.А. Гагарина с дивногорцами началось чуть раньше, когда вместе со своим другом-космонавтом Германом Титовым, они направили новогоднее поздравление строителям Красноярской ГЭС, опубликованное «Огнями Енисея» в 1962 г.¹ В этом поздравлении в частности говорилось о том, что «остановить Енисей, эту неистовую реку, задача, которая по плечу только богатырям». В мае 1963 г. на XIV съезде ВЛКСМ Юрий Гагарин встретился с комсомольским вожаком Дивногория Виктором Плисовым, рассказавшем первому космонавту о той героической работе по перекрытию Енисея, которую проделали дивногорские гидростроители. Особенно Гагарина заинтересовал почин бригады Павла Матвиенко, принявшего в ряды своей бригады героя Отечественной войны Александра Матросова, и отчисляющая его зарплату в фонд Мира. И Юрий Алексеевич твёрдо пообещал В. Плисову, что

непрерывно приедет в Дивногорск.² Как оказалось, ждать пришлось совсем недолго.

Центральный Комитет ВЛКСМ решил провести I слёт молодых строителей Сибири и Дальнего Востока в сентябре 1963 г. в Красноярске.

Накануне открытия, 25 сентября, Юрий Алексеевич Гагарин, почётный гость слёта, прилетел в Красноярск. Рано утром ИЛ-18 благополучно совершил посадку и после тёплой встречи с руководителями края Гагарин отправился в Дивногорск. Вместе с ним, в составе делегации были – первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов, секретари ЦК ВЛКСМ А.Х. Везиров, Ю.Н. Ельченко и Л.Г. Максимов, ЦК ЛКСМ Украины и Белоруссии. Сопровождал гостей первый секретарь Дивногорского горкома ВЛКСМ В.В. Плисов.³

Первая встреча с дивногорцами состоялась на Административной площади. В 8 часов утра кортеж машин подъехал к зданию горкома КПСС на «подкове». Несмотря на ранний час и моросящий дождь, возле горкома очень быстро собралась большая группа дивногорцев. Юрия Алексеевича встретил и провёл в свой кабинет первый секретарь горкома КПСС М.К. Ралло, где гостей напоили чаем, а главный инженер КрасноярскГЭССтроя К.И. Смирнов ознакомил делегацию с проектом будущей гидроэлектростанции и рассказал об основных этапах строительства. В это время, по воспоминаниям ветерана КрасноярскГЭССтроя А.Н. Лардыгина, люди, собравшиеся у горкома стали дружно скандировать: «Га-га-рин!» Юрий Алексеевич выглянул в окно, улыбнулся своей знаменитой улыбкой, и дружественно помахал всем рукой. Затем вышел на крыльцо и сказал несколько добрых слов собравшимся.

После этого вся делегация, на «Волгах», направилась в котлован строящейся ГЭС.

Здесь, на левобережном участке основных сооружений, начальник строительства Красноярской ГЭС А.Е. Бочкин вместе с К.И. Смирновым показали гостям всю картину строительства ГЭС в натуральном виде.

– Вот это размах! Прямо-таки космический! – воскликнул Ю.А. Гагарин, глядя на плотину. Его сразу же обступили гидростроители, каждый хотел прикоснуться к космонавту, выразить ему самые тёплые слова признательности. Юрий Алексеевич, в свою очередь, задал вопрос о затворах, которые как раз подготовили к спуску монтажники.

В это же время члены делегации задавали гидростроителям различные вопросы: С.П. Павлов расспрашивал о том, как работают звенья А. Шелковникова и В. Крылова, секретари ЦК Украины и Белоруссии интересовались моделями работающих на строительстве кранов. На скальном уступе котлована гости беседовали с руководителями и простыми рабочими строительства о гидроэлектростанции и космосе, о будущем, о жизни, которая будет на берегах Енисея, когда ГЭС заработает в полную силу.

Осмотрев панораму стройки, гости спустились к Енисею и пошли по мосту водосливной плотины. Навстречу им вышли девушки-бетонщицы из бригады В. Михайлова. Мария Кочкина вручила Юрию Гагарину букет ярких цветов и вместе со своей подружкой-бетонщицей Лидой Смолиной радостно поприветствовали космонавта. Затем девушки провели Гагарина и гостей в блок, где работало их звено. Космонавт познакомился с ребятами, расспрашивал их о делах, об их успехах на трудовом поприще. После этого Гагарина ознакомили с методами бетонирования, подготовки блока и выставкой опалубки.

В этот день в котлован пришли все, кто мог. Молодые строители Юрий и Фаина Кузьмины пришли с новорождённым сыном Женей на руках. Увидев такую колоритную пару, Ю.А. Гагарин подошёл поближе и заглянул в свёрток:

– Кто?

– Будущий космонавт, – не растерявшись ответила мать, вызвав дружеский смех у всех присутствующих.

– Ого, парень крепкий! – улыбнулся Гагарин. – Желаю ему вырасти хорошим человеком!⁴

Самая горячая встреча ожидала Юрия Алексеевича на правобережном участке основных сооружений, во втором блоке 39 секции, куда гости шли пешком по котловану, практически по дну Енисея. Мимо проезжали один за другим двадцатипятитонные самосвалы, «четвертаки», как называли их сами строители.

Водители приветствовали Юрия Гагарина, кто сигналил, кто махал рукой из кабины. Гагарин

из любопытства попросил водителя одного из МАЗов остановиться и даже забрался по лесенке к нему в кабину. Познакомившись с водителем, им оказался Яков Борисов, Гагарин пожелал ему удачи и направился дальше к блоку. По дороге Ю.А. Гагарина приветствовали все работающие в блоках, и даже те, кто прибежал, воспользовавшись обеденным перерывом с других участков строительства. Одна из них, арматурщица-сварщица Промстроя Зинаида Москвитина вспоминала о том, как в обеденный перерыв им в бригаде сказали, что Гагарин в котловане. Тогда вдвоём с подругой они от бетонного завода побежали в котлован. Желание увидеть «живую легенду», перевесило все бытовые трудности. Молодой сварщице хотелось прикоснуться к Гагарину, пожать ему руку. И особенно запомнилось Зинаиде, что несмотря на зябкую погоду, рука у Гагарина была очень горячая.

В самом блоке за встречу с Ю.А. Гагариным отвечал Олесь Грек, секретарь парткома Управления основных сооружений (УОС). Людей было так много, что подъехать на машине не было возможности, делегация шла пешком. Пробриться к Гагарину было очень тяжело, тем не менее, его подвели к месту укладки первого бетона фундамента станционной части гидроэлектростанции. Здесь и состоялась памятная встреча космонавта с бригадами Павла Матвиенко и Ивана Голева. Вместе со строителями Гагарин уложил первый кубометр бетона в станционную часть плотины, поработав «матросовской» и «своей» лопатой.⁵

Сначала Ю.А. Гагарин, вместе с бетонщиками бригады им. Александра Матросова, возглавлял которую П. Матвиенко, уложили на скальное основание чугунную плиту с надписью: «Первый бетон в котловане Красноярской гидроэлектростанции уложен участниками слёта молодых строителей Всесоюзных ударных комсомольских строек Сибири и Дальнего Востока 28 сентября 1963 года». Дата на плите не соответствовала действительности, так как была изготовлена заранее, когда никто не знал о приезде Гагарина на Красноярскую ГЭС. Взяв в руки «матросовскую» лопату (эта лопата числилась за Героем Советского Союза, погибшим в Великую Отечественную войну) первый космонавт Земли бросил первый бетон на скальное основание будущего бетонного блока.

После того, как он вышел из блока, к нему подошли бетонщики бригады И. Голева. Бригадир предложил космонавту поработать «гагаринской» лопатой. На возглас удивления И. Голев протянул Ю.А. Гагарину Протокол собрания бригады. Изумлённый космонавт зачитал вслух следующее:

«ПРОТОКОЛ общего собрания комплексной бригады Голева И.А. от 12 сентября 1963 года.

Повестка дня:

1. Приём в члены бригады Первого космонавта в мире Героя Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина (информация профгруппорга тов. Хидирбекова).

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Принять в члены бригады Первого космонавта Ю.А. Гагарина, а заработную плату направлять в Фонд Мира.

2. Проявлять личную инициативу в выполнении и перевыполнении государственных заданий, выявлять внутренние резервы производства, добиваться ежедневного выполнения плана на 150%.

3. Бережно относиться к стройматериалам и инструменту, Выполненные работы сдавать с оценкой на «хорошо и отлично».

4. В работе, учёбе, быту быть достойными Первого космонавта Юрия Гагарина. Добиваться, чтобы моральный кодекс Строителя Коммунизма стал нормой поведения жизни и учёбы каждого члена бригады.

5. Бригада – коллективный шеф 4 «б» класса 5-й школы г. Дивногорска.

6. Каждому в бригаде завоевать звание ударника коммунистического труда.

7. Каждый член бригады занимается одним видом учёбы:

а) образовательным

б) техническим

в) политическим

Бригада – коллективный член народной дружины.

8. Работать на строительстве ГЭС до пуска первых агрегатов.

9. Отпускать из бригады по решению бригады и только по особо уважительным причинам. Каждого нового члена бригады принимать по решению бригадного собрания, если он согласен с бригадными обязательствами.

10. Каждый член бригады – член профсоюза, ДСО и ДОСАФ.

Просим администрацию УОС-2 зачислить в члены бригады тов. Гагарина Ю.А.

Просить Ю.А. Гагарина стать полноправным членом нашей бригады.

*Подписались: бригадир Голев, комсорг Логинов, профорг Хидирбеков. Рабочие бригады: Лешков, Бабкличев, Киличев, Шиманкин, Кравченко, Чичкань, Ахмедзянов, Зубков, Сысолятин, Сафонов, Коваленко, Малыхин».*⁶

Этот лаконичный документ ярко характеризуют трудовой энтузиазм строителей величайшей в мире электростанции. Именно на Красноярской ГЭС родилась и была воплощена в жизнь идея создания «именных бригад», то есть когда кого-либо из прославленных героев страны зачисляли в бригаду, переводя часть зарплаты каждого в Фонд Мира. Весной 1963 г. первой такой бригадой стала бригада Павла Матвиенко, принявшая в свои ряды героя Отечественной войны Александра Матросова. С их «легкой руки» почин работы «за себя, и за того парня» подхватили все ударные комсомольские стройки страны. А в сентябре 1963 г. бригада Ивана Голева, одна из лучших бригад строительства КГЭС, вышла с инициативой зачислить в свои ряды первого космонавта Земли Ю.А. Гагарина. После проведения собрания бригады копию Протокола и сопроводительное письмо, составленное партторгом УОС-2 О.Г. Греком, уже собирались отправить в Москву. Но счастливый случай помог письмо передать лично в руки Гагарину.

Юрий Алексеевич рассмеялся:

– Так я тут оказывается не в гостях, а дома! Пойдем бригадир, показывай, что надо делать.

И под дружный одобрителный гул Юрий Алексеевич спустился ещё раз в блок, и вместе со своими новыми товарищами по бригаде уложил ещё один кубометр бетона, уже «своей» лопатой.

По выходу из блока Гагарина ознакомили с текстом Приказа начальника УОС-2 А.Ф. Сычева:

«Приказ начальника Управления основных сооружений правого берега Кгэсстроя г. Дивногорск №121-к-а от 25 сентября 1963 года.

В соответствии с решением общего собрания комплексной бригады тов. Голева И.А., борющейся за звание бригады коммунистического труда, а также с согласия Ю.А. Гагарина, данным им во время пребывания на строительстве Красноярской ГЭС 25 сентября с.г.,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Зачислить в состав бригады т. Голева И.А. Первого космонавта в мире, Героя Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина с 25 сентября 1963 г. рабочим 3-его разряда, таб. № 972.

2. Заработную плату Юрия Алексеевича Гагарина перечислить в фонд мира.

3. Бригаду впредь именовать – «Бригада имени Юрия Гагарина».

*Начальник УОС ПБ. А.Ф. Сычёв».*⁷

Из котлована Юрия Алексеевича повезли в художественные мастерские Дивногорска, которые в ту пору размещались в школе № 2. То, что Гагарин приедет в школу, все знали уже с утра. Комсорг школы Лидия Самойлова, вместе с подругами, сбегав домой сделала красивые букеты из кедровых веток с шишками, веток рябины и росших в палисаднике простых осенних цветочков. Целый день прошёл в радостном ожидании, и вот к обеду Гагарин приехал. Прошёл сразу в мастерские, где была выставка дивногорских художников. Евгений Шепелевич подарил космонавту несколько понравившихся офортов. Когда делегация вышла на крыльцо мастерских, двор уже был полон школьниками и учителями. Пришли лучшие отряды и из других школ. С крыльца Гагарин произнес короткую речь, в которой напутствовал учеников: «Учитесь хорошо, помогайте своим старшим братьям и сестрам, папам и мамам строить величайшую в мире гидроэлектростанцию!»⁸

Как только Гагарин спустился с крыльца, ребяташки облепили его плотным кольцом: «А Вас можно потрогать?». Он протянул им руки – «Пожалуйста!». Все кто мог, повисли на его руках. Затем прошли к центральному входу, и он спустился по лестнице вниз, к дороге, где стояли машины.

Из школы делегация отправилась на пристань, где её уже ожидал теплоход «Некрасов» с И.М. Назаровым – начальником Енисейского пароходства на борту. По воспоминаниям Ивана Михайловича Гагарин попросился за штурвал и какое-то время управлял судном:

– Капитаном на Енисее работать сможете, Юрий Алексеевич. Чувствуется и рука крепкая, и глазомер, – с удовлетворением отметил главный речник Енисея.

Так Юрий Алексеевич Гагарин уехал из нашего города, навсегда оставив в сердцах всех дивногорцев солнечность своей улыбки и радость от встречи с настоящим человеком.

Примечания:

¹ Бармин Ю. Гагарин на Енисее // Енисей. – 1963. №3. – С. 4-7.

² Гагарин Ю., Титов Г. Доброго пути, дорогие друзья! // Огни Енисея. Дивногорск. – 1962. – 6 января.

³ Григорян Н., Казюрин И. Наши дорогие гости // Огни Енисея. Дивногорск. – 1963. – 26 сентября.

⁴ ДГМ (Дивногорский городской музей). ВФ. КП-1403. Текст видеобеседы И.Г. Фёдорова с О.Г. Греком в Дивногорском городском музее 8 мая 2009 г.

⁵ ДГМ. ОФ.5 Д-1176/КП-78. Приказ начальника Управления основных сооружений правого берега Красноярскгэс-строля №121-к-а о зачислении Ю.А. Гагарина в состав бригады Голева И.А.

⁶ ДГМ. ОФ.7 Д-1589/КП-1158. Протокол общего собрания комплексной бригады Голева И.А. о приёме в члены бригады первого космонавта Земли Ю.А. Гагарина. 12 сентября 1963 г.

⁷ Кузьмин Ю. Космонавт // Огни Енисея. Дивногорск. – 1964. – 1 января.

⁸ Фёдоров И. Звёздный гость // Огни Енисея. Дивногорск. – 2011. – 12 апреля.

О.В. Фенцель,

г. Кызыл, Республики Тыва

Региональное краеведение Республики Тыва в контексте современности

Коренное население республики является одним из древних тюркоязычных народов. В столице Кызыле находится географический центр Азии. Великая сибирская река – Енисей – берет своё начало в Туве. Духовная культура тувинцев, благодаря уникальному горловому пению, известна далеко за пределами нашей страны.

На территории Тувы на сегодняшний день сложилась своеобразная информационная инфраструктура. Краеведческие ресурсы выступают в роли базового компонента культурной среды, предоставляя региону возможность выхода в мировое культурное и информационное пространство. Интеграция деятельности архивов, музеев, библиотек, издательств, в сфере генерации и трансляции краеведческих документов образует фундамент для создания краеведческого пространства с координационно-управляющими центрами на базе головных библиотек региона.

Краеведческую деятельность на территории Тувы осуществляют субъекты краеведения (архив, краеведческий музей), образовательные учреждения, библиотеки. В их функции входит продвижение региональных культурных ценностей и создание необходимых условий для творческой реализации личности. Субъекты краеведения Тувы оперируют вербальной информацией, которая закреплена в документах, текстах краеведческой тематики.¹

Архив – один из важных участков краеведческой деятельности. Истоки развития архивного дела в Туве берут начало в 1930 г., когда 23 июня 1930 г. постановлением Агитпропотдела ЦК ТНРП был создан Учёный комитет и при нём Государственный архив. Учёный комитет разработал временное положение о госархиве и составил график обработки архивных материалов с 1932 г., также издал постановления о хранении секретных документов Совмина Малого Хурала, документов, поступивших из хошунов. В марте 1943 г. создаётся научно-исторический архив со смешанными функциями деятельности, в т.ч. краеведческой.

В течение 1943-1945 гг. научно-исторический архив при Учёном комитете собрал 679 дел старой Тувы и Тувинской Народной Республики. В 1945 г. научно-исторический архив реорганизован в архивный отдел при областном управлении Народного Комиссариата внутренних дел и затем в областной государственный архив. В 1949-1953 гг. Тувоблгосархив сконцентрировал документальные материалы, отложившиеся в результате деятельности учреждений на территории Тувы до образования ТНР. Государственный архив Тувинской автономной области систематически пополнялся документами. В 1952 г. от облгосархива отделился партийный архив обкома КПСС, ему переданы документы и материалы партийных и комсомольских организаций области.

В Центральном государственном архиве, который является учреждением научно-исследовательского типа, методическим центром архивных учреждений республики, хранится свыше 225 тыс. ед. хранения и свыше 3-х тысяч фотодокументов. Уникальные документальные, архивные памятники истории страны, республики, нашего города хранятся в Центральном госархиве с 1956 г. на старомонгольском, старотувинском, современном тувинском и русском языках.²

Важное место в системе краеведения республики занимает Тувинский краеведческий музей

им. Алдан-Маадыр, который является национальным хранилищем памятников материальной и духовной культуры тувинского народа. Вместе с другими учреждениями (архивом и библиотеками), он вносит немалый вклад в научное и культурное строительство и способствует возрождению национальной культуры Тувы, народных национальных традиций и обычаев этноса. В 1925 г., по инициативе Консульства СССР в Туве, в г. Кызыле организуется кружок урянховедения. Кружковцы занимались сбором сведений по истории революционного движения в Туве и различных материалов, коллекций и экспонатов по истории края для будущего музея. Члены кружка, работая на общественных началах, проводили большую работу по изучению природы, истории и национальной культуры родного края с 1925 по 1929 годы. В эти же годы существовал уголок краеведения, созданный руками кружковцев урянховедения. Руководители кружка обращались в самые различные организации республики с просьбой оказать содействие и помощь в комплектовании фондов создаваемого музея экспонатами. В 1926 г. в Туве летом работала первая советская антрополого-этнографическая экспедиция. Участников экспедиции принимали члены правительства Тувинской Народной республики, они встречались с представителями местной интеллигенции. Во время встреч возник вопрос о создании Тувинского краеведческого музея.

В 1929 г. в сентябре Правительство Танну-Тувинской Народной республики организовало в г. Кызыле Государственный музей, в котором имелись три отдела: местно-краеведческий, общеобразовательный и отдел революции. Среди первых экспонатов музея числились фотографии, коллекции, представляющие разнообразные материалы по истории и природе, собранные кружковцами краеведения, а также утварь из хурээ и различные предметы домашнего обихода: посуда и одежда, конфискованные у бывших нойонов Тувы, а также книги, плакаты, диаграммы, картограммы, фотоснимки и разнообразные предметы этнографии тувинцев.

Торжественное открытие первой экспозиции Государственного национального музея состоялось в августе 1930 года. 26 февраля 1942 г. он официально назван Тувинским государственным музеем. В 1942 г. 26 марта Президиум Малого Хурала Тувинской Народной республики принял указ «О присвоении Тувинскому государственному музею имени «Алдан-Маадыр». Новый этап создания и развития музея в Туве начался после принятия 11 октября 1944 г. Тувинской Народной республики в состав России в качестве автономной области. В 1944 г. научные сотрудники музея собирали материалы, обновляли свои экспозиции и организовывали выставки. В 1950-1960 гг. экспозиция музея также обновлялась. В 1962 г. Тувинский областной музей, в связи с изменением названия республики, переименован в Тувинский республиканский музей им. Алдан-Маадыр, ныне это Национальный музей Республики Тува. В национальной сокровищнице тувинского народа хранятся уникальные археологические коллекции, этнографические материалы, вещи, изделия и предметы быта тувинцев, живописные полотна, графика тувинских художников, ювелирные украшения и изделия местных народных мастеров (литьё, ковка, чеканка, резьба по дереву, кости и камню, тиснение по коже). Музей стал подлинным центром краеведения республики.³

Библиотечное дело Тувы имеет свою специфику, связанную с социокультурными параметрами этнического развития. В 1930 г. был принят новотюркский латинизированный алфавит, в этом же году создано Тувинское государственное книжное издательство. В период с 1930 по 1944 гг. в Тувинской народной республике (ТНР) было издано 340 тысяч названий книг и брошюр тиражом около миллиона экземпляров.⁴

После появления письменности в Туве в 1931 г. была создана первая библиотека. С её создания начинается отсчёт летописи библиотечного дела республики. Основу фонда составляли книги общественной библиотеки при Русской Самоуправляющейся Трудовой колонии, заведовал которой В.П. Левченко. Эта городская библиотека была постепенно преобразована в Государственную библиотеку, ныне это Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Тува (РТ). Первоначальный её фонд составлял 3 тыс. томов, книги в основном на русском языке, на тувинском языке имелось всего около 300 экземпляров.⁵ В 1931 г. Государственная библиотека получала всего две газеты, а книжное издательство выпустило три книги общим тиражом 920 экз.

26 марта 1942 г. был принят Указ Президиума Малого Хурала Тувинской Народной республики (ТНР) «О присвоении Государственной библиотеке имени А.С. Пушкина».⁶ С 1943 г. Государственная библиотека им. А.С. Пушкина стала основным книгохранилищем всех печатных изда-

ний ТНР. В связи с этим Центральный Комитет Тувинской Народной Революционной Партии и Совет Министров ТНР обязали Госиздат, редакции газет и журналов высылать в Государственную библиотеку им. А.С. Пушкина 2 обязательных экземпляра печатных изданий, выходящих в ТНР на тувинском, русском и других языках. В октябре 1944 г. библиотека преобразована в Тувинскую областную библиотеку. В это время она имела фонд в 11 тыс. томов, более тысячи читателей и более 23 тыс. книговыдачи.⁷ В 1944 г. ТНР вошла в состав СССР. Главная библиотека Тувы, влившись в общесоюзную систему, формировалась согласно основным направлениям развития библиотек страны. Наряду с положительными результатами, появились и негативные последствия. Развиваясь согласно общесоюзным директивным документам, библиотека стала всё более отвечать требованиям методических центров страны и тем самым всё более унифицировать свою работу и терять индивидуальность.

Поэтому проблемы библиотечного краеведения всегда находились в центре библиотечной мысли Республики. История краеведческой деятельности библиотек самым тесным образом связана с историей краеведения в целом и становлением библиотечного дела.

До кон. 1950 – нач. 1960-х гг. основную роль в обслуживании читателей краеведческой литературы играла республиканская библиотека им. А.С. Пушкина, располагающая значительными фондами краеведческой литературы.

Большая часть литературы о Туве собрана в «Библиографии Тувинской автономной области», вышедшей в Москве в 1959 г. Здесь представлен свод книжной и библиографической продукции. Этот труд выполнен совместными усилиями научных работников сектора сети специальных библиотек Академии наук СССР и ТИГИ, в него была включена литература на русском языке. В рукописном фонде ТИГИ хранится «Указатель литературных источников о Туве», составленный Т. Якубовой и А. Якубовой, датированный 1944 г. Издание этого указателя планировалось заранее, о работе над ним сообщалось в средствах массовой информации, однако, в силу неизвестных обстоятельств, он не был опубликован.⁸

В 1960-е гг. на страницах «Учёных записок» ТИГИ печатаются библиографические списки: «Тува в художественной литературе» (1943-1959 гг.), «Литература о В.И. Ленине на тувинском языке» (1936-1970 гг.). В 1970 г. вышел в местном книжном издательстве справочник «Писатели Тувы» – первая крупная библиографическая работа Тувинской республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина. Второе, дополненное издание справочника «Писатели Тувы» вышло в 1982 году.

В 1973 г. библиотека им. А.С. Пушкина приступила к изданию «Летописи печати Тувинской АССР», что позволило наладить точный учёт и хранение печатной продукции, выходящей на территории республики. Первый выпуск данного издания охватывает период за 1968 и 1969 годы. В 1976 г. вышел рекомендательный каталог «Что читать о Туве», в 1992 г. вышло 2-е издание, отражающее литературу на русском и тувинском языках. Это первая библиографическая работа, в которой литература на языке республики получила столь широкое отражение (свыше 200 назв.). Широкие хронологические границы отбора (1950-1989 гг.) позволили представить в пособии все наиболее ценные книги о республике.

В нач. 1970-х гг. появились первые публикации краеведческой тематики, написанные сотрудниками республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина. Опубликованы они в научных сборниках ГПНТБ СО РАН, в них был сделан анализ работы с литературой на тувинском языке.

Проследить развитие краеведческой деятельности в Туве помогут выпускаемые Национальной библиотекой краеведческие библиографические издания и «Календари знаменательных и памятных дат». Все материалы, предназначенные для пособий, собираются сотрудниками библиотеки, в т.ч. в Госархиве, ТИГИ и др. научных учреждениях.

Координационная деятельность НБ в области краеведения особо проявляется в методической работе для муниципальных библиотек. Отдел национально-краеведческой литературы (ОНКЛ) для библиотек республики выпустил следующие пособия:

1. Описание книг на тувинском языке: (инструкция)
2. Описание книг на тувинском языке (дополненная инструкция).
3. Библиографическое описание официальных документов на тувинском языке.

Постоянно выпускаются материалы с консультациями об организации краеведческой работы

в ЦБС, о работе с краеведческими фондами. Работники научно-методического отдела на протяжении ряда лет ведут выпуск методико-библиографических материалов по тувинским народным традициям.

Ежегодно с целью оказания помощи ЦБС сотрудники НБ выезжают в районы, где проводят консультации, мероприятия по краеведению. В качестве примера может служить вечер-встреча с прототипами героев пьесы С. Тока «Осуществлённая мечта». Вечер организовали сотрудники ОНКЛ в с. Хайыракан Улуг-Хемского района. Мероприятие было посвящено столетию государственного деятеля РТ, народного писателя С. Тока. Такие встречи прошли и на родине С. Тока в Каа-Хемском районе. В рамках празднования юбилея этого деятеля ОНКЛ организовал пресс-конференцию совместно с литературным фондом Союза писателей, к которой была оформлена книжная выставка. Материалы этой книжной экспозиции экспонировались в Доме Правительства во время НПК, посвящённой творчеству С. Тока и в музыкально-драматическом театре во время торжественного собрания в честь юбилея.

Интенсивно ведётся работа по ведению летописи библиотек. Большое внимание уделяется издательской деятельности. НБ в последние годы выпустила ряд очень значительных изданий:

1. «Композиторы Тувы»;
2. «Тува литературная»;
3. «История библиотечного дела Республики Тува».

Помимо координации массовой и научной деятельности, много внимания уделяется проблеме фондов. Особенностью публичных библиотек является наличие в них фондов национальной литературы, раскрывающих этническое своеобразие культуры тувинского народа. Работники НБ Тувы, где с исчерпывающей полнотой собираются и хранятся в документной форме образцы духовной культуры титульного этноса, осознавая это, считают работу с национальной книгой приоритетной. В фондах Национальной библиотеки хранятся произведения основоположников тувинской письменности, литературы и искусства, издания с автографами и дарственными надписями. Чрезвычайно редкими являются первый тувинский букварь «Тыва улугларнын ооренир дептери» (1927 г.) и «Халышкылар» (1927 г.): ни в одной библиотеке республики их больше нет, так как в годы репрессий многие книги и журналы были уничтожены, осталась лишь библиографическая информация о них.⁹

В 2012 г. в структуре НБ появился сектор книжных памятников, открытие которого было приурочено к межрегиональному семинару «Книжные памятники Республики Тува». По республиканской программе «Модернизация библиотечного дела Тувы» были выделены средства на приобретение сканера. В библиотеке полным ходом ведётся оцифровка книжных памятников Тувы. Сектором книжных памятников проведён мониторинг, в результате которого определены региональные держатели книжных памятников. Коллекции их описаны за счёт средств Федеральной целевой программы.

Координационная деятельность НБ по формированию ресурсов краеведения предполагает не только работу с документами, но и непосредственное участие библиотек в их создании. Этому способствует поисковая работа, во многих случаях совместная: НБ с ЦБС или с библиотеками ТИГИ, комплексного отдела Сибирского отделения РАН. В результате этого находятся рукописные документы, фотодокументы, аудио и видеоматериалы. Вся эта информация используется в текущей справочной работе, при подготовке издания «Календарь знаменательных дат по Туве», который выходит с 2013 г. совместно с Национальным музеем и ТИГИ.

Сегодня, как важный способ организации краеведческой деятельности, широко используется метод программного регулирования, который позволяет координировать многообразие процессов и форм краеведческой деятельности. Сотрудничество в области краеведения в регионе прогнозируется по содержанию, конкретизируется с учётом местных условий и оформляется в форме программы на всех уровнях – муниципальная библиотека, НБ, регион (как составляющая подпрограммы социокультурного развития). Положительным примером может служить целевая программа по краеведению, принятая администрацией Овюрского района «Национальные духовные ценности». В условиях Тувы подобные программы развития библиотечного краеведения Тувы особенно активно разрабатываются в период подготовки к празднованию 100-летия единения России и Тувы.

Таким образом, библиотеки Тувы, являясь центрами регионального краеведения, выполняют в своих пределах основную часть работы по сбору, накоплению, хранению и распространению краеведческой информации, координируя деятельность с региональными субъектами краеведения. Структура координации – открытая система, фундаментом которой являются краеведческие ресурсы региона, дающие право потребителям на свободный доступ к социально значимой для них информации.

2013

Примечания:

¹ Артамонова С.С. Региональный фактор в истории библиотечного дела/С.С. Артамонова// Библиотечное дело.- 1993. – № 2.– С. 89-93.

⁴ Маадыр М.С. Издательская продукция Тувинской Народной Республики (1921-1944 гг.) /М.С. Маадыр// Третьи Макушинские чтения (12-14 мая 1994 г., г. Омск). – Новосибирск, 1994, – С. 91-92.

⁶ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры /В.А. Тишков// Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. – С. 43-63.

^{2,3,7} Фенцель О.В. Библиотечное краеведение в Республике Тува: прошлое, настоящее, перспективы: дис.на соискание учен. степ. канд. пед. наук по спец. 05.25.03 «Библиотечное дело, библиографоведение и книговедение»/О.В. Фенцель; М-во культуры РФ, СПбГУКИ. – СПб, 2003.-231с.

^{5,8} Фенцель О.В. Особенности формирования фондов национальных библиотек в Российской Федерации на современном этапе /О.В. Фенцель// Круг знания: Науч. – информ. Сб. /НБ им. А.С.Пушкина РТ. – Кызыл, 1998.- Вып. 1.– С. 65-76.

⁹ Чадамба Л.М. Фонды редких изданий национальной и краеведческой литературы /Л.М. Чадамба//Роль Национальной библиотеки Тувы в становлении и развитии библиотечного дела республики: Материалы науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 30 мая 1996 г.) /НБ им. А.С.Пушкина РТ. – Кызыл, 1997. – С. 23-25.

В.В. Филиппов,

г. Красноярск

Первый самолёт в Минусинске (к 80-летию авиации Красноярского края)

В декабре 1924 г. Красноярской городской конференцией Общества друзей Воздушного Флота (ОДВФ) было вынесено пожелание о приобретении для г. Красноярска учебного аэроплана «Красноярец», собрав на его покупку необходимую сумму. Прозвучал лозунг: «Все за работу! Даёшь «Красноярец»!

13 декабря 1924 г. Гублётком получено сообщение из Сиблэта о высылке в Енисейскую губернию одного самолёта. Его обещали прислать в конце декабря или в первых числах января для учебных занятий членов планерных кружков, обществ и членов друзей авиации. От сообщения до реального результата прошло почти полгода.

В начале мая 1925 г. в Красноярск, специальным вагоном прибыл самолёт, купленный на средства, собранные трудящимися города. Первый самолёт в собственности города получил соответствующее имя – «Красноярец». Честно говоря, аэроплан был старенький, английской марки «Сопвич» (отработавший своё в Военно-Воздушном Флоте), такие же самолёты поступили и в другие губернии Сибири для совершения агитационных полётов. Надо сказать, это было грамотное решение. Очень важно было показать практически неграмотному населению (подавляющее большинство вообще понятия не имело что такое аэроплан) на что идут собранные средства. Это была успешнейшая акция ОДВФ, многократно увеличившая приток новых членов в общество, а соответственно и материальных средств.

Счастливые активисты общества выгрузили самолёт (в вагоне он был в разобранном виде), перевезли его во двор ГубЧК, где и собрали. Самолёт был военного окраса: зелёный, снизу – голубой, с красными звёздами на хвостовом оперении и на крыльях. Определили место стоянки: аэродром в районе Иннокентьевского посёлка. Там установили палатку для его хранения и караульный пост для охраны.

Возникла проблема с лётным экипажем. Энтузиастов – много, специалистов – мало. В Сиблэте сказали – ищите кадры сами, лётчиков не хватает. В Красноярске в Енгосторге работал Роман Александрович Батулин, бывший военный лётчик царской армии, участник Первой мировой во-

йны, авиатор с пятилетним стажем (естественно, для того времени не рекламировавший этот период своей жизни, а гордиться ему было чем: капитан, военный лётчик с 1915 г., за Первую Мировую войну удостоенный пяти орденов и Георгиевского оружия). Уговорили! Механиком сначала был определён Сергей Ефремов, немного позднее Александр Феоктистович Потылицын. Оба из водников, прекрасные специалисты по моторам. Потылицын до этого был мотористом на катере водопути, ходил на катере по Енисею.

Первые пробные полёты состоялись в июле 1925 года. В августе 1925 г. лётчик Батулин ездил в Новониколаевск для прохождения испытания на звание гражданского пилота. Испытание Батулин выдержал и начал готовится к полёту по уездам. Планы были грандиозные, времени на подготовку немного. Первый агитационный облёт было решено провести по южным районам Енисейской губернии.

«Красноярский рабочий» 20.08.1925 г. писал: ««Красноярец» вылетает в Минусинск. В субботу 29 августа самолёт «Красноярец» начинает свой агитполёт по Енисею на юг, в Минусинский уезд и в Хакасию. Посылая наш самолёт в далёкие уголки Енисейского края, где ещё никогда не слышен был шум пропеллера в воздухе, общество авиахим надеется что всё трудящееся население ещё с большей силой и энергией поддержит дело красного воздухофлота, ставящего себе главной целью организацию обороны нашего Союза.

Наш самолёт «Красноярец» приобретённый на средства, собранные трудящимися губернии, летит в районы чтобы показать, что наши трудовые сбережения, отданные авиахиму, идут на усиление нашего воздушного флота.

В местах остановок самолёта будут демонстрироваться кинокартины на темы авиации и военной химии. Авиабаза имеет с собой большое количество акций Добролёта, авиахимлитературы и значков. Завбазой поручено Енгубавиахимом принимать на местах в члены авиахима и распространять акции Добролёта. Каждый трудящийся должен всемерно прийти на помощь нашему обществу, организовавшему на свои средства перелёт Москва – Пекин на аэропланах с моторами нашей постройки.

Линия полёта идет по Красноярскому, Ачинскому, Минусинскому и Хакасскому уездам. Из губернского центра «Красноярец» вылетит по маршруту: Даурское, Новосёлово, Батени, Абаканск, Минусинск. В обратный путь аэроплан полетит по следующему маршруту: Усть-Абаканск, Черногорские копи, рудник «Юлия», Шира, Ужур, Назарово, Ачинск, Покровское, Чернореченское, Козулька, Кемчуг, Знаменский завод, Заледеево, Красноярск. Протяжение всей линии перелёта – полторы тысячи вёрст, не считая подъёма с пассажирами на пунктах остановки, которые предполагается делать в каждом крупном пункте от 3 до 15. Участниками этого исторического для нашей губернии перелёта будут-пилот Батулин и механик Потылицын. Одновременно с самолётом из Красноярска выедет база под руководством инструктора губавиахима тов. Дорофеева, везущая кроме необходимых для самолёта материалов (запчастей, бензина, смазочных масел), кинопередвижку, литературу и плакаты. Редакция «Красноярского рабочего» посылает с экспедицией своего специального корреспондента».

Несмотря на сжатые сроки подготовки, база перелёта с обслуживающим персоналом уже в четверг 27 августа отправилась с пароходом «Спартак» по Енисею на юг в Минусинск, а сам самолёт «Красноярец», задержавшийся по техническим причинам с полётом в воскресенье, вылетел в понедельник 31 августа в 7 часов 45 минут в село Даурское. Первая посадка на маршруте – 31 августа. «Красноярец» в с. Даурском приземлился в 9 часов утра. Ну и – «процесс пошёл!». В Батенях самолёт приземлился 3 сентября в 4 ч. 30 минут. 5 сентября «Красноярец» производил на курорте Ширы круговые полёты с хакасами. Восторг и воодушевление хакасов при виде самолёта не поддавались описанию!

В этот же день «Красноярец» вылетел в Батени и в 3 часа дня благополучно приземлился на аэродром. 9 сентября аэроплан, вылетев из Батеней, приземлился в 5 часов вечера в Минусинске. Всё население города встречало самолёт с флагами и оркестром. С начала экспедиции он пролетел свыше 600 км, катая на пунктах остановок крестьян и хакасов. Через три дня самолёт пролетел по районам Минусинского уезда. Маршрут дальнейших полётов был намечен следующий: Минусинск, Каратуз, Курагино, Усть-Абаканск, Черногорские копи, Абаканск, Идринский район, Усть-Ерба, Батени, Анаш, Комское, Кривошеино, Сисим, Погромное, Балахта, Красноярск. Ави-

ахим предполагал произвести полный облёт Минусинского района и Хакассии, для чего самолёт «Красноярец» оставлен в Минусинском уезде до осени. Облёт Красноярского района откладывается до зимнего времени.

В газете «Красноярский рабочий» почти в каждом номере освещались этапы агитполёта. Корреспондент В. Тольский очень живо описывал свои впечатления от перелёта, о том как встречало самолёт местное население.

«20.09.1925 г. Батени – Шира. К 4 часам на площадку для спуска самолёта, которую выбрали у самого села Батеней, собралось довольно много крестьян. Женщины с детьми всё-таки расположились ближе к деревне – «боязно». Около 5 часов со стороны Енисея раздался знакомый гул, и через несколько минут «Красноярец», дав круг над селом и бросив листовки, пошёл на снижение. С легким грохотом он прокатился несколько сажень и немедленно был окружён толпой людей никогда не видевших самолёта и громко приветствовавших его появление. На лётчиков смотрят как на выходцев с того света. Долго осматривают машину с возящимся механиком Пылицыным...

Едем на курорт Шира. Мы с завбазой уходим в село, чтобы немедленно отправиться на курорт Шира, где будет наша очередная остановка. Вечером на паре быстрых сибирских коньков выехали на Шира. Приехав на Шира заезжаем к помдиректора Анзину. Здесь ожидают самолёт давно, ещё на ярмарку ждали, когда прочитали в газете. Собрались сотни инородцев с семьями, но самолёт не прилетел. Сидеть некогда. Отправляемся на место посадки к улусу Колодцы. Место для посадки выбрано хорошее. Степь переходящая слегка в гору. Вокруг пасутся стада овец, отогнали их подальше и остаёмся ожидать «Красноярца», который должен вылететь из Батеней в 8 часов утра. Хакасы приветствуют «Красноярца».

Около половины девятого над озером показался «Красноярец». Пройдя над всем курортом и сделав круг, плавно опустился между зажжённых костров. К машине бросились уже немногочисленные обитатели курорта. Подбежали инородцы, женщины с детьми. С гор спешат, скачут хакасы. Побросали стада пастухи, окружённые стаями собак спешат увидеть удивительную «птицу». Ревностно охраняет назначенный караул от машины любопытных, но сделать ничего нельзя. Толпа окружает самолёт и лопочет что-то, на гортанном наречии. Осторожно прикладываются к крыльям и смеются по-детски наивно. Полёты отложены до другого дня. В. Тольский

29.09.1925 г. «Красноярец» продолжает полёты. Самолёт побывает ещё в 14 сёлах. Самолёт «Красноярец» продолжает свои успешные полёты по Минусинскому району. Последнее сообщение гласило, что самолёт прибыл в глухой степной район (Бейский) где были совершены круговые полёты. Теперь губавиахимом получено сообщение что «Красноярец» 24 сентября благополучно возвратился из Беи в Минусинск. Впереди большой перелёт по ряду сёл и деревень нашего края. Маршрут дальнейших полётов намечен следующий: Минусинск, Каратуз, Курагино, Усть-Абаканск, Черногорские копи, Абаканск, Идринский район, Усть-Ерба, Батени, Анаш, Комское, Кривошеино, Сисим, Погромное, Балахта, Красноярск.

27.09.1925 г. «Красноярец» вылетев из села Беи опустился в селе *Каптырево*, где и находится в настоящий момент, так как не имеет возможности продолжать полёт вследствие стоящей ненастной погоды. Авиахим предполагает произвести полный облёт Минусинского района и Хакассии для чего самолёт «Красноярец» останется в Минусинском уезде до осени. Облёт Красноярского района откладывается до зимнего времени.

4.10.1925 г. По просьбе крестьян села *Табат* самолёт «Красноярец» по пути из Беи в Минусинск остановился в их селе. Ликованию населения Табата и окрестных деревень не было границ. Лётчиков качали на руках, благодарили за прилёт, преподнесли подарки. Желающих покататься на аэроплане было очень много.

7.10.1925 г. Полёты «Красноярца». По сведениям Авиохима самолёт «Красноярец» 7 октября прибыл в столицу Хакассии с. *Усть-Абаканск*, где производились круговые полёты. 9 октября самолёт побывал в Черногорских копиях чрезвычайно восторженно встреченный рабочими. 11 октября «Красноярец» прибыл в с. *Абаканское*. Настроение лётчиков бодрое. Большой перелёт почти закончен. Авиабазы уже грузятся на лодки для отбытия по реке Енисей в Красноярск...»

16 октября 1924 г. в 9 ч. 40 мин. утра самолёт «Красноярец» возвратился из агитационного

полёта по Минусинскому, Хакасскому и Красноярскому районам. Он опустился около военного городка на подготовленной площадке. Прибывших пилота Р. Батурина и механика А. Потылицына встречали красноармейцы, председатели авиахима, окрпрофсовета и представители газеты «Красноярский рабочий». Самолёт «Красноярец», вылетев из Красноярска, за время агитполёта покрыл свыше 3000 км.

Лётчик и механик чувствовали себя отлично, хотя лететь последний рейс пришлось на высоте 2250 метров при сильном холодном ветре. Они блестяще выдержали испытание, проведя весь месячный полёт без единой поломки. Но этот полёт показал не только технические достижения. Он имел кроме того колоссальное значение в смысле укрепления связи города с деревней, а также в деле авиапропаганды среди крестьянства. Если принять во внимание, что население всех сёл и деревень, по которым пролетал «Красноярец» видело самолёт впервые, то станет вполне ясным, какое впечатление на крестьян произвело появление «всамделишного» аэроплана. Если до сих пор в отдельных местностях края сообщения и рассказы о достижениях авиационной техники могли носить характер легенды, то теперь эта легенда воплотилась в живую действительность. Крестьяне своими глазами увидели, что вся агитация за воздухофлот является не пустым звуком, а что она приносит реальные жизненные результаты. Что должны были испытать люди, прожившие всю свою жизнь в глухой деревне и по слухам знавшие, что где-то там далеко, в городах люди строят «стальных птиц» и летают на них в воздухе, когда им пришлось не только увидеть такую «стальную птицу», но и подняться на ней над родными тайгой и полями. Можно с уверенностью сказать, что всё трудящееся население местностей, которые посетил «Красноярец» отныне стало решительным сторонником авиахима.

В октябре было совершено несколько полётов аэроплана по окрестностям города Красноярска, на стекольный завод «Памяти 13 борцов», на Знаменский завод. Зимой 1925-1926 г. «Красноярец» не летал, стоял на ремонте. Летом 1926 г. краевым советом осоавиахима было принято решение о продолжении агитационных полётов по территории Енисейской губернии. С 25 августа приступили к сборке самолёта. Планировались агитоблёты по Красноярскому, Канскому и Ачинскому округам, а также в Енисейский район. Жители губернии с нетерпением ожидали возобновления полётов, тем более что прошлогодний облёт по южным районам, благодаря широкому освещению в прессе стал достоянием многих. Газета «Красноярский рабочий» чуть ли не ежедневно информировала красноярцев о ходе сборки и ремонта самолёта.

Но неожиданно пришла новость, из-за которой чуть не сорвались планы агитполётов. Была получена телеграмма из Новосибирска о том, что самолёты «Сопвич» изъяты из эксплуатации. Таким образом, воспрещалось летать и на «Красноярце». По-видимому это запрещение было вызвано тем, что из пяти «Сопвичей», имевшихся в Сибири, четыре разбилось и остался «живой» лишь один «Красноярец». Лётчик Батурин выехал в Новосибирск договориться о разрешении полётов по округе – в «Красноярце» пилот был уверен.

Как удалось убедить Роману Александровичу своё начальство в исправности самолёта и какие он привёл доводы неизвестно, но разрешение на продолжение агитполётов было получено. Задомно Батурин привёз лак для покраски крыльев самолёта.

В конце сентября 1926 г. полёты «Красноярца» возобновились. Осень – пора сельхозвыставок в крестьянских районах, и агитполёты планировались с учётом их проведения. Таким образом, съехавшиеся со всего района крестьяне на сельхозвыставку в райцентр имели возможность увидеть самолёт. Конечно же, обязательным номером программы было катание передовиков.

В воскресенье, 26 сентября, в 2 часа дня самолёт «Красноярец» вылетел с Красноярского аэродрома в с. Сухобузимское. Вслед за тем окривахим получил сообщение, что самолёт благополучно опустился в с. Сухобузимском в 2 ч. 30 мин. и в тот же день успел совершить несколько полётов с пассажирами. Прибытие «Красноярца» и катание на самолёте произвело на крестьян огромное впечатление.

5 октября – вылет «Красноярца» на Уяр, в Партизанский, Пировский и Манский районы, потом – в направлении на Большую Мурту, Казачинское, Пировское и Енисейск.

К сожалению, в 1926 г. полёты продолжались недолго, так как руководство Сибавиахима получило из Москвы строгое указание о немедленном прекращении полётов. 19 октября 1926 г.

по распоряжению Сибавиахима самолёт «Красноярец» прекратил свои полёты по округу, был разобран и поставлен в склад. Длительное время разобранный аэроплан находился на хранении в помещении пожарной части в г. Красноярске на ул. Красной Армии в районе Дома крестьянина.

Вот как описывает атмосферу того времени в книге «Повесть о парашюте» наш земляк, один из первых рекордсменов мира по парашютному Константин Фёдорович Кайтанов:

«В 1926 г. я впервые с непередаваемым чувством потрогал рукой настоящий самолёт. Тогда его называли аэроплан. Случилось это в Красноярском кружке Осоавиахима. Аэроплан был старейший-престарейший. Летать он не мог, чиненый-перечиненый двигатель замер вскоре окончательно. Помню, мы водрузили ветерана на входные ворота Красноярского городского сада. Как украшение и как средство пропаганды нам всем осоавиахимовцам дорогой авиации».

Полная энтузиазма молодёжь Минусинска взялась за авиадело всерьёз. Повсеместно создавались авиамодельные кружки, начали строиться парашютные вышки, предпринимались первые попытки постройки самодельных планеров.

«Красноярский рабочий» 18.09.1926 г. писал: «Состязание моделей. На днях в Минусинске впервые окривахимом было устроено состязание летающих моделей аэропланов. Состязание вызвало большой интерес у собравшейся публики. Из всех оказалась лучшей модель изготовленная пионером 2 отряда В. Подольским. Эта модель с одной парой крыльев, весившая 1/8 фунта пролетела в воздухе около 20 саженьей. Победителю Подольскому выдана денежная премия».

В селе Абаканске Краснотуранского района интенсивно работал райсовет ОАХ. Его ячейки уже в 1932 г. насчитывали в своих рядах 2200 человек. В 1932 г. только в райцентре военное дело изучали 80 комсомольцев и допризывников. Был приобретён планер и оборудована планерная станция. На конференции районная организация постановила довести членство в ОАХ до 6000 человек, усилить деятельность каждой ячейки, распространить на 10000 рублей билетов авиалотереи. В феврале 1933 г. в Краснотуранске стала работать планерная станция. Вёл занятия начальник лётной части Н.Т. Сараненко, руководил станцией Николай Ильич Кравец.

В 1934 г. в Красноярском крае начали создаваться аэроклубы. Подготовка пилотов становилась важнейшим делом государственной важности. В южных районах края место для организации аэроклуба было определено в г. Черногорске. Именно Хакасский областной аэроклуб стал лётной школой для минусинцев на несколько лет, до начала Великой Отечественной войны.

2013

Литература:

«Красноярский рабочий» 23.12.1924, 18.08.1925, 20.08.1925, 26.08.1925, 1.09.1925, 2.09.1925, 4.09.1925, 5.09.1925, 9.09.1925, 20.09.1925, 27.09.1925, 29.09.1925, 4.10.1925, 7.10.1925, 16.10.1925, 17.10.1925, 22.10.1925, 27.08.1926, 18.09.1926, 19.09.1926, 21.09.1926, 26.09.1926, 28.09.1926, 29.09.1926, 5.10.1926, 7.10.1926, 19.10.1926.

В.В. Филиппов,
г. Красноярск

Роль Красноярского аэропорта ГВФ в организации перегона авиационной техники из Красноярска на фронт в 1942-1945 гг.

(к 70-летию Красноярской воздушной трассы «Аляска-Сибирь»)

Город Красноярск в годы Великой Отечественной войны стал не только одним из крупных центров оборонной промышленности, но и важнейшим транспортным узлом, через который из США на советско-германский фронт шла авиационная техника американского производства, поступающая по программе ленд-лиза. Созданная в обстановке строжайшей секретности воздушная магистраль для перегонки импортных самолётов своим ходом, по воздуху, так и называлась – Красноярская воздушная трасса (КВТ). Ещё одно название трассы – «Воздушная трасса «Красноярск – Уэлькаль» говорило о начальном и конечном пункте трассы на советской территории.

Но понятие «конечный пункт» применимо только в соотношении с перегонем, проводимым летчиками 1-ой перегонной авиадивизии ГВФ, обслуживающей трассу от Фербенкса в США до Красноярска. Красноярск был конечным пунктом для перегонщиков 1-ой ПАД ГВФ, пунктом передачи ими самолётов органам военной приёмки и одновременно воротами для импортной техники на фронт. Именно здесь завершался перегон из Америки и начинался новый – в боевые части. Из Красноярска бомбардировщики и транспортные самолёты перегонялись на фронт по воздуху, истребители – частично по железной дороге. Всего из 8084 самолётов, перегонных по Красноярской воздушной трассе 1 КПАД в 1942-1945 гг., сдано военной приёмке ВВС КА в г. Красноярске 7079 единиц.

Аэродром располагался в 6 км северо-восточнее г. Красноярска, на юго-западной окраине военного городка. Лётное поле: размеры аэродрома 1600x2200 м, две бетонные ВПП размером по 1200x100 м, одна полоса ориентирована юго-запад на северо-восток, вторая – запад-восток, рулежные дорожки, четыре ангара, три служебных здания, шесть землянок, ёмкости под ГСМ на 390 тонн. На аэродроме имелся телефон, телеграф, радиосвязь, метеостанция.

Аэродром был местом дислокации Енисейской авиагруппы ГВФ. С началом войны гражданским пилотам пришлось потесниться. В октябре 1941 г. аэродром заняла прибывшая в эвакуацию Харьковская военная авиационная школа стрелков-бомбардиров. Кроме выполнения основной задачи – подготовки стрелков-бомбардиров, школа обеспечивала обслуживание перегоняемых импортных самолётов на фронт и обслуживание воздушных соединений, перелетающих с Запада на Восток (силами стационарных авиамастерских и техсостава учебных эскадрилий).

Обеспечение полётов выполнялось личным составом 406 АТР, СТАМ, четырьмя ПАРМ. ПАРМ отремонтировали 240 самолётов восстановительным ремонтом, 137 самолётов аварийным ремонтом, 14372 самолёта — текущим ремонтом. Восстановили 960 моторов, отремонтировали текущим ремонтом 3364 мотора, изготовили несколько тысяч рам для отправки на фронт из Красноярска железнодорожным транспортом самолётов Р-39 и Р-40.¹

В сентябре 1942 г. на Красноярский аэродром из Усть-Орды (Забайкальский фронт) перебазировался 45-ый ЗБАП (запасной бомбардировочный авиаполк, командир полка Герой Советского Союза майор Власов Иван Павлович). Основные задачи полка: переучивание маршевых полков на импортную авиатехнику, допуск лётчиков маршевых полков к перегонке самолётов; приём импортной авиатехники в эксплуатацию от Комендатур военной приёмки в. Красноярске с последующей передачей в маршевые полки; лидерование маршевых полков и перегонных групп боевых полков при перелётах по трассе; перегон импортной авиатехники на фронт по трассе Красноярск-Новосибирск-Омск-Свердловск-Казань-Москва.

Расстановка самолётов на Красноярском аэродроме:

– стоянки самолётов-бомбардировщиков 45-ого ЗАП по сторонам южной РД в два ряда с южной стороны и в один ряд с северной стороны, по сторонам северной РД в два ряда и по восточной РД в два ряда от четвёртого ангара включительно до третьего ангара;

– стоянки Аэрокобр – с западной стороны за линейкой стоянки самолётов ХВАШСБ в два ряда;

– стоянки самолётов ХВАШСБ - по линии восточной РД между первым и вторым ангаром включительно в два ряда самолёты Р-5, юго-восточная часть южной ВПП – стоянки самолётов СБ в два ряда;

– стоянки самолётов ГВФ – от первого служебного здания до компрессорной вдоль шоссе на расстоянии 10 м от него в один ряд;

– стоянки самолётов оперативных перелётов – с восточной стороны по южной РД длиной 400 м в один ряд;

– стоянка оперативных самолётов С-47 «Дуглас» – между первым ангаром и вторым служебным зданием и параллельно линейке ГВФ восточнее первого служебного здания на 200 м и на 50 м от линейки.

Учитывая сильнейшую загруженность аэродрома разнотипной техникой, потребовалась реорганизация существовавшей системы обслуживания авиационной техники. Поэтому Красноярский аэропорт ГВФ к осени 1943 г. стал воинским подразделением и аэропортом 1 класса. Возглавил его и руководил им до конца войны подполковник (с 5.11.1944 г. полковник) Афанасий

Елисеевич Пелипенко, кадровый военный с более чем двадцатилетней выслугой, занимавший до этого должность старшего инспектора Управления ВВС Дальневосточного фронта.

Офицерами аэропорт укомплектовался за счёт резерва кадров ВВС СибВО, рядовыми – через пересыльный пункт Красноярского крайвоенкомата, вольнонаёмными – из жителей города. Главными задачами аэропорта были обслуживание самолётов, отправляемых на фронт и отправка грузов, идущих из США в Москву.²

В Красноярском аэропорту осуществлялась передача импортных самолётов от 1-й ПАД ГВФ в ВВС Красной Армии. С 1 августа 1942 г. этим занимались Военные представительства ВВС и АДД на аэродроме Красноярск и специальное воинское подразделение – 129 комендатура промежуточного аэродрома г. Красноярск отдела перелётов ВВС Сибирского военного округа (129 КПА ВВС СибВО).

Основное назначение 129 КПА: материально-техническое снабжение и техническое обслуживание перегонки по трассе импортных и отечественных самолётов и маршевых полков на фронт, восстановление неисправных самолётов и моторов, охрана самолётов на аэродроме, обеспечение лётно-технического состава перелётных групп и одиночных экипажей питанием и расквартированием.³

Отчёт о работе 129 КПА за период с 1.08.1942 по 1.06.1945. Задача: Качественное и своевременное обслуживание всех оперативно перелетающих самолётов ВВС КА без лётных происшествий, восстановление неисправных самолётов и севших вынужденно.

«За период с 1.08.1942 по 1.06.1945 принято 1200 оперативных групп самолётов общим количеством всех типов - 9571. Технически обслужено и выпущено в дальнейши перелёт 744 оперативных группы с общим количеством 7141 самолёт. Произведено 9408 самолёто-ремонтов.

Обеспечено эвакуацией с мест вынужденной посадки и восстановлен 31 самолёт. Силами ПАРМ отремонтировано и восстановлено текущим ремонтом 1425 самолётов.

Разборка и погрузка «Аэрокобр» на железнодорожной станции Бугач: постоянной бригадой погружено 8 эшелонов – 360 самолётов.

Лётных происшествий по вине диспетчерской службы не допущено, срывов в вылете и лётных происшествий по вине АМС и связи не было.

Лётных происшествий не по вине личного состава комендатуры – 175, из них катастроф – 14, аварий – 3, поломок – 6, вынужденных посадок – 152.

*Начальник комендатуры капитан Пастревич».*⁴

С декабря 1942 г. в 45-й полк начали прибывать за самолётами лётчики фронтовых полков уже летавших на американских самолётах, прибывших в СССР по северному и южному маршрутам. 13 января 1943 г. 15 самолётов Р-40 «Киттихаук» были переданы лётчикам 731 ИАП. 15 января 1943 г. в Красноярск прибыли для переучивания на самолёты А-20В «Бостон» 260-й и 453-й (впоследствии 507) бомбардировочные авиаполки, ранее летавшие на самолётах СБ.

Американские самолёты закреплялись за пилотами и техниками маршевых полков, прибывших с фронта на переобучение и формирование. На переобучение уходило два-три месяца. Первые «Бостоны» в составе 507-го бомбардировочного авиаполка отправились 31 марта 1943 г. из Красноярска в 8-ую Воздушную Армию на Сталинградский фронт. За 1943 г. прошли переобучение более тысячи советских пилотов.

17 апреля 1943 г. командиром 45-го ЗБАП был назначен начальник отдела ВУЗ ВВС СибВО полковник Мамаков Вячеслав Гаврилович. Майор Власов переведён на должность заместителя командира полка, а 30 апреля 1943 г. убыл в 1-ю КЛАД на должность лётчика-инспектора по технике пилотирования КВТ, командира 4 ПАП.

20 апреля 1943 г. в 45 ЗБАП прибыли на переучивание на самолёты Р-39 «Аэрокобра»: 21 ГИАП (157 человек), 196 ИАП (93 человека), 124 ИАП (54 человека). 124 ИАП вылетел 26.05.1943 в состав 13 ВА на Ленинградский фронт. С октября 1942 по июнь 1943 гг. полк подготовил 6 истребительных и 3 бомбардировочных маршевых полков. За этот период произошло 60 лётных происшествий, в т.ч. 9 катастроф, 4 аварии, 38 поломок, 9 вынужденных посадок.⁵

26 июня 1943 г. на базе 45-го ЗБАП сформированы 9-ый перегоночный авиаполк ВВС СибВО и 15 авиабаза ВВС КА. Основной задачей полка стал перегон импортных самолётов из Красноярска на запад.

В июле 1943 г. командиром полка назначили подполковника Табарчука Дмитрия Васильевича. В 1943 г. в полку был 21 экипаж бомбардировщиков, в 1944 г. – 20 экипажей бомбардировщиков и 25 экипажей истребителей, в 1945 г. – 39 экипажей истребителей (3 эскадрильи на Р-63) и звено дальней разведки на В-25.⁶

В связи с огромным расстоянием от Красноярск до Москвы было принято решение перегон вести по этапам (аналогично этапам КВТ), то есть посадки и обслуживание производить в крупных аэропортах ГВФ, находящихся на трассе: Новосибирск, Омск, Свердловск, Казань, Москва. Аналогично на каждом этапе перегона были предусмотрены запасные промежуточные аэродромы. Было создано несколько воздушных трасс, в состав которых входили воинские части обслуживания и обеспечения перелетающих самолётов: аэропорты, комендатуры промежуточных аэродромов, аэродромно-технические роты и команды.

В военных округах были разработаны документы, подробнейшим образом регламентирующие организацию перегона самолётов. Так, 9 апреля 1942 г. командующим ВВС Сибирского военного округа генерал-майором авиации Шелухиным была утверждена «Инструкция по проведению оперативных перелётов на территории Сибирского военного округа», в которой чётко и ясно были определены основные и запасные аэродромы, порядок обеспечения (диспетчерского, метеорологического, радиосвязного, материально-технического, тылового и т.д.) перелётов, обязанности должностных лиц. Аналогичные документы были разработаны в Уральском, Орловском, Приволжском и Московском военных округах.⁷

С 26 июня 1943 г. по 1 июня 1945 г. перегнали с аэродрома Красноярск 2148 самолётов, в т.ч. самолётов Р-63 «Кингкобра» – 1512, А-20 К – 636 штук.

Обучено и отправлено экипажей других частей – 1500, переучено и введено в строй 76 лётчиков. С 1 июня по 1 октября 1945 г. перегнано 259 самолётов Р-63. Последний перегон состоялся в октябре 1945 г. Черногорск-Красноярск – 41 самолёт Р-63, Красноярск-Иркутск – один самолёт АТ-6. Самолётов в полку по штату: Ли-2 – 1 шт., Як-7 УБ – 2 шт., АТ-6 – 3 шт., В-25 – 3 шт., Р-63 – 9 шт.

Награждено правительственными наградами за доставку самолётов для фронта – 52 человека, в т.ч.: орденом Красного Знамени – 5, орденом Отечественной войны 1 степени – 1, орденом Красной Звезды – 23, медалью «За боевые заслуги» – 20.

За период с 26 июня 1943 г. по 1 июня 1945 г. при перегоне самолётов на запад в 9-м ПАП произошло: катастроф – 15 (в т.ч. 8 катастроф, произошедших по причине плохой организации перелётов в ВВС УрВО), аварий – 6, поломок – 30, вынужденных посадок – 14, аварий моторов – 4, потерь личного состава – 27 (в т.ч. 11 в 8-ми катастрофах, произошедших по причине плохой организации перелётов в ВВС УрВО).⁸

В июне 1943 г. в связи со значительным увеличением количества поступающей в Красноярск импортной авиационной техники была сформирована 15-я авиабаза ВВС Красной Армии. Основные задачи 15 авиабазы:

1. Приёмка перегоняемых из Америки личным составом КВТ самолётов Р-40, Р-39, Р-63, А-20, В-25, С-47 и других; выполнение регламентных работ, хранение и передача перегоночным группам, маршевым полкам, группам авиачастей действующих фронтов и отправка самолётов железнодорожным транспортом в авиачасти действующих фронтов со своими представителями для сдачи их на месте назначения.

2. Приём, регистрация и отправка железнодорожным транспортом и воздушным транспортом авиатехнического имущества и арктического импортного имущества, прибывающего от КВТ.⁹

В дальнейшем задачи были расширены в связи с организацией 9 ПАП и 129 КПА, которые стоят на довольствии в базе. Кроме указанных частей база обслуживала лётный состав оперативных перелётов в хозяйственно-бытовом и техническом отношении. Самолёты прибывали с Красноярской воздушной трассы, техническая служба аэропорта совместно с личным составом 129 комендатуры и 15 авиабазы принимала их в присутствии военного представителя по документам от лётчиков. Затем в Москву сообщались номера прибывших истребителей и бомбардировщиков. Если на самолётах были обнаружены неисправности или выявлялся некомплект имущества, военная приёмка отказывалась оформлять их, приходилось вести ремонт на месте, по возможности доукомплектовывать и после этого принимать решение о приёмке. Все прибывшие самолёты

проходили осмотр и техническое обслуживание в соответствии с регламентом, при необходимости – мелкий ремонт, устранение неисправностей и заправку всеми видами ГСМ.

Регламентные работы на каждом самолёте занимали по 70-90 часов. В связи с тем, что во время перелёта на трассе никаких профилактических осмотров не проводилось, в базовом аэропорту требовалось выполнение полного комплекса работ – замены фильтров, смены масла и т. д. Весь комплекс подготовительных мероприятий выполнялся всего четырьмя техниками, двумя авиамотористами, двумя сменными инженерами. Кроме военной техники аэропорт принимал и отправлял пассажиров и грузы. Часть грузов перегружалась с прибывших самолётов в железнодорожные вагоны и в другие самолёты, часть – отгружалась предприятиям г. Красноярска.

За этот же период через Красноярский аэропорт прошло 10700 пассажиров. Всего в Красноярске в 1942 г. военной приёмке был сдан 31 самолёт. В 1943 г. – уже 1930, в 1944 г. – 3425, всего за 1942-1945 гг. – 7079.¹⁰ Далеко не все машины распределялись по маршевым полкам. По железной дороге от станции Бугач отправлялись на фронт истребители Р-39 «Аэрокобра». Предварительно у них отстыковывали крылья, устанавливали на специально спроектированные и изготовленные на месте рамы и закрывали специальными коробами для конспирации.

Изготовлено рам для транспортировки ж/д транспортом – 1071 шт. Обеспечено самолёто-вылетов по перегонке самолётов всего 7193, в т.ч. в 1943 г. – 1867, в 1944 г. – 3310, в 1945 г. – 1916. Отправлено воинских транспортов с самолётами по 45 шт.- 36 транспортов или 2052 вагона, с самолётами по 21 шт. – 1 транспорт или 28 вагонов. Отправлено технических импортных грузов 931 тонна или 90 вагонов. Принято импортных грузов воздушным транспортом 1274 т, отправлено – 143 тонны.

В мае 1944 г. Военным Советом СибВО был выделен специальный наградной фонд для награждения личного состава 15 авиабазы, отличившегося при выполнении работ по разборке и буксировке самолётов к ж/д станции и погрузке их в эшелоны. Транспорт для отправки самолётов Р-39 формировались в составе: 1 людской вагон, 1 крытый вагон, 36 платформ. Подавались на станцию Бугач и станцию Черногорские копи и отправлялись на ст. Щербинка Московско-Курской ЖД в 6 ЗАБр. Командир 15 АВ ВВС КА майор Назаров.¹¹

Лучше всего характеризуют повседневный ратный труд авиаторов Красноярска строки из представлений к правительственным наградам.¹²

Из наградного листа на командира 9 ПАП подполковника Табарчука Д.В. от 5.07.1945 г.: *«... Подполковник Табарчук в должности командира полка с июля 1943 г. Созная всю ответственность своей работы по обеспечению фронта импортной матчастью самолётов, подполковник Табарчук умело и правильно нацелил личный состав перегоночного авиаполка на выполнение поставленной задачи и за время своего командования полком до конца Великой Отечественной войны было передано для фронта и на аэродромы трассы 2148 самолётов.*

Вывод: За большую проделанную работу в период Отечественной войны по обеспечению фронта импортной матчастью самолётов достоин правительственной награды ордена Отечественной войны 2 степени. Командующий ВВС СибВО генерал-лейтенант авиации Шелухин Командующий войсками СибВО генерал-лейтенант Курдюмов».

Из наградного листа на техника звена 9 ПАП техника-лейтенанта Бараненко Г.И. от 10.04.1945 г.: *«...Знает отлично устройство американских самолётов типа Бостон всех серий и истребителя Р-63 и имеет большой опыт их эксплуатации. Обеспечил подготовку и перегон на расстояние свыше 3000 км лично 20 самолётов и на расстояние свыше 2000 км звеном 87 самолётов А-20 и 70 самолётов Р-63 без лётных происшествий. Восемь раз лично сопровождал группы на борту перегоняемых самолётов по трассе и успешно обслуживал их на промежуточных аэродромах. За самоотверженный труд и образцовое выполнение заданий командования по перегонке импортной матчасти фронту достоин представления к правительственной награде – медали «За боевые заслуги». Старший инженер 9 ПАП инженер-капитан Савченко».*

Из наградного листа на лётчика 9 ПАП младшего лейтенанта Изофатова И.Р. от 15.06.1944 г.: *«...Перегнал 16 самолётов А-2,0 из которых 6 на расстояние более 3800 км, и 10 на расстояние более 2000 км. Сдал их в боевые полки исправными в установленные сроки. В сложных метеословиях матчасть на земле и в воздухе эксплуатирует грамотно. С задачей перегонки справляется*

хорошо. На основании приказа НКО № 0777 от 1.10.42 г. достоин представления к правительственной награде – медали «За боевые заслуги». Командир 4-й АЭ 9 ПАП майор Парфентьев».

Из наградного листа на старшего техника-лейтенанта Субботина Н.И. от 25.07.1947 г.: «...За годы войны принял от Северной трассы 456 самолётов А-20, 70 самолётов В-25 и 25 самолётов С-47. Из них 360 самолётов подготовил и отправил на фронт. Все самолёты долетели без лётных происшествий. Несмотря на тяжёлое ранение продолжал упорно работать. Достоин награждения орденом Отечественной войны 2 степени. Командующий войсками ВСВО генерал армии Захаров».

Из наградного листа на лётчика 857АППС лейтенанта Турок А.В. от 20.06.1945 г.: «...Лейтенант Турок выполнял спецзадание по перегонке самолётов для фронта и с работой справился отлично. Перегнал 7 самолётов А-20 по маршруту Красноярск-Москва, 21 самолёт А-20 по маршруту Красноярск-Свердловск, 2 самолёта Пе-2 по трассе Казань-Заган (Германия), 1 самолёт Пе-2 по трассе Казань-Укурей (ЗабВО), 6 самолётов по трассе Казань-Петровск (ДВФ). Два раза был лидером групп истребителей «Аэрокобра» и отлудил при этом 16 самолётов. Несмотря на сложный маршрут Красноярск-Москва и сложные метеоусловия лейтенант Турок с работой справился отлично. За перегонку 37 самолётов и лидирование 16 самолётов для фронта достоин правительственной награды - ордена «Красная Звезда». Командир 857 ОАППС подполковник Марьяновский».

Из наградного листа на парторга 2 ПАП капитана Мякишева М.И. от 20.07.1944 г.: «...До трассы, будучи в 45 ЗАЛ, своим руководством в качестве заместителя командира АЭ по политчасти обеспечил переучивание на самолётах А-20, Р-39 трёх маршевых полков для фронта... Своей повседневной кропотливой работой с каждым коммунистом и беспартийным сумел оказать хорошую помощь командованию в преодолении трудностей по перегонке самолётов на самом ответственном участке трассы Уэлькаль-Сеймчан... За хорошее руководство парторганизацией по обеспечению перегонки боевых самолётов фронту и проявленное мужество в борьбе с трудностями достоин представления к правительственной награде - медали «За боевые заслуги». Зам. командира 2 ПАП по политчасти майор Пыжженков».

Из наградного листа на борттехника 1 ПАП техника-лейтенанта Сунсина Н.И. от 4.10.1945 г.: «...За время работы в качестве борттехника лидерного самолёта на участке Киренск-Красноярск протяжением 1000 километров перегнал 11 самолётов В-25, на участке Фербенкс-Уэлькаль протяжением 1500 километров перегнал 85 самолётов В-25 и С-47, всего 96 самолётов. Подготовку самолётов к вылету производил в трудных климатических условиях при температуре минус 45-50 градусов. Грамотный, дисциплинированный офицер. За образцовое обслуживание матчасти имеет 7 благодарностей от командования. ...Достоин правительственной награды - ордена «Красная Звезда». Командир 1 ПАП майор Барченко».

Из Красноярска на запад перегон американских самолётов кроме 45 ЗАЛ (9 ПАП) и фронтовых полков, находившихся на переучивании в 45 ЗАЛ в Красноярске, осуществлялся и другими специально созданными перегонными авиационными частями: 12 особая авиагруппа ГВФ, с мая 1943 г. реорганизованная в 73 вспомогательную авиадивизию АДД (73 ВАД АДД); 17 отдельная перегонная авиаэскадрилья, с августа 1944 г. развернутая в 222 авиаполк перегонки самолётов-бомбардировщиков; 857 отдельный авиаполк перегонки самолётов-бомбардировщиков; 65 отдельный авиаполк особого назначения Авиации ВМФ; 2 отдельный авиаполк перегонки самолётов Авиации ВМФ.

Кроме того, самолёты перегонялись перегонными группами боевых соединений и частей, оснащённых аналогичной техникой и имеющих возможность переучивания молодого пополнения при части.

Таким образом, в г. Красноярске в годы Великой Отечественной войны был создан мощный многофункциональный авиационный центр, осуществлявший приёмку, обслуживание, ремонт, передачу в боевые полки, подготовку к перелёту американской авиационной техники, перегон самолётов в боевые части ВВС, АДД и авиации ВМФ и обучение лётного и технического состава.

2012

Примечания:

¹ ЦАМО РФ. Ф.160. О.13234. Д.98.

² Воздушная трасса «Красноярск-Уэлькаль»: вчера, сегодня, завтра. Материалы научно-практической конференции. Красноярск. 2007. С. 52.

³ ЦАМО РФ. Ф.35. О.11277. Д.22. Л.73-78.

⁴ ЦАМО РФ. Ф.35. О.11304. Д.872. Л.55.

⁵ ЦАМО РФ. Ф.160. О.13234. Д.98. Л.195.

⁶ ЦАМО РФ. Ф.160. О.13234. Д.98. Л.195.

⁷ ЦАМО РФ. Ф.150. О.12866. Д.52. Л.130-151.

⁸ ЦАМО РФ. Ф.160. О.13234. Д.98. Л.196.

⁹ ЦАМО РФ. Ф.160. О.11304. Д.98. Л.148.

¹⁰ Воздушная трасса «Красноярск-Уэлькаль»: вчера, сегодня, завтра. Материалы научно-практической конференции. Красноярск. 2007. С.54

¹¹ ЦАМО РФ. Ф.160. О.13234. Д.98. Л.148.

¹² Биографии и наградные листы – из личных дел и учетно-послужных карт офицеров, находящихся на хранении в ЦАМО РФ.

3. ПЕДАГОГИКА И КРАЕВЕДЕНИЕ

Н.А. Родионова,
г. Минусинск

Формирование ценностных ориентаций у обучающихся через изучение национального костюма (по материалам Минусинского музея)

Одним из направлений российского образования стало возвращение к духовно-нравственным традициям народов, восстановление исторической и культурной преемственности поколений. Именно культура придаёт личности человека такие качества, как способность к сочувствию, свободному и ответственному поступку, созиданию себя и порождению новых смыслов тенденций развития общества. Чтобы пробудить интерес у обучающихся к творческой деятельности необходимо наглядно показывать, какую роль играет в жизни каждого человека поиск новой идеи. Приобщение к русской культуре и искусству начинается с посещения выставочных залов, галерей, театра. У обучающихся появляется возможность созерцать прекрасное, а это первый шаг к желанию творить самому.

Особую роль мы уделяем посещению Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова и его библиотеки, поскольку они являются уникальным хранилищем культурного наследия. Работа в библиотеке музея даёт возможность прикоснуться к старинной литературе, изучить историю костюма. Учащиеся начинают понимать, какую роль в истории занимает костюм, как вид искусства. Используя эту информацию, мы реализуем её в проектах по пошиву национальных костюмов.

Одной из первых коллекций была «Русский народный костюм XIX-XX века». С 2003 г. в училище появилась возможность проведения факультативных занятий (викторины, беседы, экскурсии, практические задания) для группы портных, на которых изучалась русская народная одежда. Вначале выяснилось, что современные девушки ничего не знают о традиционной русской народной одежде. С учащимися было много просмотрено литературы по быту, традициям, укладу жизни русского народа на рубеже XIX века. Рассмотрены особенности кроя, вышивки, отделки русского костюма различных губерний.

Были выбраны восемь моделей, оригиналы которых хранятся в Эрмитаже. Мы приступили к созданию коллекции «Русский народный костюм». При этом каждый реализовывал своё право быть ответственным, право быть соавтором, право на индивидуальность, свободу мысли, каждый в праве был предложить тот или иной способ обработки, отделки. В ходе работы выявлялись новые способности и наклонности обучающихся. Не боясь трудностей, девушки экспериментировали, спорили, помогали друг другу, применяя все полученные знания и навыки машинной и ручной работы. Эта коллекция была представлена в г. Красноярске на шестой краевой выставке декоративно-прикладного творчества «Россия в сердце и судьбе», и отмечена дипломом участ-

ника за профессионализм и высокое качество. Сотрудники музея им. Н.М. Мартъянова, увидев коллекцию на Дне города, предложили представить её в музее. С этого события началось сотрудничество училища и музея. В сентябре 2004 г. состоялась выставка «Рукодельницы-девицы». Это сотрудничество стало своеобразной рекламой не только изделий, выполненных учащимися, но и самой профессии «портной». По завершению работы выставки коллекция «Русские народные костюмы XIX-XX века» была приобретена в музей.

Нашей гордостью является коллекция «Сибирский колорит», где представлены костюмы народов, населяющих Сибирь. Сибирь многонациональна и в каждом из нас есть смешение нескольких национальностей. Интересна была идея и тем, что учащиеся сами искали информацию о своих корнях. Поначалу, стесняясь принадлежности к малым народностям, учащиеся открыли для себя историю своей нации. Они стали уважать и гордиться своими корнями.

Благодаря сотрудничеству с музеем им. Н.М. Мартъянова, появилась возможность прикоснуться к первоисточникам. Работа с предметами из этнографической коллекции позволила детально изучить крой, технологию изготовления предметов одежды. Учащиеся узнали особенности костюма русских переселенцев, а также местного населения. Применили крой, материалы и технологию изготовления в мужском и женском костюмах. В результате были изготовлены хакасский, тувинский, алтайский костюмы.

Разнообразие декоративно-прикладного творчества можно ярко увидеть именно в национальном костюме. Обучающиеся при изготовлении костюмов применили не только знания технологии обработки изделия, но и различные виды декоративно-прикладного творчества – бисероплетение, вышивка нитями и бисером, обработка шнуром и тесьмой, декоративными украшениями и атласной лентой. Все эти приёмы некоторые учащиеся выполняли впервые, поэтому с большим интересом постигали новые прикладные «науки».

Хакасский национальный костюм является одним из интереснейших и красивейших костюмов. Во время работы в музее была возможность изучить крой, национальный орнамент, древнюю технику вышивки тесьмой и нитями, технологию изготовления безрукавки (сигедек) и платья, нагрудного украшения (пого).

Научные сотрудники музея предоставили тематическую литературу по татарскому национальному костюму, из которой учащиеся смогли узнать особенности женских головных уборов, виды орнаментации. По книге «Мордовский народный костюм» (авторы Прокина А.П. и Сурина М.П.) был изготовлен национальный мордовский костюм (народность мокша). Вышивку на украинском, польском и немецком костюмах выполнили вручную.

Каждая коллекция сопровождается театрализованным представлением, которое продумывается до мелочей. Для этого на базе училища был создан театр мод «Грация». Все изготовленные модели демонстрируют девушки учебного заведения. Они с удовольствием занимаются хореографией, постигают азы театрального искусства, изучают историю костюма, манеры поведения на сцене и др. В январе 2009 г. в музее им. Н.М. Мартъянова прошёл студенческий бал, где наш театр мод представил три коллекции.

Участие обучающихся в различных конкурсах даёт возможность выхода на более широкий уровень общения. Своим успехом мы считаем победу в краевом конкурсе театров мод «Души прекрасные порывы», где стали дипломантами I степени.

В 2009 г. на сибирском конкурсе «Енисейская волна» театр мод «Грация» представил коллекцию «Сибирский колорит», где стал лауреатом в номинации декоративно-прикладное творчество, это была наша самая большая победа. Жюри конкурса отметило необычность представленной программы, так как демонстрация костюмов проходила с национальными танцами и блюдами.

В 2010 г. стали дипломантами второй степени в региональном конкурсе на лучшую сувенирную продукцию «Сувениры Хакасии» в номинации «Хакасский национальный костюм» в городе Абакане. В 2012 г. Хакасский костюм был представлен в новой коллекции «Торгаях» (жаворонки) на конкурсе молодых дизайнеров «В стиле ТЭФ-2012» в г. Новокузнецке, за что были удостоены I места. В конкурсе «Сибирский кутюрье» в городе Новосибирске мы получили специальный диплом за сохранение хакасской культуры.

Коллекции национальных костюмов, изделия декоративно-прикладного творчества, создан-

ные на основе исторического материала, имеют, таким образом, историческую ценность и становятся частью культурного наследия. Поэтому в планах: сотрудничество с музеем им. Н.М. Мартьянова и создание музея-мастерской для сохранения и популяризации национальных традиций.

2013

А.В. Селина, Т.В. Кондратюк,
г. Абакан, Республика Хакасия

Использование компонентов музейной среды в образовательном процессе начальной школы

Одним из приоритетных направлений воспитательной системы современных образовательных учреждений является патриотическое воспитание учащихся, которое при систематической и правильной организации начинается в дошкольном возрасте и получает своё развитие в младшем школьном возрасте.

Республика Хакасия имеет огромные возможности для патриотического воспитания средствами музейной педагогики: проведение экскурсий в музеи под открытым небом, создание музеев образовательных учреждений, в т. ч. школьных музеев, научная и учебно-исследовательская работа школьников и т.д. Так создаётся музейная среда, которая включает в себя «ряд компонентов: около музейное пространство, музейное здание, экспозиция, экспонат».¹

В начальной школе возможно включение всех этих составляющих, как во внеурочную, так и в урочную деятельность для патриотического воспитания учащихся младшей ступени. Экспозиции и отдельные экспонаты школьного музея могут быть включены в следующие учебные предметы: математика, русский язык, край родной, трудовое обучение и др.

Например, в программу математики можно ввести уроки-путешествия, посвящённые истории Хакасии. Школьникам предлагаются задачи, ответы на которые они могли бы дать самостоятельно, а затем проверить себя, поработав в школьном музее в экспозициях: «Абаканский зоопарк», «Геологическое прошлое нашей Республики» (на примере школьного музея «Истории микрорайона «Западный» средней школы № 22 г. Абакана Республики Хакасия).

На уроках трудового обучения учащиеся школы изготавливают приглашения в школьный музей, элементы хакасского национального костюма – пого, создают из пластилина курганы, стелы, а также воспроизводят сцены из жизни и быта древних людей.

Во внеучебной деятельности младших школьников их патриотическое воспитание возможно через проведение внеклассных занятий и занятий краеведческого кружка («Я – гражданин России», «Мой город», «Заповедник «Хакасский», «День защитника Отечества», «В бой мы шли не ради славы», «История улиц» и др.). Последний функционирует на базе школьного музея школы № 22 г. Абакана, в создании которого принимают участие сами учащиеся начальной школы: собирают материал для музея, изготавливают материал для экспозиций, самостоятельно их оформляют.²

Патриотическое воспитание младших школьников может успешно реализовываться также в процессе осуществления межпредметных связей для обеспечения системности в воспитании учащихся начальных классов. Например, на внеклассных занятиях школьники знакомятся с историей хакасского национального костюма, затем на уроках изобразительного искусства (или трудового обучения) воспроизводят его на бумаге, на уроке русского языка пишут сочинение на данную тему, а на уроке математики выполняют следующее задание: «Решив данные примеры, определи цвет деталей узора и закрась их».

Патриотическое воспитание младших школьников невозможно без экологического воспитания, поэтому необходимо делать уклон на природоохранную деятельность учащихся. Одним из примеров является система уроков и занятий: школьники знакомятся с природой Республики Хакасия на внеклассных занятиях и посредством посещения экскурсии в республиканский музей-заповедник «Казановка», на уроках изобразительного искусства изображают природу Хакасии, на уроках окружающего мира прослеживают неразрывную связь человека и природы. Затем на

уроках русского языка учащимся предлагаются тексты о родной природе, а на уроке математики в теме «Время» им предлагается заполнить таблицу с графами: цветы, время открывания, сколько времени открыт цветок, время закрывания. После этого по таблице школьники составляют и решают задачи. Возможны и другие системы уроков и внеклассных занятий по патриотическому и экологическому воспитанию младших школьников.

Таким образом, одним из условий патриотического воспитания младших школьников является создание музейной среды, включающей школьный музей со всеми экспозициями и кружковые занятия на основе целостной программы, моделируемой с учётом этнокультурного компонента содержания начального образования.

2013

Примечания:

¹ Столяров, Б.А. Педагогика художественного музея: от истоков до современности: уч. пос. для студ. гуманитарно-художественных факультетов / Б.А. Столяров. – СПб. : Спец. лит-ра, 1999. – С.102.

² Музеи города Абакана: Справочник /Сост. Т.Н. Феоктистова, Н.В. Баинова, Е.В. Соболева. – Абакан, 2007. – 28 с.

Н.Я. Чебоксарова,
г. Минусинск

**Применение материала по культуре и истории Красноярского края
на уроках и во внеурочной деятельности в школе VIII вида**

Курс «История России» для детей с нарушением интеллекта рассматривается как учебный предмет, в который заложено изучение исторического материала, овладение знаниями и умениями, коррекционное воздействие изучаемого материала на личность ученика, формирование личностных качеств гражданина, подготовка подростка с нарушением интеллекта к жизни, социально-трудова и правовая адаптация выпускника в общество. Весь исторический материал представлен отечественной и региональной историей.

Важной составной частью курса «История России» являются историко-краеведческие сведения о жизни, быте, обычаях людей.

Большое значение на уроках истории в специальной коррекционной школе VIII вида имеет работа со словарём, для развития у учащихся мышления и речи. Созданию ярких, отчетливых образов содействуют хорошо подготовленные экскурсии по историческим памятникам, местный исторический материал.

Изучение краеведческого материала направлено на достижение следующих целей:

- воспитание чувства любви и уважения к своему краю;
- формирование интереса к его истории и археологии, развитию и современному состоянию Красноярского края;
- освоение знаний о важнейших этапах исторического развития Красноярского края, особенностях и проблемах его социально-экономического развития;
- расширение элементарного уровня правовой грамотности обучающихся посредством ознакомления с основными нормативными правовыми актами Красноярского края.

В школе ведётся факультативный курс «Культура родного края». Под термином «родной край» понимается территория своей административной области (края, субъекта Федерации), изучаемая как по учебной программе, так и во время походов и экскурсий, знакомство с краеведческой литературой и картографическими материалами. Поэтому в практике специальной (коррекционной) школы изучается территория, доступная для непосредственного изучения и наблюдения во время внеклассной работы в окрестностях (2-3 км) «Своя местность».

В использовании местного краеведческого материала для преподавания факультатива «Культура родного края» и заключается суть краеведческого принципа в преподавании.

В современных условиях жизни возникла необходимость нового осмысления культурного наследия. Программа факультатива «Культура родного края» помогает в работе с детьми с ОВЗ в

восстановлении многовекового опыта народа, его нравственных устоев и толерантности привлекает иммунитет против духовного обнищания народа.

Мы живём в многонациональной стране, рядом с нами находятся люди разных вероисповеданий, и, учащиеся с ОВЗ, тоже должны иметь понятия об основных религиях России.

Краеведческое изучение своей местности и местного материала осуществляется во время экскурсий, в т.ч. и в Минусинский музей им. Н.М. Мартьянова и его филиалы.

По «Культуре родного края» разработаны и апробированы авторские программы для специальной (коррекционной) школы VIII вида в 5-9 классах (рецензия директора НСПКГПУ, психологии Н., доцента кафедры специальной психологии В.Н. Шурдукалова). Программы включают следующие темы:

- «Виды древних поселений»;
- «Мостовая, мост» (из истории Минусинского моста);
- «Пристань, причал»;
- «Благодатная земля Хакасии и древние племена»;
- «Традиционная культура и быт жителей Минусинска»;
- «Основание города Минусинска»;
- «Искусство древних хакасов на территории Минусинского района»;
- «Край в древности и период средневековья»;
- «Почитание и уважение старины»;
- «Спасский собор г. Минусинска»;
- «Минусинский драматический театр»;
- «Минусинский местный публичный музей»

Во время таких занятий ребята пытаются анализировать, сравнивать прошлое и настоящее.

Ежегодно школа принимает участие в проведении Краевых Уставных уроков: «Наш Красноярский край: познаем и любим» (к 190-летию Енисейской губернии, 80-летию Красноярского края).

С целью заинтересовать школьников познанием культурных традиций и истории Красноярского края, своей малой родины, их современному развитию были проведены мероприятия по классам:

- Конкурс рисунков «Родимый сердца край».
- Галерея школьных газет «Наш край: познаем и любим».
- Экскурсии в музей им. Н.М. Мартьянова на выставки: «Мартьянов - основатель музея», «Народы южного Енисея», «Немецкое поселение края».
- Мероприятие в музее «Народные традиции. Сибирские вечёрки».
- «Куда прикажете, барышня?» (Развитие транспорта в Сибири).
- «Красноярск – центр ссылки».
- «Чем болели и лечились?» (Развитие медицины в Сибири).
- «Квартирный вопрос» (Жилищные условия Сибири в XIX-XX вв.).
- «Контора для ищущих труд» (Развитие рынка труда в Сибири).
- «Веселись, душа!» (Досуг красноярской элиты и бедноты в Сибири).
- «Связь через века» (Развитие телеграфа и телефона в Красноярске).
- «Образование вчера и сегодня».

К юбилею Победы в Великой Отечественной войне школа приняла активное участие в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на (2006-2010 гг.) акции «Обелиск», ориентированной на повышение статуса и роли исторических событий в развитии человека, народа, человечества. Ежегодно весной (с 2010 г.) школьники занимаются благоустройством памятных мест на старом минусинском кладбище: высаживают цветы у памятника павшим минусинцам, осуществляют ремонт и покраску надгробий на могилах фронтовиков, за которыми не ухаживают родственники. За каждым захоронением закреплены группы наших воспитанников. На сайт акции «Обелиск» выкладываем фотографии мест захоронения перед началом акции и в процессе их благоустройства.

Применение материала по культуре и истории Красноярского края на уроках и во внеурочной деятельности на уроках истории, на внеклассных и факультативных занятиях способствует ре-

шению не только образовательных задач, но и воспитывает у школьников патриотизм, формирует личность ребёнка, сохраняет память о подвиге великой страны и её народа в тяжёлые годы исторических событий.

2013

Литература:

1. Безъязыков Л.И. Красноярск изначальный. – Красноярск, 1978.
2. Дроздов Н.И. Красноярье: пять веков истории I, II части. Учебное пособие по краеведению. – Красноярск: «Платина», 2005-2006.
3. Кызласов Л.Р. Древняя и средневековая история южной Сибири (в кратком изложении)- Абакан, 1991.
4. Лайне С.В. Основные религии России. Учебное пособие для школьников. – М.: «Ювента», 2007.
5. Миханев А.П. Красноярск: интересная история! Очерки обыденной жизни. – Красноярск, «Сибирь-Медиа», 2003 г.
6. Павлючек И.И., Панченко А.В., Миненко Н.А. Памятные места Минусинска. – Красноярск, 1970.

4. ВОСПОМИНАНИЯ

А.П. Борисова,
г. Красноярск

Вятские сибиряки

Мои родичи Никоновы, по материнской линии, переселились из Вятской губернии в Сибирь в 1913 г. и на землях нынешнего Каратузского района образовали деревню Окуловку.

Из Проходного свидетельства известно, что семья Никоновых состояла из 17 человек. А через 100 лет род насчитывает уже более 200 человек.

Более 400 лет Вятский край, как и Сибирь, был местом политических ссылок ещё со времён Бориса Годунова, который отправлял сюда неугодных людей. Никоновы столетиями проживали на вятской земле. Можно смело предположить – очень многие родственники покинули Вятский край в разное время, особенно в кон. XIX в., разъехались и не только по Сибири.

В мамином роду было несколько священнослужителей православной веры. О моём двоюродном деде мне хотелось немного рассказать.

Родился Никонов Василий Филиппович в 1892 г. в Вятской губернии, Орловского уезда, Верховской волости, деревня Самодоровка (Самосудовка). Из свидетельства, выданного Василию Филипповичу в сентябре 1906 г., видно, что он успешно окончил Орловское уездное училище. Учился в Москве в филиале Нью-Йорского университета знаний, что находился в Кузнецком проезде. Окончил пасторские курсы.

В Сибирь приехал в 1913 г. с женой Дарьей Исаковной (1889-1929), с родителями и братьями. В I Мировую войну служил писарем в штабе армии.

Дети Василия Филипповича и Дарьи Исаковны: Семён (1918-1941), погиб в Великую Отечественную войну, Алексей (1920-1995), участник Великой Отечественной войны, Евдокия (1927-1964), труженица тыла. В 1944 г. Каратузским военкоматом была призвана на Кемеровский военный завод «Коммунар», продолжала там работать и после окончания войны.

Дарья Исаковна умерла во время родов. Во втором браке дед был женат на Майоровой-Друговой Марии Михайловне (1894-1977). От этого брака родились дети: Нина (1934), Николай (1936), Валентина (1938), Екатерина (1941). Рассказывают, Василий Филиппович с Марией Михайловной были повенчаны в церкви, но брак зарегистрировали только перед кончиной Василия Филипповича.

В Окуловке всем миром была построена церковь Сретенья Господня. В этом приходе и работал Василий Филиппович сначала псаломщиком, затем был рукоположен в дьяконы. Обладал хорошей памятью, знал всю службу и тексты всех песнопений, вёл записи в метрических книгах. Но

самостоятельно совершать службу дьякону было не положено. Позднее, Василий Филиппович был рукоположен в священники благочинным Имисской церкви Казанской иконы Божьей матери отцом Василием (в миру Столыпин Владимир Дмитриевич), который окончил духовную семинарию, в 1933 г. с семьёй из 6 человек был выслан в Енисейск и дальнейшая судьба семьи неизвестна.

В воскресные дни мой дед, будучи священником, самостоятельно проводил богослужения в Окуловской Сретенской церкви. Кроме того, обучал грамоте взрослых и детей: утром занятия с детьми 1-4 классы, а вечером – с взрослыми. На первом году обучения ребятишки учились считать на палочках, родному слову, писать на грифельной доске. Во втором классе шло обучение Закону Божьему, чтению, счёту. Последними учебными предметами были чистописание, арифметика и география. За эти годы Василий Филиппович всем сельчанам дал начальное образование.

В нач. 1930-х гг. церковь Сретенья Господня была разрушена. Верующие люди оплакивали случившееся. Рассказывали, нашлась одна молодая воинствующая атеистка, которая взобралась на купол церкви и топором срубила крест.

Когда приход закрыли, часть утвари раздали прихожанам на сохранение. Все надеялись, что времена скоро изменятся и церкви будут вновь восстановлены. Большинство икон было перенесено на чердак дома деда Никонова Филиппа Устиновича. Позднее наиболее ценные иконы были переданы в Курагинскую церковь, в т.ч. иконы «Николай чудотворец», «Иисус Христос» и очень большую икону Козельщанская Божья мать, которая относится к наиболее почитаемым. Для этой иконы составлена особая служба (21 февраля) и акафист. Церковные книги Василий Филиппович, переехав в Кемерово передал в церковь города. Постепенно дети выросли, разъехались, старики умерли. В восьмидесятые годы деревни Окуловки не стало.

В годы коллективизации Никонов Василий Филиппович работал в колхозе первым счетоводом-бухгалтером, но колхозником не являлся. Председатель колхоза был репрессирован, и Василию Филипповичу предложили возглавить колхоз, он отказался. Номенклатурная должность предполагала членство в партии КПСС, что не соответствовало его убеждениям. Предлагали в д. Верхний Кужебар в детдоме директорскую должность – отказался. Начались притеснения: лишили права учительствовать, пугали ссылкой, расстрелом. Дали 48 часов на размышление, затем дед был изгнан из родной деревни. Уехали сначала в деревню Таяты, затем в Качульку.

До 1942 г. работал старшим лесничим. Участок был большим: Окуловский, Таятский, Курятский, Качульский. В 1942 г. в 50-летнем возрасте был призван в трудовую армию в Челябинский танковый завод. Работал на складе ГСМ, заправлял танки, машины горючим перед отправкой на фронт. Но был отозван Каратузским военкоматом и назначен участковым милиционером над 17 деревнями (от Окуловки до Копи). Перед уходом на пенсию работал в Райфо налоговым агентом.

Перед кончиной Василий Филиппович удостоился покаяния и причастия к Святым Христовым Тайнствам. Верующие говорят, это есть великая милость Господня по отношению к умирающему, и далеко не каждому она даётся.

Так жили, работали и славили Бога наши деды, лелея у святых ликов надежду на светлое будущее своих детей. Дети Василия Филипповича выросли в XX в. во времена гонения на церковь. Никто из детей не избрал путь духовного служения. Однако все они остались глубоко верующими людьми. У сына Василия Филипповича – Николая Васильевича, жителя Минусинска – видела удостоверение о том, что он в 1996 г. был старостой в Кемеровском храме «Всех скорбящих радость». Племянница Никонова Василия Филипповича – Анна Александровна – ныне проживающая в Абакане, тоже глубоко верующая христианка. От Епископа Абаканского и Кызыльского Ионафана, председателя попечительского совета (мэра г. Абакана Булакина) имеет благодарность от 2005 г. за индивидуальный вклад в приобретении колокола «Зазвонный» на православный храм в честь равноапостольских Константина и Анны.

В книге памяти жертв политических репрессий по Кировской области обнаружила репрессированных служителей религиозного культа по фамилии Никоновы:

- Никонов Матвей Анисимович, 1889 г.р., священник из д. Самодорочная Орловского района.
- Никонов Андрей Иванович, 1887 г.р., русский священник из с. Шанта Кикнурского района.
- Никонов Александр Анатольевич, русский священник из с. Великоречье Санчурского района.

Литература:

1. Луппов П.Н. Исторический очерк Вятского края. Вятка, 1929.
2. Энциклопедия земли Вятской, т. 4. История. Киров, ГИПП, Вятка, 1995.
3. По материалам книги «15 лет от имени народа», Киров, 2009.
4. ГАКК. Ф.160. О.1. Д.2076.
5. Описание приходов Вятской губернии за 1912 г., 3 благочиннический округ.
6. Книга памяти жертв политических репрессий по Кировской области.

Т.С. Комарова,
г. Красноярск

О жизни мещан г. Красноярска в 1860-1880 годах

(по воспоминаниям Е.А. Красноженовой)

Одним из источников нашего познания о прошлом являются рассказы старожилов, сохранивших в своей памяти события, современниками которых они были или о которых слышали сами от стариков.

«Первой хранительницей воспоминаний о старине для меня была моя мать Елизавета Александровна Красноженова. Она была неграмотна, т.к. её отец на все просьбы отдать её в ученье отвечал отказом, считая лишним давать образование девушке. Она отличалась хорошей памятью и способностью живого и образного рассказа. К сожалению, благодаря быстроте её речи мне не удавалось записать дословно и, таким образом, слога её я не сохранила.

Елиз(авета) Александр(овна) родилась в 1847 г., в 1867 г. вышла замуж за моего отца и до 1881 г. объехала с ним Сибирь от Петропавловска, Акмолинской области до р. Уссури. С 1881 г., овдовев, жила безвыездно в Красноярске со мной до смерти в 1925 году.

В 1920 г., в связи с работой кружка старых красноярцев, мне удалось записать её воспоминания о жизни мещан и казаков г. Красноярска за 60-80 гг. XIX в.»

Эта вступительная часть к воспоминаниям своей матери Е.А. Красноженовой, записанных Марией Васильевной Красноженовой, педагогом и краеведом, этнографом и фольклористом, музееведом и коллекционером в 1920-1925 годах. Начиная с 1912 г. она помогала городскому музею, 11 апреля 1916 г. участвовала в выставке «Старый Красноярск».

В 1920 г. М.В. Красноженова вошла в штат музея, где и оставалась заведующей историко-бытовым отделом до 1928 года. Ей принадлежит ряд очерков об истории сибирского тракта, народной медицины, религиозных праздниках и быте Приенисейского края. Ниже приводятся воспоминания матери М.В. Красноженовой – Е.А. Красноженовой.

«Часть мещан г(орода) Красноярска произошла от ссыльнопоселенцев, которых приписывали сначала к окрестным деревням. Молодёжь, женившись на местных крестьянках, тем самым уже прикреплялась к крестьянам и получала земельный надел. Старые же ссыльнопоселенцы, живя в деревнях, получали по 3 рубля в месяц казённого содержания и назывались «пропитанными». Позднее часть из близлежащих к Красноярску деревень была приписана к казакам – таковы д(еревни) Минина, Дрокина, Бугачева, Солонцы, Торгашино, Базаиха, Ладейка и заимки Долгова, Кузнецова и Чанчикова.

Когда казаков вообще расформировали (в 1871 г. Енисейский казачий полк расформировали и небольшая группа служивых составила Красноярскую казачью конную сотню – Т.К.), то часть из них остались в деревнях крестьянами, казаки же, постоянно жившие в городе и переехавшие туда из деревень приписались к мещанам, таковы: Любенецкие, Белорусановы, Ларионовы (по Гост(инской) ул(ице)), Плотниковы, Мельниковы, Суриковы и др.

Из коренных же мещанских фамилий – Безруковы, Шеходановы, Борисовы, Колеговы, Поваровы, Овчинкины, Косовы, Маямсины, Черкашины. Кроме мещан-старожилов и мещан из казаков, оставались ещё казаки «старого полка» – Суриковы, Путимцевы, Калашниковы, Ваньковы и т.д. Ещё были казаки, из вновь перечисленных, присланные на исправление.

Эти три группы – мещане-старожилы, мещане из казаков и казаки старого полка представляли

нечто целое, жившее своей обособленной жизнью от других общественных групп (чиновников высшего ранга, купцов, духовных, мелких чиновников, лавочников и т.п.). Общественные права их были несколько ограничены: например, мещане не имели входа в Благородное собрание, дочери и жёны их не имели права носить шляп и т.п.

Общий уклад жизни этой группы городского населения был одного колорита, разница заключалась лишь в обстановке и одежде, в зависимости от материального благосостояния. Дворы у некоторых делились на две части – «передний» и «задний» двор. В переднем дворе помещались жилые строения: дом в улицу (передний дом) и флигель внутри двора. К этим зданиям примыкали амбары и амбарушки, где хранились продукты, утварь и упряжь. Тут же под рукой был и погреб с ходом из амбара. У некоторых жителей были садики в переднем дворе; так, у моего деда был сад с кедрами, черёмухой и рябиной, куда запросто приходили после обеда летом знакомые чиновники и, выпивая, как дань гостеприимства, стакан холодного квасу, занимались мирными разговорами о событиях своей обывательской жизни. Задний двор был застроен другими хозяйственными постройками: стайки для коров и лошадей, сеновалы, поднавесы, баня. Иногда и на заднем дворе были жилые помещения – «избушки на заднем дворе», которые очень дёшево сдавались желающим в кортом (аренду – *Т.К.*).

Дома были б(ольшей) ч(астью) деревянные и одноэтажные; у бедных мещан дом напоминал крестьянский: состоял из одной избы, т.е. большой комнаты с русской печью, только иногда место перед печью отделялось легкой переборкой, получалась как бы кухня. Обстановка также была незатейлива: простые деревянные столы и стулья, довольно грубой работы табуреты и скамьи. У зажиточных мещан дома состояли из сеней, избы с отгороженной печью и одной или двух комнат, т(ак) н(азываемых) горниц. Столы в горницах покрывались самодельными крестьянскими бранными скатертями, позднее филейными и вязаными салфетками. Обеденные столы были голые белые или крашенные; в переднем углу ставили трёхугольные столы-угловички, над ними прибиты «косички» – «божница» или полочка под углом, на которой помещались иконы. В некоторых домах иконы украшались вербами и рефечёными или шитыми гладью полотенцами. На краях божницы прикрепляли восковые свечи завода Ларионова, которые зажигались накануне праздников и в самые праздники. Позднее вошли в обиход лампы и деревянное (смесь подсолнечного и оливкового масла – *Т.К.*) масло. Из обстановки, кроме стульев, кое-где были и диваны, простые деревянные со стенкой и боками в решётку. Вдоль стен стояли сундуки ирбитской работы, покрытые тюменскими коврами и самодельными тканями из овечьей шерсти очень красивыми разноцветными ковриками. Помещения были невысоки и окна небольшие, на окнах цветы обязательно, например, бальзамины, мускус, базилики – красные красавицы, астры, гортензии («горденции») и олеандры. У состоятельных на окнах вешали шторы – белые кисейные на обе стороны раскинутые или на одну.

У стены в углу ставили кровати, простые деревянные, крашенные и некрашенные. У бедных ставилась одна кровать, на которой спали сами хозяева (отец и мать), остальные члены семьи спали кому где придётся: на скамьях, ящиках и просто вповалку на полу. У состоятельных мещан кроватей было больше, но обычай спать на полу был так принят, что кровать являлась декоративной мебелью для дня, а ночь всё равно спали на полу, особенно летом. На кровать клали перину пуховую или из перьев, а у кого и кошмы и соломенные тюфяки. Простыни употреблялись только как украшение, а потому часто заменялись «околотками», которые на шнуре привязывались к гвоздикам, концы обшивались кружевами или вырезались фестонами и выпускались из под одеяла. Концы простынь вышивались в «прорезь» и в «гладь», а иногда украшались кружевами, вязанными на спицах. У молодых бывали, наряду с «околотками», настоящие простыни. Сверх простыни кровать покрывалась или тканевыми (у богатых) покрывалами или ситцевыми стежёнными; иногда покрывали «сборками», т.е. покрывалом, сшитым из маленьких кусочков разного материала (у бедных). Зимой овчины и шубы ночью заменяли одеяла. Сверх одеяла клали пуховые или перовые подушки под ситцевыми цветными наволочками. У некоторых над кроватями делали полога и занавеси с подзорами, последние входили обязательно в состав приданного. Полог перебрасывался через поперечную палку или продевался в обруч; а занавеси окружали кровать с 2-х или 3-х сторон, в виде комнаты; вверху в виде оборки – подзоры. Между фестонами

подзоров прикалывались розовые банты. Из предметов обстановки того времени можно указать на буфеты, которые кое у кого встречались; верх у них был застеклённый, а низ состоял из двух выдвижных ящиков и шкафчика. Был в каждой семье самовар, который при гостях на стол не ставили, а подавали чай на подносах; подносы были корковые и железные. Чайная посуда большей частью была фаянсовая, тарелки и блюда глубокие из белой глины. Для конфет и варений полагались хрустальные тарелочки, при чём каждый сорт конфет подавался на особой тарелочке; также на тарелочках подавались и орехи (кедровые, урюк, винные ягоды, чернослив). Полы у всех были белые и при мытье их терли голиками с дресвой, промывая двумя, тремя водами; после мытья застилали домоткаными половиками, прибивая их к полу гвоздиками.

В домах более состоятельных мещан, в парадных комнатах, застилалась полами. К дому обычно была пристроена кладовка, в которой помещалась необходимая хозяйственная утварь, глиняная посуда, деревянные вёдра, деревянные и железные ушаты, кадки и кадочки, медные тазы, чугуны, латки, горшки, корчаги для варки кулага и квасов, бочонки, лагуны и т.д. В амбарах находились лари или кадки, ящики или полубочья для муки.

Особой профессии мещане не имели, а кто имел пашню, тот сеял хлеб, другие занимались заготовкой дров и продажей их; гнали деготь и смолу и т.п. Но все имели своё домашнее хозяйство: лошадей, коров, птиц, свиней и т.д. Держали нахлебников из мелких чиновников и, по зимам, приискателей. Постоем тогда еще не занимались, постоянных дворов почти не было, так как обозы с товарами в то время не шли через город. В город только заходили обозы, привозившие товары местным купцам, потому что не было заезжих дворов. Поэтому весь запас перечисленной выше утвари был необходим по хозяйственному укладу того времени, так как без различия состояния все делали запасы провизии с осени на целый год: лари и полубочья засыпали разнообразной мукой, кадочки и кадки занимали соленьями – капустой, огурцами, груздями и т.п. Кроме того, делались запасы луку, чесноку, картофеля, брюквы и других овощей, сушили грибы, ягоду (черемуху, чернику, клубнику и т.п.). Рыбу солили редко, так как была привозная: из Енисейска плохого засола с «запашком», из Иркутска привозили омулей, селенгу. Из Томска свежую замороженную рыбу. Кроме того, почти у всех была свежая рыба своего улова. Мясо всегда можно было купить в мясных рядах; масло и яйца тоже запасали из своего хозяйства. Дров много не запасали, так как всегда можно было купить на базаре по цене 30-40 коп. воз, овёс 12-18 коп., сено 70 – 1 р.10 к. Но делали запасы для дома и двора из веников, метел и помельев.

Пища и обрядность праздничных дней. Все пищевые запасы употреблялись в различное время; в мясоед была одна пища, а в пост другая. Посты в прежнее время исполнялись строго, особенно Великий пост и Успенский. Даже дети должны были есть только постное, исключение делалось только для грудных детей и больных. В посты меню среднего обывателя состояли из следующих блюд: постные щи, каша с постным (конопляным) маслом, горошница, редька с квасом, редька тертая с конопляным маслом, паренки, пироги с рыбой, с груздями и грибами, опёнки и шампиньоны (у мещан-старожилов считали эти грибы погаными и в пищу не употребляли, но мещане из ссыльных их любили и семьи их также привыкли – *М.К.*), кисель пшеничный из отрубей с медовой сытой; разные ягодные кисели. Рыба свежая жареная, солёная – омуль, селенга, селёдки; грузди-рыжики и др.; капуста солёная, ягоды в сусле; кулага, квас, толокно. Чай пили только фамильный, к нему подавался мёд и ореховая избойна (измельченный орех – *Т.К.*), заменявшая молоко. Пекли хлеба ржаные, пшеничные булки, калачи, раздирки, пироги с ягодами, с молотой черемухой, картофельные шаньги.

В мясоед, когда в пищу употреблялось мясо всех сортов и видов и молочные продукты, многое из перечисленного для поста, не употреблялось. Затем наблюдалась большая разница в пище в обычное время будних дней и в некоторые праздники, особенно эта разница велика в Рождество, масленицу и Пасху. Много приходилось заготавливать жареного, вареного, копчённого и солёного на время указанных праздников, так как взаимные поздравления и гощения друг у друга были очень распространены у обывателей.

Из печений приходится указать на обычай в некоторые праздники стряпать особые печенья, например: на масленице хворосты или «маслянку», «стружки» и «розочки», «орешки», пекли блины гречневые и яичные, к которым подавалось масло и сметана. В день сорока мучеников, 9-го

марта, во всех домах стряпали «жаворонков», и в среду на четвёртой неделе стряпали «кресты». У некоторых «кресты» стряпали на 4-й неделе поста в четверг, считая этот день «переломом» поста. На Пасхе были обязательно куличи и «сыр» – пасха. Красили яйца, иногда с оригинальными рисунками и способами окрасок; наиболее распространённая окраска «сандалом» (красный цвет сандалового дерева – Т.К.) и луковым пером, сохранившаяся до наших дней. На Пасхе даже у бедных мещан обязательно устраивался стол, т.е., на покрытый белой скатертью обеденный стол ставили вино в бутылках и графинах, окорока свиные, бараньи, телячьи, жареных курицу, утку, индейку или гуся, язык, колбасы (своего домашнего изготовления), крашеные яйца, сыр, булку и т.п., и этот стол не разбирался три дня.

Будничное времяпровождение. Благодаря тому, что хозяйство мещан было натуральное, то и работы было много, так что в будни и мужчины и женщины были всегда заняты, мужчины днем занимались своими ремёслами (бондари, кузнецы, плотники и т.д.) или подлаживали что-либо по-домашнему хозяйству, где всегда работы находилось много. Летом работа на сенокосе, на пашне. Ездили по ягоды, собирали грибы, рыбачили, охотились. Женщины с утра занимались приготовлением обеда, печением хлеба; кто стирал бельё, кто катал его или гладил; на их обязанности лежал присмотр за скотом и птицей; так что до вечера заботливой хозяйке присесть было некогда. Только вечером для женщин наступали более свободные часы и тогда они занимались починкой одежды и белья, шитьём, которое требовало много времени, так как машин швейных ещё не знали и шили на руках, «зато и мастерицы были шить, залобуешься».

Молодые девушки, кроме шитья, занимались вязанием кружев и салфеток «на иголках», строчили или рефетили, вышивали в «гладь» и в «прорезь», шили цветными шерстями и шелками и т.п., а бабушки вязали чулки или варежки. Во время работы пели мелодичные старинные песни: «Я по реченьке хожу, хожу, я на быструю гляжу, гляжу...»; «Я вечер в лужках гуляла, грусть хотела разогнать...»; «Среди долины ровные, на гладкой высоте...»; «Вылетала голубица на долину...»; «Кольцо души-девицы я в море уронил...»

Отдыхом служили воскресенье и праздничные дни, когда молодёжь развлекалась играми, а пожилые занимались хождением по гостям или сидением у ворот на лавочках.

Как проводились праздники. Обычно первые дни праздников ходили поодиночке, а последние дни Рождества и масленицы ездили компаниями. Многие праздники сопровождалась особыми развлечениями и обычаями.

Рождество Христово, наступавшие святки доставляли особенно много хозяйственных работ и забот: надо было всё вымыть, везде прибрать, вычистить всё; заготовить всяких кушаний и всевозможных печений. В рождественский сочельник истопить пораньше баню, чтобы все могли в ней вымыться до «звезды». Некоторые мещане в сочельник устраивали «кутью», приносили соломы или сена и стлали на стол, потом покрывали поверх скатертью в память яслей, в которых родился Христос; на стол ставили рыбный пирог, солёные овощи и солёную рыбу и кутью, т.е. рис с киселём или с мёдом и изюмом. На кутью собирались не только свои домашние, но и близкие знакомые и соседи и всякий проходящий человек. Обычай этот был распространён среди мещан из ссыльных из Зап(адного) края; старожилы этого обычая не исполняли.

В первый день, рано утром, ещё не кончится обедня, в домах у образов горят свечи, да в печах у хозяев пылает огонь, на улице темно, но от двора к двору суетливо пробегают группы мальчиков от 8-12 лет. Это христославы. Войдя в дом, они спрашивают у хозяев «можно ли Христа славить». «Славьте, а мы послушаем». Тогда христославщики начинают сначала церковные песни «Христос рождается, славьте» и «Рождество твоё, Христе Боже наш», а потом начинают речитативом говорить *рцейки*:

*Маленький хлопчик
Вскочил на столбчик,
В дудочку играет,
Христа прославляет.
Не рублём, не полтиной,
Хоть единой гривной.
Я просить не смею,*

*А принять желаю,
Вашу милость с праздником поздравляю.*

*Был я в граде Вифлееме,
Видал я великое чудо:
Как ангелы на небеси заревели,
Славу вышнему Богу воспели.
Я этого чуда испугался,
Пал на землю, с господами спознался.
Вы меня, господа, знайте,
Золотом, серебром награждайте.*

Эти рцейки говорились всеми зараз, задыхающимися голосами, так ребята торопились обегать как можно больше домов и собрать побольше денег. Уйдёт одна компания, сейчас же следом идёт другая и т.п. Чем больше знали христославы рцеек, тем больше им платили. Деньги делили все между собою.

Когда кончалась обедня, то все шли по своим домам и разговлялись. Первые дни Рождества проходили во взаимных поздравлениях и гощениях друг у друга старого поколения, но с 4-го дня начинался праздник молодёжи, которая могла веселиться вовсю. Маскировались: одевались в старинные костюмы, девушки наряжались или старухами или мужчинами; парни девушками, стариками и старухами; выворачивали овчинную шубу наизнанку, изображая медведя, вожак медведя и т.п., и с балалайками и гармониками в руках, целой гурьбой отправлялись по знакомым. Везде компанию принимали ласково, угощали и предлагали повеселиться. Тогда начинались танцы и игры; из танцев была популярна «русская», позднее вошла в моду «мятелица»; играли в «соседей», в «дрёму», водили хороводы, ходили под пение песен по горнице и т.д. Но эти игры и в мещанских домах не везде были приняты, а, главным образом, у мясных рядов, потому что мясники б(ольшей) ч(астью) были женаты на деревенских, которые и в городе не оставляли своих обычаев. «Маскарованные» подолгу в одном доме не задерживались, а с присоединившейся к ним хозяйской молодёжью ехали к другим знакомым. Кроме маскирования много развлечений и даже суеверных переживаний доставляли гаданья. Близкие подруги собирались вместе и гадали, стараясь узнать свою судьбу.

Ставили на пол в чашечке воды, клали дальше уголёк, насыпали кучечку зерна и кольцо, потом выпускали курицу и петуха; если петух бежал уголь клевать, значит, жених у загадавшей будет «голый», если к воде – то пьяница, если к зерну подойдёт и курицу начнёт звать, то будет богатый и хороший семьянин; если петух начнёт курицу бить – драчун будет.

«Пололи снег», т.е., захватив полные горсти снегу, они слушали, прозвенит ли колокольчик, раздастся ли песня и т.п., всё это подвергалось толкованию.

Слушали под окнами, говорят о свадьбе, значит, гадающая в этом же году выйдет замуж; если разговор идёт о поездке, значит, предстоит дорога; говорят о покойниках и похоронах – либо сама гадающая умрёт или из семейных и т.п.

Ходили слушать на перекрёсток в 12 час(ов) ночи, это была опасная ворожба, так как звуки улицы принимали за наваждение нечистой силы и слабонервные иногда кончали истерикой или обмороком, а потому всегда поблизости кто-нибудь находился из своих.

Считали тын, т.е. захватывали тын или садовую решётку в размах рук и считали захваченные тычинки, говоря – «вдовец», «молодец», на каком слове кончался счёт, таков и муж.

Воровали поленья из полениц у кого не было ни вдов, ни сирот; полено на ночь клали в голову, а утром осматривали: если полено было гладкое и ровное, муж б(удет) красивый, а если сучковатое, то некрасивый будет; подробно разбирали и сон, который видели в эту ночь и рисовали по его содержанию будущую судьбу.

Смотрели в зеркало на разные приёмы; много и других гаданий было, но всех не опишешь. Святки вносили много оживления в монотонную жизнь не только мещан, но и других общественных групп. Между прочим, на Святках даже в солдатских казармах был настоящий праздник; улучшался стол и устраивались спектакли; в разных казармах разыгрывали «Царя

Максимилиана» и «Шайку разбойников», на которые собиралось много гостей и казармы приобретали праздничный вид.

Все рождественские развлечения конались крещенским сочельником, в который никто не ел до «звезды» и то только постное. Вечером в этот день перед отходом ко сну, кто либо из женщин, чаще «баушка» с «Иисусовой» молитвой на устах, ставила углём или мелом кресты на окнах и дверях, над целом (передняя часть – *Т.К.*) печи и т.д. для предохранения от нечистой силы. В крещенский же сочельник заканчивались святочные гадания: замораживали в ложке воду или выливали белок яйца в стакан с водой и утром в Крещение смотрели, что вышло. В Крещение ходили на «иордань», где освящали воду, это было под Шипилинским взвозом. Мужская молодёжь, надевавшая на святках маски, после молебна купалась в «иордани» несмотря на мороз, чтобы только смыть с себя грех маскарада, потом кое-как накинуть на себя бельё и шубу, вскакивали на вершних (верховых – *Т.К.*) лошадей и неслись домой греться.

После святок в мясоед начинался *период свадеб*; нужно при этом иметь в виду склад семейной жизни в старые годы: отец или дед, если он был жив, являлись законодателями своей семьи и держали в руках не только детей и внуков, но и своих жён. Режим семьи был определённо деспотический и ни жена, ни дети не могли не только что-либо сделать без разрешения главы семьи, но даже не смели возражать. Если глава семьи калечил свою жену и детей по самодурству или под пьяную руку, то соседи жалели их, но считали, что он вправе так поступать. Были случаи, когда чем-либо взбешённый отец, своего женатого сына бил верёвкой или плетью и тот покорно сносил это. Тогда в редких семьях был настоящий лад. Позднее, г(оды) (18)70 и (18)80-е, этот режим уже смягчается, но все же воля родителей доминирует, поэтому в выборе невесты в некоторых семьях играли главную роль родители и их желание, но во многих случаях право выбора предоставляли жениху и родители следили лишь за тем, чтобы девушка была из хорошей семьи, хорошего скромного поведения и хозяйка; часто выбирали невест из знакомых деревенских семей. Родители жениха приглашали особую сваху, с которой и шли в дом невесты. Если предложение было принято, назначали «сговор» и вырешался день свадьбы.

В богатых домах, где приданое готовилось чуть не со дня рождения невесты, к свадьбе всё же готовились – всё ещё кроили, шили, обсуждали, прикупали и т.д. У бедных всё было проще и приданое было незамысловатое. Богатые невесты венчались в шёлковых и шерстяных платьях, менее состоятельные в кисейных белых или цветных; волосы распускали свободно, повязывая вокруг головы разноцветной лентой с бантом наверху. Фата и цветы стоили дорого, были доступны только богатым, а потому даже состоятельные мещане не покупали венчальных уборов, а брали из магазина напрокат, после венчания сдавали обратно, но и это было многим не по средствам, а потому фата редко употреблялась. Если невеста была деревенская, тогда на распущенные волосы сразу надевали косынку. После венчания из церкви ехали в дом жениха или невесты, если жених был одинокий. На свадебный вечер приглашали музыку; в то время в Красноярске жил старичок-лирник, так обыкновенно его. Но чаще танцевали, плясали и играли под песни.

После мясоеда, времени свадеб, наступала масленица, пора блинов, катаний, гощений и даже карнавала. С первого дня масленицы блины играли роль семейных угощений, но со среды праздник принимал уже общественный характер: все ходили по гостям; молодёжь хлопотала у катушек, поливая водой, уравнивая и украшая зеленью. Самая большая катушка была у мясных рядов на Каче; эта катушка была платная, на ней всегда было много народу и даже местная аристократия приезжали компаниями, катались с неё на больших санях и медвежьих шкурах. Но большинство казачьей и мещанской молодёжи устраивали свои районные катушки; так, на Песчаной улице, где каланча на дюне, устраивали катушку казаки, на ней было весело и непринуждённо, а потому и посетителей было много. Из-за таких катушек выходили иногда неприятности: так, полиция, считая эту казачью катушку подрывом городской на Каче, пробовала ночью её портить и изрубала весь лёд; наутро, молодёжь, увидев нанесённые повреждения, живо поправили нанесённый вред, а казаки отправились к своему полковому начальству с жалобой на действия полиции. Сотник местной сотни принял сторону казаков, переговорил с губернатором, который дал распоряжение по полиции не трогать казачьих затей и катушка действовала до конца.

Кроме катания на катушке, устраивали гуляния на улицах на кошевах и санях; сани выбира-

лись широкие, покрывались коврами, запрягались парой и весёлая компания ехала на Большую (Воскресенскую улицу – *Т.К.*), где происходило главное катание.

На тротуарах и на лавочках размещалась безлошадная публика, любящая картину катанья горожан всех сословий, в своих наблюдениях и замечаниях высказывая свой юмор над неудачной запряжкой или украшениями. В последний день масленицы устраивалось иногда нечто вроде карнавала: золотопромышленники Григоровы устраивали на полозьях три большие лодки, оснащённые по всем корабельным правилам, с гребцами в красных рубашках. В средней лодке был поставлен стол, великолепно обставленный закусками, винами, грудями блинов, тут же приготовляемых; здесь сидели хозяева с гостями и служащими. На крайних лодках песенники и музыканты. Всё это гудело, шумело, пело и двигалось среди других экипажей вдоль Большой улицы, от старого до нового базара.

Устраивались подобные вещи и другими богачами того времени, например, М.К. Сидоровым (купец I гильдии, золотопромышленник, меценат – *Т.К.*). Некоторые горожане уезжали в Торгашино, где устраивалось «взятие снежного городка», которое устраивали казаки со всеми подробностями казачьей боевой жизни и правил обороны. Судя по рассказам старожилов, здесь было всё грандиознее Ладеек. Взятие «городка» праздновалось шумно и весело, но никаких знаков отличия героям не давалось. Катушка, катание, «городки» – всё это уличные развлечения; в домах своим чередом идёт масленица – везде громкие разговоры, чоканье и уничтожение поставленного угощения. Погостив в одном доме и захватив с собой его хозяев для компании, ехали дальше в другой и т.д. Так шумно праздник продолжался до вечера воскресенья т(ак) н(азываемого) «прощённого». Вечером, в «прощённое воскресенье», ходили и ездили по родственникам и знакомым «прощаться», т.е. друг перед другом каяться в вольных и невольных обидах. В старое время этот обычай строго соблюдался, исполняя традиции целого ряда поколений. Молодые кланялись старшим в ноги, а старые перед молодыми, истово касаясь перстами пола, произносили слова примирения, взаимно прося простить, чтобы достойным образом подготовиться к посту. Печальный звон к вечерне напоминал о конце праздника.

В 12 час(ов) ночи во всех домах города тихо. С «чистого понедельника» начинается особая полоса обывательской жизни: редкие, печальные звуки церковных колоколов всем, тяжёлым от масленичного угара, головам напоминают, что пришёл Великий пост. Во всех домах идёт чистка, мытьё посуды и помещений; готовят постные кушанья; разговоры идут о говеньи – кто и когда. Старики и старухи обыкновенно выбирают первую, четвертую, седьмую недели с длинной утомительной службой, более молодые выбирают время говения с более лёгкой службой. В «чистый понедельник» знакомые, встречаясь, поздравляли друг друга с великим постом, говоря «на хрен, да на редьку, да на белую капустку». К вечеру везде топили бани и шли мыться. Великопостное настроение «чистого понедельника» нарушалось криками и песнями кучеров, справлявших в этот день свою масленицу.

Великий пост проводили в усиленном труде, посещении церковных служб и говении. Все старались к Пасхе приготовить обновы, а потому женское поколение от мала до велика занимались усиленно шитьём. Много времени у девушек и молодых женщин брало «плоение» и глаженье крахмальных юбок с массой оборок. И не только платью надо было плоить, но и нижние юбки, которых в праздничные дни одевалось много на кринолины. Песен за работой в пост не пели. Мужчины же готовились к полевым работам, кто имел пашню. В 1-е воскресенье ходили на «анафему». На четвертый день в среду стряпали из теста кресты; на пятой неделе ходили в церковь на стояние Марии Египетской, а на 6-й неделе в субботу ко всенощной, куда приносили букеты вербы с бумажными цветами и после всенощной получали освящённую вербу, которую несли домой. Дома этой вербой стегали скот. Кто за вербой ходил к утрени в вербное воскресенье, тот, приходя домой, стегал вербой спящих, приговаривая: «Верба хлес, бей до слёз. Вербка красна, бей до красна» и т.д. Освящённую вербу клали на божницу, где она и хранилась до следующего года. Большим почётом пользовался праздник «Благовещение», которое сравнивали с первым днём Пасхи; поэтому существовала даже примета, «что кака погода в Благовещение, така же будет и в первый день Пасхи». В этот день соблюдался целый ряд традиционных обычаев: выпускали птиц из клеток, девушки не плели в этот день кос, а ходили с распущенными волосами или заплетали

накануне и на ночь голову туго повязывали платками по пословице «птица гнезда не вьёт, девица косы не плетёт».

Великий четверг ходили в новый собор к архиерейскому богослужению «на омовенье», вечером к стоянию «на 12 евангелий», откуда шли домой с горящими свечами и задымливали кресты в переднем углу на потолке, на лестнице, на колодах дверей, оберегая этим дом от «нечисти и громовой стрелы».

Великоденная суббота – рано утром ходили на погребение Христа за заутреней. Последнюю неделю поста проводили ещё в более строгом посте и в усиленных приготовлениях к Пасхе. В субботу все помещения приводили в порядок и украшали пихтами. Накрывали столы чистыми скатертями. Все одевались в чистое и, если было, в новое. Пожилые шли с вечера в церкви на чтение часов, остальные шли к 12 часам. Всю ночь никто не спал – спать считалось грехом, а кто засыпал, того ждало несчастье.

На Пасху в церковь все шли в светлых платьях. После обедни христосовались друг с другом, святили куличи и шли домой разговляться. Этот праздник встречался и проводился радостно и торжественно. Молодёжь развлекались сезонными удовольствиями: устраивали скакули и качели; были качели у мясных рядов, по Песочной улице и в других частях города. На качели собиралась молодёжь обоёго пола; качались, пели песни, играли кругом, разлуки и др. Когда с Острожной площади убрали острог, то там стали устраивать качели, карусели и др(угие) народные развлечения. В казармах тоже для солдат устраивали качели. А подростки занимались катанием яиц. В субботу накануне «Радостного воскресения» ходили к обедне в старый собор за артосом (хлебец, освящённый в первый день Пасхи – *Т.К.*).

В родительский день все служили панихиды в приходских церквях по своим умершим родным, а потом шли на кладбище, куда брали корзину с печеньем: блинами, шаньгами, калачами, булочками (в булочки запекались монеты – это т(ак) н(азываемая) «тайная милостыня»), а также несли венки с бумажными цветами для украшения могил. Вдоль всей дороги от Покровского моста до кладбища сидели нищие и убогие, которые в этот день получали щедрую милостыню. Щедрую же дань собирало в этот день духовенство, служившее панихиды на могилах. Приходящие на могилу христосовались с покойником до трёх раз, катая яйцо по могиле кругом и затем оставляя его тут же для нищих.

Преполовение или «преплавленье», которое бывает в четвёртую среду после Пасхи, обязательно ходили в церковь и участвовали в крестном ходе вокруг города, т.е. от старого собора до нового и обратно, в один конец по Благовещенской и обратно по Гостинской улицам. Отданье Пасхи накануне Вознесения; последний раз пекли куличи и красили яйца.

Троица. С давних пор перед Троицей приносили из Арейской церкви икону Троицы, чтимую как чудотворную. Сначала её приносили дня за три до праздника и в субботу относили обратно, но позднее стали «принимать» по всему городу и уже ходили многие из мещанских семей по «обету» за иконой и стали приносить в 4-е воскресенье после Пасхи. В субботу провожали икону за город. В Троицу дома украшали берёзками и ставили срубленные берёзки вдоль улицы. В церковь и молодые и старые шли обязательно с букетами цветов или хотя бы с зелёными веточками в руках; в Троицин день все одевались в белые или светлые платья, как в Пасху; девушки одевались в белые кисейные платья с цветными кушаками и «кокетками» или в голубые, палевые, розовые из тарлатана или барежа.

9-я пятница или день Св. Параскевы также выделялся из однообразных дней обыденности: к этому дню многие из городских жителей ходили пешком в дер(евню) Барабанову к «явленной» иконе Параскевы-пятницы. В городе в этот день все собирались к старому собору, откуда после обедни шли крестным ходом к часовне на Караульной горе. Почти всегда в этот день была хорошая погода и гора расцветивалась светлыми нарядами богомольцев.

Аграфена Купальница – 23/VI ст(арого) ст(илия) женщины ходили на гору собирать «богородску траву», принеся домой, её раскладывали по крыше «под Иванову росу». Утром 24-го её собирали в мешочки и хранили, потребляя для мытья кринок, «чтоб Бог хранил коровушек и снимок был погуще». С этого дня женщины начинали купаться.

Ильин день сильно почитался и никто в этот день не работал ни в поле, ни дома, кроме самой

необходимой работы по хозяйству. Были убеждены, что Илья накажет за работу и приводили много рассказов об этом.

Первый Спас – 1-го августа, в этот день на набережной, где теперь пристани, устраивался базар со свежим мёдом, ягодами и др(угой) зеленью.

Успенский пост строго выполнялся.

Покров – 1-го октября – чтился горожанами сильно и в Покровском приходе было всегда епископское служение. Но так как Покров очень праздновался в деревнях, то многие ездили к Покрову в деревни к родственникам и знакомым погостить дня на 2-3.

Кроме того, осенью устраивались «капуски», на которые приглашали знакомую молодёжь на помощь рубить капусту, вечером после окончания работы устраивались игры, танцы и ужин.

Остальные праздники особенно ничем не выделялись и только 14 ноября, заговенье на Филиппов пост, стряпали пельмени, приглашая родных и близких, знакомых. На 14-е ноября – Екатерины-мученицы – холостые мужчины «постничали», т.е. ничего не ели до вечера, а ложились спать, молились Екатерине, чтобы она показала невесту во сне. То же делали девушки на Александра Невского 23-го ноября.

Городское благоустройство. В городе лучше всего стало при Падалке. Вот человек-то был. Никого не боялся. Оденется в само плохо, да и идёт в каку хошь трущобу и полицию в руках держал. Сад он обнёс забором, провёл дорожки и аллеи, устроил беседки; китайская беседка роскошная была. Из сада была сделана дорожка на Енисей и кончалась беседкой. Какие иллюминации устраивал. Там, где теперь весы – шутихи, фейерверки и т.д. Гулянья все бесплатные были. В Севастопольскую войну была устроена *аллегория* (лотерея с немедленным получением выигрыша – Т.К.) в пользу раненых, так пустых билетов не было; одному рабочему на постройке нового собора достался роскошный серебряный сервиз. На гуляниях порядок: народ-то другой был. Ходили чинно, кусты не ломали, на тёмных аллеях грабежа не было, всех прибрал. Рассказывали: он раз зашёл в избу, где собирались ненадёжные люди; разговорились, дело дошло до откровенности и угошенье в ход пошло, и Падалка, выпив рюмочку, закусывал. Во время разговора он убедился, что во всей их компании один мошенник, а остальные не при чём. Стал он прощаться и говорит: «До свиданья, не поминайте лихом, а меня семья ждёт» (а полиция у ворот сидит ни жива ни мертва, думает, что его прикончили). Только он ушёл, а мошенник и говорит: «А знаете, кто это был? Ведь это губернатор». «Что же ты не сказал». «А как скажешь. Да вам ведь бояться нечего, а меня из-за вас не потрогает». Рассердились они, что он мошенник и их подводит, и давай его лупить. Падалко был у окна, услышал, пошёл в избу и говорит: «Отпустите его».

Очистка дворов и улиц лежала на домовладельцах, но иногда прибегали к такому способу: ночной обход, состоящий из очередных граждан, забирал ночью пьяных и любителей чужой собственности, а на утро арестованных гнали мести улицы и площади. Ночной дозор был организован следующим образом: все домовладельцы квартала по улице от угла до угла держали ночное дежурство до самого утра. Причём, такой пикетчик имел у себя во время дежурства особый полномочный знак, переданный полицией кварталу. Он состоял из шеста, к которому привязывалась на верёвке квадратная доска, в углу этого квадрата была дырочка для верёвки, чтобы привязать к шесту, а в середине её углубление с сургучной печатью.

Очередной дежурный эту доску снимал с шеста и брал с собой на дежурство, а утром опять привязывал её к шесту и шест ставил в соседний двор, как указание на очередное дежурство. Так как для взрослых это очередное дежурство было затруднительно и утомительно, то часто за себя старики посылали подростков, которые сейчас же подбирали соответствующую компанию и время проводили очень весело. Потом полиция нашла такой порядок дежурств неудобным и стала разрабатывать план ночной охраны наёмными пикетчиками; жители объяснили эту реформу тем, что гражданский пикет был удобен для воров, а потому и полиция зарабатывала мало – невыгода явная.

Когда нужно было давать знать жителям о пожаре, то обычно очередной дежурный трещал в трещотку, которая также была у него на руках, а на свистки перешли уже в (18)80-х годах.

Когда были введены наёмные пикетчики, то до введения свистков, они колотили в колотушку, чтобы показать гражданам, что они бдят. Полиция каждое утро посылала особых десятских по

городу; десятский стучал в окно и спрашивал: все ли благополучно, нет ли прибывших, выбывших, умерших, рождённых. Хозяин отвечает в зависимости от состояния дела. Если был приезд или отъезд, тогда десятский заходил и подробно всё спросив, записывал в особую книгу. Так было в (18)50-е годы.

Бани. Первая общественная баня была на Каче у Терентихи. К Терентихе ходили только веселые люди и приискатели, а вообще горожане ходили в свои бани. У Терентихи баня была номерная и общая по Казачьему переулку. Были ещё общественные бани солдат в батальоне – «отделенские». Потом Борисовы устроили баню общую для мужчин и женщин вместе на углу Гимназического переулка и Песочной улицы, где теперь дом Мельниковой, но власти велели перенести на другое место, и она была построена на берегу Енисея в старых кузнечных рядах (на том месте, где теперь новый музей). Только третья баня Борисовых построена на теперешнем её месте. Борисовых все звали по-уличному «Банщиковы». Мылись в банях в деревянных шайках. Позднее Борисовых бань устроены были Хилковские, Кузнецовские и др.

Медицинская помощь и самоврачевание. Врачей было мало, преимущественно военные; из местных врачей хорошо помнят Вилямовского и Ст. Жилкина; но мещане и казаки редко обращались к помощи врача, так как отношение к врачам было недоверчивое, а временами и ироническое: «Уж больно учёны. Больше Бога знают». Чаще обращались к военным фельдшерам, которые, живя среди населения, были ближе к нему по своему развитию и взглядам, а потому и доверия к ним было больше. Фельдшера открывали кровь, ставили банки и лечили переломы костей. Одним из часто употребляемых лечебных средств были пиявки, которых обычно доставляли татары; иногда они же и ставили их.

Главными лекарями казацко-мещанского населения были свои доморощенные «баушки», из которых особенно славилась, как опытная и добросовестная «повивалка» и лекарка Мария Поварова, по профессии пряничница, торговавшая на базаре. К её помощи прибегали не только мещане, но и купечество и духовенство. Благодаря частым приглашениям на практику и щедрым дарам на «руки», у ней были всегда полные сундуки шелковья, мануфактуры разными отрезами, головных платков, фартуков и т.д. и куски самого разнообразного мыла, даримого при «размывании рук». Позднее славилась лекарка «чугуна баушка».

Способы врачевания были самые простые, домашние:

1. Болит голова: ставят на виски и затылки горчичники; примачивают уксусом с водой, при чем уксус употребляли «ренсковый» и хлебный; иногда болезнь головы объясняется тем, что человек «страхнулся и шевелил мозги, значит, надо мозги «направить на место», для этого надо измерить голову и, зажав руками, встряхнуть; пьют настой «серебрянки», богородской травы и т.п.; при сильном жаре к голове прикладывали к затылку и подошвам ног красную глину, смоченную квасом.

2. При «надсаде»: поили «Филичевой травой», луговым зверобоем, каменным зверобоем и «тысячелиской»; приглашали «баушку» править живот. (У «баушки» Поваровой были такие жёсткие и шершавые руки, что её больные с ужасом думали о повторных сеансах); если ничего не помогало, то прибегали к самому «верному» средству – «накидывали горшок».

3. При простуде: поили малиной со смородиной; водили в жарко натопленную баню и парили всю; натирали настойкой берёзовой мочки на спирту и теплее покрывали на ночь, чтобы пропотел.

4. При запорах: поили огуречным рассолом; поили кислым молоком и квасом, одно за другим; а в крайнем случае поили сабуром (сок алоэ – *Т.К.*) – 1 золотник на 1 рюмку воды.

5. От поноса – поили настоем сушёной черники или корня черноголовника.

6. С зубной болью боролись наговорами на три молодых месяца.

7. Лихорадка (лихоманка-кумушка): пьют отвар травы «от лихорадки», репеек, собачьи ягоды; поят наговорной водой, читая над ней о Св. Марии и 77 лихорадках; во время приступа лихорадки, когда начинается озноб, надо выкупаться в реке как бы ни было холодно, прийти домой, выпить горячего чаю и, укрывшись теплее, лечь в постель. Проспится, пропотеет и лихорадка бросит.

8. Родимчик (детская болезнь): во время припадка родимчика поили с «кипарисной иконы»; покрывали подвенечным платьем матери; поили наговорной водой – «царь-огонь», «царица-огонь» и т.д.

9. От грудной болезни (чахотки): поили настоем сосновой мочки и парным молоком; горячим

кипяченым молоком, «чтоб грудка отошла»; скипидаром с водой (3-4 капли); на грудь прикладывали сахарную бумагу, проткнутую и промазанную сальной свечой, хорошо нагретую.

10. При обмораживании оттирали снегом и смазывали гусиным салом.

11. Порезы: прикладывали листья подорожника; паутину; присыпали сахаром.

12. Скарлатина – поили отваром урюка.

13. При нарывах: делали «спуск», который готовили так: в столовую ложку наливали деревянного масла, клали кусочки обязательно желтого воску и держали над свечей, пока воск разойдется и смешается с маслом. Этот состав охлаждали, намазывали на тонкую холстяную тряпочку и прикладывали к ране».

2012

Ю.К. Махно,

г. Абакан, Республика Хакасия

Первая полная средняя школа города Абакана

С 1930 г. село Усть-Абаканское становится центром Хакасской Автономной области (ХАО), образованной 20 октября 1930 г. и центром Усть-Абаканского района. 30 октября 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление о переносе центра Чарковского района из улуса Чарков в с. Усть-Абаканское, с переименованием района в Усть-Абаканский. Село Усть-Абаканское преобразовано в город Абакан в апреле 1931 года.

К моменту образования города на территории поселения было три школы: Усть-Абаканская школа-семилетка и две начальные школы первой ступени. Усть-Абаканская (Абаканская) школа-семилетка 2-й ступени находилась на улице Набережной, дом 28. Дата её образования 1863 г., в 2013 г. школа отметила своё 150-летие.¹ Первая начальная школа (железнодорожная) была открыта 8 октября 1926 года. Первоначально здание начальной школы находилось на привокзальной площади – полосы отчуждения железной дороги. (Полоса отчуждения — это небольшая территория железной дороги, где были расположены клуб, баня, школа, дома-бараки. Всё это находилось в собственности железной дороги).²

Другая начальная школа возникла в посёлке Абакан, позже ставшая первой полной средней школой города. Обратимся к архивным документам, где содержится информация о школе посёлка Абакан при железнодорожной станции, за пределами территории полосы отчуждения.³

Указан адрес школы и её тип: Усть-Абаканская I ступени школа № 1. Дата открытия школы: 1930 г. Источник финансирования: на бюджете сельсовета. Срок обучения: 4 года. Количество учащихся – 434 ученика, возраст учащихся – от 6 до 17 лет, большая часть учеников были дети 7-10 лет.

В 1931/32 учебном году школа впервые набрала учащихся в пятую группу и, следовательно, стала школой второй ступени. В 1933/34 учебном году был произведён набор в восьмой класс, и образовательное учреждение получило статус средней школы. В 1934 г. руководство страны установило общую школьную систему: начальная (I-IV классы), неполная средняя (I-VII) и средняя школа (I-X классы). В 1936 г. состоялся первый выпуск десятого класса: восемнадцать юношей и четыре девушки. Школа получила статус полной средней школы – она была единственной средней школой города вплоть до 1947 года. В 1947 г. статус полной средней школы получила и школа № 10. В 1930-е гг. школа № 1 несколько раз меняла свой адрес. Это были одноэтажные деревянные здания на улицах К. Маркса и Октябрьской (с 1959 г. улица Ленина). В 1939 г. в центре города построили новое четырёхэтажное здание, в котором школа размещается и в настоящее время.

За эти годы школа сделала 77 выпусков, каждый из которых насчитывал не менее ста человек. Всего более 7 тысяч человек! Знаменитый выпуск учащихся 1941 г. насчитывал 94 человека, самый известный выпускник этого года — доктор исторических наук, профессор Л.Р. Кызласов, чьё имя сегодня носит Хакасский краеведческий музей. В школе работало много замечательных учителей, среди которых первый директор средней школы (1936-1937 гг.) Пётр Иванович Штыгашев, заслуженный учитель РСФСР, инспектор ХакоблОНО по хакасским школам; Ираида

Андреевна Барашкова, заслуженный учитель РСФСР, проработавшая в этой школе всю жизнь, учительница русского языка и литературы, почётный гражданин города Абакана.

О школе № 1 г. Абакана, об учителях и выпускниках 1980-х гг., мне и хотелось поделиться своими впечатлениями. В 2013 г. исполнилось 30 лет одному из выпусков данной школы, в одном из классов которого я был классным руководителем.

Педагогический коллектив школы № 1 всегда был большим, дружным и трудолюбивым. Директором школы в нач. 80-х гг. прошлого столетия работал Штиглиц Гарри Эдуардович. Человек природного ума, красивый, седовласый мужчина в очках, истинный интеллигент – таким он остался в памяти всех тех людей, которые работали вместе с ним. Он был учитель учителей, учил нас анализировать уроки, защищал честь и достоинство учителя перед вышестоящими органами. Хорошо запомнился эпизод из школьной жизни, который произошёл в моём 10 «А» классе (выпуск 1983 г.). В город приехала министерская комиссия из г. Москвы: изучали и проверяли систему перехода учителей истории на лекционно-семинарскую систему обучения. От меня потребовали, чтобы я провёл лекцию, но по программе у меня должно было пройти лабораторное занятие по работе В.И. Ленина «Доклад о революции 1905 года». Я не стал перестраиваться и провёл урок, как его запланировал, т.к. в это время изучение Ленинского теоретического наследия, документов КПСС стояли в центре внимания учителей истории. На мой урок пришло 6 человек из комиссии, во главе с московским инспектором. После проведения занятия начался анализ урока, московский инспектор сразу пошёл в атаку: «Почему у вас на уроке отсутствовал образ вождя? Почему вы не уделили внимания тому-то, тому-то, а надо было дать вот это». Гарри Эдуардович выслушав такое начало, встал и демонстративно вышел из кабинета, так как инспектор проводил неграмотный методический анализ. Через некоторое время не выдержал и я. Открыв двери, я грубо попросил инспектора выйти в коридор. «Пошёл вон» – эти слова надолго врезались в мою память. Три ночи я не спал, всё думал: какие будут последствия моей грубости. Вскоре я встретил работника ГорОНО, который поведал мне, что и московский инспектор не спал, «так как учитель истории и директор школы «всыпали» ему по полной программе».

Гарри Эдуардович запомнился мне не только как директор школы, но и как собеседник, эрудит, большой полемист. Он любил задавать интересные вопросы на историческую и публицистическую тематику. После беседы с ним, я всегда обращался к литературе, чтобы аргументировано отстоять свою точку зрения.

Хорошую память о себе оставила Дементьева Анна Александровна – талантливый и мудрый педагог, заслуженный учитель школы РСФСР. Она была секретарём партийной организации школы. Нас с ней сблизила идеологическая работа, которой уделялось большое внимание в советской школе. Я был пропагандистом. Анна Александровна, будучи секретарём партийной организации, контролировала и направляла мою работу, помогала подбирать докладчиков, разрабатывать план очередного заседания, активизировать работу слушателей-учителей. Анна Александровна хорошо помнила директора школы 1950-60-х гг., учителя истории Жданову А.С. и всегда напоминала мне, чтобы в старших классах проходили научно-практические конференции, как продолжение традиций знаменитого директора.

Запомнились заместители директора по учебно-воспитательной работе Елькина Мария Георгиевна, учитель математики, Стеценко Клавдия Фёдоровна, учитель русского языка и литературы Назову ещё некоторые фамилии – Стрельцова Т.И., Шадрин Э.И., Жигалина Н.И. Боярова Т.Б., Смирнов М.И. Данчук Н.Ф., Жибинова О.В., Чаптыкова А.Ф., Огурцова Л.Б., Попов В.В. и др. Все они ушли на заслуженный отдых.

Школа всегда была «перегружена» учениками. В некоторых классах количество учащихся достигало более 40 человек. Был в школе один класс средней параллели: очень шумный, неорганизованный, у всех учителей в этом классе «страдала» дисциплина. Мы, учителя, говорили между собой, что лучше провести пять уроков в параллельных, чем один урок в этом классе.

И вот однажды завуч школы собирает нас, учителей, на малый совет на тему «Дисциплина в данном классе». Выступает завуч и говорит примерно следующее: «В администрацию школы обратилась родительница, которая жалуется, что её дочка не может усвоить материал на уроке, так как в классе плохая дисциплина». Мы не удивились, так как хорошо об этом знали, а главное

привыкли к этому. Папа дочка оказался Первым секретарем Хакасского обкома КПСС, а девочка в школу поступила недавно. Мы, конечно, смотрели графу «Родители» в школьном журнале, где было записано, что отец этой девочки партийный работник, но детей советских и партийных работников всегда было большое количество, мы на это не обращали внимания. Кстати, дети руководителей советских и партийных работников ничем не выделялись из класса, всегда были скромными и вежливыми. Завуч продолжала: «Самое парадоксально заключается в том, что девочка не хочет переходить в другой класс и даёт хорошие отзывы большинству учителей класса». Чем закончился наш совет, я не помню, но хорошо помню одно – через некоторое время обстановка в классе нормализовалась.

Творческие, одухотворённые учителя работали в это время в школе. В 2008 г. три выпускных десятых класса отметили 25-летний юбилей. Нам, учителям школы, подарили диск с надписью «Встреча с юностью. От выпускников 1983 года».

В своём выступлении я дал характеристику всем трём классам. 10 «В» – я назвал дискуссионным. На уроках истории, и особенно обществознания, ребята постоянно задавали вопросы. Когда не были готовы к уроку, они, «провоцируя» меня, задавали вопросы сначала по теме урока, а затем уводили в сторону от неё. Я прекрасно понимал эти «хитрости» и сознательно реагировал на них. Мне было интересно отвечать на их вопросы. Классным руководителем этого класса была строгая миловидная женщина – Жибинова Ольга Васильевна, учитель математики.

10 «Б» класс – я называл историческим (классным руководителем этого класса была Чаптыкова Агния Фёдоровна, добрая и милая женщина, она преподавала английский язык). Многие ребята любили историю как предмет, требовали от меня обстоятельных ответов на каждый вопрос плана урока. Некоторые из них вели рабочие записи моих уроков.

В 10 «А» я был классным руководителем в течение двух лет. Это был очень любознательный класс. Я называл его – класс туристов. Мы ходили с ребятами в туристические походы по родному краю. Совершили две двухнедельные поездки: по республикам Средней Азии, и по республикам Прибалтики, с заездами на несколько суток в города Москву и Ленинград. Туристические поездки сплачивают класс, делают его дружным. Это, конечно, увлекательное дело, но и большая ответственность руководителей за жизнь и здоровье детей.

Прошло 30 лет, а ребята выпуска 1983-го года собираются ежегодно на свои небольшие вечеринки, организуют юбилейные встречи через каждые пять лет. Многие из них стали инженерами, врачами, журналистами, учителями, судьями, предпринимателями и просто трудовыми людьми. Есть и герои локальной войны. Выпускник 10 «Б» класса Головников Вадим – герой войны в Чечне, награждён правительственными наградами, в одном из боёв был тяжело ранен, потерял ногу, но остался в строю. В настоящее время Вадим служит инструктором в отряде «СОБР», передаёт свой опыт молодому поколению. Мне вспоминаются слова Гёте, сказанные мной о выпускниках 1983 года: «Лишь только тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них на бой». Мы, учителя 1980-х гг. старались воспитать в них стремление к самосовершенствованию и самостоятельности.

Хорошо запомнился один из уроков истории нач. 1980-х годов. ...В 1983 г. страна переживала кризис. Устраивались рейды, проверяли, все ли находятся на рабочих местах в рабочее время. В дневное время с проверками посещали парикмахерские, магазины и даже бани. Однажды, в дневное время, меня остановила группа людей в универмаге, спросили: «Почему Вы в данное время не на работе?» Я сказал, что я учитель школы № 1, и что у меня нет в данное время уроков. И продолжил: «Представьте себе, если бы школьный учитель без предупреждения администрации не явился бы на занятие в школу. Учащиеся 6-7 классов «разнесли» бы школу». Мне поверили. После этого случая я решил провести в 10-х классах урок на тему: «Социалистическая дисциплина труда».

В марте 1983 г. проводилась Научно-практическая конференция учащихся десятых классов по теме: «Социалистическая дисциплина труда». На конференции присутствовало более 70 старшеклассников. Серьёзный разговор шёл о нарушениях школьной дисциплины, о случаях появления некоторых старшеклассников на школьных вечерах в нетрезвом состоянии, о многочисленных опозданиях и пропусках уроков без уважительных причин. Значительная часть ребят считала,

что дисциплина и порядок в школе недостаточны. Ученица 10 «Б» класса Таня К., выступая, закончила свою речь такими словами: «Наша обязанность: воспитывать у всех членов школьного коллектива высокое чувство ответственности за результаты своей работы, уважение к труду, непримиримость к недостаткам, готовность дать решительный бой любым негативным явлениям».

Другие выступавшие назвали фамилии учащихся, для которых сознательная дисциплина, чёткая организация труда сделались нормой каждого жизни. Это отличники учёбы Алла К., Лена П., Таня Ш. и другие. «Надо не стесняться учиться у них!» – об этом говорили ребята.

Сами школьники вот как объясняли причины прогулов и опозданий: «Опаздываю из-за того, что проспала», «Иногда просыпаем всей семьёй», «Долго собираюсь в школу, долго стою около зеркала»... Таких ответов было немало, и они убеждали в том, что основная причина недисциплинированности – нетребовательность к себе. Были и другие ответы: страх получить двойку, так как не выучен урок.

«Если бы я была учителем или директором, – написала ученица, – то ввела бы самоуправление. По-моему, это лучше, чем когда тебя подталкивают везде и во всём». «Я дал бы ученикам больше самостоятельности в проведении вечеров и других мероприятий» – писал другой ученик. Были предложения, направленные на организацию досуга учащихся, на улучшение организации дежурства в школе и др.

Интересное мнение о школе высказали выпускники 1983 г., некоторые идеи не потеряли своей актуальности и в настоящее время «Я дал бы ученикам больше самостоятельности...» – так называлась статья в газете «Советская Хакасия» (29.03.1983 г).

Прошло время. Обстановка в стране коренным образом стала иной. Изменились экономические, политические, идеологические отношения. Общество пошло по пути рыночной экономики и расширения демократии. Радикальные изменения в обществе привели к кардинальному изменению исторического сознания, в т.ч. и моего. Пришлось обратить серьёзное внимание на роль человеческого фактора в истории.

Зимой 2011 г. я встретился с выпускником 1983 г. – участником бурных школьных дискуссий, а ныне руководителя одной из фирм г. Москвы. Он вспомнил уроки-диспуты в школе № 1 и предложил организовать клуб «История в лицах». Идея была такова: рассмотреть роль личности в историческом процессе и ответить на вопросы: каким человек (личность) был на самом деле? Что он сделал для родины? Что эта личность означает сегодня? Какие лица отечественной истории можно назвать выдающимися? Создать их исторические портреты.

Директор школы поддержала нашу идею. Клуб был организован на базе классов, где работала учителем истории и обществознания Шалагина Елена Фёдоровна. Думаю, что школьникам запомнились следующие мероприятия – встреча с журналистом Алексеем Анненко в 2011 г., который провёл интересную беседу о восьмидесятилетии Абакана. После этого мы написали письмо жителям города о том, каким мы видим наш город через 20 лет. Письмо вложено в капсулу, которая наряду с другими письмами была закопана в Черногорском парке и будет зачитано в 2031 году. В клубе вёлся разговор о творчестве и общественной деятельности хакасского писателя Николая Доможакова, народного философа Тимофея Бондарева, первого хакасского учёного Н.Ф. Катанова.

В мае 2012 г. в рамках научного форума «Н.Ф. Катанов и современность» в залах Хакасского национального краеведческого музея прошла игра-исследование, посвящённая 150-летию Николая Фёдоровича Катанова, в которой приняли участие школьники и студенты ХГУ. Игра I была разработана на основе викторины, опубликованной в университетской газете ХГУ. В ней приняли участие две студенческие команды (сборная первого курса и третьекурсники отделения географии ИЕНиМ), а также старшеклассники средних школ № 1, № 7, № 10 г. Абакана.

К сожалению, в 2012/2013 учебном году по независящим от нас причинам Клуб временно прекратил своё существование. Новое время требует новых подходов к осмыслению прошлого опыта.

Как и чем живёт школа в настоящее время. В 2012-2013 учебном году в 46 классах обучается более 1200 учащихся. В 2013 г. средняя общеобразовательная школа № 1 г. Абакана произвела очередной 77 выпуск. Первый выпуск учащихся школы был в 1936 году. В 1983 г. состоялся 47 выпуск школы

Школа – финалист федерального этапа конкурса «Лучшие школы России-2005», победитель конкурса среди общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы, неоднократный лауреат Всероссийского конкурса «Школа года».

Весной каждого года в школе проходят Кызласовские чтения, посвящённые Л.Р. Кызласову - академику, профессору, доктору исторических наук, выпускнику школы 1941 г. В них принимают участие школьники г. Абакана, а также некоторых школ Республики Хакасия. Читает школа память и выпускника, Героя России Игоря Ахпашева.

С 2005 г. школой руководит Огурцова Людмила Борисовна, Заслуженный учитель Российской Федерации, Заслуженный учитель Республики Хакасия, Отличник народного образования, победитель регионального этапа конкурса «Лидер образования». Руководитель и учитель высшей категории, педагогический стаж которой – 37 лет.

С декабря 2003 г. в школе действуют историко-патриотический клуб «Поиск». Первым руководителем была учитель истории Куподер Олеся Владимировна.

Члены клуба собирают и систематизируют информацию о людях, прославивших нашу землю; собирают сведения о ветеранах и знаменитых выпускниках своей школы и так далее. Стараниями ребят 10 лет назад создан «Музей истории школы», в котором собранные материалы оформляются и систематизируются. В нём бережно хранятся присланные бывшими учениками школы, ветеранами письма-воспоминания, книги и фотографии.

Клуб сотрудничает с родителями учеников, выпускниками школы, городским советом ветеранов, городской администрацией, с организациями, занимающимися патриотическим воспитанием молодёжи. О результатах своей работы члены клуба «Поиск» рассказывают со страниц школьной газеты «Всегда первая».

В 2015 г. школе № 1 исполнится 85 лет. С наступающим юбилеем, школа!

2013

Примечания:

¹ ГУРХ НАРХ Ф. Р-21. О.1. Д.24. Л.39-226. Данькина Н.А. Интеллигенция Хакасии в кон. XIX - 30-е гг. XX в. Абакан: издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004 г. С. 114-126.

² ГУРХ НАРХ. Ф.169. О.1. Д. 25А. Л.12. Данькина. Указанное сочинение.

³ ГУРХ НАРХ. Ф.169. О.1. Д.25. Л.12-13. Махно Ю.К. Я дал ученикам больше самостоятельности... // Сов. Хакасия. – 1983. – 29 марта; Смелее вводить новое // Сов. Хакасия. – 1984. – 10 июня; Если в основе общая идея; (опыт учителя Махно о блоковой системе подачи материала в школе) // Граждановедение. – 1998. – 20 июня; Готовим урок вместе (об учителе истории Г.Д. Карловой) // Сов. Хакасия. – 1988. – 16 февраля; Обычный урок современного учителя (о работе учителя истории Е.Ф. Шалагиной) // Абакан. – 2011. – 20 дек.; Всегда первая (воспоминания о выпусках 1983 г.) // Абакан. – 2013. – 30 января; Учитель с большой буквы (о выпускнике 1942 г. школы № 1 А.Н. Гладышевском) // Универ. Газета. – 2010. – 9 сентября; Школьный клуб «История России в лицах» // Сборник «Краеведческий альманах». – 2011. – № 1; Прошу прощения за уроки истории // Комсомольская правда. – 2013. – 14-21 марта.

М.Т. Мурзаева,
г. Минусинск

Воспоминания о работе в музее им. Н.М. Мартынова

Прошло 135 лет со дня основания музея им. Н.М. Мартынова. Сегодня, как и в прошлые годы, интерес посетителей к музею возрастает. Вспоминаются лучшие годы моей деятельности, связанные с музеем им. Н.М. Мартынова.

Впервые с работой музея меня познакомила моя сестра, Г.Т. Костюк, работавшая в музее зав. отделом природы. Когда она уезжала с семьей на Дальний Восток, посоветовала мне идти на работу в музей в отдел природы, сказав, что работа интересная.

В августе 1962 г. я, Мария Тихоновна Лалетина-Мурзаева, имеющая высшее педагогическое образование была «...зачислена зав. отделом природы музея им. Н.М. Мартынова». Проработала более 12 лет в качестве старшего научного сотрудника музея отдела природы. Кроме меня в отделе ещё была смотрителем Л.К. Бережных.

Мне посчастливилось поработать с двумя замечательными директорами в музее им. Н.М.

Мартьянова. Сначала под руководством Ивана Ивановича Павлючка, затем – Владимира Алексеевича Ковалёва.

И.И. Павлючек был добрейшим человеком, мягкого характера, никогда не повышал голос на сотрудников. Работалось с ним легко. Испытывали и трудности: средств бюджетных было мало. Научные сотрудники, как говорят «варились в собственном соку» при постройке экспозиции. Опыта не хватало, из-за боязни не справиться с задачей, увольнялись. Помимо основной работы (научно-исследовательской, собирательской) приходилось вести экскурсии по своему отделу. Поток туристов в 1960-70-х гг. был большой. Минусинская туристическая база в организованном порядке приводила группы разных возрастов (взрослых, школьников). Экскурсий иногда проводилось по 3-4 в день. Это, конечно, отвлекало научных сотрудников от основной работы. При И.И. Павлючке стали готовить из учащихся десятых классов экскурсоводов, так начинала свою трудовую деятельность Л.Н. Ермолаева (ныне директор музея).

Приезжали делегации из других стран: Бразилии, Парагвая, ГДР, ФРГ, Франции, Чехословакии. Например, из Франции музей посетил правнук К. Маркса. Из Чехословакии – путешественники Зигмунд и Ганзелка, оба статные, почти одинаково высокого роста. Приезд их ожидали к зданию первого корпуса на машине, но они почему-то задерживались. Оказалось, гости решили прогуляться – пройти пешком от здания горкома партии до музея. Музей временно закрыли для посетителей. Экскурсию проводили научные сотрудники, на которую отводилось час-полтора. Директор И.И. Павлючек предупредил, что время очень ограничено, по отделу – всего 10-15 минут. В отделе природы путешественники заинтересовались растением – купальницей азиатской, по-местному – жарки. Цветы очень красивые, ярко-оранжевые, произрастают в Западном Саяне, относятся к растениям-индикаторам, сырого местообитания.

Другой директор музея Владимир Алексеевич Ковалёв – был умным, всесторонне-развитым, целеустремлённым человеком. Появилась штатные единицы экскурсовод и геолог. Образовался массовый отдел. В.А. Ковалёв стал отправлять научных сотрудников в командировки для знакомства с другими музеями и приобретения опыта в работе. Например, мне пришлось побывать в краеведческих музеях Красноярска, Абакана, Республиканском краеведческом музее Кызыла, Иркутском краеведческом музее, Костромском Ипатьевском музее – в отделе природы, Бурятском музее природы г. Улан-Удэ (в это время у них шла постройка экспозиции отдела природы), в МГУ (музей землевладения), зоологическом музее, ботаническом им. Тимирязева. О поездках составляла письменные отчёты.

Располагался отдел природы во втором корпусе, построенном в 1901 г. В 1951 г. началась пристройка ко второму корпусу (площадь 1800 кв. м) с двухсветным залом. Временно она была передана под краевую совпартшколу, музеем остался лишь двухсветный зал, который сотрудники музея с трудом отвоевали для отдела природы. На небольшой площади располагались два отдела – советский период и отдел природы. Сами сотрудники музея участвовали в сооружении «Высокогорья», используя папье-маше, на монтаж экспозиции ушло 4 месяца. Открылся зал природы в 1958 г. Какая была красота!

Диорамы были представлены степью, лесостепью, с их обитателями; интерьеры – тайгой и высокогорьем. Картина – задник к тайге (площадью 500 м) была выполнена красноярскими художниками Мякишевым и Бояршиным. Картина – задник для северного оленя написал Замаараев, а для соболя – Желтенков (по данным из фонда музея). Первоначально меня пугало огромное количество экспонатов, выставленных в отделе природы: чучела животных и птиц, рыб, геологические и минералогические образцы.

Заходишь в двухсветный зал и видишь разнообразие и красоту животного мира. А чучела зверей выглядели так, как будто они живые и находятся в естественной обстановке.

Но кто же мастера этих произведений, работа которых доставляет эстетическое наслаждение посетителям?

Оказывается со времени существования музея им. Н.М. Мартьянова в изготовлении чучел принимали участие несколько препараторов.

Препаратор музея В.В. Рогозов в 1913 г. изготовил чучела разных птиц. Группы животных (чучела) кабарги, косуль, зайцев-беляков, красного волка, семейство серых куропаток были вы-

полнены препаратором Я.П. Коксиным по случаю временного пребывания его в Минусинске в 1908 г. Большинство чучел были изготовлены Ф.К. Лоренцем, который проживал в Москве и высылал их на обмен в музей им. Н.М. Мартянова.

В письме от 5 января 1887 г. Ф. Лоренц сообщает Н.М. Мартянову: «...отправил Вам два чучела соболя... Хотя Вы писали, что нужно одно, я сделал два, не требуя за набивку и пересылку другой чучелы вознаграждения. Стоимость же за набивку одного соболя – 6 руб. Покорнейше вас прошу удержат за пересылку уларов (птиц)...». Из посланной ему шкуры речной выдры, убитой на Казыре в 1900 г., Лоренц изготовил прекрасное чучело, изображающее зверя в естественной обстановке. Обменом от Лоренца в том же году поступили чучела волка сибирского, рыси, корсака, кабарги, совы, сарыча, сыча, вальдшнепа и клушицы. Чучела Лоренца выполнялись всегда безукоризненно правильно с зоологической точки зрения.

В годы моей работы в музее препараторов не было. На весь Красноярский край был всего один специалист, который препарировал животных – это Путинцев, проживающий в Кызыле. Из-за множества договоров, заключённых им с различными музеями, большой загруженностью, он отказывал нашему музею в помощи, хотя несколько чучел всё же им были выполнены. Поступлений было мало. От охотников и простых людей поступали тушки зверей, птиц. Их шкурки обрабатывались и сдавались для хранения в фонды музея с расчётом того, что в дальнейшем из них будут сделаны чучела.

Припомнился один случай. С абаканским зоопарком договорились, что если погибнет какое-нибудь животное или птица, доставить в музей. Однажды они доставили тушу северного оленя. Что делать? Ведь чтобы снять шкуру животного для чучела надо знать, где и как сделать определённые разрезы. Помогла книга по таксидермии. Самой пришлось снимать шкуру. Хорошо, что в это время в музее оказался слесарь Н.Я. Сурменёв (рабочий день уже закончился), а препараторов-то в штате музея так и нет. С Николаем Сурменёвым благополучно шкуру сняла, засолила, впоследствии сдала в фонды музея.

Когда пришла работать в отдел природы (1962 г.), первоначально поддерживала состояние природы в двухсветном зале, принятое до меня. Деревья хвойной породы менялись дважды в год: к 7 ноября и к 1 Мая. Стала замечать, что сохраняются хорошо деревья, которые меняются к 7 Ноября, а майские быстро засыхают. Тогда перешли на одноразовую замену хвойных пород (ель, пихта) – осеннюю.

Подавалась заявка в транспортное учреждение на грузовую машину. В лесхозе брали разрешения на сруб хвойных деревьев, затем вместе со столяром выезжали в тайгу. В отведённом лесником месте, выбирали нужные деревья, загружали машину, привозили в музей. В течение недели-полторы тайга обновлялась, от деревьев исходил приятный запах хвои. Привозила свежий мох, рябинку в осеннем наряде, а чтобы сохранилась она – листья проглаживала через бумагу горячим утюгом (помогала в этом смотритель Л.К. Бережных). Для «Высокогорья» брала лишайники, мох, затем у подножья поместила несколько искусственных цветков (жарков). В других диорамах, где показана была зима – «снег» заменяла свежей белой ватой, сверху посыпала блеском. Чучела животных чистила, мыла их с мылом, затем сразу сушила крахмалом (это было всего один раз при правлении И.И. Павлючка). В основном работники фонда (Нина Васильевна Тихонова) занималась просушкой чучел на солнце летом.

В диорамах делала соответствующую подсветку. Например, к диораме «Волк», на картине-заднике изображён домик, вдали светились огоньки, а волк (чучело) на фоне дневного света. Получалось несоответствие. Тогда я лампочку перекрасила в синий цвет, впечатление менялось – волк «выходил» теперь не днём, а ночью, о чём «говорили» огоньки и снег поблескивал. К диораме «Северный олень» лампочку подкрашивала в розовый цвет, имитируя рассвет, где на заднике в живописной картине поднимался туман. Посетители, заходя в двухсветный зал, восхищались.

В 1971 г. под моим руководством была произведена реконструкция отдела природы. Работало три художника, двое – из Абакана, один – из Минусинска. Тема: «Общая географическая характеристика юга Красноярского края», разделы: геология, рельеф, климат и сезонное развитие природы. Экспозиция размещалась в двух комнатах, коридоре. Что было нового? В дополнение к животному миру сделаны две диорамы: «Ондатра» и «Бобр».

Предварительно шла подготовительная работа. Выезжали вместе с фотографом Ф.В. Абабковым в Танзыбей, на р. Оя – место обитания бобра. Взяты были образцы погрызов. Сделали снимок, с которого художник Г. Хлебников написал живописное полотно к диораме «Бобр». На переднем плане представлены были чучело бобра и погрызы. Все это сливаясь с живописным полотном в одно целое, усиливало ощущение реальности условий обитания бобра. По схеме можно было увидеть, как бобр расселялся по югу Красноярского края (данные карты Делега Монгушлавича). Первоначально по р. Систекем (1895 г.), затем правая сторона Енисея (1788 г.), р. Шушь (1913 г.), р. Кебеж (1955 г.), с 1956 г. – р. М. Кебеж, Оя, Танзыбей, Чёрная речка, Червезюль, Кандерлык, Салба, Тюхтет, Амыл (пойма), Тайша, Хабык, Сыда. Видно, как быстро, начиная с 1956 г., расселялся бобр. Диорамы были размещены в коридоре на выходе их двухсветного зала. Здесь же располагалась выставка «Охрана природы».

В «Общей географической характеристике» находился макет «Рельеф юга края (висит до сих пор в экспозиции отдела природы). Сделан резьбой по дереву Масловым из Иркутска с карты «Алтай и Саяны» изд. 1954 г. Южная часть Красноярского края наиболее сложна по рельефу. В ней высокогорные области с низменностями и котловинами. Глядя на макет рельефа видно, что он неоднороден и делится на Центральную (Минусинская котловина) и Горную (Восточный и Западный Саян). Посетителям интересно было узнать, какие изменения Минусинская котловина претерпевала в разные периоды. В прошлом она представляла дно водного бассейна, которое периодически и равномерно, то поднималось, то опускалось. Глыбовые опускания привели в среднем палеозое (период) к образованию Хакасско-Минусинской впадины. В настоящее время Минусинская котловина представляет собой сочетание отдельных впадин, которые чередуются с невысокими хребтами. Она имеет форму эллипса, вытянута с юго-запада на северо-восток более, чем на 200 км при ширине 150 км. В центре пересекается с юга на север реками Енисей и Абакан, с востока на запад – р. Туба. На территории нашего края (в Восточных и Западных Саянах) широко были распространены кембрийские отложения – археоциаты (Тип вымерших морских беспозвоночных животных. Обладали внутренним известковым скелетом кубковидным, диско-видным или пластинчатым. Скелет монолитный. Вероятно, вели прикрепленный образ жизни). Они в большом количестве встречаются в Минусинском крае. В книге «Юг Красноярского края» их описано более 300 видов. Этим занимался А.Г. Вологдин, под его руководством к Международному геологическому конгрессу в 1937 г. Н.И. Тропиным была сделана колония археоциатов.

Девонские раковины (отложения) можно собрать в том месте, где находится оросительная станция. Если подняться на горку, то там найдутся шурфики, сплошь состоящие из ракушек. Есть у нас останки ископаемых мамонта, быка, оленя. Представление о прошлой жизни на Земле дают нам ископаемые останки организмов, которые распределяются по отдельным геологическим периодам. Так были представлены в шести макетах кембрийский, девонский, силурийский, каменноугольный, пермский и четвертичный периоды (до сих пор находятся в экспозиции музея). В них на небольших пространствах изображены животные и растения, обитавшие в различных условиях, периодах. Некоторые из останков, как упоминалось выше, были найдены в Минусинской котловине, в Восточном и Западном Саянах. Все макеты под моим руководством были сделаны Петром Бесчастных. К периодам были также написаны картины: «Шерстистый носорог» и «Мамонт» (худ. Калинин, г. Абакан), «Исполинский олень» (графика, худ. Вдовенко, г. Минусинск) нарисован с фотографии, присланной из палеонтологического института. Во второй комнате размещалась экспозиция сезонного изменения в природе. Чтобы показать, как происходили эти изменения в течение года, выбран был один из уголков природы (лесостепь). Отсняты кадры фотографом Ф.В. Абабковым.

В течение всего периода наблюдала за изменениями природы весной, летом, осенью, зимой. Собирала растения. Это воспроизведено было в диорамах: «Весна», «Лето», «Осень», «Зима». Картины-задники к ним по отснятым фотокадрам были выполнены Г. Хлебниковым. Показана в макетах и «Зимняя спячка суслика».

Хочется сделать небольшое отступление и рассказать про... суслика. Во время создания экспозиции директор музея И.И. Павлючек пригласил меня в кабинет и сказал: ему сообщили по телефону, что в карьере за городом экскаватором заделали гнездо суслика в спячке. Иван Иванович

позвонил начальнику автоколонны Кирееву, пошутив, чтобы дали машины съездить, посмотреть, мол, нашли мамонта в объятиях слона. Тот ответил, что тоже хочет посмотреть и на своей машине подъехал к музею. Павлючек отправляет меня, садимся в машину, я спрашиваю: «Вы знаете, зачем мы едем?» Киреев отвечает: «Да, Иван Иванович сказал, что, вроде, нашли мамонта в объятиях слона...». Я, улыбаясь, говорю: «За сусликом мы едем». Он засмеялся: «Ну вот, кабы знал, что за сусликом, не поехал бы и машины бы не дал». Наконец приехали. Суслик, свернувшись клубочком, действительно спал. Я аккуратно положила его в тряпочку, взяла всю вату, сухую травку, что находились в норке. В музее его взвесила (вес был 120 грамм), положила в коробочку, неделю наблюдала. Суслик проснулся раньше срока, видимо из-за того, что в музее его нечаянно уронила Л.К. Бережных, смотритель. В коробку насыпали ему зерна, когда он проснулся, был слишком слаб, сил двигаться не было, потом окреп и стал активно защищать свои запасы. Но так как моя задача была показать его в спячке, А. Бояринцеву пришлось сделать из него чучело суслика в спячке, свернувшегося в клубочек. Всё, что находилось в тот момент, когда мы его забирали, в норке я поместила в экспозицию в виде макета.

В экспозиции была отражена назревшая тема вод юга Красноярского края. Всем известно, что вода – величайший дар природы. К сожалению, по данным начальника гидрогеологической станции п. Селиваниха Минусинского района Анатолия Сергеевича Кривошеева запас воды (поверхностной и подземной) на юге Красноярского края ограничен. Чтобы привлечь внимание посетителей музея к этой проблеме, был создан макет «Схема эксплуатации подземных вод в Минусинске и Абакане, загрязнение поверхностных и подземных вод», на котором чётко видно, как загрязнённые воды из водных горизонтов поступают в подземные. Загрязняются они промышленными отходами, во время половодья, когда реки, разливаясь, заполняют населённые пункты. В некоторых местах (особенно промышленных) использовать воду для питья без предварительной очистки становится невозможным. В настоящее время есть два пути решения данного вопроса. По словам А.С. Кривошеева: «Первый – организация борьбы с загрязнением поверхностных и подземных вод, ликвидация очагов загрязнения, очистка промышленных вод, уменьшения масштабов загрязнения. Второй путь – планирование народного хозяйства с учётом анализа водных ресурсов». При советской власти были предприняты первые попытки оценить запасы подземных вод отдельных водоносных горизонтов. Эти вопросы актуальны до сих пор. И может быть, посетитель, глядя на схему, читая текст этикетки, лишний раз задумается, что решать проблемы – долг нынешнего поколения, и всё зависит от нас самих.

В разделе «Первые исследователи юга Красноярского края» были выставлены растения (Первоцвет Палласа, Жимолость Палласа), названные в честь известного натуралиста-путешественника П.С. Палласа, который пересёк границу в сентябре 1771 г., и его фотографии. В Красноярском крае насчитывается 77 видов растений, впервые описанных Петром Симоном Палласом. Многие из них имеют большое значение в народном хозяйстве, как кормовые, лекарственные, декоративные растения.

Выставлена была Володушка Мартьянова – растение названо в честь Н.М. Мартьянова. Это эндем гор юга Сибири. Близких родственников этого растения пока на земном шаре неизвестно. Экспонировалась часть замечательной минералогической коллекции Н.М. Мартьянова, которая подбиралась им много лет. Часть собрана во время ботанических экскурсий, часть доставлена различными лицами. Большая часть – это минералы Западной Европы и других стран, приобретённые в Вене.

Впервые были представлены 30 (тридцать) образцов полированного мрамора Кибик-Кордонского месторождения в Западном Саяне. Это дар геологов Минусинской комплексной экспедиции, разведывавших и сдавших в эксплуатацию месторождение мраморов, получив мировую известность. Полировку мраморы всех оттенков принимают прекрасно, давая зеркальную поверхность. Все технологические испытания показали, что, например, белый мрамор вполне пригоден для облицовки скульптур, электроремонтных целей.

Старалась наладить, установить связи с научными институтами, учреждениями, людьми, причастными к вопросам природы. Присоединялась к экспедициям. Благодарна всем тем, кто содействовал мне, музею, оказывая посильную помощь.

В результате переписки, договоренности с ИСХИ (Иркутским сельскохозяйственным институтом кафедрой охотоведения) аспирантом Л. Сопиным по лицензии в Западных Саянах был отстрелян архар. Позднее сделано чучело и доставлено в музей. В письме он пишет: *«Отстреливать баранов буду в ноябре этого года (имеется в виду 1973 г.). Возможно, буду заезжать с Алтайской стороны (так мне удобнее). Поэтому прошу лицензии прислать на мой адрес. Сейчас я не хочу ехать на отстрел по двум причинам: 1. Шкура плохая, линияет «косой». 2. Поскольку у меня ещё и свой отстрел будет, то желательно их совместить по времени».*

В письме от 4 апреля 1974 г. Сопин пишет: *«Получил ваше письмо... На счёт архара. Чучело находится в стадии изготовления и, видимо, к лету появится в Минусинском музее... По изготовлению чучела... за это... будет уплачена некоторая сумма (200 руб.)».* Были поступления от «Общества охотников и рыболовов». Так, в мае 1964 г. минусинским охотоведом Лавенковым была отстрелена и доставлена в музей ондатра. В ноябре 1965 г. М.И. Третьяковым (из этого же общества) доставлен заяц-русак. В результате переписки с рядом научных учреждений, в музей им. Н.М. Мартьянова поступили интересные документы: копии, фотокопии, научные труды известного исследователя XVIII в. Даниила Готлиба Мессершмидта, который в течение семи лет путешествовал по Сибири, из них два года (1721 и 1722) по южной части нашего края. Это копии письма губернатора Сибири князя Черкасского в Тобольск коменданту Карпову: *«В Тобольск, особо коменданту Карпову... 1718 г. ноября 15 дня по именному его царского величества указу... велено доктора Мессершмидта послать в Сибирь для изыскания всяких раритетов (раритет по латыни – редкость – М.М.) и аптекарских вещей, трав, цветов, корней и семян, и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы».* Получено 8 копий из журнала Мессершмидта, написанных им во время нахождения в Красноярском дистрикте (округе), в Красноярске и Абакане. Подлинники этих материалов хранятся в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге.

В 1960 г. издание «Дневника Мессершмидта» предприняла Берлинская Академия наук (ГДР) совместно с институтом истории и естествознания и техники АН СССР. В 1969 г. из Берлинского института истории музеев им. Н.М. Мартьянова получил четыре тома «Дневников Мессершмидта» под общим названием «Путешествие по Сибири с целью её исследования». «Дневник Мессершмидта» выходил небольшим тиражом, малодоступен для широкого круга читателей.

В 1920 г. в России вышла книга М.Г. Новлянской «Даниил Готлиб Мессершмидт», подготовленная издательством «Наука». Она является первой научной биографией учёного, подготовлена на основе тщательного многолетнего изучения подлинных документов Мессершмидта. Поступила и фотография Петра Симона Палласа из института этнографии им. Миклухо-Маклая (г. Ленинград), которую поместили в раздел «Первые исследователи юга Красноярского края».

Через 45 лет после пребывания Мессершмидта, в пределы Сибири приехал выдающийся учёный натуралист Пётр Симон Паллас. Родился в Берлине, получил медицинское образование, но заинтересовался естественной историей, обратил на себя внимание работами по зоологии. Благодаря этому был рекомендован Екатерине II, которая задумала снарядить большую экспедицию для изучения России в естественноисторическом отношении. И вот П.С. Паллас путешествовал по Минусинскому уезду в 1771-1772 гг., ознакомился с растительным и животным миром. Его Сочинение в трёх томах (1771, 1773, 1776 гг.) пользовалось громадным успехом и было переведено сначала на русский, затем французский и английский языки. Сочинение представляло собой первое авторитетное описание природы и быта нашей обширной страны. Полученные материалы о Д.Г. Мессершмидте, так же обогатят знания о Сибири, дадут возможность представить, каким видел он наш край более 250 лет назад, один из первых исследователей Сибири. Запомнились и выезды по сбору материала для отдела природы: на станцию Оленья Речка. Большой Тиберкуль, глухариный ток, в с. Ленское Шушенского района. Цель – использовать впоследствии материал во время постройки экспозиции в отделе природы, как вспомогательный.

В 1963 г. дважды присоединялась на сбор гербария к В.Л. Черепнину (научный сотрудник) из Красноярского института леса и древесины СОАН СССР. В составе трёх человек ездили на станцию Оленья Речка. Она расположена на Ойском хребте (Западный Саян). Дальнейшее его продолжение называется хребтом Ергаки.

14 июля 1963 г. выехали по Усинскому тракту, дорога которого ведёт до Кызыла. 15 июля в 8 ч.

30 мин. прибыли в Туран. Он расположен в котловине между гор. Горы редко покрыты деревьями. Около Турана широкой полосой идут кустарники. По Усинскому тракту есть гора Шулёвка, остановившись там, набрала растения для гербария. Почти на полпути Усинского тракта вышли – это была станция Оленья Речка. Сбор растений для гербария проходил несколько дней. В течение всего периода погода постоянно менялась: то ясно светило солнце, то вдруг шёл дождь. Это не мешало любоваться разнообразием растительного мира: горечавкой крупноцветной, володушкой золотистой, вероникой саянской, рододендрон, в больших количествах произрастает бадан толстолистный, и многие другие цветы. Такое разнообразие растительности просто завораживало. В сборах 1963 г. оказались изредка встречаемые: мытник плотный (*Pedicularis compacta* Steph) у ст. Оленья Речка. Вероника густоцветковая (*Veronica densiflora* Ledeb), скалы в гольцах хр. Ергаки. Мытник короткоколосый (*Pedicularis brachystachys* Bunge), хр. Ергаки, луговина на высоте 200 м. Мытник разрезной (*Pedicularis fissa* Turcz), ст. Оленья Речка, альпийская зона. Арктоус альпийская (*Arctous alpine* (L.)), хр. Ергаки, высокогорная тундра, стелющийся кустарник. Все эти редкие растения вошли в учебное пособие, как новые виды во «Флору южной части Красноярского края, вып. 5 и 6» (всего 6 выпусков).

По данным Л.М. Черепнина: «Горная область насчитывает 1800 видов различных растений, среди которых можно встретить альпийские, сибирские, монгольские, тундровые и другие европейские формы. Всего в Сибири насчитывается почти 300 видов растений, из них более 500 видов – лекарственных. Изучено более или менее подробно 140 видов, остальные требуют дальнейшего изучения». Недаром разнообразие растительного мира привлекают сюда людей из всех уголков нашей страны. Едут туристы, отряды экспедиций, изучают растительный покров этого богатого края.

В мае 1978 г. вместе с фотографом и проводником А. Бояринцевым ходили на глухариный ток (Петрованово). Расположен он по южную сторону гряды хр. Западного Саяна в 10 км от деревни Берёзовка Шушенского района. Общая площадь глухариного тока около двух га. Если от Шарыповской деревни на восток (основной хребет), то можно прийти к току (со слов Бояринцева). Целью моей было в будущем показать в экспозиции отдела природы, как токуют глухари. Глухарь – самая большая птица в наших лесах. Не всякому удаётся увидеть и услышать весною их удивительную песню. Нам необходимо было сфотографировать место, где глухари токуют. Вышли рано утром из п. Шушенского, пришли на место ближе к вечеру, Лёша Бояринцев в первый день повёл нас на глухариный ток. Поднялись на гору. Кругом был смешанный лес (сосна, берёза, осина, лиственница, тальник). Вот, наконец, и глухариный ток! Остановились в ожидании, когда же начнётся токование. Стояла в этот день пасмурная погода, затем подул сильный ветер. Тетёрки, вспорхнув, улетели, глухаря не было. Мы покинули ток, расстроились, что не удалось посмотреть. Бояринцев повёл нас к избушке охотников, где мы и заночевали. Я долго не могла уснуть, прислушивалась к шорохам, непонятным звукам. На следующий день, 6 мая, рано утром, чуть забрезжил рассвет, вышли из избушки, увидели выпавший снег – почти 10 см. Мы шли по рыхлому снегу, поднимаясь в гору. В пять утра уже были на току. Шли к нему осторожно, тихо-тихо, гуськом. Впереди – проводник и фотограф, сзади – я. Когда стали подходить к самому месту, проводник Лёша пропустил вперёд фотографа. Бояринцев первым увидел тетёрок, предупредил, чтобы мы не шевелились. Стояли тихо, практически неподвижно. Наконец, токование началось. Сначала неожиданно слетел глухарь (самец) с дерева на землю, покрытую снегом, стал важно прохаживаться. Щёлкнет, прислушается, затем запоёт, но глухо. Какие-то странные звуки, похожие на клокотание в горле, подлетит, приземлится, и опять важно прохаживается. А рядом две тетёрки очень громко кудахчут. Сколько времени это продолжалось, нам не удалось зафиксировать, потому что одно неловкое движение или лишний шум спугнули бы птиц раньше времени. Нам удалось зафиксировать следы «черчения» глухаря и место токования. Оно было окружено березняком с одной стороны, сосной и пихтой – с другой. Следы глухаря очень четко вычерчивались на снегу (мне удалось сделать хорошую зарисовку тока). Когда возвращались, снег, пригретый солнцем, почти растаял. Было видно, как пробивалась молодая зелёная травка. Внизу у подножия горы цвели ранние подснежники, жёлтые хохлатки. На границе северного и южного склона горки рос кандык с фиолетовыми цветами. У подножья южного склона горы, в долине

ручья – поляна, где так же цвели саранки или хлебники, тот же с фиолетовыми цветами кандык. В долине ручья заметили выходы обнажения – это любимые места остановки волка при длительных его переходах (об этом рассказал Бояринцев). К сожалению, плёнка оказалась засвеченной, снимок токования глухаря не получился. Интересно, в некоторых местах глухаря называют глушак, глухой тетерев (так как во время пения он ничего не слышит), мошник (когда скрывается в моховых тёмных болотах). Глухарку иногда называют капалуха, глушица, курица. Наши леса заселяет обыкновенный глухарь.

19 июля 1978 г. ездила на озеро Большой Тиберкуль вместе с группой ребят из Абаканского клуба «Акванавт» (семь человек) и их руководителем Г.Н. Вертопраховым. Они ехали на соревнования по подводному плаванию, я – на сбор материала для отдела природы нашего музея. Добирались из Минусинска на электричке до Курагино, затем автобусом до Имиса (так как был ремонт дороги), от Имиса на попутных машинах до д. Гуляевки. От Гуляевки шли пешком до старой пасеки, там переночевали и утром в 8 часов были на озере Большой Тиберкуль. От Гуляевки до озера 17 км пути. С возвышенности открывается прекрасный вид на озеро, затем дорога идёт вниз. Озеро Большой Тиберкуль очень красивое, расположено в Восточном Саяне. С озером Малый Тиберкуль его разделяет полуостров, в западной части которого расположен березняк с примесью хвойных деревьев, а в восточной – смешанный лес. Вода в озере прозрачная, тёплая, пригодная для питья, мягкая (когда моешь руки – ощущение, что моешь их с мылом), на большой глубине – ледяная, так как на дне бьют родники. Дно озера каменистое, с берега илистое, местами – мелкая галька с песком уходит вглубь. На глубине 5-6 метров можно найти голубую глину.

В месте, где мы остановились, лес вплотную приближался к озеру. В окрестностях его произрастают кедры, ели, сосны, берёзы. В подлеске – черёмуха, рябина, смородина, ольха. Травяной покров состоит из папоротника, белоголовника, мха, злаковых, осоки, борщевика и др. Один из жителей посёлка (на берегу озера Б. Тиберкуль) Александр Ильич Цыганков с Курагинского конзверпромхоза приплывал к нам на моторной лодке и рассказывал, что слово Тиберкуль – монгольское. Тибер – означает поселение, а куль – озеро. Сообщил, что в озере водится рыба: таймень, линь на большой глубине, а также окунь, щука (нерест в мае), елец, сорога, налим, сиг, язь, ёрш. По словам А.И. Цыганкова водятся следующие птицы: глухарь, тетерев, куропатка, водоплавающие утки: кряква, чирки, кулики, вальдшнепы, бекас, перепела, кедровка, сойка, трясогузка, синица большая, жёлтая, скворец, дрозд, филин, сова, сова полярная, ворона, сорока, кукушка, хищные птицы – ястреб, тетеревиный, кобчик. Мною были собраны насекомые: стрекозы, бабочки, жуки. Сданы во вспомогательный фонд без определения.

Вспоминается много птиц (чучел), выставленных в экспозиции отдела природы. Все они были приобретены, доставлены в музей во времена Н.М. Мартьянова. Любопытно было узнать, что среди птиц, обитавших в наших краях, были редкие залётные на Енисей – это кулик-сорока (изредка попадает по р. Тубе), лебедь-кликун – редок летом и о гнездовании не имеется сведений. Исландский кречет зимою залетает в Минусинск (молодая самка, добытая в 1912 г., хранится в нашем музее). Малая чайка (изредка залетает в Минусинск). Щегол – редкая залётная птица (поймана около Минусинска в 1880-х гг.), доставлена Н.М. Мартьянову именно, как большая редкость. Дрофа – красotka, изредка залетает в Минусинский край, экземпляр самца в брачном наряде добыт по дороге из Минусинска в д. Ничка. Фламинго – редкая залётная птица. В первый раз залетели в округ Минусинска в 1907 г. поздней осенью. 2 ноября 1911 г. у д. Кривой вновь добыты два серых фламинго (из отчёта за 1910-1911 гг.). Колпица-лопатень, очень редкая для здешней фауны птица более южных стран, убита в Абакане в мае 1878 г. Веретенник-бекасовидный добыт был 20 мая 1910 г. под Минусинском. Птица одета в свежий брачный наряд, но с примесью сохранившегося зимнего пера. Всюду эта птица редка и весьма вероятно, представляет собой вымирающую форму. Пролётные птицы – это турухтан, лебедь малый, кулик-воробей (не гнездящаяся птица, пролёт наблюдался по Енисею у пересечения им Саянского хребта). Крохаль встречается на пролёте в Минусинском крае и довольно редко. Гоголь (весною на Енисее, самая обыкновенная из пролётных уток. Нестеров наблюдал стаю пролётных гоголей по Енисею 19 и 20 мая). Гумменик пролетает под Минусинском весною в первой трети мая, осенью – вторая половина сентября. Бродячие птицы: плавунчик, свиристель появляются спорадически. Лысуха

(в восточной половине Минусинского края) из-за недостатка удобных мест встречается также спорадически (на Карасьевом озере более многочисленна). Кривоносный песочник встречается по степным озерам Минусинского края летом как бродячая птица и во время пролёта.

Проходя по залам музея отдела природы, посетитель видел свой край, его богатство и разнообразие животного и растительного мира, мог заглянуть в прошлое геологической истории, познакомиться с первыми исследователями и исследователями советского периода, а в двухсветном зале услышать разные голоса птиц.

Все свои 12 лет в музее им. Н.М. Мартянова работала с большим интересом. По окончании рабочего дня заходила в двухсветный зал, зажигала свет, любуясь природой. Постою, какая-то таинственность охватит, в тайге – мрачность... Скажу животным-чучелам: «До свидания!»...

2012

РАЗДЕЛ IV. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

А.Я. Березовский
с. Шира, Республика Хакасия

Александр Яковлевич Булынников и Кузнецкий Алатау

Учёный, геолог и исследователь гор Южной Сибири Булынников Александр Яковлевич занимался, в основном, золотой тематикой. На протяжении почти полувека изучал золоторудные месторождения, принимал активное участие в восстановлении золотодобывающей промышленности Сибири. А.Я. Булынников исследовал практически все золоторудные месторождения Алтае-Саянской горной области. Им, совместно с И.К. Баженовым, С.С. Михайловым и А.М. Прусевичем, в 1957 г. было открыто Кия-Шалтырское месторождение нифелиновых руд (уртитов) в Кемеровской области, за что в 1969 г. присвоено звание «Первооткрыватель месторождения», а благодарные потомки в посёлке Белогорск установили памятную стелу.

Родился А.Я. Булынников 25 августа (6 сентября) 1892 г. в Пскове. Отец его, Яков Александрович, был мелким торговцем. Мать, Анна Лавровна, происходила из крестьян Ярославльской губернии. Семья у них была большая, у Александра Яковлевича было 9 сестёр и братьев. Отец умер рано, когда Саше было 14 лет. В 1911 г. он окончил Сергиевское реальное училище в Пскове и поступил в Санкт-Петербургский горный институт. Но начавшаяся мировая война не позволила ему окончить институт.

С 1915 г. А.Я. Булынников начинает трудовую деятельность. Он работает топографом, коллектором в поисково-разведочных партиях на рудное золото в Самаркандской и Семипалатинской областях, на Урале – коллектором при экспертизе месторождений хрома, никеля и меди.

В 1917 г. А.Я. Булынников возвращается в Петроград для продолжения учёбы, но бедность не даёт ему возможности окончить институт. Весной 1918 г. Александр уезжает в Сибирь. С этой поры его жизнь неразрывно связана с Сибирью. В 1918 г. он работал в Южно-Сибирском акционерном обществе, где вёл поиски и разведку рудного золота.

В 1919 г. А.Я. Булынников служил рядовым пехотинцем в Белой Армии, но в 1920 г. он перешёл в Красную Армию, где служил топографом в штабе Крестьянского корпуса. После демобилизации из армии в 1920 г. работал горным техником в Семипалатинском губсовнархозе, проводил экспертизу экибастузских углей, поисково-разведочные работы на каменноугольных месторождениях Казахстана, геологическую съёмку в районе озера Балхаш.

В кон. 1920 г. А.Я. Булынников был направлен на завершения учёбы в Томский технологический институт, который окончил 1921 г. по геолого-разведочной специальности. В кон. 1921 г. он окончил геолого-разведочный факультет Петроградского горного института.

По окончании учёбы А.Я. Булынников работал инженером-геологом в Сибирском отделении «Промразведка», где проводил разведочные работы на рудное золото в Восточном Саяне, занимался статистико-экономическим и геологическим описанием золотоносных месторождений Восточной Сибири. В это время, проживая в Иркутске, он начинает преподавательскую деятельность в Иркутском индустриальном техникуме, преподаёт геологию.

В 1923 г. А.Я. Булынников перевёлся в Томск, в Сибгеолком начальником геолого-поисковой партии, которая проводит разведочные работы на золото в Восточном Саяне и Кузнецком Алатау. Вот как рекомендовал его М.А. Усов, в то время работающим заведующим Сибгеолкомом «... проявил определённый уклон в сторону непосредственного применения теоретических выводов к вопросам прикладной геологии, а как руководитель показал себя «техником и хозяином».

С мая 1927 г. А.Я. Булынников работал начальником Саралинской партии. Он начал детальное изучение восточного склона Кузнецкого Алатау, которое продолжается с перерывами до 1946 г. В

1929 г. назначен начальником Коммунарской геологоразведочной партией. Партия располагалась в пос. Мирный, в 3 км от пос. Коммунар на левом берегу реки Большая Ссыя. Просуществовала до 1991 г. и была ликвидирована в постсоветские времена за «ненужность».

В 1923 г. рудник «Коммунар» и близлежащие рудники «Знаменитый», «Шипилинский» были закрыты, шахты законсервированы. Причины закрытия рудников – это прошедшая мировая война, две революции 1917 г. и гражданская война, в результате которых была разрушена экономика страны. Одна из причин заключалась в том, что инженерно-технические работники рудников убедили руководство треста «Енисейзолото» в отсутствии промышленных запасов золота.

Геологоразведочная партия под руководством А.Я. Булынникова проработала на Коммунарском руднике два года – 1929 и 1930. За это время были обследованы все шахты и штольни, удалось подсечь новые рудные жилы. По итогам работы партии, хотя не удалось открыть новых месторождений, но было доказано, что на руднике имеются промышленные запасы. Это дало основание вновь открыть рудник. С 1929 г. Коммунарский рудник снова начинает добывать золото. Геологические исследования А.Я. Булынникова способствовали введению в число действующих предприятий Коммунарского и Саралинского рудников.

После этого А.Я. Булынников неоднократно возвращался в Кузнецкий Алатау. На территории Ширинского района обследовал рудники Знаменитый, Шипилинский, Балахчинский, Случайный, произвёл геологическую съёмку. По результатам работ вышли подробные геологические карты масштаба 1:84000 (1929 г.), масштаба 1:20000 (1931 г.), масштаба 1:25000 (1944 г.), и шлиховая карта масштаба 1:25000 (1944 г.). Были пополнены промышленные запасы золота.

По материалам работ 1941 г. А.Я. Булынников защитил докторскую диссертацию «Золоторудные формации и золотоносные провинции Алтае-Саянской горной системы» и опубликовал одноимённую монографию. В этой работе он разработал классификацию золоторудных месторождений, описал все известные типы золотого оруденения в Алтае-Саянской горной области, выделил 12 золоторудных формаций и объединил их в 4 комплекса: золото-мышьяк-полиметаллический, золото-медно-висмутовый, золото-медно-цинковый и золото-барит-серебро-полиметаллический.

На восточном склоне Кузнецкого Алатау А.Я. Булынников классифицировал месторождения как гидротермальные, описал следующие типы месторождений: коммунарский, кузнецовский, знаменитовский, балыксинский, бериккульский, центральный, варваринский, балахчинский, саралинский и другие. Работа не утратила своей актуальности и сегодня, являясь настольной книгой геологов, которые занимаются изучением Алтае-Саянской горной области.

Очень высоко оценил работу А.Я. Булынникова академик В.А. Обручев, который был официальным оппонентом. Он отметил, что монография «послужит основным трудом, с которым каждый, интересующийся золоторудным делом области, должен познакомиться и которая при всех позднейших исследованиях золоторудных месторождений края будет служить руководством».

Кроме этого, А.Я. Булынников занимался экспертизой золотоносных месторождений. Он провёл экспертизу всех рудников Алтае-Саянской горной области, что дало прирост запасов золота. Академик М.А. Усов считал его лучшим знатоком золоторудных месторождений Западной Сибири.

С 1930 г. А.Я. Булынников начал заниматься педагогической деятельностью, сначала в Томском горном институте (сейчас Томский политехнический университет), а с мая 1934 года – в Томском государственном университете. Дальнейшая жизнь его связана с этим университетом, где он читал лекции по петрографии и минералогии. С 1938 г. он заведовал кафедрой петрографии в звании профессора.

В 1949 г. А.Я. Булынникова обвинили в участии в антисоветской деятельности по «красноярскому делу» и арестовали. По «красноярскому делу» были арестованы известные геологи в Москве, Ленинграде, Томске, Красноярске, Иркутске, в Алма-Ате. В числе арестованных его соратник по открытию нефелиновых руд в Кия-Шалтыре – И.К. Баженов.

Доцент Томского государственного университета Ю.В. Уткин в своей книге «Нет маршрутов окончания...» описывает три дня из жизни А.Я. Булынникова. Первый день – это его арест, который произошёл в ночь с 19 на 20 апреля 1950 г., первый допрос в Лубянской тюрьме в ночь с 23 на 24 апреля и 21 ноября 1950 г., когда был зачитан приговор в Лефортовской тюрьме.

А.Я. Булынников был осуждён на 15 лет заключения в лагере, без конфискации имущества.

Срок он отбывал в Красноярске в системе «Енисейстрой» в геологическом отделе. Находясь в заключении, он открыл несколько месторождений, в т.ч. золота, флюорита, выезжая на полевые работы под конвоем.

В 1954 г. был освобождён и реабилитирован в связи с недоказанностью состава преступления и возвратился в Томский государственный университет на кафедру петрографии, которой руководил до 1967 года.

А.Я. Булынников подготовил около 200 научных работ по петрографии и геологии полезных ископаемых. Но не все его работы были опубликованы в связи с секретностью темы. Кроме выше упомянутой монографии, его крупными работами являются «Геолого-экономический обзор золотоносных формаций областей Западной Сибири» и «Общие и специфические черты золотоносности Западной Сибири».

Умер А.Я. Булынников 21 октября 1972 г., похоронен на Бактинском кладбище в Томске.

2012

Литература:

1. Березовский А.Я. Балахчинский золотоносный район. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2008. – 204 с.
2. Булынников А.Я. Золоторудные формации и золотоносные провинции Алтае-Саянской горной системы. – Томск: Издание Томского Государственного Университета, 1948. – 299 с.
3. Некос В.В., Рычкова С.Г. История геологии и горного дела Красноярского края в датах. - Красноярск: РИЦ КНИИГиМС, – 2006. – 196 с.
4. Профессора Томского университета. Библиографический словарь. Том 2. 1917 – 1945. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. – С. 66-70.
5. Уткин Ю.В. Кафедра петрографии Томского государственного университета. 1927 – 2002. Исторический очерк. Томск: ЦНИТИ, 2002. – 190 с.
6. Уткин Ю.В. Нет маршрутов окончания... Томск: ЦНТИ, 2002 – 116 с.

А.Я. Березовский
с. Шира, Республика Хакасия

Владимир Афанасьевич Обручев на руднике «Богом дарованный»

В 2013 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Владимира Афанасьевича Обручева, академика Академии наук СССР, лауреата Ленинской и Сталинских премий, Почётного президента Географического общества СССР, основателя горно-геологического образования и Сибирской геологической школы, всемирно известного путешественника, исследователя Азии, горного инженера, геолога, географа, писателя.

Владимир Афанасьевич родился 10 октября 1863 г. в с. Клепенино, Тверской губернии в семье потомственного военного Афанасия Александровича Обручева, участника Крымской войны. Семья Обручевых часто переезжала на новые места, побывав во многих губерниях в западной части России, пока окончательно не поселились в Вильно. Мать, Полина Карповна Гертнер, до замужества служила гувернанткой в доме Обручевых. В замужестве занималась воспитанием детей.

В 1881 г. В.А. Обручев окончил Виленское реальное училище и поступил в Горный институт в г. Санкт-Петербурге. Здесь его учителями были крупнейшие специалисты по геологии: профессора А.П. Карпинский, Г.Д. Романовский, И.И. Лагузен. Главным наставником был профессор И.В. Мушкетов. Обучаясь в институте, Владимир увлекался литературной деятельностью, но свою жизнь решил посвятить геологии и путешествиям.

В 1886 г. Владимир Афанасьевич окончил Горный институт и по совету И.В. Мушкетова стал аспирантом на строящейся Закаспийской железной дороге. По результатам этой работы награждён в 1887 г. серебряной, а в 1890 г. – Малой золотой медалями Русского географического общества.

С 1888 по 1892 гг. Обручев работал штатным геологом в Иркутском Горном управлении. В это время он исследовал Прибайкалье, посетил остров Ольхон на Байкале, Ленский золотоносный

район. С 1892 по 1894 гг. участвовал в экспедиции Г.Н. Потанина в Монголию, Северный Китай и Центральную Азию.

С 1895 по 1898 гг. Владимир Афанасьевич работает начальником Забайкальской горной партии. Он проводит геологические исследования вдоль строящей Сибирской железной дороги в Селенгинской Даурии.

С 1901 г. Обручев начал свою педагогическую деятельность в Томском технологическом институте. Он возглавил кафедру геологии во вновь открывшемся Горном отделении, читал лекции по физической и практической геологии, петрографии, руководил учебной геологической практикой в окрестностях Красноярска. Работая в институте, совершил три научные экспедиции в Западный Китай, где описал месторождения золота, каменного угля, асфальта. В это же время проводил экспедиции в Горном Алтае, Кузнецком Алатау, где сделал экспертизу золотоносных рудников «Богом дарованный» (1910 г.) и «Берикульский» (1912 г.).

Рудник «Богом дарованный» (ныне – Коммунарковский рудник) расположен на восточном склоне Кузнецкого Алатау, в Ширинском районе Республики Хакасия.

Впервые рудное золото в Кузнецком Алатау было открыто в ноябре 1896 г. на склоне горы Подлунный Голец, в вершине ручья Безымянный охотником Алексеем Николаевичем Ульчугашевым. За небольшую мзду он показал это месторождение десятнику Фёдоровского прииска (Фёдоровский прииск, как и все прииски в округе, принадлежал К.И. Иваницкому – А.Б.) мариинскому мещанину Дмитрию Спиридоновичу Федулову.

Д.С. Федулов обследовал вновь открытую жилу, оформил отвод земельного участка в Ачинско-Минусинском горном округе. Жилу он назвал «Богом дарованная». Со временем это название получил и рудник, а жила была переименована в «Масловскую», в честь бурильщика Маслова, погибшего при взрыве во время подготовки руды. В настоящее время это месторождение отработано, шахты обвалились, образовав огромный Масловский провал. (Автор этих строк посетил его в мае 2007 г. с группой членов спелеологического клуба «Сибирь», под руководством новосибирского путешественника и спелеолога О.Г. Доброва). Оформив месторождение, Д.С. Федулов передал его в долгосрочную аренду золотопромышленнику Константину Ивановичу Иваницкому.

К декабрю 1899 г. К.И. Иваницкий разработал рудник, построил на месте, где ручей Фёдоровский впадает в речку Большая Собака, золотоизвлекательную фабрику и получил из руды первое золото. В мае 1900 г. фабрика по неизвестным причинам сгорела. В сентябре того же года Константин Иванович строит новую фабрику в 6-ти километрах ниже по р. Большая Собака, которая работает на этом месте и сегодня.

Рудник проработал 9 лет и в 1909 г. Иваницкий надумал продать его. Константин Иванович решил, что богатые руды отработаны. Рудником заинтересовалось Российское золотопромышленное общество «Золоторосс». Общество организовано в 1895 г. в Санкт-Петербурге для разработки месторождений рудного и россыпного золота на Урале и Сибири.

Прежде чем купить рудник «Богом дарованный», управляющий «Золоторосс» Л.Ф. Гауфман попросил В.А. Обручева, с которым они были знакомы с 1891 г., по исследованиям Ленских приисков, произвести экспертизу руды.

В середине декабря 1910 г. Владимир Афанасьевич отправился в экспедицию на рудник. В помощники он взял Михаила Антоновича Усова, своего бывшего ученика. Усов М.А. окончил горное отделение Томского технологического института в 1908 г., в будущем он – академик Академии наук СССР.

Из Томска до станции Итат они ехали по железной дороге, а далее до села Чебаки – на лошадях. Передохнув в Чебаках, у уполномоченного рудником «Богом дарованный», на следующий день продолжили путь. К вечеру приехали на рудник, где встретились ещё с двумя экспертами, присланными из Санкт-Петербурга «Золотороссом». Это были горный инженер Журин и химик Лебедев.

В течение нескольких дней обследовали шахты действующие и отработанные. Работа состояла в том, что они «...последовательно осматривали подробно все работающие забои в штреках по простиранию жилы и в восстающих выработках по её падению, изучали строение и состав кварцевой жилы в разных её частях, измеряли толщину и брали образцы из этих жил и вмещающих её, т.е. боковых».

В шахтах они работали до обеда. А вечером занимались камеральными работами, «разбирали собранные образцы, подробно изучали их под лупой и, пользуясь записями и, зарисовками, сделанные на месте в записной книжке, писали дневники наблюдений наиболее интересных забоев». В.А. Обручев сделал много фотографий забоев.

Кварцевые жилы в забое, описанные В.А. Обручевым, были разнообразны, белого, желтоватого или голубоватого цвета, пролегали ровными лентами в 60-70 см, наискось через весь забой, хорошо выделяясь на фоне темно-серой или темно-зелёной боковой породы. Параллельно главной жиле, по обе стороны, просматривались прожилки кварца разной толщины. В кварце не всегда просматривалось видимое золото. Большей частью он был белый или желтоватый, но кое-где в нём поблескивали крупинки серного колчедана и самородного золота. Местами на кварце были видны жёлтые пятна и полосы, похожие на мазок горчицы. Проба самородного золота была высокая – 950. Содержание золота в жиле было неравномерное, бедные участки чередовались с богатыми. За время эксплуатации рудника К.И. Иваницким содержание золота составило от 8 до 18 золотников на 100 пудов кварца, среднее – 12 золотников. Это содержание было выгодно для владельца рудника.

По итогам работы экспертов, в марте 1911 г. «Золоторосс» купил у К.И. Иваницкого рудник и ещё 67 отводов в Мариинском и Ачинском округах и 37 в Минусинском округе за 2 млн. 200 тыс. руб. Впоследствии он продал «Российскому золотопромышленному обществу» ещё 4 рудника общей площадью 364 десятины (Ивановский, Полтавский, Российский и Сибирский). За 18 лет, с 1899 по 1917 гг., на руднике «Богом дарованном» было добыто 4576 кг золотого металла. 26 июня 1918 г. декретом СНК РСФСР рудник был национализирован и прекратил работу до 1928 года.

В 1912 году, после студенческих волнений в Томске, Владимир Афанасьевич был в спешном порядке уволен из Томского технологического института. До 1918 г. В.А. Обручев занимался научной работой в Москве, проводил экспертизу золотоносных рудников в Забайкалье, медных – на Кавказе, изучал новейшую тектонику и древнее оледенение Алтая.

С 1919 по 1929 гг. В.А. Обручев преподавал в Таврическом университете и Московской горной академии. В 1929 г. его избрали академиком Академии наук СССР, и он перешёл работать в неё директором геологического института. С 1930 по 1939 гг. работал председателем Комиссии по изучению вечной мерзлоты при Академии наук, а с 1939 по 1956 гг. являлся директором Института мерзлотоведения.

Умер В.А. Обручев 19 июня 1956 г. в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

2013

Литература:

1. Обручев В.А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. Мои путешествия по Сибири / Обручев В.А. – М.: Эксимо, 2012 – 480 с.: с ил. – Великие путешествия).
2. Обручев В.А. За тайнами Плутона. – М.: Молодая гвардия, 1986.
3. Урман А.Ш. Золотое столетие: Исторические очерки. – Абакан, 2001 – 327 с.
4. Комлев О.И. Черный Июс. – Красноярск, 2003 – 116 с.
5. Васильев Б.Д. Академику Обручеву – 140 лет. Известия Томского политехнического университета. Т. 306, № 5. – Томск, 2003 – С. 133-137.

А.А. Дорохина, Е.И. Кочкина, Т.А. Пахомова, А.С. Вдовин,
г. Красноярск

Русский след барона де Бая

Амур-Огюст-Луи-Жозеф Бергло, граф из Сент-Лорана, барон де Бай (1853-1929) – французский археолог, член Парижского Географического Общества, почётный член Уральского Общества любителей естествознания, член Особого Комитета по устройству в Москве Музея 1812 г.¹

Большая часть научной работы барона де Бая приходится на период между 1890 и 1920 гг., и посвящена деятельности за рубежом, особенно в России. Воспоминания о поездках охватыва-

ют всю Российскую Империю, как в географическом, так и этнологическом и археологическом аспектах.²

Впервые барон де Бай приехал в Россию в 1890 г. как участник VIII Российского Археологического съезда, проходившего в Москве. С тех пор он посетил Урал, Сибирь, Кавказ, Крым.³

На Международном антропологическом конгрессе 1892 г. в Москве барон де Бай выделил доклад И.Т. Савенкова о своей находке из числа заслушанных как наиболее значительное научное событие конгресса.⁴ Де Бай выступал на этом съезде как официальный делегат Министерства народного просвещения Франции. Он обратил внимание участников конгресса на то, что «великий горизонт откроется для науки, когда будет исследована Сибирь». Иван Тимофеевич Савенков (1846 – 1914) в августе 1884 г. открыл уникальную археологическую стоянку на Афонтовой горе и представил участникам конференции археологическую коллекцию и сообщение «Предварительные данные об открытии палеолита на Афонтовой горе».⁵ Де Бай высоко оценил открытие Ивана Тимофеевича и между ними завязалась переписка.

Не случайно Иван Тимофеевич в письме де Баю указал: *«Знаменитый учёный, сын чуждой, но симпатичной для всякого русского, страны, оказал коллекциям сибиряка, несомненно, большее внимание, чем его соотечественники – русские. Этого я никогда не забуду, и всегда буду вспоминать о Вас с благодарностью»*.⁶

Летом 1895 г., путешествуя по России от Волги до Иртыша, де Бай впервые посетил Екатеринбург. Будучи здесь, барон совершил три экскурсии на известные археологические и природные памятники Урала: Шарташских каменных палаток, район деревни Палкино, где были исследованы городище и стоянка каменного века. Во время поездки барон собрал коллекцию древних каменных орудий и фрагментов глиняных горшков. 18 июля состоялась его поездка на Шигирский торфяник. Там при добыче золота рабочие приисков находили уникальные древние изделия из кости, рога, дерева. Барон де Бай нашёл на юго-восточном берегу Шигирского озера каменный топор, а Главное правление Верх-Исетских заводов, в состав которых входила эта территория, передало ему все находки, остававшиеся ещё в это время на приисках. Коллекции археологических предметов, собранные на Палкинских стоянках и Шигирском торфянике он увёз во Францию.⁷

После этого французский археолог дважды приезжал в Красноярск. Им был выбран маршрут по местам продвижения древнейших людей с востока из Азии – в Европу. После этих длительных путешествий была опубликована работа «От Москвы до Красноярска».⁸

Во время посещения Красноярска в 1896 и 1897 гг. он осматривал Афонтову гору, открыл палеолитическую стоянку у Переселенческого пункта. Учёный проводил сборы археологического материала разных эпох с поселений Базаиха, Няша, Ладейки, раскопал курган у с. Торгашино, посетил городской музей и увидел множество археологических и этнографических находок, обнаруженных в районе Енисея.⁹ Ознакомившись с коллекциями Красноярского городского музея, де Бай оценил его: «Несмотря на то, что он не крупный, он отражает значимость Енисейской губернии с точки зрения археологии и этнографии». Проводниками де Бая стали преподаватель Красноярской мужской гимназии П.С. Проскуряков¹⁰ и консерватор Красноярского музея М.Е. Киборт. После отъезда из Красноярска де Бай прислал в дар музею, коллекцию фарфора из 20 предметов.¹¹

В музей он передал часть своих материалов. В этнографический отдел поступили в дар предметы, которые символизировали дружеские связи между Россией и Францией (медали, жетоны), всего 22 предмета.¹² Библиотека музея обогатилась многочисленными работами барона с его автографами. А в фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова хранится коллекция писем де Бая И.Т. Савенкову.¹³

В письме И.Т. Савенкову он отметил: *«В Париже не верили, что я доберусь до Красноярска, чтобы увидеть место исследования Ваших археологических находок. И вот я здесь и намерен отсюда увезти материалы, чтобы подкрепить взгляды, которые я высказал, и чтобы достойно отметить услуги, которые Вы оказали науке»*.¹⁴

Среди енисейских бронз де Баю понравились зооморфные фигурки. Вице-губернатор Красноярска Василий Львович Приклонский передал де Баю в подарок министру культуры Франции Рамбо древние бронзовые предметы (статуэтки) из Восточной Сибири.¹⁵ В Париже де Бай выставил сибирский археологический материал в музее Естественной истории. Демонстрирова-

лись палеолитические изделия с Афонтовой горы: скребки, скрёбла, нуклеусы, а также другие каменные и костяные орудия. Эпоха неолита и бронзы была представлена каменными топорами, наконечниками стрел, орнаментированными фрагментами керамики и бронзовыми топорами.¹⁶

Впоследствии, высоко оценивая вклад сибирских исследователей в изучение древностей Енисея, де Бай рекомендовал Французской Академии присудить им почётное звание «Офицер Академии». Этой награды удостоились П.С. Проскуряков и директор Минусинского музея Н.М. Мартьянов.¹⁷ Из г. Красноярск барон де Бай отправил И.Т. Савенкову в Варшаву письмо следующего содержания: *«Я был глубоко тронут любезностью, которую некоторые лица мне оказывают, щедро одаривая деликатными знаками внимания. Два раза я уже посещал Афонтову гору»*.¹⁸

Проездом в Сибирь в 1896 и 1897 гг. де Бай вновь посетил Екатеринбург. Летом 1896 г. он ещё раз побывал на Шигирском торфянике. Барон передал музею Уральского общества любителей естествознания коллекцию артефактов со стоянки Афонтова Гора. 4 июля 1896 г. на заседании Уральского общества любителей естествознания он прочитал публичную лекцию, где рассказал о своём путешествии по России.¹⁹

Во время своего последнего пребывания в России, с июля 1914 г. по октябрь 1920 г., де Бай был арестован и брошен в тюрьму ЧК на Лубянке. Оттуда его освободили благодаря вмешательству мадам Троцкой, которая выдала его за сотрудника Московского исторического музея.²⁰ После недолгого пребывания в Финляндии и Швеции де Бай вернулся во Францию, будучи очень больным. Несмотря на это, учёный продолжил заниматься своими коллекциями.

Благодаря сотрудничеству Савенкова и де Бая о сибирском палеолите узнали не только в России, но весьма широко на западе. Вплоть до 20-х гг. XX в. археология Сибири была известна в Европе, прежде всего в области изучения древнего каменного века.²¹ Фактически де Бай стал популяризатором русских древностей за границей.

После его смерти, его коллекции²² были рассредоточены во многих музеях Франции. Музей национальных древностей в Сэн-Жермен-Лай обладает сибирскими идолами, Музей человека в Париже хранит материалы с Кавказа, из Сибири, Украины, Институт антропологии имеет муляжи предметов, собранные на Базаихе, в Лувре – керамика из Армении.²³

2013

Примечания:

^{10,15,17,21} Вдовин А.С., Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Макаров Н.П. К истории красноярской археологии: международные связи // Енисейская провинция: альманах. КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск: «Литера-Принт», 2010. Вып. 5. С. 106-120.

^{4,11} Грищенко Л.Н. 175 лет со дня рождения Михаила Ефимовича Киборта // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2013 г. / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края. Красноярск, 2012. С. 145-148.

^{3,16} Макаров Н.П. Неутомимый исследователь древностей / Н.П. Макаров, Е.Ю. Безызвестных // Век подвижничества / Краснояр. краев. краевед. музей. – Красноярск, 1989. С. 43-57.

^{4,12,20,23} Орехова Н.А. Барон Жозеф де Бай: Сибирский след // Енисейская провинция: Альманах. 70-летию Красноярского края посвящается. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, Вып. 1. 2004. С. 60-66.

^{2,5,6,8,14,18,22} Орехова Н.А. Письма барона Жозефа де Бая И.Т. Савенкову // Енисейская провинция: Альманах. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, Вып. 4. 2009. С. 358-365.

^{1,9,13} Орехова Н.А. 160 лет со дня рождения барона Жозефа Августовича де Бая // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2013 г. / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края. Красноярск, 2012. С. 177-178.

^{3,7,19} Свердловский областной краеведческий музей // Француз и Урал. О новом выставочном проекте. Уральские экскурсии барона де Бая. http://uole-museum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=566:2011-07-14-07-41-18&Itemid=36

В.В. Ермилова,
г. Минусинск

«Я ученик у жизни и у людей»

(о судьбе ветерана журналистики Хакасии и Красноярского края А.А. Шадрина)

Афанасий Артемьевич Шадрин – ветеран журналистики Хакасии и собственный корреспондент газеты «Красноярский рабочий», посвятивший ей 75 лет своей деятельности. Начав свой

творческий путь в 17 лет и, побывав репортёром на огромном пространстве от Таймыра до южных границ края, А.А. Шадрин остался в памяти земляков живым свидетелем всего лучшего, что было в советской эпохе и советском человеке. Он писал о действительности, как подсказывала ему совесть, защищая простого человека труда, и набил немало «шишек» в связи со своей честностью и прямоотой.

А.А. Шадрин родился в селе Большой Телек Идринской волости Минусинского уезда 27 ноября 1918 г. в многодетной семье, где росли шесть сыновей и три дочери. Глава семьи Артемий Нестерович происходил из обширного крестьянского рода Шадриных, насчитывавшего по исследованиям Афанасия Артемьевича десять колен.

В 1927 г. семья Шадриных переехала на жительство в Хакасию – село Чебаки Ширинского района. Начало трудовой деятельности 19-летнего журналиста газеты «Советская Хакасия» А. Шадринина пришлось на лето и осень 1937 г. В конце того же года он стал работать на краевом радио и в газете «Красноярский рабочий». В 1939 г. Афанасий успел окончить заочно только первый курс Московского Литературного института, когда его призвали в Красную Армию. Афанасий Артемьевич даже не предполагал, что его служба на Дальнем Востоке затянется на долгие семь лет. В составе 40-й стрелковой дивизии он участвовал в боях у озера Хасан, строил ДОТы и ДЗОТы в укрепленном районе близ границы, а впереди была война с империалистической Японией. Командир отделения связистов-кабельщиков, сержант Шадрин особенно дорожил орденом Отчужденной войны и медалью «За победу над империалистической Японией». В 1945 г. на фронте он стал коммунистом.

После службы в армии и окончания партийной школы в Новосибирске А.А. Шадрин уехал на Север, где трудился редактором газеты «Советский Таймыр». В 1948 г., следуя к месту работы на пароходе по Енисею, Афанасий Артемьевич встретил свою судьбу – молодую девушку Ирину Мирошник. Она также ехала на север в пос. Волочанка по комсомольской путевке краевого комитета ВЛКСМ – заведовать отделом культурно-просветительской работы. В их семье родились дети – Михаил и Елена. Михаил Афанасьевич стал заслуженным тренером СССР по пауэрлифтингу в крае (живет в г. Зеленогорске), а Елена – режиссёром документального кино (ныне проживает в Германии). Их родители Ирина Ефимовна и Афанасий Артемьевич прожили вместе более 60 лет (Ирины Ефимовны не стало в 2011 г.).

С 1951 г. А.А. Шадрин снова стал работать в газете «Красноярский рабочий» в качестве собственного корреспондента газеты в южных и восточных районах края. По его материалам была направлена группа учёных для решения проблем освоения отгонных пастбищ на альпийских лугах Кузнецкого Алатау, где возможно было достичь наибольших привесов скота. Шадрин был также одним из инициаторов и пропагандистов движения комбайнёров-десятитысячников. Этой теме посвящены книги, созданные А.А. Шадриним – «На грани облаков», «Шушенский эталон» и «Земля минусинская». Член Союза журналистов СССР с 1958 г., Афанасий Артемьевич более 10 лет возглавлял объединение журналистов южных районов края, оказывал методическую помощь коллегам из Хакасии и Тувы. О богатстве сибирских недр и открытии месторождения нефелиновых руд рассказывает другая его книга «Путешествие к облачному камню».

Огромный житейский опыт, необычайное трудолюбие и личное обаяние сделали А.А. Шадринна уважаемым человеком в писательских кругах Сибири и России: он дружил с А.Т. Черкасовым и П.Д. Москвитиной, С.В. Сартаковым и В.П. Астафьевым.

Любовь к родной земле, её истории с самого детства были в сердце и творчестве А.А. Шадринна. На протяжении всей своей жизни он увлечённо занимался исследованием архивных документов. Афанасий Артемьевич – автор многочисленных статей и материалов, опубликованных в различных научных сборниках – Мартыановских и Баландинских краеведческих чтений, а также в книге «Краевед», составителем и автором которой был Шадрин. В 2002 г. он написал и издал фундаментальный труд «История Большого Телека», в котором отразил историю родного села и его жителей.

Неутомимый исследователь истории края, ещё в 1986 г. А.А. Шадрин поддержал инициативу директора Минусинского музея В.А. Ковалёва – создать при музее клуб «Краевед». Он стал первым председателем этого объединения и возглавлял его на протяжении 22 лет (1986-2008). В 2002 г. краевое историко-родословное общество признало заслуги А.А. Шадринна, присвоив ему

звание члена-соревнователя по родословию, наряду с двумя ветеранами минусинского краеведения – М.В. Злобиным и Н.И. Лыткиным.

Заслуженный работник культуры РСФСР, «Золотое перо» газеты «Красноярский рабочий», дипломант премии краевого Союза журналистов в номинации «За честь и достоинство», автор десятка книг, А.А. Шадрин отметил свой 90-летний юбилей выпуском новой книги «Ученик у жизни и людей». В ней он красочно рассказал о каждом из коллег, с которыми освещал освоение целинных земель, возведение промышленных предприятий края, масштабные стройки прошедшего века. Эта книга явилась своеобразным итогом его 75-летней творческой деятельности – «эпохи Шадрина» в родной газете.

25 июня 2012 г. земляки проводили Афанасия Артемьевича – этого светлого, жизнестойкого и оптимистичного коллегу – в последний путь. Наверное, о таком человеке, как А.А. Шадрин, сказал сибирский поэт Георгий Суворов: «Свой век мы прожили как люди и для людей».

2012

Литература:

1. Гордость земли минусинской. – Красноярск: Буква, 2001. С.338-339.
2. Зорин И. Дорога дружбы. – Красноярск (редактирование, литературная обработка А.А. Шадрина).
3. Шадрин А.А. На грани облаков. – Красноярск, 1964.
4. Шадрин А.А. Путешествие к облачному камню. – Красноярск, 1967.
5. Шадрин А.А. Шушенский эталон. – Красноярск.
6. Шадрин А.А. Земля минусинская. – Красноярск, 1998.
7. Шадрин А.А. Минусинский краевед. – Минусинск, 2000. – Вып.1.
8. Шадрин А.А. История Большого Телека. – Минусинск, 2002.
9. Шадрин А.А. Ученик у жизни и людей. – Красноярск: Красноярский рабочий, 2008.
10. Шадрин А.А. Тезисы научных сообщений. Сборники Мартьяновских и Баландинских краеведческих чтений. Минусинск, Черногорск, 1993-2012. – Вып.1-7.

Л.Я. Зверева,
с. Ермаковское

Музей природы в п. Танзыбей Ермаковского района

Основателем музея был Николай Николаевич Гуцин (1945-1995) – сильный, талантливый руководитель, испытавший в жизни немало трудностей. С 1971 по 1976 гг. работал охотоведом в Ермаковском КООП Зверопромхозе. В апреле 1976 г. его пригласили на работу в Шушенское, где он принял участие в создании и организации Шушенского Государственного биосферного заповедника. В ходе работы и сотрудничества с институтом «Леса и древесины», при поддержке своего товарища – Генриха Анатольевича Соколова, у Н. Гуцина рождается идея о создании «Национального парка Ергаки».

В 1981 г. его вновь пригласили в Зверопромхоз, который к этому времени почти полностью развалился, на должность директора. Видя, как рушится хозяйство, как бесчинствуют браконьеры, он согласился. В апреле того же года Николай Николаевич возвращается в таёжный посёлок Танзыбей, где находился Зверопромхоз, и в короткие сроки восстанавливает работу родного хозяйства. Были построены жилые дома (через пять лет был снят вопрос жилья), гаражи, бондарный цех, пилорамы. Охотников завозили в тайгу вертолётами, устанавливали лимит на пушнину, чтобы не снизить численность зверя. Прошло ещё немного времени и хозяйство Николая Николаевича Гуцина стало лучшим в крае. Его и лучших охотников хозяйства послали на ВДНХ.

В 1983-85 гг. Николаю Николаевичу приходит идея создания музея природы. Для него был специально построен новый дом, в одной половине которого разместились экспозиции, а в другой – гостиница для иностранных туристов, любителей охоты из Австрии, Норвегии, Франции, Англии, ЮАР и др.

В организации и создании музея помогали его товарищи и коллеги из Шушенского биосфер-

ного заповедника, в частности, в подборке гербариев, описании флоры нашего района. Были оформлены стенды «Гербарий» и «Лекарственное сырьё». Вскоре музей стал гордостью всех жителей посёлка Танзыбей и его гостей. Но, Н.Н. Гушин мечтал о большем помещении для музея, о просторных залах с высокими потолками, чтобы проводить здесь уроки биологии, зоологии, истории и краеведения.

Николай Николаевич сам находил художников и мастеров для изготовления чучел. Уговаривал их помочь в оформлении экспозиций музея. Особенно ценные, редкие виды животных попали в музей благодаря Н. Гушину, некоторые экземпляры были добыты им самим с помощью охотников и охотников.

Чучела для созданного Музея природы изготовили таксидермисты Иван Матвеевич Путинцев, Сергей Дмитриевич Волков, Вячеслав Викторович Коршунов из Абакана. Люди редкой профессии, в руках которых «оживают» звери, птицы. Некоторые чучела были приобретены и привезены из Красноярска.

Иван Матвеевич Путинцев (10.01.1925 – 07.10.2003) – известный таксидермист Дальнего Востока, Сибири и Тувы, родился 16 января 1925 г. в с. Салба Ермаковского района Красноярского края в семье охотника. С 1946 г. его судьба до конца жизни была связана с Тувой. На выбор его профессии в значительной мере повлияли охота с отцом с детских лет и долгие годы работы егерем в Ермаковском, в Пий-Хемском и в Кызыльском районах Тувы. Большой любитель и знаток природы и животного мира, Иван Матвеевич в молодости увлёкся таксидермией, самостоятельно освоил эту редкую профессию, став признанным мастером своего дела. В 1954 г. он впервые предоставил изготовленные им чучела в Тувинский краеведческий музей им. Алдан-Маадыр.

Работы И.М. Путинцева хранятся в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова 54 чучела (из них 35 – птиц, 19 – зверей); в Таймырском окружном краеведческом музее (г. Дудинка) – 58; в Красноярском краевом краеведческом музее – 23 чучела млекопитающих животных (16 видов), 376 чучел птиц (120 видов).

В Ермаковском районе его работы находятся в некоторых школах и в Музее природы. Иван Матвеевич говорил: «Главное – сделать чучело так, чтобы оно надолго сохранилось. Ведь тогда не надо губить через несколько лет ещё одно животное».

За свой труд он награждён: знаком «За отличную работу» Министерства культуры СССР, удостоен звания «Заслуженный работник культуры Республики Тыва», Почётными грамотами Тывы, Монголии, России.

Накопленный опыт Иван Матвеевич стремился передать в молодые и надёжные руки. Любовь к профессии он привил своему сыну, ныне известному учёному-зоологу Тувы, одному из авторов Красной Книги Республики Тува (Животные) – Николаю Ивановичу Путинцеву и внуку Денису Николаевичу Звереву.

Сергей Дмитриевич Волков, из п. Б-Речка Ермаковского района, изготовил чучела рыси, фламинго и глухарей. Чтобы отразить повадки рыси, её грацию, ему пришлось каждый день «мучить» своего кота: укладывать его в позу, чтобы зафиксировать наклон головы, изгиб тела, поработать с лапами. В итоге рысь получилась, как живая.

С фламинго произошла целая история. В тот год случилась какая-то аномалия в природе, над которой учёные долго ломали голову. Стая фламинго сбилась с курса и по случайности оказалась в Ермаковском районе. Измученным, уставшим птицам пришлось сделать вынужденную посадку вблизи озера Ойского, а некоторые птицы падали во время полёта. Одну из них нашли охотники. Из неё, благодаря умению мастера, было сделано чучело редкой в наших краях птицы – фламинго.

Мастера-чучельники выполнили свою работу, и теперь предстояло сделать художественное оформление экспозиций музея. Н.Н. Гушин понимал, что обычному художнику с этой работой не справиться, тут нужен мастер, который знаком с экспозиционным оформлением природных панорам.

Гушин нашёл именно такого художника – Михаила Александровича Бабешко из с. Семенниково Ермаковского района. Музейные картины-панно, отражающие природные ландшафты Ермаковского района в разные времена года, были выполнены им и его сыном Юрием.

Михаил Александрович Бабешко (05.04.1942 г. – 23.06.1991 г.) был творческим человеком. В Хакасии, откуда он приехал в Ермаковский район, в Вершино-Тёйском народном музее до сих пор работают экспозиции (в залах «Быта», «Истории», «Диалоги», «Флоры и фауны»), которые он оформлял.

В Семенниково тоже был музей. Михаил Александрович сам отреставрировал старое здание, оформил залы, собрал большую коллекцию предметов крестьянского быта, нумизматики и пр., представляющих музейную ценность. Он оббивал пороги колхозной и районной администраций, убеждая, что музей этот нужен населению. К сожалению, его не слышали, и не помогали. А когда Михаила Александровича Бабешко не стало, не сумели сохранить то, что уже было сделано.

Будучи директором Ермаковского сельского Дома культуры «Строитель», мне посчастливилось поработать с этим удивительным человеком. В то время М.А. Бабешко работал художником-оформителем в ПМК-176. Все праздничные мероприятия, оформленные им, были необычными, с фантазией, и всегда лучшими!

Экономический кризис 1990-х гг. разрушил немало крепких хозяйств, не миновала эта участь и Ермаковский Зверопромхоз. Николай Николаевич Гушчин не смог пережить распад своего любимого детища. Он умер 12.04.1995 г., всего 50 лет от роду. На его место пришли новые руководители. Зверопромышленное хозяйство было выставлено на распродажу, в т.ч. и Музей природы.

По решению главы администрации Ермаковского района, Николая Яковлевича Терского и заведующей отделом культуры и кино Надежды Карловны Жирадковой в октябре 1995 г. музей выкупили и перевезли в помещение Детской Художественной Школы.

Для оформления экспозиций «Флора и фауна Ермаковского района» были приглашены экспозиционные художники-таксидермисты под руководством Бояренцева (Шушенский биосферный заповедник). В итоге появились три природо-ландшафтные диарамы: лесостепь, тайга и предгорье. (В 2003 г. экспозиция дополнилась небольшой диарамой «Зима в лесу», которую оформил художник РДК В.А. Чижевский)

21 марта 1996 г. состоялось открытие новых экспозиций в бывшем районном краеведческом музее с. Ермаковское. (Он был организован в мае 1993 г. и располагался в здании дома-музея Лепешинских. После его закрытия, весь фонд вывезен в Шушенский историко-этнографический музей-заповедник).

С появлением природных панорам за музеем закрепилось название – Музей природы. Но как бы он не назывался, ермаковцы помнят, и гордятся всеми, кто принимал участие в его создании и организации.

В 2011 г. на Международном Дне музеев, в Ермаковском районном Доме культуры состоялся праздник: 15-летие со дня открытия экспозиций «Флора и фауна» в Музее природы. Его организаторами была приглашена вдова Николая Николаевича – Надежда Степановна Гушина, (она работает в Ермаковской ЦРБ медсестрой в физиокабинете). Надежда Степановна передала Музею природы фотографии и видеокассету с документальным фильмом о жизни и деятельности Н.Н. Гушина, создателя Музея природы в п. Танзыбей.

Идеи организатора и автора Музея природы, который вошёл в историю нашей малой Родины, в историю родного края, будут жить, фонды музея будут пополняться и обязательно сохранятся для потомков.

2012

М.В. Злобин,
г. Минусинск

Ратный путь декабриста Краснокутского

Из одиннадцати декабристов, определённых на поселение в Минусинский округ, трое являлись участниками Отечественной войны 1812 года – С.Г. Краснокутский, П.И. Фаленберг и А.А. Крюков.

В 1805 г. С. Краснокутский по окончании Петербургского первого кадетского корпуса, в котором он обучался и воспитывался с 1798 г., был определён прапорщиком в известный лейб-гвардии Семёновский полк.

Кадетский корпус, как учебное воспитательное заведение, в котором с 10 лет обучались дети дворян и военнотружущих, прежде чем стать офицерами, основал в 1732 г. генерал фельдмаршал Б.К. Миних. В 1790-х гг. его директором был М.И. Кутузов. Воспитанниками кадетского корпуса были и другие будущие декабристы: Рылеев, Репин, Розен, Аврамов, Булатов, Ф. Глинка, Веденяпин, Н. Мозгалевский (умер в Минусинске), М Пущин и другие.

С 1805 по 1807 гг. Россия в союзе с Англией, Австрией и Швецией, вела войну с наполеоновской армией с целью не допустить господства Франции над Европой. Первое боевое крещение девятнадцатилетний прапорщик Краснокутский принял в Восточной пруссии 5-6 июня 1807 г. при Гутштадте. Затем последовали сражения при Гейльсберге – 10 июня и решающее, финальное под Фридландом.

Несмотря на проявленный героизм русских солдат и офицеров, последнее сражение закончилось поражением русских войск, а вся война завершилась 7 июня 1807 г. известным в истории унижительным для России «Тильзитским мирным договором». Возникшие впоследствии противоречия по этому договору привели Россию к Отечественной войне 1812 года.

За мужество и отвагу, проявленные в сражении под Фридландом, большая группа русских солдат и офицеров была представлена к наградам. Краснокутского произвели в подпрапорщики и наградили золотой шпагой с надписью «За храбрость». Для молодого человека, только что вступившего на ратный путь, это была очень высокая награда, которая говорит об исключительной храбрости, проявленной им в этом бою.

В 1809 г. Краснокутский произведён в поручики, а в 1811 г. – в штабс-капитаны.

24 июня 1812 г. наполеоновские войска внезапно переправились через реку Неман и вступили на территорию России. Началась Отечественная война 1812 года. В то время лейб-гвардии Семёновский полк был расквартирован, по-видимому, в г. Вильно, так как в формулярном списке о службе Краснокутского записано, что он в 1812 г. «находился во время всей ретирады (отступления) от Вильно до села Бородино». Вместе с ним в одном полку воевали и будущие видные члены «тайных обществ» П.Я. Чаадаев (поэт и друг А.С. Пушкина), И.Д. Якушкин, М.И. Муравьев-Апостол, С.П. Трубецкой, И. Д. Щербатов и другие.

7 сентября 1812 г. под Москвой у села Бородино произошло одно из величайших в истории войн сражение, которое вошло в историю как Бородинское сражение.

Лейб-гвардии Преображенский и Семёновский полки на Бородинском поле перед сражением в 5 часов утра вытянутой колонной заняли позицию в резерве, позади стыка правого крыла 2-ой армии и левого крыла центра с батареей генерала Раевского.

Сохранилось уникальное свидетельство участника Бородинского сражения – «Дневник П.С. Пущина», обнаруженный учёным В. Бортневским в Ленинградских архивах. П.С. Пущин в то время был ротным, а затем батальонным командиром в Семёновском полку, служил вместе с Краснокутским.

П.С. Пущин так вспоминает настроение своих однополчан перед началом Бородинского сражения: «...Все мы горим нетерпением сразиться, каждый из нас готов пролить кровь до последней капли, и, если нас хорошо направят, мы причиним неприятелю много вреда... ..Наша бригада, полки Семёновский и Преображенский, находились в продолжении 14 часов под сильным огнём неприятельских батарей. Она выдержала стойко, с невозмутимым хладнокровием, каким должны обладать отборные войска... Из моей роты выбыло 35 человек... ..В четвёртом часу дня бой за батарею Раевского достиг своего апогея. Неприятельская кавалерия – Кирасирский полк во главе с Коленкуром и уланы корпуса Латур – Мобура, прорвавшись, стремительно понеслись на гвардейский полк. С барабанным боем и громовым «Ура!» семёновцы и преображенцы встретили неприятельскую конницу штыками. Следовавшие одна за другой атаки были отбиты. Противник обратился в бегство. Несмотря на то, что батарея Раевского оказалась в руках врага, гвардия до конца сражения не оставила своих позиций».

В книге Л. Павловой «Декабристы – участники войн 1805-1814 гг.» изд. «Наука», 1970 г., есть

строки: «пролить кровь до последней капли за свою Родину готовы были и другие семёновцы: подпоручик С.П. Трубецкой, штабс-капитан С.Г. Краснокутский, подпрапорщик П.Я. Чаадаев»...

Если не считать отражения атаки Коленкура, то Семёновский и Преображенский полки, стоявшие в резерве под огнём неприятеля, так и не были введены в сражение. Кутузов нацелен был на сохранение гвардии.

С целью сохранения армии, Кутузов, оставив Москву неприятелю и совершив скрыто свой знаменитый фланговый марш-манёвр с Рязанской дороги на Калужскую, остановился лагерем под Тарутино.

18 октября (даты по новому стилю – М.З.), после полуторамесячного перерыва, русские войска, в т.ч. и Семёновский полк, перешли в контрнаступление. Разыгралось Тарутинское сражение.

В служебном формуляре Краснокутского записано: «18 октября участвовал в ночной экспедиции про разбитии неприятельского корпуса (Мюрата) возле селения Тарутино».

Когда Наполеон, в надежде на мир с Россией, послал своего адъютанта Лористона в Тарутино для ведения переговоров с Кутузовым, «группа офицеров Семёновского полка, среди которых находились и будущие декабристы, решила даже в случае согласия правительства на мирные предложения Наполеона продолжить с ним борьбу. Они предлагали создать партизанские отряды и с помощью крестьян преследовать неприятеля, пока он не покинет русской земли».

19 октября стало известно, что Наполеон покинул Москву и двинулся по новой Калужской дороге на юг страны. Кутузов преградил путь французам, выйдя с войсками к Малоярославцу, где 23-25 октября состоялось жесточайшее сражение. Для Наполеона это был последний шанс, чтобы спасти свою армию от голода. Город восемь раз переходил из рук в руки. Победу одержали русские. Наполеон отступил и вынужден был двинуться по старой разорённой дороге через Можайск.

В этом сражении участвовал и Семёновский полк, участвовал и Краснокутский, о чём говорит запись в его формуляре прохождения службы. «23 октября 1812 г. участвовал в сражении под городом Малым Ярославцем» В дневнике упомянутого выше П.Пущина о Тарутинском сражении записано: «18 октября. Атака. Наступление началось в 6 часов утра, когда неприятель менее всего его ожидал. Генерал граф Орлов-Денисов со своими казаками совершенно его опрокинул... Мы (Семёновский и Преображенский полки) наступали на центр и почти не встречали сопротивления. Наступали всё время безостановочно. Французы не выдержали и к 12 часам дня кинулись в лес. Лёгкие войска преследовали их, а наш корпус остановился на отдых».

13 января 1813 г. русский авангард перешёл через Неман и вступил в пределы Пруссии. Краснокутский при Семёновском полку снова в Пруссии.

Началась война за освобождение стран Европы от наполеоновских войск. Краснокутский участвует в сражениях при Люцене, Бауцене, Кульме и Лейпциге.

Особенно проявил себя Семёновский полк в знаменитом Кульмском сражении. Полк входил в состав первой гвардейской дивизии генерала Ермолова. Лучшее описание Кульмского сражения принадлежит его участнику, будущему декабристу В.С. Норову.

Многие из участников Кульмского сражения были награждены орденами, золотым оружием, повышены в чинах. За бой под Кульмом Краснокутский произведён в капитаны и награждён орденом «Анны 2-й степени с алмазными знаками» Прусский король Фридрих Вильгельм III награждает его «Кульмским крестом». Несколько ранее Краснокутский был награждён орденом «Анны 4-й степени».

16-18 октября 1813 г. он участвует в генеральном Лейпцигском сражении, вошедшим в историю под названием «Битва народов», которая закончилась полным поражением Наполеона.

С 29 по 30 марта 1814 г. Краснокутский участвует в последних сражениях на подступах к Парижу и при взятии Парижа. За проявленную доблесть в этих сражениях он награждается орденом «Владимира 5 степени с бантом» – эта боевая награда высоко ценилась в русской офицерской среде. Этот орден можно было получить лишь за личную храбрость и воинское умение в сражении. Ему вручаются также иностранные ордена: прусский орден «За заслуги», австрийский «Леопольда III степени», баварский «Максимилиана-Иосифа III степени». За участие в Отечественной войне 1812 г. вручается медаль «За 1812 год». За боевые заслуги, проявленные Крас-

нокутским в сражениях 1813-1814 гг., он награждён орденом «Георгия». И по возвращении в Россию 20 января 1816 г. производится в полковники, а 14 марта 1816 г. назначается командиром Олонецкого пехотного полка.

«23 апреля 1818 г. при осмотре императором Александром I войск 2-й армии он получает высочайшее особенное благоволение и всемилостивейше пожалованы 3000 десятин земли», а 30 ноября 1819 г. получил высочайшее благоволение за то, «что при выходе его полка из Второй в Первую армию найден Оный (полк) противу прочих – отличным».

Это были последние записи в его формулярном списке о службе. В 1821 г. 25 февраля Краснокутский вышел в отставку в чине генерала-майора с правом носить военный мундир.

2012

Т.С. Комарова,
г. Красноярск

Композитор В.И. Ребиков

Судьба композитора Ребикова Владимира Ивановича, пожалуй, известна лишь профессионалам. Он родился в Красноярске 19 мая 1865 г.; двухлетним ребёнком был увезён родителями в Москву, где через несколько лет окончил реальное училище. Обучался на филологическом факультете Московского университета, изучал литературу, живопись, скульптуру, а затем получил музыкальное образование в Берлине и Вене. После возвращения на родину жил в Одессе, Москве, Киеве, три года в Кишинёве, где организовал отделение Русского музыкального общества и музыкальную школу при нём. Много концертировал в России и Европе.

Первые собственные опыты в качестве композитора Ребикову показались неудачными. Позднее он напишет: «Когда я услышал свои первые работы, я понял только одно: так писать не надо, понял, что надо искать новые средств передачи чувств и настроений». Признавался, что в начале своей творческой деятельности находился под влиянием П.И. Чайковского, которому подражал. Но вскоре понял, что «влияние чужого таланта – медленный яд и этот яд покрыл морщинами и сединой многое из того, что казалось в былые времена вечным и нетленным. Сколько тысяч талантливых подражателей Бетховену, Шуману, Шопену, Листу и т.д. творили и печатали свои сочинения. Кто помнит эти таланты, где их работы...» Вероятно, автор этих строк был излишне строг к себе. Возвратившись в Одессу после обучения в Европе, В.И. Ребиков написал на сюжет рассказа В.Г. Короленко «Лес шумит» двухактную пьесу «В грозу», которая была успешно поставлена в 1894 году.

Чтобы освободиться от чужих влияний в собственном творчестве композитор много лет не посещал оперу, концерты, не исполнял чужую музыку. И этого правила придерживался до конца своих дней: «Изучив техническую сторону искусства, художник (поэт, композитор, скульптор) должен оставить чужие однородные творения и в самой жизни или в собственной фантазии и чувствах искать и находить вдохновение. Выживает лишь самобытное; из подражательного искусства выживает лишь очень немногое, лишь очень гениальное. В особенности музыка – очень нежное искусство. Оно уж очень скоро вянет». Ребиков придерживался взгляда, что человек, обладающий талантом, сам может уменьшить или увеличить его. Можно идти по широкой, проторенной дороге, а можно искать и собственную дорогу; каждый художник волен выбирать свой рецепт.

В.И. Ребиков много гастролировал по Европе и России как пианист и композитор. Выступал в Париже, Лейпциге, Берлине, Флоренции. В Москве очень успешно прошла его опера «Ёлка», которую Э. Григ назвал очень талантливым произведением, совершенно особенным в гармоническом отношении. Ребиков стал автором нескольких музыкально-психологических или, как их ещё называли, психографических драм «Женщина с кинжалом», «Альфа и Омега», «Бездна», «Нарцисс», одной из интереснейших опер – «Тея». Владимир Иванович выступал во многих музыкальных жанрах: произведения для хора, фортепьяно, романсы, духовная музыка. В записках под названием «Музыкальные записки чувства» композитор писал о себе: «...Я считал хорошим

то сочетание звуков, которое передавало желаемое чувство, и считал неудачными и нехорошими те звуки, которые не передавали чувства». Он стал автором нескольких статей, в которых излагал свою точку зрения на значение музыки для человека.

В нач. XX в. В.И. Ребикова считали одним из первых музыкальных импрессионистов в России, да и, пожалуй, в Европе. Он включал в свои произведения живые картины, которые сопровождались мимическими действиями, так называемые «меломимики». Для многих это было непривычно. Обвиняли композитора и в декаденстве. Последние десять лет жизни, а скончался Владимир Иванович в 1920 г., он провёл в одиночестве, скитаясь с места на место. Около 1913 г. им было написано стихотворение «Мой путь», в котором автор подчеркнул свою отрешённость от мира и своё намеренное уединение:

*Угрюмой ночью вышел в путь,
В пути всегда был одинок.
Таков был мой суровый рок.*

*Среди зловещих тёмных туч,
На небе мрачном иногда
Мерцала бледная заря.*

*Идя в лесу, я видел нимф.
Их гибкий, стройный хоровод
Рябит поверхность спящих вод.*

*Я nereиды слышал песнь,
И страстный крик её души
Мучительно звучал в тиши.*

*Видений мрачных видел сонм,
И слышал шёпот среди ветвей:
«Они идут – бежим скорей».*

*И рой волшебных чудных грёз,
И странный звук далёких лир
Влекли меня в нездешний мир.*

Имя В.И. Ребикова известно лишь узкому кругу музыкантов. Не исключение и Красноярск. Незаслуженно забыт не только композитор и пианист, которого когда-то хорошо знали в России и Европе, но и человек, хорошо владевший пером. Его взгляды на собственное предназначение и отношение к музыке, изложенные в статьях, не всегда бесспорны. Но всегда независимы и оригинальны.

2012

Литература:

1. ГАКК. Ф.217. О.2. Д.80, Л.1-6. Все записи в деле были скопированы научным сотрудником Енисейского музея П.М. Устимовичем в 1929 г. с «Русской музыкальной газеты» за 1913 г., № 48 от 1 декабря.
2. Журнал «Нива», 1913, № 41, с. 818.

Л. Кривченко, А.Н. Тимофеев,
г. Красноярск

Елизавета, третья дочь атамана Семёнова

Явцева (урожд. Семёнова) Елизавета Григорьевна (*англ.* – Elizabeth Yavtsev, 24.11.1930,¹ г. Иокогама, Япония – 27.03.2012 г. Сидней, Австралия). Музыкант – пианист, аккордеонист, хормейстер, композитор и педагог.

После развода родителей, вместе с сестрой Татьяной, матерью и отчимом проживала в Бельгии, Германии, Гонконге (1933? – 1938). Свободно разговаривала по-немецки и по-английски.² В 1939 году с сестрой Татьяной вернулась к отцу в Дайрен,^{3,4} Вместе с сестрой обучалась в местной американской школе, а после её закрытия – в немецкой при немецком консульстве, параллельно занимаясь с частными репетиторами для поступления в русскую гимназию.⁵ В августе 1945 года окончила Российскую гимназию⁶ в г. Дайрене, состоявшую в ведении Квантунского губернаторства.⁷ Освоила японский язык в объёме гимназической программы. Обучалась игре на фортепиано у профессиональной пианистки Ольги Владимировны Токмаковой,⁸ работала в джазовом оркестре.⁹ 24.07.1948 в г. Дайрене¹⁰ арестована вместе с сёстрами Еленой, Татьяной и на самолёте переправлена в г. Ворошилов.¹¹ Решением Особого совещания в Москве¹² осуждена на 25 лет ИТЛ.¹³ Отбывала срок в Озерлаге¹⁴ (г. Тайшет Иркутской области; в колониях 09 и 016 – лесоповал, 027 – слюдяная фабрика), на строительстве железных дорог Абакан – Тайшет¹⁵ и Тайшет – Лена. После смерти Сталина в составе агитбригады, созданной из профессиональных артистов, находившихся в женских и мужских колониях, ездила с концертами по зонам. Освоила игру на аккордеоне.¹⁶ Освободившись в 1956 г., вместе с мужем – на поселении¹⁷ в г. Коркино Челябинской обл. и г. Искитиме Новосибирской области.¹⁸ В 1966 г. переехала в Абрау-Дюрсо под Новороссийском.

Проживая в России, совмещала работу музыканта и художественного руководителя. Руководила хорами: женскими, мужскими, смешанными, детскими, которые исполняли в академическом стиле современные и народные песни, песни военных лет, классический репертуар и хоры из известных опер в её аранжировке. Хоры всегда занимали призовые места на смотрах художественной самодеятельности и неоднократно приглашались на новосибирское, краснодарское и Центральное телевидение. Хору обычно аккомпанировала сама, параллельно руководила оркестром и сама в нём играла.

Многие близко знавшие музыканты отмечали её талант композитора и аранжировщика. Когда только начали осваивать электрогитары и электронные клавишные инструменты (ионики), сделала великолепную аранжировку «Антракта к 4 действию» из оперы Бизе «Кармэн» и «Испанского танца» из балета Чайковского «Лебединое озеро». По тем временам это было новаторством и очень смелым шагом.

С большим успехом проходили праздничные концерты по сценариям, написанным ею вместе с мужем (он писал стихи к сценариям, она сочиняла музыку, делала аранжировки популярных песен для хора и вокальных групп). Особенно хорошо им удавались театрализованные концерты, посвящённые Дню Советской Армии. Песни военных лет, звучавшие со сцены в исполнении талантливых самодеятельных артистов, расположившихся где-нибудь «на привале» на фоне декоративных берёзок или вокруг искусственного костра с мерцающими языками пламени до слёз трогали зрителей, которые, затаив дыхание, наблюдали за действием и про себя напевали ставшие уже народными слова и мелодии.

В Новороссийске, работая во Дворце пионеров, сотрудничала с кукольным театром, для детского оркестра которого написала, аранжировала, а потом и аккомпанировала вместе с ним два кукольных спектакля: «Аленький цветочек» и «Старуха Шапокляк». Более десяти лет делала аранжировки для хореографического коллектива Дворца пионеров, которому аккомпанировала как сама, так и в составе оркестра, которым руководила. В памяти зрителей остался оригинальный балет «Сказка о попе и его работнике Балде» по мотивам известной сказки А.С. Пушкина, в музыкальную подборку для которой были включены фрагменты из классических произведений

Чайковского, Мусоргского, Грига, Делиба. Сочиняла фортепианную музыку для учеников-пианистов, которую они играли с большим удовольствием.

В 1967 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР реабилитирована полностью. На рубеже 70-х и 80-х гг. была представлена к присвоению почётного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», но рассмотрение кандидатуры была остановлено, как ей дали понять, из-за родства с атаманом Г.М. Семёновым.¹⁹

В 1990 г. выехала с мужем в гости к сыну в Австралию.²⁰ В 1995 г. получила разрешение на постоянное жительство в Австралии, где и проживала до конца своих дней. Член Fellowship of Australian Composers (Союз композиторов Австралии) с 2004 года.²¹ Умерла в больнице Конкорд после обширного инсульта. Похоронена на кладбище «Eastern Suburbs Memorial Park», рядом с мужем.²²

Родственники: отец – Григорий Михайлович Семёнов (13/25.09.1890 – пос. Куранжа Дурулгуневской станицы Забайкальского округа Забайкальской обл. – 30.08.1946, г. Москва, повешен), мать – Елена Викторовна Семёнова (урожд. Терсицкая, во втором браке – Хайде; 3.06.1901 – 1980, г. Челябинск). Муж – Николай Михайлович Явцев (10.12.1928, г. Самара – 9.06.2010, г. Сидней, Австралия). Сёстры: Елена (1921, г. Порт-Артур – 2000, г. Новороссийск), Татьяна (1928, г. Иоккогама – 4.06.2011, г. Новороссийск). Братья: Вячеслав (1915? – 14.10.1993, г. Симферополь), Михаил (3.12.1922, г. Циндао – 1946?). Дочь Татьяна (р.1957, г. Коркино Челябинской обл.), сын Николай (р.1960, г. Искитим Новосибирской обл.).

Соч. Yavtsev E. Twelve Selected Piano Solos for students & music lovers (in-termediate) / by E. Yavtsev. Sydney: Sonata Publishing. 2003. 33 p. Russian Composers Series. (Явцева Е. 12 избранных пьес для фортепиано для студентов и любителей музыки / Е. Явцева. Сидней. Соната паблишинг. 2003. С. 33. Сидней, 2003 г. Серия «Русские композиторы»):

- Scherzo (Скерцо) in A minor Op. 4
- Romance (Романс) Op. 97
- Scherzetto (Скерцетто) in F minor Op. 10
- Prelude (Прелюдия) in E minor Op. 29 № 1
- Sentimental Waltz (Сентиментальный вальс) (C minor) Op. 55
- Song of The Bellbird (Песня птицы Беллбёрд)
- Down The Swan River (Вниз по реке Суон)
- Snowdrop (Подснежник)
- Sunset (Закат)
- A little Spanish Fantasia (Маленькая испанская фантазия)
- Oriental Fantasia (Восточная фантазия)
- Russian Fantasia (Русская фантазия)²³

Несколько десятков музыкальных пьес остались неопубликованными и ещё ждут своего часа.

Вспоминая свою мать, дети пишут: *«Музыка была частью её жизни. Огромной и важной! Представить себе невозможно, как бы она жила без музыки... Даже, сидя дома в кресле или в машине, она перебирала пальцами, имитируя игру на клавишах... Это – как ходить... А, может, даже и дышать. Для неё...»*

«Ученики очень её любили и уважали, часто делились с ней своими успехами, проблемами, а для некоторых из них она была, как вторая мама. Это, наверно, потому, что она сама очень любила детей, а они просто отвечали ей взаимностью. Старшеклассники и взрослые участники оркестра ласково и уважительно называли её «Маэстро».

Автор благодарит Константина Семёновича Гордеева (г. Красноярск) и Алексея Петровича Ивачёва (г. Сидней, Австралия) за помощь при сборе материалов и будет признателен всем, кто пришлет свои дополнения к указанным сведениям (anit2008@mail.ru).

Особая благодарность – дочери и сыну Елизаветы Григорьевны Татьяне Николаевне Окружной и Николаю Николаевичу Явцеву, просмотревших рукопись, сделавших много существенных поправок, важных уточнений и предоставивших редкие фотографии из семейных альбомов.

2012

Жизнь и судьба Льва Алексеевича Нюхалова

В 2012 г. исполнилось два замечательных события: 65 лет Красноярскому краевому колледжу культуры и искусства и 130 лет Минусинскому драматическому театру. Эти события связывает одно имя – Лев Алексеевич Нюхалов.

Лев Алексеевич родился в 1926 г. в городе Барабинске Новосибирской области. Жил там со своими родителями, с сестрой и дедом. Во времена сталинских репрессий, в 1937 г., отец и дед были расстреляны. Оставшись без кормильцев, Нюхаловы сбежали в г. Тару Омской области. Но и в далёком северном городке они не нашли покоя. Мать с двумя детьми жили в коммуналке цокольного этажа обыкновенного деревянного дома. Лев ходил в школу и неплохо учился. Его сестра Люда занималась в театральной студии. Может быть, их жизнь постепенно бы наладилась, если бы не участие Льва Алексеевича в «антиправительственном заговоре». Весной 1942 г. на улицах Тары появились листовки: «Да здравствует 1 мая, товарищи! Наши родные и знакомые проливают кровь на фронтах. А в тылу народ мрёт от голода! Подумайте, к чему это всё ведёт!». За Лёвой пришли уже на следующий день. Он был осуждён по ст. 58.10, часть 2 – за контрреволюционную пропаганду, и приговорён к 7 годам колонии, которая находилась в Омской области. Из воспоминаний Людмилы Алексеевны Нюхаловой: «После ареста Лёвы мама сильно заболела, нервы, наверное, не выдержали. Ответственность за содержание семьи легла на меня. Я была и воспитателем в детском доме, и в поле работала. Во время войны всюду был голод. В доме есть было почти ничего, а нам нужно ещё и Лёве в передачку хоть что-то положить...»

Так сложилось, что Людмила Алексеевна ещё подростком попала в театр. После войны она вместе с труппой ездила со спектаклями по районам области, заезжая иногда и в Омск.

Условия, физические и моральные, в которых находился Лев Алексеевич (ему было всего 16 лет), были тяжёлыми. Вот что вспоминает Л.А. Нюхалов о том времени: «Умерших хоронили где-то за колонией, в просторечье это место именовалось «под боярку». Когда звучало такое название, всем всё было ясно. Где это место находилось «под бояркой», как там погребали страдальцев, не ведаю. Перед самым окончанием войны в моей лагерной жизни произошёл крутой поворот: перевели работать в управление колонии. Старшие товарищи по тяжкой каторжной доле приняли участие в моей судьбе и всяческими правдами – неправдами выдернули меня с общих работ и определили в плановый отдел. Ничего я в планово-экономическом деле не понимал, ни в чём не разбирался, взят был «органами» из восьмого класса средней школы, но и это образование уже порядком выветрилось из головы на продувном сквозняке...» В лагере Лев Алексеевич впервые соприкоснулся с театром. По приказу начальства был организован театр. Талантливого паренька заметили. Кто бы мог подумать, что это увлечение театром сыграет важную роль в его жизни.

После освобождения из лагеря Л.А. Нюхалов был «поражён в правах»: ему не разрешали поступать учиться, работать в крупных городах. Вместе с сестрой Людмилой они работали в театре г. Абакана.

Переехав в Минусинск, Лев Алексеевич становится одним из ведущих актёров Минусинского драматического театра 1950-60-х годов. Он написал пьесу «Сибирские партизаны» по рассказам очевидцев. Спектакль «Сибирские партизаны» был поставлен на сцене Минусинского театра в 1957 году. А в 1958 г. спектакль принял участие в первом краевом фестивале «Театральная весна». Газета «Красноярский рабочий» писала: «Почётное право открыть 2 тур первой «Красноярской театральной весны» было предоставлено спектаклю Минусинского колхозного-совхозного театра «Сибирские партизаны». И это не случайно. Коллектив Минусинского театра завоевал это почётное право, выдвинув на творческий смотр спектакль «Сибирские партизаны», поставленный по собственной пьесе, на местную историко-революционную тему: Сибирские партизаны!.. В сердцах сибиряков свято хранится память о легендарных подвигах борцов за счастье и свободу

народа. Кому неведомы имена прославленных командиров партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина, сыгравших огромную роль в развертывании партизанского движения в Енисейской губернии и оказавших помощь Красной армии в разгроме колчаковцев и интервентов.

Однако, до сих пор мы не имели кого-нибудь значительного произведения об этих незабываемых славных днях и делах, о героях гражданской войны в Сибири. Начинаящий драматург Лев Алексеевич Нюхалов сделал попытку воссоздать в драматическом произведении образы Кравченко и Щетинкина – партизан, боровшихся за свободу и за счастье, показать антинародные силы белогвардейцев. Театр помог автору улучшить его произведение, дал пьесе сценическое решение. Постановщик спектакля Н.К. Гудзенко правильно понял и решил основную задачу: главным в спектакле стал борющийся против кровавой колчаковщины народ». Пьеса получила диплом II степени. Участие в «Театральной весне» со спектаклем «Сибирские партизаны» по пьесе Л.А. Нюхалова стало знаковым событием в истории Минусинского драматического театра.

С Минусинским драматическим театром Л.А. Нюхалова связывало не одно десятилетие. Он запомнился минусинцам в спектаклях: «Армейский поручик», «Семья», «Денис Давыдов» и других... Для самого Л.А. Нюхалова была памятна работа над ролью Ленина в спектакле «Семья», за которую он получил диплом II степени.

Лев Алексеевич Нюхалов не только писал пьесы, играл в спектаклях Минусинского драматического театра, но и обладал ещё одним бесценным талантом – талантом педагога. Параллельно с театром он работал преподавателем в культпросветучилище (ныне – Красноярский краевой колледж культуры и искусства). Более 30 лет творческой жизни отдал он училищу, как добрый наставник, по-отечески заботился о каждом студенте. О нём не раз писали в газете «Власть труда»: «Идёт по улице человек, ничем внешне не приметный. А вот дела его известны всему нашему Минусинску. Ну, кто может забыть театральное шествие, посвящённое 150-летию нашего города, проходившее на стадионе, или зрелищный праздник, посвящённый 30-летию Великой Победы над фашистской Германией? Старожилы города вспоминают его выступление в роли Владимира Ильича Ленина на торжественном концерте, посвящённом 50-летию Октября... Лев Алексеевич – учитель-отец. Все учащиеся – его дети, их невзгоды и трудности, удачи и радости – его радости. В этом его человечность и педагогический талант».

Как любой педагог, Л.А. Нюхалов приучал студентов к дисциплине, к ответственности за порученное дело. Организовывал на свои средства поездки в Новосибирск, Красноярск, чтобы ребята смогли показать агитпредставления, выступить на телевидении, посетить концертные залы, оперу. И в ответ за заботу студенты, приехавшие из далёких уголков Красноярского края, с большим энтузиазмом работали на городских мероприятиях, впитывая каждое слово учителя.

После ухода на пенсию Л.А. Нюхалов сохранил добрые, трогательные отношения со своими учениками. В архиве музея им. Н.М. Мартьянова сохранилась переписка Нюхалова со своими студентами. Из письма Ольги С.: *«Дорогой Лев Алексеевич! Делюсь через письма с вами всеми житейскими передрыгами. После культпросветучилища я поступила в институт Улан-Удэ, сейчас планирую поступить в Ленинградский институт. Соскучилась по вам и одногруппникам, а другие вам пишут, передавайте им «привет» от меня. Жду ответа. Ваша лучшая ученица Оленька».*

Из письма одной из учениц Л.А. Нюхалова: *«Дорогой мой, любимый Учитель!!! Спасибо вам за поздравления. Получила от вас письмо с газетой (о жизни в ГУЛАГе... Теперь я только понимаю, почему вы были так справедливы к своим ученикам. Почему так любили жизнь!..»*

Последние пять лет он жил в г. Новотроицке Оренбургской области рядом с семьёй сына. В свои 80 с лишним лет Лев Алексеевич освоил компьютер, Интернет.

5 июля 2012 г. Льва Алексеевича не стало. Он прожил долгую и насыщенную жизнь. Жизнь, наполненную событиями, встречами, падениями и взлетами, и оставил яркий след в истории Минусинского драматического театра и Красноярского краевого колледжа культуры и искусства.

Семья Костюшиных и Лыткиных

В посл. четв. XIX в. в селе Лугавское проживало около двадцати пяти семей из рода Лыткиных. Это были пожилые супружеские пары, имеющие взрослых детей и внуков; их дети – пары среднего возраста, имеющие детей подросткового возраста и, наконец, пары молодые. Чтобы их не путать, семьи называли по имени или кличке родоначальника, либо по роду занятий. Так, семья моего прадеда Константина Петровича звалась «Костюшины». Семью Льва Федотовича, или в простонародии Левонтия – так и звали «Левонтьевы». Семья «Купцов», семья «Мельников» и т.д.

Но было и общее для всех Лыткиных прозвище – «Ноздредранцы» или «Норкодранцы». Это прозвище напоминало о том, что их предок Иван Фёдорович, доживший до 1818 г., был сосланный в Сибирь каторжанин с драными ноздрями. Об этом в кон. XIX в. помнили многие старожилы села Лугавское, в т.ч. внук Ивана Фёдоровича – Ларион Иванович (1808-1886). Другой внук родоначальника рода Лыткиных – Фёдор Борисович прожил 101 год (1794-1895). Это был настоящий носитель памяти в роду.

В 1894 г. большая семья Льва Федотовича с Ксенией Петровной (Левонтьевы) перебрались жить на заимку, которая находилась в 15 верстах от с. Лугавское, на южном склоне Думной горы. Группа заимок, хозяевами которых были Лыткины, Сиротинины и Полежаевы – имела общее название «Лыткинская». В 1905 г. это поселение получило статус деревни с названием «Лыткино».

Таким образом, к кон. XIX в., ряды Лыткиных в селе Лугавское сильно поредели. В 1883 г. окончательно перебрались в г. Минусинск семьи «купцов» – Андриана, Прокопа, Петра и Николая – Ивановичей и 11 семей их детей. В 1886 г. семья Фёдора Кирилловича переехала в село Казанцево.

Но всё равно осталось значительное количество семей, носящих эту фамилию. Это семья Константина Ильича и Евдокии Степановны и их сына Ивана Константиновича. Семья Тимофея Ивановича с Акулиной Стефановной и их сына Ивана Тимофеевича. Семья Устина Федотовича с Натальей Петровной. Ну и конечно, семья моего прадеда Константина Петровича с Параскевой Родионовной – «Костюшины», о которой и пойдет речь дальше...

Жили «Костюшины» в избе средних, по тем временам, размеров (5х5 метров). Места до поры, до времени хватало всем. Но вот женился старший из сыновей, Иван. Он взял в жёны дочь Давыда Косьмина – Параскеву, односельчанку из с. Лугавское. Потом Василий привёл в дом Елизавету Самсоновну Изосимину из д. Чихачёво. У них стали появляться свои дети. Константину Петровичу пришлось срочно прирубать к своему дому ещё один, такой же дом. Получилась большая пятистенная изба. Только в ней были отдельные входы и в каждой – свои печи. Сообщались же помещения между собой наружным переходом – сенками.

2 февраля 1890 г. вышла замуж старшая дочь – Александра, за местного, Фёдора Егоровича Абрамова. А через 20 дней случилось несчастье. От лихорадки (малярии) умер отец семейства – пятидесятилетний Константин Петрович... Теперь основные мужские заботы взял на себя старший из сыновей – тридцатилетний Иван. Роль главы семейства перешла в руки Параскевы Родионовны – матери и бабушки, «большухи»...

В 1894 г. третий сын Дмитрий, вернувшийся с воинской службы, привёл в дом Дарью Максимовну Нарахтаеву из д. Очуры. Внуки стали рождаться по два, а то и по три ребёнка в год. Правда, многие умирали ещё в младенчестве – сказывалось отсутствие медицинского обслуживания. Много детей умерло у Василия – за 15 лет супружеской жизни у него с Елизаветой Самсоновной в живых остались лишь Тарас и Александра. У Дмитрия было пятеро детей: Федосья, Александра, Соломония, Григорий и Пётр. У Александры с Фёдором Егоровичем Абрамовым, которые жили отдельно, вне родительского дома, ежегодно рождались дети, но все они умерли, и эта супружеская пара к старости осталась бездетной. Без урона оставалась лишь семья Ивана с Параскевой Давыдовной. У них к 1907 г. было уже 11 детей. К вышеназванным прибавились: Прокопий, Михаил, Екатерина, Василий, Далмат, Мария, Анна. Под одной крышей жили уже три молодых семьи и остатки старой.

Как и всех крестьянских детей Григория с раннего детства начали приобщать к крестьянскому труду. И эту науку он постигал с успехом. К двадцати годам Григорий знал многие премудрости крестьянской жизни: он умел пахать, боронить, сеять, жать, молотить, косить, заготавливать дрова, плести корзины, короба, плетни. Кроме того, он мог починить обувь, конскую сбрую, сплести кнут, связать сеть, сделать игрушку, отковать какую-то нехитрую деталь, умел плотничать и многое другое. Весной 1900 г. братья Григория – Иван и Дмитрий познакомились с переселенцами из Украины – братьями Петром и Леонтием Кравченко из д. Нижняя Коя, что в 10 верстах от с. Лугавское на берегу Енисея...

Семья Марии Фёдоровны Кравченко, моей бабушки, жила на Полтавщине, в селе Родзянок Хорольского уезда. Старшие братья её Пётр и Леонтий, сёстры Анна и Ульяна были детьми от первого брака её отца Фёдора. А от второго брака отца с Зинаидой Тимофеевной – ещё брат Осип и сёстры Ефросинья, Анастасия и Василиса. Старшие братья были женаты. У Петра было четверо детей: Павел, Анна, Константин и Федосий. У Леонтия было двое: Харитина и Анна...

В кон. XIX в. по всей Российской империи полным ходом шло переселенческое движение. Безземельные и малоземельные крестьяне европейской России, Украины, Белоруссии и Прибалтики устремлялись в Сибирь, где, по слухам, свободной земли было много, только не ленись, работай.

В губернских и уездных городах работали переселенческие комиссии, которые направляли эту неудержимую волну желающих уехать на вольные земли. Обязанностью комиссии было обеспечение транспортом и помощь в оформлении документов для переселенцев.

Старший брат Марии Пётр Фёдорович в отсутствие умершего отца, взял на себя роль главы семейства. Он давно вынашивал идею отъезда всей семьёй в Сибирь, уговаривал своих братьев и сестёр, доказывал, спорил, взвешивая все «за» и «против»... Многие боялись страшных сибирских морозов, медведей, «которые разгуливают по улицам», каторжан, которыми прямо заполонена вся Сибирь.

Чашу весов склонило письмо бывших односельчан, которые уехали в Енисейскую губернию в Минусинский уезд. Они писали, что им хоть и трудно пока, после переезда, но очень нравится. Самое главное – их поразили просторы Сибири, обилие незанятой земли и лесов... Семейный совет решил, что ехать надо.

Пётр Фёдорович съездил в уездный Хорол в переселенческий комитет, где оформил необходимые для выезда документы... В середине марта, в назначенный день прибыли на станцию, где формировался поезд для переселенцев. В вагоны-товарняки грузили по несколько семей... На поезде доехали лишь до Иртыша...

В то время Транссибирская магистраль только строилась. Причём, строительство велось на всём её протяжении, на многих участках. От Иртыша до Оби и уже было налажено движение поездов. Недостроенными оставались лишь мосты через крупные реки... Так, рывками, то на поезде, то на лошадях семья переселенцев Кравченко продвигалась всё дальше и дальше на восток, в Енисейскую губернию.

Доехав до г. Ачинска они остановились. Петру предстояло съездить в Красноярск и оформить необходимые документы. Там ему и определили последнюю точку их путешествия в Минусинском уезде, а конкретно – в новом поселении Нижняя Коя, что в 35 км от Минусинска. Последний отрезок своего пути, протяжённостью около пятисот вёрст, проехали на лошадях. Это был самый тяжёлый участок. Наступила распутица, но приходилось спешить, чтобы добраться до места своего нового поселения до сева. Когда приехали на место, в д. Нижняя Коя, временно расселились у ранее приехавших поселенцев. Строительство своего жилья отложили на другое время, так как пришло время пахать и сеять...

Пётр Фёдорович пристроил своих младших сестёр – Марию и Василису в качестве прислуги в богатые купеческие дома Минусинска. Там они и кормились и одевались, да ещё и зарабатывали кое-какие деньги. Живя и работая в купеческом доме, Мария научилась читать, писать и считать, хорошо готовить, шить одежду, модно одеваться. Учиться дальше не было возможности. Поэтому её кругозор расширился за счёт сведений, полученных из популярных журналов, газет и книг, которые имелись в хозяйской библиотеке...

В эти трудные годы братья Пётр и Леонтий познакомились с братьями Лыткиными: Иваном, Василием, Дмитрием и Григорием, жившими в с. Лугавское. Их земельные наделы находились на южном склоне Думной горы и были недалеко от земель семьи Кравченко. Поэтому соседи нередко общались. Пётр давно заметил тихого и скромного младшего из Лыткиных, Григория. Как-то в разговоре со старшим Иваном намекнул, что неплохо было бы познакомиться младшего Лыткина с его сестрой Марией, которая жила в Минусинске. Договорились, решили заслать сватов.

О приезде сватов Пётр Фёдорович был предупреждён. Он заранее приехал в Минусинск вместе с матерью Зинаидой Тимофеевной, своей женой и братом Леонтием. Когда прибыли сваты, на столе уже стоял самовар, пироги да «соленья-варенья». По одну сторону стола расселась семья Кравченко, по другую – семья Лыткиных. Старшие вели переговоры, а младшие ждали, чем всё закончится. Григорий чувствовал себя так, как будто не за него сватают невесту, а сватают его самого. От волнения он тёр одну ладонь о другую, положенную на колени. Лишь несколько раз, украдкой, он поднимал глаза и почти ничего не видел. Но всё же разглядел рыжеволосую девушку. Мария сидела напротив Григория и, выглядывая из-за самовара, разглядывала своего суженого. Она видела его замешательство и стеснение, его скованность и, надо сказать, будущий жених ей не понравился. Она шёпотом спросила сидящего рядом Петра: «Так чего же ты мне такого жениха-то предлагаешь?». Тот ответил: «А кого тебе ещё надо? Парень работающий, не избалованный, из трудолюбивой семьи. Соглашайся!» Поколебавшись ещё немного, Мария всё-таки согласилась выйти замуж за Григория Лыткина.

Свадьбу сыграли после Рождественского поста, на Крещение, 18 января 1901 г., после венчания в Лугавской Троицкой церкви. После этого Мария стала членом большой семьи Лыткиных, которую по имени её родоначальника Константина Петровича называли «Костюшины»...

В этой большой семье было всё общее: жильё, скот, орудия труда, земля, собранный урожай. С одной стороны это хорошо, когда за этим большим хозяйством ухаживает много народу. Например: надо вспахать в поле в 10 десятин под яровые – выходят пять человек пахарей сразу и за два дня вспахивают всё поле; надо сжать поле пшеницы – выходят 15 человек и залпом его убирают и т.д. Но с другой стороны – под одной крышей небольшого дома к 1905 г. проживали уже 27 человек взрослых и детей – перенаселение колоссальное. Давно назрел вопрос о расселении и разделе имущества.

К этому времени был построен двухэтажный дом для семьи Ивана. Купили дом у выехавших переселенцев для Василия. В старом доме остались жить мать Параскева Родионовна с семьёй Григория и Марии в одной половине, и семьёй Дмитрия – в другой. Дмитрию вскоре тоже построили дом. Состоялось расселение и раздел имущества. Но всё равно братья продолжали помогать друг другу.

В конце 1901 г. у Марии с Григорием родился сын Василий, через год родился Пётр. Оба мальчика были слабыми и больными, шансов выжить им не было. В 1905 г. родился Аким – крепкий и здоровый мальчик, который и стал старшим из детей. Потом рождались опять слабые дети и снова умирали. В 1911 г. родилась Александра, в 1914 г. – Иван, (мой отец – *Н.Л.*), который в детстве ничем не болел и обладал завидным здоровьем и силой...

В 1914 г. началась I мировая война. Многие жители села Лугавское ушли воевать на фронт. Не миновала эта участь и Лыткиных. В конце 1916 г. 38-летний Григорий был мобилизован... Наступил 1917 год. Грянула революция... Григорий, не успевший повоевать, оказался дома, о чём несколько не сожалел. Он вернулся при всей солдатской амуниции: при винтовке, противогазе, шинели и сапогах – всё могло сгодиться в хозяйстве. Но, если сапоги, гимнастёрку и шинель, он носил, не скрывая, а противогаз валялся без дела, то винтовку он зарыл на чердаке, подальше от посторонних глаз... Летом 1918 г., после падения советской власти, белогвардейцы стали проводить карательные экспедиции с целью выявления активистов советской власти. Отбирали лошадей, оружие, продовольствие, скот. Нагрянули белые и в с. Лугавское. Кто-то из сельчан подсказал им, что у Григория Константиновича хранится винтовка. Провели обыск и оружие обнаружили. Тогда Григорию изрядно «всыпали» плетей.

В конце 1918 г. в Минусинском уезде вспыхнуло восстание, участником которого стал и Гри-

горий Константинович. Восставшие пытались захватить г. Минусинск, но попытка не удалась. Участники восстания разошлись, разбежались по домам. Следом за ними по деревням пошли карательные отряды белогвардейцев. Григорий Лыткин вернулся домой целый и невредимый, но подавленный неудачей и мыслью о том, что в село придут каратели и его расстреляют за участие в восстании...

Осенью 1919 г. партизанская армия А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина восстановила советскую власть. Но облегчения для крестьян она не принесла. Пришло известие о том, что нужно платить продразверстку. Стали приезжать вооружённые красноармейцы и собирать «излишки» хлеба, мяса и других продуктов...

После многократных поборов во многих сёлах левобережья Енисея стали вспыхивать антисоветские мятежи. В селе Лугавское мужики тоже были недовольны продразверсткой. Они меж собой возмущались, сжимали кулаки. Кое-кто из горячих голов призывал поднять мятеж. Григорий Константинович тоже возмущался, спорил, но ни на какие выступления идти не хотел. Здравый смысл брал верх. В итоге, лугавчане так и не подняли оружие против советской власти...

В 1921 г. пришла эпоха Новой экономической политики (НЭП). Тяжёлую продразверстку заменили более лёгким продналогом, было разрешено частное предпринимательство... Вот когда проявился предпринимательский талант моей бабушки Марии Фёдоровны. Всё, что можно было продать, она собирала, накапливала и везла на базар в г. Минусинск: масло, творог, шерсть, мясо, арбузы, шкуры, муку, пшеницу и т.д. Копила, складывала копеечку к копейке, рублик к рублику. В результате появилась возможность взять в рассрочку сельхозмашины: жатку, сенокосилку, молотилку и др...

В том году, когда началась НЭП, семилетний Ваня пошёл в школу, но учиться долго не пришлось. Когда он закончил третий класс, его в школу больше не пустили. Его труд, по мнению родителей, был нужнее в хозяйстве отца, чем учёба.

Основной земельный надел у Лыткиных с 1871 г. был на южном склоне Думной горы, за перевалом у д. Пригородное, в 15 км от села Лугавское. Здесь у них не было постоянного жилья, были лишь балаганы-полуземлянки, покрытые дёрном, да кошары, в которых зимовали овцы... Костюшкины доверили десятилетнему Ване пасти овец. В это период он жил на заимке вместе со старшим дядькой Иваном Константиновичем... Но не только пастьбой овец занимался Ваня на заимке. Маленькому Ивану поручали боронование после вспашки и после сева...

Весной пахари находились на заимке почти месяц – сеяли яровую пшеницу, потом на фураж овёс. Ячмень, просо и гречиху сеяли на зерно, которое шло на крупу. Мария Фёдоровна в это время жила дома вместе с дочерью Шурой и младшим сыном Ильёй. Поднявшись с первыми петухами, ей нужно было затопить печь, поставить варить еду, подоить коров, выгнать их в стадо пасться, испечь хлеб. Затем запрягала двуколку, собирала с собой еду и везла за 15 км на заимку кормить пахарей...

Мария Фёдоровна, с юных лет стремилась выйти из бедности, разбогатеть. Поэтому вся её предприимчивость, весь талант были направлены на то, чтобы стало жить лучше. Это по её сценарию развивалось хозяйство Лыткиных. Она руководила экономикой и финансами семьи, которая благодаря упорному труду вставала на крепкие ноги. На долгий «роздых» и веселье времени просто не было. Наступила осень 1929 года...

Осенью 1929 г. советская власть обложила «кулаков» большим хлебным налогом, который Лыткины выполнили сполна. Потом налог повторили – и его оплатили. Когда в третий раз пришло распоряжение о выплате налога – платить было уже нечем. Тогда неграмотного Григория Константиновича назвали «другом английского премьер-министра Чемберлена» и лишили избирательных прав.

Имущество описали. Продавать или как-то его использовать было запрещено. Чтобы имущество испортили, за семьёй была установлена негласная слежка. Вместе с тем, было приказано, чтобы скот имел надлежащий уход.

Выписка из характеристики на кулака Лыткина Г.К.: родился в 1878 г. в селе Лугавское. Хозяйство: посева – 13,95 дес., рогатого скота – 5 голов, рабочего скота – 14 голов, овец – 100 штук, молотилка, сенокосилка, жатка, сепаратор. Дом крестовый, деревянный...

В марте пришло распоряжение выслать семьи кулаков из села. Были организованы торги по продаже имущества кулаков. За новый крестовый дом запросили мизерную цену – 14 рублей. Но никто не решился купить его, кроме сельсовета. В назначенный день семьи кулаков приказано было вывезти. Для переезда до ст. Абакан на каждую семью было выделено по одной подводе. Количество имущества строго контролировалось. Одежду можно было взять только ту, которая была на себе. Иван, которому было 16 лет, был выше всех – оказался и толще всех, потому что «надевал» на себя много одежек. Поверх всего надел шубу. Было жарко, но всё же до конца деревни дошёл. Маленького Илью мать посадила наверх воза. Когда его спрашивали: «Илья, куда поехал?» Он, наученный матерью, отвечал: «Социализм строить!». Если бы эти слова услышали кто-то из тогдашней власти – родителей могли бы посадить и даже расстрелять.

Григория Константиновича и Марию Фёдоровну с Иваном и Ильёй отправили в Канский район. Александра Григорьевна была сослана в Нарым – на север Томской области. Старший сын Аким был женат и от семьи родителей был отделён – его не тронули. Потом он вступил в колхоз, там и работал. В доме, который построили Лыткины, была размещена сельская больница.

Привезли ссыльных в Канский район недалеко от села Бражное, в тайгу. Ютились кто как мог... Лыткины поставили рядом с другими ссыльными два столба и сделали ещё три стены и крышу, глинобитную русскую печь. Собирались здесь только перезимовать, в надежде на то, что всё переменится, и они вернутся назад в Лугавское. Но надежды их не сбылись, прожить в этом «копай-городе» пришлось значительно больше.

Раскулачивание, разорение не могло не отразиться на здоровье Марии Фёдоровны. Это был серьёзный удар, но не последний. В 1935 г. её сын Иван, который работал на слюдяной шахте в Удерейском (Мотыгинском) районе, получил тяжёлую контузию от нештатного взрыва. В 1940 г. старший сын за драку был осуждён. А когда его везли в Магадан, судно потерпело кораблекрушение. След сына потерялся. В 1945 г. младший сын Илья, который воевал на фронте в Германии, получил тяжёлое ранение в грудь. Это добило Марию Фёдоровну окончательно. Она умерла в этом же году...

2012

Ю.К. Махно,
г. Абакан, Республика Хакасия

Духовно-нравственные искания православного инородца Николая Фёдоровича Катанова

С 16 по 19 мая 2012 г. в Республике Хакасия прошёл международный научный форум «Н.Ф. Катанов и современность», посвящённый 150-летию со дня рождения тюрколога с мировым именем экстраординарного профессора Казанского университета и ординарного профессора Казанской духовной академии (КДА) Николая Фёдоровича Катанова.

О Катанове Н.Ф. к настоящему времени создана литература различного жанра, где подробно нашла отражение деятельность учёного в Казанском университете. Однако публикаций, отражающих религиозно-нравственные искания хакасского профессора, практически отсутствуют. Исключение составляет статья-некролог профессора Казанской духовной академии И.М. Покровского «Памяти профессора Н.Ф. Катанова», опубликованная в нач. 20-х гг. прошлого столетия.

Все авторы, пишущие на катановскую тему, начиная с кон. 50-х гг. XX в. после реабилитации имени Н.Ф. Катанова, обходили стороной проблему «Катанов и религия» или освещали данную тему в антирелигиозном духе. Ярким примером этому служит монография С.Н. Иванова «Н.Ф. Катанов. 1822-1922 (Очерк жизни и деятельности)», которая была написана в нач. 60-х гг. XX века. Автор приводит яркие факты деятельности Н.Ф. Катанова, в т.ч. и религиозного характера, но вывод учёного парадоксален: «Жизнь подтвердила очевидную истину, наука которой служил Н.Ф. Катанов, была несовместима с религией».¹

В 1911 г. Н.Ф. Катанов подал заявление на конкурс, объявленный КДА для занятия должно-

сти по миссионерской кафедре. В ходе конкурса он прочитал для студентов академии пробную лекцию на свободную тему, которая называлась «Стороны жизни православных инородцев являющиеся отражением шаманства, ислама, и ламаизма». Какой смысл вкладывал Н.Ф. Катанов в содержание термина «православный инородец»?

Обратимся к автобиографии учёного как к первичному историческому источнику, которая была написана Катановым для «Критико-биографического словаря русских писателей и учёных», издаваемого профессором С.В. Венгеровым в дореволюционном Санкт-Петербурге.²

Н.Ф. Катанов о своих родителях и о себе до поступления в гимназию (в 1876 г. ему исполнилось 14 лет – Ю.М.) пишет: «Как я, так и родители мои – христиане православного вероисповедания. Родители и все предки исповедовали христианство, которое введено в долину Абакана в XVIII ст., и вместе с тем открыто держались шаманских обрядов; участвовали в жертвоприношениях духам – гор, воды, огня и неба и молились этим духам как покровителям домашнего скота и людей». Далее, он пишет: «В 1869 г. было открыто Аскизское одноклассное училище народного просвещения, и я поступил в него учиться русской грамоте. Учителем был мой дядя по отцу Ефим Семёнович Катанов, татарин Сагайского племени, который впоследствии приобрёл известность своими трудами по распространению православия среди горных татарских племён Минусинского округа, которых в 1876 г. крестилось в Аскизе в один день около 3000 чел».

О нравах и обычаях православных инородцев Катанов писал: «В августе 1876 г. я поступил в классическую гимназию в Красноярске. До поступления в гимназию я вместе с родителями участвовал в нагорных и домашних жертвоприношениях и подобно родителям неоднократно поклонялся огню, горам, воде и небу как покровителям людей и домашних животных. Вслед за родителями я верил, что «русский Кудай (т.е. бог) обитает на небе», т.е. что «русские веруют в духа неба». Так как татары моего племени кроме духа неба признают также духов огня, гор и воды, то и я вслед за всеми единоплеменниками и родителями своими признавал вполне возможным быть в одно и то же время шаманистом и христианином, думая, что и шаманизм, и христианство ведут к одной цели: почитанию духов-покровителей, из которых каждый помогает человеку и скоту в известном только отношении, не затрагивая интересов других духов. Вместе с родителями я слушал службы шаманов и слепо верил в то, что они предрекали, хотя и не всегда понимал, о чём они пели в некоторых своих молитвах. Я глубоко сочувствовал шаману, когда он пел, что на него нападают злые духи, мешая достичь ему намеченной цели».

Таким образом, православные инородцы – это неславянское (нерусское) население царской России, которые приняли православие как форму религиозных верований, но не отказались от постулатов прежней веры и продолжали традиционный образ жизни. В данном случае христианство православного вероисповедания не стало для них ещё истинной верой.

Обучаясь в гимназии, в возрасте 19 лет, Катанов пишет свою первую научную работу «Описание шаманского бубна и костюма сагайских племён», которая в 1893 г. была опубликована в сборнике сибирского исследователя Г.Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». По мнению ряда современных исследователей, публикация данной работы свидетельствуют, что «Он воспринял веру и необходимость религии, непререкаемость христианских истин, но отказался от духовной карьеры».³ Это был первый шаг в духовных исканиях молодого Катанова, который был связан дружескими отношениями с алтайским миссионером В.Н. Вербицким, и тюркологом – миссионером, директором Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминским.⁴

После обучения в Красноярской классической гимназии (1876-1884) и Санкт-Петербургского университета (1884-1888) Катанов был командирован Географическим обществом и Академией наук в Сибирь и Восточный Туркестан (1889-1892). По окончании командировки он выдержал экзамен на степень магистра турецко-татарской словесности и был направлен в Казанский университет преподавателем.

Казанский период жизни Н.Ф. Катанова (1894-1922) связан не только с работой в Казанском университете как преподавателя и активного участника Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), но и с другими видами многогранной деятельности.

Одним из них было миссионерство в обществе «Братство святителя Гурия». Участие Н.Ф. Катанова в миссионерском движении Поволжья и Сибири отмечали первые исследователи его

творчества, авторы некрологов 20-х гг. XX в., посвящённые памяти Н.Ф. Катанова. Главная цель миссионерского движения в царской России христианизация – воспитание православного мировоззрения и распространение русской культуры среди инородческого населения Поволжья и Сибири.

Приобщение Катанова к миссионерскому движению началось в гимназические годы. Известный тюрколог В.А. Гордлевский (1876-1958) отмечал, что Н.Ф. Катанов «...испытал на себе влияние алтайского учёного миссионера В.И. Вербицкого (составитель «Словаря алтайского и алтаидатского наречия тюркского языка». Казань, 1884 – Ю.М.) и глубокого знатока Н.И. Ильминского, просветителя инородцев и начал переводить и собирать народно-словесные турецкие текста». Далее, тюрколог отмечает что, Н.Ф. Катанов вырос в обстановке миссионерского духа. Говоря о казанском периоде его жизни академик пишет: «Он руководил Переводческой комиссией при «Братстве святителя Гурия» отрицательно высказывался о вапсанцах (вапсанцы одна из мусульманских сект – Ю.М.) с точки зрения общественно-государственного».

В 1912 г. Н.Ф. Катанов «По распоряжению Высокопреосвященного Иакова Казанского и Свияжского от 15 марта 1912 г. за номером 1196 назначен членом Совета Братства св. Гурия на 3-летие 1912 -1914».⁵

«Братство святителя Гурия» было создано в городе Казани 4 октября 1867 г. (ст. ст.) – в день памяти св. Гурия по православному календарю, и просуществовало до Февральской революции 1917 года. Братство получило название в честь первого Казанского архиепископа первоучителя и просветителя Гурия, основателя Казанской епархии (втор. пол. XVI в.). Одним из поводов послужившим к учреждению «Братства святителя Гурия» был переход новокрещённых татар Казанской губернии в ислам в 1866 году. Возникла потребность Русской Православной Церкви в активизации миссионерского движения. Основными миссионерскими направлениями Братства были: борьба с исламом, с язычеством, с расколом РПЦ, с отпадением крещённых инородцев в ислам.

Большую роль в деятельности Братства играла особая Переводческая комиссия, целью работы комиссии было создание систематических последовательных переводов и издания богослужебной учебной литературы для нерусских народов Поволжских губерний Казанской, Вятской, Уфимской, Самарской и Симбирской – на их родном языке. Первым председателем комиссии был Н.И. Ильминский. Именно он привлек к работе в комиссии Н.Ф. Катанова, который стал вскоре её председателем. Работая в комиссии, Катанов был редактором якутского перевода Нового Завета.

«Миссионерские братские школы», для которых создавали книги и учебные пособия члены Переводческой комиссии, в т.ч. Н.Ф. Катанов, готовили миссионеров и переводчиков для инородческого населения и местной администрации.⁶

Н.Ф. Катанов был своим человеком *persona grata* в рядах Русской Православной церкви и Министерстве народного образования. Он неоднократно командировался для изучения преподавания в школах с инородческим составом в Оренбургский учебный округ, он не единожды выезжал в Санкт-Петербург по вопросам обучения учащихся в школах с инородческим населением.

Деятельность Катанова в миссионерском движении безусловно отразилось на его духовно-нравственных исканиях смысла жизни и проложило ему дорогу в Казанскую духовную академию.

Особенностью Казанской духовной академии, которая находилась в центре областей с иноверческим населением, составляло миссионерское отделение, открытое в 1854 году. Здесь преподавали арабский, турецкий, татарский, монгольский и калмыцкий языки, этнографию, иудаизм, обличение ислама и ламаизма, историю распространения христианства среди народов Востока, миссионерская педагогика.

2 мая 1911 г. Н.Ф. Катанов подал заявление на конкурс, объявленный КДА для замещения вакантной должности по миссионерской кафедре. В сентябре и октябре он читает пробные лекции. Каждому претенденту было предложено прочитать две лекции по татарскому языку (тему назначил Совет КДА – Ю.М.) и по этнографии или истории распространения христианства (тему выбирал участник конкурса – Ю.М.). Тема свободной лекции Катанова называлась «Стороны жизни православных инородцев, являющиеся отражения шаманизма, ислама и ламаизма». В ходе чтения пробных лекций развернулась упорная борьба между разными группировками в КДА. Одна группа преподавателей во главе с ректором поддержала кандидатуру Катанова, другая группа во главе

с протоиереем Е.А. Маловым поддержала кандидатуру священника А. Михайлова. По конкурсу был избран Н.Ф. Катанов. 7 октября 1911 г. Синод своим указом утвердил на вакантную должность не Катанова, а священника Михайлова, мотивируя свой выбор тем, что «избранный Советом академии для замещения означенной кафедры Николай Катанов не состоит в священном сане».⁷

Однако священник А. Михайлов отказался о назначения и в ноябре 1911 г. Н.Ф. Катанов был утверждён Синодом в должности преподавателя.

В академии Н.Ф. Катанов занял кафедру по этнографии, истории миссии и языкам народов угорского и татарского корня. Он читал лекции по четырем дисциплинам: этнографии, татарскому языку (1 курс) история миссии (2 курс) и тюркской аллектологии (3 курс). Оценку преподавательской деятельности Катанова дал профессор И.М. Покровский: «Николай Фёдорович давно понял и печатно проводил мысль, что русским инородцем России трудно и почти невозможно жизнь своею собственной жизнью, не приобщаясь к русской культуре. С другой стороны русский государственный общественный и культурный деятель, посвятивший себя инородческому делу, не будет иметь успеха в нём, если не изучает языка, быта и религии инородцев».⁸

Деятельность Н.Ф. Катанова в Казанской духовной академии впервые широко осветил проф. кафедры истории Русской Церкви Иван Михайлович Покровский (1865-1941), который близко знал учёного. Их дружба началась с 1898 г., Иван Михайлович брал бесплатные уроки по татарскому языку и этнографии у Катанова. В дальнейшем, учитель и ученик, часто и много работали вместе, их статьи, опубликованные в печати, были подписаны именами того и другого. И.М. Покровский писал: *«Как преподаватель Академии по татарской группе Николай Фёдорович со своим религиозным нравственным обликом оказался в самой близкой и прямо таки родной ему среде. Такое его положение в Академии многое объясняется тем, что он с первых годов своей службы в Казани сделался, если можно так выразится, полуакадемическим человеком, войдя в самые близкие отношения не только с передовой татарской группой, но почти со всеми членами академической корпорации и многими студентами академии»*.⁹

При преподавании этнографии в академии, Катанов обращал внимание своих слушателей на религиозно-нравственное состояние жизни коренных народов, которые в императорской России получили термин как «инородцы», то есть люди иного, неславянского рода. Во время службы в академии Н.Ф. Катанов читал лекции по этнографии и татарским языкам, истории миссии, теории диалектологии, подготовил и издал (за свой счёт) краткий татаро-русский словарь (1912 г.) и хрестоматию по татарскому языку для слушателей академии (1913 г.). Учёный редактировал научный журнал «Инородческое обозрение» (приложение к журналу «Православный» собеседник»), который освещал коренных народов Поволжья и Сибири.

Н.Ф. Катанов создал в Казанской духовной академии этнографический музей, вкладывая в создание музея свои собственные средства, в котором «...работал как учёный-этнограф, опытный археолог, знаток восточных древностей и культуры народ Востока и как нумизмат и, наконец, как простой служитель».¹⁰ Музей находился при академической библиотеке. Некоторые экспонаты музея в настоящее время находятся в фондах Национального музея Республики Татарстан.

С 1911 г. отмечается перелом в жизни Н.Ф. Катанова. С.Н. Иванов в монографии о нём писал, что в 1911-1917 гг. Катанов переживал тяжёлый внутренний кризис, *«этот период в деятельности Катанова был самым бесплодным для него как учёного. Этот перелом был связан с духовными исканиями профессора с мировым именем. Его творческая работа не прекращалась»*.¹¹

В марте 1921 г. двадцать преподавателей академии во главе с ректором были арестованы за нарушение Декрета об отделении церкви от государства. Ректор академии епископ Анатолий был этапирован из Казани в Москву и заключён в Бутырскую тюрьму, остальные преподаватели были приговорены к одному году концлагеря условно. «В 1921 г. Катанов арестован по «делу преподавателей Казанской духовной академии», приговорён к одному году заключения в концлагере условно. Реабилитирован в 1992 г.».¹²

Востоковед Гордлевский в речи, произнесённой 11 июня 1922 г. на заседании Восточной комиссии Московского Археологического общества сказал: *«Безудержно идёт на Восток русская культура; проводниками её являлись и политические пасынки России, русские инородцы... Н.Ф. Катанов представляет образец человека, выбившегося из инородческой христианской среды на*

учёную дорогу, и здесь заключается узел, определяющий тон его работы и её приёмы. На русскую мерку он жил, если и не так уж долго, то и не мало: он умер на 60-м году от роду, но смерть приключилась ему от болезни, которая ежегодно косит жертвы среды хрупких организмов сынов Востока, попадающих в душную городскую обстановку...».¹³

Профессор КДА И.М. Покровский считал, что Катанов был глубоко верующим человеком с твёрдым моральным стержнем, «...точного ума с громадным запасом научных знаний приобретённым книжным путём и по средствам живых наблюдений.., что потеря его ни чьм невознаградима. Это был исключительный самородок и единственный человек на всю Россию».¹⁴

Духовные искания учёного понимаются как поиск новых путей в науке на основе глубокого изучения православной Теологии, т.е. Богословия. Молодой, 14-летний подросток Николай Катанов придерживался шаманских обрядов, как и его родители, несмотря на то, что инородцы, т.е. не славянское население приняли православие как форму религиозных верований, но христианство православного вероисповедания не стала для них истинной верой. Обучаясь в Красноярской классической гимназии, юноша Катанов отходит от шаманизма. «Верование в шаманов уже исчезло, – пишет в автобиографии учёный, – но, я ездил летом к дяде и нередко бывал на шаманских празднествах». Он изучал шаманизм как явление культуры с научных позиций. В Казани Катанов приобщается к миссионерскому движению, что в конечном итоге его духовных исканий привело в стены Казанской духовной академии. Таков итог духовно-нравственных (религиозных) исканий Н.Ф. Катанова на кануне революционных событий 1917 года.

2012

Примечания:

¹ Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов. 1822-1862 (Очерк жизни и деятельности. М.-Л., АН СССР, 1962. – С.74.

² Катанов Н.Ф. Автобиография и библиография. Издание 2-е, доп. Труды Хакасской археологической экспедиции – М.-Абакан, 2001.

³ Асочакова В.Н. Исследователи XIX в. О православии в Хакасско-Минусинском крае/ Наследия Н.Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова): Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16-19 мая 2012 г., г. Абакан, издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2012. – С. 218

⁴ О деятельности миссионеров В.Н. Вербицкого, Н.И. Ильминского. См.: Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск 2011. Т. 1. – С.304, 618.

⁵ См.: Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ (РФ). Ф.526 (копии документов из Национального архива Республики Татарстан).

⁶ Миссионерские школы/ Педагогический-энциклопедический словарь – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С.144.

⁷ Цитата по: Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов. 1822-1862 (Очерк жизни и деятельности. М.-Л., АН СССР, 1962. С.73.

⁸ См.: Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ (РФ). Ф.526 (копии документов из национального архива Республики Татарстан).

⁹ Там же

¹⁰ Кокова И.Ф. Николай Фёдорович Катанов. Документальная повесть о выдающемся российском востоковеде. Второе издание, дополненное – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012. – С.89.

¹¹ Иванов С.Н. Указ.соч. – С.74.

¹² Новая российская энциклопедия. М. 2010. Т. 7(2). – С. 406-407.

¹³ Гордлевский В.А. Памяти Н.Ф. Катанова 1862-1922// Новый Восток. – 1922. Кн.1. – С.448-451; Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ (копии).

¹⁴ Покровский Н.М. Памяти профессора Н.Ф. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии - 1923. – Т. XXXII. – Вып.2. – С.245-259; Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ (копии).

Ю.А. Орешкова,
г. Абакан, Республика Хакасия

Семён Константинович Добров: 100 лет со дня рождения

Семён Константинович Добров (1912-1994) является одним из видных представителей хакасского народа. Его по праву называют первым профессиональным хакасским журналистом. В разные годы он работал редактором, главным редактором областных газет «Советская Хакасия», «Ленин Чолы». В 1973 г. Семёну Константиновичу было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». С марта 1964 г. он являлся Членом Союза журналистов СССР, за-

нимал крупные посты в Хакасском обкоме КПСС. В ГКУ «Национальный архив» (Республики Хакасия) на хранении имеется личный фонд документов С.К. Доброва, в нём насчитывается 153 ед. хранения.

В автобиографии 16 января 1987 г. Семён Константинович писал: «Родился в улусе Усть-Камышта Аскизского района Хакасской Автономной Области в семье бедного крестьянина. В 1923 г. начал учиться в селе Аскиз... Закончив 3-4 классы, поехал в с. Таштып, единственную тогда 9-летку на обширной территории. После окончания 5 класса два года провёл в Аскизской ШКМ (Школа крестьянской молодёжи), перебазированной из с. Боград».¹

В 1930 г. началась активная трудовая жизнь: 1930 г. – помощник счетовода Верхне-Тёйского колхоза «Хоных чоби» («Дружная жизнь»), вечерами обучал неграмотных в улусе Оты. За сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь 1930 г. обучил чтению, письму более 30 человек... 1931 г. – пропагандист Красной Юрты в улусе Усть-Таштып. Участвовал в коллективизации, организовывал колхоз им. 18 МЮДа (Международный юношеский день)... В апреле (первого числа) меня перевели в редакцию газеты «Хызыл аал» («Ленин чолы»), в коллективе которой провёл почти всю жизнь. Начинать с переводчика, зав. отделом. Правда, в 1933 г. утвердили ответственным за хакасское издание газеты «Комсомолец Хакасии».²

В 1936 г. по решению бюро Красноярского крайкома ВЛКСМ Семёна Константиновича Доброва направили учиться в г. Ленинград в Институт журналистики им. В.В. Воровского. Об этом в своей автобиографии он писал: «Да, мне выпало счастье первым из хакасской молодёжи быть профессиональным журналистом».³

Закончив обучение в институте, С.К. Добров вернулся в Хакасию, где его утвердили в должности редактора газеты «Ленин чолы». В сентябре 1939 г. он был принят в члены КПСС.

В годы войны Семён Константинович продолжал работать в редакции газеты. «Началась Великая Отечественная война. В тяжелейших условиях военного времени нам, журналистам, приходилось трудиться целыми сутками, не выходя из редакции и типографии... В связи с большими потерями журналистов на фронте ощущался острый недостаток этих кадров».⁴

В 1943 г. Обком партии утвердил С.К. Доброва редактором газеты «Советская Хакасия». В августе 1944 г. Центральный Комитет (ЦК) партии организовал шестимесячные Центральные курсы газетных работников, после окончания которых Семёна Константиновича оставили работать в редакции московской газеты «Правда». Шесть лет работы в коллективе газеты «Правда» стали для него прекрасной школой журналистики и воспитания профессиональных качеств.

В 1951 г. С.К. Добров вернулся домой и приступил к работе в должности редактора газеты «Ленин чолы». В 1954 г. был утверждён заведующим отделом агитации и пропаганды Хакасского обкома КПСС, 6 лет работал в партийном аппарате. В 1960 г. Семён Константинович вновь возглавил коллектив областной газеты на хакасском языке «Ленин чолы». 15 лет, вплоть до выхода на пенсию (1974 г.), он работал её главным редактором.

Семён Константинович стоял у истоков многих общественно-политических начинаний, очень часто находил и помогал известным в дальнейшем представителям науки и культуры, общественным деятелям Хакасии. В круг его знакомых входили такие люди, как известный композитор А.А. Кенель, доктор исторических наук, профессор МГУ Л.Р. Кызласов, первая революционерка П.И. Гедымин-Тюдешева, кандидат исторических наук К.Г. Копкоев, доктор филологических наук Д.И. Чанков, кинооператор В. Кирбижеков, писатель Н.Г. Доможаков и многие другие.

В заключительных строках своей трудовой автобиографии Семён Константинович писал: *«Доволен ли я своей судьбой? Да и нет. Да, потому что прожил долгие годы и что-то сделал для Родины, для людей. Нет, потому что не достиг тех вершин, которые необходимо было взять... Никогда не покидало чувство неудовлетворенности»*.⁵

В личном фонде, в разделе «Документы творческой деятельности», собрано много авторских газетных статей, очерков С.К. Доброва. В разделе «Документы, относящиеся к служебной и общественной деятельности» представлены тексты выступлений на различных конференциях, «Доклад, посвящённый 20-летию юбилею Хакасской Автономной Области». В документах с личной перепиской сохранились письма П.И. Гедымин-Тюдешевой С.К. Доброву. Также в личном фонде имеются «Документы, относящиеся к биографической деятельности», среди

которых дипломы, удостоверения, билеты, автобиография Семёна Константиновича. В раздел «Изобразительный материал» вошли фотодокументы.

2012

Примечания:

¹ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-658. О.1. Д.46. Л.1

² Там же. Л.2

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л.4

В.С. Пилипенко,
г. Новокузнецк

Иван Прохорович Бедро – основоположник садоводства Сталинска

Имя Ивана Прохоровича Бедро хорошо знакомо минусинцам. Родился он на Украине, получил хорошее сельскохозяйственное образование в престижном учебном заведении – в Петровской земледельческой и лесной академии (ныне Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева). Он, как лучший выпускник академии, стажировался в питомниках и семеноводческих хозяйствах Франции, Бельгии, Голландии и Германии, изучал виноградарство на юге Франции.

Вернувшись на родину, он создал плодовый питомник и садоводческое хозяйство, откуда выращенные и привитые саженцы яблонь рассылались по всей Украине.

Накануне первой русской революции 1905-1907 гг. И.П. Бедро принимал активное участие в политической жизни, за что неоднократно преследовался царскими властями. За участие в создании ячеек Крестьянского союза по ст. 126 действующего на тот момент Уголовного уложения И.П. Бедро был приговорён к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на вечное поселение. Осенью 1909 г. его этапом отправили в деревню Быстрая Минусинского округа Енисейской губернии.

В Минусинске проявился его талант садовода. Результатом его трудов явились создание трёх садов: «Старого», «Нового» и «Дальнего». Это были не просто сады, а основанные на научных опытах, выведенные новые сорта яблонь, чёрной смородины и т.д.

В 1929 г. не имея более возможности справляться с финансовыми затруднениями, избегая разорения и очередного ареста, грозящего ему как известному в Сибири деятелю кооперации, И.П. Бедро принял предложение главного инженера И.П. Бардина об организации на Кузнецкстрое крупного садово-огородного хозяйства. Осенью 1929 г. И.П. Бедро подписал акт о передаче сада Минусинскому плодово-ягодному опытному полю и уехал из Минусинска в Сталинск (ныне Новокузнецк). На «Кузнецкстрое» И.П. Бедро работал заведующим садово-паркового хозяйства. Он был первым, кто заложил плодово-ягодный сад в Сталинске в 1930 году. Впоследствии это садово-парковое хозяйство было преобразовано в совхоз «Садово-парковое».

18 февраля 1933 г. И.П. Бедро был арестован Сталинским ГО ОГПУ и необоснованно обвинён в том, что якобы состоял в контрреволюционной организации, допускал антисоветские высказывания, способствовал бесхозяйственности и хищениям в садово-парковом хозяйстве. 5 июля 1933 г. И.П. Бедро на заседании Особой тройки Полномочного представительства ОГПУ Западно-Сибирского края был осуждён по ст. 58-10, 11 УК и Закону от 7.08.1932 г. и приговорён к трёхлетней ссылке в Нарымский край.

Осенью того же года его отправили на поселение в село Подгорное Нарымского округа Западно-Сибирского края. Там И.П. Бедро работал на Тискинском опытном поле, находившемся в ведении колонизационно-таёжной станции Нарымского севера (с 1933 г. – комплексной сельскохозяйственной станции Нарымского севера).

В 1935 г. он был досрочно освобождён и перебрался из Сибири на Северный Кавказ в пос.

Шунтук Майкопского района. С начала 1936 г. работал старшим научным сотрудником в отделе цветочных и декоративных растений Майкопского опытного отделения ВИР, собрал большую коллекцию роз. В 1938 г. в связи с сокращением штатов и финансирования опытного отдела И.П. Бедро уволился и переехал в станицу Белореченская Краснодарского края, где в 1943 г. скончался.

Руководители «Кузнецкстроя» – люди государственного мышления, пригласив профессионального садовода-практика для создания Сада-парка в условиях сибирских морозов для обеспечения металлургов и их семей фруктами, витаминами, отдавали себе отчёт о важности данного момента.

Старожилы города Сталинска хорошо помнят как урожаем ранеток, чёрной смородины, земляники из Садово-паркового хозяйства были наполнены прилавки овощных магазинов города в летне-осеннюю пору 1940-60-х годов.

Многие здания бывшего Садово-паркового хозяйства сохранились по сегодняшний день. Это старая и новая конторы, гончарная, столовая, магазин, винный заводик, общежитие, жилые дома работников совхоза. Особый интерес представляет здание первой конторы, именно здесь работал и жил И.П. Бедро, т.к. контора имела служебную и жилую части.

Сегодня это жильё приватизировано, а плодородные земли бывшего сада отданы под застройку коттеджей. От прежнего славного садоводства осталась только историческая память.

За свои 68 лет Иван Прохорович как профессиональный садовод, талантливый селекционер, пропагандист сибирского садоводства основал пять садов, в т.ч. испытательно-научный сад в Минусинске и садово-парковое хозяйство в Сталинске. Это ли не трудовой подвиг учёного!

2012

В.С. Пилипенко,
г. Новокузнецк

Главный инженер Кузнецкстроя

История России знает много людей, внёсших большой вклад в процветание нашей страны. Одним из них является Иван Павлович Бардин – выдающийся советский металлург, академик и вице-президент АН СССР, Герой Социалистического Труда.

Родился Иван Павлович Бардин 13 ноября 1883 г. в селе Широкий Уступ (ныне – Саратовская область). Его отец Павел Дмитриевич был портным. В своих воспоминаниях И.П. Бардин писал: «Родился я «недоноском» семи месяцев. Родители от меня отмахнулись и только моя бабушка и сестра матери тётя Саша проявляли обо мне заботу. Первые четыре месяца меня на печке держали, пока я не пришёл в себя».

Тетя Саша любила племянника и, будучи учительницей, много сделала в становлении его юношеского периода. Благодаря ей, начальное и среднее образование Бардин получил в ремесленном и земледельческом училищах.

В земледельческом училище был оркестр, в котором юный Бардин прилично играл на скрипке. Там же у него проявилась первая любовь к театру, которую он пронёс через всю свою жизнь.

После окончания земледельческого училища в 1902 г. по настоянию родных, мечтавших, чтобы он стал агрономом, поступил в Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства. За участие в революционном студенческом движении 1905 года был исключён.

В 1906 г. Иван Павлович поступил в Киевский политехнический институт. Сначала на агрономическое, затем перевёлся на химическое отделение. Специализировался по металлургии чугуна и стали под руководством профессора В.П. Ижевского, привившего ему глубокий интерес к чёрной металлургии. Бардин так вспоминал этот период своей жизни: *«Мне было 27 лет, когда я увидел металлургический завод на практике. Он поразил меня. Металлургия захватила всё моё существо».*

После окончания института (в 1910 г.) Иван Бардин наивно грезил, что вот он инженер и теперь перед ним раскрыты двери в жизнь. Но не найдя работы в России, он поехал искать её в Америке. В 1910-1911 гг. работал в США на заводе «Феггу» в прокатном цехе простым рабочим и до тонкостей узнал производство. *«Работа была изнуряющая. Болванка обдавала меня*

невыносимым жаром, от которого трескалась кожа лица и рук. Я испытывал жажду и утолял её большим количеством воды, наживая сердечный порок. Пришлось обратиться к врачу. Но на лечение у меня денег не было. Пришлось возвращаться в Россию», – вспоминал Бардин.

По протекции профессора В.П. Ижевского он поступил на Юзовский металлургический завод в проектный отдел чертёжником-конструктором. На Юзовском заводе в 1912 г. Бардин встретился с замечательным русским доменщиком Михаилом Константиновичем Курако. Эта встреча окончательно определила жизненный путь Ивана Павловича. Вскоре он был вхож в «Куракинское братство», где были «один за всех и все за одного».

Бардин работал на металлургических заводах юга России: Юзовском (1911-1915), Енакиевском (1915-1923), «Югсталь» (1915-1924), Макеевском (1924-1925), им. Ф.Э. Дзержинского в Запорожье (1925-1929).

В жизни каждого человека существуют дни, которые знаменуют собой поворот, начало нового жизненного пути. *«День шестого января 1929 г. в моей биографии был тем рубежом, за которым начиналась моя вторая жизнь», – вспоминал Бардин.* В этот день представитель Тельбесбюро пригласил его в Сибирь на Кузнецкстрой.

С 1929 по 1937 гг. он являлся главным инженером Кузнецкстроя, затем руководителем строительства Кузнецкого металлургического комбината. На стройке завода в г. Сталинске (ныне – Новокузнецк) проявился незаурядный инженерный талант Ивана Павловича Бардина. В своих воспоминаниях он писал: *«Жил я на Верхней колонии на Тельбесской улице. Утром, когда было ещё темно, в 8 часов я уходил на работу и возвращался затемно. В главной конторе Заводоуправления мне был отведён кабинет, где было холодно, и зимой я сидел в шапке-ушанке. Здесь я занимался вопросами планирования, проектирования, снабжения. 3 апреля 1932 г. мы дали первый чугуна, потом была сталь, кузнецкие рельсы».*

В 1932 г. за технические разработки и внедрение новых принципов в строительных технологиях И.П. Бардин был удостоен звания академика без учёта опубликованных научных трудов.

С 1937 г. Бардин находился на руководящих постах в чёрной металлургии: главный инженер главка, председатель Технического совета наркомата, заместитель наркома чёрной металлургии и др. С 1939 по 1960 гг. директор Института металлургии АН СССР. В 1940-46 гг. был во главе коллектива учёных, разрабатывавших проект строительства Череповецкого металлургического завода. С 1942 по 1960 гг. Бардин – вице-президент АН СССР. В годы Великой Отечественной войны Бардин руководил работами Академии, возглавлял Уральский филиал Академии наук СССР. В 1943-58 гг. преподавал в Институте стали им. И.В. Сталина. С 1944 по 1960 гг. – он директор Центрального научно-исследовательского института чёрной металлургии, носящего с 1960 г. его имя. Являлся депутатом Верховного Совета СССР пяти созывов.

7 января 1960 г. на заседании в Госплане СССР у Бардина после доклада внезапно остановилось сердце. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Заслуги Ивана Павловича Бардина были высоко оценены. Он являлся Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и двух Сталинских премий, кавалером семи орденов Ленина, многих наград. И.П. Бардин – действительный член Академии наук СССР, почётный член восьми зарубежных академий и трёх обществ, почётный гражданин города Новокузнецка. Именем Бардина названа подводная гора в районе о. Мадагаскар, пик академика Бардина на Главном Кавказском хребте.

В Новокузнецке на здании заводоуправления КМК установлена мемориальная доска, напоминающая о его работе в Кузнецке, в сквере на проспекте Металлургов установлен памятник – бюст И.П. Бардина. Его имя присвоено научно-технической библиотеке и Дому Техники КМК.

Музей в городе Новокузнецке называется «Научно-технический музей КМК им. академика И.П. Бардина». В 1963 г. вдова академика Лидия Валентиновна передала московский кабинет Бардина в музей КМК, где был открыт мемориальный кабинет.

Заслуга Ивана Павловича Бардина в том, что при его непосредственном руководстве был построен Кузнецкий металлургический комбинат в городе Сталинске (Новокузнецке) необходимый, как хлеб, всей нашей стране.

Литература:

1. Бардин И.П. Воспоминания / И.П. Бардин Избранные труды т.2 – М., Наука, 1968 г.
2. И.П. Бардин в воспоминаниях современников. – М., Наука, 1985 г.
3. Г.А. Емельянов Горячий стаж. – М., Советский писатель, 1985 г.

А.В. Сайлер,
г. Минусинск

Легенда Минусинского театра (о Н.К. Гудзенко)

В Минусинске, старинном сибирском городке, есть, на что полюбоваться. Это и дома – свидетели расцвета купечества и золотого промысла, и новые постройки, которые ознаменовали бурное развитие электротехнической промышленности. Но чем особо гордятся минусинцы, так это великолепным Спасским собором, Мартьяновским музеем и Минусинским драматическим театром...

В 1935 г. режиссёр Алексей Широков пригласил для работы в Минусинском театре молодого работника почты Николая Гудзенко. В 1937 г. Н. Гудзенко выпустил первый спектакль уже как режиссёр.

Строки из автобиографии Николая Климентьевича Гудзенко: «...родился в 1912 г. в селе Малая Минуса. В селе в то время на несколько десятков дворов было два (!) театральных любительских кружка – русский и украинский. Отец жить не мог без «писен» и по вечерам пропадал в украинском кружке, а чтобы мать не ругалась, брал с собой маленького сына». Так Коля, едва научившись ходить, пристрастился к сцене. И когда в школе-семилетке учитель переплётного дела организовал драматический кружок, записался туда первым.

В 1937 г. режиссёр Сергей Прокофьев с молодёжным театром «Рабтемаст» приехал в сибирскую глубинку ставить «Разлом» Бориса Лавренёва. В массовку набирали рослых парней. Высокий, красивый Коля подошёл как нельзя лучше. Играя в массовке, он «плавился» от счастья. Отец очень радовался, что сына взяли в Минусинский театр. Только однажды закрались сомнения в правильности выбранного сыном пути: когда Николаю долгое время в театре не платили зарплату. Подмоченную репутацию профессии спасла куча денег, выданных в бухгалтерии сразу за несколько месяцев. На эти деньги построили с отцом дом на улице Повстанской, № 25 в городе Минусинске, где Николай Климентьевич прожил всю свою жизнь и где теперь живут его дети и внуки.

С 1935 г. Николай Гудзенко работал как актёр, В 1938 г. театр расформировали, посчитав, что труппа занимается любительщиной, актёры вместе с Гудзенко перебрались в Ачинск, где торжественно открылся первый в крае колхозно-совхозный театр, но вскоре и его закрыли. Гудзенко перебирается в Канск, а в 1941 г. он возвращается в Минусинск, где к тому времени открыли Дом культуры и Николая Климентьевича назначали его руководителем.

В войну была создана небольшая театральная труппа, в которую вошёл и Гудзенко. В репертуаре труппы были маленькие пьесы и концерт. Бывало, за день давали по 4-5 концертов, их театральная труппа исколесила всю Сибирь, выступали в госпиталях, в колхозах и совхозах. Готовили самые различные спектакли: «Полк идёт», «Овод», «Щит и меч», «Угрюм-река», «Дон Карлос», «Мария Стюарт». Денег в театре всегда не хватало, у Гудзенко был свой собственный способ экономии. Ставили сразу два спектакля: например, «На дне» Горького и «Дон Карлос». Для первого спектакля не надо шить костюмы, годилось любое тряпье, зато сэкономились деньги на шикарные костюмы для второго спектакля.

В 1946 г. Николай Климентьевич Гудзенко был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

В 1952 г. Николай Гудзенко окончил высшие режиссёрские курсы в Москве при ВТО и Министерстве культуры СССР. Он ставил, ставил и ставил: в год выпускал по десятку спектаклей! 40-летие советской власти театр отметил ленинианой: «Семья», «Сквозь грозы», «Правда». Ленина сыграл ныне забытый Лев Нюхалов, который так перевоплотился в вождя революции, что

на всесоюзном смотре драматических и музыкальных театров маститое московское жюри единогласно присудило ему за эту роль диплом второй степени – первый не вручали никому.

В пятидесятые годы Николай Климентьевич уходил из Минусинского театра в Абакан. Причина была в новом директоре партийной номенклатуры, которая развила такую административную деятельность, далёкую от искусства, что почти все актёры разбежались. Гудзенко тоже ушёл и работал в Абакане, и вдруг ему сообщают, о назначении его на должность главного режиссёра Минусинского драматического театра.

Но театр – это прежде всего актёры, а их к тому времени почти не осталось в труппе. Помогла Алла Аверьяновна Гордон, которая списалась со своими друзьями и пригласила их работать в Минусинский драмтеатр. Потом пришли молодые актёры, понадобилось немало времени и труда, чтобы возродить былую любовь минусинцев. Как тут не вспомнить фразу, что «незаменимых людей нет».

В 1958 г. Н.К. Гудзенко награждён медалью «За освоение целинных и залежных земель»: со спектаклями он вместе с актёрами театра объездил не только сельские районы юга края, но и гастролировал в других сельских районах. В те годы были поставлены спектакли, которые и сейчас помнят старожилы Минусинска. Особенно хвалят «Угрюм-реку» по Шишкову. В 1950-е гг. работали над пьесой С. Сартакова «Песня над рекой», тогда в театр приезжал сам автор.

В 1969 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области советского театрального искусства Н.К. Гудзенко присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР», а в 1976 г. вручена высшая государственная награда – орден Ленина. Очень редкий случай – режиссёр из небольшого города удостоен такой высокой награды. Минусинцы встречали Гудзенко как национального героя. А скромнейший Николай Климентьевич, который и кабинета-то своего никогда не имел (в комнате, для этого предназначенной, постоянно жил кто-нибудь из приезжих артистов), «под орден» ни машины, ни квартиры не выбил, а остался с женой Галиной Афиногеновой в домике на Повстанской №25, где перебивали, кажется, все знаменитости, приезжавшие в Минусинск. Пил здесь чай известный художник Илья Глазунов, тогда свежее испечённый выпускник Академии художеств. Гудзенко поддерживал молодого художника, рекомендуя его для выполнения работ в Спасском соборе, и делал заказы для театра. Николай Климентьевич был близко знаком с Г. Вициным, И. Смоктуновским, С. Сартаковым, В. Янчевецким. К режиссёру заезжал «поговорить о жизни» бывший губернатор Красноярского края А.Г. Хлопонин.

Николай Климентьевич Гудзенко всю жизнь, все силы отдал Минусинскому театру, более шестидесяти лет он радовал зрителей своими прекрасными работами как актёр, как режиссёр.

Николай Климентьевич сам сыграл более 250 ролей. Особо любил классику, он переиграл почти все пьесы А.Н. Островского. В одной только «Бесприданнице» выходил на сцену в двух ролях: сначала сыграл Паратова, через несколько лет цыгана Илью.

Кроме этого, он был мудрым педагогом, который пестовал актёров, умея раскрыть творческие возможности своих подопечных, подчеркнуть своеобразие их таланта, высветить сильные стороны. «Для каждого актёра надо всё время искать роли. Нельзя, чтобы они «простаивали». И любить актёра надо, понимать...» – так считал Гудзенко. Для него важна была эта невидимая связь со зрителем, было важно чувствовать его реакцию, знать, что не «в пустой колодец кричит». После спектакля Николая Климентьевич нередко просил зрителей остаться, высказать своё мнение о постановке, провоцировал споры, напрашивался на критику. Был убеждён, что, если спектакль оставил зрителей равнодушными, значит режиссёр сработал вхолостую. А ещё он был твёрдо убеждён, что театр никогда не умрёт. Он будет видоизменяться, так же, как и вообще всё меняется, но он всегда будет жить.

Николая Климентьевича много раз приглашали работать в крупные города, но он оставался верен своему театру, любимому городу, считал минусинского зрителя самым тонким и благодарным.

За преданность родному городу, родному театру Николаю Климентьевичу Гудзенко присвоено высокое звание «Почётный гражданин города Минусинска».

Уже находясь на пенсии (с 1972 г.), он не оставлял театр, свой коллектив и продолжал работать в качестве главного режиссёра до 1981 года. В последующие годы Николай Климентьевич продолжал ставить спектакли, работать с актёрами. Он воспитал не одну плеяду талантливых

артистов, среди которых немало заслуженных. В год своего 88-летия Николай Климентьевич поставил спектакль «Волки и овцы» по пьесе А.Н. Островского. По «Итогам сезона 2000-го года», который ежегодно подводит Красноярское отделение СТД, этот спектакль был отмечен в номинациях «Лучшая женская роль» (заслуженная артистка России Алла Гордон – роль Мурзавецкой) и «Лучшая роль мужская роль второго плана» (артист Игорь Герман – роль Мурзавецкого), а сам Н.К. Гудзенко был отмечен в номинации «За честь и достоинство».

В 2002 г., на праздновании 120-летия Минусинской драмы, актёры театра имени Пушкина вручили Николаю Климентьевичу символический меч как рыцарю театра. Он ставил спектакли до 90 лет. В начале 2003 г. Заслуженный артист РСФСР Николай Климентьевич выпустил спектакль «Цепи» по Сумбатову-Южину, из любимого классического репертуара.

Николай Климентьевич воспитал двух сыновей: Юрий Николаевич – военный, живёт с семьёй в Луганске. Борис Николаевич – электромеханик по ремонту медицинского оборудования в Минусинской ЦРБ. Две внучки тоже работают в городе Минусинске: Марина Борисовна детский врач-стоматолог, Надежда Борисовна – экономист в УО г. Минусинска. В школе № 4 учится правнук Николая Климентьевича – Полынцев Андрей, он единственный из династии Гудзенко унаследовал талант своего прадеда, обладает способностью к перевоплощению. Андрей пока учится во втором классе, можно надеяться, что в будущем правнук продолжит дело своего знаменитого прадеда.

Николай Климентьевич Гудзенко умер 11 февраля 2009 года. Актёры, которым посчастливилось играть в его постановках, вспоминают об этом с благодарностью – это была настоящая школа большого мастерства. Память о нём будет жить всегда, потому что всегда будет жить театр, которому он посвятил всю свою жизнь.

2013

В.Ф. Сёмочкина,
п. Шалаболино, Курагинский район

Жизнь как подвиг веры

Начало восстановления Шалоболинского Свято-Троицкого храма связано с именем матушки Екатерины (в миру – Елена Александровна Бальва), игуменьи Свято-Вознесенского монастыря.

Елена Александровна – из рода полтавских казаков. Родилась в большой многодетной семье, в её семье было не одно поколение священнослужителей. Дед, протоиерей Иоанн (1861 г.р.), был родом из Полтавской губернии. Его семья (более 10 человек) переехала в Сибирь. Красив, талантлив, образован, мастеровит был род Бальвы. Три сына – старший Василий, младшие Николай и Александр стали священниками.

Отец Елены, Александр Иоаннович, служил в Михайло-Архангельском сельском храме, который в 1937 г. был уничтожен. Любили в селе отца Александра. Он и телегу починит, и сани изготовит, прекрасный краснодеревщик, владел искусством изготовления музыкальных инструментов. За работу брал о. Александр иной раз символическую плату, а то и совсем бесплатно.¹

Елена родилась в 1927 г. в деревне Васильевка (ныне Юргинский район Кемеровской области). В семье было шесть мальчиков и единственная девочка: любимица деда и отца. *«Село Васильевка было очень красивое, зелёное. Берёзовый лес, там много росло смородины, клубники, костяники. Много было грибов: грузди, рыжики, маслята, опята. Мы солили на зиму грузди кадками. Насобираем, принесём, мама только обрабатывает, вымочит, чтобы они не горькие были. В огороде у нас в основном картошка была посажена, капуста, арбузы»*,² – вспоминала матушка.

С детства Елена впитала в себя Православную культуру. Она знала все молитвы, каноны Православной религии, знала всех Святых, старцев, назначение и историю каждой иконы. *«Утром мы обязательно все молились. Встанем рано, мама скажет: «Дети, вставайте на молитву. Умоёмся и читаем утренние молитвы: кто старший, тот читает. А остальные стоят, молятся. Где надо на коленки встать, становимся. Помолвившись, подходим все к папе: «Папа, благослови». Папа нас благословлял как священник. А потом идём на благословление к маме. Утро всегда*

так начиналось. И вечером подходили под благословление папы и обязательно читали вечерние молитвы», – вспоминала матушка.³

В 20-30-е гг. XX в. начинается преследование и арест многих священнослужителей. В связи с постановлением ВЦИК РСФСР от 08.04.1929 г. «О религиозных объединениях» начинается активное наступление на религию. Усиливается антирелигиозная пропаганда и преследование верующих.⁴

Сначала у семьи конфисковали всё имущество, потом отобрали дом, целый год жили в бане. Выкопали землянку: кухня и комната, там и жили. Дважды арестовывали о. Александра. Первый раз отсидел в ГУЛАГе, но был отпущен, а второй раз был арестован в 1937 г. и расстрелян. Ему было 37 лет. Её дед – протоиерей Иоанн – тоже был репрессирован в 1937 г. и расстрелян, ему было 76 лет, не пощадили и старость. Их расстреляли почти сразу, через месяц-полтора после ареста. А семья оставалась в неведении. Много лет семья пыталась выяснить, где похоронены отец – иерей Александр, и дед – протоиерей Иоанн, но получали отписку: «Место смерти – не установлено».⁵

Сколько пришлось вынести матери Елены, чтобы поставить на ноги семерых детей. Спасаясь от репрессий, она переехала с детьми на станцию Юрга, где работала на самых тяжёлых работах, семья терпела голод, холод, унижения. Потом переехали в Черногорск. Ехали, как говорят, куда глаза глядят. Жена священника нашла работу на восьмой шахте. Дали им комнату в бараке. *«Маме выпала доля одной поднимать сирот, сама от Веры не отреклась, и нас в Вере вырастила. И дед, и отец мой – они же новомученики, значит, молятся за нас там, на небесах»,⁶* – рассказывала матушка Екатерина. Как дочь и внучка врага народа, она не могла получить высшего образования. С 16 лет пошла Елена работать на шахту. Тяжёлая физическая работа закалила её волю, характер. Ей не на кого было надеяться. Только Вера в Бога, Вера в силу молитвы спасала её. В 29 лет вышла замуж, родила двоих детей, но семейная жизнь не сложилась.⁷

Строила по благословлению архимандрита о. Серафима (Брыскина) в Черногорске Рождественский храм. Тогда ещё не монахиня, а верующая в Бога русская женщина, детство которой было отравлено жестокой расправой над её отцом и дедом. *«Всё началось, – вспоминала матушка Екатерина, – со строительства храма в посёлке Шира. Для этого собрали подписи горожан и жителей соседнего посёлка Усть-Абакана, ратующих за открытие храма в Черногорске. Однако и горком партии не зевал. Стали вызывать авторов письма на ковёр, стращать начали. После этого некоторые отозвали свои подписи. Но многие устояли, и, благодаря им, удалось добиться разрешение властей на выделение земельного участка под строительство храма».⁸*

Стали собирать средства на строительство храма Рождества Пресвятой Богородицы, нашлись благодотворители. На Пасху в 1992 г. состоялось Праздничное богослужение.

Восстанавливала с сёстрами Свято-Благовещенский монастырь в Красноярске. Архимандрит Серафим, духовник Елены, вызвал её из Черногорска и сказал: «Мне ты можешь отказать, но не я зову – Богородица зовёт».

После осквернения монастыря в советское время там была пушная база, смердевшая от отбракованных, выброшенных под забор шкурок, звериных трупиков, растаскиваемых крысами. Перекрестились, отмыли вместе с сёстрами место для ночлега в пустовавшем гараже, постелили на цементный пол циновки и стали там жить. Много трудов положила матушка Екатерина, чтобы привести в Божеский вид, возвращенную Церкви монастырскую территорию. Через год с небольшим «шкуроотделочный» цех, чудесным образом вновь превратившийся в храм, и монастырскую территорию было уже не узнать. Вскоре в Свято-Благовещенском соборе начались Богослужения.⁹

В 1994 г. Елена Бальва становится послушницей создаваемой Благовещенской обители. В апреле 1995 г. Елена Александровна, после смерти своего сына, архимандритом Серафимом, по благословлению Епископа Красноярского и Енисейского была пострижена в монахини с именем Екатерина в честь Святой Великомученицы Екатерины. В 1998 г. она назначается настоятельницей Свято-Благовещенского женского монастыря. Она и завхоз, и прораб, и множество других обязанностей пришлось ей исполнять.

В октябре 2007 г. Свято-Троицкий храм Архиепископом Красноярско-Енисейской епархии

Антонием был передан в попечение Свято-Вознесенской женской обители, и он направляет матушку Екатерину в с. Кочергино (Курагинский район) настоятельницей Свято-Вознесенского монастыря вместо матушки Елизаветы (Усталовой), много сделавшей для этого монастыря, открытого в 2003 году.

*«Дорогой Владыко, согласно вашего указа от 14.10.2007 г. я была переведена в обитель Свято-Вознесенскую д. Кочергино, в возрасте 80 лет, с возложением на меня Вашего же распоряжения от 18.10.2007 г. ремонтно-реставрационных работ в Свято-Троицком храме в с. Шалоболдино. Признаюсь, дорогой Владыко, я была очень озабочена. Но помолившись Господу и Его Пречистой Матери, – поняла: коль благословил Владыко, значит, благословил Бог, потому что на Вас благодать Божия. А раз благословил Господь, то Он и поможет. И так, не имея ни копейки средств, а только усердной молитвой ко Господу, я пошла в Курагинский район искать благодетелей».*¹⁰

Всё она делала с Божьего благословения. Перед приездом в Шалоболдино матушка Екатерина поехала в Троицко-Сергиевскую лавру, чтобы припасть к мощам Сергия Радонежского и попросить у него благословение и помощь. Сам патриарх Алексей II благословил матушку на это богоугодное дело.

24 ноября 2007 г. матушка Екатерина впервые посетила Свято-Троицкий храм в селе Шалоболдино. *«Неожиданно для себя оказалась я здесь в Шалоболдино. Но в том Промысел Божий, – вспоминала матушка Екатерина. Я верю, что с Возрождением нашей Православной Веры, культуры, традиций, возродится Россия. А Бог даёт мне для этого сил. Без Бога – не до порога».*¹¹ Матушке Екатерине было тогда 80 лет.

Состояние храма было ужасно. Нет креста, колоколов, на крыше растёт трава, стены облуплены, окна разбиты, нет пола. И только под куполом сохранились фрески, изображавшие картину Сотворения мира.

*«Приехала сюда, уже холод был большой. Пришла в собор, в придел Рождества Христова, посмотрела и заплакала: «Господи, благослови на то, чтобы мы тут Рождество Твоё встретили! А до Рождества было всего два месяца. И ведь отслужили Рождество Христово! Народу собралось немало, стояли на земле, покрытой досками, окна придела тоже были заделаны досками и не пускали холод»,*¹² – рассказывала матушка Екатерина. – *«В придел Рождества Христова заносят неугасимую лампаду, зажжённую от Благодатного огня, сошедшего в ночь на Пасху на Гроб Господень в Иерусалиме. Идёт служба, стены храма исчерканы непотребными словами, но сверху льётся свет. Лица людей какие-то просветлённые, мягкие. А потом разносили этот огонь по своим домам».*

И начинается тяжёлый труд по восстановлению Свято-Троицкого храма. В этом же году (2007) территория храма была ограждена, начались работы внутри. Проблема в нехватке средств. Матушка Екатерина искала по всей стране благодетелей. Она умела всех объединить в одной цели, а эта цель – восстановление храма. Всех жертвователей она помнила, независимо оттого, сколько было пожертвовано, заносила их имена в требник и молилась за всех. Были в этом требнике министр Шойгу Сергей, кинорежиссёр Никита Михалков и директора крупнейших предприятий, которые по одному её звонку готовы оказать ей помощь. Матушка каждую квитанцию с денежным переводом с именем благотворителя, каждый чек хранила в специальном альбоме.¹³

Восстановление храма было для неё всем. Она стучалась во все дома. Проводя службы в храме, она ни на минуту не забывала о том, где взять деньги, чем платить кочегарам, рабочим. Однажды, когда не было денег, она с кружкой для подаяния ходила по храму и просила деньги, которые нужны были для храма. *«Бог мне посылает нужных людей всегда. Бог и сил мне даёт. Без Бога не до порога»,* – постоянно говорила матушка Екатерина прихожанам.¹⁴ Нелегко ей это давалось, но она верила, что найдутся состоятельные люди, способные выделить часть средств на Святое дело. *«Мы – русские, мы – русские, мы – русские! Мы поднимаемся с колен!»* – говорила игуменья.¹⁵

Матушка Екатерина была очень сильным человеком, основное для неё – это Бог, Ему она служила. *«Однажды матушка Екатерина неожиданно пришла ко мне домой. Она вошла, перекрестилась, улыбнулась, и как-то спокойно стало на душе: не было стеснения, дискомфорта. Мы проговорили с ней около часа. Разговор был очень интересным. Она только что приехала из*

Москвы, где приняла участие в крестном ходе, пройдя 10 км, показала фотографии крестного хода. Её лицо светилось оживлением, радостью и благодарностью Богу за то, что Он дал ей сил пройти эти километры. Когда я ей сказала, что от неё исходит какая-то сила, уверенность, то она сказала, что это от Бога. Как она радовалась, когда начались службы в ещё недостроенном храме. Она читала псалмы, пела на клиросе, ходила по храму, обучая прихожан. Её неуёмная натура не была равнодушна к любой мелочи. А как радовалась, когда в храм приводили детей. Она каждого приобнимет, благословит, поцелует. Матушка Екатерина не терпела нерадения к Богу. А как доставалось тем, кто ходил в храм, не зная «Символа Веры», «Отче наш». Ей хотелось поскорее воспитать паству, научить её. А может она знала, что немного ей осталось, вот и торопилась. Её авторитет был очень высок среди прихожан» – рассказывала краевед села Валентина Фёдоровна Сёмочкина.¹⁶

Через год Шалоболинский храм неузнаваемо преобразился: оштукатурены, покрашены стены храма, вставлены окна, вывезены тонны мусора. Основные работы закончили летом 2009 года. Из разных городов, посёлков приходила помощь. «*Всем добрым людям, поименованным мною, Вы сами, Владыко, определите им награду*», – напишет матушка Владыке.¹⁷

Первое праздничное богослужение в восстановленном храме прошло 7 июля 2009 г. на престольный праздник Святой Троицы. На него съехалось много людей. Вот как вспоминала матушка Екатерина этот праздник: «*Я не ожидала, что приедет так много народу. Триста человек было в храме. На общей исповеди люди кричали: «Каемся, Господи, мы грешные, мы виноватые, гневили тебя. А когда начали петь «Верую», то все уже плакали и благодарили Бога. Даже батюшка не мог сдержать слёз, настолько это был трогательный момент. Это были первые покаянные слова, за все поругания и гонения, которым подвергался храм и его служители в годы гонений*».¹⁸

16 ноября 2010 г. на храме были установлены семь колоколов, которые были отлиты на заводе Анисимова в Воронеже. Самый большой из них (500 кг) был пожертвован заводом храму. Велико и радостно было это событие. «*Господь обо всём позаботился, для такого благого дела, даже с погодой не было проблем. Солнце сияло в этот день по-весеннему ярко и приветливо, предзимние морозы отступили, снег растаял. Это помогло технике без помех подъехать вплотную к храму и поднять по очереди каждый из колоколов*», – радовалась матушка Екатерина.¹⁹

4 июня 2011 г. в с. Шалоболдино был вновь освящён возрождённый храм в честь Святой Троицы. На освящении присутствовал Архиепископ Антоний. Собралось большое количество верующих из России, Красноярского края и много местных жителей. На освящении храма Владыко Антоний сказал: «*И сегодня читалось о том, что созидающие храм и радующиеся о возрождении и освящении его, прощены. Давайте же начнём добрую, хорошую жизнь, чтобы действительно любили друг друга, как Бог любит нас, как Он нам заповедовал. Будем об этом помнить, и, если вы оступились, согрешили, придите в храм, вознесите молитвы, соединитесь с богом через это. И Господь вас простит, и опять будет утверждаться жизнь ваша к добру и ко всякому благу!*»²⁰

После Божественной Литургии, крестного хода Его Высокопреосвященство за большие труды и служение на благо Православной церкви удостоил настоятельницу Свято-Вознесенского монастыря матушку Екатерину правом ношения игуменского посоха.

26 июля 2011 г. на 85 году жизни ушла из жизни игуменья матушка Екатерина (Бальва), настоятельница Свято-Вознесенского женского монастыря. Она успела дать наставления сестрам Святой обители, попросила у всех прощение, соборовалась, причастилась и вскоре умерла. Архиепископ Антоний сказал о матушке Екатерине: «*Казалось бы, плоть слаба, и возраст и другие преграды, но у того, кто крепок духом и с Господом, всё получается, всё спорится*».²¹

И осталась светлая память об игуменье матушке Екатерине в центре Шалоболдино возрождённый ею Свято-Троицкий храм. И не забываются её слова: «*Мы – русские, мы – русские, мы – русские! Мы поднимаемся с колен!*»

2013

Примечания:

¹ Еленич Н. Причина смерти – расстрелян. Православное слово Сибири. // №1-3 (120-122) 2012. – С. 11.

² Игуменья монахиня Екатерина (Бальва), настоятельница Свято-Благовещенского монастыря. Радуга с черной полосой. // Благовещенская газета. № 12. 2006. – С. 4-5.

³ Там же.

⁴ Калюга А.Е. Во имя Веры и Отечества. (Об истории Свято-Троицкого храма с. Шалоболдино). – Курагино. 2012.

⁵ Игуменья монахиня Екатерина (Бальва). – С.4-5.

⁶ Там же.

⁷ Дому Твоему подобает Святыня, Господи, в долготу дней. Храм Рождества Пресвятой Богородицы (1992-2007). К 15-летию строительства первого храма в Черногорске. - Черногорск. 2007. – С.9-12.

⁸ Отечество и Вера. // №1. – С.16-21. № 2, 2009. – С.38-39. Игуменья матушка Екатерина. Спаси и сохрани, Господи. Смыслов Михаил. Крест игуменьи Екатерины.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Еленич Н. Причина смерти – расстрелян. – С 11.

¹³ Мисюрова Н. Жизнь как подвиг Веры. // Православный Минусинск. №8, 2011. – С. 2-3.

¹⁴ Дому Твоему подобает Святыня, Господи, в долготу дней... – С.9-12.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Материалы Шалоболдинского музея. Фото и видеозаписи из архивов, документы, интервью.

¹⁷ Отечество и Вера... Игуменья матушка.

¹⁸ Мисюрова Н. Жизнь как подвиг Веры... – С.2-3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Игорь Корнатовский, духовник Свято-Вознесенского женского монастыря Столетний юбилей // Благовещенская газета. №7(31). 2008. – С.7-8.

²¹ Мисюрова Н. Приезд Архиепископа Красноярского и Ачинского Антония на Курагинскую землю. Православный Минусинск №6. – 2011. – С.2-3

Н.Н. Скоробогатова,
п. Шушенское

Войцеховские и Минусинск (по воспоминаниям М. Войцеховской)

Воспоминания членов семей Войцеховских и Корженевских, их переписка, документы биографического характера хранятся в польских архивах, также в архивах г. Минусинска и Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Машинописный текст (копия) «Воспоминаний» на польском языке Марии Войцеховской – дочери политического ссыльного Н.О. Войцеховского передал в библиотеку музея-заповедника «Шушенское» кандидат исторических наук С.В. Леончик. Подлинник этих воспоминаний хранится в архиве «Союза Сибиряков» в г. Варшаве, куда он поступил в 1989 г. от внучки Нарциза Осиповича Войцеховского – Галины.

Исследователь мемуаристики А.Г. Татарковский, утверждает, что «именно в мемуарах с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется историческое самосознание личности».¹ «Воспоминания» М. Войцеховской насыщены уникальными подробностями бытового характера.

Автор воспоминаний Мария Ядвига Войцеховская-Корженевская (28.01.1894-17.10.1983) родилась в Минусинске, умерла в Варшаве. Минусинск стал городом её детства и юности, здесь она поступила в женскую гимназию, завершила обучение в Москве. Получив образование, вернулась в город Минусинск, где прожила до 20-х гг. XX века.

В соответствии со статьёй VI Мирного договора между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой от 18 марта 1921 г.,² она выбрала (оптировала) польское гражданство, успев оформить документы, несмотря на бюрократические проволочки, и получила удостоверение на выезд из России, которым и воспользовалась. После приезда в Польшу жила в Варшаве.

В Минусинске Мария Нарцизовна вышла замуж за кузена Станислава (1894-12.10.1982) – сына польского ссыльного Владислава Налеч-Корженевского и его жены Лидии, прожив с ним в браке 57 лет. «В Минусинске, – пишет автор «Воспоминаний» – жила мама сестра Лидия с мужем Владиславом Корженевским и детьми – Станиславом, Вандой и Марианной».³ В семье Марии и Станислава родились две дочери Милка (Эмилия) (1921-1929) и Ванда, родилась 1 июня 1936 года.⁴

История с женитьбой сродных сестры и брата переполошила оба семейства. Вот, что писала Мария Войцеховская своему будущему мужу в письме от 7 января (без указания года) из Москвы: «Мой любимый Стася! Единственное препятствие к нашему браку мама видит в том, что та-

кие браки не разрешены законом. Она даже согласна хлопотать о разрешении, но тут выходит препятствие, т.к. приходится хлопотать о трёх браках.

Мама, так же как и отец, думает, что нам не следует видеться, для того, чтобы позабыть друг друга, конечно, может быть она и права, т.к. много примеров есть, но я не хочу позабыть тебя и отказаться от счастья. Не понимаю почему другие стараются прибавить неприятностей в жизни, когда их и без того много.

Да, Стася, узнай, если можешь о браках между двоюродными сёстрами и братьями у православных, и у католиков». ⁵

Предки отца Марии Войцеховской происходили из Польши. Её прадед Томаш Войцеховский (сын Андрея Войцеховского – Н.С.) умер в 1822 году. Согласно семейной легенде Томаш переселился в Лович. За участие в движении конфедератов, был лишён сословных дворянских привилегий, а герольдия не утвердила его привилегированного статуса. В Ловиче Томаш женился на дочери богатого крестьянина Скибневского. У них в 1817 г. родился сын Юзеф (Осип) – будущий отец Нарциза Осиповича Войцеховского.

Юзеф Войцеховский не стремился вернуть себе дворянские привилегии. «От мамы я знаю, – писал в своих воспоминаниях Н. Войцеховский, – о том, что она настаивала, чтобы отец получил удостоверение герольдии (о дворянстве) по бумагам своего отца, а возможно и какую-нибудь собственность своих предков. Отец постоянно отговаривался, ссылаясь на то, что если его отец этого не сделал, то, видимо, так было нужно, наверное, он хотел, чтобы его дети не имели шляхетского достоинства, а были шляхтичами по поступкам, делам своим, по образу жизни». ⁶

Юзеф Войцеховский получил хорошее по тем временам образование, он учился в Ловиче в монастыре иезуитов или пиаров. В 15 лет его отдали в обучение к известному пивовару и виноделу Сухацкому, где он около 4-х лет постигал тайны мастерства. В 19 лет он начал самостоятельно работать. С 1840 г. выполнял обязанности винодела в Повелине в имении бывшего полковника польских войск Романа Доранта. Изучил инженерное искусство, садоводство, пчеловодство. Женился на воспитаннице полковника Валерии Заборовской. Купил 30 моргов земли, завёл собственное хозяйство, но разорился. На остатки денег купил дом в Сероцке и до конца жизни занимался винокурением.

Мать Нарциза Осиповича (так писалось его отчество в России) Валерия Заборовская была дочерью участника восстания 1830-1831 гг. капитана Заборовского, погибшего под Гороховом. Умирая, капитан просил своего друга полковника Доранта, позаботиться о его вдове и детях, если тот останется жив. После поражения в восстании полковник Дорант не забыл просьбы своего товарища по оружию и о данном ему обещании. Он нашёл вдову капитана, рассказал ей о гибели мужа, и предложил опеку над детьми. Вдова согласилась отдать только дочку Валерию, сына же взяла с собой и уехала во Францию, т.к. была французской подданной. Валерия вышла замуж за Юзефа Войцеховского в неполные 17 лет, в кон. 1840 г. или в нач. 1841 года.

В семье Осипа и Валерии Войцеховских родились 3 сына – Станислав, Кароль и Нарциз, и дочь Эмилия.

Нарциз Войцеховский принял участие в Январском восстании 1863-1864 годах. Он поступил в отряд Мыстковского, который после нескольких столкновений с русскими войсками под угрозой уничтожения, был распущен. Нарциз вернулся к родителям, а в апреле 1864 г. выехал в Варшавскую губернию, где стал работать учителем в школе и органистом в Станиславовском костёле. Здесь он оказал содействие жандармам-вешателям Войцицкому и Сокульскому, которых укрывал от законных властей и пытался переправить через границу по подложным документам. За что и был отправлен в ссылку. По конфирмации начальника Царства Польского от 12 сентября 1866 г. его лишили всех прав состояния и выслали в Тесинскую волость в с. Сагайское (ныне Каратузский район Красноярского края – Н.С.), куда он прибыл 4 февраля 1867 года. Так Нарциз Осипович Войцеховский стал жителем сибирской провинции, где прожил 44 года.

Предки матери Марии Войцеховской Эммы Шерцингер были немецкого происхождения. Её отец Ян Шерцингер переселился в сибирский г. Томск из Германии из Великого княжества Баден, провинции Шварцвальд, и получил от дяди Фогта, который умер бездетным, богатое наследство, вложив его в торговлю. Женился он на Якобине Шварте немке, как и он римско-католического ве-

роисповедания. Эмма Ивановна (Яновна) – мать Марии Нарцизовны родилась в Томске в 1858 г. В ноябре 1877 г. она вышла замуж за Нарциза Войцеховского, венчались они в Томском костёле.

Семья Нарциза и Эммы Войцеховских была большой, здесь в Сибири родились 7 детей и ещё пятеро умерли от болезней.

*«Часть младших детей, – пишет М. Войцеховская, – родилась в Минусинске: Юзеф (1888, умер в Минусинске, дата неизвестна – Н.С.), я (Мария, 1894-1983 – Н.С.), затем Михалина (Михася, 1895-1949, так её называли члены семьи – Н.С.), последний брат Леон (1899-1942 – Н.С.) в Красноярске. Казимир (Казя, 1878-1945 – Н.С.) и Болислав (Болек, 1883, известна только дата рождения – Н.С.) родились на Даниловском заводе, когда отец там работал. Ян (Янек, 1886 г.р. – Н.С.) родился в татарском (хакасском) селе Абаканском (солеваренный завод), когда мама проводила там с детьми лето. Все дети рождались дома. В те времена не было принято рожать в больнице, т.к. там не было необходимых условий».*⁷

До двухлетнего возраста дети росли с няней, которую нанимала Эмма Ивановна (Яновна), а потом все присматривали за младшими детьми.

В 1888 г. после смерти своего брата Кароля и сестры Эмили Нарциз привёз родителей к себе в Минусинск, чтобы дать им достойный отдых от их тяжёлого морального состояния и обеспечить спокойную жизнь. *«Мама (Валерия Войцеховская – Н.С.) прожила у нас 16 лет, – писал Нарциз Осипович, – умерла в декабре 1904 г. и была похоронена в Красноярске. Отец (Юзеф Войцеховский – Н.С.) пережил её на 4 года и был похоронен на кладбище в Минусинске. Он прожил с нами 20 лет и умер в 1908 г в октябре, в 91 год».*⁸

Заботы о детях и престарелых родителях лежали на плечах хозяйки дома. Не случайно Н. Войцеховский так писал о своей любимой половинке: *«Она не была великой хозяйкой, но была чрезвычайно любящей, нежной матерью. Ей только я и обязан приличным воспитанием наших детей. На ней так же лежала забота о старых моих родителях. Она признала их за собственных и заботилась о немощных как могла».*⁹

По характеру Эмма Ивановна была очень спокойной как пишет её дочь: *«(Я) не помню, чтобы она накричала на нас. Отец же был более суровым человеком. Для нас младших детей самым жёстким наказанием был угол. Мальчики же иногда, правда, очень редко, получали ремня».*¹⁰

Отец Марии Нарцизовны много работал и занимался общественными делами, поэтому редко бывал дома. С 1888 г., когда он приобрёл недвижимость в Минусинске, в течение ряда лет его выбирали гласным городской Думы. Он принимал активное участие в работе Минусинского краеведческого музея, оказывая материальную поддержку этому учреждению, был попечителем городской школы, почётным членом попечительского совета Минусинской женской гимназии. С небольшим кругом друзей Нарциз Осипович организовал первый кооперативный магазин в уездном центре. Огромных затрат и частых отлучек из дома требовали золотые прииски и солеварня, которыми он владел.

Промышленное предпринимательство приносило значительные доходы, поэтому Н. Войцеховский мог устроить быт своей семьи. В 1888 г. он приобретает дом в Минусинске из 6 комнат, который располагался рядом с торговой площадью. Усадьба дома включала обширный двор, где располагался дом, амбары, конюшни, каретные сараи, рядом с домом находилось служебное помещение – соляной склад. Дом окружал большой сад, который одной стороной примыкал к усадьбе и огород.

Производственные нужды заставляли хозяина дома часто отлучаться, поэтому он имел дом за пределами города на Абаканском солеваренном заводе в 50 верстах от Минусинска. Зимой там жил управляющий и время от времени навещался сам хозяин, а летом дом служил дачей, куда на отдых приезжала вся семья.

«Около двух месяцев мы жили на солеварне, – пишет М. Войцеховская, – Дом ... состоял из пяти комнат, кухня находилась во дворе. Одну из комнат занимал кабинет отца, оставшиеся комнаты были в нашем распоряжении. Меблировка комнат была достаточно скромной. В столовой находились твёрдые деревянные диваны, стол для крынок с молоком, которые приносили слуги из подвала, их было много, т.к. все любили простоквашу, а брат Юзя мог выпить целую крынку простокваши. Между окнами стоял ещё один стол и кресла, вот и всё убранство».

В остальных комнатах из мебели стояло всё самое необходимое: кровати, столы и стулья».¹¹ Нарциз Осипович был большим охотником до семейных прогулок, поездок в тайгу за ягодами.

Много внимания семья Войцеховских уделяла образованию детей. Нарциз Войцеховский, подводя итоги своей деятельности, в мемуарах писал, что на образование детей были истрачены следующие суммы: среднее образование детей стоило 13000 руб., высшее образование детей стоило 15000 рублей.¹²

Старший сын Казимир окончил реальное училище в Томске. Болеслав, Ян, Юзеф и Станислав начали своё образование в городской школе г. Минусинска. Затем Болеслав и Ян переехали в Красноярск, для того, чтобы учиться в гимназии, т.к. в Минусинске подобного типа учебного заведения для мальчиков не было. Поначалу они жили в семье Корженевских Лидии и Владислава, которые переехали в Красноярск, чтобы учить детей. А в 1889 г. семья Войцеховских тоже переехала в Красноярск. По окончании гимназии Болеслав и Ян выехали для обучения в университеты Москвы и Варшавы, Стас умер в 1906 г. от воспаления лёгких. Осенью 1906 г. Войцеховские вернулись в старое родовое гнездо в Минусинске. Юзеф перешёл в Енисейскую гимназию, младший сын Леон был ещё маленький, ему было всего 6 лет. В Минусинске же открылась женская гимназия, и девочки Мария и Михалина стали гимназистками, и проучились здесь до 7 класса. Затем семья переехала в Москву и Мария с Михалиной поступили в частную женскую гимназию. *«Болеслав учился пению в консерватории в классе профессора Горди, Михася поступила в музыкальную школу, Леонек ходил в частную гимназию Поливанова».*¹³

Помимо учёбы дети посещали Третьяковскую галерею, театры, художественные выставки, бродили по улочкам старой Москвы. После того, как уроки были выучены, играли, музицировали, пели, встречались с друзьями.

Жизнь в российской глубинке, потребности широкого общения привели к тому, что в семье польского ссыльного и дочери из немецкой купеческой семьи говорили по-русски.

*«Мама плохо говорила по по-польски, но свободно читала и всё понимала, а говорить ей было трудно, потому что она плохо слышала. Кроме того, наша прислуга, знакомые и друзья говорили исключительно по-русски. Я помню, как радовался отец, когда приезжал кто-то из Польши и, он мог говорить на языке, о котором тосковал».*¹⁴

2012

Примечания:

¹ Татарковский А.Г. 1812 г. и русская мемуаристика. – М., 1980 – С.24.

² Рижский мирный договор, заключённый между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей с другой./ Электронный ресурс. Точка доступа: <http://www.brestobl.com/nasel/naselen/dok/1921/index.html>

³ Wojczechowska M. Wspomnienia / Воспоминания М. Воспоминания. Библиотека музея-заповедника «Шушенское». Л. 8,16,19,22,44,51.

⁴ Masiaż W Prawda i fikcja literacka w powieści Igora Newerlego wygóże błękitnego snu./ Масяж В. Правда и литературный вымысел в повести Неверли «Сопка голубого сна». // Zesłaniec. – 1999. № 4. – С.113 .

⁵ Письмо М. Войцеховской к С. Войцеховскому. Переписка семей Н. Войцеховского и В. Корженевского. Минусинский городской архив. Ф.100. О.1. Л.50. (конвертированные письма без указания дел).

⁶ Wojczechowski N. Moje wspomnienia / Войцеховский Н. Мои воспоминания. Машинопись. Архив Минусинского краеведческого музея. О.4. Д.227. Лл. 4, 22, 23, 25.

⁷ Wojczechowska M. Wspomnienia / Воспоминания М. Воспоминания. Библиотека музея-заповедника «Шушенское». Л. 8,16,19,22,44,51.

⁸ Wojczechowski N. Moje wspomnienia / Войцеховский Н. Мои воспоминания. Машинопись. Архив Минусинского краеведческого музея. О.4. Д.227. Лл.4, 22, 23, 25.

⁹ Там же.

¹⁰ Wojczechowska M. Wspomnienia / Воспоминания М. Воспоминания. Библиотека музея-заповедника «Шушенское». Л. 8,16,19,22,44,51.

¹¹ Там же.

¹² Wojczechowski N. Moje wspomnienia / Войцеховский Н. Мои воспоминания. Машинопись. Арх. Минусинского краеведческого музея. О.4. Д.227. Лл.4, 22, 23, 25.

^{13,14} Wojczechowska M. Wspomnienia / Воспоминания М. Воспоминания. Библиотека музея-заповедника «Шушенское». Л. 8,16,19,22,44,51.

Н.Н. Скоробогатова,
п. Шушенское

К истории одного поиска

В музее-заповеднике «Шушенское» хранятся материалы по истории политической ссылки – как подлинные, так и копийные. В деле И.Л. Проминского хранится ксерокопия газетной статьи «Разгадать секрет снимка» с фотографией «В.И. Ленин среди политических ссыльных в Шушенском. 1898 г.», опубликованной в газете «Восточно-Сибирская правда».

История снимка, который условно был назван «В.И. Ленин среди политических ссыльных в Шушенском», носит почти детективный характер. Она привлекла внимание известного сибирского краеведа Г. Хаита, корреспондентов московской газеты «Известия» А. Евсеева и «Восточно-Сибирская правда» (г. Иркутск).

5 марта 1961 г. в газете «Известия» был помещён снимок, сопровождаемый очерком А. Евсеева «Рассказ об одном поиске». На представленной фотографии, крайним справа, по мнению автора статьи, изображён В.И. Ленин. Фотография, предположительно, сделана в Шушенском, о чём свидетельствует надпись на обороте снимка: «Группа бывших политических ссыльных, снятых в с. Шушенском Минусинского уезда. Сидит первый справа В.И. Ленин».

Неизвестный снимок В.И. Ленина, относящийся к периоду сибирской ссылки, не мог не вызвать интерес, как у прессы, так и у читающей публики. Ленинских снимков сохранилось не так уж много, к тому же данная фотография никогда не публиковалась, хранилась в фондах Института марксизма-ленинизма (сейчас это Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ) как весьма сомнительная.

Корреспондент газеты «Известия» А. Евсеев предполагал, что на фотоснимке вместе с В.И. Лениным изображены его товарищи по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» в период сибирской ссылки в Шушенском.

Автор приступил к поиску материалов и установлению фамилий лиц, изображённых на фотоснимке. Он обратился Ольге Борисовне Лепешинской, соратнику В.И. Ленина по ссылке. В тот период времени она была единственной свидетельницей той далёкой поры и прекрасно знала всех, кто находился в ссылке вместе с В.И. Лениным. Ольга Борисовна очень долго изучала снимок, но не узнала никого из изображённых на фото.

Ольга Пантелеймоновна Лепешинская, дочь Ольги Борисовны (родилась в с. Курагино Минусинского уезда в 1899 г.), предположила, что на снимке в заднем ряду слева стоит Фридрих Вильгельмович Ленгник. Но его сын, полковник Михаил Вильгельмович Ленгник, не нашёл своего отца на фотографии.

Автор статьи встретился с Е.Д. Стасовой, знавшей Ленина молодым. Но у неё в тот период времени было очень плохое зрение и, вдобавок, плохая зрительная память. Она посоветовала обратиться к другим членам партии, знавшим В.И. Ленина молодым, в частности, к Ц.С. Бобровской.

Цецилия Самойловна Бобровская – участница трёх революций согласилась, что на снимке изображены ссыльные. Мужчины в верхнем ряду очень похожи на рабочих, девушка – на курсистку. Но где Ильич мог сфотографироваться с такой большой группой ссыльных неизвестно. Наконец, находится человек, который говорит определённо, что это Владимир Ильич – это Серафима Ильинична Гопнер, у которой не было никаких сомнений в том, что на снимке В.И. Ленин. Именно таким она знала его в годы эмиграции в 1910 году.

Корреспондент газеты «Известия» привлёк к своему поиску научных сотрудников Института марксизма-ленинизма, Центрального музея В.И. Ленина и МВД РСФСР. Заведующий отделом кинофото документов Центрального музея В.И. Ленина Андрей Ильич Петров был абсолютно уверен, что на снимке изображён В.И. Ленин. Оказывается, что Андрей Ильич совмещал фотографическим способом изображение лица человека на данном снимке с ленинскими портретами. Многие линии совпадали. Удивительно похожим на руки человека с фотографии оказался и слепок руки В.И. Ленина из фондов ЦМЛ.

К работе над атрибуцией снимка были привлечены и сотрудники МВД РСФСР. Эксперт Снет-

ков, который работал с данным снимком, отобрал три фотографии, хранящиеся в ИМЛ. Одна из них была сделана в тюрьме, другая – в годы эмиграции, третья – после Октябрьской революции. Каждый снимок был сильно увеличен, а затем разбит миллиметровой сеткой на крохотные квадратики – обычный приём художников, когда надо точно скопировать рисунок, увеличив его. В результате работы эксперта было выяснено, что на снимке изображён В.И. Ленин.

Приметы Ульянова, сохранившиеся в полицейских делах, вроде бы подтверждали выводы эксперта: «рост 2 аршина 5 ½ вершка, телосложение среднее, наружностью производит впечатление приятное, волосы на голове и бровях русые, усах и бороде – рыжеватые, глаза – карие, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины».

Поиск Евсеева не был закончен. Ему не удалось установить фамилии всех лиц, изображённых на фотографии.

Работа над историческим снимком была продолжена в Сибири. В апреле 1962 г. в иркутской газете «Восточно-Сибирская правда» была опубликована статья, которая называлась: «Разгадать секрет снимка». Автор этой статьи неизвестен, т.к. в музее-заповеднике «Шушенское» хранится только часть статьи, а в библиотеках Абакана и Минусинска не обнаружены подшивки этой газеты. Он предположил и попытался доказать, что В.И. Ленин сфотографирован в Шушенском с польскими ссыльными.

Владимир Ильич поддерживал товарищеские добрососедские отношения с И.Л. Проминским и его семьёй. По случаю приезда гостей, к Проминским были приглашены Владимир Ильич и Оскар Александрович Энгберг, было решено сфотографироваться на память.

Старожилы с. Шушенского легко определили, имена людей, изображённых на фотоснимке: рядом с Владимиром Ильичём: жену лодзинского рабочего текстильщика Ивана Лукича Проминского Фёклу (Теклу). Она добровольно прибыла в ссылку по этапу вслед за мужем вместе с детьми: Леопольдом, Владиславом, Казимиром, Брониславом, Софьей, Асей. Семья Проминских находилась в с. Шушенском под надзором полиции с июня 1898 года. На полу у ног родителей Проминских разместились их старшие дети Леопольд и Бронислава.

Справа от Ивана Лукича, в меховой шапке – сидит Оскар Александрович Энгберг, прибывший в с. Шушенское из Красноярска 12 января 1898 года. На фотографии нет Н.К. Крупской, следовательно, она сделана до её приезда в Шушенское, возможно, в конце февраля, или в первых числах марта 1898 года. Остальных четвёрых мужчин, стоящих в верхнем ряду старожилы Шушенского не знали.

Автор статьи предположил, что это товарищи И.Л. Проминского по революционной борьбе в Польше Александр Ковалевский, Томаш Петрашек, Антон Чекальский, Ружанский (инициалы выяснить не удалось – Н.С.), отбывавшие ссылку в Минусинске.

Для того чтобы подтвердить своё предположение корреспондент встретился с учительницей из г. Черногорска Вассой Ивановной Ковалевской – невесткой Александра Мартыновича Ковалевского. На предъявленном снимке она сразу опознала в крайнем слева мужчине во втором ряду своего свёкра А.М. Ковалевского, которого О.П. Лепешинская ошибочно приняла за Ф.В. Ленгника.

Однако, это описание фотографии оказалось неправильным – лишь только версия. Точку поставил известный исследователь биографии В.И. Ленина периода сибирской ссылки Григорий Хаит, который опубликовал материалы об этой фотографии в книге «Поиск продолжается: Утраченные находки. Исследования» в 1970 году.

Он обнаружил эту фотографию в материалах Минусинского краеведческого музея, затем в Центральном музее «Каторги и ссылки» в Москве (ныне Музей современной истории). На снимке изображена Чечуйская колония ссыльных (Чечуйск – село в Киренском районе Иркутской области, в составе Юбилейнинского сельского поселения). «Фотография сделана в 1914 году. В своё время секретарь Киренского райкома партии Удотов нашёл фотографию и послал в Москву как ленинский сибирский снимок».

Человеком, похожим на В.И. Ленина «оказался беспартийный учитель из города Глухова Черниговской губернии Михаил Иванович Ткаченко, сосланный за агитацию среди крестьян в Вологодскую губернию. Но и там он продолжал вести агитацию и распространять воззвания. За

это снова был арестован и отправлен в новую ссылку – на этот раз в Чечуйск Киренского уезда Иркутской губернии».

Михаил Иванович Ткаченко занимался орнитологией, изготовлял чучела птиц для музеев Якутска, Иркутска, зоологического музея СССР. «...Последняя его работа «Птицы бассейна Нижней Тунгуски» опубликована в 1938 г. в «Трудах Иркутского областного музея», где он проработал много лет. Умер он в 1939 году.

Человек во втором ряду справа Аркадий Израилевич Шапиро – активист польского рабочего движения в Литве (1904-1907 гг.). Хаит встретился с А.И.Шапиро, который вспоминал, что снимок сделан в 1914 г., во дворе Киренского театра, на фоне декораций, «...мы снялись после спектакля... Любительского. Кажется, в тот день мы ставили «Грозу» Островского».

На снимке сидит вторым слева Александр Николаевич Черкунов. Он принимал активное участие в деятельности Юзовско-Петровского комитета РСДРП (б). В 1912 г. его арестовали. Александр Николаевич пытался бежать из тюрьмы, и за это попал в Восточную Сибирь, в Чечуйск и Киренск.

В Центральном Государственном архиве Октябрьской революции СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации), в фонде Всесоюзного общества политкаторжан храниться доклад А.Н. Черкунова, в котором отмечается и такой факт, что, «...несмотря на запреты, политические ссыльные занимались педагогической деятельностью и любительскими спектаклями».

«Киренская ссылка взяла это дело в свои руки, – писал А.Н. Черкунов. – До 1914 года ссыльные не могли быть актёрами, только режиссёрами или суфлёрами. Но с 1914 года в театре возобладали политические ссыльные. Если до этого ставились фарсы, малоизвестные комедии, то политссыльные рискнули ставить «Чайку». Прежде, чем ставить, её пришлось много и детально изучать постановки «Чайки». Мы выписали из Художественного театра альбомы, знакомились с театральными рецензиями».

Григорий Хаит побывал у Софьи Григорьевны Галицкой-Боксер которая также изображена на снимке. В революционном движении она принимала участие с пятнадцати лет: печатала прокламации на гектографе, распространяла среди рабочих, крестьян и солдат пропагандистскую литературу, вела агитацию. Была арестована, после суда отправлена на каторгу, которую отбывала «...в житомирской, луцкой тюрьмах, в виленском каторжном центре. Затем ссылка в Чечуйск. Оттуда уже по доброй воле вместе с подругой Зинаидой Николаевной Левицкой-Корочкиной Софья Григорьевна переехала в Якутск».

На снимке: Зинаида Николаевна сидит на земле. Она была арестована в Херсонской губернии по доносу провокатора и сослана в Братскую волость Иркутской губернии, откуда бежала. Была схвачена и водворена в Киренск. Здесь она предприняла ещё одну попытку побега, которая снова окончилась неудачей. Автор статьи встретился с сестрой З.Н. Левицкой-Корочкиной – Надеждой. У неё оказался ещё один экземпляр данной фотографии.

Таким образом, Григорий Хаит установил дату фотографии и тех, кто на ней запечатлён: Ткаченко, Раух Гендл, Галицкий, Левицкая-Корочкина, Черкунов, Галицкая-Боксер, Сафарьянц, Шапиро. Остались трое неизвестных...

2013

Литература:

1. Владимир Ильич Ленин: Альбом фотографий и кинодокументов – М.: Планета, 1979.
2. Евсеев А. Рассказ об одном поиске, Известия, 9 марта 1961, № 58
3. Разгадать секрет снимка. // Восточно-Сибирская правда. 30.04. 1962
4. Хаит Г. Поиск продолжается: Утраты. Находки. Исследования. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1970.

**Тялшинский Алексей Никанорович – атаман Енисейского казачьего войска
и Енисейской зарубежной казачьей станицы в г. Харбине**
(реконструкция биографии)

Судьба Тялшинского А.Н. в последние годы остаётся предметом рассмотрения профессиональных историков и независимых исследователей, изучающих историю Енисейского казачьего войска и Гражданской войны.^{1,2,3,4,5,6,7} Реконструкция биографии, выполненная на основе архивных документов, генеалогических сведений, полученных от прямых потомков, представляет собой на данный момент наиболее полную и достоверную версию его биографии. Некоторые источники, генеалогические сведения и фотографии вводятся в научный оборот впервые. Уточнена атрибуция ранее опубликованных фотографий.

Тялшинский (в некоторых документах Тялшенский) Алексей Никанорович [16.03.1888, (по паспорту – 16.02.1888 г.)⁸ г. Петрозаводск Олонецкой губ. – 20.02.1956, г. Черногорск, Хакасская автономная обл. Красноярского края⁹]. Полковник Русской Императорской Армии. Участник Первой мировой (1917) и Гражданской (1918-1920) войн.¹⁰ Православного вероисповедания,¹¹ по убеждениям – монархист.¹²

Родился в семье священника, эконома Олонецкой духовной семинарии.¹³ Окончил Петрозаводское духовное училище по 2 разряду (1905),¹⁴ Олонецкую духовную семинарию (1912),¹⁵ Николаевское кавалерийское военное училище по 1 разряду (г. Петроград; поступил 4.02.1916 на правах вольноопределяющегося и 1.02.1917 окончил).¹⁶ Смотритель приюта мальчиков имени Н.В. и А.В. Протасьевых ведомства Императрицы Марии в г. Петрозаводске (1912),¹⁷ по ведомству МВД – младший чиновник для особых поручений в г. Киеве при Ковенском губернаторе, камергере двора Е.И.В. И.Д. Грязеве (1913-1914), чиновник при Главноуполномоченном по устройству беженцев с прифронтовой полосы VI-го района – Варшавской, Курской губерний и Области Войска Донского (1915).¹⁸ Призванный на военную службу в качестве ратника ополчения 2-го разряда,¹⁹ зачислен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища (4.02.1916), после окончания которого Высочайшим приказом произведён в хорунжие (старш. – с 1.02.1916), выехал на фронт в Яссы, в Уссурийский казачий полк. На 25.01.1917 унтер-офицер,²⁰ младший офицер 2-й сотни (19.2.1917), делопроизводитель полкового суда (11.04.1917), вр.и.д. полкового адъютанта (9.07.1917). В августе 1917 г. с сотней енисейских казаков откомандирован в распоряжение штаба 3-го кавалерийского корпуса (командир корпуса – генерал-майор П.Н. Краснов). На сентябрь 1917²¹ – младший офицер сотни конвоя (по другим источникам²² – конвойной сотни) при штабе 3-го кавалерийского корпуса. На 9.12.1917²³ – в распоряжении начальника Уссурийской конной дивизии генерал-майора Б.Р. Хрещатицкого. В действующей армии находился с 19.02.1917 по 9.12.1917 г. С 23.12.1917 по 5.03.1918 гг. – в Красноярском отдельном казачьем дивизионе, в боевом составе которого выбыл в станицу Таштыпская Минусинского уезда 18.01.1918 г. 3-м Большим кругом избран помощником войскового атамана (протокол от 15.2.1918 г.). За непризнание Советской власти и активное выступление против неё 5 марта²⁴ арестован и заключён в Минусинскую тюрьму, откуда переведён в Красноярскую тюрьму и приговорён Военно-революционным трибуналом к смертной казни²⁵ (расстрел назначен на вечер 18.06.1918 г.).²⁶ В день выступления Чехословацкого корпуса освобождён из тюрьмы енисейскими казаками (18.06.1918 г.). Состоял на службе в I-м Енисейском казачьем полку, исполняя должность заведующего военным отделом при Войсковом управлении Енисейского казачьего войска (17.08.1918 – 22.08.1919 гг.). В июне 1918 г. вступил во временное исполнение обязанностей атамана войска. 4-м Большим кругом был избран председателем войскового управления (8.08.1918 г.), а 17.08.1918 г. вторично вступил во временное исполнение обязанностей атамана. В перв. пол. сентября 1918 г., ещё в чине хорунжего, приказом по войскам Иркутского военного округа главным начальником округа полковником Эрлец-Усовым был временно утверждён Атаманом ЕКВ.²⁷ Произведён в сотни Приказом Сибирской армии о военных чинах от 23.09.1918 года.²⁸ С 20.02.1919 г., после избрания

5-м Большим кругом, исполнял должность войскового атамана на законном основании,^{29,30} и был признан в должности Сибирским правительством. Командующий отдельным отрядом против большевиков в г. Енисейске (12.03. – 3.04.1919 г.) и наблюдающий за ходом боёв при подавлении большевистского восстания в Ачинском уезде (5.04. – 19.04.1919 г.). 6-м Чрезвычайным большим кругом представлен к производству в чины: подесаула, есаула, войскового старшины и полковника³¹ и командирован слушателем в Академию генерального штаба за счёт войска с сохранением содержания по должности войскового атамана³² (документы, подтверждающие факт обучения в АГШ, не обнаружены – *А.Т.*). С начала марта 1920 г. – в Маньчжурии (г. Харбин), куда прибыл из Владивостока через Гензан, Мукден, Синьзянь.³³ Род занятий в Харбине: случайные заработки (1921-1922),³⁴ полицейский 1-го участка на Пристанях (1922-1924),³⁵ билетёр на автобусе (1925),³⁶ заведующий бензиновым пунктом агентства «ТЕКСАС» (1926-1927), заведующий бензиновым пунктом агентства «Стандарт – Ойл и Ко» (1929-1936),³⁷ служащий в Нефтяном Союзе (1936-1940),³⁸ заведующий курсами по изучению японского языка (1939-1944), преподаватель древних языков в Духовной семинарии (1941-1944).³⁹ Неоднократно переизбирался атаманом Енисейской станицы Союза казаков в г. Харбине.^{40,41,42} Общественная работа: начальник Модягоуского городского участка российского сектора (1942 – 10.03.1944, возможно, до самого ареста), почётный советник при Зарубежной Енисейской станице.⁴³ В Харбине проживал по адресам: Модягоу, ул. Сербская № 9, кв.3 (1934),⁴⁴ ул. Приютская № 29, кв. 4 (1939).⁴⁵

Награды, знаки отличия и признательности. За отличия в делах против неприятеля командующим Уссурийского казачьего полка полковником Н.А. Пушковым был представлен к наградам: орд. Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» и орд. Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом.⁴⁶

6-м Войсковым чрезвычайным большим кругом ЕКВ (19.08.1919 г., г. Красноярск) представлен к награждению орденом первых степеней «Освобождение Сибири».^{47,48} Кроме того, 6-й Войсковой чрезвычайный большой круг ЕКВ:

- постановил в Войсковом правлении повесить портрет Ал. Ник. Тялшинского;
- в знак благодарности за особые заслуги войску преподнес золотые часы с надписью «6-й Чрезвычайный большой круг почётному казаку Тялшинскому»;
- вручил грамоту следующего содержания: «Грамота 6-го Чрезвычайного Большого Круга Енисейского казачьего войска в г. Красноярске 19 августа 1919 года. Провожая своего батьку сотника Алексея Никаноровича Тялшинского в военную академию, 6-й Чрезвычайный Большой Круг Енисейского казачьего войска с искренней признательностью помнит великие заслуги его перед казачеством и истерзанной родиной Сибирью в деле её освобождения от засилья врагов большевиков. В знак особой благодарности и признательности круг жалует глубокоуважаемого сотника Алексея Никаноровича Тялшинского званием почётного казака Енисейского казачьего войска».⁴⁹

В августе 1945 г. органами СМЕРШ арестован в г. Харбине и депортирован в СССР. В ноябре 1945 г. Приморским военным трибуналом осуждён по ст. 58-2 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы (за вооруженное восстание с целью захвата власти). С декабря 1945 г. – в «Краслаге» (пгт. Нижний Ингаш Нижнеингашского района Красноярского края). 30 марта 1949 г. – этапирован в особый лагерь МВД «Озерлаг» (ст. Тайшет Иркутской обл.).⁵¹ Срок отбыл полностью. Освободившись в ноябре 1955 г., прибыл в г. Черногорск (Хакасская автономная область Красноярского края), где к тому времени проживал старший сын Георгий, вместе со своей семьёй приехавший из Китая в СССР на подъём целинных и залежных земель. Умер от сердечной недостаточности 20 февраля 1956 г., не прожив на свободе и трёх месяцев. После отпевания похоронен на старом городском кладбище г. Черногорска.

Близкие родственники и потомки. Отец Тялшинский Никанор Иванович (? – ?), мать Тялшинская Александра Фёдоровна (? – после 1928 г.), брат Тялшинский Василий Никанорович (? – ?), сестра Тялшинская Клавдия Никаноровна (? – ?). Жена – Тялшинская Лидия Фёдоровна [урожд. Новицкая; 26.03.1894, г. Камышин Саратовской губ. – 2.01.1977, г. Сидней, Австралия, пох. на Руквудском кладбище (англ. – Rookwood Cemetery)]. Сыновья: Георгий (5.12.1920, г. Харбин – 14.10.1991, г. Черногорск Хакасской автономной области Красноярского края, пох. на старом городском кладб.) и Фёдор (23.12.1922, г. Харбин – 8.01.2005, г. Сидней, пох. на Руквудском кладб.). Жена старшего сына Георгия в первом браке – Елена Константиновна (урожд. Петровская, ок.

1920 г.р.), во втором – Нина Павловна (урожд. Чукова; 1924 г.р.). Дети Георгия Алексеевича Тялшинского: от первого брака – Вера (ок. 1948, г. Харбин), от второго брака – Алексей (р. 24.09.1953, г. Сиань, КНР), Илья (р. 2.08.1955, г. Абакан Хакасской автономной области Красноярского края), Лариса (р. 14.10.1957, г. Черногорск Хакасской автономной области Красноярского края). Жена младшего сына Фёдора – Антонина Яковлевна (урожд. Кондратенко). Сын Фёдора Алексеевича Тялшинского (англ. Tialshinsky) – Валерий (р. 16.02.1960, г. Сидней, Австралия).

Автор благодарит за уточнения и помощь при подготовке статьи: Любовь Анатольевну Кривченко (г. Хабаровск), Леонида Геннадьевича Капустина (г. Муром), Юрия Ивановича Гончарова (г. Барнаул), особо – Владимира Александровича Паршукова (г. Ульяновск) за идентификацию некоторых казаков, участвовавших в работе 6-го Войскового чрезвычайного круга, а также прямых потомков Алексея Никаноровича Тялшинского, предоставивших генеалогическую информацию и фотографии из семейных архивов: Ларису Георгиевну Громакову (п. Усть-Абакан, Республика Хакасия) и Валерия Фёдоровича Тялшинского (Австралия).

Автор с благодарностью примет любую обоснованную критику в свой адрес, а также поправки, дополнения к идентификации делегатов на фото и замечания, которые просит присылать на два адреса: anit2008@mail.ru и anit7529@gmail.com.

2013

Примечания:

- ¹ Богуцкий А.Е. Атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский. // Клио (СПб.), 2011, № 4(55). С. 154 – 156.
- ² Богуцкий А.Е. Пассивная форма сибирской атаманины в годы Гражданской войны. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012, № 3 (17). Ч. 1. С. 40-46.
- ³ Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. Т. 2.– Москва, ФИВ, 2012. – С. 526-527.
- ⁴ Владимир Паршуков. На Петроград! // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX в. – Красноярск, 2011. – С. 115-122.
- ⁵ Владимир Паршуков. Беспорядки в Енисейском казачьем войске. // Архивный вестник. 2013, № 20. – Омск, изд-во «Амфора». – С. 222-227.
- ⁶ Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. Монография. Изд-во «ФЛИНТА», «Наука». – Москва, 2011. – 174 с.
- ⁷ Шекшеев А.П. Атаман Тялшинский. На конях от Карпат до Маньчжурии // Хакасия. 2012. № 41 (22148). 7.03. С. 18., № 45 (22152) 14.03. С. 19; №50 (22157) 21.03. С. 20; № 55 (22162) 28.03. С. 18-19; Атаман Алексей Никанорович Тялшинский. На конях от Карпат до Маньчжурии. // Ада чир-суу = Отечество : краеведческий альманах / М-во культуры Респ. Хакасия, ГБУК РХ «НБ им. Н. Г. Доможакова»; – Абакан : [б. и.], 2013. – Вып. 2. – С. 67-80.
- ⁸ ГАХК. Ф.830. О.3. Д.48430. Л.Л.1,12,25.
- ⁹ Свидетельство о смерти I- ПВ № 619120, выданное 13.02.2012 г. отделом комитета ЗАГС при Правительстве Республики Хакасия по городу Черногорску. Семейный архив Ларисы Громаковой.
- ¹⁰ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.16.
- ¹¹ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.1.
- ¹² ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.1 об.
- ¹³ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.14.
- ¹⁴ Электронный ресурс. Режим доступа : <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/petrozdu.html>
- ¹⁵ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.Л. 1, 14
- ¹⁶ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.Л. 1а, 14, 14 об.
- ¹⁷ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.Л. 6, 14.
- ¹⁸ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.Л. 2, 6, 14.
- ¹⁹ Енисейские казаки. – Харбин, б/г (1940?), – С. 140.
- ²⁰ РГВА. Ф. 40215. О.1. Д.69. Л.Л. 137-137 об.
- ²¹ ГАХК. Ф. Р-830. О.3. Д.48430. Л.Л. 2 об., 3.
- ²² Владимир Паршуков. На Петроград! // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX в. – Красноярск, 2011. – С. 115 – 122.
- ²³ РГВА. Ф.40215. О.1. Д.69. Л.Л. 137-137 об.
- ²⁴ Енисейские казаки. Их историческое прошлое, быт и служба Енисейских казаков по материалам, собранным Членом Войскового Правления К.И. Лаврентьевым. Под ред. Н.Н. Князева. – Харбин: Издание Енисейской Зарубежной казачьей станицы, 1940. – С. 140.
- ²⁵ РГВА. Ф.40215. О.1. Д.69. Л.Л.135-136.
- ²⁶ Шекшеев А. Атаман Тялшинский. На конях от Карпат до Маньчжурии // Хакасия. 2012. № 45 (22152) от 14.03. С. 19. См. также Электронный ресурс. Режим доступа : <http://eniseycossaks.listbb.ru/viewtopic.php?f=12&t=92>
- ²⁷ Паршуков В.А. Беспорядки в Енисейском казачьем войске // Архивный вестник: информационно-методический историко-краеведческий журнал Министерства государственно-правового развития Омской области. Омск: Изд-во

«Амфора», 2013. № 20.

²⁸ РГВА. Ф.40215. О.1. Д.69. Л.Л.135-136.

²⁹ Енисейские казаки... С.140.

³⁰ Паршуков В.А. Постановления 5-го Большого Круга Енисейского Казачьего Войска, состоявшегося 15-21 февраля 1919 года. // Сибирский исторический альманах. Т.1. Гражданская война в Восточной Сибири. - Красноярск, 2010. - С. 24-30.

³¹ РГВА. Ф.40215. О.1. Д.69. Л.Л.137-137 об.

³² РГВА. Ф.40215. О.1. Д.69. Л.Л.135-136.

³³ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.Л.1, 13.

³⁴ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.Л.7, 14 об.

³⁵ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.1а.

³⁶ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.7.

³⁷ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.Л.7, 13.

³⁸ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.Л.7, 15 об.

³⁹ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.25.

⁴⁰ Зов казака. Харбин, 1938, № 1. - С. 56

⁴¹ Справочник – список руководящего и рядового состава, членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Маньчжурии». Архивный отдел УМВД по Хабаровскому краю. - 1950, Хабаровск.

⁴² ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.10.

⁴³ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.25 об.

⁴⁴ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.1.

⁴⁵ ГАХК. Ф.Р-830. О.3. Д.48430. Л.12.

⁴⁶ РГВА. Ф.40215. О.1. Д.69. Л.Л.135-136.

⁴⁷ РГВА. Ф.40215. О.1. Д.69. Л.Л.137-137 об. (Орден был утверждён на заседании Совета Министров во время правления Колчака, но никому не вручался. Основания для награждения: «Заслуги по освобождению Сибири от большевиков, как на поле брани, так и в государственном и общественном строительстве» – А.Т.)

⁴⁸ Рудиченко А.И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917-1922 гг. Collectors Book. – 2008. – С. 332-339.

⁴⁹ Воспроизведено по правилам современной орфографии (прим. – А.Т.)

⁵¹ Шекшеев А.П. Атаман Тяшинский. На конях от Карпат до Маньчжурии // Хакасия. 2012. № 41 (22148). 7.03. С. 18., № 45 (22152) 14.03. С. 19; №50 (22157) 21.03. С. 20; № 55 (22162) 28.03. С. 18-19. См. также Электронный ресурс. Режим доступа: <http://eniseycossaks.listbb.ru/viewtopic.php?f=12&t=92>

Е.Д. Трухан,
г. Новокузнецк

Письмо М.Д. Исаевой от 4 июня 1855 г. в эпистолярном наследии Ф.М. Достоевского

Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского, охватывающее события в Кузнецке 1855-1857 гг., представлено 39 письмами. Среди них самыми пострадавшими от времени и обстоятельств являются послания писателя из Семипалатинска в Кузнецк к Марии Дмитриевне Исаевой: почти двухлетняя переписка утрачена, до нашего времени дошло только письмо, датированное 4 июня 1855 года. В нём воплощены особенности авторского творческого мышления и культурной традиции, которые характерны для сер. XIX века.

Текст письма Достоевского стал известен широкому кругу читателей спустя 36 лет после его написания, благодаря первой публикации в журнале «Нива» № 4 за 1891 год. Подлинник письма хранится в Пушкинском Доме.¹

Письмо представляет собой ответ на почтовое отправление М. Исаевой, созданное Достоевским по пути в уездный город Кузнецк. Это его первое послание Исаевым из Семипалатинска, направленное после расставания с ними. К сожалению, письмо возлюбленной писателя, послужившее причиной для отклика, не сохранилось. Об этом сообщается в комментариях, опубликованных в 28 томе (часть I) собрания сочинений Достоевского в 30-ти томах: «Письма М.Д. Исаевой к Достоевскому неизвестны».²

В интересующем нас тексте Достоевского достаточно чётко ощущается её «присутствие», он ведёт активный диалог с Исаевой: «Вы пишете, как я провожу время, и что не знаете, как расположились без Вас часы мои», «Вы пишете, чтоб я жил с Врангелем, но я не хочу по многим важным причинам», «Ваше письмо, за которое благодарю Вас несчётно, было для меня радостью», «Как мне было жаль, что Вы хворали дорогой»³ и др.

В литературоведческой среде считается, что письмо, фактически адресованное М.Д. Исаевой,

на самом деле создавалось для обоих супругов – Марии Дмитриевны и Александра Ивановича. Об этом свидетельствует, использование Достоевским местоимения «вы» то во множественном (с маленькой буквы), то в единственном числе (с большой буквы).

Употребление «Вы»/«вы» возможно вызвано не только желанием писателя чётко разграничить адресатов, но и тайнописью интимного послания. Писатель в полной мере осознает: скорее всего, письмо будет прочитано не только Марией Дмитриевной лично, но и перечитано ею вслух мужу.

Чтение писем вслух, как акт культурного поведения и способ передачи информации, было характерно для сер. XIX века. Сам Достоевский сообщает в конце интересующего нас послания: «Письмо Ваше прочитывал Врангелю (местами, конечно)».⁴ При чтении вслух граница между «Вы» и «вы» стирается, письмо же сохраняет форму послания к обоим супругам.

Письмо к Исаевой – это сложное эпистолярное образование. Здесь и элементы бытовой переписки, и дневниковая авторская исповедь, и лирические отступления, ярким акцентом которых выступает художественная деталь, и эстетические (или культурологические) оценки людей и событий, и воспоминания, плавно перетекающие в белый стих.

Послание вмещает в себя неравнозначные по размеру и содержанию элементы, в диалоге которых угадывается полифоничность романов «Великого Пятикнижия», что позволяет назвать письмо от 4 июня 1855 г. переходной стадией письменного высказывания. Очевидно, мы имеем дело с феноменом, созданным Достоевским на грани эпистолярного документа и литературного произведения, точнее, его наброска.

Насильно лишённый на несколько лет возможности писать и читать, Достоевский использует письмо как некую экспериментальную площадку, где развиваются элементы бытового послания, личного дневника и литературно-художественного текста. Главная специфическая черта письма от 4 июня 1855 г. – это его высокая степень его «литературности». Выражается она через мышление Достоевского, характеризующее творческое писательское сознание в 50-ые годы XIX столетия.

Письмо к Исаевой не отличается строгостью внутреннего строения. Ведущую роль в образовании текста играет не только перечисление бытовых событий, напоминающее у Достоевского скучный отчёт, но и литературные приёмы: авторские ассоциации, воспоминания, лирические отступления, многочисленные повторы и неоднократные возвращения к определённым кругу тем, образов, мотивов и др.

Информационно-событийный пласт письма от 4 июня достаточно скуден: мы узнаем о прибытии генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта, ожиданиях приезда А.Е. Врангеля, о посещении Ф.М. Достоевским Казакова сада и старой квартиры Исаевых. Но перед нами богатый внутренний мир адресанта. Какой-либо факт перетекает у Достоевского в литературные размышления, порождает новые, вполне законченные истории, которые попутно обрастают мелочами – претендентами на статус художественной детали: «Как свежо я всё припомнил, придя теперь в сад. Там ничего не изменилось, и скамейка, на которой мы сидели, та же...», «Проводив вас до леса и расставшись с вами у той сосны (которую я заметил), мы возвратились с Врангелем рука в руку...», «Заходил на вашу квартиру, взял плющ (он теперь со мной), видел осиротелую Сурьку, бросившуюся ко мне со всех ног, но не отходящую от дому».⁵

Сложный, эмоционально напряженный внутренний мир Достоевского предстает в письме от 4 июня 1855 г. одновременно с развертыванием ключевой, всегда волновавшей литератора, эпистолярной темы.

Исследователи-достоевскоеды (А. Жид, Ким Джун Сок, Л.М. Розенблюм, Г.М. Фридендер и др.) неоднократно обращали внимание на то, насколько драматично складывались отношения писателя с созданием текстов в эпистолярном жанре. О «странном, непобедимом, невозможном отвращении писать письма»⁶ на склоне лет говорил и сам Достоевский. Но при всём этом именно письмо являлось той оптимальной формой, в которой органично существовало творческое сознание Достоевского.

Возможно предположить, что роман в письмах «Бедные люди» произвёл в литературной жизни настоящий фурор и сделал молодого автора в одночасье знаменитым. В «кузнецкий период» Достоевский определяет «Бедных людей» как роман-пророчество в личной судьбе. Об этом эпи-

столярном произведении он вспоминает в переписке с А.Е. Врангелем и сопоставляет себя и Марию Дмитриевну с созданными им в 1845 г. литературными персонажами – Макаром Девушкиным и Варенькой Доброселовой.

Достоевский будет возвращаться к письму как к важнейшей категории творческого сознания неоднократно. Например, «Преступлением и наказанием», он превратит бытовое послание матери Раскольникова в движущую силу романного сюжета.

Первый аспект развития эпистолярной темы связан у Достоевского с процессом создания самого письма. Сначала может показаться, что письмо от 4 июня – второе почтовое отправление Достоевского в Кузнецк, но, на самом деле, это не так: «Представьте себе: это уже второе письмо, что я пишу к Вам. Ещё к прошедшей почте был у меня приготовлен ответ на ваше доброе, душевное письмо, дорогая Марья Дмитриевна. Но оно не пошло. Александр Егорович, через которого я был намерен отдать его на почту, вдруг уехал в Змиев в прошлую субботу, так что я даже и не знал о его отъезде и узнал только в воскресенье. Человек его тоже исчез на два дня, и письмо осталось у меня в кармане. Какое горе! Пишу теперь, а ещё не знаю, отправится ли и это письмо».⁷

Мы имеем дело с переписыванием эпистолярного текста заново, с письмом, которое было откорректировано и представлено Достоевским в новой редакции, т.е. с письмом-двойником, значительно отличающимся от своего предшественника, прежде всего, по степени литературной обработки. Анализ почерка Достоевского в подлиннике письма от 4 июня 1855 г. – плавный, чёткий и разборчивый – подтверждает, что сохранившийся вариант не представляет собой беглую и лихорадочную фиксацию на бумаге. Это продуманный эстетический поступок, концентрирующий зрелые высказывания и оценки писателя, глубоко пережитые им впечатления.

Появление письма-двойника – сущностный момент в контексте изучения «кузнецкого периода» Достоевского. О подробностях взаимоотношений Достоевского и Исаевой мы узнаем именно из писем-двойников – писем к А.Е. Врангелю, другу писателя и поверенному в его чувства. Драматичная история Марии Дмитриевны позднее будет многократно воспроизведена Достоевским в письмах к друзьям и родственникам, у которых он будет просить материальной поддержки для спасения любимой женщины (А.Е. Врангелю, В.М. Карепиной, М.М. Достоевскому, Э.И. Тотлебену и др.). Целые текстовые пласты, освещающие перипетии жизни и судьбы семьи Исаевых, будут пронизывать переписку Достоевского 1855-1857 гг., а затем, воплощенные художественно, попадут на страницы «Униженных и оскорблённых», «Преступления и наказания», «Идиота», «Братьев Карамазовых»...

В «кузнецкий период» на уровне эпистолярного Достоевский сохраняет и удерживает в поле зрения ценную для него литературную тему «двойничества», обозначенную ещё в фантастической повести 1845 года. При этом он выходит на новый уровень её осмысления и впоследствии воплотит в многоуровневой системе взаимоотражений и перекличек персонажей-двойников, населяющих романы «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы».

Второй аспект развития эпистолярной темы в июньском письме 1855 г. связан с мотивом постоянного беспокойства адресанта. Сначала – за участь собственного творения, затем – за судьбу Марии Дмитриевны и её семьи.

Письмо к Исаевой демонстрирует одну из драматичных для писателя ситуаций: оно ещё не отправлено, оно так и осталось у него в кармане. Это усиливает тревогу. Он трижды упоминает А.Е. Врангеля, от которого зависит отправка письма: «Александр Егорович, через которого я был намерен отдать его на почту, вдруг уехал в Змиев»; «Александра Егоровича ещё нет. Но за ним послали нарочного», «Ах, кабы было с этой почтой; ходил справляться, но Александра Егоровича всё ещё нет».⁸

Волнение Достоевского за судьбу письма перерастает в тревогу за Исаеву: «Как-то Вы приехали в Кузнецк и, и чего, боже сохрани, не случилось ли с Вами чего дорогою?», «Только об Вас и думаю», «Я до сих пор не придумал, как Вы доехали!», «Я так беспокоюсь! Как-то Вы доехали».⁹ В крайних своих формах тревога приближает автора письма к состоянию нервного срыва: «Я до сих пор за Вас в ужаснейшем страхе. Сколько хлопот, сколько неизбежных неприятностей, хотя бы от одного перемещения, а тут ещё и болезнь, да как это вынести!», «Боже

мой! Да достойна ли Вас эта участь, эти хлопоты, эти дразги, Вас, которая может служить украшением всякого общества! Распроклятая судьба!».¹⁰

Беспокойство как лейтмотив письма подсвечивается целым спектром эмоционально-чувственных писательских переживаний. С получением следующего письма от М.Д. Исаевой соотносится напряжённое ожидание: «Жду с нетерпением Вашего письма», «Когда-то дождусь Вашего письма! Я так беспокоюсь!», «Пишите мне чаще и больше, пишите об Кузнецке, об новых людях, об себе как можно больше». ¹¹ Автор настолько напряжён, что на произнесённые им самим риторические вопросы готов дать ответы за своего собеседника: «Неужели разлука нас переменит? Нет, судя по тому, как мне тяжело без вас, моих милых друзей, я сужу и по силе моей привязанности». ¹²

Внутреннее беспокойство писателя выливается в бесцельное блуждание по уголкам Семипалатинска. Неслучайно Достоевский сопоставляет себя с Вечным Жидом – скитальцем, обречённом на пожизненное странничество в наказание за то, что отказался помочь Иисусу нести крест, с которым тот шёл на распятие. Таким образом, перед нами раскрывается третий аспект «литературности» письма от 4 июня 1855 г.: облик адресанта ассоциативно обогащается, выходит в сферы культурологи, религиозной философии, живописи, литературы (Шубарт, Гёте, Ленау, Жуковский, Эжен Сю и др.).

Несмотря на то, что послание в Кузнецк представляет собой более «зрелый», взвешенный и продуманный текст (письмо-двойник), оно не удовлетворяет Достоевского. Автор с сожалением отмечает, что передать с помощью него личные переживания и параллельно развивающиеся мысли невозможно: «Но довольно; этого не расскажешь, особенно на письме». ¹³ При этом текст письма для писателя рабочее пространство: здесь проходит постоянное обучение качеству письма, умению правильно высказываться в письменной форме. В письме, изначально ориентированном на чужое восприятие, литератор ищет адекватное его размышлениям слово, которое поймёт и правильно воспримет собеседник. Позднее, в марте 1878 г., эту же мысль Ф.М. Достоевский сформулирует в послании к В.В. Михайлову: «Сам люблю получать письма, но писать самому письма считаю почти невозможным и даже нелепым: я не умею положительно высказываться в письме. Напишешь иное письмо, и вдруг вам присылают мнение или возражение на такие мысли, будто бы мною в нём написанные, о которых я никогда и думать не мог». ¹⁴

В части поиска, понятного слова написание писем было для Достоевского «критерием трудности». ¹⁵ Каждый раз, создавая эпистолярное послание, он преодолевает «некий внутренний барьер, – боязнь, что слова исказят, упростят мысль и чувство». ¹⁶ Таким образом, в послекаторжный период эпистолярный становится обучающей площадкой для Достоевского-литератора. В его рамках апробируются новые принципы эстетики. Это четвёртый аспект проявления «литературности» в послании от 4 июня 1855 года.

Для Достоевского письмо – это поступок. С помощью эпистолярия он пытается решить разнообразные проблемы: бытовые, межличностные, внутренние, но, главное, – эстетические. В письмах писатель постигает новые принципы художественного творчества, пути и способы выражения мыслей и чувств, связывает с ними особые надежды. И, как правило, остаётся недовольным и неудовлетворенным поисками.

По Достоевскому, письменное сообщение несёт в себе изначальное проклятье, навеивает мысли о расставании и одиночестве: «Письмо потому уже проклятое, что напоминает разлуку, а мне всё её напоминает». ¹⁷ Противостоять этому может, пожалуй, качество писем, о котором всегда заботился писатель. Как тонкого психолога и мастера детали, Достоевского очень волнует не только качественный уровень собственного эпистолярного творчества, но и уровень переписки собеседника. В письме от 4 июня он предстаёт перед нами как внимательный, отзывчивый на чужое слово читатель и напрямую высказывает свои предпочтения и пожелания адресату: «Как мило Вы написали письмо, Марья Дмитриевна! Именно такого письма я желал; как можно больше подробностей, и вперёд так делайте». ¹⁸

Разговор о «литературности» кузнецкого письма Достоевского от 4 июня 1855 г. невозможно представить без обращения к авторским лирическим отступлениям. Эти художественные фрагменты, приближённые к белому стиху, органично вкраплены в бытовое повествование. Через них

раскрывается пятый аспект выявления «литературности» в эпистолярном тексте и передаётся драматичный, наполненный поэзией, внутренний мир писателя.

Лирические «острова» в эпистолярной ткани Достоевского достаточно разнообразны. Например: раздумья о своём внутреннем состоянии («Вы пишете, как я провожу время, и что не знаете, как расположились без Вас мои часы...»); размышления о роли женщины в послекаторжной жизни («Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной младенческой доброты, Вы были мне моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мне руку уже было целой эпохой в моей жизни»; эмоциональные переживания, вызванные нарушением привычного жизненного ритма («По вечерам, в сумерки, в те часы, когда, бывало, отправляюсь к вам, находит такая тоска, что, будь я слезлив, я бы плакал, а Вы верно бы надо мной не посмеялись за это»; воспоминания («Как вспомню прошлое лето»)).¹⁹

По стилю такие фрагменты перекликаются с «излияниями сердца» литературного персонажа Макара Девушкина, обнажают ранимую душу писателя, его переживания по поводу объекта любви, и в то же время мягким пунктиром выстраивают картину мира Достоевского в послекаторжный период, намечают доминантные черты новых художественных образов.

Прежде всего, это касается восприятия образа Марии Дмитриевны Исаевой. В письме от 4 июня 1855 г. Достоевский даёт любимой женщине особые характеристики, которые чрезвычайно важны и для осознания его собственного творческого развития.

Писатель видит образ Марии Дмитриевны в ореоле святости, братско-сестринской любви, преодоления смерти. Определения, которые он находит для объекта любви, привиты ему христианской православной традицией: «сердце удивительной младенческой доброты», «Вы были мне моя родная сестра», «родная сестра не была бы до меня и до моих недостатков добрее и мягче Вас», «женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта».²⁰ Над строками Достоевского будто витает знакомый образ Девы Марии, заступницы всех страждущих – олицетворение сострадания, милосердия и чистоты. Более того, этот образ имеет определённый извод, а именно – Богоматерь Одигитрия (Путеводительница): «Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни».²¹

Зафиксировав этот жест, Ф.М. Достоевский тем самым определяет не только значимость человека в реальной жизни и творческой судьбе (указующая верный путь), но и устанавливает ценность всему «кузнецкому периоду» (целая эпоха). Вербализованный Достоевским жест как будто предугадывает и дальнейшее развитие событий; это предчувствие новых встреч с Марией Дмитриевной и их венчание 6 февраля 1857 г. в Одигитриевской церкви города Кузнецка. Возможно предположить, что эти строки из письма Достоевского о женщине, указующей верный путь, станут впоследствии точкой отсчёта и для художественных воплощений женских образов, неотъемлемой частью которых, как убедительно показала Т.А. Касаткина,²² является словесная икона, в частности – лик Девы Марии.

Эмоционально подавленное состояние, вызванное отсутствием Исаевой, писатель сравнивает с сиротством: «Вот уже две недели, как я не знаю, куда деваться от грусти. Если б Вы знали, до какой степени осиротел я здесь один!».²³ Писатель сопоставляет этот тип одиночества с арестом и насильственным погребением в тюрьме в 1849 году. Соответственно, женщина, которой можно «излить своё сердце» в тяжёлую минуту, становится чудом, божественным даром, символом возрождения, воскресения к новой жизни: «На наше знакомство я никогда не смотрел, как на обыкновенное. А теперь, лишившись Вас, о многом догадался по опыту».²⁴

Таким образом, в письме к Исаевой от 4 июня 1855 г. мы встречаем не просто оценку человеческих качеств адресанта, а характеристики личности, оформленные Достоевским в культурологическом, литературно-художественном, религиозно-символическом ключе, в соответствии с принципами новой эстетики. Это шестой аспект проявления «литературности» в эпистолярном тексте.

Ещё один из способов представления авторского творческого сознания – включение литературного рассказа в эпистолярный. Этот аспект завершает разговор о «литературности» письма Достоевского от 4 июня. В тексте мы встречаем две короткие, намеченные штрихами, но вполне законченные истории. Первая – повествование Достоевского о том, какой разговор состоялся у Врангеля с семипалатинцами по поводу Марии Дмитриевны. Эта история звучит как слово под-

держки адресату, причём одновременно с двух сторон – от автора письма и от его друга Врангеля, человека, «который бесспорно видал женщин самого лучшего общества» и имеет авторитет.²⁵ Вторая история – пересказ отрывка из предыдущего письма Исаевой о родственнице её супруга Александра Ивановича, «негодной старухе» «с моськами»²⁶ и деньгами, в обмен на завещание планирующей поселиться в семье.

В мини-рассказы, возникающие у Достоевского «к слову»,²⁷ включены элементы стиля художественной литературы: небольшой диалог, который ведёт Врангель с персонажами, олицетворяющими круг провинциальных обывателей (Пётр Михайлович Пешехонов, «тут были кое-кто»);²⁸ цитаты (например, достаточно развернутая цитата Врангеля, представляющая собой комплимент Исаевой); положительная оценка истории со стороны Достоевского, замыкающая её в композиционное кольцо; использование юмора.

Письмо к М.Д. Исаевой как единственный и уникальный в своём роде источник изучения интимной переписки Достоевского в «кузнецкий период» свидетельствует о начале второго литературного рождения автора. Он ищет адекватное новому мироощущению слово, формирует оригинальный авторский стиль, вплотную приближаясь к художественному миру романов «Великого Пятикнижия».

2013

Примечания:

¹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф.93. О.2. Д.81. Лл.12-13

² 97. М.Д. Исаевой (стр.186): примечания и комментарии к письму Ф. М. Достоевского от 4 июня 1855 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – Л, 1985. – Т.28-1. Письма. – С. 461.

³ 97. М.Д. Исаевой. 4 июня, 1855. Семипалатинск. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – Л, 1985. – Т.28-1. Письма. – С. 186-189.

⁴⁻⁵ Там же. – С.189

⁶ 732. В. В. Михайлову. 16 марта, 1878. Петербург. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – Л, 1988. – Т.30-1. Письма. – С. 11.

⁷⁻¹³ 97. М.Д. Исаевой. 4 июня, 1855. Семипалатинск. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – Л, 1985. – Т.28-1. Письма. – С. 186-189.

¹⁴ 732. В.В. Михайлову. 16 марта, 1878. Петербург. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – Л, 1988. – Т.30-1. Письма. – С. 11.

¹⁵⁻¹⁶ Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. – М, 1981. – 368 с.; Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М, 1995. – 620 с.

¹⁷⁻²¹ 97. М.Д. Исаевой. 4 июня, 1855. Семипалатинск. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – Л, 1985. – Т.28-1. Письма. – С. 186-189.

²² Касаткина Т.А. Прототип словесных икон в романах Достоевского. // Достоевский и мировая культура. – М., 1999. – № 12 – С. 18 – 28; Касаткина Т.А. Об одном свойстве эпизодов пяти великих романов Достоевского: «Преступление и наказание». «Бесы». «Идиот». «Братья Карамазовы». «Подросток». // Достоевский в конце XX в. – М., 1996. – С. 67-136.

²³⁻²⁸ 97. М.Д. Исаевой. 4 июня, 1855. Семипалатинск. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – Л, 1985. – Т.28-1. Письма. – С. 186-189.

А.П. Шекшеев,
г. Абакан, Республика Хакасия

**Александр Петрович Спундэ:
штрихи к портрету революционера, государственного деятеля и человека**

Человеком, известным в истории советского государства, являлся Александр Петрович Спундэ. В.И. Ленин характеризовал его как «человека честного и неглупого».¹ Биографические сведения о нём содержатся во многих справочно-информационных, пропагандистских, биографических и научных изданиях, в воспоминаниях, а также в энциклопедических трудах.² Однако это была настолько неординарная личность, к тому же имеющая прямое отношение к событиям революции и становления Советской власти в Красноярье, что она заслуживает обстоятельного рассказа, попытку которого мы и начинаем этим сообщением.

Родился Александр Петтович (Петрович) Спундэ 7 (20) мая 1892 г. в латышской семье столяра-рабочего Русско-Балтийского вагоностроительного завода, проживавшей в г. Вендене или Цесисе Лифляндской губернии (ныне Латвия). Окончил в объёме неполной средней школы Рижскую городскую торговую школу (1907 г.) и частные вечерние общеобразовательные курсы. Знал, кроме латышского и русского, немецкий и английский языки. Трудовую деятельность он начал в 1908 г. учеником в конторе Рижского Общества торговых складов, затем был управляющим книжным складом, помощником присяжного поверенного, конторщиком на железнодорожной станции и рабочим оптического завода. Активно занимаясь нелегальной пропагандистской деятельностью в ученических кружках, Спундэ с 1909 г. под кличкой «Утро» состоял членом ячейки 4-го района Рижской организации Латышской социал-демократической рабочей партии. 9 января 1912 г. он участвовал в антиправительственной демонстрации. Во время её разгона полицией от удара шашкой получил ранение головы, был арестован и провёл два месяца заключения в полицейском участке. В июне того же года Спундэ вновь подвергли задержанию, а 24 января 1913 г. заседавшая в Риге Санкт-Петербургская палата приговорила его за членство в РСДРП(б) Латышского края к ссылке в Сибирь, на поселение в Енисейскую губернию.

Сначала Спундэ был доставлен и проживал в с. Агинском Красноярского уезда. Зимой 1913-1914 г. он перебрался в г. Минусинск, пополнив местную большевистскую ссылку, состоявшую тогда из Ватина и Голубкова. В августе 1914 г. его выслали в с. Бея Минусинского уезда. Проезжая через с. Шушенское, Спундэ встречался с местным ссыльнопоселенцем эсером Карцевым, которого в 1921 г. расстреляли большевики. В с. Бея Спундэ работал в кредитной кооперации. Оттуда его в марте 1915 г. отправили на север, в г. Енисейск, где он общался с большевиками Гавеном, Перенсоном, Румбой, а также с бывшими депутатами 4-й Государственной думы. Жить приходилось на незначительные средства, в основном получаемые из дома и от товарищей. Ослабев от недоедания, Спундэ осенью 1915 г. вновь перебрался в г. Минусинск. Здесь тогда в ссылке находились видные меньшевики, эсеры и большевики Ватин, Голубков, Гавен, Вейнбаум, Педаяс и Бруно. Влившись в их группу, Спундэ занимался распространением прокламаций, большевистской агитацией в небольшой партийной группе или кружке, созданном ещё летом 1916 г. среди солдат, выступал на уездном съезде кооперации. На жизнь он зарабатывал службой конторщиком в Сибирской торговой компании, бухгалтером-счетоводом в местном отделении Русско-Азиатского банка.

С известием о Февральской революции 1917 г. большевики усилили пропагандистскую работу среди рядового состава Минусинского гарнизона. Проникая в казармы, Спундэ, Гавен и другие быстро находили общий язык с солдатами. Несмотря на запрет начальника воинской команды капитана Шашина, в общем-то либерально относившегося к ссыльным, участвовать в выборных кампаниях, военнотружущие, распропагандированные большевиками, избрали солдатский комитет, а Шашина вскоре арестовали и выслали из Минусинска. Подверглись аресту и все бывшие полицейские и жандармы. При организации 3 (16) марта в Минусинске Комитета общественной безопасности (КОБа) Спундэ был избран в его состав представителем от большевиков. Но в работе комитета, судя по протоколам его заседания, он не участвовал, вскоре покинул Минусинск и уехал в Петроград.³

По заданию ЦК РСДРП(б) Спундэ был направлен на Урал налаживать деятельность местных большевистских организаций. 14 апреля 1917 г. он участвовал в работе Первой Уральской областной конференции РСДРП. В конце мая – начале июня его избрали председателем Пермского горкома и членом Пермского обкома партии. Во время июньских событий 1917 г., когда большевики пытались взять власть в Петрограде, Спундэ принимал активное участие в организации рабочих демонстраций на Урале. Но состоявшаяся 25 июня по инициативе Пермского комитета РСДРП(б) и Мотовилихинского Совета рабочих и солдатских депутатов демонстрация властями, которым помогали эсеры и меньшевики из Пермского Совета, не позволившие большевикам вести агитацию в казармах, была разогнана. Некоторые из демонстрантов, в т.ч. и Спундэ, были арестованы и избиты. События в Перми обсуждались 30 июня 1917 г. на заседании Уральского областного комитета большевиков и 2 июля на их Екатеринбургской общегородской конференции, которые вынесли резолюции протеста и наметили меры по борьбе с контрреволюцией.⁴ Поработав разъездным инструктором в Екатеринбурге, Спундэ в середине июля был избран чле-

ном Уральского обкома партии большевиков, а в августе – гласным Пермской городской думы.

Во время октябрьских событий 1917 г. Спундэ находился в Петрограде в качестве делегата и члена бюро большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов, провозгласившего Советскую власть, но окончательно расколовшего революционный лагерь. Как вспоминал он происходившее на съезде, «было внутренне тяжело видеть, что люди, бывшие ещё недавно нашими товарищами в борьбе с царизмом, уходят из блещущего огнями Смольного в тёмный, скупо освещённый город».⁵

Затем от Вятской большевистской организации Спундэ был избран членом Всероссийского Учредительного собрания, а 2 января 1918 г. назначен комиссаром Госбанка «на правах товарища управляющего» и введён в состав Наркомата финансов и Совнаркома РСФСР. Так он стал одним из организаторов финансовой системы советского государства.

Но уже 24 февраля ЦК РСДРП(б) обсуждал заявление шести видных большевиков, в т.ч. и Спундэ, решивших в связи с подготовкой подписания Брестского мира оставить занимаемые посты в Совнаркоме. По предложению В.И. Ленина, ЦК просил их из-за сложности политической обстановки и до возвращения советской делегации из Бреста отсрочить своё заявление или пересмотреть это решение.⁶ Накануне своего отъезда на Украину нарком Г.Л. Пятаков возложил на Спундэ обязанности Главного комиссара Народного Банка РСФСР. Поэтому с переездом в Москву, он в марте – июне того же года служил уже в этой должности.

В июле 1918 г. Спундэ в очередной раз был направлен в Пермь, где работал в качестве члена Уральского облсовета и обкома РКП(б). Здесь он содействовал, к примеру, награждению орденом Красного знамени В.К. Блюхера. Отвечая на запрос В.И. Ленина о нём, Спундэ писал: *«Буквально во всех случаях его стратегические планы на поверку оказывались абсолютно удачными. Например, он точно предугадал путь отступления Дутова, и, если бы не своевольничанье одного из уфимских отрядов, Дутов сейчас был бы кончен. Поэтому Уральский областной комитет РКП (и, конечно, Совет тоже)... настаивают на том, чтобы Блюхер с его отрядами был бы отмечен высшей наградой, какая у нас существует, ибо это небывалый у нас случай».* 28 сентября 1918 г. Президиум ВЦИК постановил: *«Первым по времени знак отличия присудить тов. Блюхеру».*⁷

После встречи в Москве и соответствующей беседы с Лениным Спундэ в октябре 1918 г. отбыл в Вену уполномоченным в составе специальной миссии по заключению перемирия с Австро-Венгрией и выработке дополнительных пунктов к Брест-Литовскому договору между нею и Россией. Но в Вене началась ноябрьская революция, и власти её отказались принять советскую миссию. Приехав в январе 1919 г. в Харьков, Спундэ в качестве представителя правительства РСФСР при Совдепе солдат 1-го германского армейского корпуса работал по советизации немецкого гарнизона, занимался организацией вывода германских оккупационных войск с Украины и сопровождением эшелонов солдат, следующих в Германию.

Вернувшись в Москву, Спундэ с мая 1919 г. работал заместителем заведующего финансово-экономического отдела ВСНХ. Однако большевистское руководство в это время уже находилось в ожидании предстоящей встречи с Сибирью. Причём ожидало её, как писал один из историков, с надеждой и тревогой. С надеждой, ибо намеревалось использовать её богатые людские и продовольственные ресурсы в интересах укрепления Советской власти. С тревогой, поскольку Сибирь изначально не внушала большевикам доверия.⁸

Поэтому ЦК РКП(б) в конце августа 1919 г. командировал Спундэ в составе группы коммунистов в освобождённые от колчаковщины районы Урала и Сибири для восстановления партийно-советских органов. 23 сентября он назначается заведующим инструкторско-информационного отдела Сибревкома. 27 октября Спундэ был избран членом Сибирского областного оргбюро РКП(б), председателем Челябинского губернского организационного бюро партии. В Омске 17 ноября 1919 г. ревком образовал из числа коммунистов организационное бюро, которому было поручено воссоздать временный городской комитет партии. Объединённый горком во главе со Спундэ приступил к работе 26 ноября, а в середине декабря его избрали председателем Омского губбюро РКП(б). С 3 декабря 1919 г. по 8 апреля 1920 г. он состоял членом Сибирского областного бюро РКП(б).

Одновременно в период с 15 января по 6 сентября 1920 г. Спундэ являлся председателем Ени-

сейского губернского ревкома. С 19 апреля и до лета того же года он возглавлял в качестве председателя Енисейское губернское организационное бюро, а до сентября – Енисейский губернский комитет РКП(б). Тем самым он был лицом, ответственным перед партией и Советской властью за всё, что имело место на территории региона. Но прежде всего Спундэ отвечал за организационно-мобилизующую деятельность ревкомов, которая была направлена на обеспечение всем необходимым части Красной армии, партизан и городское население.

Будучи к тому времени человеком семейным, любящим свою жену и соратницу Анну Григорьевну Кравченко, Александр Петрович 1 февраля 1920 г. писал ей о сложившейся ситуации в Красноярске и своих переживаниях: *«Первые дни было очень тяжело нравственно: боялся не справиться с громадностью задач – безлюдье совершенно исключительное, объективные условия работы хуже, чем где бы то ни было, начиная с Челябинска. Но теперь я уверен, что работу налажу и даже довольно скоро. Это даёт очень много сил... Здесь сильно буянят партизаны, но надемся и их привести в «православную веру...».*⁹ Посетив в феврале 1920 г. Минусинский уезд, ранее неблагоприятный в отношении общественного спокойствия, он с удовлетворением констатировал, что у местного крестьянства слово «ревком» начинает становиться популярным как «символ порядка».¹⁰

Но вскоре ситуация в Красноярске ещё более обострилась в связи с начавшимся конфликтом во взаимоотношениях партийно-советских органов и чекистов. Согласно объяснению Сибревкома о том, что контроль над чекистскими органами принадлежит партийным комитетам, местные коммунисты делегировали Спундэ одним из своих представителей в чека. Участвуя в заседаниях её Коллегии, он не смог согласиться с применяемым чекистами террором, который они объясняли множеством «раскрытых заговоров». Приговоры к смертной казни, даже по мнению некоторых из них, были излишне суровыми и безосновательными. В то же время руководство губернской чека лишило партийный комитет возможности влиять на внутреннюю жизнь своего коллектива. Требования его к губревкому сопровождались грубостью и хулиганскими выходками. Последней акцией чека, непосредственно вызвавшей столкновение Спундэ и её председателя В.И. Вильгрубе, стало неподчинение последнего решению партийно-советского руководства и применение расстрела к 16 осуждённым, вина которых в основном была незначительной или надуманной.

На состоявшемся в начале июня 1920 г. заседании губбюро РКП(б) руководители губернской чека, обвинённые в несоответствии занимаемым должностям и в злоупотреблении служебным положением, были отстранены от работы. Данное решение красноярских коммунистов вызвало протестную реакцию со стороны главного чекиста Сибири И.П. Павлуновского. Однако Спундэ в этом вопросе проявил принципиальность, а прибывший в Красноярск представитель Сибревкома утвердил решение местной власти. Объединённое заседание губернских ответственных работников, выразив доверие Спундэ, постановило арестовать чекистских руководителей.

Вместе с тем красноярских «победителей», создавших комиссию по ревизии чека, вскоре ждало разочарование. Рассмотрев материалы этого дела, Сиббюро ЦК РКП(б) 29 июля 1920 г. сообщило Енисейскому губернскому партийному комитету, что оснований для ареста и суда чекистских руководителей оно не обнаружило. Но ввиду того, что они скомпрометировали себя, Сиббюро просило ЦК РКП(б) и Президиум ВЧК ответственных постов им не давать.¹¹

Спундэ находился среди руководителей губернских партийных организаций, обсуждавших на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 30 июля 1920 г. порядок подавления вооружённых восстаний. На нём было решено для руководства антикрестьянскими акциями организовать в губерниях и уездах специальные тройки, состоявшие из председателей ревкома, чека и военкомов, а для изживания «партизанщины» всячески втягивать бывших партизан в советскую работу.¹²

По отношению к Сибири советское государство проводило жёсткий политический курс. Его доминантой стало создание построенного на принципах централизма мощного и всеобъемлющего государственного аппарата, способного утвердить Советскую власть в регионе, закрепить его за РСФСР и обеспечить безусловное подчинение местных интересов общегосударственным. Весной 1920 г. завершилось формирование Сибревкома как областного органа военного и гражданского управления, наделённого чрезвычайными полномочиями. Появление этой государственной надстройки осложнило отношения сибирских губернских аппаратов с московскими

наркоматами. 21 марта Спундэ пишет жене: «...Вообще у нас – и у военных, и у гражданских товарищей – создалось очень тяжёлое впечатление от того бюрократизма, который даже здесь чувствуется, и сильно, от работы Сибревкома. Пустяковые бумажные приказы, но ни одного живого указания, ни одной живой мысли, больше того, ни одного ответа на деловые запросы... Пока обходимся просто без центра. Мы его совершенно не чувствуем... Никогда не успеваешь всего переделать. Такой ответственности я на себе ещё никогда не чувствовал...».¹³ Вскоре властям был предоставлен доклад Енисейского губбюро РКП(б) с предложением ликвидации Сибревкома за ненадобностью.

К осени 1920 г. ревкомы, выполнив свою задачу, были заменены выборными советскими органами. Традиционно сильными являлись настроения упразднить и Сибревком, наблюдавшиеся среди красноярских коммунистов. Руководители Енисейской губернской парторганизации и, в частности, Спундэ настаивали на включение в повестку дня 2-го Сибирского совещания РКП(б), состоявшегося в конце июля – начале августа 1920 г., включение вопросов об отношении к Сибревкому и его военному отделу. Но Сиббюро ЦК РКП(б) удалось заблокировать инициативу енисейцев.¹⁴

Ещё раньше, в конце марта – начале апреля, Спундэ, обращаясь вновь к жене, сообщал о «проделанной громадной работе». И далее он заключал: ««Уверенно могу сказать, что немногие сделали бы столько же, а больше вряд ли кто-нибудь. Главное, что удалось здесь создать – это удивительно простую товарищескую атмосферу, соединённую с повышенной дисциплиной... Отсюда меня без скандала не отпустят»,¹⁵ – с некоторой гордостью писал этот человек.

Однако Спундэ ошибался: инцидент с чекистами был замят, выступление его против «Сибов» не было поддержано. 15 августа 1920 г. он, сославшись на «измотанность», сообщил членам президиума Енисейского губкома партии о сложении с себя председательских обязанностей.¹⁶ Отчаянная просьба, поданная окружному военному комиссару Восточной Сибири А.И. Окулову 27 августа о направлении на фронт, осталась неудовлетворённой. Он был отозван Сиббюро ЦК РКП(б) и уехал в Москву, а в октябре того же года направлен в Ростов работать секретарем Донского обкома партии. Сибревком же, против существования которого он выступал, согласно положению, утверждённому Совнаркомом 12 октября 1920 г., был наделён статусом высшего и полномочного представителя центральных ведомств Советской власти в Сибири.

В Поволжье начинался голод и власть использовала Спундэ в борьбе с ним. 25 ноября 1920 г. В.И. Ленин подписал удостоверение уполномоченного ВЦИК и Наркомпрода РСФСР, с которым тот и отправился в Калужскую губернию для организации помощи голодающим. Проработав здесь в качестве председателя губернского продсовещания до июня 1921 г., Спундэ целый год затем был председателем исполкома Вятского губернского Совета и членом бюро губкома партии. Пытаясь облегчить положение крестьянства, находившегося в тисках хлебозаготовительной политики государства, Спундэ 27 декабря 1921 г. обращался со своими соображениями к В.И. Ленину. В то же время он руководил комиссией в Вятке, занимающейся изъятием церковных ценностей.

С июня 1922 г. Спундэ уже работал на новом посту – управляющим Всеукраинской конторой или Украинским отделением Государственного Банка СССР в Харькове. Осуществляемое тогда преследование «левых коммунистов» он избежал, т.к. из-за старой травмы с июля 1923 г. находился на излечении в Дрездене. Вернувшись в октябре того же года в Москву, он в условиях начинающейся борьбы за власть в партии был командирован в Ташкент для разъяснения местным коммунистам ситуации вокруг Л.Б. Троцкого. В январе 1924 г. Спундэ стоял в почётном карауле у гроба В.И. Ленина.

В феврале того же года Спундэ командировали в Читу, где его избрали членом Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). Затем он в этом качестве короткое время работал вновь в Красноярске, Новониколаевске. В 1925-1926 гг. Спундэ был ещё и членом правлений Всероссийских Союза сельскохозяйственных кооперативов, Коммунального Банка и вплоть до 1930-х гг. – заместителем председателя Правления Государственного Банка, начальником валютного управления Наркомфина, членом коллегий Наркомата финансов и Наркомата путей сообщения СССР, а также членом ЦИК СССР и Совета Труда и Оборона. Находясь на таких должностях, он принимал деятельное участие в разработке первого пятилетнего плана. Являясь с 1930 г. начальником международного

отдела Наркомата путей сообщения, Спундэ летом 1931 г. выезжал в Корею, Японию и Китай. Он председательствовал на проходившей в Токио VII Европейско-Азиатской международной конференции железнодорожников, обсуждавшей тарифы перевозок по Транссибирской магистрали.

Провалы и неудачи экономической политики ВКП(б) в нач. 1930-х гг. вынудили партийное руководство переложить вину за срывы темпов индустриализации и коллективизации на «врагов» из числа «классовых» врагов. В стране были произведены аресты, захватившие и финансистов. Среди данных лиц упоминался и Спундэ.¹⁷

Спундэ был делегатом VIII (1919 г.) и XI (1922) съездов РКП(б), II (1917), X (1922), XI (1924) Всероссийских съездов советов, I съезда советов СССР (1922) и XIV Всесоюзной партконференции (1925). Он занимался переводами трудов К. Маркса в Институте Маркса и Энгельса (ИМЭ), был одним из инициаторов создания Большой Советской энциклопедии, начавшей выходить с 1926 г. В 1924-1940 гг. Спундэ написал рецензии на роман С.Г. Адамса «Разгул», воспоминания В.Г. Яковенко «Записки партизана» и на книгу К. Гидлевского, М. Сафьянова и К. Трегубенкова «Минусинская коммуна». Александр Петрович находился в переписке с такими видными деятелями и ветеранами партии и государства как В.Д. Бонч-Бруевич, В.В. Косиор, Н.Н. Крестинский, К.А. Липинская, Г.К. Орджоникидзе, Я.Э. Рудзутак, А.И. Рыков, И.В. Сталин, Е.Д. Стасова и др.

В 1931 г. Спундэ ушёл от политической деятельности и был по болезни отправлен на персональную пенсию, что и спасло его, старого большевика, обречённого в дальнейшем на гибель, от ареста. Но в 1937 или в 1938 г. он все же был исключен из ВКП(б). Его обвиняли не только в «левом коммунизме», явлении заметном в партии большевиков в 1918 г., но и в отсутствии критики в адрес своих товарищей, в сокрытии недостатков, имевших место в работе Госбанка в 1928 г., в противопоставлении Ленина Сталину и личной дружбе с Н.И. Бухариным и другими «врагами народа».

После этого его семья обращалась к А.Я. Вышинскому и И.В. Сталину с просьбой предотвратить их выселение из квартиры в Доме на Набережной и, вероятно, была её лишена. Сам же он, проживая ещё с 1930-х гг. в г. Кирове работал мелким конторщиком в торговле. Судя по просьбам торговых работников в НКВД о его восстановлении на работе и выдаче пропуска на въезд в Москву, пожилого человека лишали и этого заработка и не разрешали посещать столицу. Ещё одно время Спундэ служил кассиром Коминтерновского отделения Госбанка в Москве.

К этому времени Спундэ пережил и смену своего мировоззрения. Ранее он отчётливо представлял всю сложность победы пролетарской революции в отсталой крестьянской стране, но был уверен в возможности союза пролетариата с крестьянством и привлечения на свою сторону абсолютного большинства населения страны. Столь же реальной в случае победы в России представлялась ему и поддержка европейского пролетариата. Во время борьбы с оппозицией в партии Спундэ неизменно выступал защитником её «генеральной линии». Но ещё в 1920-е гг. он с возрастающим беспокойством вглядывался в процессы экономического развития страны в условиях, когда она уже не могла рассчитывать на мировую революцию. После глубоких раздумий он становится на точку зрения, которую в 1921-1923 гг. в разных формах настойчиво отстаивал Ленин, об одержании победы медленным, постепенным, но неуклонным развитием.

Конституционная кампания, проводимая в непосредственной преддверии большого террора, явилась одним из наиболее успешных политических маневров сталинского руководства. Множество советских людей стали возлагать надежду на гуманизацию политического режима. Но Спундэ за этим демократическим фасадом разглядел, что законодательное закрепление всевластия партии означало лишение советов даже формальной юридической самостоятельности. Чёткое понимание этого и неприятие сталинского «социализма» ветеранами большевистской партии видно из письма, написанного им жене в 1943 г. *«Почему большевики, борцы и организаторы дававшего людям исключительный простор Советского государства, – спрашивал он, – ... сначала надломили Советы, передав в 1934 году официальную власть из рук Советов в руки парткомов, а затем конституцией 1936 года совсем убили Советскую власть...?»*. Принципы социализма, «замышляемые всем большевистским коллективом», как широчайший расцвет человеческой самодеятельности и инициативы, оказались, по его мнению, растоптаны «давящим гнѐтом госаппарата».

С перерождением партии Спундэ стал противником установившегося режима и не предпри-

нимал никаких шагов для своего восстановления в ней. Когда же Московский комитет ВКП(б), которому было поручено подготовить список коммунистов, исключённых из партии во время довоенных чисток, предложил Спундэ вернуться в её ряды, он согласился, но потом неоднократно сожалел об этом поступке. Правда, Сталин лично вычеркнул его фамилию из списка, заявив: «Пусть поступает вновь в общем порядке». Восстановили Спундэ в партии лишь в 1957 г.

Все годы нахождения на пенсии Спундэ посвятил изучению экономической истории СССР и истории Коммунистической партии. Внутренняя необходимость понять происходящее и его последствия привела его к работе над большим экономическим исследованием, частью которого стали «Очерки экономической истории русской буржуазии», написанные в 1948-1951 гг. Полный текст «Очерков» (около 200 стр. машинописи) хранится в архиве Института российской истории РАН. Небольшие разделы рукописи публиковались, например, в качестве статьи автора под названием «Очерк экономической истории русской буржуазии» (Наука и жизнь. 1988. № 1) или разошлись по разным изданиям. В этом труде Спундэ, исследуя, пришел к выводу о реакционности реформ Петра I и Ивана Грозного, заключающихся в усилении «вертикали власти».

Послепетровское «варварство» было, по его мнению, обусловлено изначально неэффективностью «крепостной фабрики», созданной Петром для решения «непосредственной узкозлободневной задачи преодоления военной слабости России». Прямое повторение петровских реформ автор увидел в сталинской индустриализации. Общим для всех российских модернизаций был, писал в заключении Спундэ, их насильственный характер, на фоне повышения степени централизации национальной экономики. Для всех реформ был характерен сначала резкий рост, а затем столь же резкое отставание от всех без исключения стран Запада. Так старый большевик ещё на рубеже 1940-1950-х гг. в одной из своих тайных рукописей предсказал случившуюся кончину советской экономики.

Умер А.П. Спундэ 19 сентября 1962 года. Собравшись в Государственном музее революции СССР, оставшиеся к тому времени в живых, ветераны Коммунистической партии, почтили его память заседанием.

2011

Примечания:

¹ Само прошедшее, как оно было... Переписка Анны Кравченко и Александра Спундэ. – М., 1990. – С. 3.

² См., например: Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. – М.: Изд-во Общества политкаторжан, 1930. – С. 608; Бойцы революции. – Красноярск, 1982. – С. 217-220; Борцы революции: Биобиблиографический указатель. – Красноярск, 1990. – С. 144-145; Енисейский энциклопедический словарь (ЕЭС). – Красноярск, 1998. – С. 583; Историческая энциклопедия Сибири (ИЭС). – Новосибирск, 2009. – С. 169-179; и др.

³ Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова (ФМРКМ). О.4. Д.153. Л.2, 13, 25, 30, 38, 42; <http://www.gramotey.com/>.

⁴ <http://www.kommynist.ru/>.

⁵ http://www.enoth.narod.ru/enc/3/7_34.html.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 387-388.

⁷ Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 2000. – http://oldhat.ru/symbol_2/15_1.htm.

⁸ Шишкин В.И. Москва – Сибирь: история взаимоотношений (1917 – 1930 гг.) // История Сибири: человек, общество, государство. – Новосибирск, 1995. – С. 54.

⁹ Само прошедшее, как оно было... – С. 108.

¹⁰ Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. Ноябрь 1919 – март 1921 г. – Новосибирск, 1985. – С. 30.

¹¹ Более подробно см.: Шекшеев А.П. Органы ВЧК на территории Енисейской губернии // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. – Вып. VI. – Абакан, 2002. – С. 113-116.

¹² Шишкин В.И. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 г. – Новосибирск, 1997. – С. 45-46.

¹³ Само прошедшее, как оно было... – С. 111.

¹⁴ Шишкин В.И. Москва – Сибирь. – С. 60.

¹⁵ Само прошедшее, как оно было... – С.113.

¹⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П.-1. О.2. Д.21. Л.1.

¹⁷ Соколов А.С. Денежное обращение СССР в 1930 – 1937 гг.: советский рубль в условиях плановой экономики. – <http://www.nauteh-journal.ru/>.

Список сокращений

АААКК – Архив агентства администрации Красноярского края
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
(ведомственный архив Министерства иностранных дел Российской Федерации)
АН – Академия наук
АГМ (он же МФГАК, МУ АГМ, МГА), – Архив г. Минусинска (Минусинский филиал Государственного архива Красноярского края, Муниципальное учреждение «Архив города Минусинска»)
АМЗТП – Архив музея-заповедника «Томская Писаница»
АМКМ (он же АММ, ФМРКМ) – Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова
АМОЕР – Архив муниципального образования Ермаковский район
АО АКР – Архивный отдел администрации Курагинского района
АРУ ФСБ – Архив регионального управления ФСБ по Красноярскому краю
БРЭМ – Бюро по делам Российских Эмигрантов в Маньчжурской империи
ВГИК – Всероссийский государственный институт культуры
ВППШ – высшая партийная школа
ВЧК – Всесоюзная чрезвычайная комиссия
ВРК – Военно-революционный комитет
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского округа
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАХК – Государственный архив Хабаровского края
ГАНИИО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАРХ (он же ГУРХ НАРХ) – Государственный архив Республики Хакасия
ГВК (РВК) – Горвоенкомат (райвоенкомат)
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДГМ – Дивногорский городской музей
ИРГО – Иркутское русское географическое общество
ИРКИСВА – Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии (в археологическом, историческом, лингвистическом этнографическом отношениях)
КГТЭИ – Красноярский государственный торгово-экономический институт
ККИМК – Красноярский культурно-исторический музейный комплекс
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
ККУК – Красноярское краевое училище культуры
КузГПА – Кузнецкая государственная педагогическая академия
КФЭК – Красноярский финансово-экономический колледж
МКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова
МУК, МБУК – Муниципальное учреждение культуры, Муниципальное бюджетное учреждение культуры
ООШ – Общая образовательная школа
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи
ПФ ИВ РАН – Петербургский филиал Институт Востоковедения Российской академии наук
РАН – Российская академия наук
РГВА – Российский государственный военный архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГО – Российское географическое общество
РГСУ – Российский государственный социальный университет
РМАТ (Новокузнецк) – Новокузнецкий филиал Российской филиал Международной академии туризма
РСДРП(б), (м) – Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков, меньшевиков
СА – Советская археология
СГТУ – Сибирский государственный технологический университет
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук
СОШ – Средняя общеобразовательная школа
ТГПУ – Томский государственный педагогический университет
ЦБС – Центральная библиотечная система
ЦГА РТ – Центральный государственный архив Республики Тува
ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ЦХДНИ КК – Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края

СПИСОК АВТОРОВ

- 1. Ануфриева Елизавета Игоревна**, студентка, 4 курс, Государственный педагогический университет им В.П. Астафьева, г. Красноярск
- 2. Артамонова Надежда Яковлевна**, д.и.н., Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
- 3. Базыр Лидия Канн-ооловна**, музейный педагог, Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл
- 4. Байкалова Евгения Владимировна** мл. научный сотрудник, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова, г. Абакан
- 5. Березовский Александр Яковлевич**, краевед, пос. Шира, Республика Хакасия
- 6. Борисова Алла Павловна**, краевед, г. Красноярск
- 7. Бурцева Елена Викторовна**, зав. отделом редких книг и книговедения, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, г. Красноярск
- 8. Верещагина Татьяна Евгеньевна**, директор, Краеведческий музей имени Сафьяновых – филиала Национального музея имени Алдан – Маадыр Республики Тыва, г. Туран
- 9. Гаврилова Наталья Игоревна**, к.и.н., ст. научный сотрудник, Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова, г. Иркутск
- 10. Голованенко Наталья Александровна**, зам. директора, Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск
- 11. Горбачёва Светлана Иосифовна**, учёный секретарь, Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск
- 12. Гудкина Зоя Николаевна**, руководитель музея, Гимназия №10, г. Красноярск
- 13. Гусева Галина Дмитриевна**, директор, Центральная библиотечная система, г. Минусинск
- 14. Дитковская Ксения Дмитриевна**, студентка, 4 курс, Государственный педагогический университет им В.П. Астафьева, г. Красноярск
- 15. Дорохина Александра Александровна**, студентка, 4 курс, Государственный педагогический университет им В.П. Астафьева, г. Красноярск
- 16. Дыртык-оол Анна Оюновна**, к.и.н., зам. директора по научной работе, Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл
- 17. Ермилова Валентина Васильевна**, научный сотрудник, региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск
- 18. Ермолаева Людмила Николаевна**, директор, Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск
- 19. Заиченко Наталья Сергеевна**, зав. сектором учёта, Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, г. Новокузнецк
- 20. Зверева Любовь Яковлевна**, краевед, с. Ермаковское, Ермаковской район
- 21. Злобин Михаил Васильевич**, краевед, клуб «Краевед», г. Минусинск
- 22. Калюга Антонина Евгеньевна**, начальник, Отдел документационного обеспечения и архивного дела администрации Курагинского района, с. Курагино
- 23. Канн Валерия Сергеевна**, к.и.н., вед. научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных исследований, г. Кызыл, Республика Тыва
- 24. Карнова Лидия Ивановна**, зав. музеем, Медицинский техникум, г. Минусинск
- 25. Катина Елена Михайловна**, директор, Районный краеведческий музей, пос. Курагино
- 26. Кикилова Татьяна Михайловна**, ст. научный сотрудник, Государственный историко-

этнографический музей заповедник «Шушенское», п. Шушенское

27. **Килижекова Галина Александровна**, магистр филологии, учитель, СОШ № 26, г. Абакан
28. **Кискидосова Татьяна Александровна**, к.и.н., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан
29. **Комарова Тамара Семёновна**, научный сотрудник, Краевой краеведческий музей, г. Красноярск
30. **Комарова Юлия Олеговна**, учёный секретарь, Государственный историко-этнографический музей заповедник «Шушенское», п. Шушенское
31. **Комлева Евгения Владиславовна**, к.и.н., Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
32. **Кондратюк Татьяна Владимировна**, студентка, 3 курс, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
33. **Кочкина Елена Игоревна**, студентка, 2 курс, Государственный педагогический университет им В.П. Астафьева, г. Красноярск
34. **Кривченко Любовь Анатольевна**, гл. специалист, Государственный архив Хабаровского края, г. Хабаровск
35. **Кудельская Лилия Аркадьевна**, гл. библиотекарь научной библиотеки, Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск
36. **Кузьмина Татьяна Геннадьевна**, преподаватель музыкального колледжа Института искусств, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
37. **Леонтьев Евгений Викторович**, ст. научный сотрудник, Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск
38. **Леонтьева Наталья Петровна**, преподаватель истории, Сельскохозяйственный колледж, г. Минусинск
39. **Лукахина Ольга Алексеевна**, студентка, 2 курс, Красноярский краевой колледж культуры и искусства, г. Минусинск
40. **Лушников Виктор Климентьевич**, аспирант, 2 курс, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
41. **Лыткин Николай Иванович**, краевед, г. Минусинск
42. **Макарова Светлана Сергеевна**, педагог, СОШ № 6 «Русская школа», г. Минусинск
43. **Малицкая Анна Андреевна**, студентка, 4 курс, Государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск
44. **Мальцева Галина Агафоновна**, зав. библиотекой, Гимназия № 10, г. Красноярск
45. **Махно Юрий Карпович**, доцент, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
46. **Монгуш Чечена Айыр-Санаевна** ст. научный сотрудник, Национальный музей им. Алдан – Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл
47. **Москвитина Марина Викторовна**, мл. научный сотрудник, Региональный краеведческий музей, г. Минусинск
48. **Мурзаева Мария Тихоновна**, ветеран регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск
49. **Наныкпан Нелля Хургул-ооловна**, зам. директора, Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Тыва, г. Кызыл
50. **Негодина Ирина Ивановна**, зав. филиалом № 2, Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова г. Минусинск
51. **Новожилова Любовь Николаевна**, зав. научно-просветительским отделом, Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск

- 52. Одинцова Наталья Александровна**, студентка, Хакасский филиал Московского университета экономики статистики и информатики, г. Абакан
- 53. Орешкова Юлия Александровна**, гл. специалист, Национальный архив, г. Абакан
- 54. Орлова-Перминова Ольга Евгеньевна**, руководитель, «Спелеоклуб Гимназии № 4», «Спелеоклуб ВСИТ», г. Красноярск
- 55. Пахомова Таисия Александровна**, студентка, 4 курс, Государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск
- 56. Первойкин Алексей Сергеевич**, студент, 4 курс, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
- 57. Пилипенко Владимир Семёнович**, ст. научный сотрудник, Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, г. Новокузнецк
- 58. Пилипенко Ольга Васильевна**, ст. научный сотрудник, Государственный историко-этнографический музей заповедник «Шушенское», п. Шушенское
- 59. Плеханова Светлана Геннадьевна**, научный сотрудник, Государственный краеведческий музей, г. Новосибирск
- 60. Полищук Наталья Дмитриевна**, зав. отделом истории, Областной краеведческий музей, г. Кемерово
- 61. Потехина Елена Анатольевна**, научный сотрудник, Краеведческий музей, с. Таштып, Республика Хакасия
- 63. Потылицына Дарья Александровна**, методист, Исторический музей, с. Новосёлово
- 64. Родионова Наталья Александровна**, преподаватель, профессиональное училище № 61, г. Минусинск
- 66. Рябчевская Татьяна Ивановна**, гл. хранитель, краеведческий музей им. Д.С. Каргаполова, г. Ачинск
- 67. Сайлер Алла Васильевна**, педагог, СОШ № 4, г. Минусинск
- 68. Сапрыкина Лидия Петровна**, ст. научный сотрудник, Государственный историко-этнографический музей заповедник «Шушенское», п. Шушенское
- 69. Сарыглар Чодураа Викторевна**, аспирант, зав. сектором, Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Тыва, г. Кызыл
- 70. Селина Анастасия Витальевна**, студентка, 3 курс, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
- 71. Сёмочкина Валентина Фёдоровна**, руководитель, Научно-краеведческое объединение «Моя Малая Родина», с. Шалаболино, Курагинский район
- 72. Сергиенко Татьяна Юрьевна**, директор, Краеведческий музей Туруханского района, с. Туруханск, Красноярский край
- 73. Сидорина Елена Юрьевна**, зав. научной библиотекой, Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск
- 74. Симонова Елена Алексеевна**, педагог, СОШ № 4, г. Минусинск
- 75. Скоробогатова Наталья Николаевна**, ст. научный сотрудник, Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», п. Шушенское
- 76. Старухин Николай Алексеевич**, к.и.н., Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
- 77. Старцев Александр Владимирович**, д.и.н., Алтайский государственный университет, г. Барнаул
- 78. Сухова Наталия Александровна**, зав. отделом развития, Государственный историко-

этнографический музей-заповедник «Шушенское», п. Шушенское

79. Тимофеев Александр Николаевич, краевед, г. Красноярск
80. Ткачёва Елена Викторовна, руководитель музея, Сельскохозяйственный колледж, г. Минусинск
81. Трошкина Ирина Николаевна, к.ф.н., научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан
82. Трухан Елена Дмитриевна, зам. директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, г. Новокузнецк
83. Тулуш Светлана Сергеевна, мл. научный сотрудник, Национальный музей имени Алдан – Маадыр Республики Тува, г. Кызыл
84. Тулуш Демир Константинович, научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных исследований, г. Кызыл, Республика Тыва
85. Тюренкова Галина Анатольевна, зав. отделом «Новая деревня», Государственный историко-этнографический музей заповедник «Шушенское», п. Шушенское
86. Фёдоров Игорь Геннадьевич, зам. директора, СОШ № 2, г. Дивногорск
87. Фенцель Ольга Васильевна, к.пед.н., Заслуженный работник культуры Республики Тыва, директор, Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Тыва, г. Кызыл
88. Филиппов Вячеслав Викторович, краевед, г. Красноярск
89. Харченко Галина Трофимовна, зам. директора, Центральная библиотечная система, г. Минусинск
90. Хойлаарак Лия Чапаевна, аспирант, начальник отдела технической литературы, Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Тыва, г. Кызыл
91. Чашина Людмила Павловна, зав. сектором, Архив города Минусинска, г. Минусинск
92. Чебоксарова Надежда Яковлевна, учитель, Школа – интернат VIII вида, г. Минусинск
93. Чернышёва Вера Геннадьевна, зав. издательским отделом, Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск
94. Чернявская Лилия Милославовна, заведующая, Музей археологии им. Е.С. Аннинского – филиал музейно-выставочного центра г. Железногорска, пос. Подгорный, Красноярский край
95. Шапошников Георгий Михайлович, к.и.н., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан
96. Шекшеев Александр Петрович, к.и.н., г. Абакан, Республика Хакасия

МАРТЬЯНОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ (2012-2013)
(СБОРНИК ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ). ВЫПУСК 8

Подписано в печать

формат 60x84 1/8. Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 50. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных оригинал-макетов
в Типографии «Печать плюс», г. Минусинск, ул. Пристанская, 7 «а»